ПОЛЕМИКА

МЕЖДУ ГРЕКАМИ И ЛАТИНЯНАМИ

ПО ВОПРОСУ

ОБЪ ОПРѢСНОКАХЪ

ВЪ XI — XII ВѢКАХЪ.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Михаила Чельцова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Г. Елконскаго и К°. Невскій просп., д. № 140
1879.

Печатать дозволяется, по опредѣленію Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, 9 апрѣля 1879 года.

Ректоръ Академіи Протоіерей *Іоаннъ Янышевъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ВВЕДЕНІЕ. Обзоръ источниковъ и пособій . . . . . 1— 37

ГЛАВА I. Внѣшняя исторія спора. Мнѣнія о времени введенія опрѣсноковъ въ евхаристійную практику западной церкви. Вопросъ о времени возникновенія полемики объ опрѣснокахъ между греками и латинянами. Мнѣніе о возникновеніи этой полемики въ началѣ XI в и о Львѣ, митрополитѣ Преславскомъ, какъ первомъ со стороны грековъ полемистѣ по этому предмету. Дѣйствительное начало полемики Посланіе Льва Ахридскаго къ Іоанну Транійскому отъ 1053 г. Переписка по поводу этого письма между папою Львомъ IX съ одной стороны и императоромъ Константиномъ Мономахомъ и патріархомъ Михаиломъ Керуларіемъ съ другой. Папскіе легаты въ Константинополѣ. Ихъ полемика съ Михаиломъ Керуларіемъ, Львомъ Ахридскимъ и Никитою Стиѳатомъ. Обмѣнъ взаимными отлученіями и формальное раздѣленіе церквей. Тщетныя усилія Петра Антіохійскаго и Доминика Градскаго возстановить миръ и единеніе между церквами Продолженіе полемики въ XI и XII вѣкахъ и хронологія появившихся въ это время полемическихъ сочиненій . . . . . 38— 77

ГЛАВА II Внутренняя исторія спора. Опредѣленіе отношенія другъ къ другу всѣхъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени полемическихъ памятниковъ, вызванныхъ споромъ. 1) Отношеніе между полемическими памятниками по направленію. Крайнее, среднее и примирительное направленіе въ греческой полемической литературѣ и ихъ представители. 2) Отношеніе между греческими полемическими памятниками по содержанію. Количество перечисляемыхъ въ нихъ разностей между церквами и значеніе, придаваемое среди этихъ разностей вопросу объ опрѣснокахъ. 3) Отношеніе между греческими полемическими памятниками по литературнымъ пріемамъ. Значеніе литературныхъ пріемовъ, какъ элемента, служащаго къ установленію хронологіи памятника. Характеръ и степень литературной зависимости полемическихъ памятниковъ другъ отъ друга. Опредѣленіе отношенія между памятниками

латинской полемической литературы 1) по направленію, 2) содержанію и 3) литературнымъ пріемамъ . . . . . 77—163

ГЛАВА III. Внутренняя исторія спора (окончаніе). Исходный пунктъ греческихъ и латинскихъ полемистовъ Доказательства. Источники этихъ доказательствъ: 1) примѣръ Іисуса Христа, преподавшаго своимъ ученикамъ таинство евхаристіи на своей предсмертной вечери съ ними; 2) этимологія слова ἄρτος, употребленнаго въ евангеліи при изложеніи факта учрежденія Спасителемъ таинства евхаристіи; 3) практика совершенія этого таинства во времена апостольскія и въ древней церкви вообще; 4) соотношеніе между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ; 5) ученіе св. Писанія о томъ и другомъ хлѣбѣ, равно какъ сущность, свойства и особенности того и другаго хлѣба самаго въ себѣ; 6) исторія древнихъ ересей Выводы, отсюда дѣлаемые представителями той и другой стороны Анализъ доводовъ и выводовъ . . . . . 168—312

ГЛАВА IV. Научное и практическое значеніе спора . 312—324

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I Отъписаніе святѣйшаго патріарха Петра. кдомиклу архіепископу венетійскому противу писанію его посланному. . . . 325—336

№ II. Льва Ахридскаго Ἐπιστολὴ τρίτη περὶ τῶν ἀζύμων

Посланіе Петра патріарха Божія града, великыя антіохіе къ латыномъ о опрѣсноцѣхъ слово . . . . . 336—357

№ III. Никиты пресвитера и инока, обители сгудитъскые. наричаемаго сѣнеата посланіе крилляномъ о опрѣснокуи постѣ суботнѣмъ, и брацѣхъ священъническыихъ . . . . . 357—368

№ IV. Михаила архіепископа конъстантѣтина града елика латини прѣлъ прѣданіе творятъ церковно. ихъ же ради имамы ихъ не приобьщнѣхъ . . . . . 368—370

№ V. Петра патріарха великы анѣтіохіе посланіе о сихъ и о иныихъ писании къ михаилу конъстантѣтина града патріарху . . 370—379

№ VI Никиты философа пафлагона, яко въ, $\overline{\Gamma\text{I}}$, ти день луны, прѣдъ единѣмъ днемъ законъныя пасхы, господня бысть вечеря а не агньца тогда съ ученикы яде Христосъ . . . . . 379—389

№ VII Святѣишаго патріарха антіохійскаго іоана. о опрѣсноцѣхъ слово. къ анъдріанополиту . . . . . 389—405

ВВЕДЕНІЕ.

Въ полемикѣ между греками и латинянами вопросъ объ опрѣснокахъ былъ такъ важенъ, что даже объ одной изъ частей этого вопроса, именно о томъ, въ какой день Христосъ совершилъ свою послѣднюю пасхальную вечерю и въ какой день Его распяли, одинъ знаменитый богословъ съ полнымъ правомъ сказалъ, что это — vetus et nobilis et magnis contendentium studiis agitata quaestio [1]). Съ половины XI до самаго XVIII вѣка включительно споръ между греками и латинянами о родѣ хлѣба для таинства евхаристіи былъ самымъ важнымъ послѣ спора объ исхожденіи Св. Духа, занималъ умы лучшихъ греческихъ и латинскихъ богослововъ, повторялся всякій разъ при попыткахъ къ соединенію церквей и вообще, если не съ одинаковою силою и энергіею, то почти всегда съ одинаковымъ упорствомъ съ той и другой стороны дебатировался въ продолженіе своей долгой исторіи. Восточные полемисты, особенно придававшіе важное значеніе вопросу объ опрѣснокахъ, ставили его наряду съ вопросомъ объ исхожденіи Св. Духа. Важность его можно видѣть также и изъ количества сочиненій, вызванныхъ имъ на востокѣ. По названіямъ извѣстно до семидесяти сочиненій по вопросу объ опрѣснокахъ, написанныхъ православными богословами съ половины XI по XVIII вѣкъ, и около половины этого числа приходится на первые два вѣка.

Къ сожалѣнію, жаркіе споры вызванные вопросомъ объ опрѣснокахъ, до нашего времени не имѣютъ своей научной исторіи,

---

[1]) Бинея—въ началѣ своего трехтомнаго сочиненія: «De morte Iesu Christi», изданнаго въ 1698 году.

а необходимость ея видна уже изъ той важной роли, которую игралъ этотъ вопросъ въ между—церковныхъ отношеніяхъ. Особая необходимость чувствуется въ первоначальной исторіи споровъ объ опрѣснокахъ, въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ со времени ихъ возникновенія. Въ это время положено было основаніе для постановки спорнаго вопроса, были намѣчены руководящіе принципы и опредѣлилось дальнѣйшее направленіе полемики до самаго XVIII вѣка. Въ виду съ одной стороны указанной важности вопроса объ опрѣснокахъ вообще и первоначальной исторіи его въ частности, съ другой — отсутствія спеціальнаго изслѣдованія объ этой исторіи, мы рѣшаемся сдѣлать опытъ ея разъясненія за указанное время.

Главнымъ источникомъ для исторіи споровъ между греками и латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI и XII вѣкахъ служатъ полемическіе трактаты, которыми обмѣнялись споривше. Часть этихъ памятниковъ, относящихся къ изслѣдуемому нами вопросу, издана, но это—меньшая часть. Большая часть ихъ, къ которой относятся преимущественно памятники XII вѣка, была доступна намъ въ рукописяхъ Московской Синодальной библіотеки [1]).

Акты и полемическія сочиненія, относящіяся въ XI вѣку. до 1861 года были разсѣяны по разнымъ многотомнымъ и большею частію старинымъ книгамъ, представляя уже и съ этой стороны много неудобствъ для спеціальнаго изученія исторіи занимающаго насъ вопроса въ XI вѣкѣ. Только въ 1861 году вышло особое изданіе памятниковъ полемики между греческою и латинскою церковію въ XI вѣкѣ подъ названіемъ: Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae seculo undecimo composita extant [2]). Ученый издатель ихъ докторъ Вилль въ своемъ сборникѣ собралъ въ одно цѣлое и упорядочилъ всѣ изданные прежде разрозненно памятники. Въ изданіе Вилля вошли слѣдующіе памятники: 1) Λεοντος αρχιεπισκοπου Βουλγαριας επιστολη πεμθεισα προς τινα επισκοπον Ρωμης περι των αζυμων και των σαβ-

[1]) Мы пользовались копіями съ нихъ изъ коллекціи профессора П. Е. Троицкаго.

[2]) Edidit Dr. Cornelius Will. Lipsiae et Marpurgi. 1861 an. in. 4°.

βατων; 2) S. Leonis IX epistola ad Michaelem Constantinopolitanum patriarcham adversus ejus et Leonis Achridani episcopi inavditas praesumptiones et nimias vanitates; 3) S. Leonis IX epistola ad Constantinum Monomachum; 4) S. Leonis IX epistola ad Michaelem Constantinopolitanum archiepiscopum; 5) Humberti cardinalis Dialogus; 6) Nicetae presbiteri et monachi monasterii Studii libellus contra latinos; 7) Humberti episcopi Silvae candidae responsio sive contradictio adversus Nicetae Pectorati libellum; 8) Humberti brevis et succincta commemoratio eorum, quae gesserunt apocrisiarii sanctae romanae et apostolicae sedis in regia urbe; 9) Excommunicatio, qua feriuntur Michael Cerularius atque ejus sectatores; 10) Item alia excommunicatio ibidem facta in praesentia imperatoris et optimatum ejus viva voce; 11) Edictum pseudosinodi Constantinopolitanae; 12) S. Leonis IX epistola ad Petrum episcopum Antiochenum; 13) Michaelis Cerularii epistola I ad Petrum patriarcham Antiochenum; 14) Michaelis Cerularii epistola II ad Petrum patriarcham Antiochenum; 15) Petri Antiocheni epistola ad Michaelem Cerularium; 16) Dominicae patriarchae Uenеti epistola ad Petrum Antiochensem; 17) Petri patriarchae Antiocheni epistola ad Dominicum Gradensem; 18) Theophilacti Bulgarorum archiepiscopi libellus; 19) Fragmentum disputationis adversus graecos.

Изъ числа указанныхъ памятниковъ, вошедшихъ въ изданіе Вилля, въ первый разъ напечатанъ греческій текстъ посланія Льва Ахридскаго къ Іоанну епископу города Трани въ Апуліи (№ 1). Это посланіе, весьма важное во многихъ отношеніяхъ, долго было извѣстно лишь въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ кардиналомъ Гумбертомъ для папы Льва IX. Но въ недавнее время Гергенротеръ въ одной греческой рукописи мюнхенской библіотеки (cod. Monacensis 286, chart. in 4° sec. XV) нашелъ греческій подлинникъ этого письма и сообщилъ его Виллю для изданія. Изъ сравненія съ греческимъ текстомъ латинскаго перевода, который и самъ въ различныхъ изданіяхъ читается различно, можно видѣть, что латинскій текстъ по мѣстамъ расходится съ греческимъ. Трактатъ Никиты Стиѳата (№ 6) къ сожалѣнію изданъ у Вилля лишь въ латинскомъ переводѣ на томъ основаніи, что греческіе тексты его большею частію согласны между собою, что подтверждаетъ и Гер-

генротеръ въ напечатанной имъ рецензіи на изданіе Вилля (въ Theologische Quartalschrift,—1861. Tübing.). Въ греческомъ текстѣ трактатъ Никиты Стиѳата помѣщенъ въ изданіи о. архимандрита Андроника Димитракопула „Bibliotheca ecclesiastica“ (Lipsiae, 1866 an. tom. 1 p. 18—36) и изданъ по рукописи Моск. синод. библ. № 353 по каталогу Маттеи, или № 366 по новому каталогу синодальной библіотеки.

Въ группѣ перечисляемыхъ нами печатныхъ источниковъ укажемъ теперь же еще на изданный Гергенрётеромъ текстъ трактата объ опрѣснокахъ Никиты Стиѳата и отрывки изъ сочиненій объ опрѣснокахъ, приписанныхъ Аѳанасію Великому и Іоанну Дамаскину, напечатанные въ патрологіи Миня [1]). Впрочемъ значеніе для насъ этихъ памятниковъ слишкомъ маловажно, такъ какъ они не представляютъ собою оригинальныхъ сочиненій. Текстъ трактата Никиты Стиѳата, изданный Гергенрётеромъ по одной изъ греческихъ рукописей мюнхенской библіотеки, весьма поврежденъ. Онъ надписывается: Του Στηθαιου κυρου Νικητα της μονης των στουδιτων κατα Αρμενιων και Λατινων (και) περι ενζυμων και αζυμων Начало: εἰ φιλοσοφώτερον ἔχοντες βίον ἐν τῇ χώρα τῶν Φράγγων καὶ Ἀρμενίων καὶ ἄλλων πλείονα τὴν γνῶσιν αὐχοῦντες, λόγον καὶ περι ἀζύμων ἀκούσατε..... Трактатъ посвященъ исключительно только вопросу объ опрѣснокахъ и не затрогиваетъ другихъ разностей, о которыхъ говорится въ подлинномъ сочиненіи Никиты Стиѳата. Большая часть текста изданнаго Гергенрётеромъ, хотя и не безъ незначительныхъ разностей, согласна съ подлинникомъ [2]). Затѣмъ много содержащагося въ текстѣ Гергенрётера взято изъ

---

[1]) Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia. Ratisbonae 1869. p. 139—154. Migne,—Patrol. c. compl. series graeca t. XXVI, p 1328—1332: Του αγιου Αθανασιου περι των αζυμων, изд. Пріатромъ въ каталогѣ греческихъ рукописей мадридской библіотеки (p. 299—300). Migne ibid. t. XCV, p. 388—396: Του αγιου Ιωαννου του Δαμασκηνου περι των αζυμων; эти два отрывка объ опрѣснокахъ съ именемъ Іоанна Дамаскина были уже изданы Лекенемъ.

[2]) Главы: VI, VII. II—V. VI—IX лат. текста Вилля и страницы съ тѣмъ же содержаніемъ греч. подлинника въ изд. о. Димитракопула соотвѣтствуютъ §§ 2—9 текста Гергенротера.

изъ письма патріарха Петра антіохійскаго къ Доминику [1]). Оказывается, что кромѣ словъ Епифанія Кипрскаго, относящихся къ сопоставленію празднованія іудейской пасхи съ празднованіемъ пасхи христіанской (§ 10 текста Гергенрòтера,—съ него между прочимъ начинается отрывокъ сочиненія объ опрѣснокахъ, приписаннаго Аѳанасію Великому), краткаго доказательства положенія, что въ св. писаніи слова ἄρτος и ἄζυμον принимаются въ различныхъ значеніяхъ, а не означаютъ одного и того же (§ 12), своего приступа (§ 1) и заключенія (§ 14), составляющихъ нѣсколько строкъ и не заключающихъ въ себѣ ничего важнаго, — текстъ Гергенрòтера не имѣетъ въ себѣ почти ровно ничего оригинальнаго. Еще слабѣе представляется компиляція въ отрывкахъ сочиненій, ложно приписанныхъ Аѳанасію и Дамаскину. Все содержаніе отрывка, приписаннаго Аѳанасію, за исключеніемъ своего начала, буквально взято изъ посланія Петра Антіохійскаго и трактата противъ латинянъ Никиты Стиѳата [2]). Отрывки, приписанные Іоанну Дамаскину, также представляютъ собою почти буквальныя выписки изъ посланія Петра къ Доминику и трактата Никиты Стиѳата [3]).

Всѣ памятники, помѣщенные въ сборникѣ Вилля, въ научномъ отношеніи изданы весьма удовлетворительно. Ученый издатель дѣлаетъ краткую исторію каждаго памятника и, пользуясь трудами прежнихъ издателей и изслѣдователей, провѣряетъ тексты издан-

---

[1]) Сравн. Petri Antioch. epist. ad Dominicum Gradensem (Will p. 208—228) cap. VIII, IX, X, XVI, XXII, XXIII съ текстомъ Гергенрòтера 2 — 4. 7. 11. 13.

[2]) См. Epist. Petri Antioch. ad Dominicum,—cap. XIII—XVII и Nicetae—Libellus contra latinos (Will p. 127—136) cap. IX.

[3]) Сравн. съ первымъ отрывкомъ, начало котораго соотвѣтствуетъ § 13 у Гергенротера, Petri Ant. epist. ad Dominicum cap. XXIII и XVII и Nicetae Libellus cap. VIII и IX. Второй отрывокъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ своего начала, въ большей своей части буквально сходенъ съ подлинникомъ трактата Никиты Стиѳата и только въ концѣ передаетъ его содержаніе болѣе сокращенно (Срав. съ нимъ гл. II—IV. VII—X Nicetae libell. apud Will et ibid. epist. Petri Ant. cap. XIII). Замѣтимъ, что этотъ отрывокъ съ перваго своего параграфа, по изданію Миня, и до конца буквально согласенъ съ трактатомъ: Μεθοδίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως περὶ τῶν ἀζύμων, находящимся въ рукоп. Моск. синод. библ. № $\frac{\text{CCCLV}}{366}$ in 4° XIV в. Начало (на л. 105). Τὰ ἄζυμα οὐκ ἄρτος ὡς ἂν τις εἴποι τέλειος καὶ ὁλόκληρος.

ныхъ памятниковъ, сводитъ ихъ варіанты и поясняетъ различныя мѣста примѣчаніями. Такъ напримѣръ, въ изданіи „Діалога“ Гумберта (№ 5) заслуживаетъ вниманія сличеніе Виллемъ довольно различныхъ текстовъ Баронія и Канизія. Посланія: Михаила Керуларія, Петра Антіохійскаго и Доминика Венеціанскаго или Градскаго (№№ 13—17), въ первый разъ напечатанныя Котельеромъ, изданы у Вилля на греческомъ и латинскомъ языкахъ и текстъ Котельера исправленъ во многихъ мѣстахъ. Вообще сборникъ Вилля, давая удобный матеріалъ для спеціальнаго изученія исторіи полемическихъ отношеній между греками и латинянами въ XI вѣкѣ. замѣняетъ собою анналы Баронія, сборники Канизія, Котельера и другія старыя изданія и самъ становится для указанной цѣли незамѣнимымъ. Вотъ почему исключительно этимъ сборникомъ и будемъ мы пользоваться въ своемъ изслѣдованіи.

Но какъ ни полонъ сборникъ Вилля, однако въ немъ помѣщены далеко не всѣ памятники, относящіеся къ полемикѣ между греками и латинянами въ XI вѣкѣ. Не ограничиваясь однимъ посланіемъ, Левъ Ахридскій написалъ и еще два письма по вопросу объ опрѣснокахъ. Историческая судьба этихъ писемъ замѣчательна сама по себѣ. Въ концѣ перваго своего письма Левъ Ахридскій обѣщалъ написать другое письмо по вопросу же объ опрѣснокахъ, а изъ третьяго его письма объ опрѣснокахъ нѣсколько строкъ процитовалъ Левъ Алляцій [1]). Такимъ образомъ, несомнѣнно было извѣстно, что должны существовать по меньшей мѣрѣ три письма Льва Ахридскаго. Но со временъ Льва Алляція и до самаго послѣдняго времени исторической наукѣ извѣстно было только первое изъ этихъ писемъ, а два другія оставались ей извѣстными только по названіямъ и, затерявшись изъ виду ученыхъ въ рукописныхъ сборникахъ разныхъ библіотекъ, остались неизданными. Намъ извѣстны эти два посланія Льва Ахридскаго по рукоп. греч. сборн. Моск. синод. библ. за № 208 in f°. Первое изъ нихъ (F. 373 v.—375 recto) надписывается: Τοῦ αὐτοῦ (Льва архіепископа Болгар-

[1]) De ecclisiae occident. atque orientalis perpetua consensione, -- lib. III § 1. p. 1163.

скаго) ἐπιτολὴ δευτέρα περὶ των ἀζύμων. Начало: Εὐλογιτὸς ὁ θεὸς ὅτι δέδωκεν ἡμῖν καιρὸν ᾧ ἄνθρωποι τοῦ θεοῦ εἰπεῖν πρὸς ὑμᾶς μικρά τινα καὶ ἔτι διὰ γραφῆς περὶ τῶν ἀζύμων. Второе—(F. 375 v.—379 v.) надписано: Τοῦ αὐτοῦ ἐπιτολὴ τρίτη περὶ τῶν ἀζύμων. Начало: Ἀδελφοὶ μὴ παιδία γίνεσθε ταῖς φρεσὶ....

Затѣмъ, въ сборникѣ Вилля не помѣщено посланіе Петра Антіохійскаго къ папѣ Льву IX. Commentarius de scriptoribus ecclesiasticis—C. Ovdini (1722 an.), перечисляя сочиненія и посланія Петра Антіохійскаго, помѣщенныя въ разныхъ рукописныхъ кодексахъ, не указываетъ этого его посланія. Левъ Алляцій, говоря, что патр. Петръ Антіохійскій, при самомъ началѣ своего патріаршествованія, стремясь къ общенію съ римскою апостольскою каѳедрою, послалъ къ папѣ Льву IX письмо вмѣстѣ съ изложеніемъ своей вѣры (символа вѣры), также не приводитъ ни источника своихъ указаній, ни выдержекъ изъ этого письма [1]). Между тѣмъ, въ одномъ изъ рукописныхъ греч. сборниковъ Моск. Синод. библіотеки (cod. 509 (28) XLVI съ листа 208 recto) помѣщается это затерявшееся посланіе Петра Антіохійскаго. Оно надписывается: Τῷ παναγιωτάτῳ δεσπότῃ μου πνευματικῷ ἀδελφῷ καὶ συλλειτουργῷ. τῷ ὑψηλῷ καὶ μακαριωτάτῳ πάπᾳ ῥώμης, πέτρος ἐλέῳ θεοῦ πατριάρχης θεοῦ πόλεως μεγάλης αντιοχείας. Начало: Ἄρτιμο· δέσποτα θεοτίμητε...

Въ кругъ полемическихъ памятниковъ XI—XII вѣка должно ввести еще полемическій трактатъ, носящій имя Никиты Давида Пафлагонскаго [2]), помѣщенный въ рукоп. Моск. Синод. библіотеки за № 368 съ листа 110 recto: Νικήτα παφλαγόνος τοῦ φιλοσόφου τοῦ καὶ δαβὶδ· ὅτι τῇ ἰγ τῆς σελήνης πρὸ μιᾶς τοῦ νομικοῦ πάσχα, τὸ μυςικὸν τοῦ κυρίου γέγονε δεῖπνον. καὶ οὐ τὸν ἀμνὸν τότε μετὰ τῶν μαθητῶν ἔφαγεν ὁ Χριστὸς. Начало: Ἐζήτηται περὶ τοῦ δείπνου

---

[1]) L. Allatii ibid. lib. II, cap. IX, p. 615.

[2]) Левъ Алляцій, разсмотрѣвъ много различныхъ надписаній разныхъ сочиненій Никиты Пафлагонскаго, изъ всѣхъ ихъ выводитъ такое заключеніе о личности автора. Hic fuerit Nicetas, qui et alio nomine David vocabatur, byzantius, dignitate philosophus, Dadybrorum in Paphlagonia sub Gangrensi episcopus... Floruit circa Leonis et Constantini tempora. Allat. «De Nicetis et de Nicetarum scriptis»,—cap. IV. Patrum nova bibliotheca tom. VI.

τοῦ δεσποτικοῦ πολλοῖς. Никита Давидъ Пафлагонскій былъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ писателей X вѣка. Между многими его сочиненіями, приводимыми у Алляція, указаннаго нами сочиненія не находится да и вообще оно не можетъ принадлежать писателю, жившему въ первой половинѣ X вѣка, а должно быть отнесено къ памятникамъ псевдонимной литературы XI—XII вѣковъ.

Къ концу же XI или, по крайней мѣрѣ, къ самому началу XII вѣка слѣдуетъ отнести и полемическія сочиненія, помѣщенныя въ замѣчательномъ по своей древности рукописномъ сборникѣ, бывшемъ библіотеки Моск. Синод. типографіи по каталогу Маттеи № X in 4°, а нынѣ Моск. Синод. библіот. рукописей № 443,—XII вѣка. Съ листа 60 этой рукописи и до 66 помѣщается рядъ полемическихъ статей почти исключительно по вопросу объ опрѣснокахъ. Первое мѣсто въ ряду этихъ сочиненій занимаетъ трактатъ: Τοῦ τιμιωτάτου χαρτοφύλακος καὶ πρωτοσυγκέλου κυροῦ Νικήτα τοῦ Νικαεως. Περὶ τῶν ἀζύμων. Начало этого трактата: Τὴν διὰ ἀζύμων θυσίαν οὐ προσδέχομεν... Вслѣдъ за этимъ сочиненіемъ въ указанной нами рукописи какъ будто слѣдуетъ другое сочиненіе безъ обозначенія имени автора подъ особымъ заглавіемъ: Δόγος ἀνατρεπτικῶς (sic) τοῦ ῥωμαϊκοῦ δόγματος· τοῦ δεῖν γίνεσθαι λέγοντος τὴν τῶν ἁγίων μυστηρίων προσένεξιν δὶ ἀζύμων. Каждый изъ этихъ двухъ, указанныхъ нами, полемическихъ трактатовъ представляетъ собою цѣлое и законченное отдѣльное сочиненіе, но сходство въ языкѣ и оборотахъ рѣчи, которое мы замѣтили въ подлинномъ ихъ текстѣ, навело насъ на мысль, что оба эти сочиненія принадлежатъ рукѣ одного и того же автора, хартофилакса Никиты. Такое наше предположеніе получило для себя болѣе прочное и сильное основаніе, когда части изъ обоихъ этихъ трактатовъ мы нашли совмѣщенными въ другой редакціи сочиненія хартофилакса Никиты, встрѣтившейся намъ въ славянскомъ рукописномъ сборникѣ XV вѣка Кирилло-Бѣлозерской библіотеки (за № $\frac{63}{1110}$ in 4°, съ листа 179—199) подъ заглавіемъ: „Честнѣйшаго хартофилакса. протосиггела Никиты. никѣйскіа церкви. о безквасной службѣ и о латынохъ“. Начало: „Бесквасныа службы сирѣчь опрѣсночныя не пріемлемъ“. Никита хартофилаксъ несовсѣмъ неизвѣстный авторъ для истори-

ческой науки. Алляцій, хотя и не указываетъ сочиненія Никиты, указаннаго нами, но все-таки упоминаетъ о нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ этого автора [1]).

Послѣ сочиненія хартофилакса Никиты въ томъ же рукоп. сборн. Моск. синод. библ. рукописей за № 443 помѣщено еще три небольшихъ трактата объ опрѣснокахъ. Заглавія первыхъ двухъ изъ этихъ трактатовъ: Ἕτερα ἀπόδειξις περὶ τῆς ζύμης, а послѣдняго: Ερώτησις πρὸς τοὺς ἄζυμα πρεσβεύοντας. Трудно рѣшить, представляютъ ли эти три трактата объ опрѣснокахъ оригинальныя сочиненія, или, что кажется вѣрнѣе, замѣчательныя выдержки изъ цѣльныхъ полемическихъ трактатовъ по вопросу объ опрѣснокахъ.

Къ числу полемическихъ памятниковъ XI вѣка по вопросу объ опрѣснокахъ слѣдуетъ отнести и посланіе къ латинянамъ, приписываемое нашими учеными русскому митрополиту Леонтію [2]). Посланіе митрополита Леонтія писано на греческомъ языкѣ и по рукописямъ до сихъ поръ извѣстно только въ греческомъ подлинникѣ. До нашего времени сохранилось пять его списковъ: три изъ нихъ сохраняются въ Моск. синод. библіотекѣ, одинъ упоминается у Льва Алляція [3]), бывшаго библіотекаря Ватиканской библіотеки, и еще одинъ значится по каталогу Венеціанской библіотеки. Русскій переводъ посланія, сдѣланный довольно точно и вѣрно, съ краткимъ предварительнымъ введеніемъ изданъ покойнымъ преосвященнымъ Филаретомъ, епископомъ Харьковскимъ и напечатанъ въ пятой книгѣ „Временника московскаго общества исторіи и древностей“. Въ Россіи посланіе Леонтія было извѣстно уже давно. Съ начала настоящаго столѣтія посланіе митроп. Леонтія обратило на себя вниманіе русскихъ ученыхъ. Карамзинъ, ссылаясь въ своей „Исторіи государства Россійскаго“ на описаніе греческихъ рукописей Моск. синод. библіотеки профессора Маттеи, въ первомъ томѣ котораго

---

[1]) L. Allatii «De Niceiis.» cap. XIII.

[2]) Рукоп. греч. сборн. Моск. Синод. библ. за № 366 (CCCLIII) in 4° XIV в. съ листа 95—99 verso,—«Λέοντος, μητροπολίτου ῥωσίας, πρὸς ῥωμαίους ἤτοι Λατίνους. περὶ τῶν ἀζύμων.

[3]) L. Allat. «De consensione»; lib. II, cap. XVIII. p. 872.

указано посланіе митроп. Леонтія въ двухъ синодальныхъ рукописяхъ, сдѣлалъ относительно этого посланія слѣдующій приговоръ: „Въ синодальной библіотекѣ между греческими рукописями находятся два мнимыя сочиненія Россійскаго митрополита Леона №№ 333 и 335: Λέοντος μητροπολίτου Ρωσίας πρὸς Ῥωμαίους ἤτοι Λατίνους· περὶ τῶν ἀζύμων. Списокъ долженъ быть XIV вѣка: сочиненіе едва ли древнѣе. Авторъ съ великимъ жаромъ уличаетъ латинскую церковь въ заблужденіяхъ“ [1]). Митрополитъ Евгеній имя Леонтія, втораго митрополита Кіевскаго, внесъ въ историческій словарь „о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина“ и въ „Описаніе Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи“ [2]), не сдѣлавъ никакой оговорки къ показанію Маттеи. Въ 1850 году преосвящ. Филаретъ въ предисловіи къ своему переводу посланія Леонтія описалъ состояніе юной русской церкви во времена князя Владиміра и доказалъ, что и послѣ безполезнаго покушенія обратить язычника Владиміра къ латинству, папскіе миссіонеры не оставили своихъ замысловъ на Россію и этимъ самымъ доставляли новый трудъ и новыя скорби преемнику митроп. Михаила Леонтію или Льву, прибывшему въ Россію въ 992 году. Изъ этого онъ вывелъ такое заключеніе: „Обстоятельства юной русской церкви, при извѣстномъ пастырскомъ усердіи втораго митрополита русскаго, сами по себѣ показываютъ, что преемникъ св. Михаила не могъ молчать о папизмѣ; а потому въ самыхъ обстоятельствахъ времени имѣемъ основаніе для увѣренности въ томъ, что извѣстное нынѣ посланіе Льва или Леонтія къ римлянамъ есть подлинный памятникъ времени равноапостольнаго князя русскаго“ [3]) Преосвящ. Филаретъ по ошибкѣ сдѣлалъ указаніе и на существованіе славянскаго древняго перевода посланія Леонтія [4]). Авторъ

[1]) «Ист. госуд. Россійскаго *Карамзина*», т. I, примѣч. 474. Изданіе *Эйнерлинга*.

[2]) «Словарь историческій», изд. 1827 г. второе, т. II, стр. 7. «Описаніе Кіево-Софійск. соб. и Кіевской іерархіи», Кіевъ, 1825 г. стр. 64.

[3]) Предисловіе къ русск. переводу, стр. 1—2.

[4]) Учен. Зап. 2-го отд. Имп. Акад. наукъ, кн. III, СПБ. 1856 г. Обзоръ русской дух. литературы, стр. 7. Авторъ, съ своей стороны, ссылается на «Путешествіе по Турціи» Григоровича, въ которомъ (стр. 14) говорится только о спискѣ греческаго текста, найденномъ путешественникомъ на Аѳонѣ.

исторіи русской церкви, преосвященный Макарій подробно разсмотрѣлъ вопросъ о принадлежности посланія русскому митрополиту Леонтію и также рѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ [1]). Какъ несомнѣнно принадлежащее русскому митрополиту Леонтію посланіе это внесено подъ 1008 годомъ въ изслѣдованіе И. И. Срезневскаго: „Древніе памятники русскаго письма и языка“, указано въ сочиненіяхъ графа Д. А. Толстаго и Терновскаго [2]) и разсмотрѣно въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1867 годъ въ статьяхъ о. архимандрита Августина.

Сомнѣніе Карамзина, заявленное мелькомъ, должно было бы, кажется, окончательно замолкнуть въ виду новыхъ указанныхъ нами изслѣдованій относительно посланія Леонтія, но на дѣлѣ оказалось не такъ. Ученый и почтенный труженикъ по исторіи восточной церкви о. архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ [3]) бросилъ новую тѣнь на мнимое сочиненіе втораго русскаго митрополита. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, на основаніи синодальныхъ списковъ, непосредственно извѣстныхъ ему, о. Андроникъ относитъ сочиненіе Леонтія къ неизвѣстному вѣку, а самаго автора считаетъ за болгарскаго митрополита изъ грековъ [4]). Авторъ „Обзора древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“ г. Поповъ, опровергая отзывъ о. Димитракопула, весьма справедливо замѣчаетъ, что оно принадлежитъ къ числу византійскихъ полемическихъ памятниковъ XI вѣка и что сомнѣніе можетъ быть единственно только въ томъ: составлено ли оно до 1008 года, или же явилось во второй половинѣ XI вѣка [5]). Затѣмъ, признавая за вѣрное, что еще до появленія посланій Михаила Керуларія и Петра Антіохій-

---

[1]) Ист. р. Церкви, изд. П. 1868 г., т. I, стр. 140—150.

[2]) «Римскій католицизмъ въ Россіи» (изд. 1876 г.), т. I, стр. 9. «Изученіе византійск. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси», соч. *Ф. Терновскаго*, вып. II, стр. 32.

[3]) О. Андроникъ Димитракопулъ — одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ и талантливыхъ тружениковъ по исторіи греко-восточной церкви, обогатившій науку новыми, дотолѣ неизвѣстными памятниками византійской литературы, состоялъ настоятелемъ въ Лейпцигѣ въ тамошней православной греческой общинѣ; онъ скончался въ 1872 году.

[4]) Graecia orthodoxa. Lipsiae 1872, p. 93.

[5]) «Обзоръ древне-русскихъ полем. сочиненій», стр. 33 и слѣд.

скаго общеизвѣстно было на востокѣ сочиненіе объ опрѣснокахъ съ именемъ патріарха Фотія, г. Поповъ полагаетъ, что и русскій митрополитъ Леонтій, жившій въ началѣ XI вѣка, могъ избрать темою своего посланія именно вопросъ объ опрѣснокахъ, и склоняется на сторону доводовъ въ защиту подлинности посланія, приведенныхъ преосвящ. Макаріемъ. Въ своемъ мѣстѣ мы попытаемся опредѣлить время. къ которому можно отнести посланіе митрополита Леонтія и разберемъ всѣ доводы, приводимые въ подтвержденіе его принадлежности второму русскому митрополиту.

Жаркая полемика по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI вѣкѣ отразилась и на сочиненіяхъ, писанныхъ въ то время въ Россіи. Первый изъ такихъ памятниковъ русской полемической письменности—„Слово святаго Ѳеодосія игумена печерскаго монастыря о вѣрѣ крестьянской и о латынской“, написанное для князя Изяслава и сохранившееся въ многочисленныхъ спискахъ, разнящихся между собою по изложенію [1]). Князь Изяславъ долженъ былъ установить свои отношенія къ своимъ родичамъ иновѣрцамъ и всего естественнѣе было ему обратиться по этому дѣлу къ преподобному Ѳеодосію, къ которому онъ „имѣлъ не простую любовь“ и бесѣдою съ которымъ „онъ часто приходилъ насыщаться“ [2]). Съ другой стороны и самъ Ѳеодосій, въ виду того, что въ то время „исполнися и наша земля злыя тоя вѣры людей“, могъ, по своимъ отношеніямъ къ князю. предложить ему наставленіе объ отношеніи къ латинянамъ и по просьбѣ самаго Изяслава изложить свои слова письменно.

Другой полемическій памятникъ XI вѣка, писанный въ Россіи, въ которомъ также затрогивается вопросъ объ опрѣснокахъ, представляетъ сочиненіе Георгія митрополита русскаго. Это полемическій трактатъ подъ заглавіемъ: „Георгія митрополита Кіев-

---

[1]) Сочиненія преподобнаго Ѳеодосія въ подлинномъ текстѣ изданы преосв. Макаріемъ въ Учен. Зап. 2-го отд. Импер. Акад. наукъ, кн. II, вып. I, стр. 193—224. Посланіе къ в. князю Изяславу въ Ист. рус Церкви, т. II, прил. 5.

[2]) Житіе препод Ѳеодосія въ переводѣ на современный русскій языкъ преосвящ Филарета, въ Учен. Зап. 2-го отд. Императ. Акад. наукъ, кн. II, вып. I, стр. 152 и 170.

скаго стязаніе съ латиною, винъ числомъ 70 (слѣдуетъ читать 27), доселѣ неизвѣстный въ греческомъ подлинникѣ, былъ открытъ преосвящ. Макаріемъ въ славянскомъ переводѣ въ одномъ сборникѣ Новгородско-Софійской библіотеки, конца XV или начала XVI вѣка [1]). Митрополитъ Георгій жилъ въ одно время съ преподобнымъ Ѳеодосіемъ. Свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности весьма скудны. Время его пребыванія въ Кіевѣ по соображеніямъ относятъ къ 1062 году [2]). Поводъ, побудившій Георгія написать полемическое сочиненіе противъ латинянъ, точно неизвѣстенъ. Полагаютъ, что извѣстныя сношенія князя Изяслава съ латинянами (1075—1078) могли служить побужденіемъ для митрополита составить полемическій трактатъ [3]). Такое предположеніе заслуживаетъ вѣроятія, но къ этому нужно прибавить еще то, что Георгій былъ грекъ и, слѣдовательно, покинувъ свою родину, продолжалъ жить тѣми же вопросами, которые занимали его соотечественниковъ.

Наконецъ, къ полемическимъ памятникамъ XI вѣка принадлежитъ еще посланіе русскаго митрополита Іоанна II. Оно сохранилось не только во многихъ славянскихъ спискахъ, но и въ греческихъ и даже въ латинскомъ переводѣ [4]). Неопредѣленность и неодинаковость надписаній этого посланія въ свое время вызвали самыя разнородныя мнѣнія какъ относительно его автора, такъ и относительно лица, къ которому оно было послано [5]). Полемическое посланіе это въ первый разъ было

---

[1]) Изд. въ приложеніяхъ къ «Ист. р. Церкви», т. II, прилож. № 8, стр. 347—352; переиздано въ Правосл. Собесѣдн. за 1866 годъ, т. I, стр. 71—80.

[2]) Ист. р. Церкви пр. *Макарія*, т. II, стр. 14.

[3]) Труды Кіевской Духовн. Акад. за 1867 г, т. II, стр. 358—359 (статья архим. *Августина*); Ист. р. Ц. пр. *Макарія*, т. II, стр. 179.

[4]) На славян. языкѣ извѣстны слѣдующія рукописи посл. Іоанна II: 1) рукоп. библ. гр. Толстаго отд. 3 № 65, принадлежащая теперь СПБ. Имп. Публ. библ., 2) ркп. также библ. гр. Толстаго отд. 2, № 341, принадл. теперь также Импер. Публ. библ., 3) Кормчая Румянц. Муз. № 238; 4) ркп. Синод. библ. № 562; 5) Кормчая библ. Имп. Моск. общ. исторіи и древностей отд. I. № 108. На греческ. языкѣ это посланіе находится въ библіотекахъ: Моск. Синод., Имп. Вѣнской, Венеціанской св. Марка, Парижской и Оксфордской.

[5]) См. «Извѣстія Имп. Акад. наукъ», т. II, стр. 91—105; Правост. Собесѣд, 1866 г., ч. III, стр. 155 и слѣд.

издано въ латинскомъ переводѣ Герберштейномъ (въ Rerum Moscoviticarum commentariis) въ 1551 году, во второй разъ (въ концѣ Apostolorum et Conciliorum decret) въ 1614 году, въ Виттембергѣ тоже на латинскомъ языкѣ; въ третій разъ въ греческомъ подлинникѣ въ 1868 году въ Аѳинахъ Софокломъ Экономосомъ. Въ Россіи это посланіе впервые было издано Калайдовичемъ по славянскому пергам. списку XIV—XV в. въ Памятникахъ Россійской словесности [1]). Въ предисловіи къ тексту Калайдовичъ сдѣлалъ ошибку въ опредѣленіи времени появленія посланія, смѣшавъ Іоанна II съ митрополитомъ Іоанномъ IV († 1166), и поэтому полагалъ, что посланіе было написано къ папѣ Александру III. Ошибка Калайдовича была устранена въ запискѣ профессора К. А. Неволина: „О митрополитѣ Іоаннѣ II, какъ сочинителѣ посланія къ архіепископу римскому Клименту“ [2]) и при изданіи В. И. Григоровичемъ греческаго текста посланія Іоанна II въ сличеніи съ славянскимъ его переводомъ [3]). Послѣ ихъ изслѣдованій всякое колебаніе въ опредѣленіи времени написанія посланія, автора его и того лица, къ которому оно было послано, уже невозможно,—авторомъ посланія долженъ быть признанъ русскій митрополитъ Іоаннъ II († 1089), который писалъ его къ антипапѣ Клименту III, избранному на сеймѣ въ Бриксенѣ 25 іюля 1080 года и умершему въ 1098 году, спустя 20 лѣтъ послѣ своего избранія и сопротивленія законнымъ папамъ. По словамъ

---

[1]) «Памятники Россійской словесности XII вѣка». Москва, 1821 г., № XVIII стр. 209—218.

[2]) Учен. Извѣст. Имп. Акад. наукъ, т. II, стр. 95—106.

[3]) Греческій текстъ заимствованъ изъ рукописи, писанной на пергаментѣ въ 8-ю долю листа, принадлежавшей прежде Святогорскому Иверскому монастырю. По мнѣнію издателя эта рукопись, «ранѣе XIII столѣтія, а русскій переводъ посланія сдѣланъ кажется послѣ, по крайней мѣрѣ, древнѣйшая его рукопись XIV столѣтія носитъ явные того признаки». Издавая посланіе (въ Учен. Записк. 2 отд. Имп Акад. наукъ, кн. 1, въ отдѣлѣ. «Памятники языка и словесности», стр. 1—21), какъ издатель, такъ и редакторъ старались вполнѣ сохранить правописаніе греч. подлинника съ его отступленіями отъ обыкновеннаго способа писанія. Въ примѣчаніяхъ къ славянскому тексту посланія подведены варіанты изъ перевода Герберштейна и греческаго подлинника. Надписаніе греч. текста: Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου Μητροπολίτου Ῥωσίας πρὸς Κλήμεντα πάπαν Ῥώμης». Начало: Ἀπεδεξάμην τὴν ἐν Κυρίῳ ἀγάπην σοῦ

лѣтописи митрополитъ Іоаннъ II „бысть мужъ хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицамъ, смѣренъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя и сякого не бысть преже въ Руси, ни по немь не будетъ сякъ“ [1]).

Въ ряду полемическихъ памятниковъ XII вѣка мы прежде всего должны указать полемическіе трактаты объ опрѣснокахъ Евстратія митрополита Никейскаго, процвѣтавшаго въ царствованіе императора Алексѣя Комнина [2]). Изъ двухъ, сохранившихся до нашего времени сочиненій Евстратія объ опрѣснокахъ одно только первое издано съ рукописи Моск. Синод. библ. о. Андроникомъ Димитракопуломъ съ надписаніемъ: „Λόγος πρὸς τοὺς Λατίνους περὶ τῶν προσφερομένων ἀζύμων, ἅτε παρὰ τοὺς κανόνας ταῦτα ποιοῦντας“ [3]).

Второе, неизданное, сочиненіе Евстратія Никейскаго находится въ рукописныхъ сборникахъ разныхъ библіотекъ. Между прочимъ намъ извѣстно оно по копіи съ рукописи греч. сборн. Московской синод. библ. (за № $\frac{\text{CCCLV}}{366}$ in 4° XIV в.), гдѣ оно помѣщается послѣ перваго его слова объ опрѣснокахъ и надписывается „Τοῦ αὐτοῦ περὶ τοῦ αὐτοῦ λόγος δεύτερος“. Начало: Ἔδει μὲν ἀνηρημένου καθόλου τοῦ γράμματος, ὡς μηδὲν τῶν ἰδίων αὐτοῦ ὑπολείπεσθαι [4]).

Затѣмъ немаловажный источникъ для исторіи споровъ по вопросу объ опрѣснокахъ въ XII вѣкѣ представляютъ сочиненія Николая епископа Меѳонскаго, жившаго во второй половинѣ этого вѣка. Въ числѣ доселѣ неизданныхъ сочиненій Николая Меѳонскаго, находящихся въ рукописяхъ Моск. синод. библіотеки, находятся два трактата его объ опрѣснокахъ. Первый помѣщенъ въ указанномъ рукописн. греч. сборн. Моск. синод. библ. за № $\frac{\text{CCCLV}}{366}$ (л. 9 rect.—л. 19 ver.). Надписаніе его: Νικολάου ἐπισκόπου

---

[1]) Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 201

[2]) Краткую біографію вмѣстѣ съ описаніемъ сочиненій Евстратія Никейскаго см у о. А. Димитракопула въ Bibliotheca ecclesiastica, tom. I, Πρόλογος, σελ. 10—25.

[3]) Ibid. σελ. 100—127.

[4]) Этотъ трактатъ Евстратія указанъ и у А. Димитракопула. Ibid. Πρόλογος, σελ. 19—20

Μεθώνης λόγος πρὸς λατίνους περὶ τῶν ἀζύμων. Начало: Τὸν μὲν πρῶτον λόγον ἐποιησάμην ὦ λατίνε φίλε πρὸς σὲ... Объ этомъ трактатѣ упоминаетъ Алляцій, видѣвшій его въ одномъ изъ кодексовъ королевской парижской библіотеки, приводя тоже самое его начало [1]). Второй трактатъ Николая Меонскаго также находится въ рукописяхъ разныхъ библіотекъ. Намъ онъ извѣстенъ по рукоп. сборнику Моск. Синод. библіот. № 368, въ которомъ онъ помѣщенъ (л. 286—292) подъ заглавіемъ: Τοῦ αὐτοῦ περὶ τοῦ ἀζύμου πρὸς τοὺς αὐτούς. Начало: Αλλ' οὗτοι καὶ πάλιν οὐκ ἀπέστησαν ἀφ' ἡμῶν· λῦσαι δὲ καὶ τὰ περὶ τοῦ ἀζύμου θερμῶς παρεκλήτευον.

Дѣятельное участіе въ полемикѣ съ латинянами принималъ еще извѣстный греческій писатель начала XII вѣка Никита Сеидъ. Онъ процвѣталъ при императорѣ Алексѣѣ Комнинѣ. Полемизируя съ латинянами, Никита изслѣдовалъ всѣ выдающіяся разности между восточною и западною церквами, какъ это показываютъ самыя его сочиненія, сохранившіяся въ рукоп. греч. сборн. Москов. синод. библ. № 368. Здѣсь мы встрѣчаемъ (л. 204—221 verso): Νικήτα τοῦ σείδου λόγος σχεδιασθεὶς πρὸς ρωμαίους· καὶ ὅτι ἐκ τοῦ πατρὸς μόνου οὐχὶ δὲ καὶ ἐκ τοῦ υἱοῦ ὡς αὐτοὶ λέγουσιν ἐκπορεύεται τὸ ἅγιον πνεῦμα [2]). Начало: Πολλὰ μὲν ὑμῖν ὦ ἄνδρες ῥωμαῖοι τὰ δικαῖωντα ὑμᾶς ἀφ' ἡμῶν, καὶ πάντα παράνομα. Это сочиненіе Никиты Сеида видѣлъ Алляцій и упоминаетъ о немъ [3]). Содержаніе его, хотя главнымъ образомъ посвящено вопросу объ исхожденіи Св. Духа, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ отношеніе и къ вопросу объ опрѣснокахъ. Спеціально вопросомъ объ опрѣснокахъ Никита Сеидъ занимается во второмъ своемъ полемическомъ сочиненіи, которые мы находимъ въ той же рукописи вслѣдъ за первымъ его сочиненіемъ. Тутъ (л. 221—242 v.) мы встрѣчаемъ: Νικήτα τοῦ σείδου λογος δεύτερος πρὸς

---

[1]) L. Allati «De consensione». lib. II, cap. X. p. 627.

[2]) Тою же рукой и тѣми же чернилами за этимъ написано: Ἐγράφη καὶ οὗτος ὁ λόγος καὶ ὁ περὶ τῶν ἀζύμων ἐν κωνσταντινουπόλει· ὁ μὲν ὅτε ἐνεδήμει ἐν ταύτῃ ὁ μεδιολάνων ἐπίσκοπος· ἐν ἔτει «ςχῆ (6608=1100)» ˙Νγ. ὁ δὲ μετὰ ταῦτα. ἐν ἔτει ςχ (конецъ неразобранъ) ˙Νέ.

[3]) L. Allatii «De Nicetis», cap. XI.

ρωμαίους· ὅτι οὐ δεῖ τὴν θείαν τῶν μυστηρίων μετάληψιν διὰ τῶν ἀζύμων ἐπιτελεῖν· προφάσει ὅτι ἔφαγε τὸ πάσχα τὸ νομικὸν ὁ Χριστὸς· ἐπεὶ ὀφείλουσι καὶ περιτέμνεσθαι ὡς Χριστὸς· καὶ τἆλλα πάντα ποιεῖν, ὅσα ὁ νόμος διακελεύσεται· καὶ ἀπόδειξις ἀπὸ τῆς γραφῆς ἀληθὴς, ὅτι διὰ τοῦ ἄρτου παρέδωκε τὸ πάσχα τοῖς μαθηταῖς· τοῦ γὰρ νομικοῦ πάσχα μετὰ τὸ πάθος καὶ τὴν ταφὴν ἐπιτελεσθέντος, οὔπω ἦσαν ἄζυμα τότε. καὶ οἱ τούτων μετέχοντες νῦν, οὐ μόνον ἰουδαΐζουσι προφανῶς, ἀλλὰ καὶ εἰς τὴν ἀπολιναρίου προφανῶς ἐμπίπτουσιν αἵρεσιν. Начало: Βούλομαι καὶ περὶ ἀζύμων· ὡς ὑπεσχόμην· ἀδελφικῶς ὑμῖν ὦ ῥωμαῖοι διαλεχθῆναι. При началѣ заглавія этого трактата къ слову „Νικήτα“ въ рукописи сдѣлана на полѣ приписка: „ἰκονιαίου“. Но что это сочиненіе дѣйствительно принадлежитъ Никитѣ Сеиду, а никакому-нибудь другому Никитѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Оно составляетъ собою спеціальное сочиненіе объ опрѣснокахъ, обѣщанное Никитою Сеидомъ въ указанномъ нами его первомъ полемическомъ сочиненіи о Св. Духѣ. Левъ Алляцій указываетъ трактатъ Никиты Сеида „Περὶ τοῦ Πάσχα“ съ началомъ: ἐτέχθη μὲν ὁ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ἐν ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου „εφς“, ὡς εἴρηται μοι καὶ πρόσθεν [1]). Этотъ трактатъ въ латинскомъ переводѣ изданъ въ патрологіи Миня [2]). Но весь этотъ небольшой трактатъ о пасхѣ составляетъ не болѣе какъ выдержку изъ указаннаго нами трактата объ опрѣснокахъ, такъ что отдѣльный трактатъ „о пасхѣ“ едва ли былъ когда написанъ Никитою. Во всякомъ случаѣ это тождество даетъ вѣрное ручательство въ томъ, что указанное спеціальное сочиненіе объ опрѣснокахъ дѣйствительно принадлежитъ Никитѣ Сеиду.

Въ той же рукописи къ сочиненіямъ Никиты Сеида несправедливо относится сочиненіе, принадлежащее митрополиту Георгію Корцирскому: Τοῦ αὐτοῦ δεύτερον σύνταγμα ἐπὶ τῆς θείας κοινωνίας, ἐν ᾧ καὶ ἀπόδειξις ἁπλῶς ἐκ τῶν θείων γραφῶν, ὅτι ἔνζυμος ἄρτος τῇ ἐκκλησίᾳ παρεδόθη παρὰ τῶν ἀποστόλων προσφέρεσθαι·

---

[1]) Ibidem.

[2]) Migne, Patrolog. c. compl. s. g. t. CXXVII. P. Natus est Dominus noster Iesus Christus anno ab orbo condito 5506, ut jam antea dixi.

ὡς καὶ μέχρι τοῦ ἁγίου γρηγορίου τοῦ διαλόγου τῆ Ῥώμης προσφέρετο ἐκκλησία· γράφει δὲ καὶ τὴν περὶ τούτου ἐν κωνσταντινουπόλει γενομένην διάλεξιν· καὶ πῶς ἀντειπεῖν οὐκ ἠβουλήθησαν οἱ Λατίνοι· ἀλλὰ καὶ μάλλον ἐπήνεσαν τὸν θεῖον ἄρτον τὸν ἔνζυμον· καὶ ὅτι εὑρεθείσης καὶ μερίδος ἐκείνου τοῦ ἄρτου ὃν ὁ Χριστὸς παρέδωκε τοῖς μαθηταῖς ἐν τῷ δείπνῳ τοῦ μεγάλου παλατίου σκευοφυλακίῳ· πάσα πρόφασις ἤρθη ἐκ μέσου. Начало: Κοινωνικὸν μὲν ζῶον ἄνθρωπος· καὶ τῆς ἰδίας φύσεως ἀδιαίρετος πέφυκεν ἐραστής (л. 51—58). Въ рукописныхъ сборникахъ разныхъ библіотекъ это полемическое сочиненіе приписывается то Никитѣ Сеиду, то Георгію Корцирскому. Но вмѣстѣ съ Аллаціемъ [1]), весьма авторитетнымъ въ такого рода вопросахъ, мы считаемъ вполнѣ справедливымъ признать это сочиненіе принадлежащимъ именно Георгію митрополиту Корцирскому. Время его жизни и дѣятельности относится къ царствованію императора Мануила Комнина, при которомъ онъ славился своею ученостію.

Въ той же рукописи помѣщается (л. 94—99) небольшой трактатъ: Ἰωάννου τοῦ ἁγιωτάτου μητροπολίτου Κλαυδιοπόλεως· περὶ τῶν ἀζύμων. Начало: Ἐπειδή σοι μαθεῖν ἔρως τιμιώτατε πάτερ παρ ἡμῶν τῶν εὐτελῶν περὶ τῶν ἀζύμων. Аллацій упоминаетъ объ Іоаннѣ Клавдіопольскомъ, какъ авторѣ указаннаго посланія, и отзывается о немъ весьма нелестно за его несамостоятельность [2]).

Непосредственно за трактатомъ Іоанна митрополита Клавдіопольскаго въ той же рукописи (съ л. 99—105 recto) слѣдуетъ: Ἰωάννου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου ἀντιοχείας λόγος περὶ τῶν ἀζύμων πρὸς τὸν ἀδριανουπόλεως. Начало: Ἀναμνήσθητι τῆς πρεσβείας ἐκείνης ᾧ βέλτιτε ἀνδρῶν καὶ σοφώτατε.

Наконецъ, въ той же рукописи (№ 368 л. 115—124) помѣщено: λόγος περὶ τῆς λεγομένης παρὰ ῥωμαίοις τοῦ πνεύματος ἐκ τοῦ υἱοῦ ἐκπορεύσεως. Начало: Πρὸς τοὺς ἐκ Ῥώμης ἢ ἐπὶ Ῥώμην ἡμῖν ὁ λόγος. Доказательства, между прочимъ, приведенныя въ этомъ трактатѣ Θеодоромъ въ подтвержденіе православнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа, изложенныя въ 20 главахъ, Никита

---

[1]) L. Allatii «De consensione», lib. II, cap. XI, p. 662—663.

[2]) L. Allatii «De consensione», lib. II, XVIII, p. 871.

Хоніатъ внесъ въ свое сочиненіе Θησαυρὸς ὀρθοδοξίας съ замѣткой: «ἐκ τοῦ περὶ ἀζύμου καὶ πνεύματος λόγου τοῦ κουροπαλάτου Θεοδώρου τοῦ σμυρναίου». Алляцій указываетъ это въ «Diatriba de Theodoris» и начало, указанное Алляціемъ, находится на оборотѣ 120 листа нашей рукописи.

Кромѣ указанныхъ нами полемическихъ сочиненій XII вѣка, большею частію спеціально посвященныхъ вопросу объ опрѣснокахъ, этотъ же самый вопросъ отчасти затрогивается въ посланіяхъ къ русскимъ князьямъ русскаго митрополита изъ грековъ Никифора (1104—1121), честь открытія которыхъ принадлежитъ Калайдовичу и преосвященному Макарію. Посланіе Никифора, открытое Калайдовичемъ, надписывается: „Посланіе отъ Никыфора митрополита Кыевскаго къ Володимеру князю всея Руси, сыну Всеволожю, сына Ярославля“ [1]). Затѣмъ, преосвященный Макарій въ приложеніяхъ къ исторіи Русской церкви издалъ: „слово святаго Никифора митрополита всея рускыя земля“ или, какъ оно называется, посланіе къ неизвѣстному князю и „Посланіе отъ Никифора митрополита Кіевскаго всеа Рускыя земля написаніе на латину, ко Ярославу князю Мурьскому Святославичу сыну Ярославля о ересѣхъ“ [2]).

Сочиненій латинскихъ полемистовъ XII вѣка, относящихся къ вопросу объ опрѣснокахъ, мы имѣемъ несравненно менѣе, чѣмъ греческихъ. Между ними первое мѣсто по времени своего происхожденія занимаетъ переписка знаменитаго Анзельма, архіепископа Кэнтербюрійскаго (1034—1109) съ Валеранномъ епископомъ Гавельбергскимъ, изданная по разнымъ рукописнымъ кодексамъ съ провѣркою по прежнимъ изданіямъ въ патрологіи Миня [3]). По во-

---

[1]) Изд. въ Памятн. россійской словесности XII в. стр. 157—163.

[2]) Изд. въ прилож. къ Исторіи русской Церкви преосв. *Макарія*, т. II, СПБ. 1857, стр. 314—320, по Кормчей Румянц. Муз. № 233, л. 371 — 375. Подробныя свѣдѣнія о посланіяхъ Никифора см. въ «Обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ соч. противъ латинянъ Попова, стр. 99—118.

[3]) Migne, Patrol. cursus compl. s. l. t. CLVIII. 1) S. Anselmus de tribus Waleranni quaestionibus ac praesertim de azymo et fermentato, p. 541—547. (Collata est epistola de azymo et fermentato cum. Mss. Victorinis CC9, EE13 et Ef 20, ms. Corbeiensi 307 et uno Cisterciensi, et cum edit. Gothica, Colo-

просу же объ опрѣснокахъ полемизировалъ другой Анзельмъ епископъ Гавельбергскій, который велъ публичныя пренія въ Константинополѣ по вопросамъ объ исхожденія Св. Духа и объ опрѣснокахъ и изложилъ ихъ послѣ въ особой книгѣ, написанной въ 1145 году по повелѣнію папы Евгенія III [1]). Собственно къ вопросу объ опрѣснокахъ относится только третья и послѣдняя часть книги Анзельма: Liber tertius—de diverso eucharistiae ritu Graecorum et Latinorum, videlicet asymi et fermentati, et de auctoritate Romanae ecclesiae.

При общемъ обзорѣ нашихъ источниковъ необходимо сказать еще о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ были извѣстны на Руси еще съ давнихъ временъ. По своей важности для всей церкви, а, главнымъ образомъ, вслѣдствіе іерархической зависимости нашей церкви отъ греческой, списки сочиненій замѣчательныхъ греческихъ борцевъ за истину противъ латинскихъ заблужденій становились извѣстными и въ Россіи. Наши первые іерархи были изъ грековъ и безъ сомнѣнія они познакомили русскихъ съ византійской полемической литературой. Конечно, сами кіевскіе митрополиты греки пользовались полемическими сочиненіями своихъ соотечественниковъ въ подлинникахъ, но они хотѣли еще установить въ умахъ русскихъ людей взглядъ на латинянъ, оградить русскихъ отъ иноземныхъ латинскихъ обычаевъ и сказать новообращеннымъ, чего они должны избѣгать, чтобы быть истинно православными по суду современныхъ греческихъ богослововъ,—для этой послѣдней цѣли необходимо было знакомить русскихъ съ самыми сочиненіями греческихъ богослововъ въ славянскихъ переводахъ. Въ древнихъ переводахъ на славянскій языкъ греческихъ сочиненій сохранилось даже много такого, чего уже нѣтъ теперь въ греческомъ текстѣ и въ греческой литературѣ. Славянскіе переводы особенно могутъ служить для провѣрки текстовъ разбираемыхъ подлинниковъ и съ этой стороны ва-

---

niensi et Veneta). 2) Waleranni epistola quae beato Anselmo scribendi argumentum praebuit,—p. 547—551. (Waleranni epistola collata est cum ms. Vict. Ef. 20). Anselmi ad Waleranni querelas responsio, p. 551—554 (Ms. Cister. Victor., Edit. Veneta, Goth. et Col.).

[1]) Діалогъ Анзельма изданъ въ Specilegium sive collectio veterum aliquot scriptorum,—Lucae D' Achery; tom. I, Parisiis 1723. p. 161—207.

ріанты, встрѣчающіеся въ славянскихъ переводахъ, должны быть особенно дорогими для ученыхъ.

Распространенію полемическихъ сочиненій относительно латинской вѣры, между прочимъ, способствовали и южно-славянскіе списки древнихъ требниковъ. Такъ, въ одномъ изъ такихъ требниковъ, именно въ сербскомъ требникѣ начала XV вѣка (синод. библ. № 374) къ тексту приложено между прочимъ и посланіе Доминика. Отрывокъ славянскаго текста по этому требнику параллельно съ греческимъ по изданію Вилля приводится у г. Попова для образца древняго переводнаго языка [1]).

Кромѣ того, мы имѣли случай сравнить съ греческимъ текстомъ посланія Доминика славянскій переводъ этого посланія, помѣщенный въ Минеи-Четіи митрополита Макарія [2]). Здѣсь, на листѣ 527, помѣщено: „Посланіе Доминика архіепископа Венетійскаго, еже посла къ святѣйшему патріарху великіа Антіохіа киръ Петру о опрѣсноку же и о прочихъ своихъ“. Славянскій текстъ представляетъ собою полный переводъ всего письма Доминика и этотъ переводъ передаетъ греческій текстъ вполнѣ точно.

Здѣсь же вслѣдъ за письмомъ Доминика, на оборотѣ 527 листа, помѣщено: „отписаніе святѣйшаго патріарха Петра къ Доминику архіепископу Венетіискому противу писанію его посланному“. Подъ этимъ заглавіемъ приводится полный славянскій переводъ письма къ Доминику, сдѣланный съ греческаго текста. Славянскій текстъ вполнѣ выдерживаетъ греческій по изданію Вилля и не представляетъ уклоненій отъ него за исключеніемъ самыхъ ничтожныхъ. Въ сравненіи съ этимъ переводомъ, древній славянскій переводъ отвѣтнаго посланія Петра, напечатанный въ „Обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“ г. Попова изъ Толстовскаго сборника конца четырнадцатаго, или начала пятнадцатаго вѣка, оказывается слишкомъ вольнымъ [3]).

---

[1]) Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.) 1875, стр. 134—136.

[2]) Минея-Четія; Февраль, рукоп. Новгород. Софійской библ. № 1320.

[3]) «Обзоръ полемич. соч.», стр. 165—173. См. Приложеніе № 1 къ нашему сочиненію. Кромѣ исправныхъ, полныхъ и точныхъ переводовъ посланія Петра

Въ рукописномъ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерской библіотеки подъ названіемъ; „Книга о латынехъ“ (за № $\frac{76}{1183}$ первой половины XVI вѣка) мы встрѣчаемъ: „Посланіе Петра патріарха Божіа града, великые Аньтіохіие къ латыномъ о опрѣсноцѣхъ слово“. Однако подъ этимъ заглавіемъ помѣщено не посланіе Петра Антіохійскаго, а полный и прекрасный переводъ третьяго посланія или письма Льва Ахридскаго (см. л. 195 v.—205 recto), что составляетъ замѣчательную рѣдкость въ группѣ славянскихъ переводовъ полемическихъ сочиненій изслѣдуемаго нами времени. Начало, какъ и все дальнѣйшее содержаніе этого славянскаго перевода, вполнѣ соотвѣтствуетъ греческому подлиннику: „Братіе, не дѣти бываейте умомъ. Павелъ божественный апостолъ рече, но злобою младеньствуйте. умы же съвръшены бывайте». Ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго варіанта съ греческимъ подлинникомъ этотъ славянскій переводъ письма Льва Ахридскаго не представляетъ [1]).

Особенно часто встрѣчаются въ нашихъ древнихъ рукописныхъ сборникахъ и кормчихъ переводы и передѣлки полемическаго сочиненія противъ латинянъ Никиты Стиѳата. Славянскій переводъ трактата Никиты Стиѳата въ томъ его видѣ, какъ онъ изданъ у Вилля въ латинскомъ и у о. Димитракопула въ греческомъ текстѣ

Антіохійскаго въ нашихъ древнихъ рукописныхъ сборникахъ можно встрѣчать или выдержки изъ цѣльнаго перевода этого посланія, или переводы менѣе исправные. Такъ въ рукоп. сборн. Новгородско-Соф. библ. № 1154 (съ л. 28) помѣщается небольшая выдержка изъ письма Петра Антіохійскаго. Не нужно быть слишкомъ внимательнымъ, чтобы замѣтить въ ней слишкомъ далекія и невѣрныя отступленія отъ подлинника. Чтобы довести до конца градацію древнихъ славянскихъ переводовъ и передѣлокъ посланія Петра Антіохійскаго, начавши отъ самыхъ лучшихъ и кончая худшимъ, укажемъ еще выдержку посланія Петра изъ рук. Кормчей конца XV вѣка (Новг. Соф. библ. № 1173; на оборотѣ 237 листа). Здѣсь выдержка изъ письма Петра Антіохійскаго въ худомъ переводѣ помѣщена уже подъ заглавіемъ: «Петра архіепископа Александрьскаго къ Венетскому архіепископу, бѣ же при патріаршѣ Констянтина града Алексіѣ». Не смотря на то, что Петръ патр антіохійскій въ заглавіи названъ архіеп. александрійскимъ и время его патріаршествованія несправедливо относится ко временамъ предшественника патр. Михаила Керуларія, патріарха Алексія,—все-таки легко видѣть, что эта выдержка взята именно изъ письма къ Доминику Петра Антіохійскаго.

[1]) См. Прилож. № II къ нашему сочиненію.

находится въ томъ же указанномъ нами сборникѣ Кирилло-Бѣлозерской библіотеки (л. 205—215) подъ заглавіемъ: „Никиты пресвитера и инока обители студитьскые. нарицаемаго сѳиѳата, посланіе къ римляномъ о опрѣсноку и постѣ суботнѣмъ и брацѣхъ священническыихъ“. Начало: „Добро яже къ искреннему любы, о всѣхъ языкъ премудрѣйшіи римляне и благороднѣйшіи“. Переводъ сдѣланъ съ греческаго подлинника и можетъ отличаться своею правильностію въ группѣ всѣхъ славянскихъ переводовъ съ греческаго за исключеніемъ только самыхъ послѣднихъ строкъ, гдѣ замѣтно, что переводчикъ самъ не понялъ переводимаго имъ автора [1]).

Къ подлинному сочиненію Никиты Стиѳата весьма близко подходитъ сочиненіе, приписываемое ему же, которое въ большомъ количествѣ можно находить въ древнихъ спискахъ кормчей и въ славянскихъ рукописныхъ сборникахъ. Это сочиненіе по большей части начинается словами: „Аще есть въ тебѣ разумъ рече премудрости отвѣщай ближнему“ [2]). Отецъ Димитракопулъ въ перечнѣ сочиненій Никиты Стиѳата [3]) сдѣлалъ такое указаніе: „Въ рукописяхъ Флорентійской и Вѣнской императорской библіотекъ находится сочиненіе Никиты Стиѳата подъ заглавіемъ: «Νικήτα τοῦ Στηθάτου. Διάλεξις πρὸς Φράγγους, ἤγουν Λατίνους». Начинается оно словами: «εἰ ἔστι σοι σύνεσις, φησὶν ὁ σοφὸς, ἀποκρίθητι τῷ πλησίω». По всей вѣроятности текстъ, начало котораго приводитъ о. Андроникъ, составляетъ подлинникъ сочиненія, внесеннаго въ кормчую книгу и слишкомъ часто встрѣчающагося въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ, такъ какъ начало послѣдняго соотвѣтствуетъ началу греческаго текста.

Что касается именно трактата объ опрѣснокахъ, то сходство съ подлиннымъ сочиненіемъ Никиты Стиѳата въ славянскихъ спискахъ сочиненія „Аще есть въ тебѣ разумъ“ простирается почти

---

[1]) См. Прилож. № III.

[2]) Рукоп. сборн. Новгор. Соф. библ. № 1431, л. 45—53; той же библіотеки рукоп. сборн. № 1454, л. 281—296; Кормчая № 1175, л. 439—450 и Кормчая № 1173,—л. 238—241. См. также «Обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій»,—стр. 126—133.

[3]) Bibliotheca ecclesiastica, t. I, p. 6, Graecia ortodoxa, p. 7.

до буквальнаго тожества и лишь по мѣстамъ послѣдніе допускаютъ нѣкоторые варіанты, которые нельзя оставлять безъ вниманія. Но тѣмъ не менѣе, изъ ближайшаго сравненія всего сочиненія Никиты Стиѳата, внесеннаго въ Кормчую, съ сочиненіемъ Никиты Стиѳата по изданіямъ Вилля и Димитракопула оказывается, что это—два различныя сочиненія. Первое имѣетъ различное со вторымъ начало, другое расположеніе обвиненій, болѣе подробностей и болѣе обвинительныхъ пунктовъ, чѣмъ второе. Нельзя безусловно полагать и того, что сочиненіе, начинающееся словами «Аще есть въ тебѣ разумъ“ писалъ Никита Стиѳатъ. Весьма вѣроятно, что будучи дополнено уже гораздо позднѣе другими обвинительными пунктами и другимъ началомъ, болѣе подходящимъ къ обстоятельствамъ,—сочиненіе Никиты и въ такомъ своемъ видѣ сохранило имя того автора, которому дѣйствительно принадлежала основа и сущность всего сочиненія. Такое мнѣніе можетъ имѣть для себя твердое основаніе въ томъ неоспоримо-вѣрномъ общемъ принципѣ, что во всей полемической противу-латинской литературѣ труды предшествовавшихъ полемистовъ дѣлались основою для послѣдующихъ, такъ что послѣдніе не стѣснялись брать изъ прежнихъ трудовъ и помѣщать въ свои сочиненія не только цѣлыя тирады и главы, но иногда вполнѣ все. Такой пріемъ не былъ необыкновеннымъ въ то время: давно уже на востокѣ всѣ работы въ области церковной науки и литературы вообще носили компилятивный характеръ и отъ автора требовалась только способность группированія собраннаго имъ матеріала. Вотъ почему мы видимъ, что сочиненіе, начинающееся словами: „Аще есть въ тебѣ разумъ“, въ свою очередь, входитъ въ другія полемическія сочиненія противъ латинянъ. Такъ, напримѣръ, оно входитъ въ „сказаніе о двоюнадесяте апостолу, о латинѣ и о опрѣсноцѣхъ“ [1]), представляющее много интереснаго не только по своему отношенію къ полемической противу-латинской литературѣ XI вѣка, но и внѣ собственно этого отношенія. Въ свою очередь и само это сказаніе въ полномъ своемъ составѣ вхо-

[1]) Въ Минеи-Четіи митроп. Макарія, за мѣсяцъ Февраль, ркп. Соф. библ. № 1320; л. 515—526.

дитъ какъ часть въ другое сочиненіе византійской литературы: „Епистолья на римляны въ ней же сказаніе о Іаковѣ братѣ Господни и о двоюнадесяте апостолу, како первѣе поставление бысть въ священный чинъ“ [1]). Сказать объ одномъ изъ такихъ сочиненій—труду сколькихъ авторовъ принадлежитъ оно, едва ли возможно, но несомнѣнно то, что такого рода сочиненія составляютъ плодъ трудовъ не одного, не двухъ, а нѣсколькихъ авторовъ.

Послѣ окончательнаго раздѣленія церквей въ 1054 году, въ византійской литературѣ начинаютъ появляться статьи противъ латинянъ съ перечнемъ латинскихъ заблужденій, въ которомъ нельзя не видѣть повторенія перечня Михаила Керуларія, сдѣланнаго въ первомъ письмѣ къ патр. Петру Антіохійскому, или заимствованій изъ его перечня. Въ ряду такихъ памятниковъ весьма видное мѣсто занимаетъ статья: «Περὶ τῶν Φράγγων καὶ τῶν λοιπῶν Λατίνων», слишкомъ часто встрѣчающаяся въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ и оставившая глубокій слѣдъ въ полемическихъ сочиненіяхъ, писанныхъ въ Россіи. Гергенротеръ въ своемъ сочиненіи [2]) первый раскрылъ литературную исторію этого памятника. Въ спискѣ, открытомъ Гергенротеромъ въ Ватиканской библіотекѣ, трактатъ „о Фрязѣхъ“ приписанъ патріарху Фотію [3]). Конечный выводъ его подробнаго критическаго разбора, сдѣланнаго ученымъ изслѣдователемъ, заключается въ томъ, что нѣкоторыя изъ обвиненій латинянъ, приведенныхъ въ немъ, могутъ возводиться ко временамъ патр. Фотія, но въ полномъ своемъ составѣ статья „о Фрязѣхъ“ должна быть отнесена къ числу памятниковъ конца XI вѣка и во всякомъ случаѣ не могла дѣйствительно принадлежать Фотію. Гергенротеръ же первый совершенно вѣрно опредѣлилъ, что изданное имъ полемическое византійское сочиненіе есть то самое, которое по-

---

[1]) Въ первый разъ это замѣчательное сочиненіе издано г. Поповымъ въ «Обзорѣ древне-русскихъ полемич. сочиненій», стр. 191—138.

[2]) Photius, Patriarch von Konstantinopel (Regensburg. 1869. t. III, p. 172—224).

[3]) Φωτίου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως. Περὶ τῶν Φράγγων καὶ τῶν λοιπῶν λατίνων». Изд. Гергенротеромъ вмѣстѣ съ латинск. переводомъ въ Monumenta graeca ad Photium, ejusque historiam pertinentia (Ratisbonae, 1869, p. 62—71).

мѣщается въ Кормчей книгѣ „восточныхъ славянъ“ [1]). На этомъ полемическомъ сочиненіи сильно отразилось вліяніе посланія Михаила Керуларія къ Петру Антіохійскому, такъ что многія изъ обвиненій, показанныхъ въ статьѣ „о Фрязѣхъ“, составляютъ лишь перефразировку обвиненій, выставленныхъ въ посланіи Михаила Керуларія.

Съ древняго времени явились на Руси славянскіе переводы и самаго посланія Михаила Керуларія. Судя по извѣстнымъ намъ спискамъ, первое посланіе Михаила Керуларія къ Петру Антіохійскому въ славянскомъ переводѣ существовало въ трехъ редакціяхъ: древней, поздней и позднѣйшей. Первая буквально воспроизводитъ греческій подлинникъ, а вторая и третья представляютъ существенную передѣлку подлинника по другимъ полемическимъ сочиненіямъ, заключавшимъ въ себѣ перечень латинскихъ заблужденій и главнымъ источникомъ для этой передѣлки послужила именно статья „о Фрязѣхъ и о прочихъ латинахъ“ [2]). Такимъ образомъ, на основаніи посланія Михаила Керуларія возникла статья „о Фрязѣхъ и прочихъ латинахъ“, которая, въ свою очередь, послужила главнѣйшимъ источникомъ для двухъ славянскихъ редакцій того

---

[1]) Въ трудѣ г. Попова (стр. 58—69) статья «о Фрязехъ и о прочихъ латинахъ» приведена по списку Кормчей 1280-хъ годовъ, писанной въ Новгородѣ съ варіантами, подведенными изъ Комчей 1284 года, писанной въ Рязани. Славянскій переводъ почти буквально воспроизводитъ греческій текстъ. Въ рукописные сборники Софійской библіотеки подъ №№ 1431, 1451, 1461, 1464 и друг. статья о Фрязѣхъ попала уже изъ Кормчей. Вообще въ просмотрѣнныхъ нами рукописныхъ сборникахъ статья эта не представляетъ ничего особенно важнаго сравнительно съ изданіемъ г. Попова.

[2]) Изъ первой редакціи славянскихъ переводовъ г. Поповъ издалъ выписку перечня латинскихъ заблужденій, параллельно съ греческимъ текстомъ, по изданію Вилля (см «Обзоръ древне-русскихъ полемич. сочиненій», стр. 48—50). Перечень латинскихъ заблужденій по второй редакціи также изданъ г. Поповымъ по списку Сербскаго Требника XV вѣка (Ibid. стр. 52—56). Третья редакція извѣстна намъ по рукоп. сборнику Кирилло-Бѣлозерской библіотеки за № 76 (1153) (л. 216—217). Въ послѣдней указано 27 обвиненій и первымъ изъ нихъ поставлено обвиненіе не въ употребленіи опрѣсноковъ, какъ въ первыхъ редакціяхъ, а въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Сравнительно съ первыми двумя редакціями посланія Михаила Керуларія и статьею о Фрязѣхъ, встрѣченная нами третья редакція посланія Михаила Керуларія вообще представляетъ много особенностей. См. Прилож. № IV.

же посланія, на основаніи котораго она возникла. Весьма возможно, что для послѣднихъ двухъ редакцій посланія Михаила Керуларія могли существовать и особые греческіе подлинники.

Отвѣтное посланіе Петра Антіохійскаго на посланіе Михаила Керуларія встрѣчается весьма рѣдко. Намъ извѣстно оно лишь по одному сборнику Кирилло-Бѣлозерской библіотеки [1]), въ которомъ оно помѣщено подъ заглавіемъ: «Петра патріарха антіохіе посланіе о сихъ и о иныихъ писаній. къ Михаилу Коньстяньтина града патріарху". Начало: „Елика лукавнова врагъ о святѣмъ твоемь". Переводъ представляетъ полное согласіе съ своимъ греческимъ подлинникомъ.

Затѣмъ, въ рукоп. сборникѣ Кирилло-Бѣлозерской библіотеки за № 63 (1140), какъ уже было замѣчено, помѣщена вторая редакція сочиненія хартофилакса Никиты Никейскаго. Сравнивая вторую редакцію сочиненія хартофилакса Никиты въ ея славянскомъ переводѣ съ первою, помѣщенною въ рукоп. сборн. Моск. синод. библіотеки, мы находимъ въ нихъ много сходнаго, но еще болѣе находимъ различнаго. Сочиненіе съ именемъ Никиты хартофилакса въ славянскомъ текстѣ не имѣетъ въ себѣ строго послѣдовательной, систематической связи, часто встрѣчаются въ немъ повторенія, а все это, конечно, показываетъ, что славянскій текстъ представляетъ переводъ не оригинальнаго сочиненія Никиты хартофилакса, а уже подвергнувшагося измѣненіямъ и передѣлкамъ. Кромѣ того, сочиненіе Никиты хартофилакса въ славянскомъ текстѣ слито съ „Сказаніемъ о латинахъ", т. е. объ отпаденіи латинянъ,— сочиненіемъ историческаго характера съ полемической тенденціей.

Наконецъ, укажемъ еще два замѣчательныхъ и очень рѣдкихъ перевода, непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ въ рукописи Кирилло-Бѣлозерской библіотеки № 76 (1153). Здѣсь (на листѣ 170) мы находимъ: „Никиты философа пафлагона, яко въ ГІ ти день луны, прѣдъ единѣмъ днемъ законьныя пасхы бысть вечеря а не агньца тогда съ ученикы яде Христосъ". Начало:

---

[1]) Рукоп. сборн. Кирилло-Бѣлозерской библ. № 76 (1153); л. 216—225. См. Прилож. № V.

„Ищется о вечери Господни отъ многыихъ юже съ обѣманадесяте ученикома прѣдъ единѣмъ спасеныя страсти днемъ вечеря Христосъ". Непосредственно за сочиненіемъ Никиты Пафлагонскаго слѣдуетъ (л. 179—195): „святѣйшаго патріарха аньтіохійскаго Іоана о опрѣсноцѣхъ слово къ адріанополиту". Начало: „Вспомяни моленіа оного, о изящный мужій и премудрѣйшій, еже азъ убо о церковномъ сътворихъ съединеніи". Какъ переводъ сочиненія Никиты Пафлагонскаго, такъ и переводъ посланія Іоанна патріарха антіохійскаго представляютъ собою весьма древніе образцы славянскихъ переводовъ съ греческаго. Съ греческими своими подлинниками они почти дословно согласны. Главное ихъ отличіе отъ своихъ подлинниковъ состоитъ въ томъ, что въ славянскомъ текстѣ сочиненія Никиты Пафлагонскаго (въ концѣ 171 листа verso) мы находимъ сравнительно съ греческимъ текстомъ пропускъ, равняющійся почти цѣлому листу греческаго рукописнаго списка, — опущено именно то мѣсто, гдѣ подтверждается достовѣрность и неразногласіе свидѣтельствъ евангелистовъ о днѣ послѣдней вечери и примиряются ихъ показанія объ этомъ днѣ. Но то, что опущено въ славянскомъ текстѣ трактата Никиты Пафлагонскаго, внесено въ слѣдующее за нимъ сочиненіе Іоанна Антіохійскаго. Какъ произошла такая перестановка въ славянскихъ переводахъ,—зависитъ ли она отъ различныхъ греческихъ текстовъ или отъ произвола переводчиковъ или переписчиковъ объяснить этого мы не можемъ, такъ какъ для этого мало имѣть подъ руками по одному греческому и по одному славянскому списку того и другаго сочиненія [1]).

Заключая общій обзоръ нашихъ источниковъ и ихъ славянскихъ переводовъ, мы должны сказать, что перечислили только тѣ, которые были доступны намъ и которыми мы пользовались. Но безъ сомнѣнія ими не исчерпывается вся область источниковъ для нашего вопроса. Многія изъ сочиненій съ полемическою тенденціею или совершенно полемическихъ не дошли до нашего времени и остались неизвѣстными исторической наукѣ даже по своимъ заглавіямъ, есть извѣстныя только по заглавіямъ, наконецъ есть и та-

[1]) См. Прилож. №№ VI и VII.

кія, которыми мы не могли пользоваться. Такъ до насъ не дошли полемическіе труды іеромонаха Студійскаго монастыря Василія, прозваннаго латинообличителемъ. Онъ упоминается въ числѣ противниковъ и обличителей латинскаго ученія объ опрѣснокахъ анонимнымъ авторомъ сочиненія: „Περὶ τῆς ἀρχῆς τῶν λατινικῶν αἱρεσέων“, выдержка изъ котораго приведена у Алляція [1]). Самъ Алляцій однако не считаетъ этого Василія лицомъ отличнымъ отъ Никиты Стиѳата и думаетъ, что въ указанномъ сочиненіи анонима Никита же Стиѳатъ названъ Василіемъ по ошибкѣ автора [2]). Кромѣ того, во второмъ своемъ письмѣ къ Петру Антіохійскому патріархъ Михаилъ Керуларій упоминаетъ о двухъ письмахъ, посланныхъ имъ: одно адресовано было къ александрійскому, другое къ іерусалимскому патріарху, но они также не дошли до насъ. Затѣмъ, только по названію извѣстно намъ сочиненіе Симеона, патріарха іерусалимскаго (XI—XII в.), которое упоминается у Алляція и Досиѳея іерусалимскаго [3]). Наконецъ, не были доступны намъ три слова объ опрѣснокахъ Іоанна патріарха іерусалимскаго (XII в.), изданныя Досиѳеемъ іерусалимскимъ въ Τόμος Ἀγάπης (изд. 1698 г.). Не смотря на отсутствіе указанныхъ памятниковъ, исторія споровъ по вопросу объ опрѣснокахъ бывшими у насъ подъ руками источниками представляется весьма полно. Правда, нельзя сказать, чтобы мы не чувствовали въ ней никакихъ пробѣловъ, но эти пробѣлы нисколько не касаются самой полноты содержанія споровъ и необходимо чувствовались бы и тогда, когда мы пользовались бы и всѣми указанными нами сочиненіями, не бывшими у насъ. То или другое полемическое сочиненіе было вызвано извѣстнымъ обстоятельствомъ, болѣе или менѣе имѣвшимъ вліяніе на его общій тонъ, но читая его, мы не всегда можемъ знать изъ него то, чѣмъ именно оно было вызвано и намъ приходится довольствоваться только его содержаніемъ. Какъ и всегда, въ полемикѣ задѣваются и играютъ

---

[1]) L. Allatii «De perpetua consensione» p. 624. Diatriba de Nicetis-apud Maium in Nova Bibliotheca Patrum, t. VI; cap. VIII.

[2]) Ibidem.

[3]) L. Allat. «Diatriba de Symeonibus», p. 180. Δοσίθεος πατριάρχης. Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων. Ἐν Βουκαρεστίῳ. 1715. σελ. 788.

весьма важную роль личныя страсти, ко многому относятся именно такъ, а не иначе по извѣстной традиціи, по извѣстному установившемуся принципу,—все это въ самыхъ полемическихъ памятникахъ или представляется не совсѣмъ ясно, или совершенно стушевывается. Конечно, такъ или иначе, мы можемъ восполнить такого рода пробѣлы, выходя изъ общихъ соображеній, но твердыхъ документальныхъ и, такъ сказать, осязательныхъ данныхъ для восполненія такихъ пробѣловъ мы все таки не имѣемъ.

Кромѣ источниковъ для разъясненія исторіи споровъ по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI и XII вѣкахъ, мы имѣли подъ руками и пособія. Но пособій для этого существуетъ слишкомъ не много и при томъ всѣ они не могутъ быть названы вполнѣ удовлетворительными для показанной цѣли. Прежде всего мы упомянемъ о трудахъ лучшихъ католическихъ ученыхъ богослововъ XVII вѣка: іезуита Сирмонда (Disquisitio de azymo), кардинала Боны (Rerum liturgic. Lib. 1) и Мабильона (Dissertatio de pane eucharistico, azymo ac fermentato. Ad Eminentiss. Cardinal. Bona. Paris 1674), спеціально относящихся къ вопросу объ опрѣснокахъ. Но какъ труды этихъ указанныхъ нами богослововъ, такъ и другіе подобные труды западныхъ писателей [1]) по своему полемически-тенденціозному характеру скорѣе могутъ быть отнесены къ группѣ полемическихъ сочиненій по вопросу объ опрѣснокахъ своего времени, чѣмъ къ числу ученыхъ историческихъ изслѣдованій полемики по этому вопросу“ [2]).

Дѣлая обзоръ пособій, носящихъ на себѣ характеръ чисто историческихъ ученыхъ изслѣдованій полемики по вопросу объ опрѣснокахъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ, на первомъ мѣстѣ мы должны поставить сочиненіе богослова XVII вѣка Готфрида Германа: „Historia concertationum de pane azymo et fermentato in coena Domini, variis commentationibus explanata“

---

[1]) Напримѣръ, сочиненіе по тому же предмету, но несравненно худшее указанныхъ нами — Чіампини: «De perpetuo azymorum usu in ecclesia latina, vel saltem romana». Rom. 1688.

[2]) Впрочемъ, поименованные нами въ текстѣ писатели въ извѣстномъ отношеніи составляютъ пріятное исключеніе въ ряду другихъ; по крайней мѣрѣ ихъ усиліе остаться вѣрными исторической почвѣ при рѣшеніи вопроса заслуживаетъ полнаго одобренія.

(Lipsiae 1837 an.). Германъ излагаетъ исторію споровъ съ XI по XVIII вѣкъ включительно. Вся его исторія (432 страницы in minore 8°) раздѣляется на четыре части. Первую часть ея онъ посвящаетъ разсмотрѣнію древнѣйшихъ вопросовъ, „если только какіе были", о хлѣбѣ квасномъ или прѣсномъ для таинства евхаристіи, начиная со временъ апостольскихъ до XI столѣтія. Онъ разбираетъ мнѣнія и доводы тѣхъ, которые относили возникновеніе спора объ опрѣснокахъ къ этому времени и приходитъ къ тому заключенію, что со временъ апостольскихъ не было открыто возбуждено спора объ опрѣснокахъ до XI столѣтія. Во второй части авторъ излагаетъ споръ грековъ съ латинянами объ опрѣснокахъ. Здѣсь онъ разсказываетъ о началѣ спора объ опрѣснокахъ при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ и его продолженіи, вообще излагаетъ внѣшнюю сторону спора, окончившагося раздѣленіемъ церквей, отводя и показывая мѣсто для спора объ опрѣснокахъ въ числѣ причинъ этого раздѣленія. Тутъ же авторъ показываетъ и то, что споръ объ опрѣснокахъ не кончился смертію Михаила Керуларія, но продолжался до самаго XVIII столѣтія включительно и въ общей группѣ излагаетъ доказательства грековъ въ пользу употребленія кваснаго хлѣба, а потомъ доказательства латинянъ въ пользу употребленія опрѣсноковъ. Третья часть сочиненія Германа заключаетъ въ себѣ описаніе того, какъ разногласны были мнѣнія западныхъ богослововъ о началѣ употребленія въ евхаристіи того и другаго хлѣба, когда одни изъ нихъ доказывали, что до IX столѣтія въ евхаристіи латинянъ употреблялся исключительно квасный хлѣбъ, другіе доказывали, что въ латинской церкви всегда употреблялся опрѣснокъ, а иные приводили доказательства въ пользу того, что прежде Фотія употреблялся безразлично тотъ и другой хлѣбъ. Здѣсь же авторъ говоритъ о спорѣ реформаторовъ съ католиками о квасномъ и прѣсномъ хлѣбѣ, когда реформаторы приводили доказательства въ пользу употребленія кваснаго хлѣба. Наконецъ, въ четвертой части своей исторіи авторъ показываетъ насколько самъ по себѣ былъ важенъ споръ объ опрѣснокахъ по мнѣнію грековъ, латинянъ и реформаторовъ. Въ концѣ своей книги (стр. 433—528) онъ перепечаталъ свое прежнее сочиненіе (изд. еще въ 1730 году),

въ которомъ латинскій богословъ опровергаетъ разсужденія и доводы греческаго богослова о томъ, что Христосъ совершилъ свою пасху прежде назначеннаго для совершенія пасхи времени и на квасномъ хлѣбѣ.

Трудъ Германа не отличается богатствомъ источниковъ, а недочетъ въ нихъ слишкомъ сказывается въ содержаніи его исторіи. Кромѣ того, не всѣ источники, относящіеся къ XI и XII вѣкамъ, бывшіе въ распоряженіи Германа, были надлежащимъ образомъ имъ поняты и оцѣнены. Свое вниманіе авторъ сосредоточиваетъ главнымъ образомъ на выясненіи внѣшней исторіи спора объ опрѣснокахъ, а внутренняя сторона спора въ его трудѣ остается почти совершенно неразъясненною. Что касается исторіи споровъ въ XI и XII вѣкахъ, то лучше разъяснена у него исторія споровъ XI вѣка, а исторія споровъ XII вѣка оказывается слишкомъ бѣдною по своимъ источникамъ и почти совершенно стушевывается. Наконецъ, схоластическое построеніе и изложеніе Германомъ своего сочиненія, съ слишкомъ механическимъ и спутаннымъ расположеніемъ въ немъ собраннаго имъ матеріала, съ его манерою говорить подробно и витіевато о томъ, что маловажно, и слишкомъ сухо и сжато о томъ, что болѣе всего относится къ дѣлу,—все это располагаетъ признать его исторію не удовлетворяющею современнымъ научнымъ требованіямъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, хотя и устарѣвшій, трудъ Германа все-таки можетъ быть полезенъ.

Послѣ исторіи Германа въ ряду пособій должна быть поставлена: Geschichte der apologetischen und polemischen Literatur der christlichen Theologie» — доктора Карла Вернера, который въ третьемъ томѣ своего обширнаго труда занимается отчасти и нашимъ вопросомъ. Изъ весьма немногихъ, хотя и главнѣйшихъ полемическихъ памятниковъ, онъ удачно резюмируетъ сущность спора объ опрѣснокахъ, но, оставивъ въ сторонѣ цѣлую массу полемическихъ памятниковъ, онъ все-таки не могъ выяснить историческаго хода полемики по дебатировавшемуся вопросу и изъ цѣлой исторіи полемики даетъ только небольшой отрывокъ.

Затѣмъ, въ ряду пособій слѣдуетъ указать три статьи о. архимандрита Августина, напечатанныя въ Трудахъ Кіевской Ду-

ховной Академіи. Первыя двѣ изъ его статей помѣщены въ двухъ книжкахъ за 1867 годъ подъ заглавіемъ: „Полемическія сочиненія противъ латинянъ, писанныя въ русской церкви въ XI и XII вѣкахъ — въ связи съ общимъ историческимъ изысканіемъ относительно разностей между восточною и западною церковію". Въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи, вслѣдъ за общимъ краткимъ обозрѣніемъ и перечисленіемъ полемическихъ сочиненій, писанныхъ въ русской церкви, авторъ, замѣтивъ, что главнымъ образомъ три вопроса занимали нашихъ полемистовъ: 1) о времени и причинахъ отдѣленія римской церкви отъ вселенской, 2) о заблужденіяхъ или винахъ латинянъ, за которыя они отсѣчены отъ союза вселенской церкви, 3) объ отношеніяхъ, какія должны существовать между православными и латинянами,—разбираетъ отвѣты нашихъ полемистовъ на эти вопросы, а въ заключеніе кратко говоритъ о тѣхъ источникахъ, которыми они пользовались, и общемъ характерѣ греческой полемики. Давъ главное мѣсто въ своемъ изслѣдованіи разбору содержанія сочиненій, писанныхъ въ Россіи, а общее историческое изысканіе о разностяхъ между восточною и западною церковію отодвинувъ на задній планъ, авторъ уже этимъ самымъ допустилъ въ свое изслѣдованіе много темнаго, непровѣреннаго, научно недоказаннаго и необоснованнаго. Однако, какъ первый опытъ въ своемъ родѣ въ русской ученой литературѣ, статьи о. архимандрита Августина безпорно заслуживаютъ полнаго вниманія къ себѣ. Третья статья о. архимандрита Августина помѣщена въ декабрской книжкѣ за 1870 годъ съ заглавіемъ: „Споръ грековъ съ латинянами объ опрѣснокахъ и квасномъ хлѣбѣ въ таинствѣ евхаристіи". Какъ видно по самой тэмѣ, эта статья еще ближе подходитъ къ нашему вопросу, но она уже не составляетъ какого нибудь спеціальнаго и серьезнаго изслѣдованія, а имѣетъ чисто популярный характеръ. Замѣтивъ, что какъ ни многочисленны и разнообразны сочиненія, написанныя въ спорѣ о хлѣбѣ квасномъ и прѣсномъ, но всѣ они выходятъ изъ однихъ и тѣхъ же общихъ и главныхъ положеній, выработанныхъ въ этомъ спорѣ и, сосредоточиваясь около этихъ положеній, только такъ или иначе, болѣе или менѣе развиваютъ ихъ,—о. Августинъ ставитъ задачею своей статьи

„представить эти общія и главныя положенія, не вдаваясь въ подробности этого знаменитаго спора". Перечисляя свои источники, авторъ говоритъ, что главнымъ образомъ онъ пользовался книгою Германа, а также кое-гдѣ изданіемъ Вилля и третьимъ томомъ сочиненія Вернера. Конечно, самая задача автора способствовала къ отрывочности положеній, которыми написана его небольшая статейка, а недостатокъ источниковъ отзывался недостаткомъ и въ самыхъ этихъ положеніяхъ, но тѣмъ не менѣе возможно тщательнаго и строгаго выполненія своего дѣла авторомъ отрицать нельзя.

Болѣе популярнымъ, чѣмъ строго-научнымъ и спеціальнымъ характеромъ отличаются и „полемико-историческіе этюды" г. Алексѣя Лебедева, напечатанные въ трехъ первыхъ книгахъ Чтеній въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія за 1875 г. подъ заглавіемъ: „церковь римская и византійская въ ихъ взаимныхъ догматическихъ и церковно-обрядовыхъ спорахъ въ IX, X, XI вѣкахъ". Авторъ беретъ на себя задачу изложить содержаніе полемическихъ сочиненій за указанное время по возможности словами ихъ авторовъ, чтобы такимъ образомъ, какъ онъ выражается, изучить самое зерно разногласій, доселѣ раздѣляющихъ великія христіанскія церкви — западную и восточную. Изложивъ словами самихъ полемистовъ или извлеченіями изъ нихъ мнѣнія и воззрѣнія ихъ касательно того или другаго вопроса, авторъ присоединяетъ къ этому краткую исторію каждаго вопроса какъ въ церкви латинской, такъ и въ восточной до того вѣка, въ который началась полемика. Однако изъ всѣхъ восточныхъ полемическихъ сочиненій по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI вѣкѣ онъ вводитъ въ свое изслѣдованіе только первое письмо Льва Ахридскаго и трактатъ Никиты Стиѳата, а изъ латинскихъ полемическія сочиненія кардинала Гумберта, излагая весь споръ объ опрѣснокахъ въ XI вѣкѣ на нѣсколькихъ страницахъ.

Наконецъ, въ 1875 году вышло въ свѣтъ послѣднее наше пособіе: „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.) Андрея Попова (Москва 1875 г.). Изслѣдуя древне-русскія полемическія сочиненія противъ латинянъ включительно до Флорентійскаго собора,

г. Поповъ ставитъ цѣлію своего изслѣдованія прослѣдить по древнимъ памятникамъ какія понятія о латинахъ передали новообращенной Руси ея духовные наставники и въ частности какимъ именно путемъ литературнымъ проникали къ намъ памятники византійской литературы. Но громадность сыраго рукописнаго матеріала въ трудѣ г. Попова имѣетъ перевѣсъ надъ его разработкой, такъ что этотъ трудъ по собранному и не вполнѣ разработанному въ немъ матеріалу скорѣе можно назвать сборникомъ матеріала для будущаго изслѣдователя. Изъ византійскихъ полемическихъ сочиненій авторъ беретъ только тѣ, которыхъ вліяніе замѣтно отразилось на внѣшней литературной сторонѣ сочиненій, писанныхъ въ Россіи, и опускаетъ всѣ другія. Вотъ почему даже тѣ греческія полемическія сочиненія, которыя входятъ въ его трудъ, — входятъ только съ своей чисто внѣшней, литературной стороны и притомъ только въ отрывкахъ. Такимъ образомъ, греческая полемическая литература въ трудѣ г. Попова остается не вполнѣ изслѣдованною, а слѣдовательно не вполнѣ цѣльно и не безъ промаховъ и ошибокъ выясняется и вліяніе ея на древне-русскую литературу. Однако, независимо отъ частныхъ ошибокъ, прекрасный трудъ г. Попова въ своемъ цѣломъ, какъ уже мы замѣтили, можетъ служить въ нѣкоторыхъ случаяхъ для изслѣдователя даже источникомъ по собранному въ немъ драгоцѣнному рукописному матеріалу [1]).

---

[1]) Послѣ того, какъ мы уже кончили свое сочиненіе, въ нашей ученой литературѣ явилась новая книга, также имѣющая отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія: «Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ» А. Павлова. С.-Петербургъ. 1878. Имѣя въ виду, по порученію Императорской Академіи наукъ, дать отзывъ о книгѣ А. Н. Попова, авторъ расширилъ ближайшую критическую задачу своей работы до попытокъ самостоятельнаго изслѣдованія по вопросамъ, которые разрѣшаются въ книгѣ г. Попова, или затрогиваются въ ней. Книга г. Павлова особенно дорога приложеніями къ ней нѣкоторыхъ полемическихъ памятниковъ. Изъ числа памятниковъ, входящихъ въ наше изслѣдованіе, въ его книгѣ изданы: 1) сочиненіе противъ латинянъ митрополита Льва или Леонтія (№ 1) въ греч. текстѣ по рукоп. Моск. Синод. библ. № 366; 2) сочиненія Никиты Хартофилакса (№ III) въ греческомъ и частію въ славянскомъ текстахъ, — первый текстъ изданъ по рукоп. сборн. Синод. библ. № 443, а второй взятъ изъ сборника Ундольскаго XV в. № 1280; 3) второе посланіе Льва Ахридскаго объ опрѣснокахъ (№ IV) въ греч. текстѣ по рукоп. Синод. библ. № 443; 4) сокращенная редакція посланія Кон-

Заключая обзоръ источниковъ и пособій, служащихъ для разъясненія исторіи споровъ по вопросу объ опрѣснокахъ, мы должны сказать, что эта исторія далеко не можетъ считаться выясненною въ ученыхъ ея разработкахъ, какъ съ точки зрѣнія современнаго состоянія источниковъ, такъ и съ точки зрѣнія научныхъ требованій вообще. Благодаря современнымъ открытіямъ въ области исторической науки, мы имѣли возможность пользоваться нѣкоторыми такими документами, которые до нашего времени считались потерянными для нея и не вошли въ указанныя нами ученыя разработки исторіи полемики по вопросу объ опрѣснокахъ. Впрочемъ, авторы всѣхъ указанныхъ нами пособій совсѣмъ не задавались цѣлію спеціально изслѣдовать исторію споровъ объ опрѣснокахъ въ XI и XII вѣкахъ. Вопросы, которые они ставятъ темами своихъ изслѣдованій,—слишкомъ широкіе вопросы, а отъ этого отчасти зависитъ недостаточность изслѣдованія у нихъ нашего вопроса. Внутренняя сторона исторіи споровъ объ опрѣснокахъ остается почти совершенно неразъясненною и неизвѣстною. Отсюда оказываются совершенно не выясненными ни научное значеніе спора объ опрѣснокахъ, ни практическое значеніе этого знаменитаго спора для между-церковныхъ отношеній,—все это остается еще сдѣлать ученымъ нашего времени.

Задаваться мыслію изслѣдовать полемическія сочиненія за цѣлые восемь вѣковъ и притомъ не по одному только вопросу объ опрѣснокахъ, а по всѣмъ вопросамъ, одновременно разсматривавшимся

стантинопольскаго патріарха Михаила Керулярія къ Петру Антіохійскому (№ V) въ греч. и славян. текстахъ, — первый изъ рукоп. Синод. библ. № 366, второй—изъ сборника Троиц. Лавры XV в. № 177; 5) посланіе русскаго митрополита Іоанна II къ папѣ Клименту (№ VII) въ греч. текстѣ изъ Синод. рукоп. № 366 и славянскомъ—изъ Синод. рукоп. XVI в. № 562; 6) отрывокъ въ греч. текстѣ изъ сочиненія Никиты Сенда, по рукоп. Синод. библ. № 368, изъ сочиненія Никиты, озаглавленнаго: «Νικήτα τοῦ Σείδου λόγος σχεδιασθεὶς πρὸς Ῥωμαίους»...) и отрывокъ изъ сочиненія Іоанна Клавдіопольскаго въ греч. текстѣ по Синод. рукописямъ № 366 и 368 (№ VIII); 7) «Стязаніе съ латиною» кіевскаго митрополита Георгія въ славян. текстѣ изъ рукописи Новгородско-Софійской библіотеки, конца XV вѣка, № 1285 (№ IX). Результаты изслѣдованія г. Павлова, по мѣрѣ отношенія ихъ къ нашему дѣлу, будутъ все-таки указываться и обсуждаться нами, если не въ текстѣ, то по крайней мѣрѣ въ примѣчаніяхъ къ тексту нашего изслѣдованія.

съ нимъ, намъ кажется преждевременнымъ. Вотъ почему свое изслѣдованіе исторіи полемики между греками и латинянами мы ограничиваемъ исключительно только споромъ объ опрѣснокахъ и только въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ со времени его возникновенія. Своею задачею мы ставимъ—выяснить не столько внѣшнюю, сколько главнымъ образомъ внутреннюю сторону спора объ опрѣснокахъ въ XI и XII вѣкахъ и показать научное и практическое значеніе этого спора. Такою задачею нашего изслѣдованія опредѣляются его планъ и методъ. Вслѣдъ за первою главою, посвященною изложенію исторіи возникновенія спора изъ-за опрѣсноковъ и вообще внѣшней исторіи этого спора въ XI и XII вѣкахъ, во второй главѣ нашего сочиненія мы раскроемъ отношеніе другъ къ другу уцѣлѣвшихъ до нашего времени, указанныхъ нами, полемическихъ трактатовъ, вызванныхъ этимъ споромъ за указанное время. Главный вопросъ, подлежащій при этомъ разсмотрѣнію: кто изъ авторовъ-полемистовъ кѣмъ пользовался и на сколько кто изъ нихъ можетъ быть признанъ самостоятельнымъ по мысли или по способу ея развитія? Раскрытіе этого вопроса уже вводитъ во внутреннюю исторію спора объ опрѣснокахъ и уясняетъ постепенный ходъ ея развитія. При этомъ само собою опредѣляется принадлежность каждаго полемическаго памятника къ тому или другому изъ общихъ направленій полемистовъ и, такимъ образомъ, всѣ полемическіе трактаты разгруппировываются по направленіямъ и ученымъ пріемамъ. Въ третьей главѣ будетъ показано генетическое развитіе спора объ опрѣснокахъ со стороны содержанія съ указаніемъ исходныхъ точекъ, руководящихъ принциповъ, доводовъ и выводовъ спорящихъ сторонъ. Наконецъ, въ четвертой главѣ будетъ разъяснено научное значеніе спора объ опрѣснокахъ, а также и практическое значеніе этого спора для между-церковныхъ отношеній.

ГЛАВА I.

Въ древній періодъ существованія христіанской церкви, по крайней мѣрѣ, до VII столѣтія въ таинствѣ евхаристіи повсемѣстно приносился обыкновенный домашній хлѣбъ [1]). Правда изъ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства извѣстно, что евіониты употребляли въ евхаристіи исключительно опрѣсноки, но евіониты были такими еретиками, у которыхъ почти ничего не было христіанскаго и которые только одинъ разъ въ годъ [2]) совершали лишь нѣчто похожее на таинство евхаристіи. Въ VII вѣкѣ исключительно только опрѣсноки стали употреблять при совершеніи этого таинства армяне.

Вопросъ о томъ, когда именно стали въ западной церкви совершать евхаристію на опрѣснокахъ до сихъ поръ остается вопросомъ спорнымъ. Крайніе приверженцы всего латинскаго говорятъ и во что бы то ни стало стараются доказать, что употребленіе опрѣсноковъ ведетъ свое начало отъ самаго Господа Іисуса Христа и Его апостоловъ и проходитъ чрезъ всѣ времена существованія церкви на западѣ. Такъ утверждали, какъ увидимъ, рѣшительно всѣ полемисты латинской группы, сочиненія которыхъ входятъ въ наше изслѣдованіе, а также и такіе представители богословской науки на западѣ послѣдующаго времени, какъ напримѣръ Ѳома Аквинатъ, Цезарь Бароній и другіе [3]). Однако и на западѣ люди серьезнѣе занимавшіеся рѣшеніемъ этого вопроса и болѣе безпристрастные, напримѣръ іезуитъ Іаковъ Сирмондъ и кардиналъ Іоаннъ Бона,

---

[1]) Іустинъ мученикъ хлѣбъ, употреблявшійся въ таинствѣ евхаристіи, весьма ясно называетъ κοινος ἄρτος. Кромѣ того, см. August. epist. 59; Tertullian—Ad uxorem lib. II, cap. 5.

[2]) Въ книгѣ о ересяхъ св. Епифаній Кипрскій пишетъ объ евіонитахъ Μυστήρια τελοῦσι κατὰ μίμησιν τῶν ἁγίων ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ ἀπὸ ἐνιαυτοῦ εἰς ἐνιαυτὸν, διὰ ἀζύμων, καὶ τὸ ἄλλο μέρος τοῦ μυστηρίου δι' ὕδατος μόνου, т. е. таинства они совершаютъ по подражанію святымъ въ церкви изъ года въ годъ на опрѣснокахъ, а другую часть таинства на одной водѣ». Haeres. XXX, § 16.

[3]) Geschichte d. apolog. und polemisch. Literatur. Von Werner. Bd. III. § 419 и слѣд. Также Historia concertationum Hermanni.

въ своихъ изслѣдованіяхъ по этому предмету приходили къ другимъ выводамъ. Сирмондъ въ своемъ сочиненіи „Disquisitio de azymo“ впервые на западѣ высказалъ мысль, что до самаго X вѣка повсюду употреблялся хлѣбъ квасный. Что опрѣсноки не употреблялись тамъ до временъ патріарха Фотія, авторъ доказывалъ тѣмъ, что Фотій не упоминаетъ объ этомъ обычаѣ латинянъ, а онъ не преминулъ бы указать на него, если бы такой обычай существовалъ. Въ подтвержденіе мнѣнія Сирмонда кардиналъ Бона привелъ болѣе сильныя доказательства [1]), но тѣмъ сильнѣе, конечно, были на него нападки и порицанія со стороны ревностныхъ католиковъ, такъ что онъ принужденъ былъ написать другое сочиненіе, гдѣ уже высказываетъ, что онъ вполнѣ держится воззрѣній западной церкви и что Спаситель совершалъ пасху на опрѣснокахъ. Правда, продолжаетъ Бона, Спаситель не сдѣлалъ своего примѣра обязательнымъ, какъ видно изъ примѣровъ, представленныхъ апостолами, которые употребляли обыкновенный хлѣбъ, но все-таки лучше совершать пасху на опрѣснокахъ, какъ ради подражанія Христу, такъ и вслѣдствіе большей чистоты ихъ. Однако нападки на него продолжались и Бона задумалъ было написать спеціальное сочиненіе по этому вопросу, но, услыхавъ, что этимъ предметомъ занимается другой ученый—Мабильонъ, онъ отослалъ къ нему всѣ собранные для сочиненія матеріалы. Мабильонъ дѣйствительно написалъ сочиненіе, въ которомъ проводитъ тотъ взглядъ, что нѣтъ никакихъ основаній для отрицанія употребленія опрѣсноковъ въ латинской церкви не только во времена Фотія, но и въ самыя древнѣйшія времена ея существованія. Первымъ доказательствомъ древности употребленія у латинянъ опрѣсноковъ Мабильонъ выставляетъ то обстоятельство, что отцы латинской церкви, жившіе прежде Фотія, учатъ, что евхаристія была установлена при наступленіи дня опрѣсноковъ и поэтому на опрѣснокахъ, а также говорятъ, что въ

[1]) Между прочимъ Бона указалъ на слова Августина въ epist. 59, гдѣ Августинъ евхаристійный хлѣбъ называетъ обыкновеннымъ хлѣбомъ и на слова Тертулліана (Ad uxorem II, 5). Non sciet maritus, quid secreto ante omnem cibum gustes. Et si sciverit panem, non illum credit esse, qui dicitur. А это могло случиться только при предположеніи, что евхаристійный хлѣбъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго.

совершеніи этого таинства должно слѣдовать примѣру Христа и, если происходило въ чемъ-нибудь измѣненіе нѣкоторыхъ обрядовъ его, изыскиваютъ основанія для сдѣланнаго измѣненія, но при всемъ томъ они однако не возбуждаютъ никакого вопроса объ измѣненіи употребленія опрѣснока [1]). Что касается восточныхъ писателей, то и они точно не опредѣляютъ времени, когда у латинянъ стали совершать евхаристію на опрѣснокахъ. Одни относятъ возникновеніе этого обычая ко временамъ папы Григорія Великаго (Георгій изъ Корфу, Симеонъ Солунскій); другіе ко временамъ Карла Великаго, при которомъ будто бы этотъ обычай былъ привнесенъ въ церковь франками, или аріанствующими и аполлинаріанствующими вандалами (Никита Сеидъ, Іоаннъ Клавдіопольскій, Никифоръ митрополитъ русскій, Аѳанасій Кидоній, Маркъ Ефесскій и другіе [2]). Ученымъ послѣдующаго времени также не удалось приблизить этотъ вопросъ къ положительному рѣшенію, такъ что приходится остановиться только на предположеніи, принятомъ въ настоящее время большинствомъ ученыхъ, что обычай употребленія опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи въ западной церкви возникъ приблизительно за 100 лѣтъ до окончательнаго раздѣленія церквей.

Причину введенія у латинянъ обычая употреблять опрѣсноки кардиналъ Бона видитъ въ совершенномъ прекращеніи въ церкви древняго обычая, по которому вѣрующіе всегда приносили изъ своихъ домовъ хлѣбъ для евхаристіи, и что приготовленіе хлѣба перешло въ руки клириковъ. Клирики сначала измѣнили прежнюю величину хлѣба, такъ какъ теперь при совершеніи евхаристіи стали пріобщаться каждый разъ почти только одни священнослужители, а потомъ ввели и особенный способъ приготовленія, такъ какъ опрѣсноки приготовляются легче, а ихъ употребленіе не было запрещено никакимъ закономъ [3]). Къ этому объясненію Боны можно

---

[1]) D. Ioannis Mabillonii «Praefationes in Acta Sanctorum Ordinis S. Benedicti et ejusdem dissertationes VI. Venetiis MDCCXL. Dissertatio de pane eucharistico, azymo ac fermentato. Ad. Eminentiss. Cardinalem Bona (Iuxta exemplar impressum Parisiis anno 1674; p. 517—549), p. 533, c. VII.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. въ Hist. Hermanni и Geschichte d. apolog. und polemisch. Literatur Werner. Bd. III, § 419 и слѣд.

[3]) «De rebus Liturgicis»,—lib. 1, cap. XXIII edit. Col. Agrip. 1674 an.

присоединить еще развѣ только то, что клирики, на обязанности которыхъ было приготовлять вещество для таинства, въ западной церкви были неженатыми и, слѣдовательно, не могли раздѣлять своихъ трудовъ въ приготовленіи хлѣба съ своими женами, а прѣсный хлѣбъ дѣйствительно приготовляется скорѣе и легче, нежели квасный.

Если нельзя точно опредѣлить времени, съ котораго начали въ западной церкви совершать евхаристію на опрѣснокахъ, то, по крайней мѣрѣ, должно считать положительно извѣстнымъ, что открытая полемика по вопросу объ опрѣснокахъ была начата греками только въ половинѣ XI вѣка, точнѣе—въ 1053 году, при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ, который и можетъ быть сочтенъ первымъ виновникомъ открытой борьбы съ латинянами изъ-за этого вопроса.

Правда въ русской ученой литературѣ съ давняго времени утвердилось положеніе, что еще прежде Михаила Керуларія патріархъ Фотій и русскій митрополитъ Леонтій, жившій въ концѣ X и началѣ XI вѣка писали объ опрѣснокахъ, но такое положеніе не можетъ быть признано ни научно доказаннымъ, ни основательнымъ вообще. Причина его возникновенія составляетъ плодъ или весьма естественныхъ недоразумѣній, или ученыхъ промаховъ и натяжекъ въ рѣшеніи этого вопроса.

Считать появленіе полемическихъ сочиненій ранѣе половины XI вѣка способствовала одна обще-извѣстная и замѣчательная особенность, часто встрѣчающаяся въ греческой полемической литературѣ конца XI вѣка. Греческіе писатели-полемисты, выставляя латинянъ давними еретиками, съ которыми не слѣдуетъ имѣть никакого общенія, въ своихъ сочиненіяхъ стараются обличенія латинянъ во всѣхъ ихъ заблужденіяхъ возвести не только ко временамъ знаменитаго и уважаемаго Фотія, но если возможно, то и еще далѣе. Средство для этого они избрали самое простое. Свои сочиненія они стали прикрывать знаменитыми именами Фотія, Михаила Синкелла (ум. около 835 г.), Іоанна Дамаскина (ум. около 760 г.), константинопольскаго патріарха Епифанія († 535), св. Аѳанасія Великаго († 373). Само собою разумѣется, какое сильное впечатлѣніе такія сочиненія могли производить на современное имъ греческое общество и какую

трудную задачу представляютъ они для современныхъ ученыхъ. Современники подложныхъ сочиненій, а равно и ученые нашего времени, соображая вполнѣ естественно во-первыхъ то, что настоящаго общенія между церквами дѣйствительно не было уже за долго до половины XI вѣка, а во-вторыхъ и то, что имя напримѣръ Фотія дѣйствительно извѣстно, какъ имя борца противъ латинянъ и латинскихъ заблужденій, приходили къ убѣжденію, что и въ самомъ дѣлѣ такого рода сочиненія могли принадлежать нѣкоторымъ изъ тѣхъ лицъ, которымъ они приписаны. Конечно, никто не усумнится въ подложности сочиненій этого рода, приписанныхъ Аѳанасію Великому и Іоанну Дамаскину. Что касается сочиненій, приписанныхъ Михаилу Синкеллу и патріарху Епифанію, то для современной науки подлогъ ихъ тоже слишкомъ очевиденъ и никто не скажетъ, что они дѣйствительно писали полемически-тенденціозныя сказанія объ отпаденіи латинянъ и въ нихъ разсуждали объ употребленіи латинянами опрѣсноковъ, хотя такого рода сказанія и извѣстны съ ихъ именами. Но что касается патріарха Фотія, то подложныя сочиненія, появившіяся съ его именемъ уже въ концѣ XI вѣка, по указаннымъ нами соображеніямъ, наводятъ нѣкоторыхъ ученыхъ на мысль, что могли существовать сочиненія по вопросу объ опрѣснокахъ, дѣйствительно принадлежавшія Фотію, и что, значитъ, будто бы еще патріархъ Фотій писалъ объ этомъ предметѣ.

Съ своей стороны мы полагаемъ, что ранѣе перваго письма Льва Ахридскаго къ Іоанну Транійскому, написаннаго (1053 г.) по внушенію константинопольскаго патріарха Михаила Керуларія, никакого другаго сочиненія, въ которомъ бы писалось хоть что-нибудь объ опрѣснокахъ противъ латинянъ, наука не знаетъ и думаемъ, что литературная полемика между греками и латинянами открылась именно только письмомъ Льва Ахридскаго къ Іоанну Транійскому. Это письмо носитъ на себѣ характеръ оффиціальнаго вызова на борьбу по вопросу объ опрѣснокахъ,—этой новой еще не объявленной гласно разности латинскаго обряда съ греческимъ, поднявшей и обнаружившей всю рознь между церквами и все ихъ нерасположеніе другъ къ другу, накоплявшіяся издавна. Другіе,

какъ мы сказали, думаютъ иначе и представляютъ свои основанія въ подтвержденіе того, что литературная полемика по вопросу объ опрѣснокахъ началась гораздо ранѣе временъ Михаила Керуларія и что, по крайней мѣрѣ, уже въ первой половинѣ XI вѣка дѣйствительно обращались на востокѣ сочиненія объ опрѣснокахъ съ именемъ патріарха Фотія. Къ разбору этихъ основаній мы теперь и обратимся.

„Есть документальныя данныя“, пишетъ г. Поповъ, „съ неопровержимою точностію доказывающія, что въ началѣ XI вѣка дѣйствительно могло существовать полемическое опроверженіе употребленія опрѣсноковъ. Самъ Левъ архіепископъ Охридскій въ своемъ посланіи 1053 года, приступая къ изложенію обвиненія относительно латинскаго совершенія таинства евхаристіи, говоритъ о немъ какъ о предметѣ, давно уже обратившемъ на себя вниманіе, какъ о вопросѣ, который онъ только вновь возобновляетъ, ставитъ на видъ, припоминаетъ. Вотъ его слова: Ἡ τοῦ θεοῦ μεγάλη ἀγάπη καὶ τὰ χρηστὰ τῆς συμπαθείας αὐτοῦ σπλάγχνα ἔπεισαν ἡμᾶς γράψαι πρὸς τὴν σὴν ἁγιότητα.... καὶ ὑπομνῆσαι περὶ τε τῶν ἀζύμων. Въ латинскомъ переводѣ кардинала Гумберта, современномъ подлиннику, это мѣсто читается: Dei magna dilectio et jucunda compassionis viscera flexere nos scribere ad tuam sanctitatem.... et memorari de azymis».

Но словамъ „и напомнить объ опрѣснокахъ“ (καὶ ὑπομνῆσαι περὶ τε τῶν ἀζύμων) г. Поповъ придаетъ не то значеніе, которое они дѣйствительно имѣютъ. Напоминать можно и о такой вещи, которая только въ первый разъ ставится на видъ и въ этомъ смыслѣ слова: „и напомнить вамъ объ опрѣснокахъ“ будутъ означать: „обратить ваше вниманіе на всю несообразность употребленія опрѣсноковъ“, „надоумить васъ относительно опрѣсноковъ“.

Такой смыслъ соединяется съ этимъ словомъ и во всѣхъ лучшихъ филологическихъ словаряхъ какъ напр. Le Griechisch-Deutscher Handwörterbuch v. Suhle und M. Schneidewin.

---

[1]) «Обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ», стр. 38—39.

Leipzig. 1875. Здѣсь мы читаемъ: ὑπομιμνήσκω—gedenken machen, erinneru, mahnen.

Только при такомъ пониманіи указанныхъ словъ дѣлается понятнымъ то обстоятельство, что *напоминаніе* Льва было принято на западѣ какъ *новое* и *неслыханное* оскорбленіе римской церкви, какъ это видно изъ латинскихъ полемическихъ сочиненій [1]). Такимъ образомъ упомянутыя слова Льва Ахридскаго нельзя ставить въ число документальныхъ данныхъ для доказательства, что въ началѣ XI вѣка дѣйствительно могло существовать полемическое опроверженіе употребленія опрѣсноковъ.

По греческимъ источникамъ, продолжаетъ г. Поповъ, обвиненіе латинянъ въ употребленіи опрѣсноковъ возводится къ начальному періоду въ исторіи раздѣленія церквей, т. е. къ IX вѣку. Такъ по свидѣтельству Никиты Хоніата (писат. нач. XIII вѣка) уже Фотій порицалъ латинянъ за употребленіе опрѣсноковъ.

Это доказательство, выставленное г. Поповымъ въ подтвержденіе своей мысли также не имѣетъ никакой силы. Не только въ XIII вѣкѣ, но и во второй половинѣ XI вѣка сочиненіе, вышедшее вчера и приписанное патріарху Фотію, могли принять за подлинное сочиненіе Фотія и могли сказать, что Фотій писалъ по вопросу объ опрѣснокахъ. Показаніе такого поздняго свидѣтеля, какъ Никита Хоніатъ, слѣдовательно, нисколько не рѣшаетъ вопроса.

„Въ греческихъ рукописяхъ, продолжаетъ нашъ почтенный ученый, встрѣчается небольшой трактатъ, приписанный Фотію: De sacra Eucharistia contra azyma Latinorum [1]). Замѣчательно, что въ

---

[1]) Папа Левъ IX въ своемъ письмѣ къ Михаилу Керуларію говоритъ: «Illud autem quis non stupeat, quod post tot sanctos et orthodoxos patres per mille et viginti a passione Salvatoris annos n o v u s columniator ecclesiae Latinorum emersisti, anathematizans omnes et publicam persecutionem excitans, quicunque participarentur sacramentorum ex azymis» (apud. Will p. 91). Кардиналъ Гумбертъ въ своемъ «Діалогѣ», между прочимъ, пишетъ: ex qua tam caesa et hactenus i n a u d i t a audacia ad hoc prorupistis, ut cunctorum haereticorum, quos adhuc deprehendere valuimus, temeritatem trascendatis (Ibid. p. 91, c. III).

[2]) *Гергенротера* Photius, Patriarch von Constantinopel, t. III, p. 187 и 294.

[3]) По 9казанію Гергенротера полемическая статья эта находится въ Ватиканской греческ. рукописи XV вѣка (Photius, t. III, p. 248—249).

славянскихъ рукописяхъ статья подобнаго содержанія встрѣчается довольно часто... По спискамъ въ статьѣ этой ясно различаются двѣ части. Первая объ исхожденіи Св. Духа есть дословный (съ опущеніемъ начала) переводъ сочиненія, приписаннаго Фотію: Φοτίου πατριάρχου κατὰ τῶν τῆς παλαιᾶς ῥώμης, ὅτι ἐκ τοῦ πατρὸς μόνον ἐκπορεύεται τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον, ἀλλ' οὐχὶ καὶ ἐκ τοῦ υἱοῦ. Начало: εἰ ἁπλοῦν μέν τὸ πνεῦμα. Трактатъ этотъ, дошедшій въ подлинникѣ во множествѣ списковъ и внесенный, между прочимъ, въ знаменитую Панополію Евѳимія Зигабена († 1118) въ титулъ XIII, очевидно не принадлежитъ самому Фотію, такъ какъ въ немъ упоминается патріархъ Сергій (999—1019). Вторая часть исключительно посвящена вопросу о совершеніи таинства евхаристіи. Греческій подлинникъ послѣдней намъ неизвѣстенъ [1])".

Статью, приведенную у г. Попова, мы читали еще въ Минеи-Четіи митрополита Макарія и въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Кирилло-Бѣлозерской библіотеки [2]), въ которыхъ она почти дословно согласна съ славянскимъ текстомъ, изданнымъ г. Поповымъ по бомбицинному сборнику начала XV вѣка, принадлежащему издателю, хотя послѣдній текстъ кажется исправнѣе. Греческій подлинникъ ея, напротивъ, извѣстенъ. Онъ находится въ Панополіи же Евѳимія Зигабена, въ титулѣ XXIII, среди обличеній ересей армянскихъ [3]). Сообразно съ нашею цѣлію, мы приведемъ здѣсь вторую часть этой статьи, которая, какъ и первая, не можетъ принадлежать Фотію и можетъ служить только примѣромъ того, какъ неискусна была поддѣлка сочиненій, написанныхъ уже послѣ раздѣленія церквей и приписанныхъ Фотію.

„Въ священнѣй службѣ не приносять хлѣбъ якоже мы, нъ опрѣснокъ,—іудѣйскы глаголюще, яко хлѣбъ иже ученикомъ предасть опрѣснъкъ бѣ, тъгдашнему времени се истязующу. Къ нимъ же и многая свидѣтельства имуще отъ святыхъ представити еван-

---

[1]) «Обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій», стр. 39—43

[2]) Минея-Четія, февраль, рукоп. Соф. библ. № 1320. Рукоп. Кирилло-Бѣлозерской библіотеки № 76 (1153).

[3]) См. Migne, Patr. s. gr. t. CXXX, p. 1180 и слѣд.

гелій, яко хлѣбъ, а нь опрѣснокъ подалъ есть ученикомъ, къ сему же и отъ дѣлъ апостольскихъ да представятся. Іаковъ бо братъ Божій, епископъ отъ Господа въ Іерусалимѣ поставленъ, таже по вознесеніи божественную сложивъ службу, хлѣбомъ страшное священнодѣйство свершаше; такожде и божественный евангелистъ апостолъ Марко, върховнымъ апостоломъ Петромъ поставленъ въ Александріи епископъ, и тый хлѣбомъ квасным приношаше божественную службу. По преданію връховнаго сего, сице и преемницы ихъ и до нынѣ съвершаютъ и въ Антіохіи и прочихъ церквахъ поряду. Ибо и о чаши сице глаголета оба въ своихъ литургіахъ, ако пріемъ чашу и растворивъ отъ вина и воды, благодаривъ, благословивъ, да имъ прирекъ: піите отъ нея вси, се есть кровь моя, яже за вы и за многы изливаема въ оставленіе грѣховъ. Всяко, яко не ложенъ и проповѣдатель Богъ: якова хотѣаше изливатися, такову подаваше ученикомь. И въ Картагени съборъ сице правильнѣ повелѣваетъ: ничтоже иное въ святая приноситися развѣ едина, яже Господь предасть, сирѣчь хлѣбъ и вино, водою смѣшено. И Златоустый, въ иже отъ Іоанна, сице толкуя рече: яко внегда приступаеши къ жертвеннику и причащаешися крьве Христовѣ отъ чаши, непщуй, яко уста твоя ребромъ Христовымъ приложилъ еси и отъ ребра его піеши. Отъ ребра же Христова не крьвь токмо, нъ и вода истъче въ увѣреніе иже въ немъ двою естеству. О опрѣсноку же и отъ Моисеева закона явлено есть и отъ священныхъ евангелистъ. И божественному Павлу вънiющу и Григорію Богослову: древняя преидоша и се быша вся нова. Аще еже опрѣснъкъ въ священную и главнѣйшую нашего спасеніа тайну приносити, слыши же и Златоустаго глаголюща о ветсѣмъ и новѣмь завѣтѣ: тамо писмя, сьдѣже Христосъ; тамо кивотъ, сьдѣже дѣвыа: тамо жезлъ Ааронов, сьдѣже крестъ; тамо агньцъ, сдѣже Христосъ; тамо опрѣснъци, сьдѣже хлѣбъ. Чьсо сего явьствьнѣйши свидѣтельства, яко не опрѣснъкъ, нъ хлѣбъ пріяша апостоли и предаша“.

Самое содержаніе этой полемической статьи ясно и наглядно показываетъ, что она не можетъ принадлежать Фотію и написана не ранѣе 1054 года, такъ какъ составляетъ лишь плохую ком-

пиляцію изъ разныхъ сочиненій XI вѣка, преимущественно изъ сочиненій Никиты Стиѳата и Петра Антіохійскаго. Между прочимъ, авторъ этой статьи касается уже вопроса о причащеніи крови Христовой, возбужденнаго и поднятаго только въ самый разгаръ полемики половины XI вѣка, когда латиняне стали укорять грековъ въ томъ, что послѣдніе пріобщаются крови Христовой подъ видомъ вина, смѣшаннаго съ теплою водою, и притомъ доказывали, что кровь изъ боку Христа истекла холодная, а не теплая [1]).

Наконецъ, самое сильное и рѣшительное доказательство того, что съ именемъ патріарха Фотія дѣйствительно обращались на востокѣ въ первой половинѣ XI вѣка сочиненія объ опрѣснокахъ, г. Поповъ видитъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ по его мнѣнію произведеній византійской литературы XI вѣка,—именно въ Тактиконѣ Никона, инока Черной горы, что близъ Антіохіи [2]). Въ одномъ изъ словъ Никона, въ 40-мъ, надписанномъ къ пресвитеру Симеона чудотворца, г. Поповъ видитъ драгоцѣнныя извѣстія о полемическихъ греческихъ сочиненіяхъ, бывшихъ извѣстными во время Никона на востокѣ, и въ своемъ трудѣ приводитъ изъ этого слова все то, что относится къ латинской церкви [3]). Изъ этого отрывка мы видимъ, что сочиненіе инока Никона въ той своей части, которая имѣетъ отношеніе къ обличенію латинянъ, представляетъ не какое-нибудь важнѣйшее и особенно замѣчательное явленіе въ византійской полемической литературѣ XI вѣка, какъ думаетъ г. Поповъ, а самое обыкновенное, заурядное. Мы видимъ изъ него, что авторъ обыкновенный компиляторъ, какихъ и безъ него было много въ византійской литературѣ. Задавшись цѣлію собрать мнѣнія знаменитыхъ мужей о латинскихъ заблужденіяхъ, онъ прежде всего, по общепринятому обычаю византійскихъ писателей по раздѣленіи церквей, обращается къ сочиненіямъ патріарха Фотія и приглашаетъ читателя, желающаго познакомиться

---

[1]) См. Humberti responsio adversus Nicetae Pectorati,—apud Will cap. VII, p. 139, ibidem Fragmentum disputationis contra graecos, p. 258.

[2]) «Обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій», стр. 44—45.

[3]) Ibidem, стр. 289—296.

съ ересями и исторіею отпаденія латинянъ, обратиться къ сочиненіямъ этого знаменитаго писателя противъ латинянъ: „О паденіихъ же фружскыхъ да прочететь книгу посланіа Фотія патріарха костянтина града, и тамо обрящеть обдержительно посланіе того же Фотіа патріарха и глаголеть потонку о всѣхъ: о бесквасныхъ же и прочихъ такоже, о приложеніи же святаго изьобрѣтенія вѣры страннѣ тамо и пространнѣе се изьгласуеть". Въ книгѣ Фотіевой, по словамъ Никона, были помѣщены какое-то посланіе объ опрѣснокахъ съ именемъ Фотія, и кромѣ того его окружное посланіе. Изложивъ содержаніе послѣдняго, Никонъ переходитъ къ посланію Петра Антіохійскаго къ Доминику Венетійскому (1054 г.) и кратко передаетъ его содержаніе. Затѣмъ Никонъ буквально выписываетъ изъ посланія Михаила Керуларія изложеніе всѣхъ заблужденій латинской церкви. Послѣ выписки изъ посланія Михаила Керуларія Никонъ снова обращается къ посланію Петра Антіохійскаго къ Доминику Градскому и подробно излагаетъ разсужденія патріарха Петра по вопросу объ опрѣснокахъ, а потомъ переходитъ къ отвѣту Петра Михаилу Керуларію. Обратившись къ этому посланію, Никонъ исключительно останавливается на сообщенномъ въ немъ извѣстіи о восточныхъ инокахъ, употреблявшихъ будто бы мясную пищу и вступаетъ въ полемику по этому предмету.

Такимъ образомъ, Никонъ дѣлаетъ сводъ обвиненій, высказанныхъ въ посланіи патріарха антіохійскаго Петра къ Доминику и въ посланіи Михаила Керуларія къ Петру Антіохійскому. Кромѣ того мы можемъ видѣть, что Никону была извѣстна какая-то книга Фотіева, въ которой, кромѣ несомнѣнно помѣщавшагося окружнаго посланія Фотія, еще находилось будто бы и какое-то посланіе объ опрѣснокахъ, надписанное также именемъ Фотія. Но все-таки мы не видимъ въ этомъ сообщеніи Никона ничего особеннаго, потому что, если бы онъ и не сообщалъ объ этомъ, мы и помимо его знали бы, что въ его время могли уже существовать полемическія сочиненія, приписанныя Фотію, такъ какъ Никонъ Черногорецъ писалъ уже послѣ 1054 года. Слишкомъ естественно, что инокъ Никонъ быть можетъ и думалъ, что дѣйствительно самъ Фотій

обличалъ латинянъ за употребленіе опрѣсноковъ, когда предъ нимъ на лицо была „книга посланіа Фотія“, въ которой, допустимъ, было все вмѣстѣ — и трактатъ объ опрѣснокахъ и окружное посланіе, но намъ позволительно и возможно сомнѣваться въ этомъ. Никакихъ сочиненій по вопросу объ опрѣснокахъ, принадлежащихъ дѣйствительно Фотію, мы не знаемъ, а въ несомнѣнно принадлежащихъ ему сочиненіяхъ и въ отвѣтныхъ сочиненіяхъ на сочиненія Фотія со стороны латинскихъ полемистовъ не находимъ объ опрѣснокахъ ни слова.

Пользуясь сообщеніемъ Никона о книгѣ посланія патріарха Фотія, г. Поповъ дѣлаетъ изъ него слѣдующій окончательный выводъ: „Хотя патріархъ Фотій въ несомнѣнно принадлежащихъ ему сочиненіяхъ и не касался разности въ совершеніи таинства евхаристіи, но все же должно признать, что въ половинѣ XI вѣка, до появленія посланій Михаила Керуларія и Петра Антіохійскаго, общеизвѣстно было на востокѣ сочиненіе объ опрѣснокахъ съ именемъ Фотія“ [1]). Но такое заключеніе содержитъ въ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ сколько дано въ посылкахъ и въ противовѣсъ ему мы сдѣлаемъ свое: хотя патріархъ Фотій въ несомнѣнно принадлежащихъ ему сочиненіяхъ и не касался разности въ совершеніи таинства евхаристіи, но всетаки Никонъ имѣлъ подъ руками сочиненіе объ опрѣснокахъ съ именемъ Фотія, которое считалъ дѣйствительно принадлежавшимъ Фотію и потому, конечно, ставилъ по времени появленія ранѣе посланія Михаила Керуларія и Петра Антіохійскаго не смотря на то, что оно было написано, можетъ быть, гораздо позднѣе посланій Михаила Керуларія и Петра Антіохійскаго и не задолго до появленія сочиненія самого Никона, написаннаго послѣ окончательнаго раздѣленія церквей [2]). Итакъ,

---

[1]) Ibidem, стр 45.

[2]) Разсматривая указанное свидѣтельство Никона Черногорца, г. Павловъ въ своей книгѣ говоритъ: «Точно-ли оно (это свидѣтельство) имѣетъ тотъ смыслъ, какой даетъ ему г. Поповъ? Несомнѣнно, что въ рукахъ у Никона былъ особый сборникъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, называвшійся «книгою Фотія». Что въ этой книгѣ не все принадлежало или усвоялось Фотію, видно изъ сообщеннаго Никономъ подробнаго описанія ея состава и содержанія. Здѣсь несомнѣнно находились. нѣсколько подлинныхъ посланій патріарха Фотія, посла-

слова Никона не заключаютъ въ себѣ никакого доказательства для положенія, „что съ именемъ патріарха Фотія дѣйствительно обращались на востокѣ въ первой половинѣ XI вѣка сочиненія объ опрѣснокахъ“.

Но можетъ быть второму русскому митрополиту Леонтію († 1008 г.) принадлежитъ первому честь открытія борьбы съ латинянами изъ-за вопроса объ опрѣснокахъ? Обращая свое вниманіе на внѣшнюю сторону сочиненія, дошедшаго до насъ съ именемъ митрополита Леонтія, мы прежде всего замѣчаемъ, что оно написано въ формѣ посланія или письма къ римлянамъ, что видно какъ изъ самаго заглавія, такъ и обращеній, дѣлаемыхъ авторомъ въ текстѣ. Такая форма вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ греческимъ полемическимъ сочиненіямъ XI вѣка. Затѣмъ, размѣщеніе въ посланіи обвиненій и особенно пространное изслѣдованіе объ опрѣснокахъ также говорятъ за то, что посланіе Леонтія написано было тогда, когда этотъ вопросъ особенно сильно занималъ умы грековъ и латинянъ, т. е. въ XI вѣкѣ. Обращаясь къ содержанію посланія, мы замѣчаемъ тотъ же самый кругъ обвинительныхъ пунктовъ, какой мы встрѣчаемъ у авторовъ полемическихъ сочиненій XI вѣка. Поразительное сходство въ выборѣ обвиненій показываетъ, что сочиненіе Леонтія принадлежитъ къ тому же самому вѣку и

ніе Петра Антіохійскаго къ Доминику Граденскому, Михаила Керуларія къ Петру и отвѣтъ *послѣдняго*. Но что въ этой же книгѣ содержалось и особое, усвоенное Фотію сочиненіе объ опрѣснокахъ,—этого въ словахъ Никона мы не усматриваемъ съ такою ясностію, какъ г. Поповъ.. Правда, ближайшій грамматическій смыслъ словъ Никона—не въ нашу пользу. Сказуемое «глаголетъ» (потонку о бесквасныхъ) всего естественнѣе идетъ къ стоящимъ подлѣ существительнымъ «посланіе», «Фотій». Но, во первыхъ, нельзя поручиться, что славянскій переводъ тутъ безукоризненъ; во-вторыхъ, предполагая, что въ подлинникѣ грамматическая конструкція словъ была таже, мы, по требованію логическаго смысла всей рѣчи о «книгѣ Фотія», можемъ относить сказуемое «глаголетъ» только къ *этому главному существительному*. И странно было бы, если бы Никонъ, похваливъ Фотіево «посланіе», въ которомъ «потонку глаголалось о бесквасныхъ», не привелъ потомъ, при подробномъ анализѣ отдѣльныхъ статей книги ни одного слова изъ этого «посланія» («Критическіе опыты по исторіи греко-русской полемики противъ латинянъ», стр. 34 и 35). Противъ этихъ соображеній г-на Павлова мы ничего сказать не можемъ и они представляются намъ довольно вѣскими.

циклу, къ которому принадлежитъ большинство сочиненій, трактующихъ объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ, слѣдовательно къ XI вѣку.

Вопросъ теперь въ томъ: дѣйствительно ли это сочиненіе принадлежитъ второму русскому митрополиту Леонтію и могло ли оно быть написано до 1008 года,—года смерти втораго русскаго митрополита, или же оно явилось во второй половинѣ XI вѣка? Рѣшеніе этого вопроса также не можетъ представлять большаго труда. Изученіе содержанія какого-либо памятника и сравненіе содержанія его съ содержаніемъ подобныхъ ему памятниковъ ведутъ къ правильному опредѣленію его отношенія къ нимъ и степени его зависимости отъ нихъ. Напротивъ, всѣ выводы и заключенія о какомъ-либо памятникѣ, основанныя только на тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ памятникъ со стороны своего внѣшняго вида, не могутъ имѣть строго-научнаго, неоспоримаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя еще заключать о принадлежности посланія объ опрѣснокахъ нашему русскому митрополиту Леонтію, напримѣръ, на томъ основаніи, что его имя поставлено въ заглавіи посланія. Если нельзя предположить того, что одно только заглавіе могло быть позднѣйшей поддѣлкой, сдѣланной въ Россіи, такъ какъ оно одинаково какъ въ рукописныхъ спискахъ его, находящихся въ Россіи, такъ и въ кодексахъ иностранныхъ библіотекъ, то все-таки можно предположить, что посланіе, при самомъ своемъ происхожденіи, было написано и издано подъ ложнымъ заглавіемъ какимъ-либо лицемъ, намѣренно приписавшимъ его нашему митрополиту. Такимъ образомъ, доказательство подлинности посланія на основаніи только его заглавія не исключаетъ собою возможности всякихъ предположеній и догадокъ относительно его, а, слѣдовательно, не даетъ никакого удостовѣренія въ его подлинности. Не вдаваясь въ разборъ каждаго изъ подобныхъ основаній, приводимыхъ въ защиту подлинности посланія, а сдѣлавъ только общій разборъ ихъ, мы изложимъ свой взглядъ на дѣло.

Левъ Алляцій въ своемъ сочиненіи указываетъ списокъ посланія Леонтія съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Λέοντος μητροπολίτου τοῦ ἐν Ρωσίᾳ Πρεσλάβας“, а также въ заглавіи двухъ сходныхъ

между собою синодальныхъ списковъ [1]) значится: „Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ρωσίᾳ Πρεσλάβας“. Такое заглавіе въ русскомъ переводѣ значитъ: „*Льва митрополита Преславы, что въ Россіи*“. Русскіе ученые слово Преслава отождествляли съ словомъ Переяславль, по тому соображенію, что второй русскій митрополитъ Леонтій жилъ въ Переяславлѣ и, такимъ образомъ, заглавіе уже переводится: „Льва митрополита Переяславля, что въ Россіи“, или „Переяславля Русскаго“. Но нѣтъ никакой надобности отождествлять Преславу съ Переяславлемъ, когда мы знаемъ, что въ Болгаріи дѣйствительно былъ знаменитый городъ Преслава, въ которомъ былъ и митрополитъ: Λέων μητροπολίτης Πρεσλάβας, πόλις δὲ αὕτη περιφανὴς περὶ τὸν Ἴστρον διακειμένη, λέγει Ἄννα Κομνηνή,—читаемъ мы въ сочиненіи о. Андроника Димитракопула [2]). Посланіе объ опрѣснокахъ, приписываемое нашему митрополиту Леонтію или Льву, принадлежитъ какому-нибудь болгарскому митрополиту того же имени. Но „какбы нарочно въ отличіе отъ этихъ Переяславлей болгарскихъ въ разсматриваемомъ сочиненіи Левъ названъ митрополитомъ Переяславля, что въ Россіи“, говоритъ преосвященный Макарій [3]). „На какомъ же основаніи можно выкинуть изъ старыхъ списковъ слово „Ῥωσίας“ и оставить только „Πρεσλάβας“,—усиливаетъ доводъ преосвященнаго Макарія г. Поповъ [4]). Но слово „Россія“—слово сравнительно новое; въ XI вѣкѣ если кто и писалъ его, то не понималъ опредѣленно его значенія; во всякомъ случаѣ не соединялъ съ этимъ

---

[1]) Одинъ XV в. рукоп. № 368, другой XVII рукоп. № 208. Въ старѣйшей рукописи, писанной въ 1387 году [№ CCCLIII (366)], заглавіе читается: Λέοντος μητροπολίτου Ῥωσίας πρὸς βορραίους, ἤτοι λατίνους περὶ τῶν ἀζύμων

[2]) «Graecia orthodoxa», p. 93

[3]) Исторія рус. церкви, изд. II, т. 1. стр. 149.

[4]) Обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій, стр. 33. Критикъ г. Попова г. Павловъ, признавъ слабыми всѣ доказательства подлинности посланія въ разбираемой имъ книгѣ, самъ однако держится этого доказательства. «Принадлежность сочиненія именно русскому митрополиту Леонтію, говоритъ онъ, доказывается тѣми списками этого драгоцѣннаго памятника, въ которыхъ авторъ называется не просто русскимъ митрополитомъ, но переяславльскимъ въ Россіи. Это названіе получаетъ неотразимую доказательную силу (?!) въ сопоставленіи съ извѣстнымъ свидѣтельствомъ нашей начальной лѣтописи: «бѣ бо преже въ Переяславли митрополья». Критическіе опыты, стр. 39.

словомъ такого значенія, которое придается ему въ настоящее время и, конечно, могъ включить въ понятіе „Россія“ и области, расположенныя по Дунаю.

Содержаніе посланія Леонтія не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оно не принадлежитъ русскому митрополиту Леонтію, умершему въ 1008 году. Было бы слишкомъ странно думать, что оно написано до 1008 года прежде и болѣе всего потому, что на немъ отразились явные слѣды заимствованій и подражаній сочиненіямъ первыхъ греческихъ полемистовъ противъ латинянъ временъ Михаила Керуларія. Но и въ ряду полемистовъ указаннаго времени авторъ посланія стоитъ не изъ самыхъ первыхъ. Онъ направляетъ свое посланіе не только противъ употребленія латинянами опрѣсноковъ, но и противъ другихъ разностей латинской церкви съ греческою: субботняго поста, совершенія полной литургіи во весь великій постъ, безбрачія священниковъ, употребленія удавленины въ пищу и, наконецъ, ученія объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Между тѣмъ, полемика сначала шла почти исключительно по вопросу объ опрѣснокахъ. Такъ можно заключать по письмамъ Льва Ахридскаго, по перепискѣ Петра Антіохійскаго съ Доминикомъ Градскимъ и изъ словъ самаго патріарха Михаила Керуларія въ письмѣ къ Петру Антіохійскому, что до послѣдняго времени онъ самъ полагалъ, что употребленіе латинянами опрѣсноковъ составляетъ единственное заблужденіе латинянъ [1]). Вотъ почему посланіе съ именемъ Леонтія мы необходимо должны отнести къ тому времени, когда полемика по вопросу объ опрѣснокахъ осложнилась спорами о другихъ разностяхъ. Въ эпоху Михаила Керуларія вопросы: объ опрѣснокахъ, о субботнемъ постѣ и о яденіи удавленины,—въ первый разъ были затронуты въ письмѣ Льва Ахридскаго къ Іоанну Транійскому, а вопросы: о совершеніи полной литургіи во весь великій постъ и о безбрачіи священниковъ—Никитою Стиѳатомъ; эти же вопросы, какъ сказано, послужили темами и для автора посланія съ именемъ Леонтія. Но послѣдній прибавляетъ еще разность въ ученіи объ исхожденіи

---

[1]) Epist. 1 ad Petrum Antioch. cap. XV,—Will p. 183.

Св. Духа,—такую разность, важность которой, какъ самаго сильнаго полемическаго пункта, стала особенно выставляться только съ появленіемъ отвѣтнаго письма антіохійскаго патріарха Петра къ Михаилу Керуларію,—слѣдовательно, должно полагать, что авторъ разсматриваемаго посланія писалъ позднѣе и Петра Антіохійскаго, т. е. не могъ писать ранѣе 1054 года. Судя по сходству автора въ нѣкоторыхъ полемическихъ положеніяхъ и пріемахъ съ Никитою Давидомъ Пафлагонскимъ, появленіе сочиненій этихъ двухъ авторовъ можно относить приблизительно къ одному и тому же времени [1]).

---

[1]) Полагая, что сочиненіе, носящее имя Никиты Пафлагонскаго о пасхѣ ускользнуло отъ вниманія Гергенротера, г. Павловъ ошибочно отождествляетъ этого Никиту Пафлагонскаго съ современникомъ патріарха Фотія Никитою Давидомъ Пафлагонскимъ, авторомъ житія патріарха Игнатія, и говоритъ, что трактатъ этого Никиты о пасхѣ служилъ главнымъ источникомъ для сочиненія митрополита Леонтія («Критич. опыты», стр 36—37). Но знаменитый изслѣдователь эпохи Фотія Гергенротеръ отлично долженъ былъ видѣть, что это сочиненіе явно не относится къ изслѣдуемой имъ эпохѣ и вѣроятно только по тому оставилъ его въ сторонѣ Никита Давидъ Пафлагонскій, которому принадлежитъ трактатъ о пасхѣ, не былъ современникомъ Фотія и написалъ свое сочиненіе въ концѣ XI вѣка, а всего вѣрнѣе, это — анонимъ, прикрывающійся именемъ болѣе древняго писателя. Не говоря уже о томъ, что сочиненіе Никиты Пафлагонскаго о пасхѣ прямо начинается указаніемъ на современные споры по этому вопросу, когда уже многіе занимались изслѣдованіемъ «о вечери Господней» (ἐζήτηται περὶ τοῦ δείπνου τοῦ δεσποτικοῦ πολλοῖς), — въ первыхъ же строкахъ его, какъ это у насъ показано ниже, опровергаются извѣстныя положенія прежнихъ писателей по этому вопросу Нельзя считать трактатъ Никиты Пафлагонскаго и «главнымъ источникомъ» для сочиненія митр. Леонтія: главными источниками для послѣдняго были именно посланія Льва Ахридскаго и трактатъ Никиты Стиѳата. Выставивъ автора входящаго въ наше изслѣдованіе трактата о времени и образѣ совершенія Христомъ послѣдней вечери современникомъ Фотія, г. Павловъ дѣлаетъ и другую подобную же ошибку. «Едва-ли не современникомъ Леонтія, говоритъ онъ, были другой Никита, Никеецъ и хартофилаксъ» (стр. 37—39) Но безъ сомнѣнія онъ не былъ современникомъ нашему второму митрополиту Леонтію. Аллацій, какъ это извѣстно и г. Павлову, въ «Diatriba de Nicetis» (num VII) этого Никиту ставитъ «non longe post» Никиты Византійца (около 900 года) и Никиты Пафлагонца. Онъ дѣйствительно процвѣталъ во второй половинѣ XI и первой половинѣ XII вѣка, какъ это принимаетъ Гергенротеръ (Photius, B. III, p 802, 869) на основаніи свидѣтельства Никиты Хоніата о поставленіи Никиты хартофилакса на мѣсто осужденнаго за свои богословскія мнѣнія митрополита Никейскаго Евстратія. Такимъ образомъ, можно полагать несомнѣннымъ, что сочиненія Никиты Пафлагонскаго, митрополита

Намъ могутъ возразить, что авторъ посланія съ именемъ Леонтія для трехъ выставленныхъ имъ обвиненій противъ латинянъ, именно: ученія объ исхожденіи Святаго Духа, поста въ субботы и безбрачія священниковъ, могъ имѣть для себя точкою отправленія сочиненія патріарха Фотія; но такое возраженіе не можетъ быть сильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ игнорировать того обстоятельства, что полемика временъ Фотія и полемика временъ Михаила Керуларія, раздѣленныя между собою промежуткомъ почти на 200 лѣтъ, слишкомъ различны между собою и различны не столько по буквѣ сколько по своему внутреннему характеру. Всякій знакомый хоть сколько нибудь съ полемическими трудами Фотія легко пойметъ, что вліяніе трудовъ Фотія нисколько не отразилось въ посланіи съ именемъ Леонтія ни въ его тонѣ и общемъ направленіи, ни хотя бы въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Напротивъ, общій тонъ и характеръ полемики, бывшей въ эпоху патріарха Михаила Керуларія, наложили свой рѣзкій отпечатокъ на всемъ содержаніи этого посланія, а это уполномочиваетъ признать, что и исходные полемическіе пункты были приняты авторомъ изъ полемическихъ сочиненій именно этого времени. По своему общему направленію и пріемамъ обличеній латинскихъ заблужденій посланіе съ именемъ Леонтія, какъ увидимъ, подходитъ какъ нельзя болѣе къ сочине-

---

Леонтія и хартофилакса Никиты Никейскаго писаны уже по раздѣленіи церквей когда полемизирующія стороны стали обвинять одна другую въ происшедшемъ раздѣленіи и когда представители восточной церкви стали выставлять болѣе обвиненій на латинскую церковь и главнымъ образомъ не забывали особенно ясно указывать на главное, *догматическое* заблужденіе латинянъ — ученіе объ исхожденіи Св. Духа, начиная съ Фотія, всегда бывшее кардинальнымъ пунктомъ несогласія между церквами, безъ всякаго отношенія къ различію церковно-историческихъ эпохъ. Вотъ почему этотъ пунктъ Фотій назвалъ «κακῶν κορωνίς», Петръ Антіохійскій—«κακὸν καὶ κακῶν κάκιστον», митрополитъ Левъ или Леонтій по поводу этого пункта восклицаетъ: «φεῦ τῆς ἀτοπίας», Никита Никейскій называетъ этотъ пунктъ — «τὸ μεῖζον τῆς διαστάσεως» и т. д. Но изъ того, что митрополитъ Леонтій и Никита Никейскій такъ относятся къ догматической разности между церквами, вовсе не видно, что «оба эти писателя стоятъ еще на грани, отдѣляющей эпоху Фотія отъ эпохи Керуларія», какъ это представляется г. Павлову. Напротивъ, если когда-нибудь, такъ именно въ эпоху окончательнаго раздѣленія церквей и послѣ этой эпохи этотъ пунктъ разностей между церквами удерживалъ все то высокое значеніе, какое онъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ.

ніямъ первыхъ полемистовъ керуларіевой эпохи — Льва Ахридскаго и Никиты Стиѳата.

Византійская полемическая литература, по вопросу объ опрѣснокахъ, какъ и всякая другая литература, развилась постепенно. Начавшись съ краткаго, сжатаго и не слишкомъ систематичнаго письма Льва Ахридскаго, вызвавшаго бурю негодованія со стороны латинянъ, она дошла до большихъ сочиненій, спеціально посвященныхъ вопросу объ опрѣснокахъ. Такимъ образомъ, сравнивая даже съ чисто литературной стороны систематичное, многостороннее и многословное посланіе митрополита Леонтія съ первымъ посланіемъ Льва Ахридскаго, нельзя не замѣтить, что первое гораздо позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ второе. Обыкновенно полемика по каждому вопросу идетъ не отъ яснѣйшаго къ темнѣйшему и не отъ болѣе развитаго къ менѣе развитому, а наоборотъ. А въ такомъ именно обратномъ отношеніи и находятся между собою полемическія сочиненія Льва Ахридскаго съ Михаиломъ Керуларіемъ и Леонтія или Льва митрополита Преславы.

Наконецъ, если бы посланіе, приписываемое нашему митрополиту Леонтію, дѣйствительно было однимъ изъ самыхъ раннихъ полемическихъ трудовъ или даже предшествовало первому посланію Льва Ахридскаго, автору его не было бы необходимости и даже возможности выставлять въ своемъ сочиненіи возраженія противной стороны, именно потому, что оффиціально или письменно они еще не были заявлены латинянами. Между тѣмъ, такихъ возраженій выставлено у него десять, среди которыхъ можно видѣть нѣсколько измѣненныя и перифразированныя возраженія кардинала Гумберта [1]). Напротивъ, первый поле-

[1]) *У Гумберта*: «Et ipsa suae ressurectionis die a duobus invitatus in Emmaus castello accepit panem, benedixit et mox ἐγνώσθη αὐτοῖς ἐν τῇ κλάσει τοῦ ἄρτου, id est «cognoverunt eum in fractione panis» (Luc. XXIV) quem omnimodis azymum fuisse constat, quia usque ad octavas paschae nullo modo fermentatum in omnibus finibus Israël apparebat» (Dial. c. XXXIII. Will p. III). *У Леонтія*: «Ἐρώτησις. Καὶ μὴν μετὰ τὴν τριήμερον ἔγερσίν φησιν, ἥτις ἄζυμων ὁμολογουμένως καιρὸς ἦν, εὑρίσκεται ὁ Κύριος ἄρτον κλῶν καὶ διδοὺς Λουκᾷ τε καὶ Κλεόπᾳ, καὶ οὐκ ἂν καὶ τοῦτον φήσης ἔνζυμον εἶναι; (Рукоп. № 366). *У Гумберта*: Nam licet Dominus discipulis dixerit: «Scitis, quia post biduum pascha fiet» (Matth. XXVI, 2). Mattheus tamen ipsius diei, in cujus vespere fiebat pascha, mentionem

мистъ по вопросу объ опрѣснокахъ архіепископъ Левъ Ахридскій не имѣетъ въ виду въ своемъ письмѣ къ Іоанну Транійскому никакихъ возраженій со стороны латинянъ, а это обстоятельство, говоря за первичность его посланія сравнительно съ посланіемъ, приписываемымъ нашему митрополиту Леонтію, отчасти доказываетъ также еще и то, что до половины XI вѣка литературной полемики съ латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ вовсе не существовало.

Ниже мы изложимъ свои соображенія относительно мѣста, занимаемаго посланіемъ Льва Преславскаго въ ряду разсматриваемыхъ нами памятниковъ полемической литературы, а теперь въ краткомъ очеркѣ раскроемъ внѣшнюю сторону исторіи спора изъза опрѣсноковъ въ XI и XII вѣкахъ, начиная со времени его возникновенія.

Въ концѣ 1053 года Левъ, архіепископъ Ахридскій и всей Болгаріи, послалъ къ Іоанну, епископу города Трани въ Апуліи, зависѣвшей отъ константинопольскаго патріарха, письмо относительно уклоненій западной церкви отъ чистоты православія съ приглашеніемъ къ исправленію и покаянію. Письмо Льва Ахридскаго и положило начало полемикѣ объ опрѣснокахъ. Оно было первымъ оффиціальнымъ вызовомъ латинянамъ со стороны грековъ на борьбу съ ними по вопросу объ опрѣснокахъ. Мысль, что это не простое письмо полемическаго содержанія, а именно оффиціальный, торжественный вызовъ на борьбу, находитъ подтвержденіе для себя въ томъ, что оно представляетъ собою какъ бы родъ

---

faciens inquit· «Prima autem azymorum accesserunt discipuli ad Iesum dicentes: ubi vis paremus tibi pascha comedere». Cui concordans Marcus ait: «Erat et azyma post biduum» (Marc. XIV, I). Et post pauca: «Et prima die azymorum, quando pascha immolabant» (Ibid. 12). Ubi si indifferenter non accipiuntur pascha et azyma.... (Dialog. c. XVI. Ibid. p. 103). *У Леонтія:* Ἐρώτησις. Ὁ Κύριος, οἴδατέ φησιν, ὅτι μετα δύο ἡμέρας τὸ πάσχα γίνεται, καὶ ὁ υἱος τοῦ ἀνθρώπου παραδίδοται εἰς τὸ σταυρωθῆναι. Καὶ μετὰ τινα καὶ ἕτερα τό τε φησὶν ὁ Εὐαγγελιστής· τῇ δὲ πρώτῃ τῶν ἀζύμων προσῆλθον οἱ μαθηταὶ τῷ Ἰησοῦ λέγοντες· ποῦ θελεις ἑτοιμάσωμεν σοι φαγεῖν τὸ πασχα; εἰ οὖ μετὰ δὲ τὴν τῶν δύο ἡμερῶν παρέλευσιν, «τῇ δε πρώτῃ τῶν ἀζύμων» «φησὶν ὁ Εὐαγγελιστής· πῶς συ λέγεις, πρώτην τῶν ἀζύμων τὴν δεκάτην τοῦ μηνος λέγειν τὸν εὐαγγελιστὴν»; (Рукопись подъ № 366).

окружнаго посланія. Правда, оно адресовано епископу въ Апуліи Іоанну Транійскому, но съ первыхъ же строкъ письма показывается, что оно послано къ нему лишь для объявленія и передачи его „всѣмъ епископамъ и священникамъ франковъ, монахамъ, народу и самому достопочтеннѣйшему папѣ“. Письмо несомнѣнно было внушено константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керуларіемъ, но дѣйствительный авторъ почему-то счелъ нужнымъ укрыться за спиной болгарскаго іерарха. Согласно волѣ автора письма, Іоаннъ передалъ это письмо кардиналу Гумберту, который перевелъ его на латинскій языкъ и представилъ папѣ Льву IX (1048—1054). По всей вѣроятности, основываясь на тѣхъ слухахъ о константинопольскомъ патріархѣ, которые давно уже ходили въ Римѣ, и на содержаніи самаго письма, Гумбертъ не усумнился рядомъ со Львомъ Ахридскимъ и даже прежде его выставить авторомъ письма и константинопольскаго патріарха, не безъ основанія соображая, что Левъ Ахридскій могъ быть только орудіемъ въ рукахъ вселенскаго патріарха. Содержаніе письма огорчило и встревожило папу. Тяжело было слышать римскому первосвященнику обвиненія латинской церкви въ неправославіи. Не сомнѣваясь, какъ и Гумбертъ, въ томъ, что письмо было написано по внушенію константинопольскаго патріарха,—что подтверждалось также слухами о распоряженіи послѣдняго относительно закрытія латинскихъ церквей и отнятія у латинскихъ аббатовъ монастырей въ Константинополѣ,—Левъ IX немедленно же отправилъ въ Константинополь длинное письмо, адресовавъ его Михаилу Керулярію и Льву Ахридскому [1]). Письмо папы заключаетъ въ себѣ XLI главу, такъ что вѣрнѣе можетъ быть названо трактатомъ, нежели письмомъ. По вопросу объ опрѣ-

---

[1]) Что отвѣтъ папы Льва IX относится также къ 1053 году, это показываютъ слова V главы этого письма: «Вотъ уже тысяча и *почти* двадцать лѣтъ протекло со времени страданія нашего Спасителя». Такъ какъ римляне считали отъ 34 г. Христа, то это выраженіе, конечно, указываетъ на 1053 годъ. Это подтверждается еще и тѣмъ, что въ другомъ письмѣ, посланномъ папою въ январѣ 1054 года, мы читаемъ: «кто не ужаснется, что ты послѣ столькихъ святыхъ и православныхъ отцевъ, спустя 1020 лѣтъ отъ страданія Спасителя явился новымъ клеветникомъ латинской церкви». Ясно, что слово «почти» могло относиться къ году, предшествующему 1054 году.

снокахъ папа разсуждаетъ въ своемъ посланіи слишкомъ кратко. Но за то о преимуществахъ римской апостольской каѳедры и ея представителя въ письмѣ говорится слишкомъ подробно, или, лучше сказать словами западныхъ писателей, все это письмо Льва IX написано „съ истинно первосвященническимъ достоинствомъ“, т. е. все наполнено разсужденіями о достоинствѣ римской каѳедры и ея представителя. Въ немъ Левъ IX ясно высказываетъ и опредѣляетъ такія притязанія папства, которыя до его времени еще не высказывались такъ спокойно, ясно и опредѣленно. Не въ томъ для папы было главное дѣло, что греки оспариваютъ латинскій обрядъ и за него обвиняютъ латинскую церковь въ неправославіи, а въ томъ „какъ смѣютъ произносить приговоръ надъ такою каѳедрою, которую не позволено судить никому изъ смертныхъ“ [1]). Вотъ почему, ратуя главнымъ образомъ не изъ-за факта, а изъ-за принципа, папа не слишкомъ заботился и о томъ, чтобы на первомъ планѣ въ своемъ письмѣ представить защиту употребленія опрѣсноковъ. Въ заключеніе, авторъ обращаетъ вниманіе Михаила Керуларія на всю неумѣстность его выходки, предлагаетъ настойчивому патріарху не начинать борьбы и взять назадъ свои распоряженія и письмо, грозя въ противномъ случаѣ церковнымъ наказаніемъ.

Письмо Льва Ахридскаго огорчило и встревожило не одного только папу. Не менѣе, если еще не болѣе, оно было непріятно тогдашнему греческому императору Константину Мономаху (1042—1054), итальянская политика котораго требовала дружественныхъ отношеній къ папскому престолу. Чтобы устранить раздоръ, императоръ употребилъ всѣ мѣры. Онъ послалъ немедленно письмо къ папѣ, въ которомъ съ сожалѣніемъ отзывался о происшедшемъ, обѣщалъ свое содѣйствіе для возстановленія мира и согласія между церквами и просилъ папу прислать для этой цѣли въ Константинополь своихъ легатовъ. Онъ побудилъ также и патріарха отвѣтить на папское письмо въ примирительномъ тонѣ. Оба эти письма потеряны, но что содержалось въ нихъ, отлично видно изъ отвѣт-

---

[1]) Epist. Leonis IX ad Michaelem Cerularium, cap. X.

ныхъ писемъ на нихъ папы Льва IX. Эти письма Льва IX были отправлены по назначенію съ тремя легатами, которыми были: кардиналъ и епископъ Гумбертъ, Петръ архіепископъ Амальфійскій и Фридерикъ діаконъ и канцелярій святой римской церкви, послѣ самъ возведенный (въ 1057 году, августа 2 дня) на папскій престолъ съ именемъ Стефана IX. Глава легатовъ—кардиналъ Гумбертъ былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя усердно способствовали цѣлямъ и задачамъ развивавшагося папства, старались усилить власть папъ на счетъ государства и на счетъ церкви. При папѣ Львѣ IX политикою Ватикана въ качествѣ архидіакона римской церкви заправлялъ Гильдебрандъ, развившій, какъ извѣстно, притязанія папства до крайней степени. Вокругъ Гильдебранда человѣка съ выдержаннымъ характеромъ, съ желѣзною волею, съ глубокою и искреннею вѣрою въ святость своего дѣла, былъ цѣлый кружокъ людей, ратовавшихъ за интересы „первой апостольской каѳедры“. Къ разряду такихъ людей принадлежалъ и кардиналъ Гумбертъ, котораго въ 1048 году Левъ IX привезъ съ собою изъ Ломбардіи въ Римъ. Судя по полемическимъ сочиненіямъ Гумберта, можно вполнѣ основательно сказать, что онъ былъ человѣкомъ, преданнымъ интересамъ папства, очень способнымъ, хорошо по своему времени образованнымъ, но до крайности горячимъ, высокомѣрнымъ и раздражительнымъ. Остальные два легата въ разсматриваемой нами полемикѣ являются безъ особенныхъ ролей и совсѣмъ безъ рѣчей, а потому о нихъ говорить мы не будемъ.

Въ январѣ 1054 года легаты отправились въ путь, а въ маѣ того же года прибыли въ Константинополь. „Нельзя и выразить, съ какою благосклонностію они были приняты императоромъ, который весь склонился къ ихъ желанію“, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Германъ [1]). Константинъ Мономахъ всѣми силами старался возстановить согласіе между церквами, чѣмъ и объясняется особенная благосклонность его къ легатамъ. Для ихъ помѣщенія былъ отведенъ дворецъ живоноснаго источника, въ которомъ они

[1]) Herm. pars II, cap. II, p. 63.

расположились со всѣми удобствами. Въ первые дни по ихъ прибытіи императоръ въ честь ихъ давалъ обѣды и устроялъ роскошные пиры. Совсѣмъ другой пріемъ былъ легатамъ у патріарха. Когда патріархъ и митрополиты собрались въ общей пріемной залѣ и ожидали прихода легатовъ, то послѣдніе вступили въ залу высокомѣрно „какъ подобаетъ представителямъ святѣйшаго римскаго престола“, не сочтя даже нужнымъ сдѣлать патріарху самаго обыкновеннаго поклона. Въ свою очередь и патріархъ тоже не всталъ съ своего сѣдалища и молча указалъ легатамъ мѣсто позади своихъ митрополитовъ. Легаты, оскорбленные этимъ, молча отдали патріарху запечатанное письмо папы, повернулись назадъ и поспѣшно вышли изъ залы, замѣтивъ только, что патріархъ не знаетъ приличій. Такимъ образомъ, отношенія между патріархомъ и легатами были испорчены въ самомъ началѣ и всѣ усилія императора поправить ихъ не привели ни къ какому результату. Послѣ первой же встрѣчи съ легатами патріархъ по отношенію къ нимъ рѣшительно принялъ враждебное положеніе: онъ запретилъ своему духовенству имѣть общеніе съ ними. Въ виду такого явнаго нерасположенія патріарха къ представителямъ латинской церкви, Гумбертъ занялся теперь разборомъ обвиненій на латинянъ, высказанныхъ въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго и написалъ свое знаменитое полемическое сочиненіе «Dialogus». Въ этомъ сочиненіи дѣйствующими лицами являются *константинополецъ* и *римлянинъ*. Первый по пунктамъ дословно повторяетъ текстъ письма Льва Ахридскаго къ Іоанну Транійскому, а послѣдній отвѣчаетъ на обвиненія константинопольца. Въ этомъ своемъ сочиненіи Гумбертъ направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы представить какъ можно болѣе незаконнымъ и смѣшнымъ желаніе греческихъ іерарховъ убѣдить латинянъ измѣнить свой обычай употреблять въ таинствѣ евхаристіи опрѣсноки. Не смотря на то, что въ Діалогѣ было слишкомъ много оскорбительнаго и рѣзкаго, онъ, по приказанію императора, былъ переведенъ на греческій языкъ и распространенъ во множествѣ экземпляровъ. Понятно, какое неблагопріятное для латинянъ впечатлѣніе онъ могъ произвести на православныхъ грековъ и какую бурю негодованія и раздраженія онъ могъ возбудить особенно въ патріархѣ Михаилѣ

Керуларіѣ и Львѣ Ахридскомъ, противъ которыхъ, главнымъ образомъ, онъ и былъ направленъ.

Между тѣмъ, въ Константинополѣ явился еще новый противникъ латинянамъ—ученый монахъ Студійскаго монастыря Никита, по прозванію Стиѳатъ, или въ латинскомъ переводѣ Пекторатъ (στῆθος=pectus=грудь), который также въ то время выступилъ противъ латинянъ съ своимъ полемическимъ сочиненіемъ [1]). Сочиненіе Никиты Стиѳата написано не въ духѣ миролюбія и уступчивости, а въ духѣ самыхъ крайнихъ приверженцевъ патріарха Михаила Керуларія, до фанатизма возмущавшихся обычаемъ латинянъ. Правда, въ своемъ трактатѣ Никита не на несъ личнаго оскорбленія никому изъ латинянъ, но тѣмъ не менѣе его трактатъ былъ оскорбителенъ для всякаго латинянина и тѣмъ болѣе для гостей, прибывшихъ изъ Рима по просьбѣ императора и ласково принятыхъ имъ. Вслѣдствіе такого общаго характера сочиненія Никиты намъ кажется правдоподобнымъ то извѣстіе Гумберта, которое находится въ его коммемораціи, что по настоянію легатовъ, въ присутствіи императора и знатныхъ сановниковъ, Никита принужденъ былъ, отказавшись отъ своего сочиненія, анаѳематствовать свою книгу и всѣхъ тѣхъ, которые дерзаютъ отрицать православіе римской церкви, при чемъ, по повелѣнію императора, въ глазахъ всѣхъ былъ сожженъ экземпляръ его сочиненія [2]). Противъ сочиненія Никиты Стиѳата кардиналъ Гумбертъ написалъ свой отвѣтъ [3]), въ которомъ онъ опровергаетъ всѣ обвиненія, взводимыя Никитою на латинянъ, особенно сильно отстаивая правильность латинскаго обычая употреблять опрѣсноки въ таинствѣ евхаристіи. Но обращаясь только къ Никитѣ и опровергая его, Гумбертъ вмѣстѣ съ этимъ опровергаетъ слѣдовательно и патріарха, а равно и всѣхъ, раздѣлявшихъ образъ мыслей послѣдняго и сочувствовавшихъ его

[1]) Nicetae presbiteri et monachi monasterii Studii libellus contra Latinos editus,—въ Acta et scripta, Will. p. 128—136. Νικήτα μονάζοντος καὶ πρεσβυτέρου Μονῆς τῶν Στουδίου, τοῦ Στηθάτου πρὸς Ῥωμαίους περὶ ἀζύμων καὶ σαββάτων νηστείας καὶ τοῦ γάμου τῶν Ἱερέων,—Biblioth. ecclesiast. t. I, p. 18—36.

[2]) Humberti commemoratio,—Acta et scripta, p. 150—151.

[3]) Responsio sive contradictio adversus Nicetae Pectorati libellum, — Acta et scripta, p. 136—150.

отношеніямъ къ латинянамъ. Въ своемъ опроверженіи трактата Никиты Гумбертъ превзошелъ мѣру всякихъ приличій, истощилъ въ немъ весь свой запасъ всякаго рода ругательствъ. Императоръ приказалъ и это сочиненіе Гумберта перевести на греческій языкъ. Всякая надежда на мирное соглашеніе между церквами теперь была уже совершенно потеряна.

Истощивъ безуспѣшно всѣ усилія сломить упорство патріарха и потерявъ рѣшительно всякую надежду на соглашеніе, римскіе легаты рѣшились на послѣднюю мѣру. Составивъ актъ отлученія патріарха отъ церкви со всѣми его сторонниками, они въ субботу (16 іюля 1054 года), въ третьемъ часу дня, предъ литургіей торжественно положили этотъ актъ на главный престолъ Софійскаго храма въ присутствіи людей священнаго чина и многихъ другихъ, собравшихся къ богослуженію. Вотъ эта отлучительная грамота:

„Мы, посланные отъ святой римской каѳедры въ сей царственный градъ для распознанія истины дошедшихъ до нея слуховъ, нашли здѣсь много добраго и худаго. Дѣйствительно, что касается до столповъ имперіи, мужей сановныхъ и мудрыхъ гражданъ, то городъ весьма христолюбивъ и православенъ. Чтоже касается до Михаила, несправедливо называемаго патріархомъ, и защитниковъ его глупостей, то они ежедневно разсѣваютъ между людьми плевелы и размножаютъ ереси. Они продаютъ дары Божіи, какъ симоніане, дѣлаютъ евнухами пришельцевъ, какъ валезіане, и потомъ поставляютъ ихъ не только въ клирики, но и въ епископы. Подражая нечестивымъ аріанамъ, они перекрещиваютъ христіанъ и особенно латинянъ, крещенныхъ во имя св. Троицы. Подобно донатистамъ, они утверждаютъ, что кромѣ греческой церкви нѣтъ другой церкви Іисуса Христа, нѣтъ истинной евхаристіи и истиннаго крещенія. Подобно николаитамъ, дозволяютъ бракъ служителямъ алтаря. Подобно северіанамъ, порицаютъ законъ Моисеевъ. Подобно духоборцамъ и богоборцамъ, они исключили изъ символа, что Духъ святый исходитъ и отъ Сына. Съ манихеями они говорятъ, между прочимъ, что все квасное одушевлено. Подобно назореямъ, соблюдаютъ жидовскія очищенія, прежде восьми дней не дозволяютъ

крещенія младенцамъ (хотя бы они умирали некрещенными) и причащенія родильницамъ, и не допускаютъ къ своему общенію стригущихъ волосы и бороду по обычаю римской церкви.

Михаилъ, увѣщеваемый письмами папы Льва IX по случаю этихъ своихъ заблужденій и многихъ другихъ проступковъ, не обратилъ на это никакого вниманія; и когда мы хотѣли прекратить зло благоразумными мѣрами, отказался насъ видѣть и слышать и не далъ намъ церквей для совершенія литургіи. Еще до нашего прибытія онъ велѣлъ заключить церкви латинянъ, называя ихъ опрѣсночными, повсемѣстно угнеталъ ихъ, анаѳематствуя святую каѳедру, и, въ обиду ей, принялъ титло вселенскаго патріарха. Почему властію св. Троицы, священнаго апостольскаго престола, седьми соборовъ и всей каѳолической церкви, анаѳему, произнесенную папою, мы письменно провозглашаемъ: Михаилу лжепатріарху, новокрещенному, облеченному только въ иноческую одежду, ради страха человѣческаго, нынѣ опозорившему себя злѣйшими преступленіями, и съ нимъ Льву, называемому епископомъ Ахридскимъ и Константину, сакелларію Михаила, поправшему ногами безкровную жертву латинянъ, и всѣмъ его послѣдователямъ съ симоніанами и прочими еретиками, выше поименованными, и со всѣми другими, съ діаволомъ и аггелами его, если не обратятся, анаѳема! Аминь, аминь, аминь“ [1]).

Не довольствуясь этимъ, легаты въ присутствіи императора и вельможъ публично провозгласили другую анаѳему: «Всякій, кто только вздумаетъ упорно противорѣчить вѣрѣ св. апостольскаго римскаго престола и его жертвоприношенію на опрѣснокахъ, да будетъ анаѳема, маранаѳа и да не почитается православнымъ христіаниномъ, но еретикомъ прозимитомъ. Да будетъ, да будетъ, да будетъ» [2]).

Константинопольскій патріархъ 20 іюля съ соборомъ своихъ епископовъ отвѣтилъ съ своей стороны подобнымъ же отлученіемъ самихъ легатовъ [3]). Хотя оба эти документа взаимныхъ отлуче-

---

[1]) Excommunicatio,—Will. p. 153 и 154.

[2]) Alia excommunicatio,—ibid. p. 154.

[3]) Edictum Sunodi; Will, p. 155—168.

ній были направлены лично противъ главныхъ дѣятелей въ этой печальной исторіи, не касаясь церквей, которыхъ они были представителями, но тѣмъ не менѣе фактъ раздѣленія церквей нужно считать формально совершившимся послѣ обмѣна этими документами. Съ тѣхъ поръ, ни латинскія церкви на востокѣ, ни восточныя на западѣ никогда уже не имѣли свободы и правъ одинаковыхъ съ церковію господствующею, — словомъ, тогда совершилось окончательное раздѣленіе церквей.

Изъ отлучительной грамоты легатовъ можно видѣть какія странныя клеветы взводили они на грековъ. Но и греки въ этомъ отношеніи далеко не оставались въ долгу у латинянъ и находили у нихъ: жидовство, савелліанство, македоніанство, аполлинаризмъ, армянство, моноѳелитство, монофизитство, аріанство, несторіанство, иконоборство и проч. Когда въ спорѣ о разностяхъ были возбуждены личныя страсти и постоянно оскорблялось религіозно-національное чувство, то было естественно, что споривше поставили себѣ цѣлію насчитывать другъ за другомъ какъ можно болѣе ересей.

Въ дѣлѣ окончательнаго раздѣленія церквей, а равно и въ современныхъ ему спорахъ о разностяхъ между ними, принимали участіе не одни только представители константинопольской церкви. Петръ, патріархъ антіохійскій, человѣкъ достойный полнаго уваженія по уму, образованію и жизни, только что сдѣлавшись патріархомъ (1053 года), постарался завязать письменныя сношенія съ Римомъ, искренно желая мира и соединенія между восточною и западною церковію. „Когда я, богопочтенный владыко“, писалъ онъ папѣ Льву IX, „Божіимъ благоволеніемъ и благодатію, и божественнымъ мановеніемъ боговѣнчаннаго царя нашего, только что принялъ церковныя заботы, одна мысль, какъ бурное море, волновала мои размышленія, — мысль, конечно, и для многихъ слишкомъ интересная, а для меня и единомысленныхъ со мною, я полагаю, совершенно безотвязная. Я видѣлъ церковь Христову сильно храмлющею и днемъ и ночью обдумывалъ, что за причина, чтобы преемникъ великаго Петра, пастырь старѣйшаго Рима отдѣлялся бы отъ тѣла церквей Божіихъ... Размышляя объ этомъ

и изыскивая способъ единенія, я нашелъ древнее обыкновеніе, чтобы только что поставленные іерархи письмами извѣщали объ этомъ главныхъ великихъ архіереевъ, давали бы узнать имъ свое правое пониманіе вѣры и отъ каждаго изъ нихъ испрашивали общенія. Итакъ, поступая по сему обыкновенію, я покажу, какъ я понимаю божественное ученіе, но я настоятельно прошу и отъ твоего совершенства письменнаго изложенія вѣры и неумолимо требую, чтобы ты письменно изложилъ причину раздѣленія. Если она какая нибудь малая и не касается праваго ученія, то я прошу и умоляю пощадить тѣхъ, которые въ силу раздѣленія подвергаются опасности, прошу и умоляю войти въ союзъ съ Божіими церквами, возстановить Господне наслѣдіе, т. е. древній миръ и опять идти съ единою общею главою-Христомъ. Если же она великая и касается правыхъ догматовъ, то прошу выставить здѣсь это затруднительное обстоятельство и убѣдить насъ доказательствами отъ Писанія, чтобы мы не раздѣлялись безпредѣльно, не сражались напрасно съ тѣнью и не нападали бы на своихъ, какъ будто въ ночномъ сраженіи“ [1]). Затѣмъ, изложивъ свое исповѣданіе вѣры, Петръ снова проситъ папу прислать ему отвѣтъ съ изложеніемъ своей вѣры и заключаетъ свое письмо привѣтствіями синоду и клиру папы, прося всѣхъ „воспоминать о его смиреніи въ своихъ святыхъ молитвахъ къ Господу“.

Однако прежде отвѣтнаго письма папы, которое долго было въ дорогѣ и пришло по своему назначенію уже спустя два года [2]).

---

[1]) Московск. синодальн. библіот Cod. 509 (28) XLVI.

[2]) Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ Доминику Градскому Петръ Антіохійскій говоритъ: Πρὸ καιροῦ δὲ ἐν ἀρχῇ τῆς ἀρχιερωσύνης μου σιστατικὴν ἔστειλα γραφὴν πρὸς τὸν μακαριώτατον πάπαν Ῥώμης πεμψας αὐτὴν διὰ τινὸς τῶν κατ' εὐχὴν ἀπερχομένων εἰς Ἱεροσόλυμα, πρὸς τὸν λαμπρώτατον καὶ δοῦκα τῆς Ἰταλίας τὸν Αργυρὸν, ἵνα κατευοδώσῃ αὐτὴν πρὸς τὴν ἀγιωσύνην αὐτοῦ. ἔκτοτε δὲ διετία διῆλθε καὶ περὶ ταύτης οὐδὲν ἠδυνήθην μαθεῖν (Epist ad Dominicum,—c. XXVI, Will. p. 228—228). Но что письмо все-таки скоро послѣ этого достигло по назначенію, это видно изъ словъ патр. Петра въ его письмѣ къ Михаилу Керуларію. «Ἀπέστειλα καὶ τὸ ἴσον τῆς πρὸς ἐμὲ σταλεῖσης ἀντιγραφῆς τοῦ μακαρίτου πάπα Ῥωμαικοῖς ἐνσημασμένον γράμμασιν Will p. 204. c. XXIV). Папа передъ тѣмъ уже умеръ.

патріархъ Петръ получилъ письмо съ запада отъ Доминика, архіепископа Градскаго или Венеціанскаго, или, что тоже Аквилейскаго. Доминикъ пользовался особеннымъ уваженіемъ на западѣ; папа называлъ его своимъ любезнѣйшимъ собратомъ, на соборѣ утвердилъ его патріархомъ, а Аквилею сдѣлалъ патріархатомъ и написалъ особую граммоту къ епископамъ Венеціи и Истріи о томъ, чтобы они во всемъ повиновались своему патріарху Доминику [1]).

Узнавъ отъ папы Льва IX о столкновеніи между римской и константинопольской каѳедрами, или, можетъ быть, получивъ прямое указаніе отъ него объ образѣ своихъ дѣйствій по отношенію къ константинопольской церкви, онъ поспѣшилъ написать письмо къ антіохійскому патріарху Петру, надѣясь привлечь его на сторону западныхъ. Это письмо, какъ видно и изъ самаго его текста, написано было еще въ самомъ началѣ полемики и до пріѣзда въ Константинополь легатовъ. Письмо написано въ примирительномъ и даже заискивающемъ тонѣ. „Предстоятелю славнѣйшей св. каѳедры антіохійской церкви, высокопоставленному патріарху, великому и апостольскому мужу, Доминикъ, Божіею милостію, патріархъ церкви Градской и Аквилейской“,—такъ Доминикъ обращается въ своемъ письмѣ къ Петру Антіохійскому. Послѣ привѣтствія антіохійской церкви, сестрѣ церкви римской, и изъявленій любви и уваженія къ самому патріарху Петру, побудившихъ автора писать письмо, онъ говоритъ, что онъ не можетъ умолчать о дошедшемъ до него слухѣ, будто константинопольская церковь, особенно клиръ ея, порицаетъ римскую за употребленіе ею опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи. „Они (т. е. константинопольскіе клирики) утверждаютъ, что мы лишены тѣла Христова, и считаютъ насъ отлученными отъ церковнаго единенія именно вслѣдствіе того, что мы приносимъ евхаристійную жертву безъ кваснаго смѣшенія (т. е. не смѣшивая муки съ закваской), между тѣмъ какъ мы, желая сохранять единеніе съ православною церковію безъ всякаго раскола, обычай употреблять

[1]) Epist. Leonis IX ad episcopos Venetiae et Istriae, — Binii tom. VII, p. 241.

опрѣсноки считаемъ не только апостольскимъ, но даже Господнимъ преданіемъ". Затѣмъ, Доминикъ выражаетъ патріарху Петру свой взглядъ по вопросу объ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи, признавая правильность и законность какъ практики восточной, такъ и практики западной церкви въ совершеніи этого таинства. „Итакъ, заключаетъ свое письмо Доминикъ, тобою—отцемъ должны быть изобличены тѣ, которые столь безстыдно говорятъ противъ священныхъ и апостольскихъ установленій и, думая, что они сооружаютъ, не только разрушаютъ состроенное, но даже подкапываютъ самый фундаментъ. Въ такомъ случаѣ, напрасно блаженнѣйшіе Петръ и Павелъ и проповѣдали въ Италіи, если западная церковь должна лишиться блаженства вѣчной жизни, въ которую никто не войдетъ, не бывши причастникомъ тѣла и крови Христа, какъ Онъ самъ засвидѣтельствовалъ: „если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни" (Іоан. VI, 53). Такимъ образомъ, если приношеніе [1]) безквасnаго хлѣба не есть тѣло Христово, то всѣ мы отчуждены отъ жизни". Наконецъ, Доминикъ проситъ Петра, чтобы тотъ поскорѣе прислалъ ему отвѣтъ и изложилъ бы въ немъ свой взглядъ на дѣло [2]).

Антіохійскій патріархъ отвѣтилъ Доминику длиннымъ письмомъ. Послѣ любезнаго обращенія къ Доминику и ласковаго общаго приступа, Петръ сначала смиренно отклоняетъ отъ себя и отъ своей церкви незаслуженное чествованіе, которое оказывалъ имъ въ своемъ посланіи Доминикъ, а равно совѣтуетъ и ему не превозноситься и не присвоять себѣ незаконно патріаршей чести. „Отъ юности моей и до старости, говоритъ Петръ, я прилежно занимался чтеніемъ писаній, но нигдѣ не находилъ, чтобы аквилейскій предстоятель назывался патріархомъ. Во всемъ мірѣ только пять патріарховъ: въ Римѣ, Константинополѣ, Антіохіи, Александріи и Іерусалимѣ, да и то собственно патріархомъ называется только антіо-

---

[1]) Приношеніе=προσφορὰ=oblatio; oblatio отъ offero, отсюда oblata, въ польскомъ языкѣ—oplatek, отюда—оплатка, оплатки.

[2]) Dominici Patriarch. Veneti epist. ad Petrum Antioch. Will. p. 205—208.

хійскій, потому что римскій и александрійскій называются папами, а константинопольскій и іерусалимскій—архіепископами. Какъ пять чувствъ управляютъ человѣческимъ тѣломъ, такъ и пять патріарховъ управляютъ тѣломъ церкви Христовой". Затѣмъ, кратко повторивъ ходъ мыслей въ письмѣ Доминика по вопросу объ опрѣснокахъ, патріархъ Петръ прежде всего ставитъ на видъ Доминику, что константинопольскій патріархъ не слишкомъ нападаетъ на ихъ мнѣніе о родѣ хлѣба для таинства евхаристіи, не называетъ западной церкви неправославною и не отсѣкаетъ ее отъ церковнаго единства, хорошо сознавая, что она православна и согласно со всею церковію исповѣдуетъ св. Троицу и воплощеніе Господа Іисуса Христа. „Но сознавая, что вы хромаете единственно только въ одномъ, продолжаетъ Петръ,—именно въ приношеніи опрѣсноковъ, онъ съ огорченіемъ переноситъ это, скорбитъ и негодуетъ, что вы не слѣдуете четыремъ священнымъ патріархамъ, согласно думая съ ними относительно таинственной жертвы по преданію св. церкви и не на совершенномъ хлѣбѣ совершаете евхаристію, какъ предали намъ тѣ, которые отъ начала были самовидцами и служителями Слова". Высказавъ такой взглядъ по поводу вопроса объ опрѣснокахъ, Петръ все-таки считаетъ нужнымъ показать превосходство восточнаго обычая — употреблять въ евхаристіи квасный хлѣбъ предъ обычаемъ западной церкви— употреблять опрѣсноки. Къ этому трактату объ опрѣснокахъ Петра Антіохійскаго мы будемъ обращаться еще не разъ, а теперь замѣтимъ только, что и въ концѣ своего письма Петръ дружелюбно обращается къ Доминику, нисколько не разрывая съ нимъ церковнаго единенія. „Привѣтствуй отъ нашего имени свой священный и святый синодъ, заключаетъ онъ свое письмо,—а нашъ привѣтствуетъ твою святыню святымъ цѣлованіемъ и вмѣстѣ со мною испрашиваетъ твоихъ молитвъ. Прощай, всегда радуясь въ здравіи и веселіи о Господѣ, и поминай наше смиреніе въ твоихъ святыхъ священнодѣйствіяхъ" [1]).

---

[1]) Petri Patriarchae Antioch. epist. ad Dominicum Gradensem, — Will, p. 208—228.

Послѣ отсылки этого письма къ Доминику, Петръ получилъ отъ папы Льва IX отвѣтъ на свое письмо къ нему. Изъ дружественнаго тона письма папы можно видѣть, что оно было написано также до самаго разгара споровъ [1]).

Къ тому же Петру Антіохійскому отправилъ письмо и патріархъ Михаилъ Керуларій, узнавъ о его перепискѣ съ Домиником. Патріархъ Михаилъ, подобно Фотію, хотѣлъ составить коалицію противъ Рима и спѣшилъ завербовать себѣ сторонниковъ. Въ своемъ первомъ письмѣ къ Петру Антіохійскому Михаилъ Керуларій, безъ всякаго стѣсненія извѣстивъ антіохійскаго патріарха о томъ, что папскіе легаты были будто бы подосланы къ нему его личнымъ врагомъ, итальянскимъ намѣстникомъ Аргиромъ, пишетъ ему слѣдующее; „До нашего слуха дошла молва, что папа, какъ Вашимъ Совершенствомъ, такъ равно предстоятелями александрійскимъ и іерусалимскимъ, включенъ въ священные диптихи. Но я не думаю, чтобы такого незнанія, преимущественно предъ другими, держалась особенно твоя несравненная добродѣтель, такъ какъ ты знаешь, что со времени св. шестаго вселенскаго собора поминаніе папы въ священныхъ диптихахъ при нашихъ подлинно святыхъ церквахъ было отсѣчено по причинѣ того, что Вигилій, бывшій тогда римскимъ папою, не хотѣлъ ни пойти на этотъ соборъ, ни согласиться анаѳематствовать какъ сочиненіе Ѳеодорита, написанное противъ правой вѣры и двѣнадцати главъ, изложенныхъ св. Кирилломъ, такъ и письмо Ивы. Ты конечно, знаешь, что съ того самаго времени до сихъ поръ папа отсѣченъ отъ нашей святѣйшей и каѳолической церкви. Вотъ почему та молва намъ показалась совершенно невѣроятною не столько въ отношеніи къ тѣмъ предстоятелямъ, сколько въ отношеніи къ твоей многоучености и твоему отмѣнному благоразумію. Однако, не одно только это дошло до насъ, но еще и то, что тѣ два архіерея, о которыхъ мы упомянули, не только принимаютъ въ общеніе съ собою другихъ людей, ѣдящихъ опрѣсноки, но и сами также иногда совершаютъ божественную службу на опрѣснокахъ. Мы же, не имѣя никого подъ рукою, посредствомъ кого могли бы допро-

[1]) Leonis IX epist. ad Petrum Antioch. Will, p. 168—171.

сить ихъ относительно этого, а сверхъ того никакъ не довѣряя другимъ такого дѣла, возлагаемъ все изслѣдованіе объ этомъ на Ваше Святѣйшество съ тѣмъ, чтобы, по самомъ тщательномъ изслѣдованіи этого дѣла, ты сдѣлалъ его извѣстнымъ и нашему смиренію. Пусть это такъ и будетъ“ [1]). Затѣмъ патріархъ, дѣлая замѣчаніе о письмѣ Петра къ Доминику, старается поставить ему на видъ, что отступленія римской церкви заключаются не въ одномъ только, какъ онъ думаетъ, употребленіи опрѣсноковъ, а во многихъ заблужденіяхъ, которымъ патріархъ и дѣлаетъ перечень. Не дождавшись отъ Петра Антіохійскаго отвѣта, Михаилъ Керуларій послалъ къ нему новое письмо, въ которомъ извѣщалъ его о дѣйствіяхъ въ Константинополѣ папскихъ легатовъ [2]). Тутъ же онъ приложилъ посланія свои къ остальнымъ двумъ патріархамъ: іерусалимскому и александрійскому.

Патріархъ антіохійскій Петръ на первое письмо Михаила Керуларія послалъ свой отвѣтъ прежде полученія уже посланнаго къ нему втораго письма. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ [3]) Петръ удивляется дерзости Аргира и грубой ошибкѣ, допущенной въ письмѣ патріарха относительно папы Вигилія, который жилъ не во время шестаго, а во время пятаго вселенскаго собора. Впрочемъ, эту ошибку Петръ приписываетъ нерадивости патріаршаго хартофилакса. Съ своей стороны антіохійскій патріархъ замѣчаетъ, что восточная церковь, хотя и признавала нѣкоторыя погрѣшности тѣхъ или другихъ римскихъ папъ, но никогда не переставала считать ихъ православными. Петръ говоритъ, что онъ самъ слышалъ, какъ въ Антіохіи, при патріархѣ Іоаннѣ, и въ самомъ Константинополѣ имя римскаго папы было произносимо во время богослуженія на ряду съ именами прочихъ патріарховъ. Что же касается латинскихъ разностей и заблужденій, то Петръ во взглядѣ на нихъ различалъ важное отъ неважнаго. Просвѣщенный іерархъ восточной церкви заблужденія латинянъ, выставленныя Михаиломъ Керуларіемъ, дѣлитъ на три рода: однихъ должно всячески избѣгать

---

[1]) Epist. 1 ad Petrum Antioch. cap. IX и X. Will, p. 178—179.

[2]) Mich. Cerular. epist. II, ad Petrum Antiochen. Will, p. 184—188.

[3]) Petri Antioch. epist. ad Mich. Cerular.,—Will p. 189—204.

и отвращаться, другія — исправлять, какъ частныя заблужденія, третьи же вовсе ничего не значатъ, чтобы на нихъ обращать какое-нибудь вниманіе, такъ какъ они безразличны, не важны. Разобравъ въ отдѣльности всѣ латинскія разности, выставленныя Михаиломъ, и показавъ, что важно собственно только латинское прибавленіе къ символу, а все остальное не заслуживаетъ большого вниманія, а можетъ быть и ложно имъ приписывается, антіохійскій патріархъ обращается съ такими словами къ Михаилу: „Прошу, умоляю, заклинаю и мысленно обнимаю твои святыя стопы, чтобы Ваше божественное Блаженство тщательнѣе приспособлялось къ дѣламъ и взвѣшивало силу обстоятельствъ. Нужно остерегаться, чтобы, желая сшить разорванное, не сдѣлать еще большей дыры и чтобы, желая поправить поскользнувшагося, не сдѣлать его паденія еще большимъ. Нужно остерегаться, чтобы не усилить расколы, не умножить напасти и смуты въ царствахъ“.

Дальнѣйшая исторія споровъ по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI и XII вѣкахъ, съ сожалѣнію, не можетъ быть изложена съ удовлетворительною точностію и обстоятельностію. Почти всѣ свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ для этой исторіи, заключаются въ полемическихъ трактатахъ, которыми въ это время обмѣнялись спорившія стороны. Но такъ какъ ближайшая исторія этихъ трактатовъ (т. е. время, мѣсто и обстоятельства происхожденія) почти совершенно неизвѣстна, то они сами по себѣ даютъ слишкомъ мало данныхъ для разъясненія внѣшней исторіи спора. Несомнѣнно одно, что вопросъ объ опрѣснокахъ сряду же послѣ своего возникновенія занялъ весьма почетное мѣсто въ ряду другихъ, возбужденныхъ и раньше и позже вопросовъ, и во время вскорѣ затѣмъ послѣдовавшихъ богословскихъ диспутовъ между греческими и латинскими богословами по спорнымъ вопросамъ и попытокъ къ соединенію церквей не разъ служилъ предметомъ спора на ряду съ другими вопросами. Такъ, напримѣръ, при сынѣ и преемникѣ Алексѣя I, Іоаннѣ Комнинѣ (1118—1143), въ 1135 или въ 1136 году, въ Константинополѣ состоялось два богословскихъ диспута между Анзельмомъ, епископомъ Гальвельбергскимъ и Никитою, архіепископомъ Никомидійскимъ. Предметомъ втораго изъ этихъ диспу-

товъ былъ вопросъ объ опрѣснокахъ, причемъ кстати было разсужденіе о притязаніяхъ римскихъ папъ на главенство церкви и о нѣкоторыхъ совсѣмъ неважныхъ разностяхъ латинскаго обряда съ греческимъ. Оффиціально впрочемъ вопросу объ опрѣснокахъ, повидимому, не придавали особеннаго значенія въ это время. По крайней мѣрѣ, такъ можно думать потому, что а) онъ не всегда возбуждался во время этихъ диспутовъ и сношеній и б) если и возбуждался, то никогда не занималъ перваго мѣста, уступая оное вопросу объ исхожденіи Св. Духа и даже вопросу о главенствѣ папы. Такъ въ 1098 году на соборѣ въ Барѣ, на диспутѣ, состоявшемся между латинскими богословами и итальянскими греками, обсуждался только вопросъ объ исхожденіи Св. Духа [1]). На диспутѣ, происходившемъ въ царствованіе Алексѣя Комнина въ самомъ Константинополѣ между архіепископомъ Миланскимъ Петромъ Гроссоналомъ или Хрисоланомъ (когда онъ отправился въ Палестину или уже тогда, когда возвращался оттуда, между 1110 и 1113 годами) и греческими богословами Іоанномъ Фурномъ и Евстратіемъ Никейскимъ, въ продолженіе двухъ засѣданій также обсуждался только вопросъ объ исхожденіи Св, Духа [2]). При сынѣ Іоанна императорѣ Мануилѣ Комнинѣ (1143—1180) первый диспутъ съ латинянами, происходившій въ 1155 году между архіепископомъ солунскимъ Василіемъ Ахридскимъ и посломъ папы Адріана IV (1154—1159) Генрихомъ Беневетскимъ, былъ также объ исхожденіи Св. Духа. По вопросу же объ исхожденіи Св. Духа и по вопросу о преимуществахъ καθедръ древняго и новаго Рима устроилось нѣсколько диспутовъ между папскими легатами и самимъ императоромъ Мануиломъ Комниномъ, подробно описанныхъ Андроникомъ Коматиромъ въ его „Ἱερὰ ὁπλοθήκη“. Наконецъ, на Константинопольскомъ соборѣ 1170 года [3]), на которомъ присутствовали два римскихъ кардинала, посланныхъ папою по просьбѣ императора Мануила для переговоровъ о соединеніи церквей, латиняне настоятельно требовали отъ грековъ только признанія пер-

[1]) Annal. eccl. Baron ad. fin. an. 1097 et ad init. an. 1098.

[2]) Ibidem, ad an. 1116.

[3]) Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ у Allat. «De perp. cons. p. 664 и 555—558.

венства папы, права апелляціи къ нему и поминовенія его въ молитвахъ. Такимъ образомъ, съ оффиціальной стороны вопросу объ опрѣснокахъ, повидимому, не придавали тогда особеннаго значенія. Но въ дошедшихъ до насъ полемическихъ памятникахъ этотъ вопросъ становится непосредственно послѣ вопроса объ исхожденіи Св. Духа.

Вслѣдствіе недостатка данныхъ для разъясненія дальнѣйшей исторіи спора по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI и XII вѣкахъ намъ ничего не остается больше дѣлать, какъ попытаться установить—на сколько это окажется возможнымъ — хронологію трактатовъ, появившихся въ это время.

Полемика по вопросу объ опрѣснокахъ открывается первымъ письмомъ Льва архіепископа Ахридскаго, посланнымъ къ Іоанну, епископу города Трани въ Апуліи, въ концѣ 1053 года. Два другія полемическія посланія Льва Ахридскаго безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ отнести также къ самому началу полемики уже потому, что они посвящаются авторомъ изслѣдованію одного только вопроса объ опрѣснокахъ. Къ тому же 1053 году относятся: письмо папы Льва IX въ отвѣтъ на первое письмо Льва Ахридскаго и посланіе Доминика Венеціанскаго къ патріарху антіохійскому Петру. Второе письмо папы къ Михаилу Керуларію отправлено было съ легатами въ январѣ 1054 года. Послѣ писемъ Льва Ахридскаго первое мѣсто по времени своего появленія въ греческой противу-латинской литературѣ занимаетъ трактатъ Никиты Стиѳата, написанный по всей вѣроятности уже послѣ прибытія легатовъ въ Константинополь. Въ томъ же 1054 году Гумбертъ написалъ два своихъ полемическихъ сочиненія: Діалогъ и отвѣтъ или опроверженіе на трактатъ Никиты Стиѳата. Наконецъ, также въ 1054 году были написаны: посланіе антіохійскаго патріарха Петра въ отвѣтъ Доминику Венеціанскому, два посланія патріарха Михаила Керуларія къ Петру Антіохійскому и посланіе послѣдняго въ отвѣтъ Михаилу Керуларію. Подъ вліяніемъ перваго посланія Михаила Керуларія къ Петру Антіохійскому, въ которомъ между прочимъ перечисляются латинскія заблужденія, въ византійской полемической литературѣ по раздѣленіи церквей начинаютъ появляться статьи съ пе-

речнемъ латинскихъ заблужденій. Въ посредственной или непосредственной зависимости отъ перечня, помѣщеннаго въ письмѣ Михаила Керуларія, также написаны: „слово о вѣрѣ крестьянской и о латынской“, принадлежащее русскому по своему происхожденію писателю-препод. Ѳеодосію Печерскому, умершему въ 1074 году, „Стязаніе съ латиною“ Георгія митрополита Кіевскаго (1062 — 1079) [1]) и два посланія къ русскимъ князьямъ, написанныя уже въ XII вѣкѣ, русскаго митропополита изъ грековъ Никифора (1104 — 1121) [2]). Къ концу XI вѣка принадлежатъ: посланіе (около 1070 года) Ѳеофилакта архіепископа Болгарскаго († 1107), адресованное къ діакону Николаю, посланіе русскаго митрополита изъ грековъ Іоанна II (1080—1089), трактатъ о пасхѣ съ име-

---

[1]) Въ своемъ изслѣдованіи по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ г. Павловъ не признаетъ «Стязанія» подлиннымъ сочиненіемъ митрополита Георгія—современника Ѳеодосія Печерскаго, считая его не болѣе, какъ позднѣйшей компиляціей изъ посланія митрополита Никифора, «Слова» препод. Ѳеодосія и еще какого-то теперь неизвѣстнаго источника. Основаніемъ для отрицанія подлинности авторъ выставляетъ меньшее количество обвинительныхъ пунктовъ въ стязаніи и ихъ распространеніе, дополненіе и перестановку сравнительно съ пунктами въ посланіи митрополита Никифора. Авторъ высказываетъ догадку не произошло-ли имя митрополита Георгія, стоящее надъ текстомъ «Стязанія» въ единственномъ доселѣ найденномъ спискѣ этого памятника изъ сходнаго по звукамъ и начертанію имени митрополита Григорія, т. е. извѣстнаго Цамблака?» («Крит. опыты», стр. 48—58). Для нашей задачи посланіе съ именемъ митрополита Георгія важно только въ той мѣрѣ, на сколько отразилось на немъ вліяніе посланія Михаила Керуларія. Важнаго значенія въ исторіи полемики между греками и латинянами по вопросу объ опрѣсноках «стязаніе съ латиною» митроп. Георгія во всякомъ случаѣ не имѣетъ. Не вдаваясь по этому въ подробное изслѣдованіе о подлинности и неподлинности единственнаго, крайне искаженнаго списка «Стязанія», мы все-таки замѣтимъ, что для полнаго рѣшенія этого вопроса должно подождать новыхъ открытій.

[1]) «Посланіе отъ Никифора митрополита Кыевскаго къ Володимеру князю всея Руси, сыну Всеволожю, сына Ярославля»—было написано Никифоромъ Владиміру Мономаху, а «слово святаго Никифора митрополита всея рускыя земля», или, какъ оно называется, посланіе къ неизвѣстному князю и «Посланіе отъ Никифора митрополита Кіевскаго всеа рускыа земля, написаніе на Латыну, ко Ярославу князю мурьскому Святославичу сына Ярославля о ересѣхъ» не два особыя сочиненія, а только различныя редакціи одного и того же посланія митрополита Никифора къ Ярославу Святополковичу князю Волынскому († 1123), имя котораго впослѣдствіи смѣшали съ именемъ его современника—Ярослава Святославича, князя Муромскаго († 1129). См. «Обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій».. *Попова* стр. 108—118.

немъ Никиты Пафлагонскаго, посланіе Леонтія или Льва митрополита Преславы и два трактата хартофилакса Никиты Никейскаго. Три анонимныхъ небольшихъ трактата, помѣщенныхъ вслѣдъ за двумя трактатами Никиты Никейскаго въ рукописномъ сборникѣ Москов. синодальной библіот. XII вѣка $№\frac{X}{443}$, несомнѣнно были написаны также въ концѣ XI или въ самомъ началѣ XII вѣка, такъ какъ и по самымъ своимъ мыслямъ и по способу ихъ развитія и изложенія они, какъ нельзя болѣе, подходятъ къ полемическимъ трактатамъ этого времени. Изъ трудовъ западныхъ полемистовъ XI вѣка по раздѣленіи церквей до настоящаго времени изданъ только одинъ отрывокъ полемическаго сочиненія противъ грековъ, написаннаго за это время. Авторъ этого сочиненія противъ грековъ неизвѣстенъ, потому что начало и конецъ его сочиненія не сохранились въ томъ рукописномъ сборникѣ, въ которомъ оно помѣщено, но время жизни автора и время написанія сочиненія можно опредѣлить приблизительно [1]).

Изъ полемическихъ византійскихъ памятниковъ XII вѣка по вопросу объ опрѣснокахъ къ первой половинѣ этого вѣка принадлежатъ: трактаты Евстратія митрополита Никейскаго, сочиненія Никиты Сеида и посланіе къ архіепископу адріанопольскому антіохійскаго патріарха Іоанна, удалившагося по взятіи крестоносцами Антіохіи въ Константинополь къ Алексѣю Комнину и здѣсь занимавшагося писаніемъ сочиненій противъ латинянъ [2]). Ко второй половинѣ XII вѣка относятся сочиненія: Николая епископа Меѳонскаго, Георгія митрополита Корцирскаго, Іоанна митрополита

---

[1]) Изъ сохранившагося отрывка (Fragmentum disputationis contra graecos, Acta et scripta, Will p. 254—259) видно, что авторъ его жилъ не ранѣе Михаила Керуларія, Льва Ахридскаго и Никиты Стиѳата, противъ которыхъ онъ вооружается въ своемъ сочиненіи. Съ другой стороны, можно видѣть также изъ самаго отрывка, что авторъ писалъ свое сочиненіе не позднѣе конца XI вѣка, потому что онъ, между прочимъ, обличаетъ грековъ въ томъ, что они, вопреки обычаю латинской церкви, омачиваютъ въ чашѣ евхаристійный хлѣбъ, а обычай не омочать евхаристійнаго хлѣба держался въ церкви латинской только до начала XII вѣка. Такимъ образомъ, время написанія этого сочиненія навѣрно заключается между 1054 и 1100 годами.

[2]) «Oriens christianus». Le Quien; t. II, p. 755. «Commentarius de scriptoribus et scriptis ecclesiasticis»,—C. Oudini, t. II, 842—850.

Клавдіопольскаго и Ѳеодора Куропалата. Изъ латинскихъ памятниковъ XII вѣка, относящихся къ вопросу объ опрѣснокахъ, первое мѣсто по времени своего происхожденія занимаетъ переписка Анзельма архіепископа Кэнтербюрійскаго (1034—1109) съ епископомъ Валеранномъ. Другой Анзельмъ, епископъ Гавельбергскій, полемизировалъ по вопросу объ опрѣснокахъ въ Константинополѣ при сынѣ и преемникѣ Алексѣя Комнина Іоаннѣ въ 1135 или 1136 году, въ публичномъ диспутѣ съ Никитою, архіепископомъ Никомидійскимъ. Пренія, происходившія на этомъ диспутѣ, Анзельмъ изложилъ въ особой книгѣ, которую онъ написалъ по повелѣнію папы Евгенія III уже въ 1145 году.

ГЛАВА II.

Изслѣдованіе внутренней стороны исторіи спора между греками и латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI и XII вѣкахъ мы начнемъ опредѣленіемъ отношенія другъ къ другу всѣхъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени полемическихъ памятниковъ, вызванныхъ этимъ споромъ за указанное время. Опредѣляя отношеніе между полемическими памятниками XI—XII вѣк., мы постараемся выяснить ихъ сходство и различіе 1) по направленію, 2) по содержанію и 3) по формѣ или литературнымъ пріемамъ.

Съ самаго начала полемики, возбудившейся между греками и латинянами въ половинѣ XI вѣка по вопросу о церковныхъ разностяхъ вообще и по вопросу объ опрѣснокахъ въ особенности въ греческой полемической литературѣ довольно рельефно выступаютъ два направленія. Одни изъ полемистовъ въ своемъ взглядѣ на разности латинской церкви не хотѣли различать важное отъ не важнаго, догматическое отъ обрядоваго и почти въ каждой разности желали видѣть ересь. При такомъ направленіи полемики авторы полемическихъ сочиненій охотно вѣрятъ разнымъ вымышленнымъ и баснословнымъ разсказамъ на счетъ противной стороны и безъ всякой критики и провѣрки съ удовольствіемъ спѣшатъ выставить въ укоръ своихъ противниковъ иногда совершенно вымышленныя, небывалыя заблужденія ихъ. Слова такихъ полемистовъ нерѣдко дышатъ не

только давнишней враждою, но даже раздражительной ненавистію къ латинянамъ, что конечно не могло позволять имъ разсуждать спокойно и безпристрастно. Люди этого направленія иногда какъ будто нарочно преувеличиваютъ дѣло и стараются говорить напускнымъ возвышеннымъ тономъ. Другіе полемисты разсматриваемаго нами времени въ своихъ сочиненіяхъ смотрѣли на разности, существовавшія между западною и восточною церквами, съ другой точки зрѣнія и въ своемъ взглядѣ на эти разности умѣли различать догматъ отъ обряда, неизмѣнное для всѣхъ вѣковъ и народовъ и общеобязательное отъ измѣняемаго, частнаго и необязательнаго для всѣхъ. Люди этого направленія были просвѣщенными представителями своего времени и въ своихъ отношеніяхъ къ западной церкви стояли на обще-церковной точкѣ зрѣнія. Лица, державшіяся въ своихъ сочиненіяхъ этого послѣдняго направленія, спокойнымъ и разсудительнымъ тономъ своихъ сочиненій, свѣтлымъ взглядомъ на разности и желаніемъ согласія, а не раздора между обѣими половинами христіанскаго міра напоминаютъ намъ первоначальное направленіе полемики по вопросу о разностяхъ, возникшей между церквами въ вѣкъ знаменитаго Фотія. Наконецъ, какъ при всякихъ спорахъ, такъ и при спорѣ о церковныхъ разностяхъ нашей эпохи, между византійскими полемистами являлись люди средины. Въ своихъ сочиненіяхъ о разностяхъ между церквами они хотя и осуждали разности латинской церкви, но все-таки или допускали нѣкоторыя извиненія для нея въ этихъ разностяхъ, или разсуждали безъ всякихъ уколовъ и оскорбленій церковно-національнаго чувства своихъ противниковъ. Такимъ образомъ, въ византійской полемической противу-латинской литературѣ XI—XII вѣковъ мы отмѣчаемъ три главныхъ направленія: крайнее или полемическое, умѣренное или примирительное и среднее, сближавшееся на извѣстныхъ пунктахъ съ тѣмъ и другимъ.

Враждебный тонъ перваго изъ указанныхъ направленій впервые былъ данъ въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго къ Іоанну Транійскому, а потомъ рѣзко прозвучалъ и въ двухъ послѣдующихъ его письмахъ. Тяжелыя обвиненія падаютъ въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго на латинскую церковь за употребленіе ею опрѣсноковъ.

Латиняне обличаются здѣсь въ невѣріи и нечестіи, называются общниками іудеевъ, полухристіанами, полуіудеями и въ заключеніе говорится, что писать къ нимъ противъ употребленія опрѣсноковъ значитъ писать „въ истинное свидѣтельство истинной и божественной вѣры, во славу Божію и спасеніе тѣхъ, которые желаютъ правильно и православно вѣровать, за которыхъ въ надлежащее время Христосъ положилъ свою душу“. Если въ полемикѣ между церквами временъ патріарха Фотія можно видѣть указаніе на нѣкоторыя разности и заявленіе желанія объ исправленіи ихъ, то въ этомъ письмѣ, начавшемъ собою полемику между церквами въ эпоху ихъ окончательнаго раздѣленія, мы замѣчаемъ уже укоризны въ невѣріи и нечестіи и проповѣдь о покаяніи. Въ двухъ другихъ своихъ письмахъ Левъ Ахридскій остается вѣрнымъ тѣмъ своимъ взглядамъ и воззрѣніямъ, которые онъ высказалъ въ своемъ первомъ письмѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь въ употребленіи латинянами опрѣсноковъ онъ видитъ нарушеніе ими почти всего христіанства и еще съ большею силою и большею настойчивостію обвиняетъ ихъ въ уклоненіи къ іудейству.

Сторонникомъ того же крайняго направленія, какъ и Левъ Ахридскій, выступаетъ другой сотрудникъ патріарха Михаила Керуларія въ обличеніи латинскихъ заблужденій—инокъ студійскаго монастыря Никита Стиѳатъ. Начало его полемическаго трактата повидимому проникнуто духомъ христіанской любви, кротости и смиренія. „Блага любовь къ ближнему, всѣхъ народовъ мудрѣйшіе и благороднѣйшіе римляне! Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе обладанія любовію и снисходительность изобилуетъ у того, кто имѣетъ любовь. Сама же изобилующая любовь располагаетъ своего причастника все любить, все терпѣть, какъ говоритъ божественный апостолъ, а не превозноситься предъ своимъ ближнимъ, не искать только своего и не питать противъ своего ближняго ни досады, ни распри, ни зависти. Все это дѣйствительно подавляетъ любовь и снисхожденіе и заставляетъ человѣка ходить не по Богу, а по произволенію человѣческому. Это и Павелъ подтверждаетъ, говоря: „Если между вами зависть, споры и разногласія, то не плотскіе ли вы“? (1 Кор. III, 3). По этой причинѣ, молю любовь вашу,

будьте къ намъ снисходительны по заповѣди Божіей и выслушайте насъ недостойныхъ и ничтожныхъ“ [1]). Между тѣмъ, въ самомъ своемъ сочиненіи Никита разсуждаетъ иначе, чѣмъ какъ этого требуетъ христіанская любовь и христіанское снисхожденіе. Обращая свое вниманіе на тонъ, въ которомъ написанъ трактатъ Никиты Стиѳата, Германъ находитъ, что онъ написанъ въ духѣ кротости и смиренія. Историкъ указываетъ на то, что Никита въ началѣ трактата проситъ у латинянъ снисхожденія выслушать его, что онъ часто называетъ ихъ братьями, мудрѣйшими и славнѣйшими всѣхъ народовъ, наконецъ, привѣтствуетъ латинянъ въ концѣ своего труда и главное, что онъ удерживается отъ всякой болѣе или менѣе жестокой брани, направленной на латинянъ и никому изъ нихъ не наноситъ личнаго оскорбленія [2]). Такой взглядъ не совсѣмъ вѣренъ. Никакихъ среднихъ мѣръ для того, чтобы путемъ христіанскаго снисхожденія уладить возникшее между церквами дѣло по поводу вопроса объ опрѣснокахъ, Никита не представляетъ и латинянъ считаетъ такими людьми, которыхъ можно лишь увѣщевать къ покаянію. Подобно Льву Ахридскому, разность латинянъ въ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи онъ выставляетъ нарушеніемъ вѣры, прямымъ іудействованіемъ и категорически заявляетъ, что „вкушая мертвую, некрасную закваску закона сѣни“, латиняне не могутъ имѣть общенія со Христомъ. Такое направленіе, проходящее по всему трактату Никиты Стиѳата, ясно показываетъ, что онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ приверженцевъ патріарха Михаила Керуларія.

Корифеемъ строгаго взгляда на латинскія разности и особенно оригинальнаго направленія въ области греческой противу-латинской литературы безспорно долженъ быть признанъ самъ константинопольскій патріархъ Михаилъ Керуларій. Конечно, для изслѣдователя византійской противу-латинской полемической литературы имѣетъ мало интереса повѣствовательно-историческая сторона въ письмахъ Михаила Керуларія къ Петру Антіохійскому, хотя и

---

[1]) Nicetae Libellus contra latinos; cap. I,—Will p. 127.

[2]) Herm. pars II, c. 11. § 111.

эта сторона его писемъ прекрасно обрисовываетъ личность автора и характеръ его отношеній къ латинской церкви. Но кромѣ повѣствовательно-исторической стороны, въ первомъ его письмѣ къ антіохійскому патріарху Петру весьма замѣчательна сторона чисто полемическая. Въ этомъ своемъ письмѣ константинопольскій патріархъ домогался совершеннаго отлученія латинянъ отъ церкви и требовалъ, чтобы имя римскаго папы не поминалось при богослуженіи. Отлично понимая, что найденное имъ основаніе для этого своего требованія—исторія съ папою Вигиліемъ — не слишкомъ твердо, потому что поминаніе или непоминаніе имени римскаго папы нельзя возвести ни на степень догмата, ни на степень безусловнаго постановленія церкви, а это зависѣло отъ личнаго уваженія каждаго іерарха къ тому или другому римскому папѣ, Михаилъ Керуларій обосновываетъ свою мысль сильнѣе и выразительно намекаетъ, что общеніе съ тѣми, которые ѣдятъ опрѣсноки, могутъ имѣть только тѣ, которые сами иногда совершаютъ божественную евхаристію также на опрѣснокахъ и, слѣдовательно, раздѣляютъ ихъ заблужденіе. Наконецъ, для большаго подтвержденія необходимости „отвратиться“ отъ латинянъ, константинопольскій патріархъ выставляетъ цѣлую серію латинскихъ заблужденій. Съ перваго взгляда на перечень латинскихъ заблужденій, сдѣланный Михаиломъ Керуларіемъ, невольно бросается въ глаза совершенное неразличеніе въ ряду указываемыхъ заблужденій важнаго отъ мелочнаго и неважнаго. Ревностный обличитель латинянъ въ своихъ обвинительныхъ пунктахъ противъ нихъ не дѣлаетъ никакого различія между догматомъ и обрядомъ, между обще-обязательнымъ церковнымъ правиломъ и мѣстнымъ обычаемъ, между существеннымъ въ дѣлѣ вѣры и безразличнымъ. Вотъ почему на ряду съ разностію латинянъ въ чтеніи символа ставится разность ихъ въ чтеніи выраженія: *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. V. 6; Гал. V. 9). Эта характерная черта во взглядѣ на латинскія заблужденія составляетъ неотъемлемую принадлежность самого Михаила Керуларія, такъ что онъ можетъ считаться корифеемъ такого взгляда на латинскія разности во всей полемической противу-латинской литературѣ.

Само собою разумѣется, что посланіе константинопольскаго па-

тріарха получило громадный авторитетъ въ восточной церкви. Это посланіе, имѣвшее въ исторіи раздѣленія церквей не меньшее значеніе, чѣмъ знаменитое окружное посланіе патріарха Фотія, сдѣлалось главнѣйшимъ руководящимъ источникомъ какъ для нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненій послѣдующаго времени, появлявшихся въ византійской литературѣ, такъ и для полемистовъ, живших въ Россіи. Такъ тотъ же строгій взглядъ на латинскія заблужденія выразился въ Россіи прежде всего въ „Словѣ“ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго. Строгій подвижникъ, словамъ котораго всѣ внимали съ глубокимъ уваженіемъ, далъ такой отзывъ о латинянахъ: „латина всѣхъ языкъ поганѣйши и злѣйши суть“ и православнымъ христіанамъ должно „вѣрѣ ихъ не прилучатися, ни обычая ихъ держати и комканія ихъ бѣгати, и норова ихъ гнушатися и блюстися своихъ дочерей не давати за нихъ, ни у нихъ поимати, ни брататися, ни поклонитися, ни цѣловати его (латинянина), ни съ нимъ изъ единаго судна ясти, ни пити, ни брашна ихъ пріимати“. Вліяніе и характеръ посланія Михаила Керуларія, какъ увидимъ, рѣзко отражаются также въ „Стязаніи“ митрополита Георгія и еще рѣзче, очевиднѣе и осязательнѣе въ памятникахъ XII вѣка, писанныхъ въ Россіи, именно въ посланіяхъ митрополита Никифора.

Въ духѣ крайняго полемическаго направленія написано также большинство полемическихъ византійскихъ сочиненій по раздѣленіи церквей. Такъ тѣмъ же крайнимъ направленіемъ отличается одно изъ видныхъ сочиненій этого времени—посланіе Леонтія митрополита Преславы. Въ самомъ началѣ своего разсужденія объ опрѣснокахъ выставивъ различіе между церквами въ употребленіи хлѣба для евхаристіи отличительнымъ признакомъ вѣроисповѣданія той и другой церкви, онъ во всемъ дальнѣйшемъ разсужденіи своемъ объ опрѣснокахъ рѣзко и рѣшительно обвиняетъ латинянъ въ іудействованіи, искаженіи православной вѣры и уклоненіи въ еретичество.

Общее направленіе трактатовъ хартофилакса Никиты Никейскаго безъ всякаго колебанія должно назвать также крайнимъ и въ собственномъ смыслѣ полемическимъ. Правда, въ заключеніе своего перваго трактата авторъ говоритъ: „Богъ мира да примиритъ и соединитъ насъ и утвердитъ въ страхѣ своемъ, ибо избѣ-

гающій мира чуждъ примирителя Христа". Однако миръ, какъ это видно изъ всего разсужденія Никиты хартофилакса объ опрѣснокахъ, возможенъ только подъ условіемъ непремѣннаго отмѣненія латинянами обычая употребленія въ евхаристіи опрѣсноковъ, въ основѣ котораго онъ видитъ отпаденіе отъ христіанской истины и уклоненіе къ ересямъ.

Что касается византійскихъ богослововъ XII вѣка, то въ своей полемикѣ съ латинянами они не могли отрѣшиться отъ старинныхъ традицій о латинскихъ заблужденіяхъ, такъ что ихъ взглядъ на нихъ по большей части былъ крайнимъ, исключающимъ собою какія бы то ни было уступки противной сторонѣ. Но въ строгихъ разсужденіяхъ полемизирующихъ авторовъ XII вѣка еще яснѣе, чѣмъ у полемистовъ XI вѣка замѣчается много намѣренно натянутаго и преувеличеннаго. Строгость и неуступчивость полемистовъ XII вѣка, а также и рѣзкости ихъ въ отношеніи къ латинянамъ, кромѣ вражды и нерасположенія къ нимъ, можно объяснять еще ихъ желаніемъ такъ вести свои діалектическія пренія съ латинянами, чтобы во что бы то ни стало поставить своихъ противниковъ въ безвыходное положеніе, не сдѣлавъ имъ ни одной уступки и опровергнувъ рѣшительно всѣ основанія, на которыхъ они могли бы отстаивать свое мнѣніе. Споры публичные и частные въ XII вѣкѣ были также славны, какъ и средневѣковые турниры, а публика смотрѣла только на то, насколько будетъ пораженъ одинъ изъ участниковъ борьбы. Вотъ почему, хотя и часто въ разсматриваемыхъ нами трактатахъ XII вѣка встрѣчаются фразы автора, что онъ не желаетъ разсуждать изъ искусства спорить, или изъ тщеславнаго желанія выставиться на показъ, а разсуждаетъ изъ любви къ истинѣ и по братской любви, однако въ существѣ дѣла это не болѣе какъ красивыя фразы и своего рода полемическій маневръ. Понятно, что при такомъ общемъ направленіи невольно допускались преувеличенія и натянутости въ разсужденіяхъ, такъ что греки думали гораздо снисходительнѣе относительно какой-либо спорной особенности латинянъ, чѣмъ высказывали имъ это на словахъ.

Такимъ характеромъ прежде всѣхъ другихъ полемическихъ

трактатовъ отличаются два довольно пространныя сочиненія объ опрѣснокахъ Евстратія митрополита никейскаго. Первыя свои полемическія сочиненія Евстратій посвятилъ опроверженію ученія латинской церкви объ исхожденіи св. Духа и уже этимъ показалъ какой разности латинянъ онъ придаетъ особенно важное значеніе. Но и въ своихъ сочиненіяхъ по вопросу объ опрѣснокахъ онъ является не менѣе строгимъ обличителемъ. Въ употребленіи латинянами опрѣсноковъ Евстратій также видитъ нарушеніе христіанской истины и уклоненіе къ іудейству, заканчивая свои разсужденія объ этой разности приглашеніемъ латинянъ и латинскихъ пастырей „обратиться къ истинѣ, чтобы имѣть участіе въ благодати Христовой и отвратиться отъ лжи, отецъ которой сатана-врагъ нашего спасенія“.

Болѣе рѣзкимъ обличителемъ латинянъ въ заблужденіяхъ въ XII вѣкѣ является Никита Сеидъ. Подобно патріарху Михаилу Керуларію онъ, между прочимъ, также исчисляетъ латинскія заблужденія и круглымъ числомъ обозначаетъ ихъ еще больше. Впрочемъ, пространныя спеціальныя сочиненія онъ посвящаетъ только ученію объ исхожденіи св. Духа и вопросу объ опрѣснокахъ. Въ употребленіи безквасnаго хлѣба въ евхаристіи Никита Сеидъ видитъ уклоненіе къ различнымъ ересямъ и въ заключеніе своего полемическаго трактата, спеціально посвященнаго вопросу объ опрѣснокахъ, онъ обращается съ такимъ общимъ увѣщаніемъ „ко всѣмъ римлянамъ и лонгобардамъ“: „Умоляемъ васъ, братіе, не удаляться болѣе отъ священнаго Христова стада и не блуждать внѣ правой вѣры и непоколеблемыхъ догматовъ, соединиться съ нами, а не послѣдовать въ истинѣ іудеямъ, еще и теперь, по возсіяніи солнца правды, сѣдящимъ во тмѣ. Но если и послѣ такого увѣщанія и уясненія истины вы не хотите чрезъ единеніе съ нами войти во благо мира и богатство любви, то мы, конечно, будемъ внѣ осужденія, а вы, во всякомъ случаѣ, окажетесь тамъ—въ адѣ, въ который вы будете ввергнуты по вашей собственной волѣ“.

Съ такою же строгостію и неуступчивостію къ латинянамъ написано посланіе патріарха антіохійскаго Іоанна къ архіепископу адріанопольскому. Свое посланіе Іоаннъ написалъ съ цѣлію приго-

товленія къ состязанію съ латинянами при переговорахъ объ условіяхъ къ соединенію церквей. Авторъ слишкомъ далекъ отъ мысли о возможности этого соединенія, если латиняне не откажутся отъ своего обычая употреблять въ евхаристіи опрѣсноки. „Конечно, пишетъ онъ, хотя и много другаго совершается у нихъ (латинянъ) противъ праваго ученія, но это (употребленіе въ евхаристіи опрѣсноковъ) запрещаютъ каноны всѣхъ отцевъ и ихъ, приносящихъ опрѣсноки, слѣдуетъ научить, что если справедливо даже малое и не очевидно недопустимое должно или прекратить, или измѣнить, то, по крайней мѣрѣ, что касается опрѣсноковъ,—это составляетъ основаніе благочестія".

Писатель второй половины XII столѣтія Николай епископъ Меѳонскій также по своему направленію долженъ быть отнесенъ въ разрядъ строгихъ и неуступчивыхъ полемистовъ. Какъ Евстратій Никейскій и Никита Сеидъ, первое изъ своихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ Николай Меѳонскій посвятилъ не вопросу объ опрѣснокахъ, а болѣе важному по своей сущности вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Однако въ началѣ перваго особенно пространнаго своего сочиненія объ опрѣснокахъ, сопоставляя разность въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа съ разностію въ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи, онъ выставляетъ ихъ какъ будто одинаково важными и гибельными заблужденіями: „Первое сочиненіе я написалъ тебѣ, другъ латинянинъ, относительно первой и непростительной хулы, возбужденной тобою на Св. Духа... Теперь же я намѣренъ разсуждать съ тобою о второй и подобной первой хулѣ, возносимой на Сына. Общій ненавистникъ изначала, противникъ правоты, врагъ вѣры и сѣятель еретическихъ плевелъ, въ приманкѣ расположенія къ Сыну скрывъ крючекъ хулы на Св. Духа, легко, такимъ образомъ, поймалъ тебя. Зацѣпивъ тебя на этотъ крючекъ, онъ взялъ тебя въ плѣнъ и заключилъ внутрь своихъ сѣтей, а поэтому лишаетъ тебя и видимой расположенности къ Сыну, вооружая дерзостно поступать противъ тѣла его чрезъ странное священнодѣйствіе, т. е. приношеніе жертвы на опрѣснокахъ". Заключая это свое полемическое сочиненіе увѣщаніемъ къ тому же латинянину, Николай Меѳонскій убѣждаетъ его избѣгать въ употреб-

леніи опрѣсноковъ связи и единенія съ іудеями и еретиками и „возносить чистое и свободное отъ всякой еретической примѣси духовное служеніе общему Владыкѣ и Спасителю Богу“. Кромѣ того, въ самыхъ послѣднихъ строкахъ своего сочиненія авторъ сопоставляетъ евхаристійные дары западной и восточной церкви съ жертвами Каина и Авеля и убѣждаетъ латинянина избрать долю Авеля и вмѣстѣ съ греками приносить пріятные дары Господу.

Во второмъ своемъ трактатѣ объ опрѣснокахъ Николай Меѳонскій неуклонно держится направленія, заявленнаго имъ въ первомъ своемъ сочиненіи. Онъ выражаетъ свое несогласіе на предложеніе латинянъ устранить самый вопросъ о родѣ хлѣба для таинства евхаристіи, оставивъ всѣ любопрительныя состязанія о немъ. „Если опрѣснокъ, говорили латиняне, бывъ освященнымъ также прелагается въ тѣло Христово, то какое можетъ быть состязаніе о квасномъ хлѣбѣ и опрѣснокѣ?“ Такое разсужденіе авторъ называетъ нелѣпымъ и сильно отстаиваетъ ту свою главную и основную мысль, что въ совершеніи таинства евхаристіи должно непреложно держаться практики, изначала преданной христіанской церкви, что поэтому непремѣнно должно совершать это таинство на квасномъ хлѣбѣ. Въ заключеніе втораго своего трактата авторъ говоритъ: „Я не буду извращать того, что я принялъ; не скажу, что безразлично—будь квасный хлѣбъ или опрѣснокъ—все-таки будетъ тѣло Христово, какъ говоритъ и армянинъ: будетъ ли то коровье масло, или мѵро, все-таки есть Духъ освящающій... я не желаю сдѣлаться полуіудеемъ, не послѣдую за армяниномъ, по іудейски приносящимъ въ жертву агнца и не стану вводить у себя вмѣстѣ съ опрѣснокомъ и прочихъ его безбожныхъ дѣяній“...

Самымъ строгимъ изъ полемистовъ XII вѣка оказывается, какъ увидимъ, самый бѣдный между ними по силѣ авторскаго творчества и вообще производительности своей мысли—Іоаннъ митрополитъ Клавдіопольскій. Онъ вполнѣ повторяетъ сужденія о латинянахъ самыхъ строгихъ полемистовъ эпохи окончательнаго раздѣленія церквей. Приступая къ опроверженію обычая латинянъ употреблять въ евхаристіи опрѣсноки, Іоаннъ Клавдіопольскій, подобно Михаилу Керуларію, дѣлаетъ длинный перечень латинскихъ заблужденій. Ха-

рактеръ его отношенія къ латинянамъ можетъ обрисовать слѣдующее его собственное сужденіе о нихъ: „Нечестіе, невѣріе и дерзость франковъ, обольщаемыхъ нѣкоторыми вымыслами и ложными ученіями, не позволяетъ имъ сойтись ни съ христіанами, ни съ іудеями, ни даже, въ свою очередь, съ безбожными язычниками. Въ самомъ дѣлѣ, при исповѣданіи Христа, они кажется сопричисляются къ намъ христіанамъ, совершая же опрѣсноки, почитая субботы и содержа нѣкоторыя очищенія и окропленія, они іудействуютъ, а яденіемъ удавленины и крови они уподобляются невѣдущимъ Бога язычникамъ: разъ совратившись съ прямаго пути, они впали въ *тмочисленныя мнѣнія и заблужденія* (εἰς μύριας δόξας καὶ πλάνας)“.

Къ группѣ сочиненій средняго направленія изъ сочиненій XI вѣка можно отнести трактатъ съ именемъ Никиты Давида Пафлагонскаго и посланіе русскаго митрополита Іоанна II.

Авторъ трактата о днѣ и образѣ совершенія Спасителемъ послѣдней вечери, хотя и проводитъ въ немъ ту извѣстную полемическую тенденціозную мысль, что Христосъ не употреблялъ на тайной вечери опрѣсноковъ, такъ какъ совершалъ ее до праздника іудейской пасхи, но не вступаетъ въ открытую полемику съ латинянами, и даже не упоминаетъ о нихъ [1]). Онъ только обосновы-

---

[1]) Въ греч. спискѣ, находившемся у насъ подъ руками (синод. библ. № 368 л. 110), сочиненіе съ именемъ Никиты Пафлагонскаго является съ одною весьма значительною вставкою, направленною прямо противъ латинянъ. Послѣ примиренія сказаній евангелистовъ о днѣ тайной вечери здѣсь между прочимъ говорится: «если въ четвергъ былъ первый день опрѣсноковъ, въ который Господь ѣлъ пасху; то какимъ образомъ іудеи намѣревались ѣсть пасху въ пятницу—второй день опрѣсноковъ *по мнѣнію италійцевъ*»; говорится еще, что «*у италійцевъ* нѣтъ никакого благовиднаго предлога для іудействованія», что существуетъ правило, ясно повелѣвающее, чтобы никто не причащался іудейскимъ опрѣснокомъ и если *латиняне* говорятъ, что они причащаются опрѣснока не по іудейски, то все-таки нельзя допускать этого извиненія для нихъ, какъ и для того, который, называясь вѣрующимъ, обрѣзался бы. Наконецъ, говорится, что «довольно и этого въ обличеніе суетной заботы *италійцевъ объ* опрѣснокѣ», тѣмъ болѣе, что нѣкоторые «еще прежде насъ крѣпко подвизались относительно этого же предмета». Все это вставлено въ трактатъ съ именемъ Никиты Пафлагонскаго переписчиками. Очевидность этой вставки обнаруживается сопоставленіемъ греческаго текста сочиненія съ именемъ Никиты Па-

ваетъ и доказываетъ тѣ свои положенія, которыя послужили темой его изслѣдованія, именно что тайная вечеря была въ 13-й день луны за день до законной пасхи и что во время этой вечери Христосъ съ своими учениками не ѣлъ пасхальнаго агнца.

Русскій митрополитъ изъ грековъ Іоаннъ II представляетъ довольно рѣзкое исключеніе между византійскими полемистами конца XI вѣка по общему кроткому и миролюбивому тону своего посланія къ антипапѣ Клименту III и по своему довольно свѣтлому и просвѣщенному взгляду на латинскія разности. Находясь въ борьбѣ съ законными папами и непризнаваемый въ Римѣ, Климентъ старался сблизиться съ восточною церковію и съ этою цѣлію прислалъ между прочимъ посланіе къ нашему митрополиту. Это посланіе Климента до насъ не сохранилось, но изъ отвѣтнаго посланія ему нашего митрополита видно, что Климентъ хвалилъ въ своемъ посланіи православную вѣру, желалъ соединенія церквей и съ извѣстіями объ этомъ прислалъ къ нашему митрополиту своего епископа. Въ своемъ посланіи Іоаннъ II также съ любовію обращается къ римскому первосвященнику, называетъ его законнымъ пастыремъ и для рѣшенія дѣла относительно соединенія церквей совѣтуетъ обратиться къ константинопольскому патріарху. Но не смотря на всю ласковость выраженій, обращенныхъ къ Клименту III, святитель русской церкви все-таки сильно и неуклонно опровергаетъ латинскія заблужденія. Въ указаніи заблужденій онъ различаетъ особенно важныя отъ менѣе важныхъ и неважныхъ, чѣмъ и отличается отъ большинства полемистовъ эпохи окончательнаго раздѣленія церквей. Но хотя употребленію латинянами опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи („еже явѣ есть жидовьскаго служенья вѣры“) митрополитъ Іоаннъ не придаетъ одинаковаго значенія съ разностію латинянъ въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа („еже есть всѣхъ злыхъ верхъ“), тѣмъ не менѣе въ своемъ разсужденіи объ опрѣснокахъ онъ прямо говоритъ, что это заблужденіе латинянъ „отъ многы ереси начатокъ и корень пріятъ“. Почти повторяя только то, что говорилось объ этой разности въ полемическихъ сочиненіяхъ, писанныхъ гре-

---

флагонскаго съ славян. текстомъ этого сочиненія по рукоп. Кирилло-Бѣлозерской библ. № 76 (1553); см. Прилож. № VI.

ками въ самый разгаръ полемики по вопросу объ опрѣснокахъ и принимая во вниманіе то важное значеніе, какое имѣли жаркіе споры объ этомъ въ дѣлѣ окончательнаго раздѣленія церквей, митрополитъ Іоаннъ, слѣдовательно, какъ бы невольно раздѣляетъ строгое отношеніе къ этой разности латинской церкви большинства своихъ соотечественниковъ.

Какъ на представителей средняго направленія въ XII вѣкѣ можно указать на Георгія митрополита Корцирскаго и Ѳеодора Куропалата.

Въ началѣ вступленія къ своему трактату Георгій Корцирскій говоритъ, что онъ написалъ свое разсужденіе „въ духѣ миролюбія и желанія отыскать истину и отогнать ложь отъ церкви Христовой". Онъ возстаетъ также противъ неумѣренно горячихъ словопреній по вопросу объ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи и съ похвалою отзывается о тѣхъ, которые „никогда не рѣшались дерзновенно вооружать свой разумъ или языкъ противъ этого столь великаго таинства". Однако въ своемъ трактатѣ Георгій Корцирскій не выдерживаетъ того миролюбиваго направленія, котораго онъ выставляетъ себя сторонникомъ, и хотя не такъ рѣзко, какъ представители крайняго направленія, но все-таки рѣшительно осуждаетъ латинскій обычай употреблять въ евхаристіи опрѣсноки, выставляя обычай восточной церкви гораздо совершеннѣйшимъ. Кромѣ того, въ своемъ трактатѣ онъ описываетъ диспутъ по вопросу объ опрѣснокахъ, бывшій между греками и латинянами во главѣ съ кардиналомъ Бенедиктомъ. Рѣчи диспутировавшихъ грековъ проникнуты духомъ крайняго полемическаго направленія.

Ѳеодоръ Куропалатъ въ своемъ трактатѣ допускаетъ, что обычай римской церкви совершать евхаристію на опрѣснокахъ былъ уступкой и снисхожденіемъ со стороны апостоловъ по отношенію къ увѣровавшимъ іудеямъ, въ древности населявшимъ въ большомъ количествѣ Римъ. Но авторъ все-таки замѣчаетъ, что подобнаго рода уступки могли имѣть мѣсто лишь въ свое время, а поэтому и употребленіе опрѣсноковъ въ евхаристіи должно быть измѣнено въ римской церкви на употребленіе кваснаго хлѣба. Словомъ, какъ и Георгій Корцирскій, Ѳеодоръ Куропалатъ обычай восточной церкви

въ употребленіи хлѣба для евхаристіи выставляетъ несравненно совершеннѣйшимъ обычая церкви западной и желаетъ, чтобы послѣдняя поступилась въ этомъ отношеніи своею практикою и приняла практику первой.

Умѣренное или примирительное направленіе въ греческой полемической противу-латинской литературѣ идетъ рядомъ съ первымъ изъ указанныхъ направленій, т. е. крайнимъ въ строгомъ смыслѣ полемическимъ. Оно замѣтно съ самаго начала столкновенія церквей. Въ томъ же самомъ году, въ которомъ начата была полемика съ латинянами по вопросу о церковныхъ разностяхъ вообще и главнымъ образомъ по вопросу объ опрѣснокахъ, какъ было уже сказано, Петръ патріархъ антіохійскій, только что сдѣлавшись патріархомъ, своимъ письмомъ къ папѣ завязалъ сношенія съ Римомъ, искренно желая тѣснаго единенія и общенія между восточною и западною церковію. Желаніемъ полнаго мира и согласія между церквами проникнуто все это письмо его къ папѣ. Затѣмъ, когда уже была начата полемика между церквами, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Доминику Градскому (1054 г.) Петръ Антіохійскій высказываетъ свой общій основной взглядъ на латинскія разности. Въ самомъ своемъ вступленіи къ этому письму, предпосланномъ всѣмъ разсужденіямъ и соображеніямъ по вопросу объ опрѣснокахъ, просвѣщенный и уважаемый патріархъ восточной церкви прежде всего ясно и опредѣленно разграничиваетъ догматы отъ обрядовъ, важное въ дѣлѣ вѣры и спасенія отъ менѣе важнаго. Римская церковь православна, если она согласно со всею церковію исповѣдуетъ догматъ Св. Троицы и догматы о вочеловѣченіи Спасителя, а разность въ обычаѣ употребленія опрѣсноковъ для таинства евхаристіи сама по себѣ не важна. Но къ такому своему взгляду на возбудившееся между церквами дѣло православный патріархъ присовокупляетъ еще ту глубокую, вполнѣ вѣрную и всегда раздѣлявшуюся православною церковію мысль, что и обрядовыя разности пріобрѣтаютъ важное значеніе, если они появляются въ какой либо церкви произвольно, или вопреки желанію большинства іерарховъ вселенской православной церкви. Разность сама по себѣ не важна, но важно противленіе іерархической власти и упорство

во что бы то ни стало отстоять свое мнѣніе, поставить на своемъ. Далѣе, и обрядъ не абсолютно произволенъ; хотя измѣненіе его возможно, но онъ все-таки долженъ по возможности согласоваться съ древнею практикой церкви, съ древнимъ церковнымъ преданіемъ. Вотъ основныя точки зрѣнія, съ которыхъ антіохійскій патріархъ смотрѣлъ на всѣ латинскія разности. Такимъ образомъ, во взглядѣ на разность латинянъ въ употребленіи хлѣба для евхаристіи Петръ Антіохійскій оказывается совершенно противоположнымъ съ первымъ полемистомъ по вопросу объ опрѣснокахъ Львомъ Ахридскимъ. Между тѣмъ какъ Левъ Ахридскій употребленіе латинянами опрѣсноковъ выставляетъ существеннымъ извращеніемъ православной вѣры, антіохійскій патріархъ смотритъ на эту разность латинянъ какъ на такую, которая сама по себѣ почти ничего не значитъ для вѣры и спасенія. Однако въ этомъ же своемъ письмѣ къ Доминику Градскому патріархъ Петръ все-таки считаетъ нужнымъ показать превосходство обычая восточной церкви употреблять въ евхаристіи квасный хлѣбъ предъ обычаемъ западной церкви употреблять опрѣсноки.

Еще откровеннѣе и яснѣе онъ выражаетъ свой взглядъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ патріарху Михаилу Керуларію. Въ этомъ письмѣ онъ между прочимъ писалъ: „Вопросъ объ опрѣснокахъ, какъ знаетъ Ваше Святѣйшество, имѣя подъ руками отвѣтное письмо, посланное мною къ Венетійскому архіерею, уже достаточно изслѣдованъ мною и это дѣло мною было опровергнуто и отстранено, какъ несообразное съ церковнымъ чиномъ. Только они (латиняне), твердо основываясь на слѣдующемъ каноническомъ изреченіи: „признано, что должно пользоваться древними обычаями“, утверждаютъ, что преданіе относительно опрѣсноковъ у нихъ древнее... Что касается меня, чтобы и я обнаружилъ свое мнѣніе, то если латиняне исправились бы въ прибавкѣ къ св. символу,—я ничего не потребовалъ бы отъ нихъ сверхъ этого и даже вопросъ объ опрѣснокахъ вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ оставлю безразличнымъ, хотя въ письмѣ къ епископу Венеціанскому я открыто призналъ, что вечеря, на которой Господь нашъ Іисусъ Христосъ преподалъ ученикамъ таинство божественной евхаристіи, происходила прежде

пасхи, въ такое время, когда по закону не должно было ѣсть опрѣснока. Я желалъ бы, чтобы и Ваше божественное Блаженство держалось этого. Какъ бы намъ, требуя всего, не потерять всего [1])"...

Такой же взглядъ на латинскія разности послѣ раздѣленія церквей развивалъ еще Θеофилактъ, архіепископъ Болгарскій († 1107) въ своемъ посланіи (около 1070 г.), адресованномъ къ діакону Николаю. Николай находилъ у латинянъ весьма много уклоненій отъ православія, которымъ приписывалъ не малую силу въ дѣлѣ раздѣленія церквей. Θеофилактъ говоритъ ему, что уклоненій этихъ въ сущности немного и за исключеніемъ одного всѣ они не таковы, чтобы изъ-за нихъ нужно было раздѣляться. „Во многомъ, повидимому, заблуждаются латиняне, писалъ ему Θеофилактъ, они употребляютъ опрѣсноки, постятся по субботамъ, запрещаютъ духовнымъ брачную жизнь, брѣютъ бороды, священники ихъ носятъ кольца, монахи ѣдятъ мясо и много другихъ уклоненій насчитываютъ за ними наши ревнители православія... Но я одни изъ этихъ уклоненій не считаю нужнымъ вовсе подвергать измѣненію, потому что отъ этого церковь мало выиграетъ (μικρὰ τῇ ἐκκλησίᾳ χαρίζεσθαι), другія же слѣдуетъ лишь немного исправить, а что особенно мѣшаетъ нашему общенію съ латинянами и причиняетъ вредъ — это ихъ ошибочное прибавленіе filioque„ [2]). Рѣшительно и безусловно осуждая догматическое заблужденіе латинянъ въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, относительно всѣхъ прочихъ разностей блаженный Θеофилактъ замѣчаетъ, что не за всякій обрядъ, не за всякій обычай должно отлучать отъ церкви, а только за такіе обычаи, которые ведутъ къ догматическимъ заблужденіямъ.

Тотъ же взглядъ блаж. Θеофилактъ высказываетъ и по вопросу объ опрѣснокахъ. „Употребленіе опрѣсноковъ",—писалъ онъ въ этомъ своемъ посланіи,—„вызываетъ во многихъ великое соперничество и, какъ говорятъ, жарче огня, такъ что нѣкоторые готовы скорѣе испустить душу, чѣмъ отстать отъ своего мнѣнія. Нѣкото-

[1]) Epist. Petri Antioch. cap. XV et XXII. Will p. 199 et 203.

[2]) Theophilacti Bulgar. archiepiscopi libellus,—Will p. 223 — 253 Ibid. cap. 11.

рые же также обольщаются собственною похотью и, кажется, по словамъ Павла, подпадаютъ осужденію съ діаволомъ и діавольской сѣти (1 Тим. III. 6. 7). Что нужно сказать противъ нихъ, мы скажемъ послѣ и однихъ будемъ порицать за чрезмѣрную ревность, а другимъ покажемъ, что маловажно то, что они считаютъ особенно немаловажнымъ"... Ѳеофилактъ признаетъ, что Христосъ совершилъ пасху и евхаристію на опрѣснокахъ, такъ какъ употребленіе опрѣсноковъ на пасхальной вечери было необходимо по требованію закона. „Но изъ того, продолжаетъ онъ, что по требованію закона тогда находился безквасный хлѣбъ, не слѣдуетъ, что и намъ, наслаждающимся свободою во Христѣ, необходимо желать безкваснаго, отвергая квасный. Въ противномъ случаѣ можно будетъ сказать (ибо не худо и такимъ образомъ препираться съ людьми, вступающимися за букву въ иномъ смыслѣ): такъ какъ тотъ хлѣбъ, по всей вѣроятности, былъ какой-нибудь дешевый и, можетъ быть, ячменный, потому что ни Угощающій, ни гости не любили роскоши, но, привыкши въ другихъ случахъ къ скудости, ѣли и ячменные хлѣбы (Іоан. VI. 9. 13) (которыми и напитались у нихъ цѣлыя тысячи, чтобы ты зналъ скудость чудотворцевъ), то что препятствуетъ и теперь домогаться именно такого хлѣба, а хлѣбъ изъ крупичатой муки удалить отъ жертвенника, какъ будто и нынѣ слышится голосъ Господа: *аще принесете ми семидалъ, всуе* (Ис. 1. 13)? Тоже самое мы могли бы сказать и о чашѣ. Такъ какъ она была съ виномъ, можетъ быть, слишкомъ жидкимъ, или испортившимся, что соотвѣтственно съ крайнимъ уничиженіемъ Господа въ другихъ случаяхъ, а теперь часто приносится вино благовонное, то неужели мы оставимъ дорогое и предпочтемъ ему то, отзывающееся скудостію. Не потребуемъ ли мы еще, чтобы оно было палестинское и именно изъ того мѣста, изъ котораго было и вино, наполнявшую чашу Господню? Не будешь ли ты и пріобщаться послѣ принятія пищи и возлежа? Не потребуешь ли ты горницы и всего другаго, что было допущено тогда по требованію времени и что теперь приняло другой видъ по требованію благоговѣнія и вѣры? Но можетъ быть кто-нибудь, замѣчая, что въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ часто упоминается о преломленіи

хлѣба и находя тоже у Павла, заключитъ отсюда, что тотъ хлѣбъ, который тогда таинственно былъ преломляемъ, былъ такой же, какой употреблялся тогда въ обыкновенную пищу. Безквасный же хлѣбъ употреблялся не всегда, онъ былъ назначенъ на извѣстные дни и къ извѣстнымъ жертвамъ. Если это и не необходимо такъ, потому что вѣсы склоняются и на другую сторону: но перевѣсъ въ мою сторону болѣе, а это и даетъ мнѣ побѣду. Бѣгущій на ристалищѣ получаетъ вѣнокъ и за одинъ шагъ впередъ [1]). Въ заключеніе своего разсужденія объ опрѣснокахъ блаженный Ѳеофилактъ, обращаясь къ требовавшимъ измѣненія греческаго обряда латинянамъ говоритъ: „итакъ зачѣмъ же вы представляете свои законы, противитесь обычаю столь многихъ и притомъ столь авторитетныхъ народовъ и ни во что ставите то, что вы грѣшите? Зачѣмъ въ то время, когда вы совершаете таинство вопреки обычаю Божіихъ церквей, вы еще возвышаете свое чело? И, когда было должно, чтобы вы отдѣлились отъ насъ, зачѣмъ вы стараетесь отдѣлить насъ отъ себя? Зачѣмъ вы обвиняете насъ, которые правѣе васъ и, если бы захотѣли, могли бы обвинять васъ? На самомъ дѣлѣ, мы опасаемся, чтобы изъ-за этого дѣла не причинить вамъ досады и не разжигать все болѣе и болѣе спора и вражды, а вы не умѣете щадить даже щадящихъ [2])

Въ XII вѣкѣ представителемъ примирительнаго направленія въ полемикѣ съ латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ выступаетъ Никита архіепископъ Никомидійскій. Въ своемъ взглядѣ какъ на разность между церквами въ употребленіи хлѣба для евхаристіи, такъ и вообще на обрядовыя разности, онъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, на которой стояли Петръ Антіохійскій и Ѳеофилактъ Болгарскій. Свой диспутъ по вопросу объ опрѣснокахъ съ епископомъ Анзельмомъ Гавельбергскимъ Никита заканчиваетъ слѣдующею рѣчью: „Употребленіе въ восточныхъ церквахъ кваснаго хлѣба я признаю изначала преданнымъ нашими предшественниками, высоко почитаю столь древній обычай восточной церкви, не дерзаю без-

---

[1]) Ibidem. cap. IX.

[2]) Ibidem. cap. X.

разсудно осуждать его и думаю, что онъ не легко можетъ быть измѣненъ. Такъ полагаю я лично, но скажу, что и всѣ мудрые греки не разнствуютъ съ этимъ моимъ мнѣніемъ. Вотъ если бы какъ нибудь гдѣ-либо я ни коимъ образомъ не могъ бы имѣть у себя кваснаго хлѣба и былъ бы приготовленъ прѣсный, а я захотѣлъ бы совершить литургію и принести жертвоприношеніе Господу, то я, конечно, не устрашился бы опрѣснока, но съ вѣрою освятилъ бы его для приношенія чистой жертвы Богу, съ вѣрою причастился бы и преподалъ бы его для причащенія другимъ грекамъ, если бы они присутствовали, хотя бы это случилось въ день общаго причащенія, въ пасху, или въ какой-либо другой праздникъ, въ который по установленію обыкновенно причащается вся церковь и никому изъ христіанъ я не позволилъ бы уклониться отъ причащенія, развѣ кто-нибудь можетъ быть долженъ быть отлученнымъ, бывъ связанъ публичнымъ покаяніямъ. Но такъ какъ гораздо больше слабодушныхъ, чѣмъ наставленныхъ и твердыхъ въ вѣрѣ, и толпа, которая не разборчива въ законѣ, весьма легко соблазняется, то это дѣло стоило бы того, чтобы сообща какъ греки, такъ и латиняне потрудились бы во Господѣ въ удобномъ мѣстѣ и въ удобное время, собравшись вмѣстѣ, составить вселенскій соборъ (generale consilium) съ тѣмъ, чтобы или всѣ сообща приняли бы обрядъ употребленія кваснаго хлѣба, или опрѣсночнаго, или если бы ни того, ни другаго не могло произойти безъ особеннаго соблазна другой партіи или націи, то, по крайней мѣрѣ, согласились бы, чтобы ни греки не осуждали безразсудно латинянъ изъ-за опрѣснока, ни латиняне не осуждали грековъ изъ-за кваснаго хлѣба, но какъ греки, такъ и латиняне связались бы другъ съ другомъ взаимнымъ миромъ и изъ-за этого не уничтожалась бы святая любовь, которая сильно ослабляется у тѣхъ и другихъ не безъ опасности для того и другаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, пусть по выставленнымъ тобою доказательствамъ и основаніямъ и по сообразности съ обрядомъ совершенія самаго таинства, какъ ты сказалъ, лучше приносить опрѣсночную жертву, однако такъ какъ квасная жертва имѣла у грековъ столь долгое употребленіе и, кажется, не можетъ быть измѣ-

нена безъ величайшаго соблазна для множества, или лучше для всего народа, то думается лучше допустить то, что употреблялось у насъ столь долго, особенно когда и квасная и безквасная жертва одинаково бываютъ хлѣбомъ и положимъ, что они различаются по формѣ, однако въ субстанціи хлѣба нѣтъ никакого различія между квасным и прѣснымъ хлѣбомъ и при сохраненіи цѣлостности вѣры достаточно православно можетъ приноситься и то и другое, особенно когда въ томъ и другомъ одинаково сообразно можетъ воображаться хлѣбъ живой, сшедшій съ небеси. И такъ, пусть изъ среды того и другаго народа уничтожится пагубный соблазнъ разногласія и въ приношеніи какъ кваснаго хлѣба, такъ и опрѣснока не будетъ никакой опасности для правой вѣры, поелику, какъ я сказалъ, при здравой вѣрѣ позволительно изъ того и другаго хлѣба приносить жертву Спасителя Господа нашего Іисуса Христа во спасеніе вѣрующихъ и съ вѣрою приносящихъ, а не во спасеніе несправедливо раздорящихъ... Жертва кваснаго или прѣснаго хлѣба, составленная изъ многихъ хлѣбныхъ зеренъ, собранныхъ въ одно, знаменуетъ народъ всей церкви, соединенный въ одной и той же любви во Христѣ, каковой жертвы не безъ великой опасности причащается тотъ, кто всякимъ образомъ удаляется отъ братской любви. Еще большимъ грѣхомъ оказывается безразсудная извращенность несправедливыхъ судей, вмѣстѣ съ которыми мы не согласуемся, такъ какъ таинство, какъ я сказалъ прежде, довольно безразлично можетъ совершаться въ Господѣ, а неразумное осужденіе людей, враждующихъ по злобѣ, никогда не дозволяется никакому христіанину. Враждою, какъ исполненною грѣха, Богъ оскорбляется, а спасительною жертвою, какъ совершеннымъ благочестіемъ, Богъ умилостивляется: та жестоко обвиняетъ подлежащихъ осужденію, а эта умилостивляетъ, преклоняя на милость милостиваго Бога; та отправляетъ въ тартаръ, а эта въ горняя; тою мы отчуждаемся отъ Бога, а этою мы соединяемся съ Богомъ; тою мы содѣлываемся земными, а этою небесными. И такъ, не смотря на то, что это будетъ съ различіемъ приношенія, необходимо, чтобы всѣ стеклись къ богатству любви, ибо какъ любовь при святомъ приношеніи, такъ и святое приношеніе при истинной любви покрываютъ мно-

жество грѣховъ и какъ спасительная жертва не доставляетъ спасенія безъ любви, такъ и совершенная любовь не соблазняется при различномъ приношеніи той же жертвы. Конечно, при отсутствіи этой любви все прочее доброе становится тщетнымъ, а при ея присутствіи простительно и не имѣть нѣчто добраго“ [1]). Эту свою рѣчь Никита заканчиваетъ повтореніемъ того своего желанія, чтобы вопросъ объ опрѣснокахъ былъ разсмотрѣнъ на вселенскомъ соборѣ и говоритъ, что на этомъ соборѣ онъ сталъ бы убѣждать римскаго папу прекратить всякій поводъ ко враждѣ и несогласію и съ общаго согласія или совсѣмъ отмѣнить какой-нибудь одинъ обрядъ, или признать и установить безразличіе того и другаго обряда.

Такимъ образомъ, въ общей массѣ разбираемыхъ нами полемическихъ памятниковъ къ крайнему или полемическому направленію относятся произведенія: Льва Ахридскаго, Никиты Стиѳата, Михаила Керуларія, преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, русскихъ митрополитовъ: Георгія и Никифора, Леонтія митрополита г. Преславы, Никиты Никомидійскаго, Евстратія Никейскаго, Іоанна Антіохійскаго, Никиты Сеида, Николая Меѳонскаго и Іоанна Клавдіопольскаго. Къ группѣ сочиненій средняго направленія относятся: трактатъ съ именемъ Никиты Давида Пафлагонскаго, посланіе русскаго митрополита Іоанна II и трактаты Георгія Кордирскаго и Ѳеодора Куропалата. Наконецъ, представителями умѣреннаго или примирительнаго направленія были: Петръ Антіохійскій, блаженный Ѳеофилактъ Болгарскій и Никита Никомидійскій.

Опредѣляя отношеніе между указанными памятниками византійской полемической литературы со стороны содержанія, мы обратимъ вниманіе преимущественно на два пункта: а) на количество перечисляемыхъ въ нихъ разностей и б) на значеніе, придаваемое среди этихъ разностей вопросу объ опрѣснокахъ. Точкою отправленія для насъ послужитъ первое посланіе Льва Ахридскаго къ Іоанну Транійскому, какъ древнѣйшій по времени полемическій памятникъ.

---

[1]) Spicilegium sive collectio aliquot scriptorum. D. Lucae D'Achery,— tom. I, Anselmi Havelbergensis episcopi, liber tertius (p. 192—207) cap. XIX.

Въ самомъ началѣ своего перваго посланія Левъ Ахридскій обѣщается писать и напомнить въ немъ латинянамъ „объ опрѣснокахъ и субботахъ“. Однако эти выставленные два пункта разностей показываютъ только главный предметъ письма: объ опрѣснокахъ и субботахъ авторъ пишетъ лишь пространнѣе, чѣмъ о другихъ разностяхъ. Въ дѣйствительности въ посланіи указываются четыре пункта разностей между церквами: 1) совершеніе западною церковію евхаристіи на опрѣснокахъ, 2) постъ въ субботу, 3) ядѣніе удавленины, въ которой остается кровь, 4) непѣніе въ четыредесятницу аллилуіа. Выставленному на первомъ планѣ вопросу объ опрѣснокахъ посвящается большая часть письма, а о всѣхъ прочихъ разностяхъ авторъ говоритъ сравнительно кратко и какъ будто только кстати. Впрочемъ, и доводы противъ употребленія опрѣсноковъ развиваются у него не особенно пространно, по крайней мѣрѣ несравненно короче, чѣмъ въ трудахъ послѣдующихъ полемистовъ. За то полемическія положенія по вопросу объ опрѣснокахъ, кратко развиваемыя въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго, легли въ основу всей дальнѣйшей греческой полемики по этому вопросу, послуживъ для нея какъ бы плодоноснымъ зерномъ. Для подтвержденія незаконности употребленія въ таинствѣ евхаристіи опрѣсноковъ, Левъ Ахридскій затрогиваетъ вопросъ о совершеніи этого таинства Спасителемъ на тайной вечери, разсуждаетъ о названіи хлѣба, употребленнаго Спасителемъ для таинства — ἄρτος, доказываетъ превосходство употребленія кваснаго хлѣба въ евхаристіи сопоставленіемъ ветхаго завѣта съ новымъ, мѣстами св. Писанія и достоинствомъ кваснаго хлѣба самомъ въ себѣ сравнительно съ опрѣсноками, находитъ въ обычаѣ латинянъ уклоненіе отъ христіанства къ іудейству и, наконецъ, въ заключеніи своего посланія касается вопроса о древней церковной практикѣ совершенія таинства. Второе и третье посланія Льва Ахридскаго уже исключительно посвящены только вопросу объ опрѣснокахъ. Не отличаясь такою обильною содержательностію основаній въ пользу исключительнаго употребленія кваснаго хлѣба въ евхаристіи, они почти исключительно посвящаются подробному и пространному развитію одного изъ главныхъ основаній противъ употребленія опрѣсноковъ,

выставленныхъ въ первомъ письмѣ, именно того, что превосходство употребленія квасnаго хлѣба въ евхаристіи предъ употребленіемъ опрѣсноковъ видно изъ сравнительнаго превосходства новаго завѣта предъ ветхимъ.

Никита Стиѳатъ въ своемъ трактатѣ разсуждаетъ объ опрѣснокахъ, субботнемъ постѣ, времени совершенія литургіи въ великомъ посту и безбрачіи латинскихъ священниковъ. Такимъ образомъ, къ четыремъ пунктамъ разностей, указаннымъ въ первомъ посланіи Льва Ахридскаго, онъ прибавилъ еще два пункта: 1) о времени совершенія литургіи въ великомъ посту и 2) о безбрачіи священниковъ. Но и Никита въ своемъ сочиненіи главнымъ образомъ занимается изслѣдованіемъ вопроса объ опрѣснокахъ, дѣлая другіе пункты придаточными къ этому главному между ними пункту разностей грековъ съ латинянами. Въ аргументаціи Никиты Стиѳата въ пользу употребленія въ евхаристіи квасnаго хлѣба особенно обращаетъ на себя вниманіе развитіе мысли о близкой аналогіи между квасnымъ хлѣбомъ и тѣломъ Христовымъ. Эта мысль была высказана еще Львомъ Ахридскимъ, а Никита подкрѣпилъ ее нѣкоторыми новыми доводами, открывъ новые пункты символическаго и таинственнаго соотношенія квасnаго хлѣба съ тѣломъ Христовымъ. Въ аргументаціи этихъ двухъ авторовъ можно также видѣть сходство въ проводимой ими параллели между ветхимъ и новымъ завѣтомъ и въ пониманіи значенія слова ἄρτος. Но сходство во всѣхъ указанныхъ пунктахъ оказывается чисто внѣшнимъ, случайнымъ и не важнымъ. Можно думать, что это сходство произошло, такъ сказать, отъ единства школы этихъ двухъ авторовъ. Какъ Левъ Ахридскій, такъ и Никита Стиѳатъ, будучи сторонниками и сотрудниками въ обличеніи латинянъ константинопольскаго патріарха, по всей вѣроятности, одинаково пользовались его указаніями и руководствомъ. Но тѣмъ не менѣе, въ своемъ родѣ Никита Стиѳатъ очень оригиналенъ и въ ходѣ полемики по вопросу объ опрѣснокахъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ. Не настаивая на истинности своихъ слишкомъ условныхъ сближеній квасnаго хлѣба съ тѣломъ Христовымъ и, быть можетъ, понимая, что на всѣхъ своихъ аналогіяхъ такого рода онъ не можетъ твердо

основываться, Никита Стиѳатъ обращается къ каноническимъ постановленіямъ и въ нихъ ищетъ опоры для борьбы съ латинянами.

Посланіе антіохійскаго патріарха Петра къ Доминику Градскому занимается исключительно только обсужденіемъ разностей между церквами въ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи. Будучи оригинальнымъ и самостоятельнымъ въ своемъ взглядѣ на дѣло и общемъ направленіи, Петръ Антіохійскій уже не такъ самостоятеленъ въ доводахъ въ пользу употребленія квaснаго хлѣба. Кромѣ, быть можетъ, совершенно случайнаго и не простирающагося до буквальнаго тождества сходства съ Никитою Стиѳатомъ въ тѣхъ же самыхъ пунктахъ, въ которыхъ указано сходство Никиты со Львомъ Ахридскимъ, въ разсматриваемомъ посланіи Петра Антіохійскаго находятся мѣста, явно указывающія, что онъ пользовался сочиненіемъ Никиты Стиѳата, какъ своимъ источникомъ. Вполнѣ собственную принадлежность Петра Антіохійскаго въ аргументаціи въ пользу употребленія квaснаго хлѣба составляютъ: примиреніе сказаній трехъ первыхъ евангелистовъ о днѣ тайной вечери съ сказаніемъ евангелиста Іоанна, розсужденіе о томъ, что причащающіеся опрѣсноками подвергаются опасности впасть въ ересь Аполлинарія и указаніе на то, что если употребленіе въ евхаристіи опрѣсноковъ и дѣйствительно предали римской церкви апостолы Петръ и Павелъ, то все-таки они допустили это только на время, уступая немощи новообращенныхъ въ надеждѣ на ихъ совершенствованіе и исправленіе въ будущемъ.

Изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій видно, что вопросъ объ опрѣснокахъ получилъ въ нихъ широкую и твердую постановку и былъ выставленъ главнымъ, почти единственнымъ пунктомъ несогласія между церквами. Никита Стиѳатъ и Петръ Антіохійскій подвергаютъ этотъ вопросъ всестороннему изслѣдованію и ставятъ его на научную почву. Но впослѣдствіи рядомъ съ подробнымъ и по своимъ пріемамъ научнымъ изслѣдованіемъ этого вопроса въ византійской полемической литературѣ выступаетъ новое и вполнѣ своеобразное явленіе, которое мы разсмотримъ по мѣрѣ его отношенія къ предмету нашего изслѣдованія.

Споръ объ опрѣснокахъ осложняется спорами и о другихъ раз-

ностяхъ. Полемика дѣлается враждебнѣе, а потому становится задирчивѣе и мелочнѣе: заблужденія латинянъ начинаютъ выставлять десятками. Корифеемъ такого своеобразнаго направленія въ области греческой противу-латинской литературы, какъ было уже замѣчено прежде, долженъ быть признанъ константинопольскій патріархъ Михаилъ Керуларій. Въ первомъ письмѣ своемъ къ патріарху антіохійскому Петру Михаилъ Керуларій между прочимъ пишетъ ему слѣдующее: „свѣтлѣйшій намѣстникъ и военачальникъ антіохійскій Склиръ передалъ въ наши руки экземпляръ твоего письма къ предстоятелю Градскому или Аквилейскому. Прочитавъ твое письмо, мы нашли, что оно весьма много распространяется объ однихъ только опрѣснокахъ, опуская другія заблужденія латинянъ, которыя гораздо важнѣе этого. Впрочемъ, ни объ одномъ изъ этихъ заблужденій я не писалъ ни къ папѣ, ни къ кому-либо изъ епископовъ, исключая письма, копію съ котораго я посылаю теперь тебѣ. Изъ ихъ писемъ и дѣяній (т. е. латинскихъ легатовъ) видно, что они лжецы и лукавы. Но пусть будетъ тебѣ хорошо извѣстно, что не одною только стрѣлою—относительно опрѣсноковъ пронзаются латиняне, но многими и различными стрѣлами, вслѣдствіе чего необходимо, чтобы мы отвратились отъ нихъ. Итакъ, вотъ что они совершаютъ іудействуя: 1) это—то самое преступленіе, которое тяготѣетъ надъ ними по причинѣ опрѣсноковъ; 2) они ѣдятъ удавленину; 3) брѣютъ свои бороды; 4) соблюдаютъ субботы; 5) ѣдятъ нечистое; 6) монахи у нихъ ѣдятъ мясо и свиной жиръ; 7) въ первую седмицу великаго поста и въ недѣлю мясопустную и сыропустную они ѣдятъ одинаковую пищу; 8) въ среду ѣдятъ мясо, а въ пятницу сыръ и яйца, въ субботу же весь день постятся. Что же сверхъ того, то они содержатъ слѣдующее: 9) въ св. символѣ, зло и пагубно мудрствуя, они дѣлаютъ такое прибавленіе: „и въ Духа святаго Господа (τὸ κύριον) и животворящаго, иже отъ Отца и Сына исходящаго“; 10) на божественной литургіи они возглашаютъ: „Единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца чрезъ св. Духа“; 11) они возбраняютъ бракъ священниковъ, т. е. возбраняютъ имѣющимъ женъ принимать санъ священства, но желаютъ, чтобы тѣ, которые хотятъ быть свя-

щенниками, оставались неженатыми; 12) двое братьевъ берутъ въ бракъ двухъ сестеръ; 13) на литургіи во время причащенія одинъ изъ литургисающихъ, потребляя опрѣсноки, даетъ остальнымъ лобзаніе мира вмѣсто причастія; 14) епископы ихъ носятъ на пальцахъ перстни, въ знакъ, какъ говорятъ, обрученія съ своими церквами, которыхъ они считаютъ своими супругами; 15) ходятъ на войну и оскверняютъ кровію свои руки и какъ убиваютъ души, такъ и сами бываютъ убиваемыми. Нѣкоторые еще увѣряютъ насъ, что 16) совершая божественное крещеніе, они крестятъ крещаемыхъ во едино погруженіе, произнося имя Отца и Сына и Св. Духа и затѣмъ 17) наполняютъ уста крещаемыхъ солью; 18) они неправильно принимаютъ извѣстное апостольское изреченіе, которое гласитъ: „малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ“, — у нихъ же это изреченіе написано такъ: „малъ квасъ все смѣшеніе тлитъ“ [1]) и они покушаются по поводу этого малаго выраженія отвергнуть закваску, которая поднимаетъ и возвышаетъ хлѣбъ; 19) они не хотятъ почитать св. мощей, а нѣкоторые изъ нихъ и св. иконъ, 20) святыхъ и великихъ отецъ, нашихъ, учителей и архіереевъ (разумѣю Богослова Григорія, великаго Василія и божественнаго Златоуста) — не причисляютъ къ прочимъ святымъ и совершенно не пріемлютъ ихъ ученія. Они совершаютъ и нѣчто иное, что трудно исчислить по одиночкѣ“ [2]).

Въ серіи выставленныхъ патріархомъ Михаиломъ Керуларіемъ заблужденій, подведенныхъ нами подъ нумерацію, повторяются нѣкоторыя латинскія разности, которыя были заявлены еще при патріархѣ Фотіѣ. Таковы обвиненія: въ брадобритіи, соблюденіи субботняго поста, безженствѣ священниковъ, несоблюденіи поста въ первую недѣлю св. четыредесятницы и прибавленіи къ символу „и отъ Сына“ [3]). Остальныя обвиненія составляютъ вполнѣ собствен-

---

[1]) Въ латинской библіи слово «кваситъ», по греч. ζυμοῖ, дѣйствительно переведено словомъ. corrumpit = портитъ.

[2]) Mich. Cerul. epist. 1 ad Petrum Antioch. cap. XI — XIV. Will. p. 179 — 183.

[3]) См. Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐπιστολαί... ὑπὸ Ἰωάννου Βαλέττα ἐν Λονδίνῳ 1864. Epist. 3, σελ. 154—156; Epist. IV, σελ. 168—171.

ное и оригинальное произведеніе автора. Въ ряду всѣхъ обвиненій обвиненію въ употребленіи латинянами опрѣсноковъ отводится первое мѣсто.

Полемистамъ послѣдующаго времени перечень Михаила Керуларія давалъ форму обличенія, матеріалъ для него въ 20 пунктахъ и толчекъ къ отысканію и перечисленію другихъ заблужденій латинянъ, которыхъ самому патріарху не заблагоразсудилось перечислять. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ и воспользовались многіе изъ полемистовъ послѣдующаго времени. И вотъ, въ византійской полемической литературѣ по раздѣленіи церквей начинаютъ появляться перечни латинскихъ заблужденій, въ которыхъ пункты разностей не развиваются и не доказываются, а только указываются въ самыхъ простыхъ и безхитрестныхъ выраженіяхъ. Авторы этихъ перечней задавались цѣлію восполнить то, чего не доставало перечню Михаила Керуларія, распространяя и дополняя заключавшіяся въ немъ обвиненія, а иногда придавая имъ еще болѣе или менѣе систематичное расположеніе. Въ результатѣ такихъ работъ получается извѣстное количество перечней, изъ которыхъ одни представляютъ формальныя, а другіе не только формальныя, но и матеріальныя переработки и передѣлки перечня Михаила Керуларія. Нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени перечней извѣстны въ греческомъ и славянскомъ текстахъ, другія только въ славянскомъ. На всѣхъ ихъ лежитъ отпечатокъ перечня Михаила Керуларія, но опредѣлить, что именно въ каждомъ изъ такихъ перечней составляетъ оригинальное произведеніе какого-либо его автора едва ли возможно.

Во всѣхъ этихъ перечняхъ латинскихъ заблужденій и въ полемическихъ сочиненіяхъ съ перечнемъ ихъ указанію на заблужденіе латинянъ въ употребленіи хлѣба для евхаристіи всегда отводится также одно изъ первыхъ мѣстъ. Такъ въ статьѣ „о Фрязѣхъ и о прочихъ латинахъ“ въ числѣ 28 обвинительныхъ пунктовъ противъ латинянъ на первомъ мѣстѣ выставляется обвиненіе латинянъ въ прибавленіи къ символу „и отъ Сына“, а на второмъ: „въ хлѣба вмѣсто опрѣснокы служать и оклеветають апостола Петра и

святыя отца. яко отъ нихъ имуще таковое преданье“ [1]). Первая славянская редакція посланія Михаила Керуларія, представляя собою дословный переводъ своего подлинника, за исключеніемъ опущеннаго въ ней обвиненія въ несоблюденіи поста по средамъ и пятницамъ и соблюденіи поста въ субботу, имѣетъ также на первомъ мѣстѣ обвиненіе въ употребленіи опрѣсноковъ, вполнѣ согласное съ своимъ оригиналомъ: „сътворяють убо жидовствующе суть сия. то еже о безквасныхъ тѣхъ съгрѣшеніе“. Во второй славянской редакціи посланія Михаила Керуларія это обвиненіе, занимая также первое мѣсто въ ряду 30 обвиненій, уже представляетъ сравнительно съ своимъ подлинникомъ распространеніе и дополненіе: „Опрѣснькь убо твореть яко іудеи. и литургисають. ибо опрѣснькь ни кваса ни солы иматъ. яже вьмѣсто душе и ума суть. еже отъ святые церкве вселенскые приношаемо есть“. Въ третьей славянской редакціи посланія Михаила Керуларія внесено новое измѣненіе. Въ ней на первомъ мѣстѣ поставлено обвиненіе въ неправильности ученія объ исхожденіи св. Духа, на второмъ отмѣчается неправильность въ пѣніи на литургіи у латинянъ „Единъ святъ“ и уже на третьемъ: „іудейскыя ядутъ опрѣснокы и вьмѣсто съвръшеннаго хлѣба, тѣло Господа нашего Іисуса Христа ждруть опрѣснокомъ“ [2]).

Ѳеодосій Печерскій въ своемъ перечнѣ 18 латинскихъ заблужденій также не забываетъ указать, что латиняне „и оплаткомъ служать“. Кромѣ того, въ концѣ своего сочиненія, обращаясь къ

---

[1]) Ἀντὶ ἄρτου ἄζυμα προσφέρουσι καὶ συκοφαντοῦσι τὸν Ἀπόστολον Πέτρον καὶ τοὺς ἁγίους πατέρας ὡς ἐκεῖθεν ἔχοντες τὴν τοιαύτην παράδοσιν».

[2]) Ἰουδαϊκῶς ἐσθίουσιν ἄζυμα καὶ ἀντὶ τοῦ ἄρτίου ἄρτου τοῦ σώματος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, θύουσιν ἄζυμα. Въ своей книгѣ г. Павловъ издалъ эту третью редакцію по сборн. Троицкой Лавры XV в. № 177 (см. «Критич. опыты» прилож. № V стр. 151 — 157). Обвиненій не 27, какъ въ нашей рукописи (Кирилло-Бѣлоз. библ. № 76 (1153) л. 216), а 33. Въ параллель съ славянскимъ текстомъ г. Павловъ издалъ съ рукоп. Синод. библ. № 366 и греческій подлинникъ 18 первыхъ обвиненій слав. текста съ заглавіемъ: Τὰ παρὰ τῶν Φράγγων παρὰ τὴν ὀρθόδοξον πίστιν (καὶ) παρὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν συνήθειαν δοξαζόμενα καὶ τελούμενα, δι᾽ ἃ καὶ ἔχομεν πρὸς αὐτοὺς ἀκοινωνήτως, εἰσὶ ταῦτα. Славянскій текстъ нашей рукописи точнѣе выдерживаетъ греческій подлинникъ, чѣмъ текстъ сборн. Троицкой Лавры.

латинянамъ, авторъ говоритъ: „вы же отринувше проповѣданье апостольское и святыхъ отецъ исправленье, и пріясте неправду и вѣру развращенну, полну многія погибели, того ради отъ насъ бысте отвержени; того ради намъ съ вами недостойно служитья пріимати, ни къ божественнымъ тайнамъ обще приступати: зане мертвымъ тѣломъ служите, мертва Бога призывающа. А мы служимъ живымъ тѣломъ, самаго Господа жива видящи, одесную Отца сидяща. Вы же есте мертвіи, мертву жертву здѣваете: а мы живу Богу живу жертву приносимъ, чисту, непорочну“. Въ этомъ разсужденіи объ опрѣснокахъ, какъ мертвомъ тѣлѣ, приносимомъ мертвому Богу и о жертвѣ православныхъ, какъ живой, приносимой живому Богу, въ духѣ нетерпимости къ латинскимъ обрядамъ и къ латинянамъ вообще, которымъ проникнуто все посланіе Ѳеодосія, нельзя не замѣтить того, что Ѳеодосій былъ уже знакомъ съ произведеніями византійской полемической литературы XI вѣка и слишкомъ много наслушался отъ грековъ о латинянахъ и латинской вѣры.

Въ „Стязаніи съ латиною“ митрополита Георгія обвиненіе въ употребленіи опрѣсноковъ занимаетъ первое мѣсто въ числѣ 27 указываемыхъ обвинительныхъ пунктовъ: „иже опрѣснокы служать и ядять. иже есть жидовскы. Христосъ бо не предалъ есть того. ниже сверши тайны. юже предасть опрѣснокы святымъ. нъ хлѣбомъ свершеннымъ и кислымъ“. Авторъ въ виду той важности, которую, по его мнѣнію, имѣлъ вопросъ объ опрѣснокахъ, посвящаетъ ему еще 26 обвинительный пунктъ своего „Стязанія“. Въ немъ указывается на то, что Давидъ сказалъ о Христѣ: „ты еси іерей во вѣкы по чину Мельхиседекову“ и что „не опрѣснокы съ виномъ растворенным изнесе святый прьвый ерей Бога вышняго Мельхиседекъ, егда благослови великаго отцомъ начальника Авраама, нъ хлѣбъ изнесъ, съ квасомъ смѣшенный“. Своимъ содержаніемъ этотъ пунктъ вполнѣ соотвѣтствуетъ одному изъ положеній, развиваемыхъ въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго.

Посланіе митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху вслѣдъ за повѣствованіемъ о времени отпаденія латинянъ отъ православія, которымъ начинается и „Стязаніе“ Георгія, въ своемъ перечнѣ 20

латинскихъ заблужденій представляетъ почти сколокъ съ перечня въ посланіи Михаила Керуларія. Какъ въ обвинительномъ перечнѣ константинопольскаго патріарха на первомъ мѣстѣ выставлено обвиненіе латинянъ въ употребленіи опрѣсноковъ, такъ и у митрополита Никифора это обвиненіе занимаетъ тоже самое мѣсто: „еже опрѣснокы служити и ясти, еже есть жидовскы. Христосъ бо не предалъ есть того, ниже съврши тайну, юже предасть святымъ апостоломъ, опрѣснокы, но хлѣбомъ съвръшеномъ и кыселъмъ“. Кромѣ того, къ вопросу о квасномъ и прѣсномъ хлѣбѣ относится еще 17-е обвиненіе въ этомъ же посланіи Никифора, которое соотвѣтствуетъ также 17 въ славянской редакціи посланія и 18 въ подлинникѣ этого посланія: „еже измѣнити слово святаго Павла, глаголюща тако: малъ квасъ все въмѣшеніе кваситъ, а они тако млъвятъ: яко малъ квасъ все въмѣшеніе тлитъ. Да въними, княже мой! како о той вещи лжутъ: квасъ бо вмѣшеніе, рекше, въ муку и воду, то паче роститъ и кваситъ и велико творитъ, а не растлитъ, еже есть погубитъ. Стыдяще бо ся ти, имъ же причащаються, опрѣснокы, тѣмъ примѣниша слово апостольское и въкваситъ мѣсто написаша тлитъ“.

Въ другомъ своемъ посланіи — къ Ярославу Святополковичу, митрополитъ Никифоръ, составивъ перечень 19 обвиненій, главнымъ образомъ, по статьѣ „о Фрязѣхъ“, первое обвиненіе направляетъ противъ ученія латинянъ объ исхожденіи св. Духа, а противъ опрѣсноковъ второе, которое у него гораздо распространеннѣе, нежели въ его источникѣ: „второе зло, еже приносятъ въ хлѣба мѣсто оплатки и молвятъ хулу на святаго и великаго апостола Петра, яко той предалъ намъ се, и лжуть въ томъ. отъ писаніа или отъ преданіа не могутъ показати того, но отъ нѣмець пріали суть. Да тобѣ то будетъ извѣсто отъ мене отъ главизнъ сихъ и отъ евангеліа и отъ апостола и обличиши я, яко лжутъ“. Во второй части этого своего посланія вопросъ объ опрѣснокахъ митрополитъ Никифоръ разсматриваетъ особо, независимо отъ общаго своего перечня латинскихъ „золъ“. Въ этомъ разсужденіи его объ опрѣснокахъ весьма замѣтно сильное вліяніе посланія Петра Антіохійскаго къ Доминику Градскому, съ которымъ у Никифора много

сходнаго дословно [1]). Въ сравненіи съ произведеніями первыхъ греческихъ полемистовъ, содержаніе посланія митрополита Никифора представляетъ вообще весьма мало оригинальнаго.

Касаясь перечней латинскихъ заблужденій, мы показали какъ мѣсто отводимое въ нихъ обличенію латинянъ въ употребленіи для евхаристіи опрѣсноковъ, такъ и вообще то важное значеніе, которое придавалось въ нихъ этому обычаю латинянъ. Почти всѣ другія обвиненія, взводимыя на латинянъ въ этихъ перечняхъ, родились уже изъ вражды и крайняго несогласія между сторонами, обнаружившихся при возбужденіи спора объ опрѣснокахъ. Вотъ почему всѣ пункты разностей, указываемыхъ въ перечняхъ, даже и не входили въ составъ дѣйствительной полемики между греками и латинянами въ эпоху окончательнаго раздѣленія церквей. Дѣйствительную полемику между сторонами ограничивали въ то время только шесть пунктовъ сознанныхъ разностей между ними: 1) совершеніе западною церковію евхаристіи на опрѣснокахъ; 2) постъ въ субботу; 3) яденіе удавленины; 4) непѣніе аллилуіа въ великомъ посту (пункты, затронутые въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго); 5) время совершенія литургіи въ великомъ посту, и 6) безбрачіе священниковъ (пункты, прибавленные въ сочиненіи Никиты Стиѳата противъ латинянъ).

Неважность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ложность большей части обвиненій на латинскую церковь, которыя насчитывали и заявляли въ перечняхъ, по выраженію блаженнаго Ѳеофилакта, „ревнители православія“, показываются въ отвѣтномъ посланіи антіохійскаго патріарха Петра Михаилу Керуларію и въ посланіи блажен-

---

1) Напримѣръ, *у Никифора*· «не опрѣснока бо Господь вземь, благодарив и разломив и дасть своимъ ученикомъ, но хлѣбъ», — *у Петра Антіохійскаго*. «οὐδὲ γὰρ ἄζυμον λαβὼν ὁ Κύριος εὐχαριστήσας ἔκλασε, καὶ τοῖς μαθηταῖς ἔδωκεν, ἀλλ' ἄρτον«; *у Никифора* «есть бо мука, аки тѣло, а квасъ, аки душа, а соль, аки умъ»,—*у Петра* ἡ γὰρ προζύμη ἀντὶ ψυχῆς τῷ φυράματι γίνεται καὶ τὸ ἅλας ἀντὶ τοῦ νοὸς... *у Никифора*· «опрѣснокъ мертво и бездушно», — *у Петра:* «τὸ γὰρ ἄζυμον νεκρὸν καὶ ἄψυχον», — *у Никифора:* «иже оплатки ядущіи въ ересь впадаютъ Аполлинаріа: онъ бо безумно и бездушно тѣло пріа Господь рече»,— *у Петра* «οἱ τῶν ἀζύμων μετέχοντες κινδενεύουσι λανθανόντως εἰς τὴν τοῦ Ἀπολιναρίου περιπίπτειν αἵρεσιν. ἐκεῖνος γὰρ σῶμα μόνον ἄψυχον καὶ ἄνουν ἐτόλμησεν εἰπεῖν λαβεεῖν υἱὸν καὶ λόγον τοῦ θεοῦ ..

наго Θеофилакта къ діакону Николаю. Оба эти посланія важны для насъ именно общими взглядами авторовъ ихъ какъ на разности латинянъ вообще, такъ и на разность въ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи въ частности. Главной причиной несогласія и раздѣленія съ латинянами въ нихъ прямо выставляется догматическое заблужденіе латинянъ въ ученіи объ исхожденіи св. Духа. Впрочемъ, посланіе блаженнаго Θеофилакта въ небольшой своей части имѣетъ и прямое отношеніе къ полемикѣ съ латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ. Разсматривая вопросъ объ опрѣснокахъ, Θеофилактъ разсуждаетъ, главнымъ образомъ, о времени совершенія Спасителемъ послѣдней пасхальной вечери и о древней церковной практикѣ въ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи.

Посланіе митрополита Леонтія къ римлянамъ, хотя и надписано: объ опрѣснокахъ, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, оно направлено и противъ другихъ разностей латинской церкви съ греческою: субботняго поста, совершенія полной литургіи во весь великій постъ, безбрачія священниковъ, употребленія удавленины въ пищу и, наконецъ, ученія объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Какъ и первые полемисты XI вѣка, объ опрѣснокахъ авторъ разсуждаетъ только гораздо подробнѣе, чѣмъ о другихъ разностяхъ. Разсужденіе объ опрѣснокахъ въ посланіи митрополита Леонтія почти все основано на трудахъ трехъ первыхъ полемистовъ по этому вопросу. Въ цѣломъ разсужденіи его объ опрѣснокахъ нѣтъ почти ни одной главной основной мысли, которая не была бы извѣстна намъ изъ предшествующихъ сочиненій. Правда, различія въ изложеніи между трактатами объ опрѣснокахъ Льва Ахридскаго, Никиты Стиѳата и Петра Антіохійскаго съ одной стороны и трактатомъ Леонтія съ другой нельзя отрицать, но между ними нѣтъ различія въ способѣ опроверженія латинскаго обычая, въ выборѣ доводовъ, опровергающихъ его. Въ аргументаціи въ пользу употребленія въ евхаристіи квaснаго хлѣба въ посланіи митрополита Леонтія вполнѣ оригинальнымъ оказывается только развитіе слѣдующихъ двухъ положеній: 1) „совершать опрѣсноки повелѣно было іудеямъ только въ одномъ Іерусалимѣ, по разрушеніи же Іерусалима и храма его, должно уничтожиться и все, образно въ немъ

нѣкогда совершавшееся, слѣдовательно и опрѣсноки"; 2) „вкушающій опрѣсноки не исповѣдуетъ Христа Богомъ и человѣкомъ, но подобно безумному Несторію признаетъ Христа только простымъ человѣкомъ". Первое изъ этихъ положеній составляетъ отвѣтъ на тотъ доводъ кардинала Гумберта въ пользу употребленія опрѣсноковъ, что Спаситель по своемъ воскресеніи, когда безъ сомнѣнія были дни праздника опрѣсноковъ, преломилъ опрѣсночный хлѣбъ съ двумя учениками, путешествующими въ Эммаусъ.

Посланіе русскаго митрополита Іоанна II къ антипапѣ Клименту III, хотя въ нѣкоторыхъ славянскихъ его спискахъ надписывается „о опрѣсноцѣхъ", но это надписаніе не точно указываетъ его содержаніе. Митрополитъ Іоаннъ указываетъ въ своемъ посланіи шесть болѣе важныхъ и извѣстныхъ латинскихъ заблужденій: постъ въ субботу, несоблюденіе поста въ первую недѣлю четыредесятницы, безбрачіе священниковъ, запрещеніе священникамъ совершать таинство муропомазанія, употребленіе опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи и прибавленіе къ символу „и отъ сына" [1]). Объ опрѣснокахъ авторъ говоритъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ о другихъ разностяхъ, но все-таки не особенно пространно. Разсужденіе митрополита Іоанна объ опрѣснокахъ не представляетъ въ своемъ содержаніи почти ничего новаго сравнительно съ содержаніемъ греческихъ трактатовъ по этому вопросу, писанныхъ прежде его посланія, но тѣмъ не менѣе въ немъ нѣтъ буквальныхъ заимствованій изъ нихъ.

Трактатъ съ именемъ Никиты Давида Пафлагонскаго не отличается такимъ обиліемъ и разнообразіемъ сторонъ, съ которыхъ обсуждался и рѣшался вопросъ объ опрѣснокахъ въ трудахъ первыхъ полемистовъ. Авторъ доказываетъ въ немъ только то, что тайная вечеря была совершена въ 13-й день луны, за одинъ день

---

[1]) Кромѣ одного только латинскаго заблужденія—употреблять въ евхаристіи опрѣсноки всѣ другіе обвинительные пункты въ посланіи нашего митрополита какъ въ ихъ размѣщеніи, такъ и въ доводахъ, приводимыхъ для опроверженія указанныхъ въ нихъ латинскихъ заблужденій, заимствованы изъ полемическаго сочиненія патр. Фотія. Митрополитъ Іоаннъ по большей части буквально пользуется доводами, приведенными въ окружномъ посланіи Фотія.

до законной пасхи и что Христосъ на этой вечери не ѣлъ съ своими учениками пасхальнаго агнца. Само собою разумѣется, что если бы было доказано это основное положеніе, то и авторъ и его читатель съ полнымъ правомъ могли бы считать рѣшеннымъ вмѣстѣ съ этимъ еще и то, что Христосъ совершилъ евхаристію на квасномъ хлѣбѣ, а не на опрѣснокахъ. Второе положеніе относится къ первому, какъ часть къ цѣлому и слѣдовательно вмѣстѣ съ нимъ одно должно утверждаться, или отрицаться. Къ содержанію другихъ изслѣдованій о днѣ тайной вечери и образѣ ея совершенія новый изслѣдователь относится не какъ компиляторъ, а критически и вполнѣ самостоятельно. Такъ, въ первыхъ же строкахъ своего изслѣдованія онъ опровергаетъ положеніе, высказанное въ нашей полемикѣ въ первый разъ въ письмѣ Льва Ахридскаго къ Іоанну Транійскому, что Христосъ въ исполненіе закона сначала совершилъ законную пасху, а потомъ, по окончаніи ея, и нашу новую пасху. Взглядъ этого автора на сказанія евангелистовъ о днѣ тайной вечери былъ руководящимъ и для полемистовъ XII вѣка, такъ что нѣкоторые изъ нихъ въ своихъ разсужденіяхъ о днѣ пасхальной вечери пользовались его трактатомъ, какъ источникомъ.

Трактаты хартофилакса Никиты Никейскаго, не смотря на свое довольно позднее происхожденіе и малый объемъ, оказываются очень содержательными. Въ первомъ своемъ трактатѣ кромѣ вопроса объ опрѣснокахъ, которому посвящается большая часть его, авторъ весьма кратко говоритъ еще о яденіи удавленины, въ которой остается кровь, о томъ, что епископы у латинянъ занимаются военными дѣлами и ходятъ на войну и о заблужденіи латинянъ въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Второй трактатъ Никиты Никейскаго уже исключительно посвященъ вопросу объ опрѣснокахъ. Вмѣстѣ съ извѣстными доводами противъ употребленія опрѣсноковъ въ трактатахъ Никиты Никейскаго встрѣчаются и нѣкоторые новые, совершенно оригинальные доводы. Такою оригинальностію особенно отличается разсужденіе въ первомъ его сочиненіи, направленное противъ того возраженія латинянъ въ пользу опрѣсноковъ, что опрѣснокъ, не имѣя въ себѣ закваски—образа

сѣмени, служитъ символомъ безсѣмяннаго воплощенія Христа. Во второмъ сочиненіи вполнѣ оригинальнымъ можно назвать объясненіе Никитою совмѣщенія на пасхальной вечери Спасителя опрѣсноковъ и кваснаго хлѣба.

Помѣщенные вслѣдъ за двумя трактатами Никиты Никейскаго въ рукописномъ греческомъ сборникѣ три анонимныхъ небольшихъ трактата объ опрѣснокахъ, изъ которыхъ первые два озаглавливаются просто: „Ἑτέρα ἀπόδειξις περὶ τῆς ζύμης“, а послѣдній „Ἐρώτησις πρὸς τοὺς τὰ ἄζυμα πρεσβεύοντας“, ни въ основныхъ своихъ положеніяхъ, ни въ ихъ развитіи не представляютъ ничего особенно новаго и замѣчательнаго въ сравненіи съ разсмотрѣнными прежде полемическими сочиненіями XI вѣка. Доказательство перваго изъ этихъ трактатовъ состоитъ въ указаніи на общераспространенность у самыхъ отдаленныхъ народовъ обыкновенія употреблять въ евхаристіи квасный хлѣбъ, а втораго только въ томъ, что христіанамъ не слѣдуетъ совершать всего того, что совершилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, такъ какъ Онъ пришелъ, чтобы исполнить ветхій законъ, т. е. закончить его и дать намъ законъ новый и что поэтому и ап. Павелъ убѣждаетъ насъ отвращаться отъ ветхаго закона (1 Кор. V, 7. 8). Въ третьемъ трактатѣ развивается только та мысль, что основаніемъ для употребленія опрѣсноковъ послужило особенное исключительное обстоятельство, совершенно неотносящееся къ христіанамъ. „Богъ, желая извести израильтянъ изъ Египта, восхотѣлъ, чтобы всѣ они собрались въ одномъ мѣстѣ, чтобы какъ-нибудь не остался кто-либо изъ нихъ у египтянъ. Для того же, чтобы всѣ собрались въ одномъ мѣстѣ было повелѣно оставить закваску, чтобы не осталось какое-нибудь семейство, имѣя у себя заквашивающееся тѣсто, но чтобы всѣ вышли изъ Египта въ одну и туже ночь и въ одинъ и тотъ же часъ. Когда же израильтяне вышли, то уже не стало болѣе нужды въ опрѣснокахъ, такъ какъ они имѣли нужду въ нихъ только для того, чтобы въ одинъ вечеръ выйти, но они установили совершать ихъ ежегодно въ воспоминаніе освобожденія своего изъ Египта. Итакъ, какая же нужда употреблять опрѣсноки христіанамъ?“ Исключительно только къ этому вопросу сводится все небольшое содер-

жаніе этого трактата, который поэтому и озаглавленъ „Ἐρώτησις“.

Полемическая противулатинская литература XII вѣка, конечно, можетъ быть названа богатою по своему объему, но никакъ не по содержанію. Въ полемическихъ трудахъ XI вѣка была уже намѣчена конва для всей дальнѣйшей полемики по вопросу объ опрѣснокахъ. Въ XII вѣкѣ съ болѣе ученными пріемами полемисты только развиваютъ шире и далѣе доводы своихъ предшественниковъ. На основаніи прежнихъ и давнихъ доводовъ они усиливаются построить новые, или подкрѣпляютъ старые доводы болѣе новыми, широкими и твердыми основаніями.

Два сочиненія Евстратія Никейскаго посвящены исключительно вопросу объ опрѣснокахъ. Планъ, содержаніе и цѣль перваго своего сочиненія объ опрѣснокахъ Евстратій указываетъ въ самомъ своемъ вступленіи къ нему. „Такъ какъ, пишетъ онъ, прилично держаться законнаго преданія, то приношеніе опрѣсноковъ должно исправить по нему и необходимо изслѣдовать: должно ли вообще господствовать установленіе Моисея у принявшихъ евангеліе Спасителя Христа, чтобы въ принятіи или отверженіи вмѣстѣ съ цѣлымъ совпадала бы и часть и если послѣ пришлось бы сказать что-нибудь объ извѣстной части, то можно было бы сказать о ней безъ труда изъ общаго“. Такимъ образомъ, какъ въ трактатѣ съ именемъ Никиты Пафлагонскаго доказательство совершенія Спасителемъ вечери прежде законной пасхи представляется въ частности доказательствомъ какъ того, что Спаситель совершилъ евхаристію на квасномъ хлѣбѣ, такъ и вообще законности совершенія евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ, такъ и Евстратій Никейскій только изъ сопоставленія и сравненія закона Моисеева съ евангеліемъ и опредѣленія отношенія между ветхимъ и новымъ завѣтомъ желаетъ доказать неумѣстность употребленія въ евхаристіи опрѣсноковъ. Самая эта основная мысль всего перваго сочиненія Евстратія не отличается новизною, такъ какъ она была уже намѣчена еще въ первомъ посланіи Льва Ахридскаго и довольно подробно была развита послѣднимъ въ двухъ другихъ его посланіяхъ. Но развитіе и обоснованіе этой мысли и Евстратія вполнѣ самостоятельны и оригинальны.

Второе сочиненіе Евстратія Никейскаго занимается сначала дальнѣйшимъ развитіемъ той же главной мысли, которая послужила основаніемъ для перваго его сочиненія, т. е. что у принявшихъ евангеліе Христово не должно господствовать установленіе Моисея, но вообще содержаніе его гораздо разнообразнѣе. Между прочимъ, пользуясь отчасти трактатомъ съ именемъ Никиты Пафлагонскаго, Евстратій излагаетъ въ этомъ своемъ сочиненіи доказательства того, что тайная вечеря была совершена Спасителемъ въ 13 день луны, за день до законной пасхи.

Никита Сеидъ первое свое полемическое сочиненіе „Λόγος σχεδιασθεὶς πρὸς ῥωμαίους“ посвящаетъ, главнымъ образомъ, вопросу объ исхожденіи Св. Духа [1]) и только отчасти касается въ немъ обычая латинянъ употреблять въ евхаристіи опрѣсноки. Излагая въ началѣ этого своего сочиненія исторію отпаденія латинянъ отъ православія и возникновенія у нихъ различныхъ заблужденій, онъ говоритъ, что вандалы, овладѣвъ Римомъ, господствовали надъ латинянами и научили ихъ всѣмъ своимъ обычаямъ и всѣмъ тѣмъ заблужденіямъ, которыя отдѣляютъ латинянъ отъ грековъ. Онъ указываетъ только 12 заблужденій латинянъ, принятыхъ ими отъ вандаловъ, но говоритъ, что по точному счету общее число всѣхъ

[1]) Кромѣ общихъ разсужденій о латинскихъ разностяхъ вообще и особенно пространнаго изслѣдованія по вопросу объ исхожденіи Св. Духа, въ этомъ сочиненіи особенно замѣчательно богатое развитіе Никитою Сеидомъ теоріи пентархіи, основныя черты которой намѣчены были еще Петромъ Антіохійскимъ въ его письмѣ къ Доминику Градскому (apud Will p, 211—212 cap. IV). Разсуждая на тему о достоинствѣ патріархій, Никита говоритъ, что пять патріархій имѣютъ въ себѣ образъ пяти чувствъ: патріархатъ іерусалимскій представляетъ образъ зрѣнія, антіохійскій—обонянія, римскій—вкуса, александрійскій—слуха, новаго Рима—осязанія. Хотя константинопольская патріархія оказалась послѣднею «но по великому совѣту и предвѣдѣнію Божію», говоритъ авторъ, «должно было первому сдѣлаться послѣднимъ и послѣднему первымъ. Эти патріархіи называются верховными и главными по отношенію къ прочимъ церквамъ, но мы иначе не получимъ такого ихъ названія, если не поставимъ послѣднюю первой». Авторъ предлагаетъ акростихъ названій патріархій. Заглавныя буквы ихъ онъ пишетъ киноварью, а остальное черными чернилами, располагая патріархіи въ слѣдующемъ порядкѣ: іерусалимская, антіохійская, римская, александрійская, константинопольская. Изъ заглавныхъ буквъ, прочитанныхъ снизу вверхъ, получается «удивительный акростихъ» (θαυμάσιον τὴν ἀκροστιχίδα). «κάραι», что значитъ: «главы».

такого рода заблужденій латинянъ простирается до 32. Всѣ эти заблужденія Никита Сеидъ считаетъ противозаконными, а три изъ нихъ, именно: ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, совершеніе евхаристіи на опрѣснокахъ и наименованіе Матери Божіей не Богородицею, а просто „святая Марія“ онъ считаетъ противозаконнѣйшими всѣхъ другихъ заблужденій и говоритъ, что эти три заблужденія ведутъ не къ расколу только, но къ явной ереси, что они послужили главной причиной къ раздѣленію церквей и служатъ главнымъ препятствіемъ къ ихъ возсоединенію.

Разсматривая второе полемическое сочиненіе Никиты Сеида, спеціально посвященное вопросу объ опрѣснокахъ, нельзя не видѣть въ немъ широкаго и особенно своеобразнаго развитія нѣкоторыхъ частностей, относящихся къ этому вопросу. Въ группѣ доказательствъ, выставленныхъ въ этомъ сочиненіи Никиты Сеида въ пользу употребленія въ евхаристіи исключительно только кваснаго хлѣба, особенно замѣчательны символическія сближенія ветхаго завѣта съ новымъ и доводы въ подтвержденіе того, что Христосъ совершилъ свою послѣднюю пасхальную вечерю въ 13 день луны, за день до законной пасхи. Но если во многихъ частностяхъ Никита Сеидъ очень оригиналенъ, то за то въ нѣкоторыхъ, хотя и неособенно многихъ случаяхъ, какъ увидимъ, онъ долженъ быть признанъ совершенно не самостоятельнымъ, такъ какъ допускалъ буквальныя заимствованія изъ трудовъ первыхъ полемистовъ XI вѣка.

Посланіе къ адріанопольскому архіепископу антіохійскаго патріарха Іоанна посвящено также исключительно только вопросу объ опрѣснокахъ. Въ основу своего разсужденія по этому вопросу авторъ полагаетъ слѣдующую дилемму: „Пусть латиняне скажутъ намъ, что они пожелали бы сами: приносить-ли въ жертву Христа по подражанію Христу и совершенно такъ, какъ Онъ самъ указалъ своимъ ученикамъ и чрезъ нихъ всему созданію, сказавъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе,* или какъ нибудь иначе? Допустимъ второе,—тогда мы опять спросимъ васъ (латинянъ): какъ и откуда вы приняли это и кто, узаконяя это, можетъ быть достовѣрнѣйшимъ Христа? Но если бы латиняне сказали и первое, то и это также у нихъ неблагочестиво, какъ и второе, такъ какъ

можно видѣть въ евангеліяхъ, какъ и на чемъ была совершена и предана намъ духовная трапеза, такъ что они оказались бы уже долгое время слухомъ слушающими слова св. Писанія, а не разумѣющими, — глаза имѣющими, а предъ глазами лежащую истину невидящими". Хотя въ своихъ основныхъ и главныхъ положеніяхъ доводы патріарха Іоанна въ пользу исключительнаго употребленія въ евхаристіи квасного хлѣба не представляютъ ничего новаго сравнительно съ доводами прежнихъ полемистовъ, но въ развитіи нѣкоторыхъ частностей этихъ положеній авторъ очень самостоятеленъ и оригиналенъ. Такою оригинальностію особенно отличаются доказательства употребленія квасного хлѣба въ таинствѣ евхаристіи, основанныя на разборѣ значенія слова ἄρτος (хлѣбъ), употребленнаго въ евангеліи при изложеніи факта установленія этого таинства. Буквальныхъ заимствованій изъ произведеній прежнихъ авторовъ патріархъ Іоаннъ не дѣлаетъ.

Содержаніе перваго сочиненія объ опрѣснокахъ Николая Меѳонскаго, посвященное изслѣдованію только одного этого вопроса, представляетъ собою широкое развитіе всѣхъ тѣхъ доводовъ въ пользу исключительнаго употребленія въ евхаристіи квасного хлѣба, которые приводились прежде него греческими полемистами. Въ этомъ своемъ сочиненіи авторъ пространно развиваетъ и доказываетъ ту свою основную мысль, что въ совершеніи таинства евхаристіи должно неуклонно и непреложно держаться практики, преданной изначала, т. е. должно совершать ее по примѣру Спасителя и именно на квасномъ хлѣбѣ. Разсуждая о днѣ пасхальной вечери и образѣ ея совершенія, Николай Меѳонскій почти исключительно держится только доводовъ Никиты Пафлагонскаго и Евстратія Никейскаго. Разсужденіе о томъ, что въ евхаристійномъ хлѣбѣ должны выражаться три жизненныя силы: духъ, вода и кровь, онъ почти буквально взялъ изъ трактата Никиты Стиѳата и вообще во многихъ другихъ частныхъ вопросахъ Николай Меѳонскій воспользовался трудами прежнихъ полемистовъ. Но безспорно то, что трудами своихъ предшественниковъ онъ воспользовался не какъ компиляторъ и пассивный подражатель, а вполнѣ самостоятельно и свободно, съ полнымъ сознаніемъ и своей собственной силы.

Во второмъ своемъ сочиненіи объ опрѣснокахъ Николай Меѳонскій, кромѣ подробнаго изслѣдованія этого предмета, затрогиваетъ отчасти и нѣкоторые другіе пункты разностей. Такъ, онъ обличаетъ ученіе латинянъ объ исхожденіи Св. Духа, указываетъ на то, что у нихъ архіереи носятъ на рукахъ золотые перстни, чего не было въ древней церкви, что не древнія также установленія: открывать женщинамъ входъ въ алтарь, стричь или брить бороду и, такимъ образомъ, искажать въ себѣ образъ Божій, лишать священниковъ брачной жизни, ѣсть мясо съ кровью и, такимъ образомъ, ѣсть какъ бы удавленину. Сверхъ того также кратко авторъ обличаетъ латинянъ за непѣніе аллилуіа въ четыредесятницу, постъ въ субботу, вкушеніе освященнаго агнца безъ преломленія и только однимъ священнослужащимъ. Разсужденіе по вопросу объ опрѣснокахъ въ этомъ сочиненіи Николая Меѳонскаго какъ по основной своей мысли, такъ и по доказательствамъ, приведеннымъ для ея подтвержденія, сходно съ первымъ его сочиненіемъ объ опрѣснокахъ, представляя собою восполненіе развитія нѣкоторыхъ основныхъ положеній перваго сочиненія, а не повтореніе одного и того же. Во второмъ своемъ сочиненіи авторъ не допускаетъ уже никакихъ заимствованій изъ трудовъ предшествующихъ полемистовъ.

Трактатъ Георгія Корцирскаго въ первой своей части, содержащей въ себѣ собственное разсужденіе автора по вопросу объ опрѣснокахъ, хотя и не отличается такою многосторонностію въ своихъ доводахъ въ пользу употребленія въ евхаристіи квасnаго хлѣба, какъ сочиненія Николая Меѳонскаго, но за то представляетъ въ нихъ нѣсколько болѣе оригинальности. Во второй части своего трактата Георгій описываетъ диспутъ въ Константинополѣ по вопросу объ опрѣснокахъ между греками и латинянами во главѣ съ легатомъ папы Иннокентія III кардиналомъ Бенедиктомъ. Пространное разсужденіе о днѣ пасхальной вечери, которымъ диспутировавшіе греки отвѣчали на тотъ доводъ латинянъ въ пользу опрѣсноковъ, что Христосъ во время пасхи ѣлъ опрѣснокъ, до буквальной точности сходно съ разсужденіемъ на эту тему Евстратія Никейскаго, помѣщеннымъ во второмъ сочиненіи его объ опрѣс-

нокахъ. Затѣмъ, отвѣтъ грековъ на возраженіе одного изъ латинянъ: „малая закваска кваситъ и портитъ все тѣсто, да и Спаситель, заповѣдуя ученикамъ, сказалъ: „берегитесь закваски фарисейской и саддукейской“,—такъ что и изреченіе Господа и ученіе ап. Павла совершенно говорятъ противъ квaснаго хлѣба“, также дословно согласенъ съ разсужденіемъ объ этомъ предметѣ Евстратія Никейскаго въ томъ же его сочиненіи [1]). Объясненіе выраженій апостола Павла: „малая закваска кваситъ все тѣсто (1 Кор. V, 6)“ и „станемъ праздновать не съ старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но въ опрѣснокахъ чистоты и истины“,—дословно согласно съ объясненіемъ ихъ въ трактатѣ Никиты Стиѳата [2]). Однако, помимо этихъ заимствованій, и во второй части трактата Георгія есть кое-что оригинальное и новое.

Никита Никомидійскій въ диспутѣ съ Анзельмомъ Гавельбергскимъ свои разсужденія [3]) по вопросу объ опрѣснокахъ началъ

---

[1]) Разница только въ томъ, что въ трактатѣ Георгія Корцирскаго мы находимъ въ этомъ мѣстѣ небольшую вставку. Такъ, послѣ указанія на то, что самъ Спаситель въ другомъ случаѣ употребилъ закваску образомъ для выраженія царства небеснаго, не слѣдуютъ далѣе непосредственно слова Спасителя какъ у Евстратія, а дѣлается ссылка на Григорія Двоеслова: «Точно такъ объяснялъ и упомянутый вами св. Григорій. Между прочимъ, блаженный Двоесловъ сказалъ: «эту закваску грѣха они примѣшивали къ своему доброму дѣлу, но въ порицаніе ихъ Господь голосомъ пророка сказалъ: «идите въ Веѳиль и грѣшите», и немного ниже: «и приносите въ жертву благодаренія квасное» (Амос. IV. 45). Объясняя изреченіе пророка, Григорій Двоесловъ говоритъ: «въ жертву благодаренія квасное приноситъ тотъ, кто уготовляетъ жертву Богу съ любовію». Ибо Онъ (т. е. Спаситель) сказалъ: «царство небесное подобно закваскѣ, которую женщина, взявъ, положила въ три мѣры муки (Матѳ. XIII, 33)». Съ этого мѣста идетъ опять согласіе съ трактатомъ Евстратія Никейскаго. Очевидно, что ссылка на Григорія Двоеслова, которая такъ не вяжется съ общимъ теченіемъ текста, или составляетъ вставку самого Георгія Корцирскаго, или замѣтку на полѣ позднѣйшаго происхожденія, впослѣдствіи внесенную переписчиками въ самый текстъ.

[2]) Къ объясненію Никиты Стиѳата диспутировавшіе греки прибавили только свое заключеніе: «Вотъ, слѣдовательно, какой смыслъ апостольскаго изреченія, а не тотъ, какой вы даете ему, прилагая къ празднованію и участвованію въ опрѣснокахъ. Такимъ образомъ, должно, чтобы вы и всѣ другіе отстали отъ чувственнаго пониманія и всегда искали заключенную въ выраженіи мысль, такъ какъ многіе, держась только буквы совратились въ тяжкія ереси.

[3]) Рѣчи Никиты Никомидійскаго были изложены Анзельмомъ, какъ было

ссылкою на то, что употребленіе квасного хлѣба въ греческой церкви составляетъ исконное преданіе, идущее отъ ея учителей и отцевъ, что это преданіе нерушимо въ ней содержится и не можетъ быть отмѣнено кѣмъ бы то ни было, такъ какъ только римская церковь позволяетъ себѣ поступать произвольно. Въ своихъ разсужденіяхъ, относящихся къ этому вопросу, Никита Никомидійскій, хотя и не слѣдуетъ пассивно доводамъ противъ опрѣсноковъ прежнихъ полемистовъ, тѣмъ не менѣе представляетъ не особенно много новаго и только въ нѣкоторыхъ слишкомъ немногихъ пунктахъ заявляетъ себя довольно оригинальнымъ изслѣдователемъ по этому предмету.

Трактатъ Ѳеодора Куропалата посвященъ авторомъ, главнымъ образомъ, вопросу объ исхожденіи Св. Духа, а вопросу объ опрѣснокахъ посвящается только меньшая часть его. Не смотря на то, что Ѳеодора нисколько нельзя считать компиляторомъ, такъ какъ въ своемъ небольшомъ разсужденіи объ опрѣснокахъ онъ не дѣлаетъ никакихъ заимствованій изъ извѣстныхъ прежнихъ сочиненій по этому вопросу, тѣмъ не менѣе въ его разсужденіи нѣтъ ничего особенно новаго и замѣчательнаго.

Посланіе Іоанна Клавдіопольскаго, хотя и надписано „объ опрѣснокахъ“, но этимъ надписаніемъ обозначенъ только главный предметъ его содержанія. Приступая къ полемикѣ по вопросу объ опрѣснокахъ, авторъ насчитываетъ до 20 другихъ латинскихъ заблужденій, указывая ихъ, большею частію, по посланію Михаила Керуларія и статьѣ о Фрязѣхъ. Собственнымъ произведеніемъ автора можно признать лишь развѣ только одно это введеніе, а раз-

---

замѣчено въ своемъ мѣстѣ, спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ диспута. Въ предисловіи къ своей книгѣ, Анзельмъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ сохранилъ, «сколько помогла память», ходъ своего разсужденія съ архіеп. Никитою. Понятно, слѣдовательно, что рѣчи Никиты на этомъ диспутѣ, изложенныя у Анзельма, не могутъ претендовать на дословную ихъ подлинность. При чтеніи ихъ очень ясно видно, что онѣ изложены не грекомъ, а латинянином. Но въ общемъ своемъ содержаніи и построеніи рѣчи Никиты Никомидійскаго изложены у Анзельма все-таки вѣрно, что особенно можно видѣть изъ тѣхъ аргументовъ противъ абсолютизма папской власти, выставленныхъ въ рѣчахъ Никиты, которые Анзельмъ не вложилъ бы въ уста греку, если бы они дѣйствительно не были заявлены послѣднимъ.

сужденіе объ опрѣснокахъ въ его посланіи, какъ будетъ показано, не заключаетъ въ себѣ ничего самостоятельнаго.

Такимъ образомъ, если разсматривать памятники византійской противулатинской литературы *по количеству* перечисляемыхъ въ нихъ разностей, то можно видѣть, что меньше всего разностей было затронуто при самомъ началѣ полемики по вопросу объ опрѣснокахъ. Въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго и трактатѣ Никиты Стиѳата, хотя и указано по четыре пункта разностей, но легко видѣть, что главное, почти исключительное значеніе придавалось въ нихъ только вопросу объ опрѣснокахъ. Такое заключеніе находитъ для себя еще большее подтвержденіе въ томъ, что второе и третье посланія Льва Ахридскаго и посланіе Петра Антіохійскаго къ Доминику посвящены уже исключительно только вопросу объ опрѣснокахъ. Затѣмъ, больше всего разностей указывается въ перечняхъ, возникшихъ на почвѣ перечня латинскихъ заблужденій патр. Михаила Керуларія. Рядомъ съ перечнями латинскихъ заблужденій въ византійской литературѣ продолжается подробное, болѣе научное изслѣдованіе отдѣльныхъ латинскихъ разностей. Но и изслѣдователи отдѣльныхъ разностей теперь уже не могли довольствоваться слишкомъ ограниченнымъ числомъ разностей, указанныхъ въ трудахъ первыхъ византійскихъ полемистовъ нашей эпохи. Число разностей въ ихъ трудахъ должно было колебаться между самымъ меньшимъ числомъ разностей у первыхъ полемистовъ и самымъ большимъ числомъ разностей, указываемыхъ въ перечняхъ. Такую средину по количеству перечисляемыхъ разностей занимаютъ посланія: митр. Леонтія и митр. русскаго Іоанна II, въ которыхъ обсуждаются по шести пунктовъ разностей. Наконецъ, въ самомъ концѣ XI и въ XII вѣкѣ, при большемъ уясненіи между важнымъ и неважнымъ въ общей массѣ разностей, намѣченныхъ въ жару полемики и слѣдовательно неразборчиво, стала чувствоваться необходимость выдѣлять особенно важные пункты несогласія и подвергать ихъ спеціальному изслѣдованію. Авторъ трактата съ именемъ Никиты Пафлагонскаго изслѣдуетъ только вопросъ о днѣ и образѣ совершенія Спасителемъ послѣдней вечери, на которой было установлено таинство евхаристіи, а два трактата Никиты Хартофилакса

посвящены почти исключительно только вопросу объ опрѣснокахъ. За тѣмъ, Евстратій Никейскій, Никита Сеидъ и Николай Меѳонскій, посвятивъ первыя свои полемическія сочиненія опроверженію ученія латинянъ объ исхожденіи Св. Духа, посвящаютъ отдѣльныя пространныя сочиненія и вопросу объ опрѣснокахъ. Исключительно вопросу объ опрѣснокахъ посвящены также трактаты Іоанна Антіохійскаго и Георгія Корцирскаго и исключительно по вопросу объ опрѣснокахъ былъ назначенъ диспутъ между Никитою Никомидійскимъ и Анзельмомъ Гавельбергскимъ. хотя на этомъ диспутѣ вопросъ объ опрѣснокахъ разсматривался въ связи съ вопросомъ о церковномъ приматствѣ Рима и Византіи. Ѳеодоръ Куропалатъ, посвящая свой трактатъ главнымъ образомъ вопросу объ исхожденіи Св. Духа, разсматриваетъ въ немъ отчасти и вопросъ объ опрѣснокахъ. Іоаннъ Клавдіопольскій, изъ всѣхъ полемистовъ XII вѣка, будучи самымъ слабымъ по производительности своей мысли и самымъ строгимъ по своей нетерпимости къ латинянамъ, не былъ въ состояніи стать въ уровень съ лучшими богословами XII в. и изслѣдовать латинскія разности въ отдѣльности.

Наконецъ, разсматривая содержаніе византійскихъ памятниковъ *съ качественной* стороны, т. е. по значенію, придаваемому среди перечисляемыхъ въ нихъ разностей вопросу объ опрѣснокахъ и по усердію и энергіи авторовъ въ подборѣ доказательствъ по этому вопросу, мы замѣчаемъ, что наименьшее значеніе придается вопросу объ опрѣснокахъ и наименьшая энергія употреблена на подборъ доказательствъ въ пользу извѣстныхъ полемическихъ положеній по этому вопросу въ посланіи блаженнаго Ѳеофилакта Болгарскаго и въ посланіи патріарха Петра къ Михаилу Керуларію. Наибольшее значеніе придается вопросу объ опрѣснокахъ и выразилась наибольшая энергія въ подборѣ доказательствъ въ пользу тѣхъ или другихъ полемическихъ положеній по этому вопросу въ посланіяхъ Льва Ахридскаго, трактатѣ Никиты Стиѳата и въ посланіи Петра Антіохійскаго къ Доминику. Средину въ этомъ отношеніи занимаютъ перечни латинскихъ заблужденій и сочиненія, возникшія на почвѣ перечня патріарха Михаила Керуларія, посланіе митр. Леонтія, посланіе митр. русскаго Іоанна, трактаты Никиты Никейскаго, трак-

татъ съ именемъ Никиты Пафлагонскаго и полемическіе труды XII вѣка. Замѣтимъ, что между качественною стороною памятниковъ и временемъ ихъ появленія видно почти такоеже соотношеніе, какое было показано нами между количествомъ перечисляемыхъ разностей въ памятникахъ и временемъ ихъ появленія. Въ началѣ полемики для византійскихъ полемистовъ вопросъ объ опрѣснокахъ имѣлъ исключительно важное значеніе, а потому занималъ въ ихъ трудахъ главное мѣсто между другими разностями и вызывалъ собою въ изслѣдователяхъ особенное усердіе. Затѣмъ, особенная, исключительная важность и особенный интересъ вопроса объ опрѣснокахъ подрываются съ одной стороны длинными перечнями латинскихъ заблужденій, въ которыхъ не дѣлается строгаго различія между болѣе важными и менѣе важными заблужденіями, а съ другой посланіемъ Петра Антіохійскаго къ патріарху Михаилу Керуларію и посланіемъ блаженнаго Ѳеофилакта къ діакону Николаю, въ которыхъ вопросъ объ опрѣснокахъ выставляется неважнымъ и прямо указывается главнѣйшій по своей сущности пунктъ разностей между церквами — ученіе объ исхожденіи Св. Духа. Въ послѣдующихъ памятникахъ: посланіи митрополита Леонтія, посланіи русскаго митрополита Іоанна II и трактатахъ Никиты Никейскаго разсужденія по вопросу объ опрѣснокахъ, въ силу своего значенія въ эпоху окончательнаго раздѣленія церквей, хотя и продолжали занимать первое мѣсто по своему объему, но уже потеряли первое мѣсто по своему значенію, такъ какъ главнѣйшею по своей важности разностію между церквами въ этихъ полемическихъ сочиненіяхъ прямо выставлялась разность въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа. Въ трактатѣ съ именемъ Никиты Пафлагонскаго и въ полемическихъ трудахъ XII вѣка видно только желаніе оправдать или еще шире и сильнѣе обосновать положенія, высказанныя по вопросу объ опрѣснокахъ полемистами эпохи окончательнаго раздѣленія церквей, а поэтому какъ значеніе, придаваемое въ этихъ трудахъ вопросу объ опрѣснокахъ, такъ и энергія авторовъ въ подборѣ доказательствъ въ пользу того или другаго полемическаго положенія по этому вопросу, не смотря на всю обширность ихъ сочиненій по

вопросу объ опрѣснокахъ сравнительно съ произведеніями первыхъ полемистовъ, естественно оказываются второстепенными.

Теперь попытаемся установить отношеніе между разсматриваемыми памятниками по формѣ или литературнымъ пріемамъ.

Произведенія первыхъ трехъ полемистовъ по вопросу объ опрѣснокахъ въ группѣ всѣхъ полемическихъ памятниковъ по этому вопросу XI—XII вв. отличаются своимъ простымъ, краткимъ и безъискуственнымъ изложеніемъ. Напротивъ, въ трудахъ послѣдующихъ полемистовъ замѣчается большая витіеватость, многословность и искусственность. Въ посланіяхъ митрополита Леонтія и митрополита русскаго Іоанна II, трактатахъ Никиты Никейскаго и трактатѣ съ именемъ Никиты Пафлагонскаго видна уже нѣкоторая живость и систематичность изложенія, хотя въ доводахъ ихъ противъ опрѣсноковъ видно только стараніе сильнѣе обосновать доводы первыхъ полемистовъ. Изъ полемическихъ трактатовъ XII в. видно, что полемика по вопросу объ опрѣснокахъ, выходя изъ тѣхъ же самыхъ основныхъ точекъ и принциповъ, какъ и въ XI вѣкѣ, принимаетъ гораздо большее развитіе своихъ первыхъ основоположеній. Вмѣсто. по большей части, сжатаго, односторонняго, иногда робкаго изложенія первыхъ полемическихъ памятниковъ XI вѣка, въ памятникахъ XII вѣка можно видѣть уже витіеватую многословность, многосторонность и особенную бойкость и увѣренность въ изложеніи. Вотъ почему въ послѣднихъ мы видимъ гораздо больше софистическихъ построеній и діалектическихъ тонкостей и разглагольствованій, чѣмъ въ первыхъ. Переходя отъ памятниковъ XI къ памятникамъ XII вѣка, мы поднимаемся ступенью выше въ области такъ называемаго схоластическаго направленія научной мысли, доставившаго ей вмѣстѣ съ дурнымъ весьма много хорошаго, пріучивъ ее къ большей строгости и отчетливости. Такою строгостію и отчетливостію въ изложеніи мысли прежде всѣхъ другихъ полемическихъ трактатовъ по вопросу объ опрѣснокахъ отличаются трактаты Евстратія митрополита Никейскаго. Логичность и систематичность трактатовъ Евстратія, а также искусство въ построеніи доводовъ и вездѣ точный языкъ могутъ подтверждать собою лестный отзывъ Анны Комниной объ

его умѣ и учености [1]). По языку, стилю и литературнымъ пріемамъ на ряду съ сочиненіями Евстратія Никейскаго должно поставить сочиненія Николая Мееонскаго. Первое сочиненіе Николая Мееонскаго по вопросу объ опрѣснокахъ—одно изъ самыхъ пространныхъ сочиненій XII вѣка по этому вопросу,—можно назвать и однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по своему риторическому изложенію. Посланіе Іоанна Антіохійскаго, трактатъ Георгія Корцирскаго и трактатъ Ѳеодора Куропалата также написаны не безъ риторической цвѣтистости, но особенною многословностію и витіеватостію въ изложеніи между всѣми полемическими памятниками XII вѣка отличаются безспорно сочиненія Никиты Сеида. Онъ, какъ видно изъ его сочиненій, былъ однимъ изъ лучшихъ стилистовъ своего времени и имѣлъ все для того, чтобы славиться у своихъ современниковъ своимъ витійственнымъ краснорѣчіемъ. Однако, не смотря на всѣ цвѣты краснорѣчія, въ избыткѣ находящіеся въ полемическихъ памятникахъ конца XI и всего XII вѣка, мысль по большей части остается въ нихъ строго консервативною, боится отклониться отъ проторенной для нея дороги и строго держится традиціоннаго направленія. Отсюда весьма часто происходила рабская, пассивная и вообще слишкомъ мало свободная подражательность прошедшему въ его лучшихъ образцахъ.

Опредѣляя значеніе риторическаго элемента, преобладающаго въ памятникахъ конца XI и всего XII вѣка, мы съ полною увѣренностію можемъ сказать, что преобладаніе его стоитъ обратно пропорціонально доказательности памятника. При исчерпанности доказательствъ другими и за невозможностію сказать что-нибудь новое, продолжателямъ оставалось только пробавляться тѣмъ, что сдѣлано было ихъ предшественниками, ограничивая всю производительность своей мысли по большей части только риторическимъ паѳосомъ и витіеватымъ разглагольствованіемъ. Вотъ почему преобладаніе риторическаго элемента въ томъ или другомъ полемическомъ сочиненіи можетъ даже служить отчасти и показателемъ его хронологіи.

---

[1]) Κατὰ Ἄνναν τὴν Κομνηνὴν «ἀνὴρ τά τε θεῖα σοφὸς καὶ τὰ θύραθεν, αὐχῶν ἐπὶ ταῖς διαλέξεσι μᾶλλον, ἢ οἱ περὶ τὴν Στοὰν καὶ Ἀκαδημίαν ἐνδιατρίβοντες Bibliоth. eccl. Δημητρακοπούλου σελ. ί.

Разсмотрѣніе памятниковъ византійской полемической литературы по вопросу объ опрѣснокахъ по ихъ направленію, содержанію и формѣ или литературнымъ пріемамъ достаточно можетъ уяснять вопросъ объ отношеніи между ними со стороны ученой и литературной зависимости ихъ другъ отъ друга.

Между всѣми полемическими памятниками по вопросу объ опрѣснокахъ по своему ученому и литературному значенію выше всѣхъ стоятъ произведенія первыхъ полемистовъ: Льва Ахридскаго, Никиты Стиѳата и Петра Антіохійскаго. Послѣдній изъ этихъ авторовъ, будучи вполнѣ самостоятельнымъ и оригинальнымъ въ своемъ взглядѣ на дѣло и общемъ направленіи, уже не такъ самостоятеленъ въ литературномъ изложеніи своего посланія къ Доминику Градскому. Онъ несомнѣнно заимствовалъ изъ трактата Никиты Стиѳата какъ развитіе той мысли послѣдняго, что въ квасномъ хлѣбѣ выражаются три жизненныя силы тѣла Христова: духъ, вода и кровь, такъ и той, что вечеря Спасителя была прежде законной пасхи. Насколько близко у этихъ писателей сходство указанныхъ параллельныхъ мѣстъ, всего лучше можно видѣть изъ слѣдующаго ихъ сопоставленія:

Въ трактатѣ Никиты Стиѳата по изданію о. Димитракопула: (Biblioth. ecclesiast. p. 20—21.

Σκοπεῖτε δὲ ὅτι ἐν μὲν τοῖς ἀζύμοις οὐδεμία τίς ἐστι ζωτικὴ δύναμις· νεκρὰ γάρ εἰσιν. ἐν δὲ τῷ ἄρτῳ ἤγουν τῷ σώματι τοῦ Χριστοῦ τρία τὰ ζῶντα καὶ ζωὴν παρέχοντα τοῖς αὐτὸν ἀξίως ἐσθίουσι· τὸ πνεῦμα, τὸ ὕδωρ καὶ τὸ αἷμα, ὡς καὶ αὐτός ὁ τοῦ Χριστοῦ ἐπιστήθιος Ἰωάννης σημμαρτυρεῖ μου τῷ λόγῳ. Τρεῖς γάρ εἰσιν οἱ μαρτυροῦντες, λέγων, τὸ πνεῦμα, τὸ ὕδωρ καὶ

Въ посланіи Петра Антіохійскаго къ Доминику по изданію Вилля: (Acta et scripta p. 216—217).

Καὶ σύνες τῇ διαρέσει τοῦ λόγου προσέχων, συνετώτατε· ἐν τοῖς ἀζύμοις οὐδεμία τίς ἐστι ζωτικὴ δύναμις· νεκρὰ γάρ, ὡς ἔφθημεν εἰπόντες· ἐν δὲ τῷ ἄρτῳ, ἤγουν τῷ σώματι τοῦ Χριστοῦ, τρία τὰ ζῶντα καὶ ζωὴν παρέχοντα τοῖς αὐτῶν μεταλαμβάνουσι· τὸ πνεῦμα, τὸ ὕδωρ καὶ τὸ αἷμα· ὡς καὶ αὐτὸς ὁ τοῦ Χριστοῦ ἐπιστήθιος Ἰωάννης συμμαρτυρεῖ τῷ λόγῳ, οὕτω λέγων

τὸ αἷμα, καὶ οἱ τρεῖς εἰς τὸ ἕν εἰσιν· δηλονότι τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ· ὅ καὶ κατὰ τὸν καιρὸν τῆς τοῦ Χριστοῦ σταυρώσεως δῆλον γέγονεν, ὁπηνίκα τὸ ὕδωρ καὶ τὸ αἷμα τῆς ἀχράντου πλευρᾶς αὐτοῦ ἔρρευσε, λόγχῃ νυγείσης· τὸ δὲ ζῶν καὶ ἅγιον πνεῦμα ἔμεινεν ἐν τῇ τεθεωμένῃ σαρκὶ αὐτοῦ, ἣν ἐσθίοντες ἡμεῖς ἐν τῷ ἄρτῳ, μεταβαλλομένῳ διὰ τοῦ Πνεύματος καὶ γινομένῳ εἰς σάρκα Χριστοῦ, ζῶμεν ἐν αὐτῷ ζῶσαν καὶ τεθεωμένην σάρκα ἐσθίοντες.

διὰ τῆς ἀποκαλύψεως Τὸ πνεῦμα, τὸ ὕδωρ καὶ τὸ αἷμα· καὶ οἱ τρεῖς εἰς τὸ ἕν εἰσι· δηλονότι τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ· ὅ καὶ κατὰ τὸν καιρὸν τῆς τοῦ κυρίου σταυρώσεως δῆλον γέγονεν· ὁπηνίκα τὸ αἷμα καὶ τὸ ὕδωρ ἐκ τῆς ἀχράντου πλευρᾶς αὐτοῦ ἐῤῥευσε, λόγχῃ νυγείσης αὐτοῦ τῆς σαρκός. τὸ δὲ ζῶν ἅγιον πνεῦμα ἔμεινεν ἐν τῇ τεθεωμένῃ σαρκὶ αὐτοῦ, ἣν ἐσθίοντες οἱ πιστοὶ ἐν τῷ μεταβαλλομένῳ ἄρτῳ διὰ πνεύματος ἁγίου εἰς σάρκα Χριστοῦ ζῶμεν ἐν αὐτῷ, ὡς ζῶσαν καὶ τεθεωμένην σαρκα ἐσθίοντες.

Сходство въ указанномъ нами другомъ параллельномъ мѣстѣ еще полнѣе.

Изъ трактата Никиты Стиѳата:
(Biblioth. ecclesiast. p. 25—26).

Καὶ οὐχ ἅπαξ εἶπεν ἄρτον, ἀλλὰ πολλάκις. Καὶ οὐχ οὗτος τοῦτο λέγει μόνος, ἀλλὰ καὶ οἱ λοιποὶ τῶν εὐαγγελιστῶν. Καὶ ὁ μὲν Ματθαῖος φησίν· „ἐσθιόντων δὲ αὐτῶν λαβὼν τὸν ἄρτον ὁ Ἰησοῦς“· ὁρᾷς, ἄρτον καὶ οὗτος φησι· „καὶ εὐχαριστήσας ἔκλασε καὶ ἐδίδου τοῖς μαθηταῖς καὶ εἶπε, λάβετε, φάγετε. Ὁμοίως δὲ τὰ αὐτὰ καὶ Μάρκος φησὶ καὶ οἱ λοιποί, καὶ οὐδαμοῦ ἄζυμον παρ' αὐτῶν μνημονεύεται. Ἐπειδὴ δὲ

Изъ посланія Петра Александрійскаго:
(Acta et scripta p. 220—221).

Καὶ οὐχ ἅπαξ εἶπεν ἄρτον, ἀλλὰ καὶ πολλάκις. Καὶ οὐχ οὗτος τοῦτο λέγει μόνος, ἀλλὰ καὶ οἱ λοιποὶ τῶν εὐαγγελιστῶν. Καὶ ὁ μὲν Ματθαῖός φησιν· „ἐσθιόντων δὲ αὐτῶν λαβὼν ὁ Ἰησοῦς τὸν ἄρτον“· ὁρᾷς, ἄρτον καὶ οὗτος φησι· „καὶ εὐχαριστήσας ἔκλασε καὶ ἔδωκε τοῖς μαθηταῖς καὶ εἶπε· λάβετε, φάγετε. Ὁμοίως δὲ τὰ αὐτὰ καὶ ὁ Μάρκος φησὶ καὶ οἱ λοιποί. Καὶ οὐδαμοῦ ἄζυμον παρ' αὐτοῖς μνημονεύεται. Ἐπεὶ δὲ

παθεῖν ἔδει τὸν Χριστὸν κατὰ τὴν ἡμέραν αὐτὴν τοῦ νομικοῦ πάσχα, καθ' ἣν καὶ ὁ ἀμνὸς παρὰ τῶν Ἰουδαίων ἐθύετο· ἔμελλε γὰρ γίνεσθαι τὸ πάσχα παρὰ τῶν θεοκτόνων παρασκευῇ ἡμέρᾳ· ἐν ᾗ τηνικαῦτα καὶ ἡ τεσσαρεσκαιδεκάτη τῆς σελήνης κατὰ τὸν πρῶτον μῆνα ἐν τῷ πεντακισχιλιοστῷ τετάρτῳ ἔτει ἐμπεσεῖν ἔτυχε· κύκλος γὰρ ἦν ὁ ὀκτωκαιδέκατος τοῦ ἡλίου καὶ πέμπτος τῆς σελήνης· ἵνα μὴ παραδοθεὶς οὐ φθάσῃ τὸ οἰκεῖον πάσχα τοῖς μαθηταῖς παραδοῦναι, ἀναπεσὼν ἐν τῷ δείπνῳ κατὰ τὴν ὀψίαν τῆς πέμπτης μετὰ τὸ δειπνῆσαι λαβὼν ἄρτον καὶ κλάσας παρέδωκε τοῖς Ἀποστόλοις τὸ μυστήριον τῆς καινῆς διαθήκης ἐν τῇ νυκτὶ τῆς πέμπτης, ἐν ᾗ καὶ παρεδόθη ὑπὸ τοῦ Ἰούδα, καθὼς γέγραπται. Ἀλλὰ, τί φησι καὶ Λουκᾶς ὁ εὐαγγελιστὴς καὶ ἀπόστολος; Λαβὼν ἄρτον καὶ εὐχαριστήσας ἔκλασεν. Ἰδοὺ καὶ ὁ Λουκᾶς ἄρτον εἶπε λαβεῖν τὸν Χριστὸν καὶ οὐκ ἄζυμον· οὐ γὰρ ἔτι ἦν τηνικαῦτα πέμπτης οὔσης ἡμέρας· τρισκαιδεκαταία γὰρ ἦν ἡ σελήνη τῇ πέμπτῃ ἐκείνη καὶ οὐκ ἦν ἄζυμα διὰ τὸ μήπο γενέσθαι τὴν ἄρσιν τοῦ ἄρτου. Τὰ γὰρ ἄζυμα τῇ ιέ τῆς σελήνης γίνεσθαι νενομοθετημένον ἦν, τῇ δὲ

παθεῖν ἔδει τὸν Χριστὸν κατὰ τὴν αὐτὴν ἡμέραν τοῦ νομικοῦ πάσχα, καθ' ἣν καὶ ὁ ἀμνὸς παρὰ τῶν Ἰουδαίων ἐθύετο, ἔμελλε γενέσθαι καὶ τὸ πάσχα, παρὰ τῶν θεοκτόνων, παρασκευῇ ἡμέρᾳ· ἐν ᾗ τηνικαῦτα καὶ ἡ τεσσαρεσκαιδεκάτη τῆς σελήνης κατὰ τὸν πρῶτον μῆνα ἐν τῷ εφλδ' ἔτει ἐμπεσεῖν ἔτυχε· κύκλος γὰρ ἦν ιη' τοῦ ἡλίου, καὶ πέμπτος τῆς σελήνης, ἵνα μὴ παραδοθεὶς οὐ φθάσῃ τὸ οἰκεῖον πάσχα τοῖς μαθηταῖς παραδοῦναι, ἀναπεσὼν ἐν τῷ δείπνω κατὰ τὴν ὀψίαν τῆς πέμπτης μετὰ τὸ δειπνῆσαι λαβὼν ἄρτον καὶ κλάσας, παρέδωκε τοῖς ἀποστόλοις τὸ μυστήριον τῆς καινῆς διαθήκης ἐν τῇ νυκτὶ τῆς πέμπτης, ἐν ᾗ καὶ παρεδόθη ὑπὸ τοῦ Ἰοῦδα, καθὼς γέγραπται· Ἀλλὰ τί φησὶ ὁ Λουκᾶς; λαβὼν ἄρτον καὶ εὐχαριστήσας ἔκλασεν. Ἰδοὺ καὶ ὁ Λουκᾶς ἄρτον εἶπε λαβεῖν τὸν Χριστὸν καὶ οὐκ ἄζυμον, οὐ γὰρ ἔτι ἦν τηνικαῦτα, πέμπτης οὔσης ἡμέρας. Τρισκαιδεκαταία γὰρ ἦν ἔτι σελήνη τῇ πέμπτῃ ἐκεινῃ, καὶ οὐκ ἦν ἄζυμον διὰ τὸ μήπω γενέσθαι τὴν ἄρσιν τοῦ ἄρτου. Τὰ γὰρ ἄζυμα τῇ ιέ τῆς σελήνης γίνεσθαι νενομοθετημένον ἦν. Τῇ δὲ ιδ' τόν ἀμνὸν καὶ μόνον θύεσθαι. Διὸ καὶ τὴν μὲν ιδ'

ιδ' τὸν ἀμνὸν καὶ μόνον θύεσθαι. Διὸ καὶ τὴν μὲν ιδ' τοῦ πρώτου μηνὸς τῆς σελήνης πάσχα προσαγορεύει ὁ νόμος, τὴν δὲ ιέ πρώτην τῶν ἀζύμων, ἣν καὶ σάββατον ὠνόμασε· καὶ οὐκ ἦν ἄζυμα κατὰ τὴν πέμπτην ἐκείνην τρισκαιδεκαταίας οὔσης τῆς σελήνης· κατὰ γὰρ τὴν ιέ αὐτῆς νενομισμένον ἦν τὰ ἄζυμα γίνεσθαι, ὥσπερ καὶ τὸν ἀμνὸν κατὰ τὴν τεσσαρεσκαιδεκάτην θύεσθαι, καθ' ἣν ἐτύθη Χριστὸς ὁ ἀμνὸς τοῦ Θεοῦ, ὁ αἴρων τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου. Εἰ δὲ καὶ ὁ Χριστὸς ἐτύθη καὶ ἐσταυρώθη τῇ ιδ' τῆς σελήνης κατὰ τὴν ἡμέραν τῆς παρασκευῆς, τὸ δὲ σάββατον ἦν τῶν ἀζύμων ἡ ἑορτή, πότε τὰ ἄζυμα ἔφαγε; καὶ πότε ταῦτα τοῖς Ἀποστόλοις ἐν τῇ καινῇ διαθήκῃ παρέδωκεν; Ὅτι λέγετε τὰ ἄζυμα παρὰ τῶν Ἀποστόλων ποιεῖν παρελάβομεν· μὴ μετὰ ἀναστῆναι αὐτὸν ἐκ νεκρῶν; Οὐκ ὁρᾶτε ὅτι προδήλως ἀπὸ τῶν πραγμάτων ἐλέγχεσθε; τοῦ πρώτου μηνὸς τῆς σελήνης πάσχα προσαγορεύει ὁ νόμος, τὴν δὲ ιέ πρώτην τῶν ἀζύμων καὶ σάββατον ὀνομάζει. Καὶ οὐκ ἦν ἄζυμα κατὰ τὴν πέμπτην ἐκείνην, τρισκαιδεκαταίας οὔσης τῆς σελήνης. Κατὰ γὰρ τὴν ιέ αὐτῆς νενομισμένον ἦν τὰ ἄζυμα γίνεσθαι, ὥσπερ καὶ τὸν ἀμνὸν κατὰ τὴν ιδ' θύεσθαι, καθ' ἣν ἐθύθη ὁ Χριστὸς ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ, ὁ αἴρων τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου. Εἰ δὲ Χριστὸς ἐθύθη καὶ ἐσταυρώθη τῇ τεσσαρεσκαιδεκάτῃ τῆς σελήνης κατὰ τὴν ἡμέραν τῆς παρασκευῆς, τὸ δὲ σάββατόν ἐστι τῶν ἀζύμων ἡ ἑορτή, πότε τὰ ἄζυμα ἔφαγε καὶ πότε ταῦτα τοῖς ἀποστόλοις ποεῖν ἐν τῇ καινῇ διαθήκῃ παρέδωκεν; ὅτι τὰ ἄζυμα λέγετε παρὰ τῶν ἀποστόλων ποεῖν παρελάβομεν. Μὴ μετὰ τὸ ἀναστῆναι αὐτὸν ἐκ νεκρῶν; οὐχ ὁρᾶτε πῶς προδήλως ἐκ τῶν πραγμάτων ἐλέγχεσθε;

Кромѣ слѣдовъ пассивнаго заимствованія въ посланіи Петра Антіохійскаго къ Доминику Градскому замѣтны еще слѣды болѣе свободнаго заимствованія изъ трактата Никиты Стиѳата. Впрочемъ всѣ эти того и другаго рода заимствованія въ его посланіи являются совсѣмъ въ другой постановкѣ и получаютъ болѣе широкое развитіе и обоснованіе.

Произведенія первыхъ трехъ полемистовъ послужили образцомъ

для посланія митрополита Леонтія. Внѣшняго, буквальнаго заимствованія изъ указанныхъ нами первыхъ полемическихъ произведеній нельзя найти въ посланіи Леонтія, но за то вліяніе первыхъ полемическихъ трудовъ сильно отразилось на содержаніи и образѣ построенія проводимыхъ въ немъ мыслей. Авторъ пользуется трудами всѣхъ трехъ своихъ предшественниковъ слѣд. образомъ: а) беретъ у нихъ всѣ важнѣйшіе пункты разногласія между церквами, выясненные ими, и располагаетъ ихъ въ своемъ трактатѣ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ возникновенія въ полемикѣ; б) заимствуетъ у нихъ и главнѣйшіе доводы и соображенія, но излагаетъ ихъ совершенно свободно, языкомъ болѣе точнымъ и сжатымъ, такъ что его трактатъ относится къ поименованнымъ трактатамъ его предшественниковъ, какъ экстрактъ всего, что представлялось въ нихъ наиболѣе важнаго и цѣннаго, сдѣланный искусной и опытной рукой, съумѣвшей чужое поставить такъ, что оно высмотритъ своимъ. Для нагляднаго разъясненія его манеры пользованія трудами другихъ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько параллельныхъ мѣстъ.

Изъ перваго посланія Льва Ахридскаго.

(Will. p. 57—58).

Ἀλλ' ὅρα μοι πάλιν, τί ψάλλων περὶ τοῦ Χριστοῦ ὁ Δαυὶδ λέγει· „σὺ ἱερεὺς εἰς τὸν αἰῶνα κατὰ τὴν τάξιν Μελχισεδέκ", ὃς πρὸ τοῦ Μωσέως καὶ τοῦ Ἀβραάμ ἀπό τε τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς καὶ τῶν λοιπῶν κτισμάτων γνοὺς τὸν θεὸν ἐκ παρθένου καὶ ἀγενεαλογήτως ἐν τοῖς λογίοις φερόμενος καὶ ἀρχιερεὺς λεγόμενος, ἀναστὰς ἔδωκεν αὐτῷ ἄρτον καὶ οἶνον, τὴν καθ' ἡμᾶς ἐν τούτοις ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ θείαν λατρείαν ἄνωθεν προτυπῶν. διὰ

Изъ посланія митрополита Леонтія.

(Синод. библ. рукоп. № 366. f. 95 verso).

Τί οὖν αἱ γραφαὶ διεξίασι· σὺ ἱερεὺς εἰς τὸν αἰῶνα κατὰ τὴν τάξιν Μελχισεδέκ". κατὰ τῆν τάξιν Μελχισεδέκ εἶπεν ἡ γραφή, ἢ κατὰ τὴν τάξιν Ἀαρών; κατὰ τὴν τάξιν Μελχισεδέκ. τί οὖν Μελχισεδὲκ προσήνεγκεν; ἄρτον καὶ οἶνον· τί δὲ Ἀαρὼν; θυσίας εἰς τύπον τοῦ Χριστοῦ, ὃς ετύθη ὑπὲρ ἡμῶν, καὶ ἄζυμα καὶ πικρίδας εἰς τύπον τῶν κακοπαθειῶν, καὶ τῆς νεκρώσεως τῆς προπατορικῆς ἁμαρτίας. Τίνα οὖν δεῖ τελεῖν ἡμᾶς· ἃ προσ-

τοῦτο λέγει ὁ θεῖος ἀπόστολος, ὅτι „εἰ ἡ τελείωσις διὰ τῆς λευϊτικῆς ἀρχιερωσύνης ἦν, οὐκ ἄν κατὰ τὴν τάξιν Μελχισεδὲκ ὁ Χριστὸς ἱερεὺς ἐλέγετο“ καὶ ὅτι „μετατιθεμένης τῆς ἱερωσύνης ἐξ ἀνάγκης καὶ νόμου μετάθεσις γίνεται.

ήνεγκεν ὁ Μελχισεδέκ, ἤ ἃ προσήνεγκεν ὁ Ἀαρών; ἃ προσήνεγκεν ὁ Μελχισεδέκ. κατὰ γὰρ τὴν τούτου τάξιν, ἱερεὺς ὁ Χριστός, καὶ οὐ κατὰ τὴν τάξιν Ἀαρών.

Изъ втораго посланія Льва Ахридскаго.

(Синод. библ. ркп. № 208 л. 335 recto).

Δύο οὖν ζύμαι εἰσὶ· μία ἡ κατ' ἀρετὴν... καθὸ νοεῖται καὶ τὸ, ὡμοιώθη ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ζύμῃ. Ἑτέρα δὲ ζύμη ἡ τῆς κακίας, ἐν ᾗ ζυμωθεὶς Ιούδας παρέδωκε τὸν Χριστὸν, καὶ οἱ λοιποὶ οἱ κατ' ἐκεῖνον τοῖς ὁμοίοις μολυνόμενοι πάθεσι.

Изъ посланія митрополита Леонтія.

(Ibid. л. 97 recto).

Διττὴ ἡ τῆς ζύμης εἰκών· καὶ φαύλη... ἡ αἰγυπτιακὴ καὶ πάσα ἡ ὁμοία· καλὴ δε, ᾗ ὡμοίωται ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν...

(Тамъ же л. 98 recto).

Διττὴ γὰρ ἡ ζύμη, ὡς φθάσαντες εἴπομεν· ἡ μὲν, φαύλη· ὡς ἡ φαρισαϊκὴ καὶ αἰγυπτιακὴ· ἡ δὲ, ἀγαθὴ. ὡς ᾗ ὡμοίωται ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν...

Изъ трактата Никиты Стиѳата.

(Biblioth. eccles. p. 20).

Θείαν δε φύσιν τίς ἄν καὶ εἴποι ποτέ, κύριος ὢν λογισμοῦ, τὴν ἄζυμον καὶ νεκρὰν ζύμην τῶν Ἰουδαίων, ἣν εἰς θυσίαν ὑμεῖς τῷ Θεῷ ἀναφέρετε, καὶ ἦν ὡς ἀντίτυπον τῆς ζώσης σαρκὸς τοῦ

Изъ посланія митрополита Леонтія.

(Ibid. f. 96 recto).

Ὅστε ὁ μὴ τρώγων αὐτοῦ τὴν ζῶσαν σάρκα, τὰ ἄζυμα δὲ τὰ νεκρὰ, οὐ ζήσεται. Κακοπαθείας μνήμη τὸ ἄζυμον· [1]) ἡ δὲ, φθορᾶς· ἡ δὲ, νεκρώσεως. Ἀνάμνησις Χριστοῦ τὸ ἔνζυμον· ὁ δε

[1]) Ὁ Μωσῆς ἐσθίειν τοῖς ἀθλίοις Ἰουδαίοις ἅπαξ τοῦ ἐνιαυτοῦ προσέταξε καὶ ἐνομοθέτησε [ἄζυμα] λέγων, ὅτι κακοπαθείας ταῦτα καὶ λύπης σύμβολα εἰσίν. (Leonis. Achrid. epist. Will. p. 57).

Κυρίου ἐσθίετε; πῶς δὲ καί κοινωνίαν ἕξετε μετὰ Χριστοῦ τοῦ ζῶντος Θεοῦ τὴν νεκράν, καὶ ἄζυμον ἐσθίοντες ζυμὴν τῆς τοῦ νόμου σκιᾶς, καὶ οὐ τῆς καινῆς διαθήκης; Ἐάν γὰρ καὶ τούτο ἔιπητε, ἀλλ' οὐχ οὕτως ἔχει. Φησὶ γὰρ ἠγαπημένος τοῦ Χριστοῦ μαθητὴς· „Ἐὰν ἔιπωμεν, ὅτι κοινωνίαν ἔχομεν μετὰ Χριστοῦ, καὶ ἐν τῷ σκότει περιπατῶμεν, ψευδόμεθα, καὶ οὐ ποιοῦμεν τὴν ἀλήθειαν. Ἐαν δὲ ἐν τῷ φωτὶ περιπατῶμεν, ὡς αὐτός ἐστὶν ἐν τῷ φωτὶ, κοινονίαν ἔχομεν μετ' ἀλλήλων καὶ τὸ ἅιμα Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ ὑιοῦ αὐτοῦ καθαρίζει ἡμᾶς ἀπὸ πάσης ἁμαρτίας". Ὁ οὖν ἄζυμα ἐσθίων ἐν σκότει τοῦ νόμου περιπατεῖ, καὶ πῶς κοινωνίαν ἕξει μετὰ Χριστοῦ τοῦ ὄντος ἐν τῷ φωτὶ τῆς καινῆς αὐτοῦ διαθήκης καὶ χάριτος;

Изъ посланія Петра Антіохійскаго къ Доминику Градскому.

(Will p. 223—224).

Τὰ δὲ ῥητὰ τῶν τριῶν εὐαγγελιστῶν οὐκ ἐναντίωσιν τινα καὶ διαφωνίαν ἔχει πρὸς τὸ ῥητὸν τοῦ εὐαγγελιστοῦ Ἰωάννου εἰπόντος· Πρὸ δε τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα καὶ τὰ ἑξῆς. Πρώτην γὰρ τῶν ἀζύμων δίδωσιν ἡμῖν ἐννοεῖν τὰ θεῖα εὐαγγέλια, τὴν δεκάτην τοῦ ζωῆς καὶ ἀναστάσεως καὶ τῆς σύν αὐτῷ διαγωγῆς, ὅς ἐστι φῶς καὶ ζωή. Τί οὖν μιγνύομεν τὰ ἄμικτα· τίς κοινωνία φωτὶ πρὸς σκότος, ζωῆ πρὸς θάνατον· ἀναστάσει πρὸς νέκρωσιν· Χριστῶ πρὸς βελίαρ· Χριστοῦ φωνὴ· τοῦτο ποιεῖτε εἰς τὴν ἐμὴν ἀνάμνησιν, ἔνζυμον δῆλαδή. Καινὴ γὰρ διαθήκη κατ' αὐτὸν ἐστι· καὶ ὁ ἐιπὼν καινὴν πεπαλαίωκε τὴν πρώτην, τὴν τὰ ἄζυμα λέγω ἔχουσαν. Βελίαρ φωνή· τελεῖτε τὰ σκιώδη καὶ ἰουδαικὰ μετὰ τὸ λάμψαι τὸν ἥλιον τῆς δικαιοσύνης.

Изъ посланія митрополита Леонтія.

(Ibid. л. 97 verso).

Πρώτην τῶν ἀζύμων, τὴν πρὸ τῶν ἀζύμων φησὶν ὁ εὐαγγελιστὴς, κατὰ τὸν μέγαν Χρισόστο-

πρώτου μηνὸς προπαρασκευήν τινα οὖσαν τοῦ πάσχα, μετὰ καὶ τῶν ἄλλων τριῶν ἡμερῶν, ἤγουν τῆς ἐνδεκάτης, τῆς δωδεκάτης καὶ τῆς τρισκαιδεκάτης... Ὁ γὰρ παρ' ἡμῖν δύναται ἡ λεγομένη μεγάλη ἑβδομὰς, ἑτοιμασία τις οὖσα καὶ προεόρτιος τῶν τε ἁγίων παθῶν καὶ τῆς τοῦ Κυρίου καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐκ νεκρῶν ἀναστάσεως, τοῦτο καὶ παρ' Ἑβραίοις ἡ τετρὰς ἐκείνη τῶν ἡμερῶν, προπαρασκευή τις οὖσα τοῦ νομικοῦ πάσχα νενόμιστο.

μον Ἰωάννην· αὕτη δέ ἐστιν ἡ δεκάτη τοῦ μηνός· ἐν ταύτῃ γὰρ ἡτοιμάζετο τὸ νομικὸν πάσχα, ἤτοι ἐλαμβάνετο κατὰ τὸν νόμον ὁ πρὸς φαγὴν ἀμνὸς, ὁ εἰς τύπον τοῦ Κυρίου· ἐτηρεῖτο δὲ ἄχρι τῆς ιδ' καὶ ἐν αὐτῇ ἐθύετο πρὸς ἑσπέραν, καὶ μετ' αὐτὸν ἠσθίοντο τὰ ἄζυμα, ὥστε εἰ μὴ ἐλήφθη ὁ ἀμνός, οὐκ ἄν ἐτύθη· εἰ μὴ ἐτύθη, οὐκ ἄν τὰ ἄζυμα... Καὶ ἡμεῖς δὲ κατὰ τὸν τύπον, πρώτην τῶν ἁγίων παθῶν καὶ μεγάλην καλοῦμεν, τὴν ἁγίαν δευτέραν, οὐχ ὅτι ἐν αὐτῇ ἐτύθη ὁ Χριστός, ὡς οὐδ' ἐν τῇ δεκάτῃ τοῦ μηνὸς ὁ ἀμνὸς· ἀλλ' ὅτι ἀπὸ ταύτης ἤρξατο λαμβάνεσθαι εἰς ἐνέδρας πρὸς θάνατον, ὡς ὁ τύπος. Ἀρίθμησον ἀπὸ τῆς μεγάλης δευτέρας ἄχρι τῆς παρασκευῆς, ἐν ᾗ ἔπαθεν ὁ Χριστὸς, τὰς ἡμέρας καὶ τὰς ἀπὸ δεκάτης μέχρι τῆς ιδ', ἐν ᾗ ὁ ἄμνος ἐθύετο, καὶ εὑρήσεις συναδούσας αὐτάς.

Большею типичностію сравнительно съ посланіемъ Леонтія отличаются трактаты Никиты Никейскаго и трактатъ съ именемъ Никиты Давида Пафлагонскаго.

Изъ полемическихъ произведеній XII вѣка по вопросу объ опрѣснокахъ особенною самостоятельностію отличаются посланіе патріарха антіохійскаго Іоанна и оба трактата митрополита Никейскаго Евстратія. Полемическіе трактаты Евстратія въ своемъ содержаніи и изложеніи отличаются такою самостоятельностію, какая только могла

быть возможна въ полемическихъ произведеніяхъ по вопросу объ опрѣснокахъ XII вѣка. По крайней мѣрѣ, кромѣ трактата съ именемъ Никиты Пафлагонскаго нельзя указать какими еще источниками пользовался Евстратій при составленіи своихъ сочиненій. Впрочемъ, даже и къ этому своему источнику онъ относится вполнѣ свободно. Излагая по нему доказательства того, что тайная вечеря была совершена въ 13 день мѣсяца, за день до законной пасхи, Евстратій не слѣдуетъ ему съ буквальною точностію, вноситъ въ него новые доводы и вообще шире и яснѣе развиваетъ его содержаніе, такъ что въ его разсужденіи о пасхальной вечери оказывается много вполнѣ самостоятельнаго. Свое отношеніе къ указанному нами источнику и къ руководящимъ его источникамъ вообще совершенно вѣрно объясняетъ самъ авторъ. Во второмъ своемъ трактатѣ объ опрѣснокахъ, приступая къ опроверженію того мнѣнія латинянъ, что Христосъ совершилъ съ своими учениками послѣднюю пасхальную вечерю на опрѣснокахъ и опрѣснокъ назвалъ тѣломъ своимъ, Евстратій говоритъ: „Уже прежде насъ одинъ древній мужъ (ἀνὴρ παλαιὸς), проведшій свою юность въ изученіи всевозможныхъ свѣтскихъ наукъ, а всего болѣе потрудившійся въ изъясненіи всесвятаго писанія, приложилъ особенное стараніе выяснить, что Господь совершилъ тайную вечерю прежде законной пасхи и что тогда еще не было уничтожено квасное, что онъ совершенно ясно и доказалъ, воспользовавшись для этого св. писаніемъ... Мы нисколько не считаемъ неумѣстнымъ, если кстати воспользуемся старѣйшими насъ трудами не потому, что мы сами не могли бы выяснить этого, но потому, что все то изслѣдованіе найдено нами справедливымъ, а потому и показалось намъ достойнымъ принятія“. Чтобы нагляднѣе показать, какъ пользуется Евстратій трактатомъ съ именемъ Никиты Пафлагонскаго, мы сопоставимъ въ параллельныхъ колоннахъ мѣста изъ обоихъ авторовъ, относящіяся къ примиренію сказаній евангелистовъ о днѣ тайной вечери.

Изъ трактата съ именемъ Никиты Пафлагонскаго. (рук. Синод. библ. № 368 л. 114).	Изъ трактата Евстратія Никейскаго. (рук. Синод. библ. № 366. л. 40).
Πῶς οὖν τῶν εὐαγγελιστῶν	Εἰ οὖν ἀνάγκη μὴ πρὸς ἑαυτὰ

ἕκαστος καὶ ἑαυτῷ καὶ τοῖς λοιποῖς. καὶ τοῖς μωσαικοῖς ἀσύμφωνος ἔμελλεν εἶναι· ἑνὸς ὄντος τοῦ ἁγίου πνεύματος· τοῦ διὰ πάντων λαλοῦντος. Εἰ ἁπλῶς οὐτωσὶ τῇ πρώτῃ τῶν ἀζύμων ἀκούρμεν. ἐν ᾗ ἐσθίειν ἄζυμα ἤρχοντο· ἥτις ἦν ἡ ιε'· προδηλότατον ἀσυμφωνία. καὶ οὐκ ἀμφίβολος. αὐτὸ δὲ τοῦτο μάλιςα πείθειν ἱκανόν· ὅτι οὐκ ἄν ἐν τοῖς οὕτως ὁμολογουμένοις ἀντιφθέγγεσθαι ἤμελλον. διὸ οὕτως ἄλογον διεγείρειν πρὸς ζήτησιν· τῶν ἡμερῶν ἅμα, τί ἄν ἔιη τῶν γεγραμμένων τὸ βούλυμα. Καλῶς καὶ ἀληθῶς τινὲς πρῶτην τῶν ἀζύμων ἀκούουσι· τὴν πρὸ τῶν ἀζύμων ἡμέραν. οὕτω γὰρ ἑαυτοῖς συμφωνήσουσιν ἅπαντες. καὶ αὐτὸς ἔκαςος ἑαυτῷ... Οὖν καὶ τὴν πρὸ τῶν ἀζύμων εὐθυς, πρώτην τῶν ἀζύμων, εἰρήκασιν οἱ εὐαγγελισταὶ. ὁ δὲ Δουκᾶς σαφέςερον εἶπεν· ἦλθε δὲ ἡ ἡμέρα τῶν ἀζύμων ἐν ᾗ ἔδει θύεσθαι τὸ πάσχα. τουτέςι καὶ ἤγγικε. τὰς γὰρ πλησιαζούσας ταῖς ἐλπιζομέναις, τοῖς ἐκείνων καλοῦμεν ὀνόμασι τὸν πλησιάζοντα· τῷ ἔαρι καιρὸν· ἦλθε φαμὲν τὸ ἔαρ· καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ὁμοίως... Οὕτως οὖν ἐγγίζοντος τοῦ πάσχα· ἦλθεν ἑορτὴ τοῦ πάσχα καὶ τῶν ἀζύμων εἴρηκε τουτέςι ἐπλησίασεν... διάφονα, ἀλλ' ἑαυτοῖς διὰ πάντων συνωδὰ καὶ ἀκόλουθα τὰ θεῖα ὑπάρχειν λόγια, ὡς ἐξ ἑνὸς καὶ τοῦ αὐτοῦ ὁρμώμενα πνεύματος, ἀνάγκη καὶ τὴν πρώτην τῶν ἀζύμων, καὶ τὸ ἐλθεῖν τὴν ἡμέραν τῶν ἀζύμων, μὴ ὅυτως ἐκλαμβάνειν ὡς οἱ ἀντιπίπτοντες λέγουσιν. ἀλλὰ νοεῖσθαι, τὸ μὲν τῇ δὲ πρώτῃ τῶν ἀζύμων, ἀντὶ τοῦ, τῇ δε πρὸ τῶν ἀζύμων. ἤτοι τῇ προτεραία τῆς ἄρσεως τῆς ζύμης... Τὸ δὲ ἦλθε δὲ ἡμέρα τῶν ἀζύμων, ἀντὶ τοῦ ἤγγικεν. Εἰώθαμεν γὰρ πολλάκις τὰ μετὰ βραχὺ ἐφίστασθαι ἐλπιζόμενα, ὡς ἤδη παρόντα κατανομάζειν· ὥσπερ ἐγγίσαντος τοῦ ἔαρος, ἐλθεῖν ἤδη τὸ ἔαρ φαμὲν· καὶ ἐγγισάσης ὑγείας τῷ νοσοῦντι μετὰ τὴν παρακμὴν τοῦ νοσήματος, ἐλθεῖν ἤδη τὴν ὑγείαν λέγομεν. καὶ ὅυτως ἔσονται πάντα σύμφωνα καὶ οὐδὲν ἀντικείμενον.

Никита Сеидъ былъ гораздо болѣе зависимъ отъ трудовъ своихъ предшественниковъ въ обличеніи латинянъ, чѣмъ Евстратій Никейскій. Такъ, почти съ буквальною точностію онъ заимствуетъ прежде всего изъ посланія Петра Антіохійскаго къ Доминику Градскому полемическій тезисъ: „быть причастникомъ опрѣсноковъ— значитъ быть причастникомъ древней жертвы, а не жертвы новаго завѣта“. Изъ того же посланія Петра Никита Сеидъ также почти буквально заимствуетъ разсужденіе о томъ, что употребляющіе опрѣсноки подвергаются опасности впасть въ ересь Аполлинарія, съ тою только разницею, что говоритъ положительно, что латиняне впадаютъ въ ересь Аполлинарія. Затѣмъ, онъ заимствуетъ изъ сочиненія Никиты Стиѳата разсужденіе о томъ, что „въ опрѣснокахъ нѣтъ никакой жизненной силы, а въ хлѣбѣ или тѣлѣ Христовомъ находятся три жизненныя и животворныя силы: духъ, вода и кровь“. Наконецъ, въ своемъ полемическомъ сочиненіи Никита Сеидъ сдѣлалъ ссылку кажется на посланіе Льва Ахридскаго словами: „гдѣто нѣкто изъ нашихъ богослововъ говоритъ: законная пасха, я дерзновенно говорю, была несовершеннымъ образомъ образа; законная пасха была темнѣйшимъ образомъ нашей пасхи, а наша пасха совершенно ясно прообразуетъ будущее наше состояніе и истину, что этотъ богословъ называетъ также пасхою“. Хотя это мѣсто въ посланіи Льва Ахридскаго не соотвѣтствуетъ буквально словамъ Никиты Сеида, но можетъ быть только потому, что послѣдній цитируетъ это мѣсто по памяти. Во всякомъ случаѣ, идеи и основные взгляды, проводившіеся въ посланіяхъ Льва Ахридскаго, были вполнѣ усвоены Никитою Сеидомъ, какъ это ясно видно изъ всего его сочиненія, спеціально посвященнаго вопросу объ опрѣснокахъ.

Указанныя нами мѣста заимствованій въ сочиненіи Никиты Сеида мы сопоставимъ съ ихъ оригиналами, такъ какъ изъ этого сопоставленія яснѣе всего можно видѣть, какъ онъ пользовался своими источниками.

Изъ посланія Петра Антіохійскаго.

(Will. p. 214).

Τό γὰρ μετέχειν ἀζύμων τῆς παλαιᾶς θυσίας μετέχειν ἐστὶ καὶ οὐ τῆς καινῆς διαθήκης. οὐδὲ γὰρ ἄζυμον λαβὼν ὁ Κύριος εὐχαριστήσας ἔκλασε καὶ τοῖς μαθηταῖς ἔδωκεν, ἀλλ' ἄρτον, ὡς οἱ τέσσαρες εὐαγγελισταὶ ὁμοφρονοῦντες διεβεβαιώσαντο καὶ Παῦλος μαρτυρεῖ ὁ ἀπόστολος.

(Ibid. p. 225—226).

Οἱ δὲ ἀζύμων μετέχοντες κινδυνεύουσι λανθανόντως εἰς τὴν τοῦ Ἀπολλιναρίου περιπίπτειν αἵρεσιν. Ἐκεῖνος γὰρ σῶμα μόνον ἄψυχον καὶ ἄνουν ἐτόλμησεν εἰπεῖν λαβεῖν τὸν υἱὸν καὶ λόγον τοῦ θεοῦ ἐκ τῆς ἁγίας παρθένου, ἀρκεῖν λέγων ἀντὶ ψυχῆς καὶ νοὸς τὴν θεότητα. Καὶ οἱ τὰ ἄζυμα προσκομίζοντες νεκρὰν σάρκα καὶ οὐχὶ ζῶσαν προσφέρουσιν. Ἡ γὰρ προζύμη ἀντὶ ψυχῆς τῷ φυράματι γίνεται καὶ τὸ ἅλας ἀντὶ τοῦ νοὸς, ἃ μὴ ἔχον τὸ ἄζυμον πῶς οὐκ ἄψυχον ἐστι καὶ νεκρὸν καὶ τῷ ὄντι νεκροποιόν; ὁ γὰρ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς, τέλειος ὢν θεὸς καὶ τέλειος ἄνθρωπος, διπλοῦς τὴν φύσιν, ἀλλ' οὐ τὴν ὑπόστασιν, σῶμα ἔμψυχόν τε καὶ ἔννουν ἐκ τῆς ἀειπαρθένου προσλαβόμενος διὰ τελείου ἄρτου

Изъ сочиненія Никиты Сеида.

(рукоп. № 368, л. 222 recto).

Τὸ γὰρ μετέχειν ἀζύμων τῆς παλαιᾶς θυσίας μετέχειν ἐςὶν, οὐ τῆς καινῆς διαθήκης. οὐ γὰρ ἄζυμον λαβὼν ὁ Κύριος καὶ εὐχαριςήσας ἔκλασε καὶ ἔδωκε τοῖς μαθηταῖς, ἀλλ' ἄρτον, ὡς οἱ τέσσαρες εὐαγγελιςαὶ συμφωνοῦσι καὶ Παῦλος μαρτυρεῖ ὁ ἀπόστολος.

(Ibid. л. 223).

Ἄζυμα ἐσθίοντες ἀντὶ τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ, εἰς τὴν Ἀπολιναρίου ὡς οὐκ οἴδατε περιπίπτετε αἵρεσιν· σῶμα γὰρ μόνον· ἄψυχόν τε καὶ ἄνουν εἶπεν ἐκεῖνος λαβεῖν τὸν Χριςὸν, ἐκ τῆς ἁγίας παρθένου Μαρίας. ὅπερ ἐστὶ νεκρὸν. Οἱ οὖν τὰ ἄζυμα ἔτι ἐσθίοντες ὡς ἀντίτυπα τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ, νεκρὰν ἐσθίουσι σάρκα καὶ οὐχὶ ζῶσαν· ἡ γὰρ ζύμη ἀντὶ ψυχῆς τῷ φυράματι γίνεται· τὸ δὲ ἅλας, ἀντὶ νοός. ἃ μὴ ἔχον τὸ ἄζυμον, νεκρόν ἐςι καὶ μωρὸν. νεκροὺς ποιοῦν καὶ μωροὺς τοὺς ἐσθίοντας. εἰς τὸ ἐμπίπτειν αὐτοὺς ἀναισθήτως, εἰς τὴν τοῦ Απολλιναρίου βλασφημίαν καὶ αἵρεσιν· ὁ γὰρ κύριος ἡμῶν· τέλειος ὢν θεὸς, καὶ τέλειος ἄνθρωπος· σῶμα ἔμψυχόν τε καὶ ἔννουν ἔχων, διὰ τοῦ τελείου ἄρτου·

εἰκότως παρέδωκε τὸ τῆς καινῆς διαθήκης μυστήριον εὐλογήσας αὐτὸν καὶ κλάς καὶ εἰπὼν· λάβετε, φάγετε, ὅς ἐστιν ὁ ἐπουράνιος ἄρτος καὶ ζωτικὸς καὶ ζωὴν διδοὺς τοῖς ἐσθίουσιν αὐτὸν· καθὼς ὁ Χριστὸς ἐπηγγείλατο λέγων· ὁ τρώγων μου τὴν σάρκα καὶ πίνων μου τὸ αἷμα ἐν ἐμοί μένει, κἀγὼ ἐν αὐτῷ.

τοῦ διὰ προζύμης τελειουμένου καὶ ἄλατος, εἰκότως παρέδωκεν ἡμῖν τὸ μυςήριον τῆς καινῆς διαθήκης· εὐλογήσας αὐτὸν καὶ εἰπὼν, λάβετε, φάγετε καὶ τὰ ἑξῆς. ἄρτον οὖν μὴ ἐσθίοντες ὦ σοφοὶ ἐν τοῖς μυςηρίοις ὑμῶν, ἀλλ' ἄζυμον, νεκρὰν ἐσθίετε σάρκα· καὶ οὐ σῶμα ζῶν τοῦ Χριςοῦ· ὅς ἐςὶν ἐπουράνιος ἄρτος· ὁ ζωτικὸς καὶ ζωὴν διδοὺς τοῖς ἐσθίουσιν αὐτὸν, τῷ τρόπω ἀντιδόσεως· ἐγὼ γὰρ φησὶν εἰμὶ ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς, ὁ καταβὰς ἐκ τοῦ οὐρανοῦ. καὶ ὁ τρώγων μου τὴν σάρκα καὶ πίνων μου τὸ αἷμα, ἐν ἐμοὶ μένει κἀγὼ ἐν αὐτῷ.

Изъ трактата Никиты Стиѳата. (Biblioth. eccl. t. 1. p. 20—21).

Σκοπεῖτε δὲ ὅτι μὲν ἐν τοῖς ἀζύμοις οὐδεμία τίς ἐστι ζωτικὴ δύναμις· νεκρὰ γὰρ εἰσιν· ἐν δὲ τῷ ἄρτω ἤγουν τῷ σώματι τοῦ Χριστοῦ τρία τὰ ζῶντα καὶ ζωὴν παρέχοντα τοῖς αὐτὸν ἀξίως ἐσθίουσι· τὸ πνεῦμα, τὸ ὕδωρ καὶ τὸ αἷμα, ὡς καὶ αὐτὸς ὁ τοῦ Χριστοῦ ἐπιστήθιος Ἰοάννης σημαρτυρεῖ μου τῷ λόγῳ. Τρεῖς γὰρ εἰσιν οἱ μαρτυροῦντες, λέγων, τὸ πνεῦμα, τὸ ὕδωρ καὶ τὸ αἷμα, καὶ οἱ τρεῖς εἰς τὸ ἓν εἰσιν· δηλονότι τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ· ὃ

Изъ сочиненія Никиты Сеида. (Ibid. 223).

Καὶ σκόπει μοι τὴν τῶν ἀμφοτέρων ποιότητα. τοῦ λόγου τῇ αἱρέσει προσέχων· ἐν τοῖς ἀζύμοις, οὐδὲ μία τίς ἐςι δύναμις ζωτική πῶς γὰρ· νεκρῶν αὐτῶν ὄντων; ἐν δὲ τῷ ἄρτῳ ἤγουν τῷ σώματι τοῦ Χριστοῦ, τὰ ζῶντα τρία· καὶ ζωὴν προσέχοντα τοῖς αὐτὸν ἀξίως ἐσθίουσι· τὸ πνεῦμα· τὸ ὕδωρ καὶ τὸ αἷμα· ὡς καὶ αὐτὸς ὁ τοῦ Χριστοῦ ἐπιςήθιος Ἰωάννης, συμμαρτυρεῖ μοι τῷ λόγῳ· τρεῖς εἰσι λέγων οἱ μαρτυροῦντες· τὸ πνεῦμα· τὸ ὕδωρ·

καὶ κατὰ τὸν καιρὸν τῆς τοῦ Χριστοῦ σταυρώσεως δῆλον γεγονεν, ὁπηνίκα τὸ ὕδωρ καὶ τὸ αἷμα τῆς ἀχράντου πλευρᾶς αὐτοῦ ἔρρευσε, λόγχη νυγείσης· τό δὲ ζῶν καὶ ἅγιον πνεῦμα ἔμεινεν ἐν τῇ τεθεωμένῃ σαρκὶ αὐτοῦ, ἣν ἐσθίοντες ἡμεῖς ἐν τῷ ἄρτῳ, μεταβαλλομένῳ διὰ τοῦ πνεύματος καὶ γινομένῳ εἰς σάρκα Χριστοῦ, ζῶμεν ἐν αὐτῷ ζῶσαν καὶ τεθεωμένην σάρκα ἐσθίοντες· οὕτω δὲ καὶ τὸ αἷμα τὸ ζῶν καὶ θερμότατον αὐτοῦ πίνοντες μετὰ τοῦ ἐκρεύσαντος ὕδατος ἐκ τῆς ἀκηράτου πλευρᾶς αὐτοῦ καθαιρόμεθα πάσης ἁμαρτίας καὶ ζέοντός πληρούμεθα πνεύματος· θερμὸν γὰρ ὄν, ὡς ὁρᾶτε, οἷα δὴ ἐκ τῆς πλευρᾶς τοῦ Κυρίου πινόμενον· ἐπειδὴ ἐκ ζώσης σαρκὸς τῷ πνεύματι καὶ θερμοτάτης Χριστου θερμότατον τὸ αἷμα ἡμῖν καὶ τό ὕδωρ ἐξέβλησεν, ὅπερ ἐν τοῖς τὰ ἄζυμα ἐσθίουσιν, οὐκ ἔχει χώραν γίνεσθαι.

καὶ τὸ αἷμα. καὶ οἱ τρεῖς εἰς τὸ ἕν εἰσί· δηλονότι τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ· ὅ καὶ κατὰ τὸν καιρὸν τοῦ δεσποτικοῦ πάθους, δῆλον γέγονε τοῖς παροῦσιν· ὁπηνίκα τὸ αἷμα καὶ τὸ ὕδωρ, ἐκ τῆς ἀχράντου πλευρᾶς αὐτοῦ ἔρρευσε. λόγχη νυγείσης αὐτου τῆς σαρκός· τὸδὲ ζῶν ἅγιον πνεῦμα ἔμεινεν ἐν τῇ τεθεωμένῃ σαρκὶ αὐτοῦ· ἣν ἐσθίοντες ἡμεῖς· ἐν τῷ μεταβαλλομένω ἄρτῳ διὰ πνεύματος ἁγίου εἰς σάρκα Χριστοῦ, ζῶμεν ἐν ἀυτῷ, ὡς ζῶσαν καὶ τεθεωμένην σάρκα ἐσθίοντες· ὄυτω δὲ καὶ τό ἅιμα τὸ ζῶν καὶ θερμότατον ἀυτοῦ πίνοντες μετὰ τοῦ ἐκρεύσαντος ὕδατος ἐκ τῆς ἀκηράτου πλευρᾶς ἀυτοῦ, καθαιρόμεθα πάσης ἁμαρτίας, καὶ ζέοντος πληρούμεθα πνεύματος· θερμὸν γὰρ ῥῖα δὴ ἐκ τῆς πνευρᾶς τοῦ Κυρίου, τὸ ποτήριον πίνομεν· ἐπειδὴ ἐκ ζώσης τῷ πνεύματι καὶ θερμοτάτης σαρκός τοῦ Χριστοῦ, θερμότατον αἷμα ἡμῖν καὶ τὸ ὕδωρ ἐξέβλυσεν, ὅπερ ἐν τοῖς τὰ ἄζυμα ἐσθίουσιν, οὐκ ἔχει χώραν τοῦ γίνεσθαι.

Относительно къ объему всего сочиненія Никиты Сеида такія заимствованія кажутся все-таки не особенно важными и вполнѣ покрываются обиліемъ собственныхъ витіеватыхъ разсужденій автора.

Степень ученой и литературной зависимости отъ предшествующихъ полемическихъ сочиненій болѣе позднихъ полемическихъ произведеній XII вѣка по вопросу объ опрѣснокахъ достаточно уже

выяснена нами, когда мы разбирали ихъ отношеніе къ нимъ со стороны содержанія.

Самою ничтожною степенью авторской производительности изъ полемистовъ XII вѣка безспорно отличается Іоаннъ Клавдіопольскій. Излагая свой полемическій трактатъ въ формѣ посланія къ одному „достопочтеннѣйшему отцу“, желавшему получить отъ него свѣдѣнія о латинскихъ заблужденіяхъ, авторъ послѣ витіеватаго своего вступленія и общаго указанія и обличенія латинскихъ заблужденій выражаетъ желаніе сказать болѣе подробно „объ опрѣснокахъ и субботахъ“, „собравъ разсужденія объ этомъ мудрыхъ мужей“. Не смотря на то, что онъ не указываетъ своихъ источниковъ, все-таки легко указать откуда онъ взялъ тѣ или другія строки. Онъ послѣдовательно выписываетъ: изъ посланія Петра Антіохійскаго къ Доминику Градскому, изъ перваго посланія Льва Ахридскаго, снова изъ того же посланія Петра Антіохійскаго, опять изъ перваго посланія Льва Ахридскаго, затѣмъ изъ втораго его посланія и, наконецъ, еще разъ обращается къ первому его посланію, которому и слѣдуетъ уже до конца своего трактата. Насколько пассивно авторъ относится къ своимъ источникамъ, всего лучше можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія съ ними всего относящагося въ его произведеніи къ вопросу объ опрѣснокахъ.

Изъ трактата Іоанна Клавдіопольскаго.

(Рукоп. № 368, л. 96 и слѣд.).

Ὅτε συνεδείπνησεν ὁ κύριος τοῖς μαθηταῖς πρὸς ἑσπέραν τῇ μεγάλῃ πέμπτῃ, οὔπω ἦν ἄζυμον παρητοιμασμένον· ἐπειδὴ τῇ μεγάλῃ παρασκευῇ καθ' ἣν ἡ τεσσαρεσκαιδεκάτη τῆς σελήνης συνέπιπτεν, ἔμελλον οἱ ἑβραῖοι θύειν τὸ πάσχα· καὶ πάσαν ἀφέντες μετὰ τοῦ φιλονείκου ἔνστασίν τε καὶ ματαίαν πρόληψιν, προσέχετε

Изъ посланія Петра Антіохійскаго.

(Will. p. 218—220).

Ὅτε συνεδείπνησεν ὁ κύριος τοῖς μαθηταῖς πρὸς ἑσπέραν τῇ μεγάλῃ πέμπτῃ, οὔπω ἦν ἄζυμον παρητοιμασμένον· ἐπειδὴ τῇ μεγάλῃ παρασκευῇ, καθ' ἣν ἡ τεσσαρεσκαιδεκάτη τῆς σελήνης συνέπιπτεν, ἔμελλον ἑβραῖοι θύειν τὸ πάσχα. καὶ πρόσχες μοι ἐνταῦθα πᾶσαν ἀφεὶς μετὰ τοῦ φιλονείκου ἔνστασίν τε καὶ ματαίαν

καλῶς ἐνταῦθα· καὶ γὰρ οὐ νικῆσαι ζητοῦμεν, ἀλλὰ λαβεῖν ἀδελφούς, ὧν τῷ χωρισμῷ σπαρασσόμεθα· φησὶ γὰρ ὁ εὐαγγελιςὴς ἰωάννης θεολόγος ὁ ἀναπεσῶν ἐν τῷ δείπνω ἐπὶ τῷ ςήθει τοῦ κυρίου ἡμῶν ἰησοῦ χριςοῦ. οὗ τίς ἂν καὶ εἴη ἄλλος μαθητὴς ἀξιοπιςότερος. πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα εἰδὼς ὁ κύριος ὅτι ἦλθεν ἡ ὥρα ἵνα μεταβῆ ἐκ τοῦ κόσμου τούτου πρὸς τὸν πατέρα· καὶ τὰ ἐξῆς. τῶ δὲ εἰπεῖν τὸν ἠγαπημένον πρὸ τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα καὶ δείπνου γενομένου, φανερῶς παρέςησεν ὅτι οὐ τῇ ἑσπέρα ἐκείνη ἔλαχεν εἶναι τὸ πάσχα· ἀλλ' οἰκονομία τὶς γέγονεν. ἵνα ἐπεὶ ἔμελλε τῇ νυκτὶ ἐκείνη παραδοθῆναι, παραδῶ τοῖς μαθηταῖς τῆς θείας μυςαγωγίας τὸ μυςήριον. καὶ διὰ τοῦτο εἶπεν· ἐπεθύμησα τὸ πάσχα τοῦτο φαγεῖν μεθ' ὑμῶν· ὥςε δῆλον ἐντεῦθεν εἶναι, ὅτι οὔπω ἦν ὡς ἔιρηται τότε παρασκευασμένον τὸ ἄζυμον. ἀλλ' ἄρτος τὸ παρατεθὲν πρὸ γὰρ τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα ὁ δεῖπνος ἐγίνετο· ἐν ὧ τοῦτον κλάσας ἔδωκε τοῖς μαθηταῖς· καὶ εἶπε· λάβετε· φάγετε. καὶ μαρτυρεῖ τοῦτο πάλιν αὐτὸς ὁ ἠγαπημένος ἐν οἷς εἴρηκεν· ἄγουσι τὸν ἰησοῦν ἀπὸ τοῦ καιάφα εἰς τὸ πραιτώριον ἦν δὲ πρωΐ καὶ αὐτοὶ οὐκ ἐισῆλθον εἰς πρόληψιν. Οὐ γὰρ νικῆσαι ζητοῦμεν, ἀλλὰ προσλαβεῖν ἀδελφούς, ὧν τῷ χωρισμῷ σπαρασσόμεθα. Φησὶ γαρ ὁ εὐαγγελιστὴς Ἰωάννης ὁ θεολόγος, ὁ καὶ ἀναπεσὼν ἐν τῷ δείπνῳ ἐπὶ τῷ στήθει τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, οὗ τίς ἂν καὶ ἄλλος μαθητὴς ἀξιοπιστότερος; Πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα εἰδὼς ὁ Ιησοῦς, ὅτι ἦλθεν αὐτοῦ ἡ ὥρα, ἵνα μεταβῇ ἐκ τοῦ κόσμου τούτου πρὸς τὸν πατέρα καὶ τὰ ἐξῆς. Τὸ δὲ εἰπεῖν τὸν ἠγαπημένον πρὸ τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα καὶ δείπνου γεγενημένου, φανερῶς παρέστησεν, ὅτι οὐ τῇ πέμπτῃ ἔλαχεν εἶναι τὸ πάσχα. Ἀλλ' οἰκονομία τις γέγονεν, ἵνα ἐπεὶ ἔμελλε τῇ νυκτὶ ἐκείνη παραδοθῆναι, παραδῷ τοῖς μαθηταῖς τῆς θείας μυσταγωγίας τὸ μυστήριον. Καὶ διὰ τοῦτο εἶπεν· ἐπιθυμίᾳ ἐπεθύμησα τοῦτο τὸ πάσχα φαγεῖν μεθ' ὑμῶν. Ὥστε δῆλον ἐντεῦθεν εἶναι, ὅτι οὔπω ἦν ὡς ἔιρηται, τότε παρασκευασμένον τὸ ἄζυμον, ἀλλ' ἄρτος τὸ παρατεθὲν. Πρὸ γὰρ τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα ὁ δεῖπνος ἐγένετο, ἐν ᾧ τοῦτον κλάσας ἔδωκε τοῖς μαθηταῖς· καὶ εἶπεν· λάβετε, φάγετε. Καὶ μαρτυρεῖ τοῦτο πάλιν αὐτὸς ὁ ἠγαπημένος ἐν οἷς ἔιρηκεν· Ἄγουσι τὸν Ἰησοῦν ἀπὸ τοῦ καιάφα εἰς

τὸ πραιτώριον, ἵνα μὴ μιανθῶσιν· ἀλλ' ἵνα φάγωσι τὸ πάσχα. καὶ πάλιν ἀυτὸς ἐν ἑτέρω κεφαλαίω λέγει· ὁι οὖν ἰουδαῖοι ἵνα μὴ μείνη ἐπὶ τοῦ ϛαυροῦ τὰ σώματα ἐν τῶ σαββάτω· ἐπεὶ παρασκευὴ ἦν γὰρ μεγάλη ἡ ἡμέρα ἐκείνη σαββάτου· ἠρώτησαν τὸν πιλάτον· καὶ τὰ ἐξῆς.

Καὶ οὐχ ἅπαξ εἶπεν ἄρτον ἀλλὰ καὶ πολλάκις· καὶ οὐχ οὗτος τοῦτο λέγει μόνος. ἀλλὰ καὶ λοιποὶ τῶν εὐαγγελιϛῶν· ὁ γὰρ Ματθαῖος φησὶν. ἐσθιόντων δὲ αὐτῶν, λαβὼν ὁ ἰησοῦς τὸν ἄρτον... ὁμοίως τὰ αὐτὰ καὶ ὁ μάρκος καὶ ὁ λουκᾶς· και οὐδαμοῦ ἄζυμον παῤ αὐτοῖς μνημονεύεται.

Τί δὲ καὶ ὁ παῦλος ἐν τῆ πρὸς κορινθίους ἐπιϛολῆ λέγει· καὶ οὐκ εἶπεν· ὁσάκις γὰρ ἂν ἐσθίητε τὸ ἄζυμον· τὰ γὰρ ἄζυμα, οὔτε ἀνάμνησιν ἔχουσι τοῦ κυρίου οὔτε τὸν θάνατον τοῦ κυρίου καταγγέλλουσιν· ὡς μωσαικὰ καὶ πρὸ χιλίων ἐξακοσιῶν ἐτῶν νομοθετη-

τὸ πραιτώριον, ἵνα δὲ πρωΐ καὶ αὐτοὶ οὐκ εἰσῆλθον εἰς τὸ πραιτώριον, ἵνα μὴ μιανθῶσιν, ἀλλ' ἵνα φάγωσι τὸ πάσχα. Καὶ πάλιν ὁ αὐτὸς ἐν ἑτέρῳ κεφαλαίῳ λέγει· ὁι οὖν Ἰουδαῖοι, ἵνα μὴ μείνη ἐπὶ τοῦ σταυροῦ τὰ σώματα ἐν τῷ σαββάτῳ, ἐπεὶ παρασκευὴ ἦν· ἦν γὰρ μεγάλη ἡ ἡμέρα ἐκείνη τοῦ σαββάτου ἠρώτησαν τὸν Πιλάτον, ἵνα κατεαγῶσιν αὐτῶν τὰ σκέλη καὶ ἀρθῶσιν...

Καὶ οὐκ ἅπαξ εἶπεν ἄρτον, ἀλλὰ καὶ πολλάκις. Καὶ οὐχ οὗτος τοῦτο λέγει μόνος, ἀλλὰ καὶ λοιποὶ τῶν εὐαγγελιϛῶν· Καὶ ὁ μὲν Ματθαῖος φησὶν· ἐσθίοντων δὲ αὐτῶν, λαβὼν ὁ Ἰησοῦς ἄρτον... Ὁμοίως δὲ τὰ αὐτὰ καὶ ὁ Μάρκος φησὶ καὶ οἱ λοιποί. Καὶ οὐδαμοῦ ἄζυμον παῤ αὐτοῖς μνημονεύεται.

Изъ перваго посланія Льва Ахридскаго.

(Will p. 58).

Αὖθις ὁ αὐτος μέγας ἀπόστολος ἐν τῆ πρὸς κορινθίους πρώτη ἐπιϛολῆ... λέγει. Τὰ δὲ ἄζυμα οὔτε ἀνάμνησιν ἔχουσι τοῦ κυρίου, οὔτε τὸν θάνατον αὐτοῦ καταγγέλλουσιν, ὡς μωσαικὰ καὶ χιλίων ἐξακοσίων ἐτῶν νομοθετημένα καὶ διὰ τῆς καινῆς διαθή-

θέντα· καὶ διὰ τῆς καινῆς διαθήκης ἦν τοῦ εὐαγγελίου κατηργήθησις· καὶ παυθέντα.

Ἐπεὶ γὰρ παθεῖν ἔδει τὸν χριςὸν κατὰ τὴν αὐτὴν ἡμέραν τοῦ νομικοῦ πάσχα· καθ' ἣν καὶ ὁ ἀμνὸς παρὰ τῶν ἰουδαίων ἐθύσετο· καὶ παρασκευὴ ἦν· καὶ τηνικαῦτα καὶ τεσσαρεσκαιδεκάτη τῆς σελήνης κατὰ τὸν πρῶτον μῆνα παῤ ἰουδαίοις ἐν τῷ πεντακισχιλιοςῷ τριακοςῷ τετάρτω ἔτει ἐμπεσεῖν ἔτυχε. κύκλος γὰρ ἔτι τοῦ ἡλίου ὀκτωκαιδέκατος· καὶ τῆς σελήνης πέμπτος. ἵνα μὴ παραδοθεὶς ὁ χριςὸς οὐ φθάσῃ τὸ οἰκεῖον πάσχα τοῖς μαθηταῖς παραδοῦναι, ἀναπεσὼν τὸ δειπνῆσαι· λαβὼν ἄρτον καὶ κλάσας παρέδωκε τὸ μυςήριον τοῖς μαθηταῖς τῆς καινῆς διαθήκης, ἐν τῇ νυκτὶ τῆς πέμπτης. ἐν ᾗ καὶ παρεδόθη παρὰ τοῦ ἰούδα καθὼς γέγραπται. καὶ ἄζυμον οὐκ ἦν τηνικαῦτα πέμπτης οὔσης ἡμέρας· τρισκαιδεκαταία γὰρ ἡ σελήνη ἔτι πέμπτη ἐκείνη· τὰ γὰρ ἄζυμα, τῇ ιέ τῆς σελήνης γίνεσθαι νενομοθετημένον ἦν· τῇ δὲ ιδ', τὸν ἀμνὸν καὶ μόνον θύεσθαι. διὸ καὶ τὴν ιδ' τοῦ πρώτου μηνὸς τῆς σελήνης, πασχα προκης ἤγουν τοῦ εὐαγγελίου καταργηθέντα τε καὶ παυθέντα.

Изъ посланія Петра Антіохійскаго.

(Will. p. 220—221)

Ἐπεὶ δὲ παθεῖν ἔδει τὸν Χριςὸν κατὰ τὴν αὐτὴν ἡμέραν τοῦ νομικοῦ πάσχα, καθ' ἣν καὶ ὁ ἄμνος παρὰ τῶν ἰουδαίων ἐθύετο, ἔμελλε γενέσθαι καὶ τὸ πάσχα, παρὰ τῶν θεοκτόνων, παρασκευῇ ἡμέρα, ἐν ᾗ τηνικαῦτα καὶ ἡ τεσσαρεσκαιδεκάτη τῆς σελήνης κατὰ τὸν πρῶτον μῆνα ἐν τῷ, εφλδ' ἔτει ἐμπεσεῖν ἔτυχε· κύκλος γὰρ ἦν ιή τοῦ ἡλίου, καὶ πέμπτος τῆς σελήνης, ἵνα μὴ παραδοθεὶς οὐ φθάσῃ τὸ οἰκεῖον πάσχα τοῖς μαθηταῖς παραδοῦναι, ἀναπεσὼν ἐν τῷ δείπνῳ κατὰ τὴν ὀψίαν τῆς πέμπτης μετὰ τὸ δειπνῆσαι λαβὼν ἄρτον καὶ κλάσας, παρέδωκε τοῖς ἀποςόλοις τὸ μυστήριον τῆς καινῆς διαθήκης, ἐν τῇ νυκτὶ τῆς πέμπτης, ἐν ᾗ καὶ παρεδόθη ὑπὸ τοῦ Ἰούδα, καθὼς γέγραπται. Ἀλλὰ τί φησὶ ὁ Λουκᾶς; λαβὼν ἄρτον καὶ εὐχαριστήσας ἔκλασεν. Ἰδοὺ καὶ ὁ Λουκᾶς ἄρτον εἶπε λαβεῖν τὸν Χριστὸν καὶ οὐκ ἄζυμον, οὐ γὰρ ἔτι ἦν τηνικαῦτα, πέμπτης οὔσης ἡμέρας Τρισκαιδεκαταία γὰρ ἦν ἔτι σελήνη τῇ πέμπτη ἐκείνη, καὶ οὐκ

σαγορεύει ὁ νόμος· τὴν δὲ ιέ, πρώτην τῶν ἀζύμων ὀνομάζει καὶ σάββατον· φεῦ τῆς ἀνοίας ἀγραμμάτου.

И такъ далѣе почти на двѣ страницы идутъ подобныя выписки.

Πῶς δὲ ὁ ἐσθίων τὰ ἄζυμα ἐν αὐτῷ μένει ἅπερ οὐδὲν διαφέρει πηλοῦ πλίνθου καὶ καταξύρου· ἅ τινα μετὰ νηςείας καὶ πικρίδων ὁ μωυσῆς ἐσθίειν τοῖς ἀθλίοις ἰωδαίοις νενομοθέτηκεν ἅπαξ τοῦ ἐνιαυτοῦ λέγων· ὅτι κακοπαθείας ταῦτα καὶ λύπης σύμβολα εἰσὶν· εἰ καὶ ὑμεῖς οἱ φράγγοι καὶ οἱ λογγίβαρδοι δὶ ὅλης τῆς ζωῆς ὑμῶν ἐσθίοντες, οὐκ αἰσχύνεσθε. καὶ τῇ παραδόσει τῶν ἁγίων ἀποςόλων καὶ τῇ διδασκαλία τῶν θεοφόρων πατέρων ἀντιτάσσεσθε· καὶ τοῖς ἰουδαίοις συνερτάζετε.

И далѣе на цѣлыхъ четырехъ страницахъ тянется рядъ подобныхъ же выписокъ то изъ втораго, то изъ перваго посланія Льва Ахридскаго.

ἦν ἄζυμον διὰ τὸ μήπω γενέσθαι τὴν ἄρσιν τοῦ ἄρτου. Τὰ γὰρ ἄζυμα τῇ ιέ τῆς σελήνης γίνεσθαι νενομοθετημένον ἦν· Τῇ δὲ ιδ' τὸν ἀμνὸν καὶ μόνον θύεσθαι. Δυὸ καὶ τὴν μὲν ιδ' τοῦ πρώτου μηνὸς τῆς σελήνης πάσχα προσαγορεύει ὁ νόμος, τὴν δὲ ιέ πρώτην τῶν ἀζύμων καὶ σάββατον ὀνομάζει. Φεῦ τῆς ἀνοίας ἀγραμμάτου...

Изъ перваго посланія Льва Ахридскаго.

(Will. p. 57).

Τὰ δὲ ἄζυμα οὐδὲν διαφέρει λίθου ἀψύκου καὶ πηλοῦ πλινθίνου καὶ κεράμου, κάτω προσκολλημενα τῇ γῇ καὶ τῷ καταξήρῳ πηλῷ προσφυόμενα, ἅ καὶ μετὰ νηστείας καὶ πικρίδων ὁ Μωσῆς ἐσθίειν τοῖς ἀθλίοις Ἰουδαίοις ἅπαξ τοῦ ἐνιαυτοῦ προσέταξε καὶ ἐνομοθέτησε, λέγων ὅτι κακοπαθείας ταῦτα καὶ λύπης σύμβολα εἰσιν.

Изъ втораго посланія Льва Ахридскаго.

(Рукоп. № 208, л. 373).

Καὶ ἐν ἑπτὰ ἡμέραις μόναις προσέταξεν αὐτοὺς ταῦτα ἐσθιειν μετὰ πικρίδων· κἂν οἱ φράγγοι καὶ οἱ λογγίβαρδοι δὶ ὅλης τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐσθίοντες ταῦτα οὐκ αἰσχύνονται.

Кромѣ нѣкоторыхъ весьма слабыхъ попытокъ перефразировать въ иныхъ мѣстахъ свои источники, самостоятельность автора выражается лишь въ подборѣ и расположеніи взятыхъ изъ нихъ выдержекъ. Такимъ образомъ, разсужденіе объ опрѣснокахъ Іоанна Клавдіопольскаго вполнѣ можетъ служить образцомъ компилятивныхъ богословскихъ работъ XII вѣка. Такія произведенія важны лишь тѣмъ, что могутъ служить хорошимъ источникомъ для провѣрки текста тѣхъ памятниковъ, изъ которыхъ заимствовалось ихъ содержаніе.

Наконецъ, что касается древне-русскихъ полемическихъ сочиненій, то они находятся въ полной зависимости отъ византійскихъ полемическихъ произведеній и сравнительно съ ними по вопросу объ опрѣснокахъ не представляютъ почти ничего новаго.

Переходя къ опредѣленію отношенія между полемическими памятниками латинской группы, мы прежде всего должны сказать, что въ латинской полемической литературѣ не встрѣчается такого рѣзкаго различія взглядовъ по поводу дебатировавшихся въ полемикѣ вопросовъ, какое замѣчается въ памятникахъ византійской литературы. Общій тонъ латинскихъ памятниковъ XI вѣка также бранчивый, какъ и греческихъ, но въ первыхъ слышится болѣе прямоты и искренности и менѣе напускнаго паѳоса, нежели въ послѣднихъ, чѣмъ и объясняется ихъ монотонность. Какъ въ письмахъ папы Льва IX, такъ и во всѣхъ немногочисленныхъ послѣдующихъ полемическихъ памятникахъ латинской группы, мы находимъ одинъ общій отвѣтъ на всѣ обвиненія, заявлявшіяся со стороны грековъ, который можно формулировать такъ: всѣ пункты, отмѣчаемые въ полемическихъ сочиненіяхъ восточныхъ богослововъ, какъ нововведенія западной церкви, заимствованныя ею отъ іудеевъ, язычниковъ, или еретиковъ, составляютъ исконное преданіе римской церкви, матери всѣхъ церквей, и, слѣдовательно, обязательны для всѣхъ тѣхъ, которые дорожатъ своимъ спасеніемъ. Въ приложеніи къ отдѣльнымъ пунктамъ полемики этотъ общій отвѣтъ только варьируется.

Однако и въ памятникахъ латинской группы все-таки можно различать два направленія: крайнее, или полемическое, и умѣрен-

ное, или примирительное. Представители перваго направленія не только отличаются особенною неуступчивостію по отношенію къ требованіямъ грековъ объ измѣненіи практики латинской церкви, но изъ положенія оборонительнаго переходятъ въ наступательное и въ свою очередь стараются доказать необходимость измѣненія практики греческой церкви. Представители втораго направленія довольствуются только защитой своей практики, признавая въ тоже время законность и цѣлесообразность практики греческой церкви.

Къ первому изъ этихъ направленій прежде всѣхъ другихъ памятниковъ должно отнести полемическія посланія самаго папы Льва IX. Начавъ свое письмо, написанное въ отвѣтъ на первое письмо Льва Ахридскаго, словами мира и любви, папа высказываетъ сожалѣніе по поводу волненій въ церкви Христовой, происходившихъ и происходящихъ въ ней отъ бывшихъ и существующихъ еретиковъ. „Такіе люди, говоритъ онъ, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо хуже воиновъ, распявшихъ Христа“. Далѣе, хотя также сдержанно, иносказательно и не указывая никого лично, папа, разсуждая о единствѣ церкви и о тѣхъ невзгодахъ, которыя ей приходится переносить отъ разныхъ враждебныхъ нападеній, — называетъ Михаила Керуларія и Льва Ахридскаго воронами, коршунами, грачами и именами другихъ хищныхъ птицъ. Гордыхъ и надменныхъ людей, подъ которыми папа также разумѣетъ виновниковъ письма къ Іоанну Транійскому, онъ называетъ членами антихриста, дикими звѣрями, бегемотами, тельцами. Наконецъ по поводу письма Льва Ахридскаго папа начинаетъ говорить прямо: „Вотъ откуда приходитъ все то, вслѣдствіе чего мы изнываемъ въ невыразимомъ сокрушеніи и стенаніяхъ сердца и тѣла, отъ чего сотрясается вся утроба вселенской матери, отъ чего нѣмѣютъ всѣ чувства христіанъ, отъ чего приходитъ въ замѣшательство и колеблется церковная дисциплина и сила каноновъ. Все это происходитъ отъ того, что ты возлюбленнѣйшій нашъ и еще называемый во Христѣ братъ и предстоятель константинопольскій и ты Левъ Ахридскій, какъ говорятъ, апостольскую и латинскую церковь, съ небывалой заносчивостію и невыразимою дерзостію, не выслушавши, не убѣдивши, открыто осуждаете и особенно за то,

что она дерзаетъ совершать воспоминаніе страсти Господней на опрѣснокахъ. Вотъ неосторожная хула ваша, вотъ нелѣпая хвастливость ваша, когда вы уста свои полагаете на небеси, а языкъ вашъ, пресмыкающійся по земли, силится человѣческими доводами и умствованіями низвратить и поколебать древнюю вѣру. О, если вы не покаетесь, какъ можно скорѣе, то, чего да не будетъ, вы примкнете и причислитесь къ тому хвосту дракона, которымъ онъ увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ на землю (Апок. XII. 4)“ [1]). Вслѣдъ за этимъ папа развиваетъ свой основной полемическій доводъ, что употребленіе опрѣсноковъ въ римской церкви ведетъ свое начало отъ верховнаго апостола Петра и вполнѣ переходитъ къ извѣстному латинскому догмату о главенствѣ римской церкви. Показавъ преимущества римской апостольской каѳедры, папа снова обращается къ виновникамъ присланнаго къ нему письма. „Вы предаете анаѳемѣ самую высшую и апостольскую каѳедру и всѣхъ вѣрнѣйшихъ хронителей ея установленій. Слѣпцы, ослѣпленные столь безстыдною надменностію, какъ вы не понимаете кто вы такіе, что и кому вы дѣлаете?! Вѣдь вы произносите приговоръ надъ тою каѳедрою, которую отнюдь не позволено судить ни вамъ и никому изъ смертныхъ“ [2]). Затѣмъ, въ подтвержденіе высокихъ правъ и преимуществъ римскихъ первосвященниковъ папа пространно излагаетъ подложный документъ, извѣстный подъ названіемъ „Donatio Constantini“ [3]). Высказавъ достоинства римской каѳедры, папа опять обращается къ своимъ противникамъ: „обра-

[1]) Epist. Leonis. IX, cap. V.

[2]) Epist. Leonis IX, cap. X.

[3]) Это—извѣстная подложная грамота Константина Великаго, данная на имя папы Сильвестра, которою императоръ будто бы утверждалъ за папами различныя права и преимущества, становя власть и достоинство римскихъ папъ въ уровень съ властью и достоинствомъ императоровъ. Эта грамота часто встрѣчается и въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ, а при патріархѣ Никонѣ попала даже въ Кормчую. Въ свое время этотъ документъ былъ выдуманъ для служенія двумъ задачамъ папства: развивать свою власть насчетъ государства и насчетъ церкви. Но уже чрезъ два столѣтія, когда папы усились до того, что стали осиливать власть императоровъ, — онъ потерялъ для нихъ всякое обаяніе и сталъ даже стѣснять ихъ притязанія, потому что хотя въ немъ слишкомъ много давалось папамъ, но все-таки меньше того, сколько они стали желать.

зумьтесь же отъ такой своей глупости и латинянъ, истинныхъ католиковъ, этихъ любезнѣйшихъ (familiares) учениковъ Петра, этихъ послѣдователей его наставленій, перестаньте въ насмѣшку называть азимитами, или отнимать у нихъ церкви, или продолжать наносить имъ непріятности, которыя начали наносить, — перестаньте, если хотите нынѣ и всегда имѣть общеніе съ Петромъ".

Крайнею неуступчивостію и желаніемъ перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное проникнуты и отвѣтныя письма папы на письма къ нему константинопольскаго императора и патріарха Михаила Керуларія. Въ письмѣ къ Константину Мономаху послѣ разсужденія о своихъ политическихъ дѣлахъ, папа, между прочимъ, пишетъ: „Братъ нашъ архіепископъ Михаилъ прислалъ намъ убѣдительное письмо о согласіи и единеніи. Къ нему, подающему надежды на столь желанное и необходимое благо, намъ на столько необходимо быть внимательными, насколько съ особенною ясностію мы понимаемъ, что не можетъ считаться въ числѣ учениковъ Христа тотъ, кто презираетъ пользоваться братскимъ миромъ... Но пусть будетъ извѣстно Вашей свѣтлости, что давно уже до нашего слуха дошли вѣсти о многихъ нестерпимыхъ и надменныхъ его поступкахъ. Пылая злобою, онъ воздвигаетъ открытое гоненіе на латинскую церковь, не боится анаѳематствовать всѣхъ тѣхъ, которые участвуютъ въ таинствѣ изъ опрѣсноковъ. Подстрекаемый неслыханнымъ честолюбіемъ, онъ противъ всякаго приличія и права нагло старается подчинить себѣ александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ, лишая ихъ древняго достоинства. Вообще онъ весьма много хочетъ заграбить себѣ, о чемъ точно можешь узнать отъ нашихъ нунціевъ. Если во всемъ этомъ, чего да не будетъ, онъ станетъ упорствовать, то никогда не можетъ получить мира съ нами; нашъ миръ по слову Господа безъ сомнѣнія возвратится къ намъ... Однако, мы надѣемся, что при содѣйствіи милости Божіей онъ не потерпитъ наказанія за такіе свои поступки, но или исправится, или послѣ увѣщаній скоро образумится и окажется не такимъ, какъ о немъ говорятъ, но какимъ мы искренно желаемъ и ожидаемъ, чтобы онъ оказался" [1]).

[1]) Leonis IX,—epist. ad Const. Monomach. Will. p. 88.

Въ письмѣ къ Михаилу Керуларію папа писалъ: „наконецъ, почтенный братъ, мы получили твое письмо къ намъ о дѣлѣ весьма необходимомъ и самомъ желательномъ для всѣхъ христіанъ—о согласіи и взаимномъ единеніи. Какое торжество для дочери отъ примиренія съ своею матерью, послѣ слишкомъ долгихъ и пагубныхъ раздоровъ и несогласій!“ [1]) Затѣмъ, сказавши о томъ, что до него давно уже дошла нехорошая молва о патріархѣ, какъ, напримѣръ, говорятъ, что константинопольскій патріархъ неофитъ — новокрещенный и не по порядку церковныхъ степеней проторгся на епископство, папа упрекаетъ патріарха въ томъ, что послѣдній будто бы, по своему неслыханному честолюбію, старается отнять у патріарховъ александрійскаго и антіохійскаго ихъ древнія права и достоинство и подчинить ихъ своему владычеству и что незаконно и письменно и словесно называетъ себя вселенскимъ патріархомъ. Такимъ образомъ Левъ IX намѣчаетъ пункты, съ которыхъ онъ будетъ нападать на патріарха въ случаѣ упорства послѣдняго во что бы то ни стало продолжать борьбу съ Римомъ, а не склоняться на всѣ его желанія. Изъ слѣдующаго за этимъ краткаго разсужденія въ защиту опрѣсноковъ нельзя не видѣть, что въ поднявшемся вопросѣ о родѣ хлѣба для таинства евхаристіи папа стоитъ, если не на той же точкѣ зрѣнія, какъ самые первые греческіе полемисты эпохи окончательнаго раздѣленія церквей, то и не особенн возвышается надъ ней. По крайней мѣрѣ, онъ также старается подобрать тексты въ пользу употребленія опрѣсноковъ и противъ употребленія кваснаго хлѣба и также не обращаетъ вниманія на дѣйствительный смыслъ и подлинное значеніе приводимыхъ имъ выраженій св. Писанія. Вотъ почему и онъ посылаетъ уколъ религіозно-церковному чувству грековъ, указавъ на то, что, по словамъ св. Писанія, малая закваска портитъ все тѣсто. Послѣ краткой защиты употребленія опрѣсноковъ папа опять напоминаетъ патріарху о величіи римской церкви, о томъ, что римская церковь на несогласныхъ съ нею смотритъ какъ на еретиковъ. Римская церковь до того не есть одна или одинока, т. е. она есть до того

[1]) Leonis IX, epist. ad Mich. Const. archiepiscopum. Will p. 89—92.

вселенская, что если какая-нибудь нація (христіанская) на всемъ земномъ шарѣ, по гордости, не согласна съ нею, то такую націю не должно ни называть, ни считать какою-нибудь церковію, а совершенно никакою. Напротивъ, ее должно считать скопищемъ еретиковъ, сборищемъ раскольниковъ, синагогою сатаны". Въ концѣ своего письма папа снова увѣщеваетъ патріарха: „полно, почтенный братъ,—отстань отъ своихъ суевѣрныхъ мнѣній и не считай себя богатымъ, когда ты, какъ говоритъ Соломонъ, ничего не имѣешь". Папа обличаетъ патріарха въ чрезмѣрной гордости и говоритъ, что не можетъ имѣть мира съ упрямцами, закоснѣвающими въ своемъ заблужденіи. Наконецъ, онъ желаетъ пресѣченія ересей и расколовъ и водворенія мира между любящими законъ Божій. Но само собою понятно, что при такой неуступчивости и такихъ притязаніяхъ римской церкви, заявленныхъ въ письмахъ Льва IX, никакого мира между церквами не могло состояться и самое высказанное желаніе мира кажется слишкомъ неискреннимъ и какъ бы только формальнымъ.

Вѣрнымъ выразителемъ и продолжателемъ духа и направленія папы Льва IX выступилъ въ Константинополѣ глава его легатовъ—кардиналъ Гумбертъ. Весьма вѣроятно, что идея и планъ его сочиненія подъ названіемъ „Dialogus" были выработаны еще въ Римѣ, такъ какъ между письмами папы и сочиненіемъ Гумберта находится полное соотвѣтствіе въ ихъ основныхъ взглядахъ на возбудившееся между церквами дѣло. Самъ папа свой отвѣтъ на письмо Льва Ахридскаго не счелъ полнымъ отвѣтомъ со стороны римской церкви на обвиненія грековъ, а обѣщался дать отвѣтъ грекамъ послѣ—„какъ Богъ вдохновитъ", а въ письмѣ къ Михаилу Керуларію, посланномъ съ легатами, представилъ патріарху только краткую защиту употребленія опрѣсноковъ, замѣтивъ, что „объ этомъ, равно какъ и о многомъ другомъ, въ чемъ ты (т. е. патріархъ) клевещешь на насъ, тебя въ большемъ размѣрѣ снабдятъ свѣдѣніями наши нунціи при пособіи другихъ нашихъ писаній, которыя они несутъ отъ насъ" [1]). Въ связи съ обѣщаніемъ папы дать пол-

[1]) Per alia scripta nostra, quae deferunt—это вѣроятно были инструкціи ле-

ный отвѣтъ на обвиненія латинской церкви греческою оказывается и самое начало Діалога: „при осіяніи благодати святой и нераздѣльной Троицы, въ произволеніи которой мы и рѣчи наши, — вотъ мы и приступаемъ теперь къ отвѣту на ваши письма и ложныя умствованія, чтобы очевидно было, что мы наставлены ученіемъ того верховнаго Петра, который сказалъ: „будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ, имѣя добрую совѣсть, дабы тѣмъ, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, были постыжены порицающіе ваше доброе житіе во Христѣ (1 Петр. III, 15. 16)“ [1]).

Приступая къ опроверженію письма Льва Ахридскаго къ Іоанну Транійскому, Гумбертъ прежде всего сомнѣвается въ томъ, что писать это письмо къ латинянамъ грековъ побудило, по ихъ словамъ, желаніе латинянамъ спасенія и искреннее расположеніе къ нимъ. Свое сомнѣніе въ этомъ онъ подтверждаетъ тѣмъ, что греки около себя и у себя терпятъ многихъ еретиковъ, съ которыми входятъ въ общеніе и, слѣдовательно, не могутъ позаботиться какъ слѣдуетъ и о своемъ спасеніи. „Съ другой стороны“, продолжаетъ Гумбертъ, — „все чистое вамъ представляется какъ бы нечистымъ, когда вы, зажмуривъ глаза противъ себя самихъ и противъ своего, кричите, что святая римская и вся западная церковь опорочена расколомъ и іудействомъ и отвращаетесь отъ нея, какъ отъ какого-нибудь отвратительнаго предмета. Вслѣдствіе этой столь слѣпой и до сихъ поръ неслыханной дерзости вы устремились на то, чтобы превзойти безразсудствомъ всѣхъ еретиковъ, о которыхъ мы до сихъ поръ могли имѣть понятіе. Совершенно вѣрно, что хотя каждая изъ ересей своими новшествами уловила нѣкоторыхъ членовъ церкви, однако никакая изъ нихъ не достигала такого сумасбродства, чтобы мечтать навязывать свое мнѣніе первой и апостольской каѳедрѣ подъ угрозою анаѳемы. Пересмотрите, если хотите, покушенія всѣхъ ересей отъ начала христіанства до самаго нашего времени и вы увидите—мечтала ли такъ какая-нибудь изъ нихъ.

гатамъ, въ которыхъ папа высказалъ также свои соображенія и мнѣнія касательно поднявшихся дѣлъ съ Константинополемъ.

[1]) Humberti Cardinalis Dialogus cap. 1.

А когда не найдете этого, то по крайней мѣрѣ образумьтесь, чтобы, чего да не будетъ, вы не оказались ближайшими предтечами того антихриста, который противится и возстаетъ противъ всего, что именуется и что почитается Богомъ. Стоя на горѣ этой надменности и съ высоты ея думая, что все лежитъ подъ вами, вы говорите, что побуждаемые внутреннимъ расположеніемъ состраданія пишете всѣмъ священникамъ франковъ и достопочтеннѣйшему папѣ. Но не только римскіе и франкскіе священники, но даже вся латинская церковь съ горы дома Господня провозглашаетъ вамъ въ отвѣтъ: „на Господа уповаю; какъ же вы говорите душѣ моей, перелетай на гору, какъ птица (Пс. X, 1)“. Однако того, котораго вы назвали достопочтеннѣйшимъ папою, вы должны были бы почитать, а не проклинать“ [1]).

Такимъ образомъ, обвиненія, взводимыя на латинскую церковь, Гумбертъ старается не только опровергнуть, но съ большею еще силою обратить ихъ на ея противниковъ. При чтеніи Діалога рѣзко выдается тотъ неумѣстный въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ задоръ и то желаніе выставить своего противника съ самой худшей стороны, которые могутъ скорѣе лишь еще болѣе раздражить его, чѣмъ послужить къ взаимному соглашенію сторонъ путемъ снисхожденія другъ къ другу и взаимныхъ уступокъ. Для образца способа опроверженія Гумбертомъ всего содержанія письма Льва Ахридскаго и обрисовки направленія и тона его полемики мы приведемъ изъ его Діалога то, что относится къ опроверженію послѣдняго довода въ письмѣ Льва Ахридскаго противъ опрѣсноковъ.

Константинополецъ. — Тѣ, которые соблюдаютъ субботы съ опрѣсноками и говорятъ, что они христіане, — суть ни іудеи, ни чистые христіане, но подобно кожѣ леопарда, какъ говоритъ Василій Великій, волосы которой ни черны и ни совершенно бѣлы [2]).

---

[1]) Humberti Cardinalis Dialogus cap. 111

[2]) Эта выдержка изъ письма Льва Ахридскаго можетъ быть за ея оригинальность помѣщалась въ нашихъ древнихъ кормчихъ и попала даже въ печатную Іосифовскую кормчую 1650 года. Здѣсь на оборотѣ 296 листа находимъ заглавіе: «Леонта архіепископа болгарскаго отъ тріехъ посланій о тѣхъ же опрѣсноцѣхъ отъ перваго посланія». Подъ этимъ заглавіемъ: «Иже суботы со опрѣсноки храняще и глаголюще христіаны быти, ни жидове ни христіане чисти

Римлянинъ.—О чудная греческая философія, о наука пелазгическая, о аѳинское и академическое остроуміе! Откуда у тебя такое отупѣніе и внезапное головокруженіе? Поистинѣ, по божественному опредѣленію, языкъ твой связанъ тройною веревкою. Да, греки ищутъ такой мудрости, которую простая проповѣдь христіанской вѣры сдѣлала глупою, какъ обѣщалъ Господь: „Погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отверну. Гдѣ мудрецъ? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ вѣка сего? (1 Кор. 1. 20)". Исполненные такого безумія, вы не можете заключать о чемъ-нибудь сообразно съ божественными писаніями и въ сферѣ человѣческихъ писаній выставляете на видъ, что и Василій Великій также ничего не понималъ. Въ самомъ дѣлѣ, это наглая ложь, что тѣ, которые соблюдаютъ субботы и опрѣсноки, — ни іудеи, ни христіане, такъ какъ весьма извѣстно, что такіе люди — іудеи, которые плотскимъ образомъ соблюдаютъ субботы и опрѣсноки. Но и то уходитъ въ безграничную область сомнѣнія и никакимъ образомъ не будетъ логически точно, если опредѣлять, что леопардъ есть такое животное, волосы котораго ни бѣлы, ни черны. О отмѣнные изслѣдователи божественнаго краснорѣчія, о понятливые ученики Василія Великаго, изъ пресвѣтлаго источника ученія котораго вы ничего не были въ состояніи черпать, кромѣ тины, между тѣмъ какъ этотъ ручей небеснаго млека и вѣчнаго меду сталъ бы журчать вамъ, называя римскую и западную церковь госпожею и умоляя ее помочь гибели востока. Теперь, тщетно усиливаясь осилить латинскую церковь, вы вооружаетесь противъ насъ какъ бы мыслію Василія Великаго, которая у васъ гораздо сумасброднѣе извѣстнаго комичнаго пророчества Тиресія [1]): „что я ни скажу,—или сбудется, или нѣтъ". Конечно, къ вамъ подходитъ извѣстное изреченіе сатирика: „Parturiunt montes, nascetur rediculus mus» [2]) (Hor. «De arte poetica

суть. подобни суть кожи рысіи, якоже великій Василій глаголетъ, ей же шерсть ни черна есть, ни отнюдъ бѣла».

[1]) Tiresias—Тиресій,—славный слѣпой предсказатель въ Ѳивахъ. Эта личность встрѣчается въ сочиненіяхъ Цицерона, Овидія, Горація.

[2]) «Гора страдаетъ родами, а родится, смѣшно сказать, мышь»,—древняя пословица о томъ, кто много обѣщаетъ, а мало даетъ, въ русской редакціи — «гора мышь родила»

v. 139). Все-таки, если бы вы молчали, то считались бы мудрыми, такъ какъ житейская мудрость говоритъ: дуракъ, если бы молчалъ считался бы мудрымъ. Впрочемъ глупость ваша всѣмъ извѣстна„ [1]).

Разобравъ все письмо Льва Ахридскаго и въ свою очередь обративъ на голову грековъ всѣ взводившіяся на латинскую церковь обвиненія, Гумбертъ дѣлаетъ такое заключеніе своему Діалогу: „по причинѣ всѣхъ этихъ заблужденій и другихъ, которыя долго излагать письменно, если вы не покаетесь и не принесете должнаго удовлетворенія, неизбѣжно подпадете анаѳемѣ здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ, отъ Бога и отъ всѣхъ православныхъ, за которыхъ Христосъ положилъ свою душу“.

Въ другомъ своемъ полемическомъ сочиненіи—отвѣтѣ или опроверженіи на сочиненіе Никиты Стиѳата, отличающемся тѣмъ же крайнимъ направленіемъ, Гумбертъ позволилъ себѣ даже еще болѣе рѣзкій и неприличный тонъ, чѣмъ какой онъ допустилъ въ своемъ Діалогѣ. „Если бы ты“, начинаетъ Гумбертъ свой отвѣтъ Никитѣ Стиѳату, „хорошенько прочиталъ четвертую главу св. Халкидонскаго собора, то довольствовался бы монашескимъ безмолвіемъ, постами и молитвами въ своемъ монастырѣ, а отнюдь не мѣшался бы въ церковныя дѣла, не производилъ бы безвременныхъ смутъ... Горе тебѣ, сарабаита! Ты забылъ церковныя обязанности и, водимый собственною волею и похотью, страшно залаялъ на святую римскую и апостольскую церковь, на соборы всѣхъ святыхъ отцевъ. Будучи глупѣе осла, ты покушался сокрушить чело льва, стѣну адамантовую. Но въ этомъ своемъ покушеніи ты безъ всякаго сомнѣнія не выступаешь побѣдителемъ лжи и заблужденій, но самъ побѣжденъ ложью. Ты не пресвитеръ (старецъ), а застарѣвшійся во злѣ столѣтній ребенокъ проклятый. Тебя скорѣе можно почесть Епикуромъ, чѣмъ монахомъ. Нельзя и повѣрить, чтобы ты жилъ въ Студійскомъ монастырѣ,—не въ Студійскомъ монастырѣ жить тебѣ, а въ амфитеатрѣ, или же въ публичномъ домѣ... [2]) Неда-

---

[1]) Dialogus,—cap. XLVII и XLVIII.

[2]) Sed in amfiteatro, aut lupanari, quo (sicut quidam patrum dixit) quicumque vult, intrat et solvit asinum.

ромъ прозываешься ты Пекторатомъ (грудистымъ), вмѣстѣ съ исконнымъ зміемъ ты попираешь грудь свою (т. е. возстаешь на римскую церковь). „Отъ избытка бо сердца уста глаголютъ (Матѳ. XII, 34)“. Вотъ отвратительная губка, напояющая отвратительнымъ питьемъ, наполненная всякимъ смертоноснымъ ядомъ, но подслащенная медомъ любви и съ хорошимъ запахомъ смиренія! Ты представилъ изъ такихъ достойныхъ качествъ (изъ любви и смиренія) пріятное начало (своего сочиненія) для того, чтобы при вкушеніи сладости немедленно поглощались желчь дракона и остальной ядъ. Но горе тому, кто напояетъ друга своего возмутительнымъ ядомъ!... Вотъ въ самомъ началѣ своего лая ты выставилъ три пункта, т. е. объ опрѣснокахъ, субботѣ и о бракахъ священниковъ. По поводу ихъ ты такъ и такое изблевалъ, что въ извращеніи божественныхъ опредѣленій ты, кажется, не ниже превратныхъ и бѣшенныхъ собакъ, Юліана и Порфирія. Наконецъ, лѣстницу божественнаго витійства,—сколько въ тебѣ было его,—простертую къ небесамъ, ты направилъ къ аду, чтобы не восходить съ ангелами къ православнымъ, но съ отступниками отъ вѣры уклоняться къ еретикамъ. Вотъ откуда то, что ты, унижая таинство св. римской и апостольской каѳедры, весьма ложно опредѣлилъ, что мы вкушаемъ трапезу іудейскую... [1]).

Гумбертъ опровергаетъ всѣ обвиненія на латинскую церковь, выставленныя Никитою, пересыпая свои доводы ихъ ложности ругательствами: „замолчи собака“, „прикуси, нечестивецъ, свой собачій языкъ“, „дуракъ“, „дьяволъ“, „циникъ“, „анаѳема“ и т. п. Свой трактатъ онъ заключаетъ такими словами: „перестаньте же и не желайте прилѣпляться духамъ лжи и демонскимъ ученіямъ, чтобы здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ возрадоваться съ нами въ истинномъ мирѣ, который есть Христосъ. А ты прежалкій Никита (miserrime Nicela),—будь ты проклятъ отъ всей церкви Христовой со всѣми, которые слушаются твоего превратнаго ученія. Да, желая быть учителемъ божественнаго закона, ты не понимаешь

---

[1]) Humb. Responsio sive contradictio adversus Nicetae Pectorati libellum, cap. I et II.

ни того, что ты говоришь, ни того, что ты утверждаешь. Ты глупъ, а воображаешь себя мудрѣйшимъ семи мужей, говорившихъ притчами. По крайней мѣрѣ, научись когда-нибудь молчать, если не выучился еще говорить“ [1]).

Уже изъ представленныхъ нами выдержекъ можно видѣть, что тонъ сочиненій Гумберта—тонъ памфлета, исключающаго всякую солидность и безпристрастіе въ сужденіяхъ и руководящагося личнымъ раздраженіямъ автора. Вотъ почему, хотя въ первомъ своемъ полемическомъ сочиненіи Гумбертъ высказываетъ мысль, что въ отношеніи къ самому таинству евхаристіи квасный хлѣбъ и опрѣсноки безразличны и истинное почтеніе тѣла Господня должно соединять и съ квасным хлѣбомъ и съ опрѣснокомъ, какъ скоро тотъ или другой хлѣбъ принесенъ въ жертву [2]) и, слѣдовательно, по этому своему взгляду на дѣло онъ стоитъ выше толпы греческихъ полемистовъ строгаго направленія, однако общее направленіе его полемики безъ всякаго колебанія должно признать крайнимъ, въ собственномъ смыслѣ полемическимъ.

Направленіемъ, тономъ и характеромъ сочиненій Гумберта отличается и произведеніе неизвѣстнаго писателя противъ грековъ конца XI столѣтія, который также не довольствуется только защитой употребленія въ евхаристіи опрѣсноковъ, но старается въ свою очередь обличить въ заблужденіяхъ греческую церковь.

„Мы обличаемъ васъ въ томъ“, пишетъ неизвѣстный авторъ, „что вы унижаете таинство Божіе и, какъ змѣи, изострили языки свои противъ Господа (Пс. 63. 4), такъ что нѣкоторые между вами съ первосвященническимъ достоинствомъ произнесли анаѳему на тѣло Христово, со многими поношеніями повергли его на землю и сверхъ того попрали нечистыми ногами кровь нашего искупленія. Это ужасное злодѣяніе должно было устрашить самого діавола. Подлинно, менѣе согрѣшили іудеи, налагая на Іисуса нечестивыя руки, менѣе согрѣшили и демоны побуждающіе и воины распинающіе. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ по невѣдѣнію это дѣлали, ибо если бы

---

[1]) Humb. Responsio... cap. XXXV.

[2]) Dialog. cap. XXIX.

познали, то не распяли бы Господа славы (1 Кор. 11. 8), а вы и познали, но возненавидѣли и, по пророку „возненавидѣли Господа всуе“. Но пусть потерпѣло бы тѣло Господне, которое, когда было хлѣбомъ, было опрѣснокомъ, а кровь Его что заслужила такого, чтобы ее выливать и попирать ногами,—кровь, объ осужденіи которой недопустилъ еще мысли и вашъ приговоръ? Но можетъ быть вы не сочувствовали этому дѣлу и не раздѣляли его? Итакъ, для чего же во время священнаго служенія литургій вы поминаете патріарха Михаила? Для чего епископа ахридскаго Льва и студійскаго монаха Никиту [1]) вы не изглаживаете изъ священныхъ диптиховъ? Для чего, наконецъ, въ нашемъ Господнемъ таинствѣ вы не пріобщаетесь крови? Впрочемъ, можетъ быть отъ прикосновенія къ тѣлу оскверняется кровь, такъ какъ мы читаемъ: „что прикоснется къ нечистому, дѣлается нечистымъ (Лев. XI. 26). Но мы принимаемъ отдѣльно тѣло и отдѣльно кровь и не знаемъ, чтобы кому-нибудь былъ данъ на вечери омоченный хлѣбъ, кромѣ Іуды предателя.“

Равнымъ образомъ, посмотрите какая нелѣпость выходитъ изъ вашего разсужденія о тѣлѣ Христовомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы считаете тѣломъ Господнимъ и то, которое становится такимъ и изъ прѣснаго хлѣба, то почему же вы не принимаете его? Почему не чтите его какъ тѣло Господне? Почему запрещаете, чтобы его не было? Почему нападаете на него съ оскорбленіями? Почему называете его несовершеннымъ и бездушнымъ? Почему вы вмѣстѣ съ своими священнодѣйствующими, изгоняете его изъ церквей? Почему вы предпочитаете ему квасное? Почему вы удаляете чтителей его отъ христіанскаго общенія? Почему вы называете ихъ азимитами? Не имѣлъ ли Христосъ два тѣла: одно совершенное, другое несовершенное, одно одушевленное, другое бездушное, одно прѣсное, другое квасное? Кто вздумаетъ такъ мыслить о тѣлѣ Христовомъ, кромѣ того, который не почитаетъ Христа и не вѣруетъ въ Него? Развѣ такой человѣкъ не хулитъ открыто? Развѣ онъ не востаетъ

---

[1]) «Nicetam abbatem de Studio», во всѣхъ прочихъ памятникахъ Никита называется «monachus», а не «abbas.

на Христа сознательно и намѣренно? Если же вы отрицаете, что хлѣбъ прѣсный становится тѣломъ Христовымъ, то почему же вы не отрицаете совершенно? Въ самомъ дѣлѣ, несовершенное тѣло Христово не есть-ли такое, которое ни въ какомъ случаѣ не есть тѣло Его? Для чего, наконецъ, вы считаете насъ христіанами? Почему вы не обличаете насъ, какъ идолопоклонниковъ? Да, опрѣснокъ-идолъ, если мы почитаемъ его, какъ Бога. Почему вы публично не опровергаете этой нечестивѣйшей ереси и не анаѳематствуете въ церкви римлянъ вмѣстѣ съ прочими еретиками? Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего средняго: или опрѣснокъ есть тѣло Христово, которое для всѣхъ должно быть достопокланяемымъ, или не тѣло Его и долженъ быть презираемымъ, какъ идолъ? Однако, откуда вы полагаете, что опрѣснокъ не можетъ быть тѣломъ, когда никто изъ учителей (церкви) такъ не понималъ этого, когда не противорѣчитъ такому пониманію ни одинъ соборъ? Почему вопреки церковнымъ канонамъ вы пренебрегаете церковными преданіями? Что общаго у прѣснаго или у кваснаго съ тѣломъ Христовымъ? Зачѣмъ вы особенно опровергаете то, чего не знаете? Зачѣмъ вы безразсудно утверждаете о такомъ предметѣ, котораго не знаете?“ [1]).

Представителемъ крайняго направленія въ XII вѣкѣ со стороны латинской церкви выступилъ Анзельмъ епископъ Гавельбергскій. Въ диспутѣ съ Никитою Никомидійскимъ онъ прежде всего выразилъ свое удивленіе по поводу того обстоятельства, что восточная церковь разнствуетъ съ западною въ обрядѣ совершенія таинства евхаристіи „особенно когда объ этомъ имѣется обязательное для всей вселенской церкви общее преданіе предковъ, или, что важнѣе, когда образъ совершенія этого таинства показываетъ собою ненарушимое и всегда содержимое установленіе Господа нашего Іисуса Христа“. „Святая римская церковь“, продолжаетъ Анзельмъ, „и сама употребляетъ въ жертвоприношеніи опрѣснокъ и тоже самое, какъ мать всѣхъ церквей, предала всѣмъ западнымъ церквамъ. Восточная же церковь, отдѣляясь отъ повиновенія римской церкви и отъ единенія съ столь вели-

[1]) Fragmentum disputationis contra graecos, Will p. 256—257.

кимъ христіанскимъ обществомъ, такъ какъ желаетъ лучше совершать нѣчто новое и особенное, чѣмъ содержать общее обыкновеніе,—при совершеніи тѣла Господня ревностно старается употреблять квасный хлѣбъ“ [1]). Защищая практику латинской церкви, Анзельмъ старается выставить ее обязательной и для греческой церкви. „Если авторитетъ тѣхъ, которые управляли у васъ, таковъ, что вы считаете святыми и неприкосновенными всякія установленія ихъ и обращаете вниманіе только на голый авторитетъ установившихъ, а не на истину того, что было установлено, то почему же вы тѣмъ болѣе не принимаете установленій священносвятой римской церкви, которая чрезъ Бога, отъ Бога и послѣ Бога по своему ближайшему мѣсту авторитета пріобрѣла первенство во всей церкви, распространившейся по всему міру“ [2])? Даже когда Никита Никомидійскій высказался на диспутѣ за безразличное употребленіе въ евхаристіи какъ кваснаго, такъ и прѣснаго хлѣба, какъ было это въ древности,—Анзельмъ все-таки замѣтилъ, что хотя лично ему и нравится такое мнѣніе, однако окончательнаго сужденія о немъ должно подождать отъ римскаго первосвященника и повторилъ свое основное положеніе, что константинопольская и вся восточная церковь издревле была и должна быть въ послушаніи у римской, а слѣдовательно должна подражать ей и въ обрядѣ совершенія таинства евхаристіи“ [3]).

Представителемъ примирительнаго направленія на западѣ въ XI вѣкѣ является Доминикъ архіепископъ Градскій, или Венеціанскій. Въ своемъ посланіи къ патріарху Петру Антіохійскому, выставивъ обычай употребленія опрѣсноковъ древнимъ обычаемъ римской церкви, возводимымъ ко временамъ Спасителя, Доминикъ предлагаетъ и обычай восточной церкви совершать евхаристію на квасномъ хлѣбѣ и обычай западной церкви совершать евхаристію на опрѣснокахъ признавать одинаково законными и правильными.

---

[1]) Spicilegium sive collectio veterum aliquot scriptorum, D. L u c a e D'A c h e r y tom. I. Anselmi liber tertius (p. 192—207), cap. II et III.

[2]) Ibid. cap. V.

[3]) Spicilegium sive collectio veterum aliquot scriptorum. D. L u c a e D'A c h e r y, tom. I. Anselmi liber tertius, cap. XV et XVI.

„Такъ какъ святѣйшими отцами восточныхъ церквей священное квасное смѣшеніе (т. е. смѣшеніе муки съ закваской) считается принятымъ и законносодержимымъ, то мы оба обычая признаемъ вѣрными и духовнымъ разумѣніемъ подтверждаемъ ихъ спасительность. Въ самомъ дѣлѣ, квасное смѣшеніе, которое употребляютъ восточные церкви, являетъ природу слова воплощеннаго (т. е. есть символъ двойственной природы Христа), а несмѣшанное тѣсто опрѣсноковъ, которое принимаетъ римская церковь, безъ противорѣчія, представляетъ чистоту человѣческой плоти, съ которой угодно было соединиться Божеству“.

Въ XII вѣкѣ тотъ же взглядъ на разность въ употребленіи хлѣба для евхаристіи проводилъ знаменитый Анзельмъ Кэнтербюрійскій въ своей перепискѣ съ епископомъ Валеранномъ. Послѣдній, между прочимъ, спрашивалъ Анзельма о томъ, какъ должно думать о заблужденіи грековъ—употреблять въ евхаристіи квасный хлѣбъ, а не опрѣсноки. Анзельмъ довольно пространно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Валеранна. Въ основу всего разсужденія о разности между церквами въ употребленіи хлѣба для евхаристіи онъ полагаетъ то мнѣніе, что какъ жертвоприношеніе латинянъ, такъ и жертвоприношеніе грековъ должно считать вполнѣ законнымъ и правильнымъ. „Относительно жертвоприношенія, въ чемъ греки также не соглашаются съ нами, по многимъ каѳолическимъ основаніямъ, можно видѣть, что они совершаютъ его непротивно христіанской вѣрѣ, такъ какъ одинаково приноситъ жертву и освящающій квасный и освящающій прѣсный хлѣбъ. Когда повѣствуется о Господѣ, какъ Онъ содѣлалъ изъ хлѣба свое тѣло, принявъ хлѣбъ и благословивъ его, то не прибавляется—прѣсный или квасный хлѣбъ. Хотя и извѣстно, что Онъ благословилъ опрѣснокъ, но можетъ быть Онъ совершилъ такъ не потому, что этого требовало самое совершавшееся дѣло, но потому, что этого требовала вечеря, на которой оно было совершено. И когда въ другомъ мѣстѣ Онъ назвалъ хлѣбомъ плоть свою (Іоан. VI, 52), поелику подобно тому, какъ этимъ хлѣбомъ человѣкъ живетъ временно, такъ тѣмъ живетъ въ вѣкъ, то Онъ не разумѣлъ исключительно только опрѣснокъ, или исключительно

квасный хлѣбъ, потому что вѣдь и тотъ и другой одинаково хлѣбъ. Въ самомъ дѣлѣ, опрѣснокъ и квасный хлѣбъ не различаются существенно (substantialiter), (какъ нѣкоторые думаютъ), какъ человѣкъ новый до грѣха и человѣкъ, состарѣвшійся въ закваскѣ грѣховной, но вовсе не различаются существенно. Въ силу этого, слѣдовательно, можно признать только то, что Господь и назвалъ плоть свою хлѣбомъ и содѣлалъ изъ хлѣба тѣло свое только потому, что какъ опрѣсночный или квасный хлѣбъ даетъ жизнь временную, такъ тѣло Его—вѣчную. Правда, въ законѣ, гдѣ почти все совершалось образно (in figura) было предписано іудеямъ вкушать въ пасху опрѣсночный хлѣбъ (Исх. XII, 15), чтобы знаменовалось, что Христосъ, котораго они ожидали, имѣлъ быть непорочнымъ и чистымъ, а мы, долженствовавшіе вкушать тѣло Его, равнымъ образомъ пребывали бы чистыми отъ всякаго порока и лукавства. Но теперь, послѣ того какъ мы перешли отъ древняго образа въ новой истинѣ и вкушаемъ опрѣсночную плоть Христову, намъ не необходимъ тотъ древній образъ въ хлѣбѣ, отъ котораго мы содѣлываемъ самую плоть Христову [1]). Высказавшись за безразличное употребленіе въ евхаристіи того и другаго хлѣба и представивъ защиту употребленія опрѣсноковъ, Анзельмъ въ заключеніе говоритъ: „итакъ, пусть ферментаріи (т. е. употребляющіе квасный хлѣбъ, квасники) или защитятъ свою сторону (partem suam) съ такою же основательностію, съ какою укрѣпляютъ свою азимиты, или пусть отвергнутъ свою закваску и сдѣлаются азимитами, или если они не могутъ сдѣлать того и не желаютъ этого, то, по крайней мѣрѣ, пусть они не порицаютъ азимитовъ“ [2]).

Этотъ взглядъ Анзельма на разность между церквами въ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи представляетъ параллель со взглядомъ на ту же разность Ѳеофилакта Болгарскаго. Но и на западѣ въ XII вѣкѣ людей, смотрѣвшихъ такъ на обрядовыя разности, должно считать единицами. Даже епископъ

---

[1]) Anselmus de tribus Waleranni qvaestionibus,—Migne Patrolog. cursus compl. S. L. t. CLVIII. p. 541—547, cap. I.

[2]) Ibidem cap. VI.

Валераннъ на такого рода разности между церквами смотрѣлъ не тѣми же глазами, какъ Анзельмъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ послѣднему Валераннъ сѣтуетъ на различіе въ церквахъ обрядовъ и обычаевъ при совершеніи таинства евхаристіи и проситъ Анзельма разрѣшить его недоумѣнія, возбуждаемыя этимъ обстоятельствомъ. „Богъ есть нераздѣльная Троица“, пишетъ онъ Анзельму, „и все, что ни есть въ Богѣ,—едино въ Немъ. Различіе же въ церкви совершенно противно единству. Не можетъ долго устоять то, что возмущается несогласіемъ своихъ частей. Однако о церковныхъ таинствахъ церковь палестинская думаетъ одно, армянская—другое, иначе думаетъ наша римская церковь и троечастная Галлія. Даже о таинствѣ тѣла Господня иначе разсуждаетъ римская, иначе галликанская церковь и весьма иначе—наша германская. Отъ древнихъ отцевъ мы имѣемъ чинъ жертвоприношенія, и я весьма удивляюсь, откуда это новшество (haec novitas) вкралось въ домъ Господень? *„Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки“* (Евр. XIII, 8), всегда одинъ, всегда тотъ же и не допускаетъ никакого измѣненія. Тотъ, кто стремится къ разности, не согласуется со Христомъ... Пагубно поступаетъ въ отношеніи жертвоприношенія, которое совершилъ Христосъ и совершаемъ мы, тотъ, кто отклоняется отъ примѣра Христа... Хотя армяне предпочитаютъ приносить жертву хваленія на прѣсномъ хлѣбѣ, но они не ходятъ въ обновленіи жизни со Христомъ. Подражателямъ Христа должно праздновать не съ старою закваскою, но съ опрѣсноками чистоты и истины (1 Кор. V). Закваска, хотя и малая закваска—портитъ все тѣсто. Тѣло Христово непорочно и насколько только возможно оно не испорчено никакимъ поврежденіемъ. Пусть же отъ жертвы чистоты отсутствуетъ всякая такого рода порча!... Для совершенія таинства тѣла Христова не годится какая нибудь другая субстанція, кромѣ той, которую Онъ Самъ употребилъ, и я осмѣлился бы открыто исповѣдывать, что то, что Онъ преподалъ, должно считать и содержать правиломъ для жертвоприношенія“ [1]).

---

[1]) Waleranni epistola,—ibidem p. 547—551, cap. I et II.

Ученый и знаменитый архіепископъ Анзельмъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, не отвѣчая прямо на ходячія разсужденія Валеранна объ особенномъ достоинствѣ опрѣсноковъ предъ квасным хлѣбомъ, тѣмъ не менѣе излагаетъ ему свой общій просвѣщенный взглядъ на обрядовыя разности. „Ваша достопочтенность, писалъ онъ Валеранну, сѣтуетъ относительно таинствъ церкви, что они не бываютъ повсюду однообразно, но въ различныхъ мѣстахъ отправляются различнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ было бы хорошо и достохвально, если бы во всей церкви совершали таинство однообразно и согласно. Однако, такъ какъ существуетъ много разностей, которыя не противорѣчатъ ни сущности таинства, ни истинности или вѣрности его, такъ какъ и не могутъ всѣ соединиться въ одномъ обыкновеніи, то я полагаю, что лучше должно потерпѣть эти разности въ единодушномъ мирѣ, чѣмъ при разногласномъ соблазнѣ осуждать ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы содержимъ отъ святыхъ отецъ то правило, что нисколько не препятствуетъ различный обычай, если при православной вѣрѣ соблюдается единство благодати. Если же спросятъ, откуда родились эти разности, то я ничего другаго не усматриваю для объясненія этого, какъ только разности человѣческихъ пониманій. Хотя эти пониманія не расходятся въ истинѣ и достоинствѣ дѣла, но не согласуются въ благоприличіи и благопристойности его отправленія, такъ что то, что одинъ считаетъ пристойнымъ, другой часто считаетъ менѣе пристойнымъ и несогласіе въ разностяхъ такого рода, я думаю, нужно отдѣлять отъ истины самаго дѣла“.

Теперь попытаемся опредѣлить взаимное отношеніе между полемическими памятниками латинской группы по ихъ содержанію и изложенію.

Всѣ три письма папы Льва IX, входящія въ наше изслѣдованіе, скорѣе можно назвать написанными только по поводу возбудившагося вопроса объ опрѣснокахъ. Большая часть его писемъ посвящается разсужденіямъ о достоинствѣ и правахъ римской апостольской каѳедры и ея представителя. Только въ письмѣ его къ патріарху Михаилу Керуларію, посланномъ съ легатами, заключается прямой хотя и краткій отвѣтъ на доводы грековъ противъ

употребленія опрѣсноковъ. „Кто не ужаснется“, пишетъ папа въ этомъ письмѣ къ патріарху Михаилу, „что ты послѣ столькихъ святыхъ и православныхъ отцевъ, спустя 1020 лѣтъ отъ страданія Спасителя, явился новымъ клеветникомъ латинской церкви, всѣхъ анаѳематствуя и возбуждая явное гоненіе на всѣхъ, которые причащаются опрѣсноками. О такихъ твоихъ надменныхъ поступкахъ насъ и молва извѣстила и это показываетъ еще текстъ письма, посланнаго отъ твоего имени въ Апулію, которое силится доказать, что тотъ хлѣбъ, на которомъ Господь преподалъ на вечери своимъ апостоламъ таинство тѣла своего, былъ квасным хлѣбомъ. Что это совершенно ложно, весьма легко понять изъ обоихъ завѣтовъ“. Затѣмъ, папа кратко указываетъ на то, что Христосъ совершилъ тайную вечерю во время праздника пасхи и, слѣдовательно, употреблялъ на ней опрѣсноки, такъ какъ Онъ не былъ нарушителемъ закона, что апостолъ Павелъ говоритъ: „станемъ праздновать не съ закваскою, которая портитъ все тѣсто, а съ опрѣсноками чистоты и истины“ и, наконецъ, что христианская пасха—новая пасха не по матеріалу, употребляющемуся на ней, а по своему внутреннему значенію.

Пространное опроверженіе доводовъ въ пользу употребленія въ евхаристіи кваснаго хлѣба и противъ употребленія опрѣсноковъ, изложенныхъ въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго, было сдѣлано со стороны латинской церкви въ Діалогѣ кардинала Гумберта. Какъ большая часть письма Льва Ахридскаго была посвящена вопросу объ опрѣснокахъ и самое письмо было написано именно по поводу этой разности латинянъ, такъ и Гумбертъ, опровергая все содержаніе письма Льва Ахридскаго, вопросу объ опрѣснокахъ посвящаетъ большую часть своего Діалога, придавая этому вопросу исключительно важное значеніе передъ другими. Кромѣ полемическихъ положеній, указанныхъ и слишкомъ мало развитыхъ въ письмѣ папы Льва IX къ Михаилу Керуларію, которыя также вошли въ Діалогъ и получили въ немъ подробное развитіе, Гумбертъ въ этомъ своемъ сочиненіи затрогиваетъ много новыхъ сторонъ по дебатировавшемуся вопросу, такъ что одно это полемическое сочиненіе латинской группы своимъ содержаніемъ отвѣчаетъ почти всѣмъ

сочиненіямъ греческой полемической литературы по вопросу объ опрѣснокахъ XI вѣка.

Въ своемъ отвѣтѣ на трактатъ Никиты Стиѳата Гумбертъ опровергаетъ всѣ пункты разностей, выставленные Никитою. Но доводы противъ опрѣсноковъ Гумбертъ опровергаетъ съ особеннымъ стараніемъ и не оставляетъ безъ опроверженія ни одного изъ выставленныхъ Никитою основаній противъ употребленія въ евхаристіи опрѣсноковъ и въ пользу употребленія кваснаго хлѣба. Впрочемъ, повтореній и измѣненій рѣшенія вопросовъ, разсмотрѣнныхъ въ Діалогѣ, въ своемъ опроверженіи на трактатъ Никиты Стиѳата Гумбертъ не допускаетъ. Соприкасаясь въ послѣднемъ сочиненіи съ такого рода вопросами, онъ дѣлаетъ только ссылки на первое свое сочиненіе.

Отрывокъ полемическаго сочиненія противъ грековъ неизвѣстнаго автора начинается продолженіемъ разсужденія о разности между церквами въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа. Затѣмъ, авторъ переходитъ къ разности въ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи и всѣ разсужденія его по поводу этой разности сохранились вполнѣ. Кромѣ самостоятельно написанныхъ приступа и введенія въ разсужденіи автора объ опрѣснокахъ кратко развиваются по Гумберту слѣдующія два полемическія положенія: 1) несправедливо полагаютъ греки, что Господь совершилъ пасху прежде 14-й луны, или, если совершилъ и въ 14-ю луну, то все-таки вкушалъ квасное, такъ какъ этимъ они утверждаютъ, что Господь нарушилъ законъ, прежде чѣмъ онъ исполнился; 2) несправедливо утверждаютъ греки, что квасный хлѣбъ имѣетъ душу, равно какъ непонятно и то, какимъ образомъ закваска животворитъ тѣло Христово, а хлѣбъ безквасный дѣлаетъ тѣло Христово мертвымъ, бездушнымъ. Затѣмъ, неизвѣстный авторъ обличаетъ грековъ за употребленіе копія при совершеніи евхаристіи, которымъ, по его мнѣнію, греки безразсудно пронзаютъ тѣло Христово, за то, что греки будто бы зарываютъ въ землю тѣло Христово и вопреки писанію заставляютъ его „видѣть тлѣніе“, за вливаніе въ евхаристійную чашу теплой воды и, наконецъ, за то, что они ранѣе семи дней не дозволяютъ крещенія младенцевъ. Всѣ эти обличенія

въ своей основѣ заимствованы также у Гумберта, который отчасти и какъ бы кстати касается всего этого въ своихъ сочиненіяхъ.

Анзельмъ Гавельбергскій на диспутѣ по вопросу объ опрѣснокахъ разсуждалъ, главнымъ образомъ, объ авторитетѣ римскихъ папъ, прямо показывая этимъ, что для латинской церкви не столько былъ важенъ самъ по себѣ вопросъ объ опрѣснокахъ, сколько было важно соединенное съ нимъ упорное нежеланіе грековъ подчиниться въ церковныхъ дѣлахъ волѣ римскаго папы. Вотъ почему собственно объ опрѣснокахъ Анзельмъ разсуждалъ на диспутѣ слишкомъ мало. Защищая употребленіе опрѣсноковъ въ западной церкви, онъ почти ограничился тѣми доводами въ пользу ихъ употребленія, которые приводились предшествующими латинскими полемистами, преимущественно Гумбертомъ, представляя только нѣкоторое ихъ восполненіе.

Доминикъ архіепископъ Венеціанскій въ своемъ посланіи къ Петру Антіохійскому, признавая одинаково законнымъ и правильнымъ и обычай восточной и обычай западной церкви въ совершеніи таинства евхаристіи и находя въ томъ и другомъ духовное таинственное знаменованіе, не представляетъ ни опроверженія доводовъ греческихъ богослововъ противъ опрѣсноковъ, ни особенной защиты и подтвержденія въ пользу употребленія опрѣсноковъ.

Напротивъ Анзельмъ Кэнтербюрійскій, признавъ также правильность и законность какъ практики восточной, такъ и практики западной церкви въ совершеніи таинства евхаристіи, тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ доказать особенное достоинство совершенія таинства евхаристіи на опрѣснокахъ и опровергнуть нѣкоторые изъ доводовъ грековъ противъ употребленія опрѣсноковъ. Поэтому онъ доказываетъ, что лучше совершать таинство евхаристіи на опрѣснокахъ, чѣмъ на квасномъ хлѣбѣ, что латиняне, совершая евхаристію на опрѣснокахъ, нисколько не іудействуютъ и что мѣста св. Писанія, приводимыя греками въ обличеніе латинянъ за употребленіе опрѣсноковъ, нисколько не говорятъ противъ латинянъ и не подтверждаютъ мнѣнія грековъ.

Что же касается литературнаго изложенія, то отношеніе между разсматриваемыми памятниками является въ слѣдующемъ видѣ.

Первое письмо папы Льва IX, по своей обширности, какъ было сказано, вѣрнѣе можетъ быть названо трактатомъ, чѣмъ письмомъ. Все это письмо его изложено языкомъ витіеватымъ, доходящимъ до торжественной высокопарности и насквозь проникнуто сознаніемъ превосходства и исключительнаго достоинства римской церкви и римскаго первосвященника сравнительно съ другими церквами и ихъ представителями. Что касается писемъ папы къ греческому императору и къ Михаилу Керуларію, то они изложены гораздо короче, проще и безъискуственнѣе перваго его посланія Языкъ ихъ дѣловой, почти безъ всякихъ претензій на краснорѣчіе.

Знаменитое сочиненіе кардинала Гумберта „Dialogus“ есть самое большое и самое серьезное полемическое сочиненіе латинской противу-греческой литературы разсматриваемаго нами времени. При чтеніи его нельзя не замѣтить, что авторъ его владѣетъ разносторонними свѣдѣніями, очень находчивъ и остроуменъ въ своихъ нападеніяхъ на врага и излагаетъ свои мысли такимъ одушевленнымъ и живымъ языкомъ, въ которомъ сказывается вся его горячая, энергическая натура. Священное Писаніе, исторія церкви, свѣтская классическая литература и собственныя соображенія автора,— все это давало особенно разнообразный и обильный матеріалъ для разнаго рода умозаключеній, доводовъ и возраженій, съ которыми Гумбертъ выступилъ противъ грековъ въ своемъ первомъ полемическомъ сочиненіи. Однако, обиліе разнообразныхъ мыслей не всегда давало возможность автору совладать съ ихъ быстрымъ теченіемъ. Вотъ почему на выставленныя возраженія своихъ противниковъ онъ часто не отвѣчаетъ прямо и уклоняется въ сторону. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить въ Діалогѣ и того, что авторъ его не совсѣмъ добросовѣстенъ, способенъ ловить промахи своего противника въ словахъ, а не въ мысляхъ и путемъ софизмовъ и діалектическихъ тонкостей навязывать ему такія мысли, которыя послѣднему не приходили и въ голову. Не оставляя безъ опроверженія ни одной мельчайшей подробности въ доводахъ своего противника, Гумбертъ часто доходитъ до очевидныхъ натяжекъ и такой своеобразной логики, которая отталкиваетъ отъ его остроумія всякую симпатію серьезнаго читателя.

Отвѣтъ или опроверженіе Гумберта на трактатъ Никиты Стиѳата обнаруживаетъ большую спѣшность работы сравнительно съ Діалогомъ. Онъ меньше послѣдняго по своему объему и не отличается такимъ же искусствомъ въ своемъ изложеніи, какое замѣтно въ Діалогѣ. Впрочемъ, онъ изложенъ все-таки логично и языкомъ живымъ, выражающимъ все обиліе мыслей автора. Будучи полонъ сознаніемъ своего личнаго превосходства надъ своимъ противникомъ, авторъ, какъ уже было показано, не стѣснялся въ выборѣ рѣзкихъ выраженій, направляемыхъ противъ Никиты Стиѳата, забылъ всякую литературную вѣжливость, дошелъ до площадной брани и вообще допустилъ въ своемъ сочиненіи такой тонъ, который можетъ быть свойственъ развѣ только памфлету.

Неизвѣстный авторъ сохранившагося отрывка полемическаго сочиненія противъ грековъ пользовался при его составленіи какъ „Діалогомъ“ Гумберта, такъ и его трактатомъ противъ Никиты Стиѳата. Вотъ почему за исключеніемъ своего введенія и приступа все небольшое разсужденіе неизвѣстнаго автора по вопросу объ опрѣснокахъ не представляетъ для насъ ничего новаго: не только мысли, но даже и цѣлыя фразы авторъ заимствуетъ у Гумберта [1]). Можно предполагать, что такого рода сочиненія противъ грековъ появлялись въ латинской литературѣ XI вѣка съ цѣлію популяризировать какъ сочиненія Гумберта, такъ и вообще доводы представителей латинской церкви въ ихъ борьбѣ съ представителями церкви греческой. Весьма вѣроятно, что представители римской церкви такого рода популярными, легкими для чтенія, хотя и не богатыми своею доказательностію, сочиненіями, какъ сочиненіе неизвѣстнаго автора, хотѣли дать обществу отчетъ въ своихъ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ греческой церкви, привлечь къ себѣ его симпатіи и враждебно настроить его противъ грековъ.

Діалогъ Анзельма Гавельбергскаго отличается систематичнымъ и логичнымъ построеніемъ. Свои мысли авторъ развиваетъ вполнѣ

---

[1]) Мѣста заимствованій его изъ сочиненій кардинала Гумберта указаны при изданіи отрывка сочиненія этого неизвѣстнаго автора, — edit. W i l l p 254—259.

свободно и довольно краснорѣчиво. Съ особеннымъ одушевленіемъ и схоластическимъ краснорѣчіемъ онъ разсуждаетъ объ абсолютномъ авторитетѣ и неограниченной власти римскаго первосвященника, но развивая эту любимую тэму средневѣковыхъ богослововъ, онъ также не обходится безъ натяжекъ и всякаго рода утрировокъ. Не отличаясь особенною оригинальностію въ своихъ доводахъ въ пользу употребленія опрѣсноковъ, Анзельмъ Гавельбергскій тѣмъ не менѣе не допускаетъ явныхъ заимствованій изъ трудовъ предшествующихъ ему полемистовъ.

Посланіе Доминика Градскаго къ патріарху антіохійскому Петру и переписка Анзельма Кэнтербюрійскаго съ епископомъ Валеранномъ отличаются краткимъ, простымъ и безъискусственнымъ изложеніемъ. Отсутствіе полемическаго задора у этихъ авторовъ способствовало точности и выдержанности мыслей въ ихъ произведеніяхъ и ихъ спокойному, солидному изложенію.

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе памятниковъ латинской группы по ихъ направленію, содержанію и изложенію даетъ намъ слѣдующіе результаты. Въ латинской полемической литературѣ противъ грековъ XI—XII вв. можно различать два направленія: крайнее, или полемическое, и умѣренное, или примирительное. Къ первому изъ этихъ направленій относятся произведенія: папы Льва IX, кардинала Гумберта, неизвѣстнаго автора полемическаго сочиненія противъ грековъ и Анзельма Гавельбергскаго, а ко второму: посланіе Доминика Градскаго къ антіохійскому патріарху Петру и переписка Анзельма Кэнтербюрійскаго съ епископомъ Валеранномъ. Что касается содержанія латинскихъ полемическихъ памятниковъ по вопросу объ опрѣсокахъ, то первое мѣсто въ этомъ отношеніи безспорно занимаютъ между ними полемическія сочиненія кардинала Гумберта. Правда, Гумбертъ при составленіи своего Діалога несомнѣнно воспользовался нѣсколькими полемическими положеніями, высказанными папою Львомъ IX въ письмѣ къ патріарху Михаилу Керуларію и, по всей вѣроятности, онъ пользовался также общими указаніями папы, выраженными въ его инструкціяхъ легатамъ, данныхъ при отправленіи послѣднихъ въ Константинополь, но безспорно то, что полемическія положенія, выставленныя въ письмѣ

папы, въ Діалогѣ кардинала Гумберта получили несравненно болѣе широкое и своеобразное развитіе, а указанія папы въ инструкціяхъ, если и дѣйствительно относились къ полемикѣ по вопросу объ опрѣснокахъ, то во всякомъ случаѣ были слишкомъ общи и могли касаться развѣ только идеи и плана перваго сочиненія Гумберта. Посланія самого папы Льва IX заключаютъ въ себѣ слишкомъ мало относящагося къ вопросу объ опрѣснокахъ и важны главнымъ образомъ только по своему общему полемическому тону и направленію, перешедшимъ въ сочиненія послѣдующихъ латинскихъ полемистовъ крайняго направленія. Содержаніе трактата неизвѣстнаго автора и Діалога Анзельма Гавельбергскаго находится уже въ нѣкоторой зависимости отъ сочиненій кардинала Гумберта и сравнительно съ ними почти не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Посланіе Доминика Градскаго и переписка Анзельма Кэнтербюрійскаго не столько замѣчательны по своему содержанію, сколько по выразившемуся въ нихъ примирительному направленію этихъ двухъ авторовъ въ рѣшеніи вопроса объ опрѣснокахъ. Наконецъ, въ своемъ изложеніи всѣ памятники латинской группы представляютъ нѣкоторыя характеристическія особенности и вообще отличаются самостоятельностію. За исключеніемъ одного только неизвѣстнаго автора конца XI вѣка, который пользовался сочиненіями кардинала Гумберта, латинскіе полемисты XI—XII вѣковъ не дѣлали буквальныхъ заимствованій другъ у друга.

ГЛАВА III.

Исходный пунктъ какъ греческихъ, такъ и латинскихъ полемистовъ былъ одинъ и тотъ же—современная евхаристійная практика своей церкви. Всѣ усилія полемистовъ были направлены къ тому, чтобы доказать полную законность и совершенную правильность евхаристійной практики своей церкви и, наоборотъ, противную практику выставить болѣе или менѣе незаконной и неправильной. Въ практикѣ совершенія таинства евхаристіи въ разсматриваемое нами время былъ сознанъ почти исключительно только одинъ

пунктъ различія между церквами, именно свойство хлѣба, употребляемаго для этого таинства: греки совершали его на квасномъ, а латиняне на прѣсномъ хлѣбѣ. Вотъ почему всѣ споры относительно совершенія евхаристіи сводились только къ вопросу: на какомъ хлѣбѣ слѣдуетъ совершать евхаристію — на квасномъ или на опрѣсночномъ. Греческіе полемисты усиливались доказать, что таинство евхаристіи слѣдуетъ совершать на квасномъ хлѣбѣ, а латинскіе доказывали, что это таинство должно совершаться на хлѣбѣ прѣсномъ.

Доказательства, которыя тѣ и другіе полемисты приводили въ подтвержденіе своихъ положеній, довольно разнообразны и заимствуются ими изъ слѣдующихъ шести источниковъ: 1) изъ примѣра Іисуса Христа, преподавшаго своимъ ученикамъ таинство евхаристіи на своей предсмертной вечери съ ними; 2) изъ этимологическаго значенія слова ἄρτος (хлѣбъ), употребленнаго въ евангеліи при изложеніи факта учрежденія Спасителемъ таинства евхаристіи; 3) изъ практики совершенія этого таинства во времена апостольскія и въ древней церкви вообще; 4) изъ сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ; 5) изъ ученія св. Писанія о томъ и другомъ хлѣбѣ и изъ разсмотрѣнія сущности, свойствъ и особенностей того и другаго хлѣба самого въ себѣ; 6) наконецъ, изъ исторіи древнихъ ересей.

Обращаясь къ примѣру Іисуса Христа, спорящія стороны рѣшаютъ вопросъ: на какомъ хлѣбѣ Христосъ совершилъ свою послѣднюю пасхальную вечерю, на которой преподалъ ученикамъ таинство евхаристіи? Рѣшеніе этого вопроса стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ—въ какой день Христосъ совершилъ свою предсмертную вечерю и въ какой день Его распяли. Если Іисусъ Христосъ совершилъ вечерю и установилъ таинство евхаристіи въ самый день іудейской пасхи, т. е. 14-го нисана, то безъ сомнѣнія для таинства евхаристіи Онъ употребилъ опрѣснокъ, такъ какъ во всей Іудеи въ этотъ день по закону совершенно не должно было находиться кваснаго хлѣба и, слѣдовательно, его нельзя было найти. Напротивъ, если Христосъ совершилъ вечерю и установилъ таинство евхаристіи до праздника іудейской пасхи, то Онъ непремѣнно употребилъ квасный хлѣбъ, какой іудеи обыкновенно употребляли

для своего стола въ дни не пасхальные. Конечно, греки старались доказать послѣднее, а латиняне первое.

Левъ Ахридскій въ своемъ первомъ письмѣ, адресованномъ къ Іоанну Транійскому, затрогивая вопросъ о совершеніи Христомъ пасхальной вечери, говоритъ, что Христосъ совершилъ тогда двѣ пасхи: законную и таинственную. „Соблюдать субботы и опрѣснoки,—пишетъ онъ,—іудеямъ предписано Моисеемъ, а наша пасха—Христосъ. Онъ, чтобы не сочли его противникомъ Богу (ἀντίθεος), и обрѣзанъ былъ и сначала совершилъ пасху законную, а потомъ, по окончаніи ея, и нашу новую“ [1]). Въ евангеліи св. Матѳея авторъ указываетъ свидѣтельство о совершеніи законной пасхи въ главѣ XXVI съ стиха 17 по 26, а о совершеніи таинственной пасхи въ той же главѣ ст. 26—28.

Никита Стиѳатъ полагалъ найти лучшее оружіе противъ латинянъ въ другомъ мнѣніи. Замѣтивъ, что ни самъ Господь, ни апостолы нигдѣ не говорятъ объ употребленіи опрѣсноковъ при установленіи таинства, Никита доказываетъ, что въ годъ своей смерти Христосъ совсѣмъ не совершалъ законной пасхи. „Надлежало, говоритъ онъ, чтобы Христосъ пострадалъ въ день законной пасхи, въ который евреи закалали и агнца. Пасха же должна была совершаться богоубійцами въ пятницу, въ которую приходилась и 14 луна перваго мѣсяца, въ которомъ пришлось истечь 5534 годамъ, потому что кругъ солнца былъ 18 и луны 5. Чтобы не случилось того, что, бывъ преданнымъ, Христосъ не успѣлъ бы предать ученикамъ свою пасху, Онъ возлегъ съ ними на вечери вечеромъ въ четвергъ [2]). По окончаніи же вечери Онъ взялъ хлѣбъ, преломилъ и предалъ апостоламъ таинство новаго завѣта въ ночь четверга, въ которую, какъ написано, Онъ былъ преданъ Іудою. Въ тотъ

---

[1]) Epist. Leonis Achrid. Will p. 56.

[2]) Въ рукоп. Соф. библ. № 1320 встрѣчается слѣдующій варіантъ: «Да не преданъ бывъ не успѣетъ своея пасхи ученикомъ створити, на вечери возлегъ вечеръ въ четвертокъ прежде праздника опрѣснокъ. Таче наводитъ евангелистъ река, яко сѣде съ ученики своими Аще бы опрѣснокъ далъ съ говѣніемъ и со страхомъ, понеже закону велящю не сѣдящимъ ясти, но стоящимъ и обувеннымъ со тщаніемъ повелѣ ясти пасху, понеже се въ явленіе положишя евангелисти, яко сѣде со апостолы». Такимъ образомъ, этимъ варіантомъ разширяются доводы подлинника.

четвергъ была 13 луна, и не было опрѣсноковъ, а также не было оставленія кваснаго хлѣба. Опрѣсноки же были назначены въ законѣ именно въ 15-ю луну. Въ четырнадцатый день къ вечеру былъ закалаемъ агнецъ и 14-й день луны перваго мѣсяца въ законѣ называется пасхою, а 15-й день именуется первымъ днемъ опрѣсноковъ и субботою. Если же Христосъ былъ закланъ и распятъ въ 14-й день луны, въ пятницу, а въ субботу былъ праздникъ опрѣсноковъ, то когда же Онъ вкушалъ опрѣсноки и когда предалъ, чтобы апостолы совершали то же въ новомъ завѣтѣ? Такъ какъ вы (латиняне) говорите, что употреблять опрѣсноки вы приняли отъ апостоловъ, то неужели Христосъ предалъ имъ это употребленіе по воскресеніи изъ мертвыхъ? Не видите ли, что вы явно опровергаетесь событіями, такъ какъ тогда не было опрѣсноковъ, когда Христосъ предалъ апостоламъ таинство новаго завѣта". Въ подтвержденіе своихъ положеній Никита Стиѳатъ приводитъ законоположеніе о праздникахъ пасхи и опрѣснокахъ въ Лев. XXIII, 4—6. „Прежде праздника опрѣсноковъ", продолжаетъ онъ свои доводы, „опрѣсноковъ не было даже въ продолженіе цѣлаго года, такъ какъ только семь дней іудеи ѣли опрѣсноки, какъ установилъ Моисей, начиная праздникъ опрѣсноковъ въ пятнадцатый день перваго мѣсяца. Гдѣ же можно было найти опрѣсноковъ, когда Христосъ совершалъ вечерю съ своими учениками"? [1])

Петръ Антіохійскій въ посланіи къ Доминику Градскому совершеніе Христомъ таинства евхаристіи прямо выставляетъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ употребленія въ евхаристіи кваснаго хлѣба. „Оставивъ всѣ другія доказательства, говоритъ онъ, я могу, о Христѣ, показать, что когда Господь вечерялъ съ учениками вечеромъ въ великій четвергъ, тогда не было еще приготовлено опрѣсноковъ, такъ какъ евреи имѣли закалать пасхальнаго агнца въ великую пятницу, которая приходилась въ четырнадцатый день мѣсяца". Патріархъ буквально повторяетъ слова Никиты Стиѳата, старается подкрѣпить ихъ словами изъ св. Іо-

---

[1]) Nicetae libellus contra latinos, — apud Will, cap. VII—IX. Bibloth. ecclesiastica Demetracopuli, t. I. p. 25—27.

анна и объяснить несогласное, повидимому, съ нимъ свидѣтельство прочихъ евангелистовъ. Приведши слова евангелиста Іоанна (Іоан. XIII, 1—5), онъ пишетъ: „слова возлюбленнаго ученика: „прежде праздника пасхи“ и „вечери бывшей“ ясно показываютъ, что въ четвергъ не было пасхи, но было нѣкоторое предусмотрительное распоряженіе (οἰκονομία), чтобы Господь, имѣвшій въ ту ночь быть преданнымъ, преподалъ ученикамъ таинство евхаристіи. Поэтому-то Онъ сказалъ: *желаніемъ возжелалъ Я сію пасху пъсть съ вами* (Лук. XXII, 15)“. Затѣмъ, ясное доказательство того, что вечеря была совершена до праздника пасхи Петръ Антіохійскій видитъ въ словахъ того же евангелиста Іоанна: *отъ Каіафы повели Іисуса въ преторію; было уже утро, и они не вошли въ преторію, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было пъсть пасху* (XVIII. 28)“. Тотъ же евангелистъ, продолжаетъ авторъ, говоритъ еще въ другой главѣ: *іудеи же, чтобы не оставить тѣлъ на крестѣ въ субботу (ибо та суббота была день великій) просили Пилата, чтобы перебить у нихъ голени и снять ихъ* (XIX, 31). Какъ ясно опять изъ этихъ словъ, что іудеи прежде чѣмъ совершили пасху во время вечернее [1]), т. е. въ вечеръ пятка, пришли къ Пилату и просили снять тѣла со креста, чтобы не выказаться человѣкоубійцами въ свой праздникъ. Наконецъ, патріархъ Петръ приводитъ еще свидѣтельство изъ св. Іоанна. Евангелистъ замѣчаетъ, что когда Іисусъ Христосъ, указавъ на вечери своего предателя, сказалъ ему: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“, то нѣкоторые изъ учениковъ подумали, что Іисусъ говоритъ ему: *купи, что намъ нужно къ празднику* (Іоан. XIII, 21—29)“. Если, по евангелисту, это было такъ, говоритъ авторъ, то какъ же не будетъ и слѣпому ясно, что вечеря происходила прежде законной пасхи“?

Однако, чтобы латиняне, основываясь на сказаніяхъ о послѣдней пасхальной вечери Спасителя трехъ первыхъ евангелистовъ,

[1]) ἀνὰ μέσον τῶν ἑσπερινῶν — (Лев. XXIII, 5) по слав. переводу «между вечерними»,—такъ опредѣляется время, когда должно закалать пасхальнаго агнца. Буквально съ еврейскаго «между обоими вечерами»,—это выраженіе собственно значитъ «сумерки». См. Христ. Чт. 1875 г. «Послѣдняя вечеря Іисуса Христа»—статья профессора *Д. А. Хвольсона*,—стр. 470—471.

не могли поколебать всѣхъ доводовъ въ пользу совершенія ея прежде праздника пасхи, основанныхъ на сказаніи о ней св. Іоанна, Петръ Антіохійскій старается примирить сказанія о вечери синоптиковъ (Матѳ. XXVI, 17; Марк. XVI, 12; Лук. XXII, 7. 8) съ сказаніемъ евангелиста Іоанна. „Слова трехъ евангелистовъ не имѣютъ никакого противорѣчія и разногласія съ сказаніемъ Іоанна: „прежде праздника пасхи“ и проч., такъ какъ подъ „первымъ днемъ опрѣсночнымъ“ божественныя евангелія даютъ намъ разумѣть десятый день перваго мѣсяца, который вмѣстѣ съ одинадцатымъ, двѣнадцатымъ и тринадцатымъ днями составлялъ нѣкоторое предпраздненство пасхи, какъ написано въ книгѣ Исхода: *сказалъ Господь къ Моисею: мѣсяцъ сей да будетъ у васъ началомъ мѣсяцевъ; первымъ да будетъ онъ у васъ между мѣсяцами года. Скажите всему обществу сыновъ израилевыхъ: въ десятый день сего мѣсяца пусть возьмутъ себѣ каждый одного агнца по семействамъ, по агнцу на семейство.* И немного ниже: *и пусть онъ хранится у васъ до четырнадцатаго дня сего мѣсяца* (Исх. XII, 1—3. 6). Именно, какое значеніе имѣетъ у насъ великая (страстная) седмица, которая есть какъ бы предуготовленіе и предпразднество святаго страданія и воскресенія изъ мертвыхъ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, тоже значеніе у евреевъ по закону и обычаю имѣла та четверица дней, т. е. значеніе нѣкотораго кануна законной пасхи. Кромѣ того, прочіе евангелисты, скончавшіеся прежде, не дожили до евангельской проповѣди Іоанна Богослова, а послѣдній, такъ какъ жилъ гораздо долѣе прочихъ евангелистовъ, видѣлъ ихъ писанія и, при концѣ своей жизни, на островѣ Патмосѣ, по вдохновенію свыше, написалъ въ царствованіе Домиціана свое святое евангеліе, въ которомъ многія мѣста другими евангелистами или темно изложенныя, или совершенно опущенныя, какъ, напримѣръ, чудесное воскрешеніе Лазаря, время вечери и нѣкоторыя другія,—онъ выяснилъ, раскрылъ и велегласно возвѣстилъ“ [1]).

Въ посланіи къ римлянамъ Леонтія или Льва, митрополита Преславы, вопросъ о днѣ пасхальной вечери, хотя и развивается

[1]) Petri Antioch. epist. ad Dominicum apud Will,—cap. XIII—XXII.

нѣсколько шире, но все-таки въ основѣ всѣхъ разсужденій автора по этому вопросу удерживаются тѣже самыя положенія, которыя были высказаны Никитою Стиѳатомъ и Петромъ Антіохійскимъ. Леонтій такъ же полагаетъ несомнѣннымъ и категорически заявляетъ, что Господь совершилъ вечерю 13-го числа перваго мѣсяца, а на слѣдующій день къ вечеру, когда совершилась законная пасха, Онъ пострадалъ. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ приводитъ слѣдующія основанія: 1) Господь сказалъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами* (Лук. XXII. 15),—сію пасху Онъ и предалъ, а не іудейскую; сказавъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе*, словомъ „*сіе*“ Онъ указалъ безъ сомнѣнія на новое, а не на древнее, ибо опрѣсноковъ еще не было; 2) евангелистъ говоритъ: *и тіи не внидоша въ преторъ, да не осквернятся, но да ядятъ пасху* (Іоан. XIII, 28) и еще: *іудеи же, понеже пятокъ бѣ, да не останутъ на крестѣ тѣлеса въ субботу, бѣ бо великъ день тоя субботы*... (Іоан. XIX, 31); 3) евангеліе говоритъ: *прежде шести дней пасхи пріиде Іисусъ въ Виѳанію* (Іоан. XII, 1), а пасха была въ 14-й день,—сочти же мнѣ шесть дней предшествовавшихъ 14-му дню, который есть пятокъ, когда и пострадалъ Господь, и ты найдешь канунъ 14-го дня, т. е. великій четвертокъ, 13-й день, въ который время опрѣсноковъ еще не наступило; 4) первымъ днемъ опрѣсноковъ, по толкованію великаго Іоанна Златоустаго, евангелистъ Матѳей называетъ день предъ опрѣсноками, который есть 10-й день мѣсяца, когда по закону избирали для закланія агнца и хранили его до 14-го дня, въ который закалали, какъ и мы первымъ и великимъ днемъ святыхъ страданій называемъ святой понедѣльникъ; 5) если бы Христосъ въ 13-й день ѣлъ опрѣсноки, которые обыкновенно были снѣдаемы послѣ четырнадцатаго дня: то исполнитель закона былъ бы его нарушителемъ.

Трактатъ съ именемъ Никиты Давида Пафлагонскаго, исключительно посвященный изслѣдованію вопроса о времени пасхальной вечери, представляетъ болѣе широкое развитіе доказательствъ того, что вечеря была совершена въ 13-й день луны за день до законной пасхи. Своимъ доказательствамъ авторъ предпосылаетъ разсуж-

деніе о томъ, что „нѣтъ необходимости говорить, что Христосъ долженъ былъ совершить тогда во исполненіе закона и что поэтому Онъ ѣлъ съ своими учениками агнца, такъ какъ Онъ исполнилъ законъ впродолженіе всѣхъ лѣтъ, предшествовавшихъ евангельской проповѣди, до тѣхъ поръ, пока пришелъ къ Іоанну на крещеніе... Не было уже необходимости увѣровавшимъ во Христа соблюдать законныя предписанія, если они не соблюдали многаго только по обычаю, а не какъ законъ Поэтому ученики Его, на основаніи Его ученія, нарушали субботу, такъ какъ Сынъ человѣческій есть господинъ и субботы... Изъ нарушенія Его учениками субботы ясно, что они мало по малу, чтобы не возмутить іудейскаго народа, отчасти нарушали и другія законныя блюденія. Они знали, что и самъ Христосъ, нарушая субботу, повелѣлъ разслабленному, котораго Онъ исцѣлилъ въ субботу: *возьми одръ свой и ходи*... Христосъ нарушалъ и законъ, который говоритъ: *око за око и зубъ за зубъ*... Съ другой стороны Онъ нигдѣ не выставляется тщательно исполняющимъ законныя блюденія; ни самъ Онъ, ни ученики Его не исполняли тщательно законныхъ предписаній... Затѣмъ, въ подтвержденіе того, что вечеря происходила прежде праздника пасхи, авторъ приводитъ слѣдующія доказательства: 1) Изъ повѣствованій евангелистовъ видно, что на вечери не было совершено никакихъ предписаній закона о пасхѣ, изложеннаго въ XII главѣ книги Исходъ. Пасху ѣли стоя, а на вечери возлежали, ничего сваренаго въ водѣ не ѣли въ пасху, а на вечери былъ соусъ, въ которомъ Христосъ омочилъ кусокъ и подалъ его Іудѣ. 2) Ночью послѣ вечери Іуда предалъ Господа архіереямъ, а при наступленіи 14-го дня луны, въ пятницу *отъ Каіафы*, говоритъ Іоаннъ, *повели Іисуса въ преторію, сами же они не вошли, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было пъсть пасху*, которая слѣдовательно еще не была. 3) Іудеи, совѣщаясь взять Іисуса хитростію и убить, заботились о томъ, чтобы взять Іисуса не въ праздникъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ евангелисты: Матѳей (XXVI. 1—5), Маркъ XIV. 1—2) и Лука (XXII. 1—2). 4) Неосновательно говорятъ нѣкоторые, что тайная вечеря была въ 14-й день, такъ какъ въ такомъ случаѣ тогда

заблуждались іудеи, совершивъ въ тотъ разъ свою пасху въ 15-й день; но они не могли заблуждаться и не могли намѣренно перенести пасху на слѣдующій день. 5) Господь сказалъ ученикамъ: *вы знаете, что чрезъ два дня будетъ пасха*, — тогда была среда и подъ двумя днями Онъ разумѣлъ среду и четвергъ, а въ пятницу, въ пасху, Онъ былъ распятъ. Поэтому и апостолъ говоритъ: пасха наша Христосъ, закланный за насъ. 6) Просьба іудеевъ у Пилата, чтобы онъ отпустилъ на праздникъ Варавву и распялъ Христа, а также и собравшійся отвсюду къ празднику народъ показываютъ, что праздника еще не было. 7) Евангелистъ Іоаннъ говоритъ о совершеніи вечери, а не пасхи (Іоан. XIII. 1 и 2). 8) На вечери Христосъ, указуя предателя, омочивъ хлѣбъ, подалъ Іудѣ и сказалъ: *что дѣлаешь, дѣлай скорѣе*, а ученики подумали, что Іисусъ говоритъ Іудѣ: *купи, что намъ нужно къ празднику*, слѣдовательно, праздника пасхи тогда еще не было. 9) Христосъ сказалъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами* и, подавая ученикамъ чашу, сказалъ: *сія есть кровь Моя новаго завѣта*, указывая этимъ не на древнюю пасху, а на таинство новаго завѣта, которое Онъ назвалъ пасхою. 10) Когда евреи праздновали пасху, то вмѣстѣ съ этимъ они ѣли пасхальнаго агнца съ опрѣсноками и горькими травами и ѣли стоя. Ничего такого не было на вечери, и Христосъ во образъ тѣла своего принялъ и подалъ ученикамъ не прѣсный хлѣбъ,—иначе такъ совершалось бы таинство евхаристіи и до сихъ поръ. Если же вечеря была бы въ первый день опрѣсноковъ, то кваснаго хлѣба нельзя было бы найти. „Слѣдовательно, заключаетъ авторъ, это не была пасхальная вечеря, но обыкновенная вечеря (δεῖπνον вечеря, ужинъ), на которой Христосъ преподалъ таинство“.

Признавъ, что тайная вечеря была въ 13-й день перваго мѣсяца и указавъ, что въ законѣ (Лев. XXIII, Числ. XXVIII) первымъ днемъ опрѣсноковъ называется 15 день, авторъ обращается къ примиренію сказаній евангелистовъ о днѣ пасхальной вечери. Если подъ первымъ днемъ опрѣсноковъ разумѣть у первыхъ трехъ евангелистовъ 15-й день, то они, разсуждаетъ авторъ, окажутся въ противорѣчіи съ самими собою, съ закономъ Моисеевымъ и съ

св. Іоанномъ, а самое противорѣчіе уже показывало бы неправильность такого пониманія ихъ. „Первымъ днемъ опрѣсноковъ, объясняетъ авторъ, евангелистъ (Марк. XIV. 12) называетъ первый день сзади дня опрѣсноковъ (πρώτην τῶν ἀζύμων φησὶ τὴν ὄπισθεν αὐτῶν πρώτην), такъ что двѣнадцатый день онъ назвалъ бы вторымъ днемъ опрѣсноковъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ *единою отъ субботъ* называется первый день послѣ субботы, такъ и самый ближайшій день къ субботѣ сзади, т. е. шестой день недѣли (пятницу) евангелистъ назвалъ бы первымъ днемъ субботы, т. е. предъ субботою. Равнымъ образомъ и день прямо, непосредственно предъ днемъ опрѣсноковъ евангелисты назвали первымъ днемъ опрѣсноковъ". Вслѣдъ за этимъ, авторъ трактата о пасхѣ съ именемъ Никиты Пафлагонскаго обращается къ объясненію словъ св. Луки: *насталъ же день опрѣсноковъ, въ который должно было закалать пасхальнаго агнца* (Лук. XXII. 7). „Это значитъ, говоритъ авторъ, приблизился день опрѣсноковъ. Дни, приближающіеся къ ожидаемымъ, мы называемъ именами ожидаемыхъ. О временахъ, приближающихся ко времени весны, мы говоримъ: „пришла весна"; о временахъ, приближающихся къ тому времени, когда беременная должна родить, мы говоримъ: наступило время родить, разумѣя совершенно не самый день или часъ родовъ, но близость къ нимъ. Такъ, когда приближалась пасха, евангелистъ сказалъ: наступила пасха и праздникъ опрѣсноковъ, т. е. приблизились. Наступила жатва, наступило время сажанія растеній, наступило время плаванія,—во всемъ этомъ, равнымъ образомъ, мы совершенно не разумѣемъ, что мы уже достигли того самаго времени, но разумѣемъ ближайшее время къ ожидаемому. То же самое бываетъ, когда мы ждемъ и непріятнаго для насъ времени. Страшась такого времени и его ужасъ, только еще наступающій, воображая себѣ настоящимъ, мы еще прежде, чѣмъ пришло такое время, говоримъ, что оно пришло: пришли непріятели, пришли муки смертныя, пришла старость. Зачѣмъ мнѣ нужно больше примѣровъ? Самъ Іоаннъ ясно научилъ этому, сказавъ: *Іисусъ, зная, что пришелъ часъ Его перейти отъ міра сего къ Отцу...* (XIII. 1). Евангелистъ говоритъ это о томъ времени, когда была вечеря, а Хри-

стосъ умеръ только въ слѣдующій день, такъ что „пришелъ“ евангелистъ говоритъ вмѣсто приблизился. Такъ и Лука сказалъ объ этомъ днѣ: *пришелъ день опрѣсноковъ, въ который должно было закалать пасхальнаго агнца*, такъ что, подобно Іоанну, онъ сказалъ „пришелъ“ вмѣсто „приблизился“.

Изъ разсужденія автора трактата съ именемъ Никиты Пафлагонскаго о днѣ тайной вечери видно, что онъ не только опровергаетъ положеніе, высказанное въ письмѣ Льва Ахридскаго, что „Христосъ въ исполненіе закона сначала совершилъ законную пасху, а потомъ, по окончаніи ея, Онъ присоединилъ къ ней и нашу новую пасху“, но также не согласенъ и съ положеніемъ, высказаннымъ въ первый разъ Петромъ Антіохійскимъ и повтореннымъ митрополитомъ Леонтіемъ, что въ первомъ днѣ опрѣсноковъ божественныя евангелія даютъ намъ разумѣть десятый день перваго мѣсяца, который вмѣстѣ съ одиннадцатымъ, двѣнадцатымъ и тринадцатымъ днями составлялъ нѣкоторое предпразднество пасхи“.

Мысль, что Христосъ не совершалъ законной пасхи, а совершалъ только простую вечерю и до праздника опрѣсноковъ, раздѣляетъ также и митрополитъ русскій Іоаннъ II, представляя для этого слѣдующія основанія: 1) пасха іудейская совершалась стоя, а на вечери возлежали; 2) Христосъ сказалъ: *желаніемъ возжелалъ Я сію пасху пъсть съ вами*, чѣмъ ясно показалъ, что пасха іудейская была другая; 3) Христосъ сказалъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе*, а не сказалъ: совершайте іудейскую пасху и іудейскіе опрѣсноки [1]).

Равнымъ образомъ и другой митрополитъ русскій Никифоръ признаетъ, что вечеря была до праздника пасхи и что по этому Христосъ не могъ употреблять на ней опрѣсноковъ. „Како можеть Господь пріати на жертву“, разсуждаетъ онъ, „иже жидове толико во время едино пасхы творяху опрѣсноки по закону Моисееву? Егда Христосъ вечерю створи, тогда опрѣснокъ не бяше; во время бо нарочито опрѣсноцы бываху, то есть время пасхи жидовскыа“. Затѣмъ, указавъ, что въ законѣ для пасхи назначается 14-й день,

---

[1]) Пам. росс. словесности XII в. стр. 215.

а для праздника опрѣсноковъ 15-й, авторъ продолжаетъ: „Христосъ же въ 13-й день сотвори вечерю, а гдѣ обрѣтеся опрѣсноки? Въ четвертокъ бо въ нощи преданъ бысть; заутра въ пятокъ вечеру бѣ время зарѣзати агници, а въ субботу хотяху творити опрѣсноки. Христосъ въ пятокъ въ девятый часъ предасть духъ и въ той день положенъ бысть во гробѣ, егда же праздникъ бѣ опрѣсночный, егда творяху опрѣсноки, онъ во гробѣ лежаше. Гдѣ обрѣте опрѣсноки во время вечери своей прежде праздника опрѣсночнаго? Не смѣшеть бо творити никтоже опрѣснокъ преже праздника, аще вострубяху жерци ихъ. Послушай, како то бысть: аще луна не щнется не бывашеть пасха отъ жидовъ. Егда же щнениа луннаго тріе законници у трапезы нѣкоторой стояще, смотряху на луну, егда будетъ щненіе луны, и вострубяхуть отъ трубы тоа, имѣяху вѣру жерци щненію лунному. И въземше трубы жерци трубяхуть пакы къ людемь, людіе же молвяху другъ ко другу: пасха Господня пасха и тако зарѣзываху агньци и опрѣсночная готовяху [1]).

Напротивъ, въ трактатѣ Никиты Никейскаго „Λόγος ἀνατρεπτικὸς τοῦ ῥωμαικοῦ δόγματος“ развивается положеніе Льва Ахридскаго, что Христосъ совершилъ двѣ пасхи. Опровергая изъ противнаго то мнѣніе латинянъ, что опрѣсноки слѣдуетъ употреблять въ евхаристіи по той причинѣ, что самъ Христосъ совершилъ евхаристію на опрѣснокахъ, авторъ говоритъ, что „если и дѣйствительно Господь преподалъ ученикамъ свое тѣло посредствомъ опрѣсноковъ, такъ какъ кваснаго хлѣба тогда нельзя было найти, то это было сдѣлано одинъ только разъ вслѣдствіе оставленія кваснаго хлѣба и не узаконяетъ, чтобы мы всегда приносили опрѣсноки, такъ какъ Христосъ пришелъ не возобновить ветхій законъ, но исполнить, т. е. закончить, положить ему конецъ и дать намъ новый законъ— таинство своего тѣла и своей крови“. Затѣмъ, выставляя доказательство, прямо противное указанному мнѣнію латинянъ, авторъ говоритъ: „если кто-нибудь скажетъ: какъ Христосъ могъ преподать ученикамъ таинство на квасномъ хлѣбѣ въ такое время, когда его не находилось, то пусть будетъ извѣстно ему, что Господь нашъ

[1]) См. Ист. р. церкви т. II. Спб. 1857 г. Прилож. стр. 320—327.

Іисусъ Христосъ совершилъ тогда двѣ пасхи, двѣ вечери (δύο δεῖπνους): первую пасху Онъ совершилъ съ опрѣсноками и съ агнцемъ по закону Моисееву, а потомъ, вставъ съ вечери и умывъ ноги ученикамъ, Онъ, сѣвши опять, въ другой разъ, на вечери, преподалъ намъ законъ приношенія своего тѣла посредствомъ квасного хлѣба, что есть новая пасха. Такимъ образомъ, Онъ далъ наставленіе ученикамъ, чтобы они приготовили Ему двѣ пасхи: одну съ опрѣсноками и съ агнцемъ и тайно Онъ далъ наставленіе ученикамъ о той вечери, которая называется тайною. Христосъ не желалъ открывать ученикамъ явно относительно этой послѣдней вечери и потому Онъ скрылъ имя человѣка, у котораго хотѣлъ совершить пасху (Матѳ. XXVI, 17. 18; Мрк. XIV; Лук. XXII, 8—11). Если бы не было тайною то, что Онъ намѣревался дать ученикамъ послѣ опрѣсноковъ хлѣбъ, то какая была Ему нужда скрывать имя человѣка, у котораго Онъ хотѣлъ совершить пасху въ то время, когда всѣ безопасно пользовались опрѣсноками,—или какая была Ему нужда совершать двѣ вечери?

Изъ всѣхъ греческихъ полемистовъ разсматриваемаго времени только одинъ Ѳеофилактъ Болгарскій призналъ, что вечеря Христова происходила въ одно время съ законною пасхою и что Христосъ употреблялъ на ней опрѣсноки, не признавъ вѣрными ни основныхъ положеній, высказанныхъ въ полемикѣ Львомъ Ахридскимъ и Никитою Стиѳатомъ, ни доводовъ Петра Антіохійскаго и автора трактата съ именемъ Никиты Пафлагонскаго, состоящихъ въ опредѣленіи дня, названнаго у первыхъ евангелистовъ первымъ днемъ опрѣсноковъ. „Мы, пишетъ блаженный Ѳеофилактъ, не будемъ разсуждать противъ латинянъ такъ, чтобы перетолковывать значеніе словъ: *въ первый же день опрѣсноковъ* (Мтѳ. XXVI, 17; Мрк. XIV, 12), утверждая, что это есть десятый день извѣстнаго мѣсяца, въ который избирали пасхальнаго агнца, такъ какъ мы знаемъ, что въ законѣ первымъ днемъ опрѣсноковъ называется 15-й день, предваряемый ночью, въ которую ѣли пасху. Вслѣдствіе несправедливаго толкованія перваго дня опрѣсноковъ произошло еще то, что нѣкто изъ нашихъ ученыхъ богослововъ, объясняя тотъ день, который у евангелиста называется первымъ днемъ

опрѣсноковъ, говоритъ, что Матѳей называетъ первымъ днемъ опрѣсноковъ день, предшествующій празднику опрѣсноковъ,—говоритъ же это не потому, чтобы онъ не зналъ къ какому дню какого мѣсяца прилагается такое названіе въ законѣ, но думая, что у евангелиста сказано нѣчто новое. Мы не будемъ также доказывать ни того, что Господь не совершилъ законной пасхи, чтобы въ противномъ случаѣ не допустить, что Онъ пріобщался опрѣсноковъ, ни того, что если Онъ и совершилъ ее, то все-таки прежде того времени, когда оставлялось квасное, такъ что находился еще квасный хлѣбъ, какъ нѣкогда нѣкоторые имѣли смѣлость говорить объ этомъ слишкомъ самоувѣренно. Но что касается меня, то я никогда не могу терпѣливо выслушивать никого изъ тѣхъ, которые такъ разсуждаютъ, потому что непозволительно намъ таинство истины утверждать ложью. Если же Христосъ есть путь и истина, то я не буду сознательно заблуждаться отъ пути и не навлеку лжи на истину. Итакъ какое же именно мое мнѣніе? Я думаю, что Господь вкушалъ пасху, приготовленную Ему учениками и хозяиномъ дома (Лук. XXII. 11), когда наступило законное время и пришелъ часъ и эту пасху Онъ вкушалъ по обычаю, а не иначе. Въ противномъ случаѣ, если бы было какое-нибудь новшество, то объ этомъ возвѣстило бы евангеліе, подобно тому, какъ оно сдѣлало извѣстнымъ все другое, когда Господь дѣйствовалъ, превышая законъ не только Самъ, но и ученики Его, напримѣръ евангеліе возвѣстило, что въ субботу Онъ сдѣлалъ бреніе (Іоан. IX. 6), что повелѣлъ разслабленному взять постель (Іоан. V. 8), что ученики растирали колосья, ѣли хлѣбъ, не умывъ рукъ (Мѳ. XV. 2). Я полагаю, что сначала Господь вкусилъ законной пасхи, а потомъ предалъ ученикамъ и таинство своей пасхи, совершивъ его очевидно отъ того хлѣба, который тогда находился, а тогда находился безквасный [1]).

Однако взглядъ Ѳеофилакта Болгарскаго остался надолго одинокимъ и не былъ оцѣненъ ни его современниками, ни представителями богословской мысли и науки послѣдующаго вѣка. Несравненно большее вліяніе и значеніе получилъ взглядъ автора трак-

---

[1]) Theophylacti,—cap. IX.

тата съ именемъ Никиты Давида Пафлагонскаго. Доводы о днѣ пасхальной вечери этого послѣдняго раздѣляетъ и Евстратій Никейскій [1]). Своему разсужденію о днѣ и образѣ совершенія тайной вечери Евстратій предпосылаетъ слѣдующую дилемму: если вечеря происходила во время праздника опрѣсноковъ, то Господь употреблялъ на ней опрѣсноки по необходимости, а не изъ желанія соблюсти это, если же не настало времени оставленія кваснаго, то отсюда ясно, что и Онъ употребилъ квасный хлѣбъ. Основное положеніе, которое развиваетъ и доказываетъ Евстратій, заключается въ слѣдующемъ: „вечеря была прежде преданія, а преданіе прежде пасхи, необходимо, слѣдовательно, и вечеря была прежде пасхи. Правда, ученики, вопросившіе: *Господи, гдѣ ты хочешь, чтобы мы приготовили тебѣ пасть пасху*, вели рѣчь объ іудейской пасхѣ. Когда же приготовлена была горница, то за одинъ день до пасхи Спаситель вошелъ въ нее съ учениками, возлегъ за столомъ, вечерялъ съ ними и противъ ожиданія ихъ предалъ имъ свою собственную пасху. Послѣ же этого Онъ былъ преданъ и распятъ на крестѣ и, такимъ образомъ, пасха и праздникъ опрѣсноковъ были совершены іудеями уже послѣ всего этого“. Въ подтвержденіе этого своего положенія авторъ приводитъ слѣдующія основанія: 1) евангелистъ Іоаннъ говоритъ: *отъ Каіафы повели Іисуса въ преторію и они не вошли въ преторію, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было пасть пасху* (Іоан. XVIII. 28); 2) когда Іисусъ Христосъ сказалъ, что *чрезъ два дня будетъ пасха* (Матѳ. XXVII. 2), а вечеря была чрезъ одинъ день, то ясно, что вечеря была прежде пасхи; „чрезъ два дня будетъ пасха“ сказано въ среду, въ 12-й день луны, въ четвергъ же, въ 13-й день луны, была вечеря, ночью этого дня Онъ былъ преданъ; въ пятницу, въ 14-й день луны, Онъ былъ отведенъ къ Пилату, осужденъ и распятъ, вечеромъ же этого дня былъ закланъ агнецъ, а ночью была совершена іудеями пасха; 3) іудеи, совѣщаясь взять Іисуса хитростію и убить, заботились о томъ, чтобы сдѣлать это не въ праздникъ, какъ свидѣтельствуютъ

---

[1]) Рукоп. греч. сборн. Москов. синод. библіотеки № 336. Εὐστρατίου Νικαίας λόγος δεύτερος.

объ этомъ евангелисты: Матѳей (XXVI. 1—5), Маркъ (XIV. 1—2) и Лука (XXII. 1—2), — ясно поэтому, что Онъ былъ схваченъ прежде пасхи; 4) на вечери не было соблюдено никакого обрядоваго предписанія о совершеніи законной пасхи (Исх. XII. 5—11) или, лучше сказать, было совершено противоположное съ законоположеніемъ о законной пасхѣ,—такъ, вмѣсто стоянія прямо было возлежаніе, вмѣсто испеченія на огнѣ былъ соусъ—принадлежность сваренаго въ водѣ, въ которомъ Господь обмакнулъ кусокъ и подалъ Іудѣ, вмѣсто заколенія агнца вечеромъ, а съѣденія ночью, ἀνα μέσον τῶν ἑσπερινῶν, что обозначаетъ время полуночи [1]), вечеря происходила, когда былъ вечеръ; 5) Христосъ не имѣлъ никакой нужды совершать въ тотъ годъ законную пасху, которую Онъ часто совершалъ прежде, теперь, готовясь на страданіе, Ему нужно было преподать ученикамъ свою пасху, о которой Онъ сказалъ: *желаніемъ возжелалъ Я сію пасху пѣсть съ вами прежде Моего страданія;* словомъ „сію“ очевидно показывая на нѣкоторую другую пасху, отличную отъ обыкновенной; 6) св. Іоаннъ повѣствуетъ (гл. XIII) о совершеніи вечери, а не пасхи и когда при совершеніи Господь сказалъ Іудѣ: *что дѣлаешь, дѣлай скорѣе,* то ученики подумали, что Іисусъ говоритъ ему: *купи, что намъ нужно къ празднику,* — слѣдовательно, праздникъ еще не пришелъ. Затѣмъ, примиряя сказанія трехъ первыхъ евангелистовъ о времени тайной вечери съ сказаніемъ евангелиста Іоанна, Евстратій говоритъ, что выраженіе „первый день опрѣсноковъ“ (Матѳ. XXVI. 17; Мрк. XIV. 12; Лк. XXII. 7 и 8) необходимо понимать вмѣсто выраженія „въ день предъ праздникомъ опрѣсноковъ, который былъ днемъ, предшествующимъ дню уничтоженія закваски, что совершалось при трубномъ звукѣ въ шестомъ часу 14-го дня луны, а выраженіе „насталъ же день опрѣсноковъ“ (Лук. XXII. 7) вмѣсто выраженія „приблизился“. „Мы привыкли то, наступленія чего мы ожидаемъ вскорѣ, часто называть какъ бы уже настоящимъ, какъ напримѣръ при приближеніи весны мы говоримъ: пришла уже весна“. Такимъ образомъ, Евстратій почти только повторяетъ раз-

[1]) См. примѣч. на стран. 178.

сужденіе о днѣ пасхальной вечери автора трактата съ именемъ Никиты Пафлагонскаго, хотя къ своему источнику, какъ уже было замѣчено прежде, относится вполнѣ свободно.

Доводы автора сочиненія съ именемъ Никиты Пафлагонскаго о днѣ пасхальной вечери развиваетъ также и Николай Меѳонскій въ своемъ первомъ сочиненіи противъ латинянъ по вопросу объ опрѣснокахъ. Здѣсь, опровергая доказательства латинянъ, основанныя на словахъ трехъ первыхъ евангелистовъ о днѣ тайной вечери, онъ также говоритъ, что „первый день опрѣсноковъ“ должно считать послѣднимъ днемъ предъ праздникомъ опрѣсноковъ. „Если я допущу, говоритъ онъ, что день, въ который была Господня вечеря, былъ однимъ изъ тѣхъ семи дней, въ которые назначалось яденіе опрѣсноковъ, то я не знаю, какимъ образомъ можно признать согласіе у первыхъ трехъ евангелистовъ съ самими собою, съ истиною и преимущественно съ евангелистомъ Іоанномъ, который прямо говоритъ, что вечеря была „прежде праздника пасхи“ (XIII. 1) и разсказываетъ обстоятельства (XIII. 27—29 и XVIII. 28), по которымъ видно, что вечеря была до праздника пасхи. Если же пасхальнаго агнца закалали вечеромъ 14-го дня, а съ 15-го дня начинался праздникъ опрѣсноковъ (Лев. XXIII), то какъ же три евангелиста, говоря, что вечеря была въ первый день опрѣсноковъ, не погрѣшаютъ въ истинѣ? Не ясно-ли, что нѣтъ необходимости считать первымъ днемъ опрѣсноковъ у нихъ тотъ день, который былъ послѣ вечери? Въ самомъ дѣлѣ, первымъ что-нибудь одно другаго бываетъ то по природѣ, то по достоинству, то по времени, то по числу или порядку. Авраамъ первый изъ 12 патріарховъ народа израильскаго, но какимъ образомъ не считался бы первымъ изъ нихъ и Рувимъ? Конечно, Рувимъ и по времени рожденія первый, однако, если бы кто-нибудь захотѣлъ считать снизу, то первымъ назвалъ бы Веніамина и это не составитъ различія, равно какъ если бы кто-нибудь захотѣлъ считать 12 камней, положенныхъ по прошествіи Іордана съ какого-нибудь камня, противоположнаго вершинѣ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, и первымъ днемъ опрѣсноковъ въ одномъ случаѣ можно было бы назвать день, слѣдующій прямо послѣ пасхи, т. е. 15-й день мѣсяца, а въ другомъ случаѣ и день пред-

шествующій празднику пасхи и опрѣсноковъ. Когда изъ двухъ этихъ предположеній, принимаемый по твоему (латинянинъ) первый день опрѣсноковъ, въ который была совершена вечеря, былъ однимъ изъ числа семи, т. е. 15-мъ мѣсяца, ведетъ къ полнѣйшему и невѣроятнѣйшему всего, такъ что вожди божественной истины противорѣчатъ самой истинѣ, другъ другу и самимъ себѣ, а по нашему у евангелистовъ первый день опрѣсноковъ, считаемый послѣднимъ днемъ предъ пасхою и праздникомъ опрѣсноковъ, уничтожаетъ все противорѣчивое, то какая необходимость не предпочитать безопаснаго очевидной опасности и истиннаго и непротиворѣчиваго лжи и нелѣпости? Вотъ почему и выраженіе св. Луки *наста̀лъ же день опрѣснокова̀* должно понимать вмѣсто приблизился, чтобы иначе онъ не оказался въ противорѣчіи съ самимъ собою, когда говоритъ, что въ этотъ день должно было еще закалать пасхальнаго агнца, изъ чего во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что тотъ день не былъ еще 15-мъ. Въ обыкновенной простой рѣчи наступающую близость или недалекое скорое будущее мы часто возражаемъ какъ уже настоящее“...

Показавъ, что вечеря была въ четвергъ, а въ пятницу—день страданія по свидѣтельству всѣхъ евангелистовъ (Мѳ. 27. 62; Мрк. XV. 42; Лк. XXIII. 54; Іоан. XIX. 31) іудеи по свидѣтельству Іоанна (XVIII. 28) должны были ѣсть пасху, авторъ отвѣчаетъ на предполагаемое имъ возраженіе латинянина: „если вечеря была прежде пасхи, то какъ же Господь называетъ совершаемое пасхою, говоря: *желаніемъ возжела̀лъ Я ѣсть съ вами сію пасху прежде своего страданія* (Лк. XXII. 15)? „Сказавъ это, говоритъ авторъ, онъ уже разрѣшилъ задачу, такъ какъ выразилъ, что предавшій эту пасху совершилъ нѣкоторую различную пасху съ той законной и прообразовательной пасхой, совершилъ свою пасху, пасху новаго завѣта“. Затѣмъ, согласно съ Евстратіемъ Никейскимъ, Николай Меѳонскій указываетъ на то, что на вечери были оставлены соотвѣтствующія законной пасхѣ законныя блюденія и было принято много противоположнаго съ закономъ о совершеніи законной пасхи (Исх. XII. 5—11). Наконецъ, авторъ показываетъ, что въ годъ своей смерти Христу не было нужды совершать законную пасху. Правда, Христу надлежало исполнить всякую законную правду, какъ по

отношенію ко всѣмъ другимъ постановленіямъ закона такъ и по отношенію къ предписаніямъ закона о пасхѣ. „Но, продолжаетъ авторъ, Онъ и исполнилъ ее, совершая въ узаконенное время пасху во всѣ предшествовавшіе страданію годы своей жизни. Теперь же надлежало, конечно, образу соединиться съ первообразомъ, надлежало, чтобы вмѣстѣ съ законнымъ агнцемъ былъ закланъ и божественный агнецъ, надлежало, чтобы и тайнами благодати было предувѣрено таинство, предназначенное совершаться во всѣ послѣдующія времена въ воспоминаніе однажды бывшей благодати... Такимъ образомъ, когда таинство предобъявлено было тайно тайнами, то вслѣдъ за этимъ содѣлалось и спасеніе наше на крестѣ. Великая и необыкновенная жертва соединилась тогда съ законною жертвою. Вотъ почему соотвѣтственно образу въ 14-й день перваго мѣсяца Христосъ былъ закланъ. Все здѣсь умно и сверхъестественно, насколько образное чувственно и естественно: совершенный агнецъ, мужескаго пола, однолѣтній и все остальное предъизображенное въ писаніи совершенія здѣсь созерцаемо духовно, какъ прекрасно и весьма ясно подробно философствовалъ объ этомъ святый Григорій Богословъ.

Во второмъ своемъ сочиненіи въ подтвержденіе того, что въ годъ своей смерти Христосъ не вкушалъ законной пасхи и Его послѣдняя вечеря съ учениками была обыкновенной, а не пасхальной, Николай Меѳонскій приводитъ слѣдующія основанія: 1) если Христосъ долженъ былъ ѣсть законную пасху, чтобы исполнить законъ, то Онъ ѣлъ ее въ прежнія времена; 2) еванг. Матѳей, свидѣтельствуя о совершеніи вечери, ничего не говоритъ такого, изъ чего можно было бы заключать, что Христосъ ѣлъ законную пасху; 3) когда Іисусъ сказалъ Іудѣ: что хочешь дѣлать—дѣлай, то ученики, а въ числѣ ихъ и св. Матѳей, подумали, что Онъ говоритъ о покупкахъ, нужныхъ для наступающаго праздника; 4) еванг. Лука, выражаясь „насталъ день опрѣсноковъ (XXII. 7)“, показываетъ, что день опрѣсноковъ былъ близко, а не то, что этотъ день уже наступилъ, такъ что, какъ и у св. Матѳея, подъ этимъ днемъ у Луки разумѣется день предшествующій празднику опрѣсноковъ (ἡ πρὸ τῶν ἀζύμων ἐστίν),—иначе въ противорѣчіи еван-

гелистовъ было бы испраздненіе евангелія; 5) еванг. Лука и еванг. Матѳей согласно говорятъ, что на вечери было возлежаніе, они не показываютъ, что вмѣстѣ съ возлежащими за трапезой находился и хозяинъ дома, наконецъ, изъ евангелій видно, что на трапезѣ было предложено блюдо съ влажнымъ кушаньемъ и чаша, изъ которой пили вино,—все это показываетъ, что то была обыкновенная трапеза, послѣ которой была совершена тайная вечеря, которую Спаситель назвалъ вожделѣнной пасхой; 6) еванг. Іоаннъ говоритъ, что іудеи, приведшіе Іисуса къ Пилату, *сами не вошли въ преторію, чтобы не осквернитьсѧ, но чтобы можно было ѣсть пасху* (XVIII. 28), что „предъ праздникомъ пасхи“ Іисусъ „всталъ съ вечери“ и умылъ ноги учениковъ (XIII), что іудеи въ пятницу просили Пилата, *чтобы тѣло Іисуса не оставалось на крестѣ въ субботу, ибо та суббота была день великій*, — все это показываетъ, что законная пасха еще не наступила; 7) совершать законную пасху ранѣе назначеннаго для нея времени и представлять этимъ іудеямъ поводъ къ справедливому обвиненію Спасителю не было никакой нужды, если же въ четвергъ было законное время для пасхи, а слѣдующая за нимъ пятница дѣйствительно была 15-мъ днемъ и, слѣдовательно, первымъ днемъ опрѣсноковъ, то что же іудеи не побоялись совершить распятіе въ тотъ самый день, который былъ даже почетнѣйшимъ субботы, т. е. въ самый день пасхи?

Пространное и болѣе самостоятельное изслѣдованіе о днѣ пасхальной вечери находится въ трактатѣ Никиты Сеида [1]). Въ своемъ обширномъ сочиненіи онъ между прочимъ также ставитъ себѣ цѣлію доказать, что „прежде страданія и погребенія Спасителя не было законной пасхи и совершенно не было опрѣсноковъ, такъ чтобы на нихъ Христосъ могъ совершить свою пасху“. „Какъ въ самомъ дѣлѣ могло это статься, когда въ то время не было четырнадцатой луны, а когда не было четырнадцатой луны, то не совершалось и пасхи у евреевъ, а если не было законной пасхи, то во всякомъ случаѣ не приготовлялось и опрѣсноковъ,—они приготовля-

[1]) Рукоп. № 368. Νικήτα τοῦ σειδου λόγος δεύτερος.

лись вмѣстѣ съ закланіемъ агнца и вмѣстѣ съ агнцемъ были съѣдаемы. Указавъ законоположеніе о пасхѣ (Исх. XII гл.), авторъ говоритъ, что ничего такого не было совершено Спасителемъ и Его учениками на вечери и, слѣдовательно, та вечеря была привычнымъ и обыкновеннымъ ужиномъ, послѣ котораго послѣдовало преданіе таинства. Затѣмъ, авторъ доказываетъ свое положеніе, что еще не наступило 14-й луны въ день вечери, счисленіемъ лѣтъ отъ сотворенія міра до времени страданія Спасителя. „Когда, говоритъ онъ, исполнилось отъ сотворенія міра 5505 лѣтъ и когда начался 5506 годъ Господь и Богъ нашъ неизъяснимо родился отъ Дѣвы. Пребывая Богомъ, Онъ сдѣлался и совершеннымъ человѣкомъ. Подлинно долженствовало, чтобы тогда явился новый Адамъ и Богъ въ исполненіе сокрушеннаго грѣхомъ Адама ветхаго и подпавшаго одному только чувству, когда пришла къ концу пятерица чувственныхъ временъ, умноженно образованная пятью. Итакъ, когда окончился 5505 годъ, тогда, по предвѣчному совѣту и предвѣдѣнію Божію, явился Христосъ при началѣ слѣдующаго года, когда былъ 25 день декабря мѣсяца и кругъ солнца былъ 18. Прожилъ же Онъ на землѣ 33 полныхъ года и 3 мѣсяца, считая время отъ того самаго 25 декабря, когда Онъ родился, до 23 дня марта мѣсяца. Въ пятницу 23-го марта Онъ умеръ и вечеромъ былъ погребенъ. Въ этотъ день, при наступленій 14-й луны, и евреи совершали свою пасху, такъ что спасительное для міра страданіе Христа произошло въ 5539 годъ отъ созданія міра, мѣсяца марта въ 23-й день, а въ шестой недѣли; законная же пасха совершалась у іудеевъ послѣ погребенія Его, когда уже наступала суббота, въ которую былъ 24-й день сказаннаго мѣсяца, т. е. она начиналась съ вечера пятницы. Святое же воскресеніе было въ 25-й день мѣсяца и первой недѣли... Что все это такъ, а не иначе, повѣрьте сами то, что сказано. Кругъ солнца былъ тогда двадцать третій, а луны десятый; отъ сотворенія міра до пришествія Христа 5506 лѣтъ, сложивъ съ нимъ еще 33 года Его вочеловѣченія, получите 5539 лѣтъ полныхъ; потомъ, раздѣливъ это на 19 круговъ луны, вы найдете во время страданія 10-й кругъ ея: затѣмъ, точно также раздѣливъ тѣже годы на 28 солнечныхъ круговъ, вы найдете, что солнеч-

ный кругъ былъ 23, изъ чего вы легко можете найти, по счисленію круга луны, въ какомъ мѣсяцѣ и въ какой день луны была законная пасха, а по счисленію круга солнечнаго легко узнать, въ какой день недѣли было страданіе Христово, а также легко узнать, въ какой день мѣсяца и недѣли было и самое воскресеніе Христово". Авторъ твердо держится показанной имъ системы счисленія лѣтъ отъ сотворенія міра до Рождества Христова, на которой обосновано у него опредѣленіе времени страданія Христова. Указавъ другія системы счисленія лѣтъ „въ хроникахъ историковъ", т. е. въ пасхальныхъ хроникахъ, онъ твердо и съ большимъ авторитетомъ отстаиваетъ именно указанную имъ систему, показывая всю несообразность другихъ системъ съ сущностію вещей. Напротивъ, въ основаніи своего счисленія онъ видитъ гармонію или полное соотвѣтствіе таинства съ изначальнымъ устройствомъ. Авторъ проводитъ полную аналогію между самою первою недѣлею, недѣлею сотворенія міра и недѣлею спасительнаго страданія Христова. Первая недѣля имѣла въ самой себѣ равноденствіе, такъ какъ луна явилась въ четвертый день. Человѣкъ былъ созданъ не во тмѣ, но тогда, когда уже были свѣтъ и равноденствіе и именно въ пятницу, а въ субботу—седьмой день—Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Такъ и Господь въ среду былъ преданъ на страданіе, въ пятницу пострадалъ для возстановленія падшаго человѣка, который также въ пятницу лишился рая, въ субботу Господь почилъ въ сердцѣ земли, а въ первый день послѣ субботы, въ день, который былъ началомъ чувственнаго свѣта, явился мысленный свѣтъ-свѣтъ воскресенія.

Выставивъ указанное нами главное свое доказательство того, что прежде распятія и страданія Христова не было законной пасхи, Никита Сеидъ переходитъ къ другимъ доказательствамъ. Онъ подробно излагаетъ по всѣмъ евангелистамъ обстоятельства посланія двухъ учениковъ для приготовленія горницы для вечери и говоритъ, что они не приготовляли ничего для совершенія законной пасхи. Затѣмъ, описавъ образъ совершенія вечери, когда всѣ возлежали и обмакивали въ блюдо, Никита Сеидъ заключаетъ, что уже и поэтому можно видѣть, что это былъ обыкновенный ужинъ, а не пасха, когда іудеи ѣли стоя и съ поспѣшностію, какъ повелѣвалъ

законъ, и когда никто не былъ возлежащимъ при трапезѣ. „Какъ въ прямомъ, стоячемъ положеніи, держа въ рукахъ посохъ, опрѣсноки, горькія травы и мясо, можно еще держать блюдо и обмакивать въ него, не имѣя трехъ рукъ,—я и понять не могу“, замѣчаетъ авторъ. Особенно страннымъ кажется автору признавать, что во время законной пасхи могли пить и вино. „Обратите вниманіе на чашу, говоритъ онъ, неужели и вино испивалось при совершеніи законной пасхи? Можете вы показать это отъ писанія? Покажите и мы убѣдимся, но во всякомъ случаѣ вы совершенно не можете показать этого“. Наконецъ, авторъ допускаетъ и то, что если была приготовлена горница, для совершенія въ ней законной пасхи, и ученики съ хозяиномъ дома думали, что Господь будетъ ѣсть съ ними пасху вечеромъ въ пятницу, то все-таки Христосъ, зная, что вольное страданіе Его и смерть имѣютъ совершиться прежде пасхи, когда они возлежали и вечеряли съ Нимъ, вечеромъ въ четвергъ, въ той самой устланной горницѣ, неожиданно преподалъ имъ свою пасху, сказавъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе*“.

Относительно сказаній евангелистовъ о днѣ вечери Никита Сеидъ говоритъ, что первые три евангелиста, безъ всякаго противорѣчія другъ съ другомъ, говорятъ только о приближеніи законной пасхи и праздника опрѣсноковъ. Нѣтъ у первыхъ трехъ евангелистовъ и никакого разногласія съ евангелистомъ Іоанномъ, но точное и истинное согласіе. „Но, продолжаетъ авторъ, если бы даже и не такъ показалось это поносителямъ писанія, то во всякомъ случаѣ одному Іоанну надлежало бы повѣрить болѣе, чѣмъ троимъ. Положимъ, тѣхъ трое и при трехъ свидѣтеляхъ утвердится всякое слово, однако этотъ ученикъ Христовъ всегда находился вмѣстѣ съ Нимъ, какъ болѣе другихъ возлюбленный, ни на короткое время не разлучался съ Нимъ... Маркъ и Лука были учениками одинъ Петра, а другой Павла, подъ диктовку которыхъ они написали свои евангелія, Іоаннъ же, на долгое время переживши ихъ, то, что у троихъ евангелистовъ было опущено, восполнилъ и, что у тѣхъ было разсказано темно, сдѣлалъ болѣе яснымъ. Мы сказали это, дерзновенно утверждая, что должно возлюбленнаго ученика и Богослова считать достовѣрнѣйшимъ про-

чихъ евангелистовъ, если бы и въ самомъ дѣлѣ было у нихъ разногласіе, такъ какъ онъ зналъ лучше всѣхъ все то, что было сказано Христомъ или о Христѣ. Но такъ какъ разногласіе у нихъ невозможно, то, если его нѣтъ, мы выставимъ здѣсь и этого евангелиста и разсмотримъ, что и какъ возвѣстилъ онъ о Господней пасхѣ". Затѣмъ авторъ разсказываетъ по евангелисту Іоанну исторію жизни Спасителя въ послѣдніе дни предъ страданіемъ и приводитъ изъ XIII главы этого евангелиста извѣстныя доказательства того, что вечеря была совершена прежде пасхи и послѣ этой обыкновенной вечери было совершено таинство. „Итакъ, заключаетъ авторъ свои разсужденія о днѣ пасхальной вечери, чтобы не узнали ни іудеи, ни предатель, что Онъ прежде времени совершаетъ пасху и не получили бы, конечно, основательнаго обвиненія противъ Него, Онъ за одинъ день до праздника приготовился, какъ будто имѣя намѣреніе совершать законную пасху. Такъ понимали это и ученики Его. Но противъ всякаго ожиданія Онъ преподалъ свою пасху и тотчасъ же былъ преданъ во время глубокой ночи, когда, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ евангелія Іоанна (XVIII. 28, 38—40; XIX. 14, 31), еще не было законной пасхи. Но можетъ быть кто нибудь возразитъ: для чего іудеи нуждались въ другихъ свидѣтельствахъ противъ Христа и не выставляли этого великаго и сильнаго свидѣтельства о нарушеніи закона. Видимое нарушеніе закона представляло имъ два основанія для обвиненія: что Христовъ совершилъ пасху прежде законнаго времени и что Онъ совершилъ не законную, а свою пасху. Но пусть узнаетъ возразившій это, что по этой причинѣ Христосъ совершилъ свою пасху тайно, когда сами ученики Его не предвидѣли часа ея совершенія. Но пусть, скажетъ возражатель, не могли знать объ этомъ іудеи, но почему предатель не сказалъ имъ объ этомъ? Но какъ и когда? Самъ предатель не измѣнился ли тотчасъ послѣ преданія, бросивъ сребренники? У него не было и намѣренія предать учителя на смерть, но, будучи сребролюбивымъ, онъ, взялъ сребренники, предалъ Его, думая можетъ быть остаться незамѣченнымъ и опять быть вмѣстѣ съ учителемъ послѣ посмѣянія надъ Нимъ іудеевъ, или онъ думалъ, что Его быть можетъ накажутъ

бичеваніемъ и опять освободятъ. Но послѣ того, какъ Іуда узналъ, что Христосъ осужденъ на смерть, то раскаявшись тотчасъ отвергъ сребренники и удавился (Матѳ. XXVII. 3—6)".

Положеніе, что Христосъ совершилъ пасхальную вечерю въ 13-й день луны, въ четвергъ, прежде законной пасхи, которая была вечеромъ въ пятницу, въ 14-й день луны, признаетъ справедливымъ и патріархъ антіохійскій Іоаннъ въ своемъ посланіи къ адріанопольскому архіепископу. „Какъ и откуда могъ находиться опрѣсночный хлѣбъ на вечери, говоритъ онъ, когда необходимо, чтобы было одно изъ двухъ: или опрѣсноки еще не были приготовлены, такъ какъ праздникъ опрѣсноковъ имѣлъ наступить въ будущемъ, или если Онъ ѣлъ приготовленные опрѣсноки, то во всякомъ случаѣ ѣлъ не по закону. Такъ какъ въ день законной пасхи, въ пятницу, Христосъ долженъ былъ быть распятымъ, то Онъ упреждаетъ ее и вкушаетъ законную пасху съ учениками вечеромъ въ четвергъ, если только дѣйствительно Онъ вкушалъ ее, хотя евангеліе не показываетъ намъ ничего такого, развѣ только то, что ученики совершили приготовленіе пасхи. Хотя ученики Спасителя сами говорятъ, что только „приближался праздникъ" и кромѣ того то, что совершилъ Спаситель называютъ вечерею, но мы соглашаемся признать и то, что Христосъ ѣлъ законную пасху. Однако пасху Христосъ ѣлъ въ четвергъ, во время вечери предалъ таинственное священнодѣйствіе, потомъ былъ взятъ отрядомъ воиновъ, пришедшихъ съ Іудою, сначала отведенъ къ Аннѣ, потомъ къ Каіафѣ и, когда настало утро пятницы, ведутъ Его въ преторію. Тѣже, которые вели Его, сами не вошли въ преторію и причина этого *чтобы не оскверниться, но чтобы можно было ѣсть пасху*, такъ что и слѣпому ясно, что въ ту пятницу приходилось у іудеевъ быть пасхѣ... Если же все это такъ, то откуда въ четвергъ могъ быть на вечери опрѣснокъ"? Затѣмъ, авторъ указываетъ на то, что если Христосъ долженъ былъ совершить пасху во исполненіе закона, то надлежало бы, чтобы Онъ совершилъ и семидневный праздникъ опрѣсноковъ, а Онъ на слѣдующій день по совершеніи вечери былъ распятъ. Наконецъ, допуская сначала вѣрнымъ то положеніе, что Христосъ совершилъ свою вечерю на

опрѣснокахъ, авторъ, выставляя нелѣпость такого мнѣнія, спрашиваетъ: „Для чего же на опрѣснокѣ ветхаго завѣта, Онъ совершилъ таинство новаго завѣта, смѣшавъ несмѣсимое? Можетъ быть Онъ хотѣлъ открыть, что законъ прилагается къ евангелію, такъ что долженъ составлять нѣчто неотдѣлимое отъ него, такъ что долженъ почитаться не іудеями только, но всѣмъ созданіемъ? Тогда тщетною окажется проповѣдь апостола: *древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. V 17), что „законныя бремена положены только до времени исправленія“ и все другое, чѣмъ Онъ показываетъ упраздненіе закона. Конечно, если бы послѣ воскресенія въ продолженіе семи дней было предано таинство, то могло бы имѣть нѣкоторое основаніе мнѣніе италійцевъ, что оно было совершенно безъ кваснаго хлѣба, такъ какъ въ тѣ семь дней квасное повсюду было уничтожено. Но теперь Господь предваряетъ своимъ страданіемъ іудейскую пасху и принятіе опрѣсноковъ, а преломленіемъ хлѣба предаетъ новое служеніе“...

Вопросъ о днѣ пасхальной вечери въ XII вѣкѣ не получилъ особенно широкаго развитія въ трудахъ греческихъ полемистовъ и почти ограничивался только тѣми доводами и выводами, которые были сдѣланы по этому вопросу въ XI вѣкѣ, особенно въ сочиненіи съ именемъ Никиты Давида Пафлагонскаго. Дѣло въ томъ, что грекамъ во что бы то ни стало хотѣлось доказать, что на вечери Христосъ употребилъ квасный хлѣбъ, а не опрѣснокъ, а это могло быть признано вѣрнымъ лишь тогда, когда могло быть доказано то, что Христосъ совершилъ свою вечерю до праздника опрѣсноковъ. Въ сочиненіи Георгія митрополита Корцирскаго, въ которомъ описанъ между прочимъ диспутъ между греками и латинянами въ Константинополѣ по вопросу объ опрѣснокахъ, буквально повторяется разсужденіе о днѣ пасхальной вечери Евстратія митрополита Никейскаго. Но описывая самый диспутъ между греками и латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ, Георгій Корцирскій разсказываетъ, что греки между прочимъ говорили латинянамъ: „нѣтъ сомнѣнія въ томъ, какой былъ данъ Христомъ ученикамъ хлѣбъ— безквасный или квасный, такъ какъ вы и сами это знаете, имѣя

подтвержденіе для этого изъ настоящаго времени. Предвидящій все прежде бытія его, всѣмъ управляющій и все обновляющій, открылъ всѣмъ это великое таинство. Тутъ они разсказали, что когда франки овладѣли царственнымъ городомъ, то обыскали въ Іерусалимѣ (т. е. въ Константинополѣ) сокровищницы не только въ чертогахъ но и въ домахъ Господнихъ, какъ нѣкогда Навуходоносоръ и его военачальникъ Навузардесъ. Когда же они разбойнически ворвались въ сокровищехранительницу великаго дворца (ἐν τῷ σκευοφυλακείῳ τοῦ μεγάλου παλατίου), гдѣ сохранялись святыни, именно: куски честнаго древа креста, сандаліи Спасителя, гвоздь и пелены, что и мы видѣли собственными глазами, то они нашли тамъ и самое великое. Они нашли тамъ, о милосердый Господи, и тотъ хлѣбъ, который Христосъ мой пречистыми руками раздѣлилъ на вечери своимъ ученикамъ! Этотъ хлѣбъ они нашли въ нѣкоторомъ золотомъ сосудѣ, украшенномъ жемчужинами и драгоцѣнными камнями, на которомъ было видно и надписаніе греческими письменами: ἐνθάδε κεῖται ὁ θεῖος ἄρτος, ὃν ὁ Χριστὸς τοῖς μαθηταῖς ἐν τῇ ὥρα τοῦ δείπνου διένεμεν, εἰπὼν λάβετε, φάγετε τοῦτό ἐστι τὸ σῶμα μοῦ (здѣсь лежитъ св. хлѣбъ, который Христосъ раздѣлилъ во время вечери ученикамъ, сказавъ: „пріимите, ядите сіе есть тѣло мое“). Далѣе идетъ разсказъ о томъ, какъ латинскіе епископы, нашедшіе, по взятіи Константинополя крестоносцами, эту святыню, хотѣли было скрыть ее, но только неложный Богъ не попустилъ этого. Этотъ разсказъ показываетъ, насколько сильно было у грековъ желаніе, во что бы то ни стало доказать латинянамъ, что они совершаютъ таинство на квасномъ хлѣбѣ по примѣру Христа.

Только одинъ блаженный Ѳеофилактъ Болгарскій, какъ уже мы имѣли случай говорить объ этомъ въ предшествующей главѣ, ясно высказалъ, что разность въ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи не нарушаетъ святости таинства. Признавъ, что Христосъ совершилъ законную пасху по еврейскому обычаю и поэтому употребилъ на ней опрѣснокъ, онъ, какъ мы видѣли, живо изобразилъ, что въ настоящее время христіанамъ нѣтъ ни необходимости, ни возможности домогаться совершенія таинства евхаристіи съ тою

же самою внѣшнею обстановкою, съ какою это таинство было совершено при самомъ его установленіи.

Что касается латинскихъ полемистовъ, то они всѣ безъ исключенія держались того мнѣнія, что Христосъ совершилъ свою пасхальную вечерю по еврейскому закону и обычаю, такъ что употребилъ на ней опрѣсноки. Въ первый разъ это положеніе развиваетъ папа Левъ IX въ своемъ второмъ письмѣ къ патріарху Михаилу Керуларію. „Тотъ, кто не пришелъ разорить законъ, но исполнить, пишетъ онъ, согласно предписаніямъ самаго закона, совершилъ древнюю пасху изъ опрѣсноковъ и вина, а потомъ, какъ ясно повѣствуетъ Лука, Онъ заповѣдалъ ученикамъ совершать изъ опрѣсноковъ и вина новую пасху. Въ продолженіе всѣхъ тѣхъ восьми дней квaснаго не оказывалось даже во всѣхъ предѣлахъ Израиля, а у кого только нашлось бы, то погублялась душа того отъ народа его (Исх. XII). Что если бы на вечери Господа Іисуса оказалось квасное, или самъ Онъ, или ученики Его какимъ бы то ни было образомъ вкушали квасное? Они по справедливости погибли бы, какъ нарушители закона, и самъ Господь не сказалъ бы своимъ подстерегателямъ: *кто изъ васъ обличитъ Меня во грѣхѣ* (Іоан. 8)? Тогда не было бы нужды искать для погубленія Его и ложныхъ свидѣтелей, когда вслѣдствіе только этого Онъ по справедливости подвергался бы погибели. Но Онъ не сдѣлалъ грѣха и не было лести во устахъ Его (1 Петр. 2) [1]).

Широкое развитіе доказательствъ того, что Христосъ употребилъ на вечери опрѣснокъ, представляетъ Діалогъ кардинала Гумберта [2]). „Если бы вы (греки), пишетъ Гумбертъ, не противились явной истинѣ и открыто не возставали противъ ветхаго и новаго завѣта, то вы согласились бы съ нами и признались, что опрѣснокъ былъ хлѣбомъ, который Господь Іисусъ раздѣлилъ на вечери съ первыми основателями своей церкви въ память своего святѣйшаго страданія. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе семи дней пасхи квaснаго не находилось и не оказывалось во всѣхъ домахъ и пре-

[1]) Epist. Leonis IX p. 91.

[2]) Humberti Dialogus,—cap. XIV—XVIII.

дѣлахъ Израиля, а у кого было бы найдено квасное, то такой по приговору закона погибалъ изъ сонма Израиля, какъ преступникъ божественнаго закона. Если мы вѣримъ словамъ говорящей истины: *Я пришелъ не разорить законъ, но исполнить* (Мтѳ. V. 17), то намъ должно также вѣровать и исповѣдывать, что Господь Іисусъ не пропустилъ ни одной іоты или ни одной черты закона и что, бывъ непричастнымъ всякаго нарушенія закона, Онъ сказалъ своимъ подстерегателямъ: *кто изъ васъ обличитъ Меня въ грѣхѣ* (Іоан. VIII. 46)? Въ противномъ случаѣ Онъ не понесъ бы грѣха многихъ и не молился бы за преступниковъ, чтобы они не погибли. Онъ не за насъ пострадалъ бы, но справедливо былъ бы наказанъ за свое преступленіе, особенно когда при открытіи у Него кваснаго Онъ оказался бы не единственнымъ преступникомъ закона, но сверхъ того сдѣлалъ бы еще повинными смерти многихъ учениковъ, напитавши ихъ квасным. Смотрите, куда клонится ваше разсужденіе. Конечно, если бы на праздникѣ опрѣсноковъ сказали, что Онъ употреблялъ квасное, то справедливо былъ бы приговоренъ къ смерти за свой грѣхъ тотъ, кто грѣха не сдѣлалъ и въ устахъ кого не находилось лести. Сверхъ того, вы представляете іудеямъ большой поводъ къ тому, чтобы они испытывали удовольствіе по поводу умерщвленія Господа, твердо пребывали въ своемъ заблужденіи и испраздняли нашу вѣру, когда вы, славящіеся христіанскимъ именемъ, обвиняете Христа въ томъ, въ чемъ не осмѣлился упрекать Его никто изъ іудеевъ ни тогда, ни теперь, если какъ-нибудь не научился подъ вашимъ руководствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя первосвященникъ и весь синедріонъ искали ложнаго обвиненія на Іисуса, чтобы предать Его смерти и не могли найти такого обвиненія въ Его ученіи, однако въ чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ вы обвиняете, никто изъ нихъ не обвинилъ Его. Если же было бы такое обвиненіе, то только одного его было бы достаточно для Его погибели". Разсказавъ по всѣмъ евангелистамъ судъ надъ Іисусомъ у Пилата, Гумбертъ продолжаетъ: „столь несправедливымъ свидѣтелямъ, возстающимъ на Господа, не достаточно ли было бы одной этой вашей лжи, если бы имъ, по крайней мѣрѣ, было извѣстно это? Развѣ не настаивали бы они предъ Пилатомъ и развѣ не сказали бы:

мы законъ имѣемъ и по закону нашему Онъ долженъ умереть, потому что въ пасху ѣлъ квасное или оказалось у Него квасное. А можетъ быть вы скажете, что Онъ въ такомъ случаѣ вынужденъ былъ поступать тайно? Да не будетъ! Не только о своихъ дѣлахъ, но и о своихъ словахъ Онъ сказалъ самому допрашивающему Его первосвященнику: *Я говорилъ явно міру*... (Іоан. XVIII. 20. 21). Нарушеніе святаго закона могъ ли еще скрыть и хозяинъ дома, въ которомъ Онъ совершалъ пасху, когда извѣстно, что онъ былъ особеннымъ ревнителемъ отеческихъ преданій? Если какъ-нибудь и хозяинъ могъ скрыть или, положимъ, онъ самъ былъ соучастникомъ, то могъ ли скрыть Іуда, этотъ приверженецъ злыхъ іудеевъ, который по псалмопѣвцу былъ единодушнымъ съ Нимъ, былъ Его другомъ и близкимъ и тѣмъ болѣе, что Іуда былъ расходчикомъ? Объявляя предателя возлюбленному Іоанну, Господь сказалъ: *тотъ самый, кому Я, обмакнувъ кусокъ хлѣба, подамъ* (Іоан. XIII. 26), а когда обмакнулъ хлѣбъ, подалъ Симону Искаріотскому. Вотъ здѣсь дважды сказано ἄρτον, который вы принимаете за квасный хлѣбъ. Если бы это дѣйствительно было такъ, то что препятствовало жадному Іудѣ, показавъ квасный хлѣбъ, явно предать кровь своего учителя, котораго Онъ предалъ тайно? Или какая необходимость была для него съ отчаяніемъ говорить: *согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную* (Мѳ. XVII. 4), когда преданіемъ нарушителя закона онъ отклонилъ бы отъ себя и отъ народа гнѣвъ Господа и заслужилъ бы милость? Чтобы въ немногихъ словахъ коснуться предписанія объ этомъ закона, обратите вниманіе на то, о чемъ пространно говорится во Второзаконіи (Второз. XIII. 6—8. 17). Теперь, чтобы не уменьшить дѣла, я еще положу преграды для вашей мысли. Вы, не зная веревочкою какихъ бы священныхъ писаній привлечь ладью своего мнѣнія къ какому-нибудь твердому берегу, можетъ быть, увлекаетесь по теченію въ море божественнаго всемогущества. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы начали бы вывѣдывать, откуда Господь Іисусъ могъ имѣть на вечери квасный хлѣбъ, когда его не находилось во всѣхъ предѣлахъ Израиля, — намъ могутъ отвѣчать: „если признается Онъ всемогущимъ, то Онъ вдругъ могъ откуда бы то ни было достать квасный хлѣбъ, или, по крайней

мѣрѣ, благословивъ, могъ оквасить самый опрѣснокъ". Показывая несообразность такого объясненія, Гумбертъ во-первыхъ указываетъ на то, что Христосъ въ такомъ случаѣ все равно оказался бы преступникомъ закона, а во-вторыхъ о такомъ чудесномъ фактѣ повѣствовалъ бы кто-нибудь изъ евангелистовъ. „Мы же, продолжаетъ авторъ, отвѣтимъ вамъ вѣрнѣе и тверже: хотя Господь Іисусъ сдѣлалъ бы и сдѣлаетъ все, чего бы только Онъ не пожелалъ, но этого Онъ не могъ сдѣлать, точно также какъ нѣкогда Онъ не могъ сдѣлать хлѣба изъ камней. Если спросятъ почему? Отвѣтъ короткій—потому что не хотѣлъ. Но если и послѣ этого захотятъ знать—почему не хотѣлъ? Потому что Онъ не могъ нарушать и не нарушилъ закона, такъ какъ Онъ пришелъ не разорить законъ, но исполнить. Итакъ, необходимо, чтобы вы избрали одно изъ двухъ: или Онъ, оставивъ квасный хлѣбъ, исполнилъ законъ совершеніемъ пасхи на опрѣснокахъ, или, принявъ квасный хлѣбъ для совершенія пасхи, Онъ нарушилъ законъ и такимъ образомъ оказался лжецомъ, когда сказалъ, что Онъ пришелъ для исполненія закона".

Затѣмъ, Гумбертъ обращается къ опроверженію мнѣнія грековъ, что Христосъ совершалъ свою вечерю прежде, чѣмъ по закону послѣдовало оставленіе кваснаго хлѣба. „Такъ какъ вы соображаете, говоритъ онъ, что вашъ квасный хлѣбъ дѣйствительно противорѣчитъ закону и евангелію, то пытаетесь утверждать, что Господь не совершалъ пасхи съ іудеями въ 14-ю луну перваго мѣсяца, но совершилъ прежде нежели, по закону послѣдовало оставленіе кваснаго хлѣба. Это вы пытаетесь подтвердить изъ евангелія Іоанна, который говоритъ: *и сами они не вошли въ преторію, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было пъсть пасху* (XVIII. 28). Насколько нелѣпо такъ говорить, поймите по крайней мѣрѣ изъ того, что вы не опасаетесь снова возвѣщать, что Христосъ нарушитель закона, когда и Лука представляетъ: *когда насталъ часъ, Онъ возлегъ* (XXII. 14). Хотя законъ позволяетъ дважды праздновать пасху, однако онъ объявляетъ, что 14-я луна во всякомъ случаѣ должна соблюдаться и повелѣваетъ быть чистыми именно въ 14-ю луну перваго мѣсяца. Если бы кто бы то ни было осмѣлился по-

ступать иначе, то погибалъ отъ среды народа своего. Но если спросятъ: почему Іоаннъ 15-ю луну, т. е. вторую отъ пасхи, назвалъ пасхою,—тогда бы кажется онъ былъ долженъ сказать такъ: и сами они не вошли въ преторію, чтобы не осквернитьсѧ, но чтобы можно было ѣсть опрѣсноки? Знайте, что у евангелистовъ слова „пасха“ и „опрѣсноки“ употребляются безразлично. Въ самомъ дѣлѣ, пусть Господь сказалъ ученикамъ: *„вы знаете, что чрезъ два дня будетъ пасха“* (Мѳ. XXVI. 2), однако св. Матѳей, упоминая о самомъ днѣ, въ вечеръ котораго была пасха, говоритъ: *„въ первый же день опрѣсночный...“* (17 ст.). Согласно съ нимъ Маркъ говоритъ: *„чрезъ два дня надлежало быть празднику опрѣсноковъ“* (XIV. 1) и не много ниже: *„въ первый день опрѣсноковъ, когда закалали пасхальнаго агнца“* (ст. 12). Если здѣсь не употребляются безразлично пасха и опрѣсноки, такъ что и пасха употребляется вмѣсто праздника опрѣсноковъ и праздникъ опрѣсноковъ принимается за пасху, то какое значеніе удержитъ выраженіе: „чрезъ два дня надлежало быть празднику пасхи и опрѣсноковъ“? Сообразно съ вашимъ пониманіемъ должно было бы написать такъ: чрезъ два дня надлежало быть празднику пасхи, а еще спустя два дня празднику опрѣсноковъ. Но блаженный Лука, разрѣшая всякій такого рода споръ, говоритъ: *„приближался праздникъ опрѣсноковъ, который называется пасхою“* (XXII. 1). Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ, который собственно назывался пасхою, по злоупотребленію, пасхою одинаково назывались и послѣдующіе семь дней опрѣсноковъ, то, желая показать, какой именно день должно разумѣть, онъ показалъ это въ болѣе явномъ свѣтѣ, сказавъ: *„насталъ же день опрѣсноковъ, въ который должно было закалать пасхальнаго агнца“* (ст. 7),—это очевидно онъ говоритъ о 14-мъ днѣ, къ вечеру котораго закалали агнца, котораго евангелистъ также называетъ пасхою. Такъ же точно онъ повѣствуетъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, что Иродъ, взявъ Петра, посадилъ въ темницу, намѣреваясь послѣ пасхи вывести его къ народу. А что онъ называетъ пасхою, онъ тотъ часъ показываетъ, присоединивъ: *„тогда были дни опрѣсноковъ“* (XII. 3). И это неудивительно: еще въ книгѣ Исходъ

Господь, предписывая три праздника, умолчалъ о пасхѣ, а только повелѣлъ соблюдать праздникъ опрѣсноковъ, безъ котораго не могла совершаться пасха. Затѣмъ, какой день хотѣлъ показать Іоаннъ, когда сказалъ: *„не вошли, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было ѣсть пасху“*, то объ этомъ онъ говоритъ немного ниже: *тогда была пятница предъ пасхою и часъ шестый* (XIX. 14). Пятница же предъ пасхою считалась днемъ преддверія пасхи, когда уже предуготовлялось или наступало торжество великаго дня субботы, который считался у іудеевъ торжественнѣйшимъ между пасхальными днями, такъ что изъ уваженія къ нему соотечественники евангелиста опасались осквернить присутствіемъ въ преторіи или вступленіемъ въ нее и сверхъ того они не осмѣливались, чтобы въ субботу оставались тѣла на крестѣ. Что праздникъ пасхи назывался праздникомъ опрѣсноковъ,—это подтверждается еще тѣмъ, что самаго пасхальнаго агнца ѣли съ опрѣсноками и съ того самаго дня, какъ написано, квасного хлѣба не оказывалось въ тѣхъ предѣлахъ до вечера восьмаго дня. Кромѣ того, всѣ восемь дней этихъ трехъ празднествъ считались за одинъ день, какъ напримѣръ, о дняхъ праздника кущей Господь сказалъ: *„вы пойдете на праздникъ сей, а Я еще не пойду на сей праздникъ“* (Іоан. VII. 8). Однако Онъ, какъ сказано, уже въ срединѣ праздника пришелъ и говорится, что въ послѣдній день великаго праздника Іисусъ всталъ и возгласилъ: *„кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей“* (ст. 37).

Въ своемъ отвѣтѣ на трактатъ Никиты Стиѳата Гумбертъ не приводитъ никакихъ новыхъ доводовъ въ подтвержденіе того, что вечеря не была прежде праздника пасхи, а только указываетъ на прежніе свои доводы и главнымъ образомъ на то, что Христосъ, совершивъ свою пасху прежде законнаго времени, оказался бы виновнымъ вдвойнѣ и по закону справедливо долженъ быть наказаннымъ за то, что совершилъ пасху не въ свое время и за то, что совершилъ съ квасным хлѣбомъ. „По этой причинѣ, заключаетъ авторъ, смерть Христа рѣшительно нисколько не была бы для насъ полезною, такъ какъ Онъ погибъ бы не за наши, но за свои грѣхи, т. е. за то, что былъ преступникомъ святаго закона“.

Что касается до указанія Никиты Стиѳата на то, что во время страданія солнечный кругъ былъ 18, и кругъ луны 5, то Гумбертъ такой способъ объясненія дня послѣдней вечери Христовой называетъ выдумкою и, предоставляя такого рода вычисленія хронографамъ и пасхалистамъ, не желаетъ самъ спорить съ Никитою на этой почвѣ, тѣмъ болѣе, что у грековъ, латинянъ и евреевъ системы счисленія лѣтъ различны. Не нарушая ни одной іоты закона, Христовъ, разсуждаетъ Гумбертъ, совершилъ пасху въ 14-ю луну, вечеромъ въ четвергъ и, будучи схваченнымъ въ туже ночь, Онъ былъ распятъ въ 16-ю луну, т. е. въ пятницу, которая преимущественно называлась первымъ днемъ опрѣсноковъ, хотя и во весь предшествующій день кваснаго не оказывалось во всѣхъ предѣлахъ Израиля, потому что и агнецъ былъ съѣдаемъ съ опрѣсноками [1]).

Въ отрывкѣ полемическаго сочиненія противъ грековъ неизвѣстнаго автора также находится обвиненіе грековъ въ томъ, что они обвиняютъ Христа въ нарушеніи закона. „Мы изобличаемъ васъ (грековъ) въ томъ, что вы клевещете, будто бы Господь совершилъ пасху прежде 14-й луны, или если совершилъ и въ 14-ю луну, то все-таки совершилъ, вкушая квасное. Такимъ образомъ вы утверждаете, что Господь нарушитель закона и что Онъ разорилъ законъ, прежде чѣмъ онъ исполнился. Мы обличаемъ васъ въ этомъ, потому что евангеліе упоминаетъ, что то, что называется пасхою, было первымъ днемъ опрѣсноковъ и утверждаемъ, что Христосъ пришелъ не для разоренія, но для исполненія закона, чего во всякомъ случаѣ не было бы, если бы прежде чѣмъ законъ исполнился, Онъ нарушилъ бы его яденіемъ кваснаго. Отсюда слѣдуетъ то, что Господь согрѣшилъ и въ устахъ Его была лесть и Онъ погибъ бы, какъ нарушитель закона“ [2]). Такимъ образомъ, неизвѣстный авторъ исключительно держится главнаго основоположенія папы Льва IX, развитаго кардиналомъ Гумбертомъ.

---

[1]) Humberti responsio,—cap. XI.

[2]) Fragmentum,—Will p. 257.

Положеніе, что Христосъ совершилъ послѣднюю пасхальную вечерю во время, назначенное закономъ, и преподалъ таинство евхаристіи на опрѣснокахъ такъ утвердилось на западѣ, что Ансельмъ, архіепископъ Кэнтербюрійскій и находившійся съ нимъ въ перепискѣ епископъ Валераннъ говорятъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ вполнѣ рѣшенномъ и извѣстномъ [1]), хотя и не указываютъ никакихъ доказательствъ, подтверждающихъ ихъ мнѣніе. Ансельмъ епископъ Гавельбергскій въ диспутѣ по вопросу объ опрѣснокахъ съ Никитою Никомидійскимъ, затрогивая вопросъ о совершеніи Христомъ евхаристіи, также повторяетъ лишь доводы папы Льва IX и кардинала Гумберта въ пользу того, что Христосъ употребилъ на вечери опрѣснокъ. Онъ указываетъ, что Христосъ *не пришелъ разорить законъ, но исполнить;* что по закону (Исх. XII. 18—20) въ семь пасхальныхъ дней ни въ какомъ израильскомъ домѣ не находилось кваснаго хлѣба, а исключительно только были опрѣсноки,—слѣдовательно кваснаго хлѣба тогда нельзя было найти, что наконецъ, допускать, что Христосъ, какъ всемогущій, могъ сотворить квасное противно евангелію и неправдоподобно вообще [2]).

Другимъ доказательствомъ того, что самъ Господь Іисусъ Христосъ совершилъ таинство евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ, греческіе полемисты считали самое названіе этого хлѣба. У евангелистовъ и у ап. Павла хлѣбъ, употребленный Спасителемъ при установленіи таинства евхаристіи, называется по гречески ἄρτος, а это слово, говорили греки, всегда означаетъ хлѣбъ квасный какъ въ св. писаніи, такъ и въ обыкновенномъ словоупотребленіи. Хлѣбъ безквасный или называется опрѣснокомъ ἄζυμον, опрѣсноками—ἄζυμα, или же и хлѣбомъ, но непремѣнно съ прибавленіемъ слова опрѣсночный—ἄρτος ἄζυμος. Такимъ образомъ въ полемикѣ былъ поставленъ вопросъ: какъ должно понимать слово—ἄρτος,—выражаетъ ли это слово понятіе родовое или исключительно видовое?

Названіе употребленнаго въ евхаристіи хлѣба—ἄρτος съ самаго начала полемики выставлялось однимъ изъ самыхъ сильныхъ

---

[1]) De tribus Waleranni quaestionibus, cap. 1; Waleranni epistola, cap. II,—Migne Patrol. t. CLVIII.

[2]) Capitulum XVII.

доказательствъ въ пользу употребленія въ евхаристіи квасного хлѣба. „Смотрите, пишетъ Левъ Ахридскій въ своемъ письмѣ къ Іоанну Транійскому, какъ Онъ (Христосъ) назвалъ тѣломъ своимъ въ новомъ завѣтѣ—ἄρτος, какъ содержащій жизненность, полный духа и теплоты. Ἄρτος же отъ αἴρω, а αἴρω означаетъ: возвышаю, несу вверхъ, значитъ хлѣбъ, имѣющій отъ закваски и соли теплоту и возвышеніе [1])... Если же и въ ветхомъ завѣтѣ хлѣбы предложенія называются ἄρτοι (Исх. XXIX. 32; Лев. XXIV. 5; Матѳ. XII. 4), то такъ называются они въ несобственномъ значеніи и безъ различенія (καταχρηστικῶς καὶ ἀδιαφόρως), какъ напримѣръ: *хлѣбъ* (ἄρτον) *небесный далъ имъ* и *хлѣбъ* (ἄρτον) *ангельскій ѣлъ человѣкъ* (Пс. 77. 24—25), *слезы были для меня хлѣбомъ днемъ и ночью* (Пс. 44, 4),—здѣсь разумѣется манна.

Какъ на доказательство употребленія въ евхаристіи квасного хлѣба указываютъ на названіе евхаристійнаго хлѣба въ евангеліи Никита Стиѳатъ и Петръ Антіохійскій, хотя и не развиваютъ подробно этого своего доказательства. Оба они весьма сходно другъ съ другомъ указываютъ лишь на то, что какъ въ евангеліяхъ, такъ и въ посланіи ап. Павла (1 Кор. X. 16—17; XI. 23—24) употребленный Спасителемъ въ евхаристіи хлѣбъ называется ἄρτος, а не ἄζυμον [2]).

Леонтій, митрополитъ Преславы, развивая тоже самое доказательство, говоритъ, что нигдѣ нельзя найти въ Писаніи, чтобы подъ словомъ ἄρτος безъ прибавленія къ нему ἄζυμος разумѣлся опрѣснокъ. Вездѣ, гдѣ стоитъ слово хлѣбъ, безъ прибивленія къ нему опрѣсночный, разумѣется хлѣбъ квасный. Даже слово ἄρτος, хотя бы то въ соединеніи съ ἄζυμος, почти не употребляется, когда хотятъ означить опрѣснокъ; а если и употребляется, что случается рѣдко, то не иначе, какъ съ прибавленіемъ ἄζυμος. Хлѣбъ, говорится, опрѣсночный и это показываетъ, что опрѣснокъ—хлѣбъ въ

---

[1]) Варіантъ въ переводѣ Гумберта: «посмотрите, какъ Онъ назвалъ хлѣбомъ тѣло свое въ новомъ завѣтѣ: по вашему panis, а по нашему ἄρτος Ἄρτος же означаетъ хлѣбъ, увеличивающійся вверхъ, поднимающійся отъ закваски и соли, имѣющій теплоту и возвышеніе.

[2]) Epist. Petri, cap. XVI и XVII; Nicetae libellus, cap. VI.

несобственномъ смыслѣ; подобно какъ не въ собственномъ смыслѣ называютъ человѣкомъ или принимаютъ за него человѣка нарисованнаго. Въ собственномъ смыслѣ хлѣбомъ называется только хлѣбъ квасный, который поднимается... Господь говоритъ въ евангеліи: *блюдитеся отъ кваса фарисейска и саддукейска; а ученики помышляли въ себѣ: это значитъ, что мы не взяли хлѣбовъ. Уразумѣвъ же Іисусъ помышленія ихъ, сказалъ имъ: какъ же вы не разумѣете, что Я не о закваскѣ хлѣбной сказалъ вамъ* (Матѳ. 16, 6—11)? Итакъ, вотъ ученики, услышавши о закваскѣ, разумѣли хлѣбъ (ἄρτος); и Учитель ихъ даетъ разумѣть, что съ понятіемъ хлѣба (ἄρτος) естественно соединяется понятіе закваски: *тогда разумѣша, яко не рече хранитися отъ кваса хлѣбнаго, но отъ ученія фарисейска и саддукейска* (ст. 12).

Въ посланіи Іоанна митрополита русскаго, хотя и приводится доказательство употребленія квасного хлѣба въ евхаристіи, основанное на названіе хлѣба, но не развивается. Авторъ приводитъ только слова ап. Павла (I Кор. XI. 23—24) объ установленіи Христомъ таинства евхаристіи, и въ названіи хлѣба видитъ явное указаніе на квасный хлѣбъ. Митрополитъ Никифоръ также приводитъ слова ап. Павла (1. Кор. X. 17; XI. 23—24) о евхаристійномъ хлѣбѣ и по поводу ихъ замѣчаетъ: „Хлѣбъ нарече: хлѣба бо рече пріимъ, а не оплатокъ. Аще бы оплатокъ былъ, то оплатки бы и нарекль". Кромѣ того, приведя мѣсто изъ св. Іоанна о томъ, какъ Христосъ подалъ хлѣбъ Іудѣ въ обозначеніе того, что послѣдній будетъ Его предателемъ, авторъ продолжаетъ: и послушаютъ евангелиста, како хлѣбъ наречетъ: едино бо есть артусъ и хлѣбъ, а оплатокъ ино есть".

Никита Сеидъ въ своемъ обширномъ трактатѣ объ опрѣснокахъ также доказываетъ, что „въ св. Писаніи одно хлѣбъ, а другое— опрѣснокъ и также для доказательства этого приводитъ мѣста св. Писанія: Бытія: Ш. 19; XIV. 18; XXXIX. 6; XLIII. 32; Исх. XVI. 15; XVIII. 12; XXXIV. 18; XXV. 30; XXIX. 1—3. 23. 32—33; XXXV. 28; XL. 22—23; Лев: VII. 11—13; VIII. 25; XXIII. 4—6. 7—8. 15—19; XXIV. 5—8; Судей: VI. 19—22; XIII. 16—21; XIX. 5. 19; 1 Цар: XXI. 3—5; XXV 3 Цар. XVII. 13; XVIII. 4; XIX. 6—9.

Болѣе самостоятельное и оригинальное разсужденіе по поводу названія евхаристійнаго хлѣба ἄρτος находится въ трактатѣ объ опрѣснокахъ Іоанна Антіохійскаго. „Если италійцы, говоритъ онъ, скажутъ, что словомъ ἄρτος называется не только квасный хлѣбъ, но и опрѣснокъ, то этимъ только предоставятъ намъ возможность обличить ихъ страдающими заблужденіемъ и невѣжествомъ. Откуда можно узнать, что ἄρτος можетъ употребляться какъ названіе только рода или какъ названіе вида по отношенію къ хлѣбу съ закваскою и опрѣснoку? Во всякомъ случаѣ изъ того — соотвѣтствуютъ ли физическія характеристическія свойства того и другаго съ словомъ ἄρτος. Напримѣръ, животнымъ называютъ не только человѣка, но коня, быка и другіе многочисленные виды животныхъ. Одинаково имѣетъ право на названіе и опредѣленіе „животное“ все то, что представляетъ собою существо одушевленное и чувствующее, и каждый видъ животнаго дѣйствительно обладаетъ этими свойствами. Такимъ образомъ, если бы и опрѣснокъ былъ видомъ хлѣба, то необходимо обладалъ бы и всѣми характеристическими особенностями хлѣба, а такъ какъ онъ не имѣетъ ихъ, то слѣдовательно онъ и не есть ἄρτος. Хлѣбомъ (ἄρτος) называется хлѣбъ, ежедневно употребляемый для питанія человѣческаго тѣла, что легко узнать изъ самаго этимологическаго производства этого названія, такъ какъ названія, употребляемыя въ собственномъ значеніи могутъ занимать мѣсто опредѣленія“. Раскрывая этимологическое значеніе слова ἄρτος, авторъ производитъ его отъ αἴρω, что значитъ беру, такъ какъ хлѣбъ, когда употребляется въ пищу, то берется и несется для употребленія въ пищу. Отсюда у еллиновъ употреблялись слова, которыя представляютъ собою уклоненіе отъ законной формы слова ἄρτος: Гомеръ называетъ пищу ἀρμαλιά, а Гиппократъ называетъ то, что составляетъ пищу, ἄρματα. Изъ этого авторъ выводитъ то, что слово ἄρτος должно относиться преимущественно къ самой необходимѣйшей изъ всѣхъ пищи. Хлѣбъ съ закваскою служитъ самою необходимѣйшею пищею для всѣхъ народовъ, а если хлѣбъ, который употребляютъ обыкновенно всѣ люди, употребляется не иначе, какъ съ закваскою, то слѣдовательно подъ словомъ ἄρτος должно разумѣть одинъ только квасный хлѣбъ. Если ἄρτος производить отъ

возрастанія (ἄρσις) или возвышенія (ἔπαρσις), то и въ такомъ случаѣ названіе ἄρτος примѣнимо только къ квасному хлѣбу и не приложимо къ опрѣсноку. Наконецъ, авторъ соглашается признать, что слово ἄρτος происходитъ отъ ἄρτιος, что значитъ совершенный, и говоритъ, что и сами итальянцы могутъ догадаться изъ этого, къ какому хлѣбу болѣе всего можетъ быть приложимо такое названіе. Предполагая возраженіе латинянъ, что законъ и опрѣсноки признаетъ хлѣбомъ и называетъ ихъ хлѣбами опрѣсночными, авторъ говоритъ: „Что же? Вѣдь и мертваго мы называемъ человѣкомъ, но только не просто человѣкомъ, а мертвымъ человѣкомъ, такъ и опрѣснокъ никогда не называется только хлѣбомъ, но хлѣбомъ опрѣсночнымъ“. Равнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что въ законѣ опрѣсноки иногда въ несобственномъ смыслѣ называются хлѣбами, то, чтобы различить отъ нихъ настоящіе хлѣбы, прибавляется иногда къ послѣднимъ—квасные (Лев. VII. ст. 13 срав. съ ст. 12) подобно тому, какъ разсуждающій о двухъ человѣкахъ — живомъ и мертвомъ къ названію перваго присоединяетъ прилагательное живой, а къ названію втораго—умершій“.

Особенно пространное развитіе доказательства употребленія въ евхаристіи кваснаго хлѣба, основаннаго на самомъ названіи употребленнаго Спасителемъ хлѣба ἄρτος, встрѣчается въ первомъ сочиненіи по вопросу объ опрѣснокахъ Николая Меѳонскаго. Онъ отвѣчаетъ на возраженіе со стороны латинянъ, что слово ἄρτος представляетъ собою такую же неопредѣленность и неясность, какъ и слово животное, которое когда употребляется только одно, то не дѣлается яснымъ по отношенію къ словесному, или по отношенію къ безсловесному животному оно употреблено. „Такъ точно великій Павелъ, когда сказалъ только ἄρτον и не прибавилъ ἔνζυμον, то этимъ не сдѣлалъ различенія хлѣба“. Отвѣчая на такое возраженіе, Николай Меѳонскій говоритъ, что не было нужды въ болѣе точнѣйшемъ опредѣленіи или различеніи и апостолъ не дѣлаетъ этого именно потому, что, сказавъ ἄρτος, онъ уже этимъ самымъ обозначилъ видъ тѣста, составленнаго изъ муки, воды и закваски, снабженнаго солью и испеченнаго огнемъ, что оказывается противоположнымъ опрѣсноку, такъ что апостолу было излишнимъ прибав-

лять квасный, „потому что если ἄρτος, то безъ сомнѣнія квасный". Это свое положеніе авторъ доказываетъ прежде всего указаніемъ на этимологическое значеніе слова ἄρτος. Это слово происходитъ или отъ τό ἦρθαι и означаетъ поднятый вверхъ чрезъ увеличеніе или поднятіе силою закваски, или отъ τὸ ἄρτιος, что значитъ совершенный, нелишенный ничего, составляющаго его сущность,—ничего такого нельзя видѣть въ опрѣснокѣ. Второе доказательство того, что словомъ ἄρτος обозначается именно квасный хлѣбъ, авторъ видитъ въ томъ, что если спросить скиѳа, индійца и вообще представителя какого бы то ни было народа—какое понятіе каждый соединяетъ съ словомъ хлѣбъ, то всѣ объяснили бы, что хлѣбъ (ἄρτος) есть тѣсто, составленное изъ муки, закваски и воды, снабженное солью и испеченное огнемъ, а если спросить ихъ объ опрѣснокѣ, то они пожалуй скажутъ, что даже не знаютъ существуетъ ли опрѣснокъ. Кромѣ евреевъ и раздѣлявшихъ ихъ ученіе никакой другой народъ не употреблялъ опрѣсноковъ и не имѣлъ о нихъ понятія, слѣдовательно, имѣли-ли въ виду евангелисты и апостолъ научить однихъ только евреевъ, или, какъ заповѣдалъ имъ Господь, „всѣ народы" (Мѳ. 28, 19), — во всякомъ случаѣ для тѣхъ и другихъ вполнѣ достаточно и понятно было употребить только ἄρτος и не прибавлять ἔνζυμος. Затѣмъ, авторъ указываетъ на употребленіе слова ἄρτος въ св. Писаніи. Когда писатель намѣревался сказать объ общеизвѣстномъ хлѣбѣ, то называлъ его просто хлѣбомъ, сообразно съ общимъ понятіемъ о немъ, а гдѣ онъ имѣлъ цѣлію сказать объ опрѣснокѣ, то нигдѣ нельзя найти, что писатель называетъ его ἄρτος, а если и называетъ его ἄρτος, то съ прибавленіемъ ἄζυμος подобно тому, какъ изображеніе на картинѣ человѣка мы называемъ нарисованнымъ человѣкомъ. Правда, въ книгѣ Исходъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ установленіи священства Аарона и сыновей его, и въ книгѣ Левитъ, гдѣ говорится о посвященіи ихъ на священнослуженіе, опрѣсноки сначала названы опрѣсночными хлѣбами, а потомъ и просто хлѣбами (Исх. 29, 32; Лев. VIII. 31), но это только потому, что недалеко предъ этимъ эти хлѣбы были уже названы опрѣсночными и чтобы опредѣлить, какіе это хлѣбы, достаточно было сказать „иже въ кош-

ницѣ“ (срав. и снес. съ ст. 23 въ XXIX гл. Исх. и съ ст. 26 VIII гл. Лев.). Далѣе, авторъ приводитъ мѣста св. Писанія, въ которыхъ названіе ἄρτος можетъ быть приложимо къ одному только квасному хлѣбу и писатель не прибавляетъ для поясненія прилагательное квасный: Быт.: III. 19; XIV. 18; XXV. 34; XXVII. 17; XXVIII. 20; XLI. 54—55; Исх.; II. 20; XVI. 3; XVIII. 12; XXIII. 25; XXV. 30; XXXIV. 28; Суд.: XIX. 5. 19; Руѳь: I. 7; II. 19; Царствъ: IX. 7; X. 3; XX. 34; XXI. 3—4; Пс.; 103. 15; 77. 25; Притч.: VI. 26; Ис.: III. 1. Указавъ мѣста изъ книгъ ветхозавѣтныхъ, авторъ говоритъ, что и новозавѣтные писатели также считали достаточнымъ для обозначенія обыкновеннаго квасного хлѣба сказать ἄρτος, а когда хлѣбъ имѣлъ какую-нибудь особенность отъ обыкновеннаго хлѣба, то эта особенность обозначалась ими, какъ напримѣръ св. Іоаннъ, разсказывая о насыщеніи пяти тысячъ пятью хлѣбами, говоритъ, что эти хлѣбы были ячменные (VI. 9. 13). Затѣмъ, авторъ приводитъ: Лук. XI. 11; Мѳ. XVI. 6—11; Дѣян. II. 42, 46; XX. 7 и 12; Кор. XI. 23. „Изъ всего сказаннаго, заключаетъ авторъ, самымъ очевиднѣйшимъ образомъ обнаруживается, что не только мы не должны сомнѣваться въ томъ—квасным или пѣснымъ хлѣбомъ былъ хлѣбъ тайной вечери, но необходимо должны признать, что онъ былъ квасным.

Во второмъ своемъ сочиненіи, отвѣчая на возраженіе латинянъ, что и опрѣснокъ у Моисея называется хлѣбомъ (ἄρτος) и что апостолы и отцы церкви считали также опрѣснокъ хлѣбомъ, Николай Меѳонскій говоритъ, что у Моисея опрѣснокъ хотя и называется хлѣбомъ, но весьма рѣдко и въ несобственномъ смыслѣ „какъ если бы кто-нибудь одинаково назвалъ бы животнымъ и нарисованное животное, или мертваго назвалъ бы человѣкомъ, который имѣетъ жизнь, имѣетъ дыханіе, мыслитъ и разсуждаетъ“. Авторъ повторяетъ, что опрѣснокъ нельзя признать видомъ хлѣба: „раздѣлять хлѣбъ на квасный и пѣсный такъ же ложно, какъ если бы кто-нибудь существо одушевленное сталъ бы различать на живое и безжизненное“.

Болѣе полнаго развитія этого доказательства уже не встрѣ-

чается въ другихъ полемическихъ памятникахъ XII вѣка. Георгій Корцирскій, указывая на это доказательство, приводитъ только Дѣян. XX. 6 и 7 и 1 Кор. IX. 23—25 и констатируетъ уже какъ вполнѣ извѣстный и доказанный фактъ, что хлѣбъ (ἄρτος) и опрѣснокъ различны и послѣдній нельзя мыслить въ понятіи перваго. Никита архіепископъ Никомидійскій въ диспутѣ съ Анзельмомъ Гавельбергскимъ также категорически заявляетъ, что выраженія евангелія „εὐλόγησεν ἄρτον“ нельзя читать „εὐλόγησεν ἄζυμον“ и что подъ словомъ ἄρτος можно разумѣть только обыкновенный хлѣбъ, который вообще употребляютъ люди, т. е. квасный, а не опрѣснокъ [1]).

На доказательство употребленія въ евхаристіи кваснаго хлѣба основанное на названіи этого хлѣба ἄρτος, въ первый разъ со стороны латинянъ отвѣчаетъ въ своемъ Діалогѣ кардиналъ Гумбертъ [2]). „Мы подтверждаемъ то“, говоритъ Гумбертъ, „что Господь Іисусъ назвалъ тѣломъ своимъ въ новомъ завѣтѣ благословенный и преломленный въ Его воспоминаніе хлѣбъ, что всякій такой хлѣбъ оживотворяетъ и даетъ жизнь міру, какъ полный духа и жизни живаго Бога и что такой хлѣбъ мы называемъ panis, а вы—ἄρτος“. Но Гумбертъ не соглашается съ тѣмъ, что опрѣсночный хлѣбъ не можетъ быть названъ ἄρτος. „Вы“, говоритъ онъ, „покушаетесь осилить насъ, отрицая, что опрѣсночный хлѣбъ по этимологіи своего названія не ἄρτος,— вѣдь это совершенно ложно и ребячески. Знатоками языковъ различной этимологіи эти слова принимаются съ однимъ значеніемъ. Къ тому же, во всѣхъ писаніяхъ мы находимъ, что хлѣбъ называется безразлично, а иначе онъ назывался бы или опрѣсночнымъ или квасным. Прежде всего, манна, какъ въ законѣ, пророкахъ и псалмахъ, такъ и въ евангельскихъ и апостольскихъ писаніяхъ, называется panis, т. е. ἄρτος. Такъ въ псалмѣ: ἄρτον οὐρανοῦ ἔδωκεν αὐτοῖς, ἄρτον ἀγγελων ἔφαγεν ἄνθρωπος, что полатини значитъ: panem coeli dedit eis, panem angelorum manducavit homo; въ евангеліи; Κύριε ἀεὶ δὸς ἡμῖν τὸν ἄρτον τοῦτον; въ

[1]) Cap. XVII.

[2]) Humberti Dialogus—cap. XII—XIV.

исходѣ: οὗτός ἐστιν ὁ ἄρτος, ὃν ἔδωκεν ὑμῖν Κύριος. Итакъ, если манна, которая была веществомъ бѣлымъ и мелкимъ, какъ сѣмя коріандра, и была на подобіе росы, а вкусъ ея былъ какъ бы вкусъ пшеничной муки съ медомъ, называется panis или ἄρτος,—манна, которая не имѣла никакого подобія, или никакого вкуса настоящаго хлѣба, то мы не знаемъ почему же опрѣсноки не могутъ носить названія panis,—опрѣсноки, которые по существу, формѣ и вкусу во всякомъ случаѣ—хлѣбъ? Опрѣсноки и называются хлѣбомъ,—такъ говорится, что ангелы у Авраама и Лота ѣли печеные хлѣбы. Но что нужды распространяться много? Въ законѣ и евангеліи мы находимъ τοὺς ἄρτους προθέσεως, т. е. panes propositionis (хлѣбы предложенія), относительно которыхъ никто не сомнѣвается, что они были опрѣсноками, кто имѣетъ хотя какое-нибудь знакомство съ закономъ Моисеевымъ, въ которомъ говорится: „никакого приношенія хлѣбнаго, которое приносите Господу, не дѣлайте кваснаго; ибо ни кваснаго, ни меду не должны вы сожигать въ жертву Господу“ (Лев. II. 11). И во Второзаконіи Моисей назвалъ опрѣснокъ „ἄρτον ταπεινώσεως“, т. е. хлѣбъ уничиженія. Равнымъ образомъ въ рѣчи Господа, обращенной къ Іезекіилю, говорится: „И ты, сынъ человѣческій, возьми себѣ пшеницы, и ячменя, и бобовъ и чечевицы, и пшена и полбы, и всыпь ихъ въ одинъ сосудъ, и сдѣлай себѣ изъ нихъ хлѣбы (Іезек. IV. 9)“. Вотъ и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, хлѣбами называются опрѣсноки, потому что здѣсь нѣтъ никакого упоминанія о закваскѣ, такъ что хлѣбы называются испеченными... Мы желаемъ, чтобы вы сказали-квасный ли былъ опрѣснокъ, о которомъ Соломонъ говоритъ: „сладокъ есть человѣку хлѣбъ лжи“ (Притч. XX. 17) и „утаенный хлѣбъ пріятенъ“ (IX. 17), т. е. хлѣбъ, который обѣщаетъ дать безразсудная женщина? И въ первомъ и во второмъ случаѣ говорится не azymus, а ἄρτος. Такъ какъ все ваше разсужденіе опирается только на томъ, что Матѳей говоритъ: *взялъ Іисусъ хлѣбъ* (ἄρτον) (Мѳ. XXVI. 26) и отсюда вы думаете, что Господь далъ своимъ ученикамъ въ воспоминаніе своего страданія квасный хлѣбъ, а не опрѣснокъ, то знайте, что эта мысль не тверда, если вы не имѣете ничего другаго, что мо-

жетъ благопріятствовать вашей точкѣ зрѣнія. Отсюда, если вы не имѣете иной болѣе твердой мысли, то одной этой двусмысленной вы не привлечете нашего согласія, потому что, какъ мы пространно показали выше, опрѣснокъ, какъ и квасный хлѣбъ, называется ἄρτος. Къ тому же и Матѳей, который писалъ евангеліе на еврейскомъ языкѣ, не сказалъ: λαβὼν ὁ Ἰησοῦς τὸν ἄρτον, какъ грекъ, но, какъ еврей, сказалъ евреямъ: „Lachah Iesus lechem". „Lechem" же по еврейски называется и опрѣснокъ. Такъ, во Второзаконіи находится выраженіе: „Lechem oni", т. е. хлѣбъ уничиженія, а хлѣбы предложенія называются „Lechem pavini", отсюда въ псалмѣ о маннѣ также говорится: „Lechem albicini achal is", что въ переводѣ значитъ „хлѣбъ ангельскій ѣлъ человѣкъ". Въ заключеніе своего разсужденія по поводу доказательства, выставленнаго греками изъ названія хлѣба—ἄρτος, Гумбертъ говоритъ: „обсудите же благоразумно свое этимологическое доказательство изъ названія ἄρτος, обезсиленное примѣрами изъ трехъ главныхъ языковъ, и остерегайтесь предпочитать свое квасное нашему опрѣснокъ".

Послѣ доказательствъ Гумберта относительно того, что и опрѣснокъ одинаково можетъ быть названъ ἄρτος, латинскіе полемисты уже не занимались подробнымъ развитіемъ этого вопроса. Впрочемъ, въ своемъ письмѣ къ Валеранну Ансельмъ Кэнтербюрійскій замѣчаетъ, что квасный хлѣбъ и опрѣснокъ одинаково хлѣбъ и не различаются существенно, какъ нѣкоторые думаютъ, подобно тому, какъ человѣкъ новый до грѣха и состарѣвшійся въ грѣховной закваскѣ, но вовсе не различаются существенно.

Обращаясь за рѣшеніемъ спорнаго вопроса о родѣ хлѣба для таинства евхаристіи къ примѣру установленія этого таинства Іисусомъ Христомъ, полемисты той и другой стороны старались также выяснить вопросъ о томъ, какова была практика совершенія таинства евхаристіи во времена апостольскія и въ древней церкви вообще. Когда греки, выставляя большею частію обычай западной церкви употреблять опрѣсноки недавнимъ новшествомъ, говорили, что апостолы и вся древняя христіанская церковь обыкновенно совершали таинство евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ, а на опрѣснокахъ совершали только еретики,—латиняне, напротивъ, обычай употреб-

ленія въ евхаристіи опрѣсноковъ считали по большей части исконнымъ установленіемъ въ римской церкви верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и говорили, что по примѣру Іисуса Христа, установившаго таинство евхаристіи на опрѣснокахъ, вся древняя церковь также совершала это таинство на опрѣснокахъ. Само собою разумѣется, что между спорившими объ этомъ являлись люди, которые въ рѣшеніи вопроса о древней церковной практикѣ совершенія таинства евхаристіи избирали путь средній, а это конечно могло способствовать тому разнообразію мнѣній, взглядовъ и соображеній по этому вопросу, какое замѣчается особенно въ греческой полемической литературѣ.

Между тѣмъ какъ въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго латиняне приглашаются „бросить употребленіе опрѣсноковъ и не оставлять того, чему учили Петръ и Павелъ и другіе апостолы, училъ самъ Христосъ, что вселенскіе семь соборовъ утвердивъ усилили и что воспріяла святая каѳолическая церковь и свято хранитъ“, — представитель другаго направленія патріархъ Петръ Антіохійскій въ своемъ письмѣ къ Доминику Градскому соглашается признать обычай употребленія опрѣсноковъ въ римской церкви установленіемъ апостоловъ Петра и Павла. „Если вы, располагаемые любовію къ спору, пишетъ онъ Доминику, будете настаивать, что вы приняли преданіе объ опрѣснокахъ отъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла, то мы и на это согласимся съ вами братьями и при помощи Божіей покажемъ нѣсколько такого, что было предано апостолами и что ими же самими было послѣ исправлено и измѣнено еще на болѣе благочестивое, когда вѣра во Христа окрѣпла и церковь по благодати Божіей утвердилась и расширилась. Въ самомъ дѣлѣ, субботы намъ повелѣно чтить и соблюдать одинаково со днемъ Господнимъ и повелѣно ничего не дѣлать въ субботній день,— однако теперь это не соблюдается. Кромѣ того, Петръ присоединяющихся къ чистой христіанской вѣрѣ изъ язычниковъ сначала обрѣзывалъ и потомъ крестилъ, равнымъ образомъ и Павелъ обрѣзалъ Тимоѳея. Извѣстно, что и оглашенные крестились тридцати лѣтъ. Вѣрующіе соблюдали нѣкоторыя другія законныя предписанія; архіереи также соединялись брачными узами съ женами. Те-

перь уже ничего такого нѣтъ въ употребленіи, — теперь, когда церковь Божія окрѣпла и достигла болѣе совершеннаго состоянія. Что же удивительнаго или страннаго въ томъ, если въ то время, когда началась проповѣдь евангелія, ученики Христовы, снисходя къ немощи многихъ, дозволяли имъ, чтобы они удерживали нѣкоторыя свои привычки и, понемногу совершенствуя ихъ путемъ смягченій этихъ привычекъ, измѣняли язычниковъ и приводили ихъ къ евангелію уже послѣ упражненія въ повиновеніи. Конечно, и кривой сукъ не можетъ вдругъ послѣдовать за наклоненіемъ и силой выпрамляющей его руки (какъ это сказалъ нѣкто изъ нашихъ богослововъ), онъ скорѣе переломился бы, чѣмъ сдѣлался прямымъ. Вотъ почему на время были оставлены и опрѣсноки, такъ какъ тогда Римъ населяло великое множество евреевъ, что показываетъ книга Дѣяній Апостольскихъ, но и съ теченіемъ времени опрѣсноки все-таки удержались [1]).

Напротивъ, Никита Стиѳатъ въ своемъ трактатѣ объ опрѣснокахъ уже не дѣлаетъ никакихъ уступокъ латинянамъ и прямо говоритъ, что апостолы не могли установить въ римской церкви употребленія опрѣсноковъ. Въ подтвержденіе своей мысли онъ говоритъ, что ап. Павелъ вмѣстѣ съ одинадцатью апостолами устроя всю церковь, не издалъ бы семидесятаго правила, если бы не былъ противъ опрѣсноковъ. Вотъ это правило: „Аще, кто епископъ или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ списка клира постится съ іудеями, или празднуетъ съ ними, или пріемлетъ отъ нихъ дары праздниковъ ихъ, какъ-то: опрѣсноки, или нѣчто подобное: да будетъ изверженъ. Аще же мірянинъ: да будетъ отлученъ“. „Если же вы скажете“, продолжаетъ Никита, „мы не принимаемъ опрѣсноковъ отъ евреевъ, но обыкновенно приготовляемъ у себя, то къ чему вы это скажете? Отъ нихъ ли вы возмете, или сами сдѣлаете, — все равно это опрѣсноки. И при этомъ вы получите болѣе тяжелое наказаніе, такъ какъ вы оставили то, что повелѣно дѣлать Христомъ и апостолами, поступая какъ тѣ, которые находятся подъ работой закона, дѣлая то, что дѣлаютъ іу-

[1]) Petri Antioch. cap. XIV et XV.

деи, сидя во тьмѣ закона и нисколько не вѣря словамъ Павла: *братія, каждый оставайся въ томъ самомъ званіи, въ которомъ онъ призванъ* (I. Кор. VII). Кромѣ того, въ опроверженіе мнѣнія латинянъ, что апостолы заповѣдали употреблять въ евхаристіи опрѣсноки, Никита Стиѳатъ говоритъ: „если апостолы заповѣдали вкушать опрѣсноки, то какимъ образомъ святѣйшій папа вашъ Агаѳонъ, бывшій предсѣдателемъ шестаго собора при императорѣ Константинѣ, и дивный Григорій, епископъ Агригентинскій, не противились, когда божественные отцы этого св. собора постановили узаконеніе противъ опрѣсноковъ, чтобы никто изъ вѣрующихъ не дѣлалъ этого? Я укажу вамъ законоположеніе ихъ, такъ содержащееся въ одинадцатой главѣ: „никто изъ принадлежащихъ къ священному чину, или изъ мірянъ, отнюдь не долженъ ясти опрѣсноки, даваемые іудеями, ни вступати въ содружество съ ними, ни въ болѣзнехъ призывати ихъ и врачества принимати отъ нихъ, ни въ баняхъ купно съ ними мытися. Аще кто дерзнетъ сіе творити: то клирикъ да будетъ изверженъ, а мірянинъ да будетъ отлученъ“. Кто изготовляетъ и вкушаетъ опрѣснокъ, хотя и не принялъ бы его отъ іудеевъ, но былъ бы въ этомъ подражателемъ имъ, считается іудеемъ и находится внѣ закона, какъ если бы кто самъ обрѣзалъ самаго себя, или былъ обрѣзанъ іудеями, все равно подобенъ въ знаніи тѣмъ и, преступая постановленія апостоловъ и святыхъ отецъ, дѣлаетъ тщетнымъ все, какъ это обнаружило наше разсужденіе [1]).

Блаж. Ѳеофилактъ Болгарскій, какъ на одно изъ доказательствъ древности и законности евхаристійной практики греческой церкви, указываетъ на распространенность этой практики. Сказавъ, что апостолы обыкновенно употребляли для таинства такой хлѣбъ, какой былъ и въ общемъ употребленіи, и несключительно безквасный хлѣбъ, такъ какъ употребленіе послѣдняго было ограничено у евреевъ извѣстными днями и жертвами, Ѳеофилактъ продолжаетъ: „Пусть еще подѣйствуетъ на тебя множество восточныхъ священнослужителей и авторитетность церкви іерусалимской, изъ которой, какъ изъ источника, произошли и распространились вѣра и апостольское пре-

[1]) Nicetae libellus,—cap. V et X.

даніе, отъ которой происходитъ и этотъ самый обычай употребленія квaснаго хлѣба. Но что я представляю тебѣ восточныхъ? Прибавь къ этому числу индійскихъ и еѳіопскихъ, посмотри, прошу тебя, по направленію къ Египту и Киринеи до предѣловъ самой знойной Ливіи и ты увидишь, что всѣ держатся одного и того же правила, будучи единомысленными относительно хлѣбовъ таинственнаго предложенія. Посмотри также на тотъ хлѣбъ, который употребляетъ церковь коринѳская, которую ты не можешь обвинить въ томъ, что она не соблюдаетъ преданій, потому что тотъ, который предалъ ей эти преданія, ввѣрилъ ихъ именно ей, чтобы она соблюдала эти преданія, а противиться ему — признакъ величайшаго упорства, такъ какъ я боюсь опечалить тебя, если скажу — нечестія. Ты слышишь, конечно, и своихъ сардинцевъ, какъ они представляютъ тебѣ свидѣтельство противъ употребленія опрѣсноковъ. А я и этихъ хорошо слышу и старую пословицу: свой (ὄικοθεν) свидѣтель, что тамъ ни говоритъ, а все подаетъ голосъ въ мою пользу“ [1]). Такимъ образомъ блаж. Ѳеофилактъ, хотя и признавалъ, что Спаситель совершилъ евхаристію на опрѣснокахъ, однако несомнѣнно полагалъ, что со временъ апостольскихъ въ практикѣ церкви имѣлъ преимущество обычай употребленія квaснаго хлѣба, а не опрѣсноковъ.

Никита Никейскій пространно развиваетъ положеніе, что употребленіе квaснаго хлѣба было общею и всегдашнею практикою всей церкви и опрѣсноки употребляли и употребляютъ только еретики. Повторивъ каноническія постановленія, указанныя въ первый разъ Никитою Стиѳатомъ, въ которыхъ упоминается объ опрѣснокахъ, Никита Никейскій прибавляетъ къ нимъ еще 38-е правило св. Лаодикійскаго собора: „Не должно принимати отъ іудеевъ опрѣсноки, или пріобщатися нечестіямъ ихъ“. „Нигдѣ, говоритъ авторъ, божественные каноны вообще не принимаютъ опрѣсноковъ, но отвергаются и отвращаются ихъ, какъ іудейскихъ“. Затѣмъ въ трактатѣ: „Λόγος ἀνατρεπτικὸς τοῦ ῥωμαικοῦ δόγματος“ авторъ прямо указываетъ, что и апостолы совершали и предали совершать таинство евхаристіи на квaсномъ хлѣбѣ. „Послѣ возвраще-

[1]) Theophilaeti Bulgarorum—cap. X.

нія Господа нашего Іисуса Христа на небо, говоритъ онъ, апостолы въ своемъ единеніи приносили хлѣбъ (ἄρτον); не было между ними никакой розни или раздѣленія, но всѣ они, какъ одна душа, пребывали въ союзѣ, какъ это можно найти въ Дѣяніяхъ,—они были неразлучны—и Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, Андрей, Филиппъ, Ѳома, Варѳоломей, Матѳей, Іаковъ Алфеевъ, Симонъ Зилотъ и Іуда Іаковлевъ—всѣ они, вмѣстѣ съ женами и Маріею—матерію Іисуса,—были пребывающими единодушно въ молитвѣ и моленіи,—какъ одна душа. Итакъ, если они, по отшествіи Господа нашего Іисуса Христа, совершали приношеніе изъ опрѣсноковъ, то должно было, чтобы они совершали то же самое и разсѣявшись въ мірѣ съ проповѣдію,—должно также было, чтобы они всѣмъ народамъ предали опрѣсноки, а не однимъ только франкамъ. Очевидно, что когда божественные апостолы вышли изъ Іерусалима и разсѣялись въ мірѣ, то какъ тамъ они совершали служеніе (ἐλειτούργησαν), такъ предали совершать его и всѣмъ народамъ. Однако, въ Іерусалимѣ даже до сихъ поръ приносится хлѣбъ (ἄρτος). Верховный же апостолъ изъ Іерусалима отошелъ въ Антіохію. проповѣдывалъ въ ней и имѣлъ въ ней предсѣдательство. Потомъ оттуда онъ удалился въ Римъ, поставивъ вмѣсто себя въ Антіохіи патріархомъ Еввода, такъ что даже и до сего дня Антіохія называется престоломъ св. Петра. Итакъ, если верховный апостолъ приносилъ опрѣсноки и антіохійцы совершали это, то какъ же теперь они приносятъ хлѣбъ? Но и остальные апостолы назначили всѣмъ народамъ приносить евхаристійную жертву на квасномъ хлѣбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, братъ Божій Іаковъ—въ Іерусалимѣ, Маркъ—въ Александріи, Ѳаддей—въ Сиріи, Ѳома—въ Персіи и Индіи, евангелистъ Іоаннъ—въ Ефесѣ, Варѳоломей—въ Кипрѣ, Филиппъ—въ Никомидіи, Симонъ—въ Аравіи и всѣ прочіе изъ двѣнадцати и семидесяти двухъ апостоловъ, разсѣявшись въ мірѣ, проповѣдывали таинство божественнаго пріобщенія и предали совершать его посредствомъ кваснаго хлѣба. Такимъ образомъ всѣ иноязычныя племена и царства по востоку, западу, сѣверу и югу и четыре патріарха совершаютъ служеніе на квасномъ хлѣбѣ, кромѣ римскаго папы и зависящихъ отъ него, а свидѣтельства многихъ гораздо

истиннѣе и тверже, чѣмъ свидѣтельства одного. Такъ какъ ученики, поступая согласно другъ съ другомъ, во всемъ мірѣ совершали служеніе на квасномъ хлѣбѣ, то поистинѣ ложно, чтобы ап. Петръ разнствовалъ съ другими учениками... Показывая, откуда перешелъ къ латинянамъ обычай употребленія въ евхаристіи опрѣсноковъ, авторъ говоритъ, что во всемъ мірѣ одни только аполлинаристы и аріане приносили опрѣсноки, между тѣмъ какъ всѣ на востокѣ, западѣ, сѣверѣ и югѣ совершали приношеніе на квасномъ хлѣбѣ до дней римскаго папы Ливерія. „По смерти же Ливерія“,—разсказываетъ авторъ, „римскимъ папою былъ избранъ Феликсъ, который прельстился ересью Арія, началъ считать тѣло Господне бездушнымъ и приказалъ, чтобы божественное приношеніе тѣла было изъ опрѣсноковъ, оправдываясь тѣмъ, что когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ предалъ ученикамъ это таинство, были у іудеевъ одни только опрѣсноки, кваснаго хлѣба нельзя было найти и поэтому Онъ предалъ опрѣсноки. Но Феликсъ только извинялся этимъ, скрывая собственное ученіе. Съ теченіемъ же времени римляне забыли, что это преданіе Феликса и стали думать, что они приняли его отъ св. апостола Петра, будто бы верховный могъ быть разногласенъ съ прочими учениками, или прочіе съ нимъ“...

Содержаніе небольшаго трактата, слѣдующаго въ рукописи непосредственно вслѣдъ за „Λόγος ἀνατρεπτικὸς“ подъ заглавіемъ „Ἑτέρα ἀπόδειξις περὶ τῆς ζύμης“ также показываетъ общность и распространенность употребленія кваснаго хлѣба, свидѣтельствующія о томъ, что оно предано было апостолами. „Восточные обитатели: Персы, Курты, Инды сохраняютъ квасный хлѣбъ, который они приняли отъ святыхъ апостоловъ, отъ своихъ прадѣдовъ и предковъ и сохраняютъ съ великою тщательностію. Они не приносятъ хлѣбъ иначе, какъ только изъ кваснаго тѣста, что они и соблюдаютъ тысячу лѣтъ. Если же въ какомъ городѣ не находится закваски, то они не совершаютъ служенія до тѣхъ поръ, пока принесутъ закваску изъ другой мѣстности и приготовятъ изъ нея хлѣбъ просфоры. Если же эти народы не приняли бы этого отъ учениковъ Христовыхъ, то они не сохраняли бы до сихъ поръ употребленія кваснаго съ такою великою твердостію“.

Русскіе митрополиты: Іоаннъ II, Георгій и Никифоръ, на основаніи общераспространенныхъ въ то время сказаній объ отпаденіи латинянъ, говорятъ, что уклоненіе латинянъ въ разнаго рода заблужденія произошло послѣ седьмаго вселенскаго собора. Георгій и Никифоръ начало всѣхъ заблужденій римской церкви возводятъ къ тому времени, когда Римомъ послѣ седьмаго вселенскаго собора овладѣли „нѣмцы". „Покорени быша римляне, иже латына наричются, отъ уандилъ (вандаловъ), иже и нарицаются нѣмьци,—и устремишася на ины обычаи паче церковныхъ"—читаемъ мы въ посланіи митрополита Никифора. Такое объясненіе было самымъ ходячимъ въ сказаніяхъ объ отпаденіи латинянъ и распространеннымъ на всемъ востокѣ. Вліяніе на церковно-религіозную жизнь западныхъ христіанъ вандаловъ, подъ которыми греческіе писатели, по большей части, разумѣли всѣхъ варваровъ, опустошавшихъ и овладѣвавшихъ римскою имперіею, признавалось и лучшими богословами того времени на востокѣ [1]). Признавъ, что апостолы по примѣру Іисуса Христа совершали евхаристію на квасномъ хлѣбѣ, митроп. Никифоръ ставитъ вопросъ: „Откуду пріяли суть (римляне) оплатки? Отъ Петра-ли? То гдѣ написа Петръ тако или научи, а покажуть ти: ти бо такоже евангеліе имуть, яже и мы имѣемь"...

Никита Сеидъ обычай употребленія опрѣсноковъ также между прочими заблужденіями латинянъ, которыхъ онъ насчитываетъ 32, считаетъ перешедшимъ къ латинянамъ отъ вандаловъ. „Вандалы", говоритъ онъ, „овладѣвши Римомъ, господствовали надъ вами и привлекли васъ къ своимъ обычаямъ; отъ нихъ вы приняли заблужденія, какія у васъ существуютъ до сихъ поръ и раздѣляютъ васъ съ нами. Свыкнувшись съ ними, вы черезчуръ ратуете за ложное преданіе, какъ будто за апостольскіе и божественные догматы,—въ силу долговременнаго употребленія, старинный обычай у васъ сталъ считаться закономъ [2]). Обращаясь съ рѣчью къ римскому папѣ, Никита Сеидъ убѣждаетъ его путеводить своихъ пасомыхъ

---

[1]) L. Allatii «De consentione», lib. I I. cap. XII. § IV.

[2]) Νικήτα τοῦ σειδου λόγος σχεδιασθείς, рукоп. № 368 et Allatii ibid.

къ древнему пастбищу, которое указали верховные апостолы Петръ и Павелъ [1]).

Патріархъ Іоаннъ Антіохійскій въ своемъ трактатѣ объ опрѣснокахъ также отрицаетъ и опровергаетъ мнѣніе латинянъ, что обычай употребленія опрѣсноковъ составляетъ апостольское установленіе въ римской церкви. Священнодѣйствіе на опрѣснокахъ, говоритъ онъ,—они (латиняне) считаютъ древнимъ и апостольскимъ преданіемъ. Спрошу я ихъ: апостолы и учители италійцевъ—не апостолы ли и учители всей вселенной? Очевидно такъ, потому что они повиновались, когда были посылаемы на проповѣдь: *шедше научите вся языки* (Матѳ. XXVIII. 19) и конечно на самомъ дѣлѣ исполнили повелѣніе, неводомъ евангелія уловивъ все созданіе. Итакъ какой же изъ апостоловъ неписьменно посвятилъ ихъ въ такое таинственное служеніе? Петръ или Павелъ, которыми они особенно превозносятся, или даже оба, или еще и другіе, а если угодно, пусть скажутъ—всѣ, чтобы оскорблять имъ всѣхъ. Какимъ образомъ, бывъ посланными учить „вся языки“, крестивъ ихъ и научивъ соблюдать все, что повелѣлъ соблюдать посылающій ихъ на проповѣдь, они во всемъ другомъ научили одинаково людей по всей землѣ, а таинство причащенія предали италійцамъ различно со всею вселенною? Если служеніе на опрѣснокахъ было бы богоугоднымъ, то необходимо должно признать, что и всѣ имѣли бы возможность быть наученными ему, а если нѣтъ, то не могли быть наученными ему и италійцы“. Затѣмъ, авторъ занимается разборомъ того положенія, что апостолы употребленіе опрѣсноковъ въ римской церкви могли допустить, какъ временную уступку немощи латинянъ. „Если бы“, говоритъ авторъ, „это положеніе было истиннымъ, то все-таки должно, чтобы „достигшіе въ мѣру возраста исполненія Христова“ оставили то, что было свойственно младенчеству“. Однако авторъ все-таки не считаетъ вѣрнымъ этого положенія. Въ подтвержденіе такого своего мнѣнія авторъ указываетъ на то, что римляне обратились въ христіанство, какъ и другіе язычники, отъ идолослуженія, а не изъ іудейства. Онъ не допускаетъ и того, что упот-

[1]) Νικήτα τοῦ σειδου λόγος δεύτερος πρὸς ῥωμαίους

ребленіе въ евхаристіи опрѣсноковъ было дозволено вѣрующимъ изъ іудеевъ, обитавшимъ въ Римѣ и отъ этихъ послѣднихъ перешло и къ латинянамъ, такъ какъ іудеи были разсѣяны тогда во всѣхъ странахъ земли, а всего больше іудеевъ было въ Палестинѣ, и все-таки нельзя видѣть, ни того, чтобы это обыкновеніе было уступлено гдѣ-либо вѣрующимъ изъ іудеевъ, ни того, чтобы отъ нихъ оно было принятымъ и соблюдаемымъ другими народами. Латиняне разнствуютъ обычаемъ употребленія опрѣсноковъ со всею вселенною и въ этомъ согласны только съ одними нечестивыми армянами. Если апостолы и дѣлали уступки по отношенію къ іудеямъ, допуская у нихъ нѣкоторые изъ тѣхъ обычаевъ, въ которыхъ они были воспитаны, однако на вѣрующихъ изъ язычниковъ они не возлагали ни обрѣзанія и вообще никакого ярма закона. Павелъ обрѣзалъ Тимоѳея въ Листрахъ, но только ради іудеевъ, находившихся тамъ; а отъ римлянъ, италійцевъ и прочихъ народовъ онъ требовалъ другаго обрѣзанія—нерукотвореннаго... Наконецъ, если Петръ или Павелъ, снисходя къ немощи іудеевъ, обитавшихъ въ Римѣ, уступили имъ опрѣснокъ, то что же они не дозволили имъ и обрѣзанія? „Клевещутъ они (итальянцы) на апостоловъ и лгутъ противъ проповѣдниковъ истины“,—заключаетъ авторъ свои разсужденія по этому вопросу.

Николай Меѳонскій, отрицая, что латиняне могли принять обычай употребленія опрѣсноковъ отъ апостоловъ Петра и Павла, говоритъ: „Петръ и Павелъ проповѣдывали не только въ Римѣ, но проповѣдь ихъ началась отъ Іерусалима и окончилась въ Римѣ,—какимъ же образомъ они нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не оказались совершавшими такъ таинство? Нигдѣ мы не находимъ такого обыкновенія, исключая еретиковъ армянъ... Напротивъ, гораздо больше тѣхъ, у которыхъ не находится такого обычая и если эти послѣдніе ненарушимо сохраняютъ всѣ прочія апостольскія и Господни преданія, то, слѣдовательно, обыкновеніе большинства должно считать справедливымъ и опредѣленіе большинства должно получить преимущество предъ опредѣленіемъ меньшинства, тѣмъ болѣе, что послѣднее допускаетъ относительно себя подозрѣніе въ еретическомъ зломысліи... Апостолы Петръ и Павелъ не могли противорѣчить

самимъ себѣ, прочимъ апостоламъ и самому Христу и не могли допустить въ римской церкви чего-нибудь другаго, кромѣ того, что они приняли".

Во второмъ своемъ сочиненіи, отвѣчая на возраженіе латинянъ: дѣйствительно-ли было предано употребленіе кваснаго хлѣба въ евхаристіи, Николай Меѳонскій представляетъ уже прямыя доказательства того, что именно квасный хлѣбъ былъ преданъ Христомъ, апостолами и св. отцами. „Какой Христосъ предалъ квасный хлѣбъ? Господь мой и Богъ мой, который предалъ другой законъ, уничтожившій первый и преизбыточествовавшій духъ на изглаженіе буквы, какъ мертвящей. Онъ заповѣдалъ въ своемъ евангеліи не присоединять ветхаго къ новому, или вино новое не вливать въ старый мѣхъ (Лук. V, 36 и 37). Какой апостолъ? Павелъ, сказавшій: *древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. V, 17). Какой соборъ принялъ отъ апостоловъ? Первый и великій, рѣшившій, чтобы новый израиль не праздновалъ вмѣстѣ съ ветхимъ. Какой отецъ? Златоустъ, различившій ветхозавѣтныя и новозавѣтныя празднованія выраженіемъ: „тамъ опрѣснокъ, здѣсь же хлѣбъ". Въ подтвержденіе того, что въ древней церкви употреблялся въ евхаристіи квасный хлѣбъ, авторъ, какъ и въ первомъ своемъ сочиненіи, ссылается еще на современную распространенность употребленія кваснаго хлѣба и указываетъ латинянамъ, что опрѣснокъ употребляется только у іудеевъ и армянъ,—„у однихъ, какъ христоненавистниковъ, у другихъ, какъ лжехристіанъ". Наконецъ, позднѣйшее нововведеніе въ латинской церкви употребленія въ евхаристіи опрѣсноковъ авторъ доказываетъ еще указаніемъ на другія заблужденія латинянъ, говоря, что у нихъ „извратился и весь путь истины". Въ опредѣленіи происхожденія у латинянъ обычая употребленія опрѣсноковъ въ евхаристіи Николай Меѳонскій и во второмъ своемъ сочиненіи не держится какого-либо одного опредѣленнаго воззрѣнія. Такъ, то онъ говоритъ, что римляне слѣдуютъ армянамъ, то говоритъ, что полагаютъ, будто бы къ латинянамъ обычай употребленія въ евхаристійной жертвѣ опрѣсноковъ перешелъ отъ Аполлинарія, который самъ совершалъ евхаристію на опрѣснокахъ.

Точно такого же направленія въ рѣшеніи этого вопроса дер-

жался и Іоаннъ Клавдіопольскій. Какъ и Никита Сеидъ, Іоаннъ Клавдіопольскій говоритъ, что всѣ беззаконія свои латиняне получили отъ вандаловъ, овладѣвшихъ Римомъ „и только, стараясь скрыть стыдъ своего нечестія, а на самомъ дѣлѣ умножая объемъ своего беззаконія, они лгутъ на первоверховнаго и первопрестольнаго апостола, на которомъ Христосъ утвердилъ свою церковь". Ни въ какихъ писаніяхъ апостольскихъ, разсуждаетъ авторъ, латиняне не могутъ указать того, что апостолы предали имъ совершать евхаристію на опрѣснокахъ. Если же латиняне скажутъ, что они приняли этотъ обычай отъ апостоловъ неписьменно, то какъ же апостолы могли неписьменно установлять то, что они отвергли письменно? Апостолъ Петръ могъ-ли предать неписьменно то, что онъ вмѣстѣ съ прочими апостолами отвергъ письменно, какъ это видно изъ 70 апостольскаго правила? Наконецъ, если ап. Петръ уничтожилъ то, что устроялъ братъ и сосвидѣтель его Павелъ, то онъ оказывается нарушителемъ. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ свои опроверженія, говорящіе такъ, усердствуя установить собственное хотѣніе, оказываются обвинителями не только Петра и Павла и всѣхъ прочихъ апостоловъ, но и всѣхъ благочестіемъ сіявшихъ святыхъ отцевъ.

Митрополитъ Георгій Корцирскій, разсуждая о древней церковной практикѣ совершенія таинства евхаристіи, полагаетъ несомнѣннымъ, что до временъ папы Григорія Двоеслова вся церковь единствовала въ употребленіи хлѣба для евхаристіи. Григорій Двоесловъ, говоритъ авторъ, въ своей душеполезной книгѣ ясно показываетъ, что тогда былъ приносимъ квасный хлѣбъ, а не безквасный. Изъ книги Григорія Двоеслова авторъ приводитъ разсказъ о томъ, какъ одинъ пресвитеръ, мывшійся въ теплыхъ ваннахъ, находившихся въ мѣстѣ его жительства, вздумалъ однажды вознаградить за услуги нѣкотораго человѣка, который постоянно ему услуживалъ во время мытья. Одинъ разъ, пресвитеръ, отправляясь въ ванны, взялъ съ собою двѣ просфоры и послѣ того, какъ онъ вымылся и одѣлся, подалъ тѣ просфоры услуживавшему ему человѣку и просилъ его принять ихъ въ видѣ благодарности за услуги. Но тотъ съ печалію и сокрушеніемъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „этотъ хлѣбъ

святой, и я не могу его ѣсть". Остановившись здѣсь", продолжаетъ Георгій Корцирскій, „мы спросимъ васъ братья латиняне: тѣ самыя просфоры, которыя тотъ богобоязненный мужъ приносилъ въ жертву Богу, такія-ли были, какія приносятся у васъ, или такія, какъ греческія? Что тѣ просфоры не были опрѣсноками, а были совершеннымъ хлѣбомъ, ясно видно изъ того, что говорится: „этотъ хлѣбъ святой",—тотъ мужъ сказалъ ἄρτος, а не ἄζυμον. Равнымъ образомъ изъ 26-й главы третьей книги этого отца (Григорія Двуслова) ясно видно и то, что приносилъ тогда народъ священнодѣйствующимъ". Авторъ приводитъ изъ этой главы разсказъ о томъ, какъ нѣкоему святому мужу, обитавшему въ самнійской странѣ, жившіе по сосѣдству съ тѣмъ мѣстомъ и издалека присылали дарственныя приношенія (εὐλογίας) т. е. просфоры. „Нѣкоторый властелинъ, имѣвшій у себя сожительницею дѣвицу, посвященную Богу и похищенную у Бога, и поэтому не дерзавшій самъ приблизиться къ человѣку Божію, сдѣлалъ свои приношенія и послалъ ихъ, смѣшавъ съ приношеніями другихъ. Но святый мужъ, узнавъ духомъ, отвергъ приношенія его, сказавъ: пойдите и скажите властелину: ты отнялъ приношеніе у всемогущаго Бога и мнѣ посылаешь эти приношенія? Я не принимаю твоей просфоры (τὴν σὴν προσφορὰν)". Наконецъ изъ 23-й главы книги Григорія Двуслова авторъ приводитъ разсказъ о двухъ дѣвахъ, которыхъ отлучилъ отъ церкви св. Бенедиктъ. „Эти дѣвы умерли и были погребены въ церкви, но они выходили изъ церкви всякій разъ, когда діаконъ возглашалъ, чтобы не имѣющіе общенія выходили изъ церкви. Увидѣвъ дѣвицъ выходящими изъ гробовъ вонъ изъ церкви, воспитательница этихъ дѣвицъ отправилась къ св. Бенедикту и разсказала ему объ этомъ. Онъ же, какъ разсказывается, далъ ей въ руки одну просфору и сказалъ: ступай и сдѣлай такъ, чтобы эта просфора была принесена за нихъ Господу. И вотъ, она взяла просфору, принесла ее Господу и уже болѣе не видала этихъ дѣвицъ выходящими изъ церкви". Даже если и Господь самъ совершилъ евхаристію на опрѣснокахъ, то и это, по мнѣнію автора, не обязываетъ непремѣнно, чтобы и во всѣ послѣдующія времена это таинство совершалось также на опрѣснокахъ, такъ какъ въ

церковной практикѣ есть много такого, что заповѣдалъ Господь, а святые апостолы и прочіе отцы церкви усовершили это въ назиданіе благодати (εἰς οἰκοδομὴν χάριτος), какъ напримѣръ, это можно знать изъ совершенія св. крещенія. Господь просто сказалъ: „крестите во имя Отца и Сына и Св. Духа“ и ничего не прибавилъ болѣе, а потомъ божественными апостолами и св. отцами предано: умащать елеемъ, помазывать мѵромъ, произносить заклинаніе, получать дуновеніе отъ священниковъ для символическаго выраженія благодати всесвятаго Духа. Такъ, слѣдовательно, произошло и съ пречистой божественной евхаристіей, такъ какъ къ лучшему и совершеннѣйшему руководствовали насъ божественные апостолы“.

Напротивъ куропалатъ Ѳеодоръ, объясняя, почему римляне совершаютъ таинство на опрѣснокахъ, какъ и Петръ Антіохійскій, говоритъ, что обычай употребленія опрѣсноковъ былъ нѣкоторой уступкой и снисхожденіемъ къ увѣровавшимъ изъ іудеевъ, населявшимъ въ большомъ количествѣ Римъ. Что такого рода уступки апостолы дѣйствительно дѣлали, авторъ видитъ въ томъ, что они допускали обрѣзаніе. Однако всѣ такого рода уступки, разсуждаетъ Ѳеодоръ, могли имѣть мѣсто лишь въ свое время.

Въ диспутѣ съ Анзельмомъ Гавельбергскимъ Никита Никомидійскій, доказывая, что употребленіе кваснаго хлѣба въ евхаристіи не чуждо было прежде для римской церкви, ссылается на постановленія римскихъ папъ Мельхіада и Сириція о распредѣленіи по церквамъ хлѣба, освященнаго епископомъ, въ которыхъ онъ видитъ доказательство употребленія въ римской церкви кваснаго хлѣба. „Кромѣ того“, продолжаетъ Никита, „я считаю очень справедливымъ, что въ древности ни римская церковь не раздорила въ совершеніи евхаристіи съ греками, ни греки не раздорили съ нею, но какъ греки, такъ и латиняне безразлично употребляли въ жертвоприношеніи то квасный хлѣбъ, то опрѣснокъ, смотря по тому, что представлялъ для этого случайный выборъ тѣхъ, которые приносили хлѣбъ для таинства, и никто изъ тѣхъ, которые желали причащаться, грекъ или латинянинъ, не испытывалъ въ этомъ отношеніи никакого соблазна“. Въ под-

твержденіе этой своей мысли Никита указываетъ на полное общеніе, бывшее нѣкогда между греческою и латинскою церквами, когда многіе изъ грековъ избирались для управленія всею латинскою церковію и конечно между управителями и управляемыми не могло быть никакого разногласія въ приношеніи евхаристійной жертвы, но какъ тѣ, такъ и другіе взаимно считали другъ друга православными. Что въ римской церкви нѣкогда безразлично употреблялся тотъ и другой хлѣбъ для евхаристіи, Никита видитъ еще и въ томъ, что до его времени внутри стѣнъ Рима и внѣ его стѣнъ существовали греческіе монастыри, въ которыхъ употреблялся и употребляется квасный хлѣбъ безъ всякаго столкновенія по этому поводу съ римскимъ первосвященникомъ и окружающими ихъ латинянами. Обращаясь ко временамъ апостольскимъ, Никита прямо говоритъ, что „должно принимать за истину то, что и они при освященіи тѣла Господня употребляли то опрѣснокъ, то квасный хлѣбъ. Проходя съ благовѣствованіемъ различныя провинціи, апостолы, когда приходили въ какую-нибудь христіанскую церковь и желали для общенія съ братіями принести святое жертвоприношеніе, то не домогались слишкомъ ревностно или слишкомъ рачительно пріобрѣсти для этого ни кваснаго хлѣба, ни опрѣснока, но что находилось у нихъ подъ руками, то они безразлично и приносили съ благочестіемъ. Я полагаю, что такая форма приношенія евхаристіи или причащенія была предана апостолами какъ въ римской церкви, такъ и во всѣхъ другихъ церквахъ, хотя извѣстныя апостольскія писанія и не говорятъ намъ объ этомъ. Но римская церковь мало по малу, по собственной волѣ, отклонила одно изъ двухъ и приняла только другое — именно опрѣснокъ. Равнымъ образомъ и восточная церковь отклонила опрѣснокъ и избрала для жертвоприношенія только квасный хлѣбъ. Однако изъ-за этого въ старину ни разумные греки, ни разумные латиняне не считали другъ друга достойными презрѣнія и во взаимномъ мирѣ братскою любовію любили и согрѣвали другъ друга и, когда это было нужно, собирались на соборы“. Затѣмъ, Никита говоритъ, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго безразсудства и превозношенія нѣкоторыхъ латинянъ почти за 300 лѣтъ до его

времени возникла вражда между греками и латинянами. „Въ тѣ времена возсталъ нѣкто Карлусъ, король франкскій, насильственно завладѣлъ римскою имперіею и произвольно сталъ называться патриціемъ города Рима". Со времени Карла Великаго, когда окончательно раздѣлилась римская имперія, латиняне стали отличаться отъ грековъ не только государственными учрежденіями, но и церковными уставами, стали считать квасный хлѣбъ недостойнымъ для жертвоприношенія, прервали церковное общеніе съ греками и стали называть ихъ еретиками. Съ своей стороны и греки по справедливому возмездію стали не принимать въ евхаристіи ихъ опрѣснока, прервали съ латинянами общеніе и стали называть ихъ еретиками-азимитами. Все это разсужденіе Никита направляетъ къ обоснованію той своей мысли, что при возобновленіи братской любви между греками и латинянами разность между церквами въ употребленіи хлѣба для таинства евхаристіи и теперь не можетъ служить препятствіемъ для общенія и единенія церквей. Такимъ образомъ, Никита Никомидійскій прямо высказываетъ, что въ древней церковной практикѣ совершенія таинства евхаристіи безразлично употреблялся и квасный хлѣбъ, и опрѣснокъ, и вообще выступаетъ сторонникомъ безразличнаго употребленія въ таинствѣ евхаристіи того и другаго хлѣба.

Напротивъ, въ латинской полемической литературѣ уже нельзя видѣть такого разнообразія мнѣній и сужденій по поводу вопроса о древней церковной практикѣ совершенія таинства евхаристіи. Употребленіе въ римской церкви опрѣсноковъ латинскіе полемисты выставляли исконнымъ преданіемъ и установленіемъ ап. Петра и проводили его чрезъ всѣ времена существованія западной церкви. Въ отвѣтъ на письмо Льва Ахридскаго папа Левъ IX, между прочимъ, писалъ: „вотъ уже тысяча и почти двадцать лѣтъ протекло со времени страданія нашего Спасителя и вы думаете, что отъ васъ римская церковь начнетъ учиться, какъ и на чемъ ей должно совершать воспоминаніе страданія Его, какъ будто для нея не имѣютъ никакого значенія присутствіе, непрестанное дѣйствіе и вѣчное установленіе или, что прославило Бога, драгоцѣнная смерть того досточтимаго старца, которому преимущественно

(specialiter) сказалъ Христосъ Сынъ Бога живаго: *блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ* (Матѳ. XVI. 17). Вы, слѣдовательно, не понимаете, что за безстыдство утверждать, будто бы Отецъ небесный скрылъ отъ князя апостоловъ—Петра, обрядъ видимаго жертвоприношенія чрезъ раздаяніе плоти единороднаго Сына своего,—отъ Петра, которому Онъ самъ непосредственно благоволилъ открыть во всей полнотѣ неизреченную тайну невидимаго божества того же Сына своего,—отъ Петра, которому не чрезъ ангела, не чрезъ пророка, но своими собственными устами самъ Господь ангеловъ и пророковъ такъ обѣщалъ въ слѣдующихъ словахъ: *и я говорю тебѣ: ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою* (Матѳ. XVI. 18) [1]).

Доминикъ Градскій въ своемъ письмѣ къ Петру Антіохійскому также говоритъ: „обычай употреблять опрѣсноки мы считаемъ не только апостольскимъ, на даже Господнимъ преданіемъ".

Кардиналъ Гумбертъ въ своемъ Діалогѣ послѣ пространно изложенныхъ имъ доказательствъ въ пользу совершенія евхаристіи на опрѣснокахъ самимъ Спасителемъ говоритъ: „вы (греки) должны сказать: кого установленіе совершать евхаристію на квасномъ хлѣбѣ вы такъ упорно отстаиваете? Конечно, каждый кто бы только ни былъ такимъ установителемъ, не былъ бы угоднымъ предъ Богомъ, который есть сама справедливость и мудрость и не былъ бы ни справедливымъ, ни мудрымъ. Не можетъ статься, чтобы кто-нибудь болѣе сообразно и болѣе истинно могъ предать священное и святое таинство вѣры, чѣмъ предалъ Тотъ, Который предалъ Себя Самого за насъ въ приношеніе и жертву Богу въ воню благоуханія духовнаго, тотъ непорочный Агнецъ, который понесъ грѣхи міра [2]).

Опровергая доводы Никиты Стиѳата, Гумбертъ говоритъ: „Скажи, гдѣ и когда Павелъ съ одиннадцатью апостолами изложилъ тѣ правила съ угрозою отлученія, которыя ты выставляешь

---

[1]) Epist. Leonis IX cap. V и VI.

[2]) Humberti Dialogus cap. XXXIV.

намъ въ семидесятой главѣ. Ты совершенно не знаешь, что говоришь. Если бы это правило было приведено даже изъ книгъ, вполнѣ авторитетныхъ (ex libris authenticis), все-таки оно никакимъ образомъ не касается насъ, такъ какъ мы не постимся съ іудеями, не празднуемъ съ ними и не пріемлемъ отъ нихъ какихъ-нибудь даровъ праздниковъ ихъ. А что ты сумасбродно присоединяешь: отъ нихъ ли пріемлете, или приготовляете дома,— все равно это—опрѣсноки, то и эту сѣть мы расторгаемъ, говоря: все равно,—ѣдите-ли вы въ субботу съ евреями, или у васъ у себя бываетъ яденіе. По истинѣ это справедливѣе относилось бы къ вамъ, такъ какъ у васъ суббота ничто иное, какъ празднество іудейское, а мы въ опрѣснокѣ содержимъ и объемлемъ далеко иное таинство. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы спросили іудеевъ, что они празднуютъ въ субботу, они отвѣчали бы: „покой Господень“; если бы мы спросили тоже грековъ, то и они отвѣчали бы не иначе, а слѣдовательно они подъ рабствомъ закона и вмѣстѣ съ іудеями сидятъ во тьмѣ и сѣни его... По истинѣ ты ходишь въ лабиринтовыхъ извилинахъ, такъ что то входишь туда, откуда ты вышелъ, то выходишь, откуда вошелъ. Ты снова топчешь ту же дорогу, говоря: „если вкушать опрѣсноки вамъ было заповѣдано апостолами, то какимъ образомъ папа вашъ Агаѳонъ, предсѣдатель св. шестаго собора, съ Григоріемъ, епископомъ Агригентинскимъ и другими отцами постановилъ противъ опрѣсноковъ законоположеніе, чтобы опрѣсноковъ не было? Слушай, наглый глупецъ, не столько еще апостолами, сколько самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ предано намъ вкушать опрѣсноки не отъ пасхи іудейской, но отъ пасхи христіанской. Непричастны мы и тому, что ты выставляешь въ одиннадцатой главѣ шестаго собора. Спрошу я тебя: кто изъ нашихъ вкушаетъ опрѣсноки, которые находятся у іудеевъ? Въ самомъ дѣлѣ, хотя и все прочее этой главы мы соблюдаемъ, однако то постановленіе объ опрѣснокахъ мы соблюдаемъ всего болѣе. Но что ты скажешь на слѣдующее: Василій Великій не принялъ-ли въ незначительной мѣрѣ врачебнаго пособія іудея Іосифа? А ты, изъяснивши эту главу, какъ діаволъ псаломъ, присоединяешь: „итакъ, кто приготовляетъ

или вкушаетъ опрѣснокъ, хотя и не принялъ бы его отъ іудеевъ, оказывается все-таки ихъ подражателемъ, подобно тому какъ оказывается подражателемъ іудеевъ тотъ, кто совершаетъ обрѣзаніе". Господи, погуби всѣхъ говорящихъ ложь (Пс. V. 7)! Такъ ли рѣшительно запрещается всѣмъ христіанамъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не вкушать опрѣсноковъ, какъ запрещается, чтобы они никогда не обрѣзывались? Почему такъ рѣшительно запрещается христіанамъ обрѣзаніе? Потому что въ этомъ они оказались бы подражателями іудеевъ. Однако, соглашаясь, что обрѣзаніе было только для іудеевъ, мы все-таки признаемъ то, что опрѣсноки существуютъ для всѣхъ народовъ, а ты ихъ безумно удаляешь не только отъ божественной, но и отъ человѣческой трапезы. Но что ты сдѣлаешь квасникъ? Іудеи, какъ ты выше призналъ, за исключеніемъ семи дней, цѣлый годъ ѣли квасный хлѣбъ и иногда приносили его,—такъ что же,—не отнимешь ли ты у людей и этого хлѣба"?

Анзельмъ Гавельбергскій въ диспутѣ съ Никитою Никомидійскимъ на вопросъ послѣдняго: „кто изъ римскихъ первосвященниковъ постановилъ, чтобы въ жертвоприношеніи долженъ былъ употребляться опрѣсночный хлѣбъ и чтобы должно было до такой крайности принуждать насъ принимать его, что если мы не принимаемъ, то подлежимъ справедливому осужденію", отвѣчалъ, что онъ нигдѣ не нашелъ въ своихъ церковныхъ книгахъ никакихъ письменныхъ установленій объ этомъ. Затѣмъ, указавъ на то, что употребленіе опрѣсноковъ бываетъ ежедневно какъ во всѣхъ церквахъ Рима, такъ и въ церквахъ почти всей вселенной, Анзельмъ по поводу ссылки Никиты на постановленія римскихъ папъ Мельхіада и Сириція говоритъ, что ихъ постановленія скорѣе должно понимать не въ томъ смыслѣ, что они говорятъ о приношеніи въ евхаристіи кваснаго хлѣба, а въ томъ, что они говорятъ о дарственныхъ, благословенныхъ приношеніяхъ, которыя повелѣвалось распредѣлять по всѣмъ церквамъ. Впрочемъ, если бы постановленія двухъ римскихъ папъ и дѣйствительно касались установленія въ церквахъ совершенія евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ, то, по разсужденію Анзельма, во всякомъ

случаѣ рѣшеніе и практика многихъ римскихъ первосвященниковъ, основанныя на примѣрѣ самого Іисуса Христа, должны имѣть перевѣсъ предъ опредѣленіемъ и авторитетомъ только двухъ римскихъ папъ. Наконецъ, Анзельмъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу разсужденія Никиты Никомидійскаго о томъ, что въ древности греки и римляне не соблазнялись ни приношеніемъ опрѣснока, ни приношеніемъ кваснаго хлѣба и что при возобновленіи братской любви между греками и латинянами эта разность между церквами и теперь не можетъ служить препятствіемъ для ихъ общенія и единенія, хотя и говоритъ, что относительно этого должно подождать мнѣнія и рѣшенія старшихъ. Можно видѣть, что полемисты той и другой стороны нѣсколько сходились въ своихъ разсужденіяхъ относительно практики древней церкви по спорному вопросу.

Затѣмъ правильность употребленія для таинства евхаристіи кваснаго хлѣба греки доказывали сопоставленіемъ ветхаго завѣта съ новымъ.

Въ своемъ первомъ посланіи Левъ Ахридскій, приведши слова Спасителя при установленіи евхаристіи (Матѳ. XXVI. 26—28), говоритъ: „сказавъ: „новаго (завѣта)“, Онъ показалъ, что все, касающееся ветхаго, миновало и кончилось... „Смотри опять“, пишетъ этотъ авторъ въ томъ же своемъ посланіи, — „что псалмопѣвецъ Давидъ говоритъ о Христѣ: *ты іерей во вѣкъ по чину Мелъхиседекову* (Пс. 109, 4). Мелъхиседекъ, который прежде Моисея и прежде Авраама позналъ Бога неба и земли и всякой твари, считается въ Писаніи рожденнымъ отъ дѣвы, безъ родословія и именуется архіереемъ, — поставши далъ Аврааму хлѣбъ (ἄρτον) и вино, издревле предзнаменуя въ нихъ наше божественное служеніе въ духѣ и истинѣ. Вотъ почему и божественный апостолъ говоритъ, что *если бы совершенство зависѣло отъ священства левитскаго, то Христосъ не назвался бы священникомъ по чину Мелъхиседекову* (Евр. VII. 11) и что *если перемѣнено священство, то становится необходимою и перемѣна закона* (Евр. VII. 12). Итакъ, по сему апостолу, при прекращеніи закона, необходимо прекращаются и опрѣсноки. Тотъ же самый великій апо-

столъ въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ, разсуждая объ этомъ въ томъ зачалѣ, которое читается въ святый и великій четвергъ, говоритъ: *братіе, я отъ самого Господа принялъ то, что и вамъ передалъ, что Господь Іисусъ въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ и, возблагодаривъ, преломилъ и сказалъ: пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое за васъ ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе.* Также сказалъ и относительно чаши: *сія чаша есть новый завѣтъ въ Моей крови, сіе творите въ Мое воспоминаніе; ибо всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей и пьете чашу сію, смерть Господню возвѣщаете* (1 Кор. XI. 23—26). Но опрѣсноки и воспоминанія о Господѣ не даютъ и не возвѣщаютъ Его смерти, такъ какъ они установленія моисейскія и установлены за 1600 лѣтъ. Поэтому въ новомъ завѣтѣ, въ евангеліи они лишены всякаго значенія и оставлены".

Второе письмо Льва Ахридскаго почти все посвящено авторомъ доказательствамъ противъ употребленія опрѣсноковъ изъ сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ. „Божественное писаніе", говоритъ авторъ въ началѣ этого письма, „знаетъ два народа: одинъ изъ іудеевъ, а другой изъ язычниковъ,—и два завѣта: одинъ ветхій, а другой новый. Какимъ образомъ и почему? Такъ какъ всѣ рожденные отъ Адама запятнали себя прелюбодѣяніями, нечестіемъ и любодѣяніемъ и были истреблены потопомъ, а потомъ и рожденные отъ трехъ сыновей Ноя и наполнившіе міръ осквернили себя самихъ тѣмъ же самымъ нечестіемъ, распутствомъ и идолослуженіемъ и когда ни смѣшеніе языковъ, ни сожженіе содомлянъ, ни многое иное, бывшее по провидѣнію свыше, не вразумило ихъ, то по этой причинѣ была тогда милость Божія къ намъ. Богъ призвалъ Авраама изъ персидской земли (ἀπὸ περσίδος) и сказалъ ему: *изыди изъ земли своей и изъ рода своего и ступай въ землю, которую я покажу тебѣ, и сдѣлаю сѣмя твое, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ при берегѣ моря.* И отвелъ потомство его въ Египетъ и оно служило въ немъ рабомъ при глинѣ и кирпичѣ четыреста тридцать лѣтъ. Угнетаемые (потомки Авраама) возопили ко Господу и Богъ помиловалъ ихъ. Пославъ Моисея, Онъ вывелъ ихъ изъ Египта чрезъ Чермное море и далъ имъ законъ съ малыми и легкими тре-

бованіями. Григорій же Богословъ говоритъ объ этомъ, что такъ какъ рѣшительно всѣ люди прилежали идольскимъ жертвамъ, то даже не было возможно, чтобы они прямо пришли въ вѣру совершенную, какъ равнымъ образомъ горячій и рьяный конь не принимаетъ узды безъ ласкательства и постепеннаго приученія. Посредствомъ закона Богъ далъ имъ познаніе Его и соизволилъ, чтобы были жертвы. Потомъ, когда наступило время евангелія, то вмѣсто эллиновъ мы сдѣлались іудеями, а вмѣсто іудеевъ сдѣлались всѣ безъ исключенія новымъ народомъ Христовымъ". Послѣ такого приступа авторъ развиваетъ ту главную и почти единственную идею этого своего посланія, что въ новомъ завѣтѣ уже неприложимо то, что было умѣстнымъ въ ветхомъ завѣтѣ. Причину установленія въ ветхомъ завѣтѣ употребленія опрѣсноковъ авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ то время, какъ Египетъ былъ полонъ всякаго идольскаго безумія и задержанные въ немъ израильтяне также приносили жертвы идольскимъ изображеніямъ, Богъ, желая посредствомъ осязательной вещи законоположить израильтянамъ, чтобы они совершенно не участвовали въ нечестіи египтянъ, установилъ и назначилъ имъ чрезъ Моисеевъ законъ совершенно не принимать закваски египетской. Вотъ почему Онъ устроилъ, чтобы израильтяне не имѣли ни единаго общенія ни въ идолослуженіи, ни въ иномъ злѣ и лукавствѣ египтянъ и установилъ, чтобы въ теченіе семи дней они ѣли опрѣсноки съ горькими травами, а франки и лонгобарды не стыдятся ѣсть ихъ и въ продолженіе всей своей жизни". Однако, какъ весь ветхій законъ, такъ и употребленіе опрѣсноковъ должны были имѣть только временное значеніе, что дано было знать и израильтянамъ. „Для того, чтобы израильтяне оставляли семидневное мученіе и приготовлялись къ настоящей и божественной нашей пасхѣ, законодатель Моисей, показывая, что ветхій завѣтъ будетъ оставленъ, сказалъ имъ и много другаго о Христѣ и между прочимъ слѣдующее: *пророка возставитъ вамъ Господь Богъ, какъ меня, его послушайте во всемъ; и всякая душа, которая не послушаетъ пророка того, будетъ истреблена отъ народа ея.* Видите, какъ ясно говоритъ онъ здѣсь о Христѣ, — говоритъ, что Онъ имѣетъ прекратить законъ, установить

евангеліе и подвергнуть угрозамъ закона и справедливымъ наказаніямъ всякаго приходящаго къ новой благодати не чрезъ отверженіе закона. Для чего же, когда Христосъ прекратилъ законъ, вы приносите опрѣсноки, какъ іудеи и заблуждающіеся армяне. Или вы не слышите Христа, говорящаго въ евангеліи: *берегитесь закваски фарисейской*, т. е. іудейской?" Въ противоположность установленію въ ветхомъ завѣтѣ употребленія опрѣсноковъ авторъ изображаетъ установленіе въ новомъ завѣтѣ таинства евхаристіи и приводитъ для этого изъ перваго посланія къ коринѳянамъ ст. 23—26. „Посмотрите же теперь на высоту неба, побойтесь Бога и подумайте: не былъ ли Павелъ израильтяниномъ изъ колѣна Веніаминова,—какимъ же образомъ онъ не сказалъ, что я-де принялъ отъ Моисея опрѣсноки, но сказалъ: „я принялъ отъ Господа?" Опять, какимъ образомъ онъ не сказалъ: я принялъ, когда Моисей исходилъ изъ Египта, но—когда Господь исходилъ на страданіе, онъ принялъ приносить въ божественныхъ тайнахъ хлѣбъ и вино въ воспоминаніе Господа? Какъ же сказалъ онъ „въ воспоминаніе Господа", а не „въ воспоминаніе Моисея?" Какъ же опять Господь сказалъ: *всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей, то возвѣщаете Мою смерть, творите Мое воспоминаніе*, а не сказалъ „смерть Моисея" и „совершаете воспоминаніе Моисея?" Но не Моисей, вѣдь, умеръ за насъ, а Христосъ. И вотъ что опять говоритъ Павелъ: *когда я былъ младенцемъ, то по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ, а когда я сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое, т. е. опрѣсноки и прочія повелѣнія закона*". Затѣмъ, авторъ говоритъ, что, согласно съ ученіемъ и преданіемъ св. апостоловъ, и всѣ богоносные отцы предали, чтобы въ св. тайнахъ мы употребляли хлѣбъ и вино, а не опрѣсноки и не все то, что заповѣдалъ ветхій завѣтъ, такъ какъ все это божественнымъ евангеліемъ оставлено, прекращено и уничтожено. „Или вы не понимаете Григорія Богослова, который говоритъ: „Христосъ раждается, древнее прошло и вотъ все стало новымъ: буква проходитъ, духъ преизбыточествуетъ. „Тѣнью, буквою и образомъ онъ называетъ Моисеевъ законъ, а духомъ—святое евангеліе. Законная же пасха, я дерзновенно говорю, была несовершеннѣйшимъ образомъ образа,—

она была образомъ нашей пасхи. Съ своей стороны наша пасха есть образъ небесной пасхи, а та небесная пасха въ свою очередь превосходнѣе нашей, нынѣ совершаемой нами. Вотъ почему Христосъ говоритъ апостоламъ: *истинно говорю вамъ: Я уже не буду пить отъ сего виноградного плода до того дня, когда буду пить съ вами новое* (вино) *въ царствіи Отца Моего.* Сказавъ же „новое“, Онъ показалъ, что, въ сравненіи съ этой пасхой, та пасха, въ свою очередь, есть иная. Не видите-ли, какъ Богъ, постепенно по достоинству, возводя насъ отъ дѣтскаго возраста въ большій и опять отъ этого въ совершеннѣйшій, дѣлаетъ насъ совершенными мужами. Такъ и на самомъ дѣлѣ: отъ идоловъ онъ возвелъ насъ къ опрѣснокамъ и жертвамъ, отъ опрѣсноковъ въ свою очередь возвелъ насъ къ святымъ и божественнымъ тайнамъ, а послѣ ихъ имѣетъ намѣреніе дать намъ „новое“, т. е. новое измѣненіе въ царствіи своемъ“. Наконецъ, въ доказательство временнаго значенія ветхаго закона и его предписаній авторъ излагаетъ исторію апостольскаго собора, когда апостолы предписали христіанамъ изъ язычниковъ совершенно не внимать нѣкоторымъ изъ іудеевъ, побуждавшихъ ихъ еще обрѣзываться и соблюдать законъ Моисеевъ,—и не дѣлать ничего изъ закона Моисеева, избѣгая и гнушаясь блуда, удавленины и крови.

Третье письмо Льва Ахридскаго уже совершенно все посвящено авторомъ выясненію противоположности между ветхимъ и новымъ завѣтомъ, чѣмъ доказывается неумѣстность и незаконность употребленія опрѣсноковъ. *Братіе, не будьте дѣти умомъ,* говоритъ божественный апостолъ Павелъ, *на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтни,*—такимъ воззваніемъ ап. Павла начинаетъ это свое посланіе Левъ Ахридскій. „Какимъ же образомъ христіанинъ, имѣющій несовершенную вѣру во Христа, можетъ быть названъ совершеннолѣтнимъ? Вѣра же не должна имѣть ничего общаго ни съ обрѣзаніемъ, ни съ необрѣзаніемъ, потому что *во Христѣ,* говоритъ опять этотъ апостолъ, *ничего не значитъ ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь.* Обрѣзаніемъ же вообще называется ветхій законъ, а необрѣзаніемъ—служеніе язычниковъ и еллиновъ. Вѣра во Христа ничего изъ нихъ не прини-

маетъ. Вотъ почему этотъ же апостолъ говоритъ: „ибо я породилъ васъ во Христѣ Іисусѣ для евангелія“. Выраженія: „во Христѣ Іисусѣ“, „для евангелія“, „я васъ породилъ“ показываютъ, что насъ, совершенныхъ вслѣдствіе совершеннаго неучастія въ обрѣзаніи, т. е. въ Моисеевомъ законѣ и въ необрѣзаніи, т. е. въ еллинскомъ служеніи, укрѣпляющая вѣра во Христа содѣлываетъ сынами и наслѣдниками царствія. Если же это такъ, то вамъ совершенно неприлично участвовать въ законѣ Моисеевомъ, а прилично, какъ совершеннымъ, находиться гораздо выше его и исполнять истинное, чистое, совершенное служеніе Богу по духу. Итакъ, познайте, что намъ непозволительно ничего соблюдать, или сохранять изъ ветхаго закона, ни великаго, ни малаго“. Послѣ такого приступа авторъ пространно развиваетъ ту свою мысль, что все бывшее въ ветхомъ завѣтѣ произошло и происходитъ въ новомъ, но только не въ той буквальности и образности, какъ тамъ, а мысленно и духовно. Между прочимъ, проводя параллель между ветхозавѣтными событіями и дѣйствіями и новозавѣтными, авторъ говоритъ: „Какъ израиль, перешедши чрезъ Черное море, совершилъ пасху, заклавъ и ѣдя агнца, такъ и мы, перешедши чрезъ св. крещеніе въ землю безстрастія, принесли и еще приносимъ, по благоволенію Отца, мысленнаго агнца Господа нашего Іисуса Христа и ежедневно принимаемъ во отпущеніе грѣховъ пречистое тѣло Его и драгоцѣнную кровь—безъ опрѣсноковъ и горькихъ травъ не только по причинѣ совершеннаго прекращенія ветхаго закона, но и по причинѣ дѣйствующей благодати евангелія, чрезъ которую всѣмъ намъ отпущенъ весь долгъ и грѣхъ египетскій. Итакъ, будучи столь совершенными по божественной благодати, мы не нуждаемся ни въ плотскомъ обрѣзаніи, такъ какъ мы духовно обрѣзываемъ свои страсти, ни также въ опрѣснокахъ, какъ младенчествующіе и глупые іудеи и единомысленные съ ними италійцы, египтяне (іаковиты) и армяне, потому что, избѣгая опрѣсноковъ, мы еще духовно избѣгаемъ въ нихъ зловоннаго и вмѣстѣ зловиднаго, нечестиваго тѣста египетскаго зла. Мы живемъ по закону благодати божественнаго евангелія, отметая весь ветхій законъ своими дѣлами по словамъ божественнаго апо-

стола: *чрезъ законъ я умеръ для закона*, т. е. чрезъ евангельскій законъ, говоритъ онъ, я умеръ для Моисеева закона. Но какъ же онъ умеръ для закона, не ослабѣвъ, не сдѣлавшись больнымъ? Онъ находился подъ нимъ, но возвысился и оказался во многомъ выше его. Такъ и мы, подобно Іисусу Христу, не пришли нарушить законъ, а исполнить, но вмѣстѣ, какъ и быть должно, по благодати Божіей, нарушили его, не принимая его несовершенныхъ и младенческихъ повелѣній. Однако, съ другой стороны, мы и исполнили его во Христѣ, избѣгая не одного только блуда, но для многаго, отсѣкая и самое вожделѣніе, отказывая себѣ въ поднятіи любопытнаго, пытливаго взора и въ воззрѣніи". Въ томъ же родѣ авторъ и далѣе развиваетъ свои мысли. Онъ снова повторяетъ, что опрѣсноки и кровавыя жертвы были приложимы только для несовершеннаго, младенческаго народа и сравниваетъ выраженія ветхаго завѣта: „глазъ за глазъ", „руку за руку", „ногу за ногу" съ выраженіями новаго: „если кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати къ нему и лѣвую" и под. Все это авторъ направляетъ къ доказательству той главной мысли, что исполненіе предписаній новаго завѣта возводитъ человѣка до совершенства въ жизни по Богѣ и, руководясь такими предписаніями, христіанинъ не нарушаетъ, а исполняетъ законъ, какъ и Христосъ сказалъ: *Я не пришелъ разорить законъ, но исполнить*. Однако исполненіе закона, заключаетъ Левъ Ахридскій, есть вообще его уничтоженіе, потому что онъ прекращаетъ свои дѣйствія на совершеннаго дѣятеля, поднявшагося изъ младенчества на степень совершеннаго, возрастнаго человѣка во Христѣ". Подтверждая свою мысль о прекращеніи и совершенномъ уничтоженіи ветхаго закона со всѣми его предписаніями, авторъ съ пространнымъ толкованіемъ приводитъ мѣста изъ посланій ап. Павла. Онъ приводитъ изъ посланія къ Филиппійцамъ гл. III ст. 3—10 и заключаетъ: „видите, какъ онъ (ап. Павелъ) говоритъ здѣсь, что онъ отвергъ законъ". „Въ посланіи же къ Римлянамъ онъ говоритъ какъ бы такъ: помилованіе намъ отъ Бога, который и помиловалъ насъ служителей новаго завѣта, не буквы, но духа, потому что буква умерщвляетъ, а духъ животворитъ. Говоря о

Моисеевомъ законѣ, онъ называетъ его закономъ смерти... говоритъ, что покрывало полагалось на лице Моисея, чтобы сыны израиля не смотрѣли на него пристально, и что даже до сегодня это покрывало остается на познаніи ветхаго завѣта, говоритъ, что „мы новое твореніе во Христѣ,—древнее прошло, теперь все стало новымъ", что „живущіе уже не живутъ для самихъ себя, но для умершаго и воскресшаго", Затѣмъ, авторъ обращается къ посланію къ Галатамъ и, имѣя въ виду сопоставить соблюденіе галатійцами обрѣзанія съ употребленіемъ латинянами опрѣсноковъ, онъ приводитъ изъ I гл. ст. 6—10; II гл. 19—31; III гл. 1—4; 10—14, 24—29, IV гл. ст. 12 ст. 17—31; V гл. 1—13, VI гл. 11—18. Наконецъ, выяснивъ, „что безъ обрѣзанія, опрѣсноковъ и соблюденія закона Богъ принялъ всѣхъ язычниковъ чрезъ св. крещеніе, авторъ изъ книги Дѣяній приводитъ исторію обращенія ко Христу сотника Корнилія (Дѣян. X. 9. XI. 18) и исторію апостольскаго собора, приводитъ всю рѣчь на соборѣ ап. Петра (Дѣян. XV. 7—11), рѣчь ап. Іакова (13—20), наконецъ рѣшеніе собора и посланіе къ язычникамъ (22—27). Всѣмъ этимъ авторъ доказываетъ, что употребленіе опрѣсноковъ въ новозавѣтное время и неумѣстно и незаконно.

Никита Стиѳатъ, выставляя несообразность употребленія опрѣсноковъ въ новомъ завѣтѣ, категорически заявляетъ, что „тѣ, которые до сихъ поръ причащаются опрѣсноками, находятся подъ тѣнію закона и вкушаютъ трапезу іудейскую, а не разумную и живую трапезу Божію". „Слово увѣщеваетъ насъ", говоритъ Никита, „чтобы въ опрѣснокѣ мы избѣгали закваски фарисейской, чтобы такой закваски мы никогда не дѣлали и чтобы ей совершенно не было. Въ самомъ дѣлѣ мы сдѣлались причастниками божественной природы, которой и пріобщаемся ежедневно, мы, которые имѣемъ общеніе со Христомъ, какъ говоритъ и верховный Петръ: *благодать вамъ и миръ да умножатся въ познаніи Бога и Господа нашего* (Пет. 1, 2),—и немного послѣ: *чтобы вы чрезъ нее сдѣлались причастниками Божескаго естества* (2 Пет. 1. 4) а не причастниками умертвившихъ Бога закваскою опрѣснока. Кто же, владѣющій смысломъ, когда—нибудь сочтетъ прилич-

нымъ для божественной природы опрѣснокъ,—эту мертвую закваску іудеевъ, которую вы употребляете для таинства и вкушаете во образъ (in figura) истинной и живой плоти Господней? Какимъ образомъ вы будете имѣть общеніе со Христомъ,—живымъ Богомъ, съѣдая, какъ сказано, мертвую и неквасную закваску закона сѣни, а не новаго завѣта? Да если бы вы и сказали, что имѣете общеніе со Христомъ,—все-таки на самомъ дѣлѣ это не такъ. Въ самомъ дѣлѣ, возлюбленный ученикъ Христовъ говоритъ: *Если мы говоримъ, что имѣемъ общеніе съ нимъ, а ходимъ во тмѣ, то мы лжемъ, и не поступаемъ по истинѣ. Если же ходимъ во свѣтѣ, подобно какъ Онъ во свѣтѣ, то имѣемъ общеніе другъ съ другомъ, и кровь Іисуса Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (Іоан. I. 6, 7). Итакъ, кто съѣдаетъ опрѣсноки, ходитъ во тмѣ закона, какимъ же образомъ онъ будетъ имѣть общеніе со Христомъ, который находится во свѣтѣ своего новаго завѣта и благодати? Что вамъ, нашимъ братьямъ во Христѣ, и въ предписаніяхъ закона, который упраздненъ во Христѣ (καταργηθέντι ἐν Χριστῷ, а въ переводѣ Гумберта—maledicta est in Christo, т. е. проклятъ во Христѣ)? Зачѣмъ вы вкушаете законный, безквасный опрѣснокъ? Мы новое твореніе во Христѣ; древнее прошло". Послушайте же словъ Павла: *теперь все новое* (2 Кор. V. 17). Если же вы считаете справедливымъ вкушать опрѣсноки, то почему же вы и не обрѣзываетесь? Христосъ былъ обрѣзанъ. Почему еще вы и не очищаетесь? Павелъ даже и это совершилъ. Разнымъ образомъ соблюдайте вы и все прочее ветхозавѣтное, какъ и тѣ, которые совершаютъ то, что относится къ кругу предписаній закона, чрезъ которыхъ имя Божіе хулится въ язычникахъ, какъ написано. *Не добра похвала ваша* (I Кор. V. 6), какъ и я скажу вамъ словами Павла: *не вѣсте-ли, яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. V, 6) и хлѣбъ, наконецъ, дѣлается не опрѣснокомъ" [1]).

Въ письмѣ Петра Антіохійскаго къ Доминику Градскому также проводится та мысль, что употребленіе опрѣсноковъ въ евхаристіи

---

[1]) Nicetae libellus, cap. II et V.

не можетъ быть умѣстнымъ въ новомъ завѣтѣ. „Мы уже не подъ закономъ, говоритъ Петръ, но подъ благодатію. Мы новая тварь во Христѣ, такъ какъ *древнее прошло*, какъ возглашаетъ Павелъ, *и теперь все новое* (1 Кор. V. 17). Тѣже, которые желаютъ вкушать опрѣсноки, что же и не обрѣзываются, когда и Христосъ также былъ обрѣзанъ? Почему также, по древнему преданію, они не хранятъ и субботы? Но послушай, что говоритъ Павелъ къ Галатамъ: *Вотъ я, Павелъ, говорю вамъ: если вы обрѣзываетесь, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа. Еще свидѣтельствую всякому человѣку обрѣзывающемуся, что онъ долженъ соблюсти весь законъ. Вы оправдывающіе себя закономъ, остались безъ Христа, отпали отъ благодати, а мы духомъ ожидаемъ и надѣемся праведности отъ вѣры* (Гал. V. 2—5). Но такъ говоритъ Павелъ, а я, измѣнивъ нѣчто малое изъ его рѣчи, приспособительно сказалъ бы: если вы ѣдите опрѣсноки, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа, такъ какъ они уставлены закономъ въ воспоминаніе исшествія изъ Египта, а не въ воспоминаніе спасительнаго страданія [1]).

Митрополитъ Леонтій, доказывая необходимость употребленія квасnаго хлѣба изъ сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ, только повторяетъ мысли первыхъ византійскихъ полемистовъ. Прежде всего онъ, подобно Льву Ахридскому, выставляетъ положеніе: „Христосъ есть іерей по чину Мельхиседекову, а не по чину Ааронову,— Мельхиседекъ принесъ хлѣбъ и вино, а Ааронъ приносилъ кровавыя жертвы, опрѣсноки и горькія травы,—мы должны употреблять для священнодѣйствія то, что принесъ Мельхиседекъ: ибо по его чину есть іерей Христосъ, а не по чину Ааронову". Затѣмъ, подобно Никитѣ Стиѳату, Леонтій указываетъ, что „опрѣсноки суть памятникъ бѣдствія, погибели, умерщвленія, а хлѣбъ квасный служитъ напоминаніемъ Христа, жизни, воскресенія и пребыванія съ тѣмъ, который есть свѣтъ и жизнь міра". Наконецъ, какъ Никита Стиѳатъ и Петръ Антіохійскій, митрополитъ Леонтій говоритъ, что „Христосъ учредилъ новый завѣтъ и этимъ самымъ

---

[1]) Epist. Petri Antioch. cap. XI.

упразднилъ ветхій, въ которомъ были опрѣсноки“ и что „одно изъ ветхаго закона исполняющій долженъ исполнить весь законъ и *Христосъ ему ничтоже пользуетъ*, какъ говоритъ божественный апостолъ“. Взгляды первыхъ византійскихъ полемистовъ отразились и въ полемическихъ сочиненіяхъ, писанныхъ въ Россіи. Митрополитъ Георгій также указываетъ на то, что Христосъ іерей по чину Мельхиседекову, а потому и въ таинствѣ евхаристіи должно употреблять такой же хлѣбъ, какой вынесъ Мельхиседекъ Аврааму, т. е. квасный. Митрополитъ Никифоръ прямо говоритъ: „оплатцѣ ветхыа жидовскыа жертвы суть, а не евангелія Христова законъ“.

Особенно широкое развитіе доказательства изъ сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ получили въ сочиненіяхъ греческихъ полемистовъ XII вѣка. Евстратій Никейскій посвятилъ этому развитію все первое свое полемическое сочиненіе по вопросу объ опрѣснокахъ. Въ немъ онъ ставитъ цѣлію своего изслѣдованія разсмотрѣть вопросъ: должно-ли вообще господствовать у принявшихъ евангеліе Христа установленіе Моисея, имѣя въ виду изъ отвѣта на этотъ общій вопросъ дать отвѣтъ на всякій болѣе частный вопросъ. Авторъ говоритъ, что все ветхозавѣтное должно считать только образомъ новозавѣтнаго и отъ буквы христіанамъ должно переноситься къ духу, иначе жизнь христіанъ еще и теперь была бы въ образахъ и загадкахъ и на словахъ, конечно, мы будемъ утверждать, что уже совершено домостроительство нашего спасенія, а въ своихъ дѣлахъ окажемся іудеями. „Если же, съ одной стороны“, продолжаетъ авторъ, „мы нѣчто будемъ содержать по закону сѣни и буквы, а съ другой—нѣчто по совершенству евангелія, то прежде всего какой мы сдѣлаемъ выборъ, что оставимъ буквѣ и что отдѣлимъ для духа? Потомъ, отчасти мы будемъ христіанами и отчасти іудеями и будемъ слѣдовать частію Христу, частію фарисеямъ и книжникамъ и, такимъ образомъ, въ насъ умалится истина, настолько теряя въ своей цѣлости, насколько мы остаемся въ древнихъ загадкахъ“. Наконецъ, авторъ предполагаетъ еще одну возможность: соблюдать вмѣстѣ и ветхозавѣтное и новозавѣтное, и букву и духъ, какъ одина-

ково божественныя установленія. Но законоположникъ говоритъ: *всякій, который не пребудетъ во всемъ, написанномъ въ книгѣ сей, чтобы соблюдать это, да будетъ проклятъ* (Второз. XXVII, 26). „Подъ проклятіемъ, слѣдовательно, находится живущій по буквѣ. Христосъ пришелъ и искупилъ насъ отъ клятвы законной и спасаетъ насъ своею благодатію. Какъ же поэтому возможно быть подъ проклятіемъ и вмѣстѣ быть свободнымъ отъ проклятія? Если же это дѣйствительно невозможно, то равнымъ образомъ невозможно по тому же самому жить вмѣстѣ по закону и по духу". Кромѣ того, авторъ указываетъ на различіе нравственныхъ предписаній закона и евангелія: первый назначаетъ зубъ за зубъ и око за око, а второе побуждаетъ ударяющему въ правую щеку обращать лѣвую и т. п. „Невозможно, слѣдовательно,—разсуждаетъ авторъ,—совмѣстить букву съ духомъ, но буква предшествуетъ частію какъ элементарное и основное, частію же какъ тѣнь и образъ, а съ наступленіемъ духа она теряетъ значеніе. Но скажутъ: если ветхое по отношенію къ новому удерживаетъ значеніе элементарнаго, то какъ при членораздѣльныхъ звукахъ, когда дѣлаютъ слоги и слова, остаются и элементарныя ихъ начала, такъ должно быть и при томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь: когда мы совершаемъ новое, то вмѣстѣ съ нимъ должно быть и ветхое. Какъ при уничтоженіи тѣхъ элементовъ никогда не могло бы быть ни слога, ни слова, такъ точно и при уничтоженіи ветхаго невозможно было бы состояться новому. Два свойства элемента: быть несовершеннѣе того, чего онъ составляетъ элементъ, образованіе изъ него того начала, котораго онъ составляетъ элементарное, и разрѣшеніе его въ это послѣднее. Къ этимъ двумъ свойствамъ элемента должно присоединить еще и третье его свойство: бытіе въ немъ того, по причинѣ чего изъ него происходитъ сложеніе. Такъ какъ ветхое по отношенію къ новому не просто элементъ, а только имѣетъ значеніе элементовъ, то должно разсмотрѣть, соотвѣтствуютъ ли ему всѣ свойства элемента. Конечно, первое и третье безспорно оказываются соотвѣтствующими, а второе въ той же мѣрѣ оказывается неподходящимъ. Ветхое по отношенію къ новому въ самомъ дѣлѣ болѣе

несовершенно и вслѣдствіе этого оно нуждалось въ совершенномъ; для новаго было ветхое, чтобы вывести природу человѣка изъ страстей и направить къ воздержанію страстей, вывести изъ жизни звѣрской и направить къ жизни человѣческой... Но никогда не было бы правильнымъ выраженіе, что новое слагается изъ ветхаго и въ это послѣднее разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ не изъ ветхихъ законовъ при ихъ многомъ собраніи образовался одинъ новый, какъ какой-нибудь слогъ изъ буквъ, или изъ слоговъ — слово... Кромѣ того, и при собраніи элементовъ, образующихъ изъ себя сложное, не просто остается то, что было прежде. Просто α, ν, θ, ρ и проч. не составляютъ слова ἄνθρωπος,—ясно, что если кто-нибудь отдѣлитъ эти буквы одну отъ другой, то онъ не можетъ обозначить ими того, что они обозначали въ соединеніи другъ съ другомъ. Итакъ, допустимъ, что и ветхое совмѣщается съ новымъ, однако не такъ, чтобы ветхое удерживало тоже самое, но такъ, что оно лишается своего несовершенства отъ обымлющаго его совершенства... Пребывающій же въ ветхихъ Моисеевыхъ предъизображеніяхъ не можетъ получить христіанскаго совершенства и такой, слѣдовательно, не христіанинъ, а іудей". Затѣмъ, авторъ указываетъ на то, что ветхій законъ называется элементарнымъ, предварительнымъ и прообразовательнымъ и уже поэтому долженъ уступить болѣе совершенному, какъ и при изученіи наукъ прежнее несовершенство въ нихъ, хотя и остается у занимающагося ими, однако онъ располагаетъ свою дѣятельность и обращаетъ на себя вниманіе уже сообразно съ своимъ совершенствомъ въ нихъ, или какъ въ перспективной живописи набрасываемая прежде картины тѣнь, хотя и остается, но уже затемняется самой картиной и бываетъ невидимой. Авторъ указываетъ еще на то, что, хотя и ветхій законъ и новый завѣтъ—оба отъ Бога, но законъ данъ чрезъ Моисея, а благодать и истина произошла чрезъ Іисуса Христа послѣ окончанія закона, такъ что всѣ спасаются уже вѣрою по благодати. „Какъ же, слѣдовательно, не безразсудно, оставивъ благодать и истину, пребывать въ образахъ и тѣни и вмѣсто сыновъ причислять себя въ рабы". Въ подтвержденіе оставленія ветхаго закона, авторъ приводитъ и тол-

куетъ мѣста св. Писанія: Второз. XVIII. 15; Варух. III. 36, IV. 4; Іерем. XXXI. 31—33, 34. На возраженіе, что Христосъ самъ одинаково съ іудеями исполнялъ и соблюдалъ законъ и притомъ самъ сказалъ, что Онъ *не пришелъ нарушить законъ, но исполнить* (Матѳ. V. 17 и 18), авторъ отвѣчаетъ пространнымъ толкованіемъ этого мѣста св. Писанія. „Дѣйствительно, Христосъ, бывъ Владыкою нашимъ, поступалъ по закону, Богомъ данному, чтобы Его не сочли противникомъ Богу, и совершалъ всякую правду, а когда наступило явленіе благодати, то Онъ началъ объявлять конецъ его. Исполненіе закона есть достиженіе той цѣли, которую усматривалъ законъ. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ виду дать тѣнь и руководящія начала къ истинѣ и совершенству, онъ исполнился, когда истина и совершенство дѣйствительно настали. Если же кто-нибудь сталъ бы сообразно съ тѣмъ закономъ держаться тѣннаго и младенческаго, то такой противодѣйствовалъ бы исполняющему его Христу. Тоже самое Господь сказалъ не о законѣ только, но и о пророкахъ и сказалъ, что Его пришествіе стало исполненіемъ ихъ, а не нарушеніемъ. Итакъ, какъ же Онъ исполнилъ ихъ? Развѣ видимо, соблюдая пророчества ихъ такъ, какъ были они воспѣты о Немъ? Отнюдь нѣтъ. Конечно, во всякомъ случаѣ совершенно также должно мыслить и относительно закона, что онъ исполнился, перешедши отъ тѣни въ истину, изъ предварительнаго къ совершеннѣйшему достиженію своей цѣли“. Указавъ на всю высоту нравственныхъ христіанскихъ предписаній сравнительно съ предписаніями закона Моисеева, съ праведностію книжниковъ и фарисеевъ (Матѳ. V. 20), въ чемъ собственно и выразилась полнота закона, авторъ заключаетъ: „слѣдовательно, полнота и исполненіе закона и пророковъ Христосъ не въ томъ смыслѣ, что Онъ соблюдалъ ихъ только видимо, по внѣшности, какъ было прежде во время сѣни и буквы, но что слова ихъ возвелъ въ дѣла, въ истину и совершенство“. Допуская, наконецъ, что исполненіе закона сказано въ томъ смыслѣ, что самъ Спаситель совершилъ все по закону, Евстратій говоритъ, что и такое пониманіе этого мѣста св. Писанія не обязываетъ христіанъ содержать ветхозавѣтныя установленія, когда

стала *преизбыточествовать благодать* (Римл. V. 20) и когда *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ благодать возблагодать* (Іоан. I. 16). „Мы получили,—объясняетъ авторъ,—благодать вмѣсто благодати, т. е. законъ вмѣсто закона. Не дана благодать съ благодатію, или благодать на благодать, чтобы вмѣстѣ содержалось и то и другое, но благодать вмѣсто (ἀντὶ) благодати“... Въ заключеніе всѣхъ своихъ доказательствъ прекращенія, совершеннаго окончанія и бездѣйствія ветхаго закона, авторъ приводитъ и толкуетъ мѣста св. Писанія: Матѳ. XI. 12—13; Лук. XVI. 16; Римл. III. 19—22; VI. 14, VII. 6; Галат. гл. III. Общимъ прекращеніемъ всѣхъ предписаній и установленій закона Моисеева авторъ имѣетъ въ виду доказать неумѣстность употребленія латинянами опрѣсноковъ и побудить ихъ къ прекращенію и уничтоженію этого обычая.

Во второмъ своемъ сочиненіи по вопросу объ опрѣснокахъ Евстратій Никейскій также старается доказать неумѣстность и незаконность употребленія опрѣсноковъ изъ сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ. Указавъ, что между латинянами, употребляющими опрѣсноки, и Галатійцами, соблюдавшими нѣкогда обрѣзаніе, находится сходство въ соблюденіи одного изъ предписаній ветхаго закона, авторъ говоритъ, что тоже самое прилично теперь сказать латинянамъ, что было сказано нѣкогда Галатійцамъ ап. Павломъ. *Малая закваска*, говоритъ онъ (ап. Павелъ), *заквашиваетъ все тѣсто* (Гал. V. 9). Правда можетъ показаться страннымъ и загадочнымъ выраженіе, что апостолъ порицаетъ употребленіе опрѣсноковъ, какъ нѣкоторую закваску. Въ дѣйствительности однако, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ и прѣсное, но составляющее собою часть законной особенности, употребляющимъ оное по закону, сообщило бы заквашиваніе, такъ что они примѣшивались бы къ іудейству и буквѣ и поэтому отрѣшались бы отъ законоположенія въ духѣ. Если бы и мы, совершая свою пасху, стали бы употреблять опрѣсноки, то одинаково поступая въ этомъ съ іудеями, по необходимости сообщались бы въ этомъ съ ними и остались въ тѣни ветхаго закона. Но конечно мы научены, что все *древнее прошло, и теперь все стало новое* (2 Кор. V. 17), когда ап.

Павелъ провозгласилъ и это. Затѣмъ, авторъ обращается къ толкованію въ примѣненіи къ употребленію опрѣсноковъ словъ ап. Павла: *во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовію* (Гал. V. 6). „Сообразно съ ученіемъ ап. Павла", говоритъ авторъ, „во Христѣ не имѣетъ никакой силы ни кислое тѣсто, ни прѣсное, но вѣра. Еслибы даже приношеніе было просяное, или ячменное, или изъ полбы, или изъ пшеницы, то всетаки въ этомъ нѣтъ никакого различія: всякое приношеніе бываетъ принято по вѣрѣ приносящаго. Такимъ образомъ, хотя бы хлѣбъ былъ приготовленъ прѣснымъ или квасным, если съ искреннею вѣрою будетъ принесенъ Богу, то принимлется Богомъ и освящаетъ насъ". Однако къ этому соображенію считаемъ нужнымъ прибавить, что нельзя думать, будто апостолъ считалъ совершенно безразличнымъ обрѣзаніе и необрѣзаніе, такъ какъ онъ осуждаетъ и упрекаетъ галатійцевъ, называя ихъ младенцами, несмысленными и неразумными. „Такъ какъ галатійцы особенно заблуждались относительно обрѣзанія и имъ казалось, что оно необходимо содѣйствуетъ союзу съ Богомъ, то поэтому апостолъ говоритъ имъ, что напрасно вамъ такъ кажется, потому что во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ никакой силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но если бы даже и изъ обрѣзанія кто нибудь былъ бы необрѣзаннымъ, то онъ принимается Богомъ, если только имѣетъ вѣру дѣйствующую любовію, т. е. если онъ обнаружитъ приличную вѣрѣ дѣятельность, которую совершенствуетъ любовію во Христѣ. Смыслъ принятія или непринятія обрѣзанія, слѣдовательно, тотъ, чтобы не быть въ сомнѣніи относительно приходящаго ко Христу—будетъ ли онъ принятымъ отъ Него, хотя бы онъ былъ изъ обрѣзанныхъ, или изъ проводящихъ жизнь въ необрѣзаніи". Наконецъ, авторъ допуская, что если апостолъ и не препятствовалъ тому, чтобы вѣрующіе соблюдали обрѣзаніе, тѣмъ не менѣе такой вѣрующій былъ бы слабымъ и несмысленнымъ во Христѣ и, навлекая на себя напрасную боль, сдѣлался бы общникомъ отверженныхъ іудеевъ, арабовъ и другихъ, которые были бы ему соучастниками въ этомъ. Такъ, конечно, позволительно сказать и относительно опрѣсноковъ: такъ какъ это выражаетъ общеніе

съ іудеями и армянами, то, если бы даже не присоединялось къ этому ничего другаго нелѣпаго, одного только этого достаточно для избѣжанія и уничтоженія ихъ". Что касается нравственныхъ предписаній закона, то, разсуждаетъ авторъ, избравшій жизнь по духу не только долженъ стремиться къ тому, чтобы ничего не опускать изъ этого, но превосходить все это... Желающій же соблюдать особенности закона и не имѣющій никакой необходимости въ этомъ совершенно отпалъ бы служенія въ духѣ и истинѣ, предался бы буквѣ и тѣни и очевидно сдѣлался бы сообщникомъ слѣпыхъ и не разсудныхъ іудеевъ.

Никита Сеидъ болѣе всѣхъ другихъ полемистовъ занимается символическимъ соотношеніемъ ветхаго завѣта съ новымъ. Онъ указываетъ на то, что какъ Авраамъ, угощавшій опрѣсноками и мясомъ ангеловъ и Владыку ангеловъ, прообразовалъ законное служеніе, такъ и Мельхиседекъ, угощавшій Авраама, а въ лицѣ его Самаго Христа посредствомъ хлѣба и вина предъизобразилъ наше таинственное жертвоприношеніе. „Равнымъ образомъ и служившіе Иліи вороны утромъ приносили ему въ пищу хлѣбъ и вино, а вечеромъ мясо: посредствомъ мяса неразумныя животныя указывали Моисеву жертву, а посредствомъ хлѣба предъизъясняли духовное таинственное служеніе". Между прочимъ, авторъ замѣчаетъ, что все то, что въ ветхомъ завѣтѣ было прообразовано, то въ новомъ завѣтѣ предъизображено, такъ какъ наше богослуженіе и вѣра — образъ будущей истины, а тѣнью этого образа было все законное прообразованіе, и ссылается на мнѣніе Льва Ахридскаго, что законная пасха была несовершеннымъ и темнымъ образомъ образа, такъ какъ наша пасха въ свою очередь прообразуетъ будущую пасху, т. е. будущее наше состояніе. Авторъ съ пространнымъ толкованіемъ обильными примѣрами показываетъ, что весь ветхій завѣтъ предъизображалъ новый, сопоставляя событія и предметы ветхозавѣтные съ новозавѣтными. Показавъ все это, онъ заключаетъ, что все ветхозавѣтное было загадкою, тѣнью и образомъ истины и что *древнее прошло и теперь все новое* (2 Кор. V. 17). „Сказавъ же новое, апостолъ упразднилъ первое: все ветхое и состарѣвшееся близко къ уничтоженію. Итакъ, насколько тѣнь считаютъ меньше

тѣла, загадку меньше истины, слово меньше дѣла, настолько или лучше несравненно болѣе опрѣсноки тѣннаго законоположенія оказываются ниже въ сравненіи съ хлѣбомъ истины. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ представляютъ только образъ еврейской жизни, а этотъ образъ тѣла Христова“... Сопоставляя совершеніе евреями своей пасхи съ совершеніемъ христіанами евхаристіи, Никита Сеидъ показываетъ, что при употребленіи въ евхаристіи кваснаго хлѣба вполнѣ выражаются всѣ ветхозавѣтныя прообразованія христіанскаго служенія. „Съ тремя веществами, говоритъ авторъ, евреи совершали свою пасху,—эти вещества: агнецъ, опрѣсноки и горькія травы. Равнымъ образомъ и мы съ тремя веществами совершаемъ истинную жертву: хлѣбомъ, виномъ и водою. Тѣ совершали свою пасху съ тремя добродѣтелями, которыя заключаются въ томъ, что они ѣли свою пасху, будучи опоясанными, имѣя обувь на ногахъ и держа въ рукахъ посохи, а мы съ вѣрою, надеждою и любовію. Тѣ совершали свою пасху при трехъ свидѣтеляхъ, которые: книжники, законники и фарисеи, а у насъ свидѣтели: пророки, апостолы и подвижники, такъ какъ первые предвозвѣстили, вторые научили, а третьи единодушно исповѣдали“.

Доказательства изъ соотношенія ветхаго завѣта съ новымъ довольно пространно развивалъ и Николай Меѳонскій. Пригласивъ латинянъ, отказавшись отъ употребленія опрѣсноковъ, идти по пути непорочныхъ и закону Господню, т. е. евангелію, въ царство истины, авторъ старается посредствомъ евангелія указать, что должно избирать и совершать и чего должно избѣгать и удаляться. *На Моисеевомъ сѣдалищѣ*, говоритъ Господь, *сѣли книжники и фарисеи. Итакъ все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте; по дѣламъ же ихъ не поступайте* (Матѳ. XXIII. 2—3). Мѣсто Моисея, говорится, заняли книжники и фарисеи. Но что такое Моисей, какъ не ветхій законъ, какъ въ Дѣяніяхъ говоритъ Іаковъ братъ Божій и Господь въ евангеліи (Дѣян. XV. 21. Лук. XVI. 29). Итакъ, Господь говоритъ: всѣ узаконенія, какія у васъ естественно всѣяны и врождены изначала, а они, занявъ мѣсто закона, предлагаютъ соблюдать этотъ самый законъ, соблюдайте и дѣлайте вы. Такими уза-

коненіями были: *возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ* и проч. и *возлюби ближняго твоего*, также: *почитай отца своего и мать свою, не прелюбодѣйствуй, не убивай, не кради, не лжесвидѣтельствуй* и прочее сродное съ этимъ. *Но по дѣламъ ихъ*, которыя суть совершеніе законныхъ блюденій, *не поступайте*. Какія же это дѣла? *Суббота, обрѣзаніе, агнецъ, прочія жертвы, опрѣсноки, блюденія относительно прокаженнаго, подверженнаго теченію сѣмени, окропленія* и все подобное. Кромѣ этого, фарисеи и книжники прибавляли къ закону много отъ себя самихъ, расширяя хранилища свои и увеличивая воскрилія одеждъ своихъ, заповѣдуя омовенія блюдъ и чашъ и не дозволяя ѣсть немытыми руками. Все это евангельскій законъ до основанія уничтожилъ посредствомъ одного этого повелѣнія, сказавъ: *по дѣламъ ихъ не поступайте*. Указавъ, что и нравственныя предписанія ветхаго закона замѣнены несравненно болѣе высокими нравственными постановленіями евангелія, авторъ заключаетъ, что „весь ветхій законъ лишился значенія и прекратился по причинѣ несовершенства, тѣнности и тѣлесности писанія. „Зачѣмъ же, говоритъ авторъ, бывъ призванными къ евангельскому совершенству, мы подобно младенцамъ опять будемъ возвращаться къ буквамъ и принятіемъ опрѣсноковъ примѣшивать къ духовному и истинному служенію плотское и тѣнное“. Между прочимъ, подобно другимъ полемистамъ, Николай Меѳонскій замѣчаетъ, что при приношеніи въ евхаристіи опрѣсноковъ въ новозавѣтной жизни не соблюдется служенія по чину Мельхиседекову, такъ какъ и апостолъ говоритъ, что съ перемѣною священства необходимо должна слѣдовать и перемѣна закона. Затѣмъ, авторъ говоритъ о томъ, что нельзя употребленіе опрѣсноковъ считать безразличнымъ для вѣрующаго, ссылаясь на слова ап. Павла: *во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ никакой силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра дѣйствующая любовію* (Гал. V. 6), такъ какъ вѣра, привлекающая къ себѣ нѣчто изъ законныхъ блюденій, къ духу свободы привносящая духъ рабства, къ совершенному присоединяющая нѣчто несовершенное, не можетъ быть названа чистою вѣрою. Наконецъ, и апостолъ Павелъ не считаетъ безразличнымъ для вѣрующаго обрѣзаніе и необрѣзаніе.

Какъ это видно изъ его посланій къ Филиппійцамъ и Галатамъ, онъ допускалъ безразличное отношеніе между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ только для приходящаго къ вѣрѣ. „Когда же кто нибудь уже послѣ вѣры во Христа принимаетъ обрѣзаніе, заключаетъ авторъ, тотъ пусть знаетъ, что онъ непростительно погрѣшаетъ противъ нея. Такимъ же образомъ погрѣшаетъ и тотъ, кто принимаетъ опрѣсноки, такъ какъ у тѣхъ и другихъ одна и таже вина—обращеніе отъ свободы вѣры въ рабство закона.

Во второмъ своемъ сочиненіи, допуская справедливость мнѣнія латинянъ, что Христосъ совершилъ евхаристію на опрѣснокахъ, Николай Меѳонскій говоритъ, что употребленіе въ христіанской церкви опрѣсноковъ все-таки не можетъ быть согласно съ духомъ новаго завѣта. „Христосъ былъ и обрѣзанъ, обрѣзанъ былъ также и Тимоѳей, очищались іудейскими окропленіями и апостолы,—допустите все это и теперь“. Затѣмъ, авторъ говоритъ, что хотя Златоустъ и сказалъ, что Христосъ совершалъ вмѣстѣ и законную пасху и таинственную, но кромѣ того, что это частное мнѣніе Златоуста не раздѣляется большинствомъ отцевъ церкви, изъ словъ Златоуста все-таки не слѣдуетъ, что такое совмѣщеніе ветхозавѣтной и новозавѣтной пасхи можетъ быть умѣстно и теперь. Въ подтвержденіе этой своей мысли, авторъ приводитъ изъ Златоуста мѣста, обыкновенно приводившіяся противъ опрѣсноковъ въ греческихъ полемическихъ сочиненіяхъ. Онъ указываетъ, что Златоустъ, сравнивая ветхозавѣтную пасху съ новозавѣтной, сказалъ: „тамъ опрѣснокъ, здѣсь же хлѣбъ“. „Но смотрите, обращается авторъ къ латинянамъ, Златоустъ говоритъ еще слѣдующее: „Какъ живописцы на одной и той же доскѣ сперва наводятъ тѣни, а потомъ представляютъ истинный образъ предметовъ, такъ и Христосъ на той же самой трапезѣ предначерталъ законную пасху и присоединилъ къ ней пасху истинную“. И еще: „была іудейская пасха, но когда взошло солнце, то уже болѣе не долженъ показываться свѣточь, когда пришла истина, тѣнь должна уже сдѣлаться недѣйствительною“.

Куропалатъ Ѳеодоръ въ своемъ трактатѣ также приводитъ и развиваетъ мысль, что употребленіе опрѣсноковъ не можетъ соот-

вѣтствовать совершенству новозавѣтной жизни и могло быть умѣстнымъ только въ ветхомъ завѣтѣ. „При наступленіи совершенства“, говоритъ онъ, „несовершенное лишается своего значенія. Это показываютъ законъ и пророки, а также весьма ясно учатъ этому и евангелія вмѣстѣ съ божественнымъ Павломъ. Спаситель говоритъ, что Онъ пришелъ исполнить (πληρῶσαι) законъ. Но то, что исполняется теперь, предъ этимъ во всякомъ случаѣ было несовершеннымъ, и если законъ былъ исполненъ Спасителемъ, то прежде этого онъ имѣлъ несовершенство“. Указавъ, что и ап. Павелъ говоритъ, что „законъ ничего не довелъ до совершенства“, что „все старое и ветхое близко къ уничтоженію“, что „древнее прошло и теперь все стало новое“ и что „тѣ которые во Христѣ—новое твореніе“ и сказавъ, что вообще въ своихъ посланіяхъ къ римлянамъ, коринѳянамъ и галатійцамъ и къ другимъ своимъ ученикамъ апостолъ Павелъ весьма много говоритъ о состояніи прежде благодати и послѣ благодати, — авторъ задается вопросомъ: „какое должно мыслить исполненіе или совершенство закона, или какое апостолъ разумѣетъ устарѣніе или обновленіе? Невозможно, чтобы законъ, какъ какое нибудь пустое пространство чрезъ домостроительство во Христѣ сдѣлался исполненнымъ тѣлесностію, такъ какъ, безъ сомнѣнія, онъ опредѣляетъ границами тѣла́, но никакими границами тѣла не ограниченъ. Въ свою очередь, подъ устарѣніемъ не разумѣется такого устарѣнія въ законѣ, каково бываетъ устарѣніе въ мірѣ животномъ и въ мірѣ растительномъ... Совершенно не такое прилично принимать здѣсь и обновленіе, но духовнѣйшее. По прошествіи образовъ и исчезновеніи всякой загадки пресвѣтло воссіяла истина. Итакъ, что же, друзья римляне, когда правда приникла съ небеси и когда свѣтлѣйшее солнце правды на самомъ дѣлѣ возблистало у насъ, вы еще и теперь спите, какъ будто въ глубокую ночь? Зачѣмъ, крещеніемъ получивъ совершенство во Христѣ, вы еще и теперь чтите несовершенство, не принимаете источника жизни и безсмертія?...

Митрополитъ Георгій Корцирскій, говоря о томъ, что если Христосъ вкушалъ опрѣсноки въ годъ своего страданія, то все-таки не должно теперь приносить Богу опрѣсноки, приводитъ только

выдержки изъ св. Іоанна Златоустаго, которыя были особенно въ ходу у греческихъ полемистовъ. „Св. Іоаннъ Златоустъ въ одномъ изъ своихъ божественныхъ словъ, котораго начало: „нужно немного сказать сегодня къ вашей любви“, говоритъ: „послѣ того, какъ возсіяло солнце правды, тѣнь уже прекратилась, такъ какъ при восхожденіи солнца тѣнь скрывается. Вотъ почему на одной и той же трапезѣ является и та и другая пасха: и образа, и истины. Какъ живописцы на одной и той же доскѣ обозначаютъ штрихи, наводятъ тѣнь и присоединяютъ къ этому истинный образъ тѣлъ, такъ и Христосъ на одной и той же трапезѣ совершилъ прообразовательную пасху и присоединилъ къ ней пасху истинную“. Видишь, что опрѣсноки этотъ великій отецъ называетъ прообразовательною пасхою“, замѣчаетъ Георгій. „Но смотри, что опять говоритъ Златоустъ: „была іудейская пасха, но при восшествіи солнца правды, когда еще не совсѣмъ возсіялъ свѣточъ истины, — тѣнь уже прояснилась“...

Всѣ разнообразные доводы и выводы греческихъ полемистовъ по вопросу объ опрѣснокахъ, обоснованные на сопоставленіи новаго завѣта съ ветхимъ, преслѣдуютъ одну и туже цѣль: выставить употребленіе латинянами опрѣсноковъ служеніемъ ветхозавѣтнымъ, въ которомъ нельзя видѣть воспоминанія о совершенномъ Спасителемъ искупленіи.

Противъ доводовъ, высказанныхъ въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго, папа Левъ IX писалъ, что латиняне, употребляя опрѣсноки, также совершаютъ воспоминаніе страданія Господня. „Наша пасха потому называется новою, что та ветхая предписана была израильтянамъ въ память выхода ихъ изъ Египта, а эта предписана христіанамъ въ память страданія Господня, которымъ Онъ перешелъ изъ этого міра къ Отцу [1]).

Пространное опроверженіе доводовъ перваго письма Льва Ахридскаго, основанныхъ на сопоставленіи ветхаго завѣта съ новымъ, сдѣлано было въ Діалогѣ кардинала Гумберта. Отвѣчая на слова перваго письма Льва Ахридскаго, что опрѣсноки и воспоминанія

---

[1]) Epist. Leonis IX ad Mich. Cerularium,—Will. p. 91.

о Господѣ не даютъ и не возвѣщаютъ Его смерти, такъ какъ они установлены въ законѣ за 1600 лѣтъ и въ новомъ завѣтѣ лишены всякаго значенія, или, какъ въ латинскомъ переводѣ, прокляты Христомъ [1]) и оставлены, Гумбертъ прежде всего поражается такимъ разсужденіемъ грековъ. „О святотатственное сумасбродство! О смрадное и безумное острословіе манихеевъ! О нечестіе, которое далеко должно отгонять отъ всѣхъ существъ и сердецъ! Вотъ то гибельное яицо, которое вы такъ долго носивши во чревѣ, неожиданно произвели на свѣтъ, изъ котораго кто ни съѣстъ умретъ, какъ говоритъ пророкъ Исаія: *а если кто раздавитъ его, то изъ него выползетъ ехидна* (Ис. LIX. 5). Теперь стало ясно, что вы зачали скорбь, породили несправедливость и во лжи своей, противъ самой истины и всѣхъ божественныхъ страницъ, безстыдно лаете, что Самъ Сынъ Божій проклялъ опрѣсноки, которые Онъ установилъ. Но, о святый, благій, досточтимый законъ со всѣми заповѣдями и блюденіями своими! Всякій кто тебя и все твое даже въ одной іотѣ проклялъ, проклинаетъ, или будетъ проклинать,—да будетъ проклятъ! Могъ-ли, или долженъ-ли былъ Господь нашъ быть настолько не благодарнымъ, чтобы поразить какимъ нибудь проклятіемъ столь вѣрнаго и святаго провозвѣстника и самаго твердаго свидѣтеля Своего? Тогда Онъ поразилъ бы проклятіемъ того, который своею цѣлію, своими предзнаменованіями, своими жертвами, обрядами и наставленіями непрестанно возвѣщалъ Его славу. Откуда вы научились, что Господь проклялъ законъ и опрѣсноки? Можетъ быть вы скажете, что научились изъ того, что Христосъ предалъ ученикамъ Своимъ новую пасху, или изъ обстоятельствъ послѣ воскресенія Христа изъ мертвыхъ? Но Онъ установилъ новую пасху благословеніемъ и преломленіемъ и въ самый день Своего воскресенія Онъ, угощаемый двумя учениками въ мѣстечкѣ Эммаусѣ, взялъ хлѣбъ, благословилъ и тотчасъ ἐγνώσθη αὐτοῖς ἐν τῇ κλάσει τοῦ ἄρτου, т. е. *они узнали Его въ преломленіи хлѣба* (Лук. XXIV), который во всякомъ случаѣ очевидно былъ опрѣснокомъ, такъ какъ въ продолженіе восьми

[1]) Гумбертъ, переводя съ греческаго письмо Льва Ахридскаго, въ этомъ мѣстѣ слово καταργηθέντα прочиталъ καταρηθέντα.

дней пасхи квaснаго не оказывалось во всѣхъ предѣлахъ израиля". Затѣмъ, Гумбертъ указываетъ на то, что Христосъ Самъ пользовался свидѣтельствами о Немъ закона (Іоан. V 46), говорилъ, что пришелъ не нарушить законъ, но исполнить (Матѳ. V. 17) и изъяснялъ законъ и пророковъ двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ (Лук. XXIV). „Кратко сказать, продолжаетъ Гумбертъ, Спаситель возвѣщалъ, что уничиженіе Его воплощенія и страданія и слава Его воскресенія, призваніе всѣхъ народовъ и спасеніе ихъ чрезъ крещеніе,—что все это въ ветхомъ завѣтѣ было провозвѣщено и въ новомъ завѣтѣ исполняется, такъ что по справедливости евангеліе должно считать не инымъ чѣмъ, какъ только разъясненіемъ закона. Законъ былъ какъ бы нянькою и кормилицею Христа и церкви, обѣщаннаго и обѣщанной, главы и тѣла въ полнотѣ временъ, былъ предтечею евангельской благодати, свѣтильникомъ истины. Итакъ, должно-ли быть проклятымъ то чрево, которое, бывъ оплодотвореннымъ Духомъ Божіимъ, изначала носило въ себѣ всѣ таинства Христа и церкви, и наконецъ, въ концѣ временъ породило само проповѣдуемое евангеліе? При отверженіи ветхаго завѣта испразднится и новый, который будетъ считаться совершенно баснею и не будетъ въ состояніи удерживать своего характера, такъ какъ и стѣна не устоитъ безъ фундамента. Самъ Господь своими дѣлами и ученіемъ представилъ примѣръ и внушилъ Своимъ апостоламъ и проповѣдникамъ теченіе своего повѣствованія обосновывать на якорѣ ветхаго завѣта. Вотъ почему тотъ, кто возстаетъ противъ ветхаго завѣта, является также противникомъ и новаго. Ветхій завѣтъ есть какъ бы основа или фундаментъ, котораго настроеніе или верхнюю часть составляетъ новый завѣтъ, такъ что послѣдній необходимо упадаетъ и низвергается, когда упадаетъ и низвергается его основа, а если бы кто нападалъ на новый завѣтъ, оставляя его основу и фундаментъ, то измѣнится и то, на чемъ основанъ новый завѣтъ". Строгую связь ветхаго завѣта съ новымъ Гумбертъ доказываетъ еще тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за исключеніемъ измѣненія или различія временъ законъ и евангеліе согласно возвѣщаютъ одно и тоже. Для подтвержденія этого Гумбертъ указываетъ такія параллельныя мѣста ветхаго и новаго за-

вѣтовъ: Второз. XVIII. 15, Исх. VII. 14=Лук. VII. 16, Лук. II. 7; Пс. XXI. 9. Затѣмъ, онъ указываетъ, что самъ по себѣ законъ добръ и духовенъ (1 Тимоѳ. I. 8; Римл. VII. 14) и что грѣхъ и смерть не отъ закона, а отъ порочности людей (Римл. VII. 7, 12, 13). Далѣе, Гумбертъ говоритъ, что отцы церкви плотскія ветхозавѣтныя жертвы, обряды обрѣзанія или различныхъ очищеній, различеніе пищи и т. п. считали данными съ ограниченіемъ мѣста и времени и что буква закона Моисеева, данная плотскимъ, убита духомъ Христовымъ, благодатію и истиною оживотворившимъ духовныхъ. Но весь ветхій законъ нельзя отвергать и отцы церкви защищали ветхій завѣтъ противъ еретиковъ. „Съ какою твердостію Евфратій, епископъ Родосскій защищалъ ветхій завѣтъ противъ еретиковъ севериан видно изъ слѣдующихъ его словъ. Между прочимъ онъ сказалъ: „фундаментъ прекраснаго дома положенъ около грязныхъ мѣстъ съ тѣмъ, чтобы то, что находится выше, не потерпѣло никакихъ бѣдствій нечистоты. Такимъ образомъ, верхнія части дома красуются золотыми потолками, разрисованными стѣнами и различными копями мрамора, а нижнія, находясь въ сосѣдствѣ съ земною сыростію, поддерживаютъ все высшее. Что же, слѣдовательно, теперь мы сдѣлаемъ? Если отнимемъ нижнее,—рухнетъ верхнее; впрочемъ, если бы должно было разорить нижнее, то этого не могъ бы сдѣлать никто, кромѣ Сына Божія. Итакъ, разсмотримъ, разрушилъ ли Онъ это нижнее, чтобы и мы согласились, что оно должно оставаться. *Думаете-ли вы,* говоритъ Онъ, *что Я пришелъ разорить законъ или пророковъ? Я пришелъ не разорить законъ, но исполнить*“. „Такимъ образомъ, заключаетъ Гумбертъ, и вы, призываемые словами своего учителя, удержитесь отъ нарушеній священнѣйшаго закона и не желайте анаѳемы отъ Бога и отъ всѣхъ православныхъ вмѣстѣ съ севериянами“.

Обращаясь къ словамъ ап. Павла, которыя были особенно часто приводимы греческими полемистами въ подтвержденіе прекращенія и уничтоженія ветхаго закона, Гумбертъ даетъ имъ другое толкованіе. *Если бы совершенство достигалось посредствомъ левитскаго священства, ибо съ нимъ сопряженъ за-*

конъ народа: то какая бы нужда была возставать иному священнику, по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться? Потому что съ перемѣною священства необходимо быть и перемѣнѣ закона (Евр. VII. 11. 12). „Въ этихъ словахъ,—говоритъ Гумбертъ,—вы не разумѣете никакого другаго совершенства, кромѣ истощанія, т. е. отмѣны и конца, не такого конца, который заканчиваетъ, но который уничтожаетъ. Но что это нужно понимать далеко иначе, тотъ же апостолъ учитъ, говоря: *конецъ закона Христосъ къ праведности всякаго вѣрующаго* (Римл. X. 4). Отсюда, такъ какъ иначе говорятъ, что окончился хлѣбъ, что окончилась ткань,—мы принимаемъ, что Христосъ есть конецъ закона соединяющій, а не раздѣляющій, совершенствующій, а не уничтожающій, исполняющій, а не испраздняющій. Этотъ конецъ, обѣщанный отъ начала и въ концѣ явившійся, зная, что своимъ распятіемъ на крестѣ Онъ совершилъ за насъ высочайшую вечернюю жертву, сказалъ: „жажду“ (Іоан. XIX. 28), а когда принялъ уксусъ, сказалъ: „совершилось“ и, „преклонивъ главу, предалъ духъ“. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, ни евангелистъ не говоритъ, чтобы окончились писанія (consumeretur), но чтобы совершились, исполнились (consummaretur) писанія и Самъ Господь не сказалъ: окончилось, прекратилось (consumptum est) но „совершилось“ (consummatum est). При этомъ словѣ умирающаго завѣса храма разорвалась отъ верхняго края до нижняго, чтобы, по апостолу, очевидно было для приходящихъ ко Христу, что снято покрывало, до тѣхъ поръ лежавшее на чтеніи ветхаго завѣта. Такое совершенство произошло не чрезъ левитское священство, такъ какъ, по свидѣтельству апостола, „законъ ничего не довелъ до совершенства“. Чтобы изъ этихъ словъ апостола вы не взяли какъ-нибудь повода къ порицанію закона, обратите вниманіе на то, почему онъ не сказалъ, что законъ ничего не сдѣлалъ добраго, но сказалъ, что законъ ничего не совершилъ. Дѣйствительно, и ветхій завѣтъ, какъ говоритъ апостолъ, имѣлъ постановленія о богослуженіи, и святилище земное, и рукотворенную скинію, и первосвященниковъ настоящихъ благъ, которые однажды въ годъ, входя во святое святыхъ съ чужою кровію, освящали

нечистыхъ къ очищенію плоти. Они приносили дары и жертвы, которыя не могли сдѣлать совершеннымъ въ совѣсти приносящаго, и которыя съ яствами, питіями, различными омовеніями и обрядами, относящимися до плоти, установлены были только до времени исправленія. Но Христосъ, Первосвященникъ будущихъ благъ, пришедши съ большею и совершеннѣйшею скиніею нерукотворенною и не съ кровію козловъ и тельцовъ, но съ своею кровію однажды вошелъ во святилище и пріобрѣлъ вѣчное искупленіе, когда принесъ Себя самаго непорочнаго Богу и очистилъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого всѣ жертвы и всѣ обряды людей плотскихъ по справедливости прекратили свое теченіе. Мы, дѣйствительно, не имѣемъ нужды во многихъ жертвахъ, такъ какъ въ одной обрѣтаемъ вѣчное искупленіе, которое, будучи начатымъ чрезъ левитское священство, стало оконченнымъ чрезъ первосвященничество Господа Іисуса, который установилъ вѣрующимъ въ Него въ хлѣбѣ и винѣ принимать Его истинную плоть и Его истинную кровь и именуется первосвященникомъ не по чину Ааарона, а по чину Мельхиседека. Происхожденіе Господа Іисуса неописанно: отъ Отца безъ матери, отъ матери безъ отца; Онъ не имѣетъ ни начала, ни конца дней; Онъ единственный и истинный царь правды и мира. Мельхиседекъ уподобляется Христу не только по жертвоприношенію и генеалогіи, но даже по наименованію, а поэтому Христосъ и именуется священникомъ по чину Мельхиседека, а не по чину Аарона. Впрочемъ, тотъ Мельхиседекъ въ хлѣбѣ и винѣ не принесъ плоти и крови своей, не былъ безъ родителей, начала и конца и не былъ существенно царемъ правды и мира, но все, что умолчали и что сказали о немъ писанія, служитъ для яснѣйшаго обозначенія нашего Мельхиседека, котораго тотъ Мельхиседекъ, какъ и Ааронъ, былъ тѣнью, а не дѣйствительностію. Во время нашего Мельхиседека, съ перемѣною священства, необходимо, чтобы равнымъ образомъ была и перемѣна закона, т. е. отъ мертвящей буквы къ духу животворящему, отъ ветхости къ новизнѣ, отъ несовершенства къ совершенству, отъ рабства къ свободѣ и усыновленію дѣтей Божіихъ, отъ іудеевъ къ язычникамъ, которымъ говоритъ апостолъ: *вы не приняли духа*

рабства снова въ страхъ, но приняли Духа усыновленія, которымъ взываемъ: Авва, отче! (Римл. VIII. 15). Но во всякомъ случаѣ съ перемѣною законъ не сдѣлался инымъ: неизмѣняемый не сдѣлался измѣняемымъ. Умноженный прибыткомъ любви онъ не упразднился и не устраненъ". Какъ на доказательство для подтвержденія этого положенія авторъ указываетъ на то, что и Спаситель не сказалъ ученикамъ, чтобы они отвергли праведность книжниковъ и фарисеевъ, но чтобы превосходили эту праведность (Матѳ. V. 20), такъ, чтобы они не только отъ своихъ дѣлъ удаляли зло, но и отъ помышленія. „Законъ,—продолжаетъ Гумбертъ,—подсѣкъ вѣтви зла, благодать вырвала даже корни. Подобно тому, какъ въ воскресеніи преобразится тоже самое тѣло уничиженія нашего, а не иное, такъ и тотъ же самый законъ чрезъ евангеліе преобразовался и проповѣдуется во всемъ мірѣ".

Противъ упрека въ письмѣ Льва Ахридскаго латинянамъ въ томъ, что они, употребляя опрѣсноки, употребляютъ то, что установилъ Моисей іудеямъ, Гумбертъ отвѣчаетъ, что и квасный хлѣбъ установленъ іудеямъ также Моисеемъ и въ подтвержденіе этого приводитъ Левит. VII. 13; XIII. 17. „Равнымъ образомъ,—продолжаетъ Гумбертъ,—и соль, которую вы такъ восхваляете въ закваскѣ, такимъ образомъ установляется чрезъ Моисея въ книгѣ Левитъ: *Всякое жертвенное приношеніе твое соли солью; и не оставляй жертвы твоей безъ соли завѣта Господа Бога твоего: при всякомъ приношеніи твоемъ приноси соль* (Левит. II. 13). Поэтому, если нами не должны быть приносимы опрѣсноки, такъ какъ они установлены Моисеемъ, то и вами не должны быть приносимы квасный хлѣбъ и соль, такъ какъ и они одинаково установлены Моисеемъ".

Затѣмъ обращаясь къ часто приводимому греческими полемистами выраженію ап. Павла: *древнее прошло, теперь все стало новое* (II Кор. V, 17), кардиналъ Гумбертъ доказываетъ, что это выраженіе не указываетъ также на отверженіе всего ветхозавѣтнаго. „Если ветхое прошло, не принесши пользы, а уничтожилось пришедши въ безсиліе, то откуда у васъ храмъ, алтарь, жертвенникъ, подсвѣчникъ и прочія утвари, украшенія и священническія

одѣянія, употребляющіяся при святомъ служеніи? Откуда у васъ праздникъ обновленія, пятидесятница, пасха и четыредесятница? Откуда у васъ первосвященники, священники, левиты и прочія церковныя степени по чину? Откуда у васъ примаріи и десятины? Наконецъ, откуда у васъ любовь къ Богу и ближнему и остальныя заповѣди десятословія? Итакъ, если по вашему новое произошло такимъ образомъ, что ветхое совершенно оставлено и проклято Христомъ, то все то, о чемъ мы сказали выше и многое другое, о чемъ мы умолчали, далеко должно быть отвергнутымъ отъ Его церкви, въ которой уже все новое, все противоположное ветхому: Богъ и ближній ненавидимы, отецъ и мать не почитаются, человѣка убиваютъ, всѣ прелюбодѣйствуютъ, лгутъ, вожделѣютъ, любодѣйствуютъ; нѣтъ брачнаго союза: каждый вступаетъ въ бракъ съ ближайшей по крови,—съ тою, которая находится съ нимъ въ родствѣ. Вы, слѣдовательно, будете ни звѣри, ни люди, если превратите то, что есть нѣчто, въ ничто. Мы болѣе православнымъ ухомъ приникаемъ къ словамъ великаго апостола: *итакъ, если кто во Христѣ, тотъ новая тварь, древнее прошло, теперь все стало новое.* Мы вѣруемъ сердцемъ и исповѣдуемъ устами, что все стало новымъ, перешедши отъ ветхаго человѣка къ новому человѣку Іисусу Христу, какъ и апостолъ тотчасъ же вслѣдъ за этимъ позаботился возвѣстить: *все же отъ Бога, примирившаго насъ чрезъ Христа* (II Кор. V. 18). Единственно его новизною обновляется все небесное и земное и все, что только ни принялъ съ неба древній тотъ народъ, Онъ измѣнилъ на новое. Отсюда этотъ народъ называется новымъ, такъ какъ онъ перенесенъ Христомъ отъ тѣни къ дѣйствительности, отъ образовъ къ самымъ вещамъ, отъ страха къ любви, отъ рабства къ свободѣ, изъ дѣтей гнѣва обращенъ въ дѣтей помилованія, отъ жизни по плоти направленъ къ жизни по духу. Вотъ почему говоритъ апостолъ: *вы не по плоти живете, а по духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ* (Римл. VIII. 20). Какимъ же образомъ не были во плоти тѣ, которыхъ онъ снабжалъ посланіями, это нужно понимать не иначе, какъ онъ самъ говоритъ: *мы, хотя во плоти, не по плоти воинствуемъ.* Такимъ образомъ, для насъ и для всѣхъ, которые *ходятъ въ*

обновленіи Духа, стало все новымъ, т. е. храмы, алтари, священники, жертвы, подсвѣчники, кадильницы, пища, питье и все, что плотскій израиль имѣлъ какъ въ своемъ устройствѣ, такъ и въ своихъ законоположеніяхъ, — все это у насъ является какъ бы тѣмъ же самымъ ветхимъ и не тѣмъ же, подобно тому, какъ и орелъ бываетъ юнымъ, коль скоро онъ естественно обновляется, но старость все-таки въ сущности не отступаетъ отъ него. Равнымъ образомъ мы возвѣщаемъ, что и опрѣснокъ христіанскій далеко отличается отъ опрѣснока плотскихъ іудеевъ, которыхъ онъ привлекалъ къ сохраненію тѣни истины, къ полученію земли обѣтованной и къ желанію земнаго счастія, какъ напримѣръ, долголѣтней жизни, изобилія плодовъ, преемственности дѣтей, погубленія враговъ и проч. Мы же, какъ требуетъ наша религія, обожая и сохраняя изъ опрѣснока и въ опрѣснокѣ тѣло истины, уже предвкушаемъ устами и сердцемъ, какъ сладокъ Господь, и просимъ и ищемъ только того, чтобы мы вѣчно пребывали въ Немъ и Онъ въ насъ. Если же вы хотите измѣнить опрѣснокъ на квасный хлѣбъ, измѣните и вино на какую нибудь жидкость, — вино, которымъ, какъ и опрѣснокомъ, Христосъ закончилъ ветхую пасху и положилъ начало новой. Въ самомъ дѣлѣ, если вы принимаете вино, то почему отвергаете и опрѣснокъ"? [1])

Въ своемъ опроверженіи доводовъ Никиты Стиеата Гумбертъ былъ еще рѣзче и раздражительнѣе. „О лжецъ Богу и открытый противникъ святаго евангелія! обращается онъ къ Никитѣ, — гдѣ и когда сказала Истина: *берегитесь опрѣснока закваски фарисейской?* Можетъ ли опрѣснокъ какимъ бы то ни было образомъ называться квасным и когда говорятъ опрѣснокъ, то не будетъ ли это значить того, что онъ безъ закваски? Вездѣ гдѣ была бы закваска, необходимо, чтобы или она производила закваску, или сама оставалась бы закваскою. Слѣдовательно, когда квасное не можетъ быть такимъ безъ закваски, и закваска не могла бы быть никогда безъ кваснаго, то какимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, ты осмѣлился бредить о квасномъ опрѣснокѣ? Далѣе, о развращенный

---

1) Humberti Dialogus,—cap. XXXVIII—XLIII.

развратитель, ты покусился извратить мысль ап. Іоанна: *если мы говоримъ, что имѣемъ общеніе съ Нимъ, а ходимъ во тмѣ: то мы лжемъ и не поступаемъ по истинѣ* (1 Іоан. I. 6), а что еще хуже, ты воспользовался этимъ прекраснымъ его свидѣтельствомъ, какъ прелюбодѣй глазомъ и какъ разбойникъ желѣзомъ, а глазъ и желѣзо во всякомъ случаѣ благіе предметы. Дѣйствительно, тѣ стараются повредить нѣкоторымъ, а ты замышляешь погубить всѣхъ. Вотъ почему ты и заключаешь такъ: „итакъ, кто вкушаетъ опрѣсноки, тотъ ходитъ во тмѣ закона". Но ослабляя твое усиліе, Іоаннъ въ болѣе ясномъ свѣтѣ показываетъ, присоединяя къ тому, что онъ сказалъ: *кто ненавидитъ брата своего, тотъ есть во тмѣ и ходитъ во тмѣ* (1 Іоан. II, 9). Отсюда вполнѣ ясно, что ты принялъ не отъ св. апостола, но отъ отвергшагося ангела, когда сказалъ: „итакъ, кто вкушаетъ опрѣсноки, тотъ ходитъ во тмѣ закона", такъ какъ все то посланіе не упоминаетъ ни о квасномъ хлѣбѣ, ни объ опрѣснокахъ, но преподаетъ только любовь... Ты, проклятый, проклятою рѣчью своего рта, какъ северіанинъ, сказалъ, что святый законъ проклятъ. И неудивительно, когда даже свой квасный хлѣбъ, желая восхвалить выше мѣры, ты чрезвычайно его порицаешь, говоря: *малъ квасъ все смѣшеніе тлитъ* (corrumpit) и, наконецъ, приготовляется хлѣбъ, а не опрѣснокъ. Благодареніе Богу, что опрѣснокъ не дѣлается изъ муки, испорченной закваскою, какъ твой квасный хлѣбъ. Да, порча никогда и нигдѣ не считается хорошимъ, такъ какъ гдѣ порча, тамъ также и ухудшеніе субстанціи" [1]).

Новый источникъ доказательствъ въ пользу употребленія извѣстнаго хлѣба для таинства евхаристіи полемисты той и другой стороны находили въ рѣшеніи вопроса: какъ учитъ св. Писаніе о томъ и другомъ хлѣбѣ, и что такое тотъ и другой хлѣбъ самъ въ себѣ и въ своихъ особенностяхъ? Полемисты старались опредѣлить достоинство и недостатки того или другаго хлѣба и годность его для таинства евхаристіи, основываясь на самой природѣ хлѣба,

---

[1]) Humberti Responsio,—cap. III, IV и IX.

а свои соображенія и сужденія по этому предмету старались подтвердить авторитетомъ св. Писанія.

Такого рода разсужденія о томъ и другомъ хлѣбѣ начинаются съ перваго же письма Льва Ахридскаго. Сказавъ о томъ, что Христосъ назвалъ тѣломъ своимъ ἄρτος, какъ содержащій жизненность, полный духа и теплоты, Левъ Ахридскій переходитъ къ описанію опрѣсноковъ. „Опрѣсноки“, писалъ онъ, „нисколько не отличаются отъ бездушнаго камня, кирпичной грязи и глины, они приготовляются на сухой глинѣ и внизу смѣшиваются съ землею. Моисей постановилъ и узаконилъ жалкимъ іудеямъ однажды въ годъ ѣсть опрѣсноки съ постомъ и горькими травами (Исх. XII. 8. Числ. IX. 11. Второз. XVI. 3), говоря, что они суть *символы злострадания и скорби*... Наша же пасха есть вся радость и веселіе и возводитъ отъ земли къ радости небесной, соотвѣтственно сему, и квасность, по причинѣ своей теплоты, будучи причастною соли и закваски, бываетъ исполнена всякой пріятности. А опрѣснокъ, не имѣя ни соли, ни квасности, подобенъ высушенной глинѣ. Или вы не слышите Христа, говорящаго ученикамъ Своимъ: *вы есте соль земли* (Матѳ. V, 13) и что *царствіе небесное подобно закваскѣ, которую женщина взявши положила въ три мѣры муки, доколѣ не вскисло все* (Лук. XIII. 21). Подъ именемъ жены Онъ разумѣетъ святую церковь, а три мѣры суть мѣры исполненныя любви, которыя таинственно обозначаютъ Отца, Сына и Святаго Духа, въ которыхъ мы всегда духовно живемъ, движемся и существуемъ. Къ этому никакого отношенія не имѣютъ сухіе опрѣсноки. Въ самомъ дѣлѣ, если бы соль и закваска были зломъ, то почему Христосъ ихъ именами называетъ своихъ учениковъ и обозначаетъ, что вслѣдствіе благодати Святаго Духа, получившей въ нихъ закваску, Онъ называетъ ихъ свѣтомъ и закваскою для міра“? [1]).

Однако, такъ какъ въ священномъ писаніи находится и невыгодное выраженіе для восхваленія квасности: *малая закваска кваситъ все тѣсто* (1 Кор. V. 6), то во второмъ своемъ письмѣ

[1]) Epist. Leonis Achrid. Will. p. 57.

Левъ Ахридскій, между прочимъ, старается объяснить, по какому случаю оно было сказано, въ какомъ смыслѣ его должно понимать и можетъ ли оно относиться къ охужденію закваски въ хлѣбѣ. „Скажу о томъ, что писалъ Павелъ коринѳянамъ, услышавъ, что нѣкто впалъ у нихъ въ блудодѣяніе и притомъ такое блудодѣяніе, котораго не слышно даже у язычниковъ. *Развѣ не знаете, что малая закваска кваситъ все тѣсто?* Что же онъ говоритъ здѣсь? Не смотрите на то, что одинъ впалъ въ блудъ, такъ какъ это — малая закваска, но позоръ его безчеститъ васъ и дѣлаетъ васъ негодными. И онъ прибавляетъ говоря: *очистите старую закваску.* Старая закваска есть грѣхъ, который мы приняли въ преступленіи Адама и вслѣдствіе котораго и до сихъ поръ не перестаемъ быть небрежными и разсѣянными. Апостолъ называетъ эту закваску старою для того, чтобы было новое тѣсто, ибо пасха наша Христосъ, закланный за насъ. *Посему станемъ праздновать не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины,* т. е. чистой и правой вѣры и добродѣтели по Богу, возбуждающей въ душѣ свѣтъ, чистоту, ясность и ничего нечистаго, коварнаго и лукаваго. Смотрите, что называетъ божественный апостолъ закваскою: порокъ и лукавство. Такимъ образомъ, двѣ закваски. Одна закваска въ отношеніи къ добродѣтели, съ которой заквашенные божественные апостолы сдѣлалиеь совершенными для совершеннаго Бога и совершенной добродѣтели, какъ свѣтильники въ мірѣ свѣтящіе. Въ этомъ же смыслѣ должно разумѣть и выраженіе: *царствіе небесное подобно закваскѣ.* Другая закваска—это закваска порока, съ которой заквашенный Іуда предалъ Христа и съ которой заквашены прочіе, оскверняемые одинаковыми съ нимъ страстями. Вотъ почему порокъ апостолъ называетъ старою закваскою, а добродѣтель новымъ тѣстомъ. Онъ научаетъ избѣгать всего моисейскаго, какъ порока, слѣдовательно, и опрѣсноковъ, а совершать божественныя тайны, которыя Христосъ совершивъ предалъ Своимъ ученикамъ, а чрезъ нихъ, по своему человѣколюбію, и намъ ниспослалъ ихъ божественную благодать“.

Въ третьемъ своемъ письмѣ, толкуя тоже самое выраженіе: *малая закваска заквашиваетъ все тѣсто* въ посланіи къ Га-

латамъ (V. 9), Левъ Ахридскій говоритъ, что этимъ апостолъ выражаетъ, что „вѣрующій, дѣлая и нѣчто малое изъ предписаній закона, оскверняетъ и нарушаетъ чрезъ это всю вѣру во Христа и становится болѣе іудеемъ, чѣмъ истинно вѣрующимъ“.

Никита Стиѳатъ и Петръ Антіохійскій проводятъ и видятъ уже полную аналогію между хлѣбомъ и тѣломъ Христовымъ и этимъ дѣлаютъ значительный шагъ впередъ въ развитіи полемическихъ доводовъ, обоснованныхъ на свойствахъ самаго хлѣба.

Мысль о близкой аналогіи между хлѣбомъ и тѣломъ Христовымъ развилъ Никита Стиѳатъ. „Мы,—говоритъ онъ,—приняли хлѣбъ насущный, такъ какъ научились употреблять хлѣбъ болѣе приличный нашему существу. Въ самомъ дѣлѣ, почему хлѣбъ является насущнымъ, если не потому, что онъ единосущенъ намъ. Иначе же сказать,—у насъ нѣтъ никакого единосущнаго намъ хлѣба, но тѣло Христово, которое совершенно сходно съ нами по плоти самаго человѣчества. Если же существо нашего тѣла одушевлено, что восприняло Себѣ и Слово, то, слѣдовательно, вы ѣдите хлѣбъ не единосущный намъ, такъ какъ вы причащаетесь опрѣсноками. Опрѣсноки же, конечно, бездушны, какъ показываетъ и ясно научаетъ самая природа вещей. Въ самомъ дѣлѣ, малая закваска, вмѣшанная въ муку и смѣшанная съ нею, дѣлаетъ муку одно съ собою и вслѣдствіе закваски мука дѣлается оживленною нѣкоторою силою; закваска согрѣваетъ ее и дѣлаетъ столь подвижною, что она кажется будто живою... Опрѣснокъ же не есть хлѣбъ, потому что онъ не сложенъ съ закваскою и самъ по себѣ не совершенъ, но бѣденъ и полусовершенъ, нуждаясь въ полнотѣ закваски. Хлѣбъ же, сложенный съ закваскою, самъ по себѣ является совершеннымъ и весьма полнымъ, какъ такой, который въ самомъ себѣ имѣетъ цѣлость полноты... Обратите свое вниманіе и замѣтьте: такъ какъ въ опрѣснокѣ нѣтъ никакой живой силы, то они дѣйствительно мертвы, а въ хлѣбѣ, т. е. въ тѣлѣ Христовомъ, находятся три жизненныя силы, сообщающія жизнь тѣмъ, которые достойно принимаютъ его: *Духъ, вода и кровь и сіи три въ одномъ* (1 Іоан. V. 8), т. е. въ тѣлѣ Христовомъ. Это обнаружилось и во время крестнаго распятія, когда изъ пречи-

стаго ребра Его истекли кровь и вода, а святый и животворящій духъ Его остался въ Его обоготворенной плоти. Вкушая эту плоть въ хлѣбѣ, который, оставаясь безъ перемѣны, силою Духа содѣлывается тѣломъ Христовымъ, мы живемъ въ самомъ Христѣ, какъ вкушающіе живую и обоготворенную плоть. Такимъ же образомъ, пія Его живую и теплѣйшую кровь съ истекшею изъ пречистаго ребра Его водою, мы очищаемся отъ всякаго грѣха и исполняемся теплаго Духа. Вы видите, мы пьемъ изъ теплой чаши какъ бы изъ ребра Господня, такъ какъ теплѣйшія кровь и вода истекли намъ изъ плоти живой и теплой духа Христова. Если же вы, какъ показало наше разсужденіе, вкушаете мертвый, безквасный хлѣбъ, о мудрѣйшіе, то для чего вы хвалитесь, говоря: „мы не растворяемъ муки, по вашему, солью, закваскою и водою для того, чтобы, такимъ образомъ, приготовить приношеніе нашихъ опрѣсноковъ, но приготовляемъ опрѣснокъ только водою, мукою и огнемъ и изъ этихъ трехъ дѣлаемъ чистымъ наше приношеніе“. Мы спросимъ поэтому у васъ: эти три,—воду, муку и огонь,—вы за что принимаете и за чей образъ считаете это? За образъ плоти Господней? Но возлюбленный Христомъ Іоаннъ не сказалъ: три свидѣтельствуютъ: „вода, мука и огонь“. Но что? „Духъ, вода и кровь и сіи три въ одномъ, т. е. въ тѣлѣ Христовомъ, которое вкушая, мы соединяемся съ воплотившимся за насъ и умерщвленнымъ Христомъ, будучи сотѣлесными съ Нимъ [1]), какъ плоть отъ плоти Его, и кость отъ костей Его, такъ какъ духъ есть. Если же вы принимаете за несотворенную и безтѣлесную природу св. Троицы, то заблуждаетесь, впадая въ ересь тѣхъ, которые утверждаютъ, что Богъ страдалъ, которые говорятъ, что Слово было сострадавшимъ плоти и что божество поддерживало въ страданіи плоть. Но не вмѣстѣ воплотилась Троица, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, какъ это усматривается въ тѣхъ трехъ: водѣ, мукѣ и огнѣ и какъ во образъ этого самаго вы приготовляете опрѣснокъ и приносите жертву, но одинъ изъ Троицы Сынъ и Слово Божіе воплотился изъ чистой плоти святой Дѣвы, сдѣлался человѣкомъ и,

[1]) Concorporati ei = σύσσωμοι γινόμενοι αὐτῷ = равнотѣлесни бывше Ему», какъ въ рукоп. Соф. библ. № 1431 и др.

совершивъ все, относящееся до Его назначенія, былъ распятъ на крестѣ плотію при нестраданіи Его божества. Итакъ, распятый плотію, Онъ предалъ намъ вкушать посредствомъ хлѣба Свою плоть, которую мы называемъ живою въ Духѣ Святомъ. Онъ такъ сказалъ: *пріимите, ядите; сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое во оставленіе грѣховъ* (Матѳ. XXVI). Затѣмъ, въ объясненіи выраженія ап. Павла въ посланіи къ коринѳянамъ: *не вѣсте ли, яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. V. 7), Никита Стиѳатъ согласенъ съ Львомъ Ахридскимъ, хотя въ изложеніи этого объясненія все-таки самостоятеленъ. „Для чего,—говоритъ онъ,—апостолъ написалъ такъ къ коринѳянамъ? Не для того ли, какъ вы полагаете, что онъ хотѣлъ сказать имъ о празднованіи въ опрѣснокахъ, которое вы совершаете? Нисколько нѣтъ. Но такъ какъ коринѳяне не обращали вниманія на то, что нѣкто вмѣсто жены имѣетъ мачиху и тщеславились, находясь въ древнихъ навыкахъ лжеименнаго разума своего, то Павелъ, желая отвратить и исправить ихъ отъ древняго порока, какъ бы чрезъ этотъ образъ закваски и тѣста, показалъ имъ, что одно зло, оставленное безъ вниманія, какъ малое, можетъ произвести великое поврежденіе во всемъ тѣлѣ церкви. По этой причинѣ онъ, прибавляя, сказалъ: *и вы не имѣете сѣтованія, чтобы изъятъ былъ изъ среды васъ сдѣлавшій такое дѣло* (1 Кор. V. 2). Апостолъ говоритъ, что такой неблаговидный поступокъ можетъ перейти во всѣ ваши города и, какъ малая закваска кваситъ все тѣсто, такъ и онъ можетъ уловить, заквасить и произвести на свѣтъ такое же тѣсто еще большаго заблужденія. *Очистите*, сказалъ онъ, *старую закваску грѣха* (1 Кор. V. 7). Удалите этого изъ своей среды, чтобы сдѣлаться во Христѣ новымъ тѣстомъ, такъ какъ вы крещены, т. е. будучи опрѣснокамя и чистыми, вы мертвы для міра и похотей плоти. *Ибо пасха наша*, т. е. то, вслѣдствіе чего мы сдѣлались свободными отъ грѣха и смерти, „*Христосъ, закланъ за насъ*“. Поэтому онъ говоритъ: „*станемъ праздновать не съ старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины*, т. е. чистой жизни и вѣры, при пособіи чего мы вѣруемъ въ Бога и дѣ-

лаемся истинными Его проповѣдниками. Такъ и Григорій Богословъ изъяснялъ это выраженіе и это дѣйствительно такъ. О мудрѣйшіе! усвойте то, что именно означаетъ это выраженіе апостольскаго ума, а не пользуйтесь имъ такъ, какъ вы принимаете его, прилагая къ празднованію опрѣсноковъ и причащенію ими".

Мнѣніе Никиты Стиѳата о близкой аналогіи квaснаго хлѣба съ тѣломъ Христовымъ вполнѣ раздѣляетъ и патріархъ антіохійскій Петръ. „Замѣть, священнѣйшій духовный братъ,— обращается онъ къ Доминику Градскому,—что тѣломъ Господа вездѣ называется хлѣбъ, по причинѣ совершенства и цѣлости, а не опрѣснокъ, такъ какъ опрѣснокъ мертвъ, бездушенъ и несовершенъ. Напротивъ, закваска, положенная въ мучное тѣсто, бываетъ для него какъ бы душою и жизнію. Сколь же неприлично принимать вѣрующимъ за живую и животворящую плоть Господа и Спаса нашего Іисуса Христа то, что несовершенно, мертво и бездушно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы доселѣ принимали опрѣсноки, то очевидно доселѣ находились бы подъ сѣнію закона Моисеева и вкушали бы трапезу іудейскую, а не разумную и живую плоть Божію, намъ увѣровавшимъ насущную и единосущную. Если же мы вѣруемъ, что вкушаемъ живую плоть Христа, Который есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, то что общаго у одушевленной и живой плоти Божіей съ бездушными и мертвыми опрѣсноками? Опрѣснокъ же не есть хлѣбъ, такъ какъ онъ не цѣлостенъ и несовершенъ самъ въ себѣ, но недостаточенъ, полусовершенъ и требуетъ дополненія закваски, а хлѣбъ цѣлостенъ, безъ всякаго недостатка, совершенъ и весьма полонъ. Затѣмъ, Петръ Антіохійскій буквально заимствуетъ изъ трактата Никиты Стиѳата разсужденіе о томъ, что въ квасномъ хлѣбѣ выражаются три жизненныя силы тѣла Христова: духъ, вода и кровь [1]).

Взгляды и сужденія первыхъ полемистовъ о достоинствѣ квaснаго хлѣба предъ прѣснымъ, основанныя на разборѣ свойствъ и особенностей того и другаго хлѣба, были усвоены и раздѣлялись послѣдующими полемистами. Леонтій митрополитъ Преславы также гово-

---

[1]) Petri Antioch. epist. ad Dominicum,—cap. IX et X.

ритъ, что „хлѣбъ опрѣсночный есть хлѣбъ мертвый, іудейскій, а квасный хлѣбъ животный и Христовъ“, что нельзя приносить въ евхаристіи „мертвые опрѣсноки, означающіе злостраданіе и смерть, вмѣсто обоженнаго и живаго тѣла Христова“. Какъ Левъ Ахридскій, Леонтій также полагаетъ, что „одна закваска худая, закваска египетская и всякая беззаконная“, какая разумѣется въ выраженіи Спасителя: *внемлите и блюдитеся отъ кваса фарисейска и саддукейска*; другая добрая, которой уподобляется царствіе небесное, *которую пріемши жена скры въ сатѣхъ трехъ муки, дондеже вскисоша вся* (Матѳ. XIII. 35). Толкованіе притчи о закваскѣ у Леонтія, впрочемъ, другое, чѣмъ у Льва Ахридскаго и вѣроятно потому, что толкованіе послѣдняго было уже опровергнуто кардиналомъ Гумбертомъ. „Тремя мѣрами,—толкуетъ Леонтій,—Господь называетъ человѣческое естество, состоящее изъ тѣла, души и духа, которое сдѣлалось безквасным, или умершимъ для человѣческаго грѣха, чрезъ распятіе Христово: ибо распятый Христосъ умертвилъ смерть Своею смертію и уничтожилъ умерщвляющій насъ грѣхъ, и насъ оживилъ въ крещеніи каплями крови своей, причастіемъ обоженной плоти Своей и ученіемъ, которое Онъ называетъ и закваскою, и царствіемъ небеснымъ, которое жена или церковь взяла и скрыла въ сатѣхъ трехъ муки, дондеже вскисоша вся“. Равнымъ образомъ сходственно съ Львомъ Ахридскимъ, Леонтій понимаетъ и толкуетъ выраженіе: *тѣмже да празднуемъ, не въ квасѣ ветсѣ, не въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. V. 8). Ветхая злоба и лукавство называются квасомъ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ же какъ чистота и истина опрѣсноками. Апостолъ говоритъ не о ветхомъ квасѣ, но о злобѣ и лукавствѣ, означенныхъ ветхимъ квасомъ. Квасъ есть двоякій: одинъ худой, какъ напримѣръ фарисейскій и египетскій; другой добрый, которому уподобляется царствіе небесное. Апостолъ говоритъ здѣсь о квасѣ худомъ, означающемъ грѣхъ, который былъ живъ отъ праотца Адама даже до креста Христова. Подобнымъ образомъ не объ опрѣснокахъ идетъ рѣчь у благовѣстника, но о чистомъ и истинномъ умерщвленіи грѣха, означаемомъ опрѣсноками. Опрѣсноки мертвы, не имѣютъ жизни; Слово хочетъ, чтобы и мы были мертвы для грѣ-

ховнаго движенія"... Наконецъ Леонтій въ заключеніе своего разсужденія объ опрѣснокахъ, подобно Никитѣ Стиѳату и Петру Антіохійскому, указываетъ на то, что тѣло Христово единосущно нашему тѣлу, а слѣдовательно не можетъ ни называться, ни выражаться чѣмъ нибудь безжизненнымъ и мертвымъ, чѣмъ авторъ, конечно, намекаетъ на опрѣснокъ.

Равнымъ образомъ и Ѳеодосій Печерскій называетъ опрѣснокъ мертвымъ и невыражающимъ жизненности тѣла Христова. „Мертвымъ тѣломъ служите, мертва Бога призывающе,—говоритъ онъ, обращаясь къ латинянамъ. „А мы служимъ живымъ тѣломъ, самаго Господа жива видящи, одесную Отца сидяща. Вы же есте мертвіи, мертву жертву здѣваете; а мы живу Богу живу жертву приносимъ, чисту, непорочну".

Другой полемистъ, писавшій въ Россіи, митрополитъ Никифоръ также называетъ опрѣснокъ мертвымъ, неимѣющимъ никакого сходства съ тѣломъ. „Да прашаютъ нынѣ опрѣснокъ тѣхъ,—писалъ Никифоръ,—якоже рече Христосъ: *се есть тѣло Мое, ломимое за вы*,—тѣло Христово свершенно ли есть, или не свершенно. Обаче исповѣдятъ, яко свершенно, свершенъ человѣкъ и свершенъ Богъ, да свершеннымъ подобаетъ жрети Богу, а не несвершеннымъ. Которое бо есть свершено, хлѣбъ ли, или оплатокъ? Вѣдай, яко и слѣпи суть, яко явѣ, яко хлѣбъ есть свершенъ: есть бо мука, аки тѣло, а квасъ, аки душа, а соль, аки умъ, вода же, аки духъ животенъ. Тако пріимаетъ животное восхожденіе, согрѣваяся хлѣбъ, а опрѣснокъ мертво и бездушно, восхожденія не пріимая, ни сгреваяся; того ради безживотно наричется, оплатокъ живота не имѣетъ. Хлѣбъ бо животный Христосъ, яко и самъ рече: *азъ есмь хлѣбъ животный*. Изображая совершенство квасного хлѣба и несовершенство опрѣсноковъ, Никифоръ говоритъ еще: „никто же смысля, оставль свершенный животный хлѣбъ, оплатки ястъ; свершени бо мужи хлѣбъ ядятъ, якоже свершено; малыя дѣти, не свершеныя, опрѣсноки ядятъ: и се и до послѣдняго дне есть дѣтемъ; убо и матери во время мѣшенія уимаютъ прежде и пекутъ дѣтемъ. А и сей опрѣснокъ, его же бо мужъ свершенъ не ястъ, но многажды же въ дому (по другому списку въ гладъ) отъ тогожъ

не ястъ мужъ уменъ, кромѣ нужды, како можетъ пріяти на жертву Господь?“

Въ трактатѣ хартофилакса Никиты Никейскаго вопросъ о соотношеніи хлѣба съ тѣломъ Христовымъ развивается шире сравнительно съ содержаніемъ его у первыхъ полемистовъ XI в. „Мы вѣруемъ, пишетъ Никита, что хлѣбъ сей (евхаристійный) есть тѣло Христа и Бога нашего и называемъ его одушевленнымъ и разумнымъ, а не бездушнымъ, какъ опрѣснокъ“. Затѣмъ, разсуждая о томъ, что латиняне были бы не правы, еслибы допускали совершеніе евхаристіи и на квасномъ хлѣбѣ и на опрѣснокахъ, такъ какъ и въ ветхомъ завѣтѣ былъ только одинъ совершенный агнецъ, которому соотвѣтствуетъ совершенный Христосъ и совершенная (т. е. квасная) просфора, авторъ говоритъ: „Ты же (латинянинъ), принося двѣ просфоры, что даешь разумѣть въ этомъ? Съ одной стороны ты приносишь квасную просфору, но не разумѣешь, какъ ты говоришь, по причинѣ ея одушевленія, что Богочеловѣкъ безсѣменно родился отъ Приснодѣвы, а съ другой стороны ты разумѣешь это потому, что приносишь опрѣснокъ, а такъ какъ опрѣснокъ не выражаетъ этого, то, сообразно съ твоимъ пониманіемъ, то и другое приношеніе твое бываетъ недостаточнымъ. Чтоже слѣдуетъ изъ этого? Ты напрасно совершаешь священнодѣйствія и ничего не приносишь. Такимъ образомъ, если агнецъ, прежде закланія, былъ одушевленнымъ и безъ сомнѣнія совершеннымъ и безъ всякаго поврежденія, если и Христосъ прежде распятія на крестѣ былъ также совершеннымъ и одушевленнымъ, то естественно, чтобы жертвы, приносимыя въ воспоминаніе Его совершеннаго и одушевленнаго, были также одушевленными и совершенными. Такого рода жертвою не можетъ быть опрѣснокъ, а во всякомъ случаѣ квасный хлѣбъ. Въ свою очередь, если въ ветхомъ завѣтѣ приносились двѣ жертвы: во образъ Христа—одушевленная и соотвѣтственно агнцу—неодушевленная, то обѣ эти жертвы могли ли взаимно замѣнять одна другую? Докажи это, и мы послѣдуемъ этому. Если же это не такъ, то какъ же это? Я не буду одинаково смотрѣть на эти жертвы. Въ самомъ дѣлѣ, очень ясно, что квасные хлѣбы предложенія, которые были во образъ сего хлѣба, по закону нельзя

было ѣсть никому, кромѣ священниковъ, которые таинственно обозначали вѣрующихъ и святыхъ. такъ какъ говорится: „святая святымъ“. Въ своемъ трактатѣ показывая, что и изъ священнаго писанія можно видѣть законность употребленія въ евхаристіи квaснаго хлѣба, Никита Никейскій указываетъ, что и въ ветхомъ завѣтѣ въ жертвѣ спасенія употреблялся квасный хлѣбъ (Лев. VII. 12. 13). Такимъ образомъ, заключаетъ отсюда авторъ, законъ провозвѣщалъ, что имѣющимъ увѣровать изъ язычниковъ опредѣлено совершать жертвы спасенія на квасныхъ хлѣбахъ, предоставивъ опрѣсноки ветхимъ“.

Дальнѣйшую ступень въ развитіи вопроса: какъ учитъ священное писаніе о томъ и другомъ хлѣбѣ, и что такое тотъ и другой хлѣбъ самъ въ себѣ, въ своей сущности и въ своихъ особенностяхъ,—представляетъ собою разсужденіе по этому вопросу во второмъ трактатѣ объ опрѣснокахъ Евстратія Никейскаго. Толкуя выраженіе апостола Павла, на которомъ, какъ увидимъ, особенно опирались защитники опрѣсноковъ: *станемъ праздновать не съ старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины* (1 Кор. V. 8), авторъ понимаетъ его такъ же, какъ Левъ Ахридскій и Никита Стиѳатъ, хотя въ изложеніи своего толкованія остается вполнѣ самостоятельнымъ. Разбирая это выраженіе апостола въ контекстѣ рѣчи, авторъ говоритъ, что апостолъ употребилъ въ немъ закваску и опрѣсноки фигурально, желая сказать коринѳянамъ о впавшемъ у нихъ въ блудодѣяніе и показать имъ, какъ худой поступокъ или порочность одного человѣка легко сообщается отъ него другимъ, что было бы не свойственно для вѣрущихъ во Христа, которые обновлены пакибытіемъ, отринули ветхость грѣха и получили безквасіе. Такимъ образомъ, новымъ безквaснымъ тѣстомъ у апостола называются сами вѣрующіе. Сказавъ: *станемъ праздновать не съ старою закваскою,* апостолъ не прибавляетъ для поясненія этого: „съ тѣстомъ, приготовленнымъ изъ муки, воды и соли“, но прибавляетъ: „съ закваскою порока и лукавства“ и сказавъ „но въ опрѣснокахъ“, апостолъ не присоединилъ: „съ новымъ тѣстомъ изъ муки и воды“, но сказалъ „въ опрѣснокахъ чистоты и истины“,

такъ что и въ томъ и другомъ случаѣ онъ выразился иносказательно, аллегорически. „Совершенно несправедливо судятъ“, заключаетъ свое толкованіе авторъ, „будто порокъ и лукавство представляетъ здѣсь закваска и отсюда хотятъ узаконить, чтобы она была изъята изъ приношеній Богу. Въ самомъ дѣлѣ, если бы это было такъ, то, вслѣдствіе закваски, пришлось бы отказаться и отъ употребленія обыкновеннаго хлѣба, такъ что тѣмъ, которые употребляютъ его, не было бы доступа въ церковь Божію наравнѣ съ мысленными моавитянами и амонитянами, блудниками, человѣкоубійцами и всѣми ведущими себя невыразимо постыдно“. „Однако“, продолжаетъ авторъ, „и Самъ Спаситель, взявъ закваску образомъ для выраженія порочнаго дѣла, именно ученія саддукейскаго и фарисейскаго, и приказавъ своимъ ученикамъ беречься отъ нея, въ другомъ мѣстѣ встрѣчается употребившимъ ее для выраженія царства небеснаго. Такъ онъ говоритъ: *царство небесное подобно закваскѣ, которую женщина, взявъ, положила въ три мѣры муки* (Матѳ. XIII. 33). Такимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ употребляется закваска, но не почему-нибудь другому она оказалась подходящею для этого, какъ только по причинѣ передачи своей силы. Передача же этой силы обыкновенно бываетъ и на доброе и на злое. Слѣдовательно, закваска, взятая просто, ни добро, ни зло, но имѣя силу благовременно переходить на то или другое, она употреблена въ тѣхъ выраженіяхъ какъ иносказаніе или притча“.

Изъяснивъ мѣста о закваскѣ и опрѣснокахъ въ св. Писаніи, Евстратій обращается къ разсмотрѣнію свойствъ того и другаго хлѣба и уясненію соотношенія хлѣба съ тѣломъ Христовымъ. Прежде всего онъ занимается разборомъ и опроверженіемъ возраженія латинянъ, что опрѣснокъ выражаетъ безсѣменность плоти Христовой и квасность должно уничтожать изъ жертвенныхъ приношеній именно потому, что она мыслится въ значеніи сѣмени. Евстратій показываетъ, что употребленіе въ евхаристіи кваснаго хлѣба тоже имѣетъ свой смыслъ. „Если Спаситель воспринялъ плоть разумную и одушевленную, такъ что въ двухъ совершенныхъ природахъ, несліянно соединенныхъ, созерцается Его ипостась съ божествомъ и человѣ-

чествомъ, то приношеніе должно имѣть закваску, какъ душу, чтобы мы не выказывали уклоненія къ Аполлинарію, или, если угодно, къ Арію, который говорилъ, что Господь принялъ одну только плоть безъ души, такъ какъ вмѣсто ума и души дѣйствовало божество. Опрѣсноки, какъ это свойственно бездушнымъ, не имѣютъ ни раздувающей, ни возвышающей, ни увеличивающей силы, но всякому можетъ быть ясно, что тѣсто, соединенное съ закваскою, мыслится какъ бы живымъ. Жертвенное же приношеніе должно быть не бездушнымъ, а живымъ, какъ жертва единому живому Богу". Въ опроверженіе того значенія, которое придавали употребленію опрѣсноковъ латиняне, авторъ говоритъ, что „не безъ сѣмени и плоть соединилась съ божествомъ Слова, ибо Спаситель во всемъ кромѣ грѣха былъ подобенъ намъ, не лишившись и своей собственной природы, такъ что при соединеніи съ Нимъ воспринятой плоти Онъ избѣжалъ всего того, что было грѣховно и было слѣдствіемъ перваго грѣха, а что было чуждо грѣха—все это безъ остатка Онъ принялъ въ Свое существо. Итакъ, на столько Онъ отстранилъ отъ Себя сѣмя, на сколько оно могло служить для плотскаго удовольствія... Но очевидно, что при соединеніи съ плотію Онъ не лишился дѣйствованія, соотвѣтствующаго дѣятельности Слова. Такъ какъ при божественномъ зачатіи плоти Само Слово Божіе, присущая мудрость Вышняго и сила, осѣнило св. Дѣву, какъ будто божественное сѣмя легло въ основаніи зачатія и сверхъестественно воздѣйствовало на него, то будетъ соотвѣтственно съ божественнымъ достоинствомъ назвать это сѣменемъ вселившагося Слова".

Затѣмъ авторъ выражаетъ и развиваетъ ту мысль, что употребленіе въ евхаристіи кваснаго хлѣба всего лучше и всего болѣе соотвѣтствуетъ тройственности или тремъ видамъ обрядоваго благочестія. Такъ какъ мысль о Богѣ изначала по самой природѣ находилась у всѣхъ людей, то еще до законоположенія Моисея всѣ язычники въ выраженіи своего благочестія соблюдали тройственность: жертвоприношенія животныхъ, возношеніе ѳиміама и молитвы въ словахъ и пѣснопѣніяхъ. Эти три вида обрядоваго благочестія сообразуются съ сложеніемъ нашей природы, такъ какъ въ насъ

усматриваются тѣло, душа и духъ. Сообразно съ такою тройственностію нашего существа всѣ народы за тѣла приносили тѣла животныхъ, за духъ — куренія θиміама, а за разумную природу — гимны и молитвы. Ветхій законъ, исправивъ только то, чтобы служеніе и почести относились не къ тварямъ, а къ Творцу всего, допустилъ также жертвоприношеніе животныхъ. Законоположеніе и ученіе въ духѣ само соблюло тройственность обрядоваго благочестія, но предавъ чистоту во всемъ, оно позаботилось, чтобы чистота была и въ этомъ. Такимъ образомъ, куренія θиміама и сколько въ словахъ оказалось достойнаго Бога оно приняло, жертвоприношенія же животныхъ совершенно отвергнуло и вмѣсто мясъ и кровей (ἀντὶ σαρκῶν καὶ αἱμάτων) узаконило приносить хлѣбъ и вино, что, будучи освященнымъ силою божественнаго Духа, по вѣрѣ бываетъ принимаемымъ какъ истинная плоть и истинная кровь нашего Спасителя, становится радостнымъ подкрѣпленіемъ вѣрующимъ, равно какъ и освященіемъ ихъ душъ и тѣлесъ. „Итакъ“, заключаетъ авторъ, примемъ ли мы вмѣсто животныхъ, которыя древними были приносимы въ жертву, хлѣбъ, такъ какъ онъ имѣетъ подобіе съ ними, имѣя находящуюся въ себѣ закваску, увеличивающую и возвышающую его, или примемъ хлѣбъ безъ закваски, считаемый бездушнымъ? Но когда хлѣбъ приносится какъ даръ спасенія претерпѣвшему за насъ страданія, когда приносится за нашу жизнь и за то, чтобы отпущено было нашимъ душамъ то, въ чемъ согрѣшили они въ этой жизни предъ Богомъ, и когда приносится за отшедшихъ отсюда вѣрующихъ, то необходимо, чтобы приносимъ былъ квасный хлѣбъ, имѣющій символъ души. Въ самомъ дѣлѣ, и пострадавшее тѣло Спасителя Христа было живымъ и одушевленнымъ, также какъ и наши тѣла. Кромѣ того, если хлѣбъ приносится за нами согрѣшенія при настоящей нашей жизни, или если приносится за вѣрующихъ, оставившихъ эту жизнь, то такія приношенія бываютъ за души. Совершенно также ничто не препятствуетъ, чтобы приносимый хлѣбъ былъ даромъ за нашу жизнь въ тѣлѣ, потому что какъ наше смѣшеніе (τὸ ἡμέτερον φύραμα) Спаситель усвоилъ себѣ чрезъ принятіе его, такъ усвояетъ и смѣшеніе приносимое Ему; оно дѣлается тѣломъ Его и Онъ сообщаетъ

его намъ". Всѣмъ этимъ авторъ доказываетъ, что хлѣбъ, употребляемый въ евхаристіи, долженъ быть живымъ и одушевленнымъ, а не мертвымъ хлѣбомъ, какимъ всегда считался опрѣснокъ. „Такимъ образомъ", заключаетъ авторъ, приносящій опрѣснокъ подобенъ вкушающему мертвое и удавленину, а такой самими апостолами причисляется къ насыщающемуся идоложертвеннымъ, участвующему въ крови и блудодѣйствующему" (Дѣян. XV. 29).

Наконецъ, Евстратій указываетъ, что только при употребленіи въ евхаристіи квaснаго хлѣба могутъ выражаться и осуществляться ветхозавѣтные прообразы служенія въ духѣ: *агнецъ, опрѣсноки и горькія травы.* Агнецъ прообразовалъ Христа, опрѣсноки были символомъ чистоты христіанской жизни, какъ выразился и ап. Павелъ (1 Кор. V. 8), а горькія травы символомъ жизни по добродѣтели въ противоположность жизни по чувству, горечь и суровость подвижничества, которымъ мы можемъ достигнуть безстрастія. Квасный хлѣбъ конечно соотвѣтствуетъ агнцу, какъ совершенный и живой, а мертвые опрѣсноки не могутъ имѣть никакого подобія ни съ ветхозавѣтнымъ агнцемъ, ни съ Спасителемъ. Такимъ образомъ, приносящій въ евхаристіи опрѣсноки имѣетъ только чистоту въ символахъ и отвращается агнца. Если же онъ вмѣстѣ съ опрѣсноками принимаетъ символически и агнца, то ему должно, сообразно съ іудействомъ, употреблять и горькія травы, прибавивъ которыя онъ уже будетъ имѣть совершенно іудейскую пасху. „Если же, говоритъ авторъ, онъ приносилъ бы совершенный хлѣбъ, то, какъ прилично вѣрующимъ, онъ сдѣлался бы причастникомъ тѣла Христова. Вмѣстѣ же съ этимъ духовно будутъ и опрѣсноки—чистота жизни и непричастность ея пороку, равно какъ и горькія травы—горечь подвижничества,—травы противныя для чувства".

Никита Сеидъ въ своемъ сочиненіи, спеціально посвященномъ вопросу объ опрѣснокахъ, также проводитъ аналогію между хлѣбомъ и тѣломъ Христовымъ. „Опрѣснокъ безкровенъ и мертвъ", разсуждаетъ Никита, „а изъ тѣла мертваго никогда не изольются кровь и вода. Какъ же, слѣдовательно, можно было бы назвать его тѣломъ Христовымъ? Но какъ онъ можетъ животворить и причащающихся его, будучи самъ мертвымъ? Напротивъ, хлѣбъ есть

живой самъ по себѣ, закваскою онъ какъ будто одушевленъ и животворитъ причащающихся его, такъ какъ соль и закваска бываютъ для тѣста какъ бы нѣкоторою разумною душею". Затѣмъ, авторъ буквально приводитъ изъ трактата Никиты Стиѳата все разсужденіе о томъ, что въ опрѣснокахъ нѣтъ никакой жизненной силы, а въ хлѣбѣ или въ тѣлѣ Христовомъ суть три силы, имѣющія жизнь и сообщающія ее достойно вкушающимъ: *Духъ, вода и кровь*. Между прочимъ, Никита Сеидъ приводитъ возраженіе римскаго кардинала, бывшаго въ Константинополѣ, что употребленіе опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи выражаетъ неизъяснимое, безсѣменное и сверхъестественное воплощеніе ипостаснаго Слова Божія, но, не представляя на него прямаго опроверженія, Никита говоритъ только, что латиняне, по словамъ кардинала, имѣютъ хорошую и благочестивую цѣль, но какая нужда, продолжаетъ онъ, оставлять то, что письменно узаконено Самимъ Христомъ и Его учениками и держаться суетныхъ человѣческихъ умствованій, которыя они (латиняне) изрекаютъ не отъ Духа Святаго, а изъ своего чрева".

Іоаннъ Антіохійскій также старается доказать законность употребленія въ евхаристіи кваснаго хлѣба и незаконность употребленія опрѣсноковъ разборомъ и сопоставленіемъ свойствъ того и другаго рода хлѣба. „Опрѣснокъ, говоритъ онъ, будучи лишеннымъ закваски и соли, дѣлается лишеннымъ возможности подниматься вверхъ, онъ невоздушенъ, не одушевленъ и нисколько не жизненъ, но онъ тяжелъ, какъ камни, и послѣ испеченія, имѣя видъ земли, не полезенъ для употребленія въ пищу. Вмѣстѣ съ опрѣснокомъ ты получаешь мертвое тѣло (τὸ νεκρὸν), скажи же мнѣ, какъ можетъ быть мертвое образомъ живаго, землевидное вмѣсто хлѣба, сшедшаго съ небеси, опрѣснокъ, названный хлѣбомъ озлобленія, вмѣсто хлѣба жизни и веселія? *Снѣстся-ли хлѣбъ безъ соли?* говоритъ Іовъ (Іов. VI. 6), а ты (латинянинъ) въ столь великой вечери ѣшь хлѣбъ безъ соли". Опровергая извѣстный доводъ латинянъ въ пользу употребленія въ евхаристіи опрѣсноковъ, что опрѣснокъ служитъ яснымъ знаменованіемъ чистоты и безстрастія тѣла Господня, Іоаннъ Антіохійскій говоритъ, что разсуждать такъ,

значитъ безполезно искать въ евхаристіи какихъ то символовъ. Замѣтивъ, что онъ удивляется тому, почему латиняне употребляютъ и въ чашѣ не цѣльное вино, а исполненное смѣшенія, такъ что не вполнѣ слѣдуютъ своему желанію—домогаться символовъ чистоты, авторъ продолжаетъ: „когда я приступаю къ божественной и страшной трапезѣ, то уже болѣе не вижу символовъ и образовъ, но принимаю руками самую плоть Господа моего. Тѣ же, которые еще и теперь ищутъ образовъ и символовъ, какъ будто стремятся еще къ тому, чтобы согласоваться съ тѣми іудеями, которые совершаютъ служеніе образамъ и тѣни небеснаго, т. е. нашего духовнаго служенія“. Кромѣ того, авторъ говоритъ, что подобно тому какъ опрѣснокомъ знаменуется чистота плоти Христовой и непричастность ея грѣху, такъ и квасным хлѣбомъ знаменуется совершенство Христа по божеству и человѣчеству. Обращаясь къ объясненію мѣстъ св. Писанія, приводимыхъ латинянами противъ употребленія закваски: *смотрите, берегитесь закваски фарисейской* (Матѳ. XVI. 6) и *малая закваска кваситъ все тѣсто* (1 Кор. V. 6), Іоаннъ Антіохійскій говоритъ, что эти мѣста св. Писанія не могутъ служить къ охужденію закваски и напротивъ странно, какъ латиняне свой опрѣснокъ считаютъ символомъ чистоты, когда въ св. Писаніи онъ называется символомъ страданія. Затѣмъ, авторъ объясняетъ, что апостолъ образомъ закваски показываетъ, что изъ подражанія добродѣтели или пороку одного человѣка многіе могутъ раздѣлять тоже самое, а выраженіе: *берегитесь закваски фарисейской* сказано относительно ученія фарисейскаго, какъ это поняли апостолы и какъ Самъ Спаситель рѣшительно сказалъ, что оно сказано не о хлѣбѣ. Наконецъ, авторъ говоритъ, что латиняне, если хотятъ быть послѣдовательными, должны были бы не приносить въ жертву и отъ плода виноградаго, такъ какъ въ св. Писаніи встрѣчается: „виноградъ содомскій“, „виноградная лоза отъ Гоморры“, „виноградные грозды горечи“, „виноградъ, превратившійся въ горечь“ и „виноградъ чуждый“ (Іер. II). „Все это, говоритъ авторъ, мы могли бы счесть не недостойнымъ италійскаго заблужденія и опьяненія. Мы же знаемъ, что какъ есть человѣкъ дурной и однако поэтому не всякій человѣкъ негоденъ, такъ и есть вино-

градъ дикій и горькій и есть виноградъ, приносящій плоды пріятные и хорошіе. Точно такъ же опять есть закваска ветхая и кислая, но есть и другая закваска—хлѣбная и питательная. Вотъ почему люди порочные въ писаніи уподобляются виноградным вѣтвямъ, приносящимъ горькіе плоды, но Самъ Господь называетъ себя виноградною лозою, а учениковъ вѣтвями (Іоан. XV). Въ свою очередь, порокъ и лукавство уподобляются старой закваскѣ. Но Христосъ говоритъ, что и самое *царство небесное подобно закваскѣ*“ (Матѳ. XIII. 33).

Доказательства въ пользу употребленія квaснаго хлѣба и противъ опрѣсноковъ изъ разсмотрѣнія свойствъ того и другаго хлѣба и свидѣтельствъ о нихъ св. Писанія довольно пространно развиваетъ еще Николай Меѳонскій. Въ употребленіи въ евхаристіи опрѣсноковъ онъ не видитъ никакого смысла и значенія. „Благоразумно-ли“, говоритъ онъ, „совершенно бездушное принимать вмѣсто одушевленнаго, мертвое—вмѣсто хлѣба жизни, неразумное—вмѣсто мудрости и Мудраго, противнѣйшее и недѣятельнѣйшее вмѣсто того, чтобы вкушать высочайшаго изъ Судей,—хлѣбъ, сердце человѣческое укрѣпляющій... Кромѣ того, кто также сталъ бы отвергать святое и всесвятое, дѣвственное, непорочное и драгоцѣнное тѣло? Но и кто усомнился бы, что освящаемый хлѣбъ содѣлывается тѣмъ самымъ тѣломъ, когда Господь сказалъ: *хлѣбъ, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра* (Іоан. VI. 51). Если же прежде совершенія таинства хлѣбъ не бываетъ такимъ, то по преимуществу не будетъ такимъ и опрѣснокъ“. Затѣмъ, опровергая мнѣніе латинянъ, что опрѣснокъ самъ по себѣ гораздо чище квaснаго хлѣба, Николай Меѳонскій евхаристійные дары, приносимые греками и латинянами, сравниваетъ съ молитвою мытаря и фарисея и говоритъ, что Спаситель оправдываетъ не надѣющагося на свою чистоту, а смиренномудраго. Однако, авторъ говоритъ, что самъ онъ признаетъ чистымъ все, сотворенное Богомъ и указываетъ, какъ на подтвержденіе этой мысли, на явленіе Петру спустившейся скатерти, выражая, что не только закваски, но даже и опрѣснока онъ не сталъ бы избѣгать, если бы употребленіе опрѣснока не наводило подозрѣнія въ ересяхъ.

Затѣмъ, авторъ указываетъ, что выраженіе: *„берегитесь закваски фарисейской и саддукейской* (Матѳ. XVI. 6) сказано Спасителемъ не для охужденія квасности, но, какъ и объясняетъ св. Матѳей, объ ученіи фарисейскомъ и саддукейскомъ. „Равнымъ образомъ и употребленіе опрѣсноковъ есть принадлежность фарисейскаго ученія, что ясно представляетъ и повѣствованіе Дѣяній Апостольскихъ“ (Дѣян. XV. 1 и слѣд.). Разсматривая свойства и качества опрѣсноковъ, авторъ говоритъ, что они не только оказываются слишкомъ неподходящими къ тѣлу Христову, но еще и слишкомъ неподходящими для тѣхъ, отъ которыхъ приносится и для тѣхъ, за которыхъ приносится. Люди, отъ которыхъ или за которыхъ бываетъ приношеніе, одушевлены, живы и разумны, а опрѣсноки мертвы. „Если приношеніе и бываетъ за отшедшихъ, разсуждаетъ авторъ, то все-таки за нихъ бываетъ приношеніе не какъ за мертвыхъ, но и за нихъ приносится, какъ за живущихъ во Господѣ, ибо и мертвые вѣдаютъ жизнь, хотя врачи и не воскресятъ ихъ, и Богъ мертвыхъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ; за умершихъ бываетъ приношеніе для отпущенія согрѣшеній, которыя совершили они“. На основаніи всего этого авторъ дѣлаетъ то заключеніе, что мертвые опрѣсноки непригодны и неприличны для жертвоприношенія, тѣмъ болѣе, что еще въ законѣ, не имѣвшемъ никакого совершенства, мертвое считалось мерзскимъ и недостойнымъ для жертвы Богу, и что евхаристійный хлѣбъ долженъ соотвѣтствовать агнцу и быть непремѣнно совершеннымъ, а не несовершеннымъ, каковъ опрѣснокъ.

Въ противовѣсъ невыгоднымъ изреченіямъ о закваскѣ ап. Павла (1 Кор. V. 6, 8), въ которыхъ она берется для соотношенія съ худымъ, авторъ указываетъ, что Самъ Спаситель возвысилъ закваску, уподобивъ ее царству небесному (Матѳ. XIII. 33). Между прочимъ, въ контекстѣ рѣчи авторъ разбираетъ выраженіе апостола Павла о праздноваиіи не съ старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины (1 Кор. V. 8). „Изслѣдуя, по заповѣди Господней, писанія, говоритъ авторъ, я нахожу, что божественный апостолъ не намѣревался учить о закваскѣ и опрѣснокахъ и не изъяснялъ преда-

ніе священнодѣйствія евхаристіи, но ведя рѣчь о блудѣ и воздержаніи отъ него, онъ фигурально употребляетъ закваску вмѣсто блуда и всякаго зла, котораго нѣкогда прежде оправданія во Христѣ коринѳяне были участниками, а опрѣснокъ вмѣсто новой жизни во Христѣ". Авторъ понимаетъ и объясняетъ пятую главу перваго посланія къ коринѳянамъ совершенно такъ же, какъ и прежніе греческіе полемисты, хотя и присоединяетъ къ ходячему объясненію нѣчто своеобразное. Такою своеобразностію отличается та прибавка, что апостолъ могъ предвидѣть, что нѣкоторые будутъ примѣнять его выраженія о закваскѣ и опрѣснокахъ къ употребленію въ евхаристіи опрѣсноковъ и противъ закваски, а поэтому при главной своей цѣли—искорененіи грѣха изъ среды вѣрующихъ, апостолъ вмѣстѣ съ грѣхомъ отвергаетъ и опрѣсноки, изгоняя весь ветхій законъ, потому что выраженіе: „чтобы праздновать не съ старою закваскою» служитъ для отверженія ветхаго закона, а выраженіе „не съ закваскою порока и лукавства" служитъ для главнѣйшей цѣли рѣчи апостола—изгнать порокъ изъ среды вѣрующихъ.

Въ другомъ своемъ сочиненіи, разъясняя, почему у апостола при противоположеніи добродѣтели и порока опрѣснокъ поставленъ въ значеніи лучшаго, а закваска въ значеніи худшаго, Николай Меѳонскій, подобно другимъ полемистамъ, говоритъ, что соотношеніе закваски съ порокомъ основано только на томъ, что „какъ порокъ имѣетъ свойство портить то, что приближается къ нему, такъ и закваска способна объединить съ собою смѣшанное съ нею тѣсто. Но если на основаніи этого соотношенія закваски съ порокомъ не слѣдовало бы употреблять въ евхаристіи кваснаго хлѣба, то латиняне, по разсужденію автора, могутъ сдѣлаться и защитниками совершенія евхаристіи на водѣ безъ вина, услыхавъ, что не должно праздновать съ виномъ „винограда гоморрскаго" (Іерем. II). „Вы слѣдовательно", обращается авторъ къ латинянамъ, „станете охуждать и живительную воду, такъ какъ Давидъ образно принимаетъ ее для выраженія нашествія искушеній: „*внидоша*, говоритъ онъ, *воды до души моея*" (Пс. LXVIII)? Вы ни во что поставили бы

и соль, которой представляется большая похвала въ евангеліи, потому что жена Лотова сдѣлалась соленымъ столбомъ"?

Въ опроверженіе ссылки латинянъ на то, что опрѣснокъ выражаетъ собою безсѣменное зачатіе (πρόσλημμα), Николай Меѳонскій говоритъ: „не выставляли-ли и ядущіе идоложертвенныя мяса, что они ѣдятъ ихъ просто какъ пищу для утоленія голода? Однако, чтобы не представлялось въ этомъ защиты идолослуженію, или чтобы не уязвлялась совѣсть непорочныхъ, Павелъ отвергъ эту пищу". Кромѣ того, авторъ замѣчаетъ, что зачатіе было совершеннымъ съ душою и тѣломъ и что божественное Слово, какъ сѣмя, способствовало зачатію, а слѣдовательно для совершенной аналогій евхаристійнаго хлѣба съ тѣломъ Христовымъ въ хлѣбѣ должна быть закваска, какъ символъ души въ тѣлѣ Христовомъ. Наконецъ, противъ указанія латинянъ на то, что опрѣснокъ состоитъ изъ муки, воды и огня и приносится ими въ честь св. Троицы, участвовавшей въ воплощеніи, авторъ замѣчаетъ, что въ опрѣснокѣ не оказывается трехъ частей, указанныхъ латинянами, такъ какъ вода поглощается огнемъ, а огонь въ свою очередь уничтожается, бывъ погашеннымъ.

Ѳеодоръ Куропалатъ также проводитъ и развиваетъ въ своемъ трактатѣ мысль объ аналогіи между хлѣбомъ и тѣломъ Христовымъ. „Если Спаситель, говоритъ онъ, изрекъ въ евангеліи, что вкушающій пречистую Его плоть и піющій кровь новаго завѣта имѣетъ жизнь вѣчную, а твой опрѣснокъ, римлянинъ, мертвъ, то, слѣдовательно, опрѣснокъ не производитъ жизни. Если же и ты самъ не считаешь плоти Спасителя живою или источникомъ жизни, то, увы, съ какими мы сталкиваемся ученіями! Начертывается у тебя дерзостное евангеліе и Христосъ опять по Аполлинарію называется бездушнымъ человѣкомъ. Но вездѣ въ евангеліяхъ плоть Спасителя возвѣщается одушевленною: *душа Моя возмутилась*, говоритъ Онъ,—еще: *душу Мою полагаю за овцы*, и потомъ: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Марк. XIV. 34). И на крестѣ духъ Спасителя былъ преданъ въ Отчія руки. Если же ты признаешь плоть Спасителя животворящею, то я не знаю — какъ у тебя можетъ быть и опрѣснокъ животворящимъ, какъ плоть Хри-

стова? Плоть Спасителя истинно животворящая, а опрѣснокъ не есть плоть Христова. Если въ самомъ дѣлѣ опрѣснокъ не одушевленъ, такъ какъ въ своемъ составѣ онъ не имѣетъ ничего соотвѣтствующаго душѣ, а плоть Спасителя истинно животворящая, то опрѣснокъ не есть плоть Христова". Опровергая извѣстное основаніе, приводимое латинянами въ пользу употребленія опрѣсноковъ, что опрѣснокъ выражаетъ непостижимость и безсѣменность плоти Спасителя, потому что закваска—образъ сѣмени, авторъ говоритъ, что закваска не есть образъ сѣмени и имѣетъ большое различіе съ сѣменемъ. „Закваска всегда поднимаетъ и увеличиваетъ тѣсто. Но что сѣмя не есть причина увеличенія, то это ясно показываютъ и физическія тѣла, въ которыхъ, при безпрерывномъ слѣдованіи измѣненія, сохраняется увеличеніе, а сѣмя не сохраняется... Если же закваска не есть образъ сѣмени, то и опрѣснокъ не есть символъ безсѣменнаго".

Латинскіе полемисты въ своихъ разсужденіяхъ, разбирая вопросъ о томъ, какъ учитъ св. Писаніе о квасномъ и прѣсномъ хлѣбѣ и что такое тотъ и другой хлѣбъ по самой своей природѣ, желали напротивъ, во что бы то ни стало унизить квасность и возвеличить опрѣснокъ. Папа Левъ IX, выставляя несомнѣннымъ, что Самъ Спаситель совершилъ евхаристію на опрѣснокахъ, говоритъ, что и теперь должно совершать то, что заповѣдалъ Христосъ предъ страданіемъ. „Что же Онъ (Христосъ) заповѣдалъ ученикамъ предъ страданіемъ", писалъ папа во второмъ своемъ письмѣ къ патріарху Михаилу Керуларію, — „это очевидно изъ словъ апостола, который, припоминая, что тогда было сказано, говоритъ: *станемъ праздновать не съ старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины* (1 Кор. V). Наконецъ, *малая закваска портитъ* (corrumpit) *все тѣсто* (1 Кор. V). Вездѣ же гдѣ только есть порча, тамъ, безъ сомнѣнія—ухудшеніе естества и усвоеніе какого нибудь недостатка" Такимъ образомъ, папа Левъ IX исключительно говоритъ только въ пользу употребленія опрѣсноковъ и противъ кваснаго хлѣба.

Сторонникъ миролюбиваго направленія Доминикъ Градскій не былъ такимъ строгимъ и одностороннимъ, какъ папа. Допуская

употребленіе въ евхаристіи и квaснаго хлѣба и опрѣсноковъ, онъ говоритъ, что „квасное смѣшеніе (т. е. смѣшеніе муки съ закваской), которое употребляютъ восточныя церкви, являетъ природу Слова воплощеннаго (т. е. есть символъ двойственной природы Христа), а несмѣшанное тѣсто опрѣсноковъ, которое принимаетъ римская церковь, безъ противорѣчія, представляетъ чистоту человѣческой плоти, съ которой угодно было соединиться божеству". Однако такое миролюбивое изъясненіе символическаго значенія употребленія квaснаго и употребленія прѣснаго хлѣба въ таинствѣ евхаристіи не было принято во вниманіе послѣдующими полемистами.

Особенно горячею защитою опрѣсноковъ и особенно горячимъ нападеніемъ на закваску отличился кириналъ Гумбертъ. Опровергая положеніе, высказанное въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго, что опрѣсноки нисколько не отличаются отъ кирпичной грязи, приготовляются на сухой глинѣ и внизу смѣшиваются съ землею, Гумбертъ прежде всего поражается такимъ пагубнымъ лжеучительствомъ грековъ. „Увы, увы, увы! Господи Боже! Вотъ мы видимъ, что исполняется предвѣщаніе князя апостоловъ о послѣднихъ временахъ", восклицаетъ Гумбертъ. Затѣмъ онъ приводитъ мѣста изъ посланій ап. Петра (II Петр. II. 1—3) и Павла (II Тимоѳ. III. 1—2 и 8—9) о томъ, что въ послѣдніе дни востанутъ люди, вводящіе пагубныя ереси, самолюбивые, любостяжательные, надменные, хулительные, противящіеся истинѣ, развращенные умомъ, невѣжды въ вѣрѣ и т. п. „Вотъ почему,—продолжаетъ Гумбертъ,—и вы, безстыдно унижая опрѣсноки, не страшитесь наносить неслыханныя оскорбленія даже животворящему таинству нашего искупленія. И неудивительно, если въ божественныхъ тайнахъ мѣшается порядокъ вашего ума, когда онъ такъ упорно заблуждается и въ земномъ, такъ что опрѣснокъ, который видомъ, осязаніемъ и ежедневнымъ употребленіемъ удостовѣряетъ, что онъ хлѣбъ, вашъ умъ считаетъ камнемъ, или сухой кирпичной глиной. О, сколь достойную награду за свое заблужденіе получило бы ваше сумасбродство, еслибы, когда вы обезсилѣли и были лишены всякаго подкрѣпленія человѣческой пищей,—кто ни-

будь предложилъ вамъ вмѣсто опрѣсноковъ камень, или сухую кирпичную глину! Тогда, въ виду величайшей представившейся разности, вы безъ сомнѣнія научились бы отличать камень или кирпичь отъ опрѣсноковъ и узнали бы, что камнями и кирпичами укрѣпляются стѣны, а опрѣсноками укрѣпляется человѣческое сердце. А что опрѣсноки, хотя своевременно и поддерживаютъ человѣческую жизнь, однако они безъ души, какъ и квасный хлѣбъ, то этого никто не осмѣлится отрицать, кромѣ безумнаго манихея. Что же до того, что вы клевещете, будто опрѣсноки внизу смѣшаны съ землею, то мы не будемъ опровергать, что они приготовляются на камняхъ или на глинѣ, не будемъ, такъ какъ вы говорите, что они смѣшаны съ землею. Если бы это было вѣрно, то они не шли бы на употребленіе людямъ и прочимъ одушевленнымъ существамъ, не проникли бы и къ великому Христову жертвеннику. Но эту землю, приготовленную на желѣзѣ, діаконы съ иподіаконами, или сами священники, облаченные въ священныя одежды, окропивъ, износятъ изъ ризницы съ пѣніемъ псалмовъ. Вы же, порицая то, что мы дѣлаемъ, свой квасный хлѣбъ не приготовляете ни на камнѣ, ни на глинѣ и ни на какомъ-нибудь металлѣ. Такимъ образомъ, или вы приготовляете на водѣ, или съ неба сходитъ къ вамъ манна, такъ что, кромѣ человѣческихъ способовъ приготовленія, вы имѣете еще для этого и божественныя средства“.

Въ выраженіи, что опрѣсноки, не имѣя ни соли, ни кислости—сухая глина, Гумбертъ видитъ оскорбленіе почти всѣмъ видимымъ и невидимымъ природамъ. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ, „если, по вашему опредѣленію, то, что не имѣетъ ни закваски, ни соли, есть сухая глина, то, слѣдовательно, блаженные духи и души праведныхъ, или тѣ четыре элемента, изъ которыхъ состоитъ все видимое,—также сухая глина, потому что они не имѣютъ ни закваски, ни соли. Для васъ еще недостаточно изрыгать столь безбожно, вы самаго Господа приводите во свидѣтельство своего мнѣнія, будто бы Онъ для восхваленія и употребленія вашего квасного хлѣба сказалъ ученикамъ своимъ: *„вы соль земли* (Матѳ. V. 13) и *подобно есть царствіе небесное закваскѣ* (XIII. 3). Итакъ, если вамъ желательно понимать буквально слова, которыя суть духъ

и жизнь, то вамъ пожалуй захочется къ своему квасному хлѣбу присоединить еще вѣтвь и горчицу, потому что Господь также сказалъ ученикамъ Своимъ: *вы вѣтви* (Іоан. XV. 5) *царствіе небесное подобно зерну горчичному* (Матѳ. XIII. 31), которое также даетъ теплоту, которую ваше злорѣчіе столько восхваляетъ въ квасномъ хлѣбѣ. Знайте также, что ваше пониманіе притчи о закваскѣ противорѣчитъ тайному вселенскому догмату. Въ самомъ дѣлѣ, если жена та означаетъ церковь, а три мѣры святую Троицу, то какимъ образомъ и для чего церковь положила закваску въ самой блаженной Троицѣ? Неужели кто-нибудь и какъ-нибудь могъ, или можетъ высочайшему, неизмѣняемому и благому Богу придать сколько-нибудь приращенія?

Отвѣчая на указаніе Льва Ахридскаго, что опрѣсноки называются у Моисея символами злостраданія и скорби, Гумбертъ говоритъ, что Моисей не назвалъ опрѣсноковъ символами злострадания и скорби, но „lechem oni“, т. е. хлѣбъ мученія и назвалъ такъ ихъ не потому, чтобы по своей сущности они имѣли сколько нибудь мученія, но потому, чтобы они напоминали евреямъ, какъ они, понуждаемые уйти отъ египтянъ, несли на плечахъ смоченную муку прежде чѣмъ она заквасилась“.

Въ противовѣсъ указанію на нечистоту опрѣсноковъ Гумбертъ указываетъ на нечистоту кваснаго хлѣба. Для этого онъ дѣлаетъ химическій анализъ закваски, разбирая элементы, изъ которыхъ составляются дрожжи. „Изслѣдуемъ“, пишетъ Гумбертъ, „квасность отъ ея начала, чтобы, тщательно разсмотрѣвъ ея источникъ, мы могли имѣть вѣрное сужденіе о чистотѣ кваснаго хлѣба... Начало квасности происходитъ тогда, когда къ смоченной мукѣ прибавляется или пѣна молодаго вина, или гуща нѣкотораго деревенскаго напитка, который у Галловъ называется „cervisia“ [1]), или, по крайней мѣрѣ, отваръ варенаго ячменя или гороха, молоко смоквы или испорченное молоко животныхъ. Итакъ, если пѣна, гуща, отваръ шелушныхъ овощей, молоко смоквы и испорченное молоко жи-

[1]) Cervisia или cerevisia—названіе хмѣльнаго напитка, приготовлявшагося въ Галліи изъ ячменя, въ родѣ пива или русской браги.

вотныхъ причисляются людьми къ предметамъ низкаго сорта, то понятно, что и закваска во всѣхъ частяхъ не имѣетъ недостатка въ низкихъ элементахъ. Тѣсто же, въ которое прибавляется закваска, необходимо портится, какъ говоритъ премудрый Павелъ: *малая закваска портитъ все тѣсто* (Гал. V. 9). Гдѣ же есть порча, тамъ, какъ говорится въ божественныхъ и человѣческихъ писаніяхъ, необходимо признать, что къ субстанціи необходимо привзошло ухудшеніе или какое-нибудь поврежденіе. Отсюда, если порчу никогда нельзя истолковать въ хорошую сторону, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что опрѣснокъ чище квaснаго хлѣба,—опрѣснокъ, который не допуская ничего такого, что портитъ квасный хлѣбъ, приготовляется только изъ чистой муки и свѣтлой воды. Закваска же, если когда нибудь вслѣдствіе невниманія долго остается въ тѣстѣ, то портитъ его такою кислотой, что больше оно уже не годится человѣку для употребленія. Далѣе, квасный хлѣбъ, немного полежавши, дѣлается заплѣсневѣлымъ, что весьма рѣдко случается съ опрѣснокомъ, такъ какъ онъ полонъ и твердъ, а не вздувшійся, и не пещеристый, какъ квасный хлѣбъ, который, положимъ, далеко не соотвѣтствуетъ вашимъ похваламъ, но во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ вашимъ нравамъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ самый хлѣбъ, испорченный старою закваскою, становится кислымъ, пещеристымъ и вздувшимся: и вы, еще не менѣе его испорченные человѣческимъ самомнѣніемъ, по своей болтливости становитесь кислыми, а по хитрости — пещеристыми, а такъ какъ вы пусты божественнаго знанія, то выставляетесь надутыми человѣческимъ знаніемъ,—по слову апостола: *знаніе надмѣваетъ* (1 Кор. VIII. 1). Указавъ какъ на неодобрительные отзывы о закваскѣ на выраженія св. Писанія и одно выраженіе свѣтской литературы (Лук. XII. 1; 1 Кор. V. 7 и 8. Pers. 1, 21), Гумбертъ говоритъ, что во всѣхъ писаніяхъ, исключая одного мѣста евангелія, никогда и нигдѣ нельзя найти, чтобы закваска принималась въ хорошемъ значеніи, но если перерыть всѣ писанія, никогда и нигдѣ нельзя найти, что опрѣсноки принимаются въ неблагопріятномъ для нихъ значеніи. „Поэтому“, заключаетъ Гумбертъ, „пусть перестанетъ ваше лукавство своимъ квaснымъ хлѣбомъ отвергать

опрѣснокъ у римскаго и латинскаго простосердечія, Если же нѣтъ,— если оно будетъ упорно, то съ своимъ квасным хлѣбомъ да будете анаѳема, маранаѳа и пусть послушаетъ укоряющаго его Господа: *идите въ Вевиль, грѣшите и приносите въ жертву благодаренія квасное* (Ам. IV. 5).

Наконецъ, Гумбертъ обращается къ разсмотрѣнію вопроса: „какая именно изъ церквей съ большею тщательностію совершаетъ таинство и болѣе возвышеннымъ образомъ выражаетъ силу и истину тѣла Господня?“ „Римская церковь употребляетъ опрѣснокъ, приготовленный изъ грана муки и чистой воды служителями алтаря въ секретаріумѣ на огнѣ, въ обозначеніе того, что мы исповѣдуемъ и почитаемъ три совершенныя сущности въ одной личности посредника между Богомъ и людьми—Богочеловѣка Іисуса, т. е. человѣческую плоть, душу разумную и Слово Бога боговъ. Гранъ муки подлинно имѣетъ подобіе съ плотію, образовавшеюся изъ плоти Дѣвы Маріи, какъ бы изъ нѣдръ матери земли, одною только небесною силою, а не какимъ-нибудь смѣшеніемъ мужскимъ, которую (т. е. образовавшуюся плоть) всемогущее божество одухотворило, сообщивъ ей болѣе чистую субстанцію, какъ бы пресвѣтлую и прекрасную воду Эти двѣ субстанціи (плоть и разумную душу) отъ самаго начала дѣвственнаго зачатія Слово Божіе надлежащимъ образомъ восприняло и посредствомъ пламени своего божества, какъ бы посредствомъ огня, возсоединило и соутвердило съ собою. Такъ приготовленный опрѣснокъ съ должнымъ призываніемъ всей св. Троицы становится истиннымъ и единственнымъ тѣломъ Христовымъ, а не тѣломъ Отца и Сына и Св. Духа, какъ утверждаютъ теопасхиты... Теперь разсмотримъ, какой порядокъ и какая тщательность соблюдается у васъ относительно такого таинства. Вы употребляете квасный хлѣбъ, приготовленный за какую-нибудь плату какимъ-нибудь мужчиной или какой-нибудь женщиной, а иногда къ жертвеннику Господню приносите хлѣбъ, купленный въ общественныхъ тавернахъ у продавцевъ, о которомъ не можете утверждать, что онъ не былъ тронутъ какими-нибудь нечистыми и грязными руками. Согласно съ тѣмъ, что мы сказали о немъ, онъ дѣйствительно причастенъ пяти субстанціямъ, т. е. закваски, муки,

соли, воды и огня. Если вы имѣете, то представьте намъ соотвѣтствующія значенія всѣхъ ихъ въ несложной и чистой плоти Спасителя. Да, представьте намъ разумное основаніе относительно квасного хлѣба такимъ же образомъ, какъ мы представили вамъ относительно опрѣсноковъ, чтобы какъ нибудь извращенность манихеевъ къ подкрѣпленію своего заблужденія не утвердила этихъ пяти субстанцій въ таинствѣ христіанъ, принимая ихъ по причинѣ пяти пещеръ тьмы, что манихеи воображаютъ въ своемъ измышленіи [1]).

Не менѣе остроумно, хотя съ такими же натяжками въ своихъ доводахъ и выводахъ, Гумбертъ опровергаетъ и всѣ разсужденія Никиты Стиѳата о близкой аналогіи между хлѣбомъ и тѣломъ Христовымъ. „Ты сказалъ, пишетъ Гумбертъ, что одно и тоже есть единосущный (consubstantialis) и сверхъ-чувственный (supersubstantialis) [2]),—это совершенно ложно. Господь Іисусъ, хотя единосущенъ намъ по человѣчеству, однако по божеству, которое единосущно Отцу, Онъ по отношенію къ намъ есть сверхъ-чувственный, такъ и хлѣбы человѣческой трапезы пусть единосущны сами себѣ; однако хлѣбъ божественной трапезы является сверхъ-чувственнымъ“.

Опровергая разсужденіе Никиты о томъ, что въ хлѣбѣ или въ тѣлѣ Христовомъ выражаются три жизненныя силы: *Духъ, вода и кровь*, Гумбертъ говоритъ, что свидѣтельствомъ апостола: *три свидѣтельствуютъ на землѣ: духъ, вода и кровь и сіи три суть едино* (Іоан. V. 7), Никита воспользовался не съ меньшимъ святотатствомъ, какъ и свидѣтельствомъ того же апостола: *если мы говоримъ, что имѣемъ общеніе съ Нимъ* (со Христомъ), *а ходимъ во тмѣ; то мы лжемъ и не поступаемъ по истинѣ* (1 Іоан. I. 6), которое Никита приложилъ къ соблюденію опрѣсноковъ и хожденію во тмѣ закона. „Ты“, пишетъ Гумбертъ, „стараешься приложить къ хлѣбу трапезы Христовой то, что апостолъ сказалъ о Христовомъ крещеніи. Въ крещеніи подлинно находятся эти три и содѣлываютъ едино крещеніе и именно: Духъ освящаетъ, вода

---

[1]) Humberti Dialogus cap. XIX—XXXII.

[2]) Supersubstantialis=ἐπιούσιος,—Никита Стиѳатъ понималъ подъ этимъ словомъ «насущный», а Гумбертъ нѣсколько извращаетъ его мысль, чѣмъ онъ часто пользуется въ своихъ опроверженіяхъ.

омываетъ, кровь очищаетъ. Если что нибудь изъ этихъ трехъ отсутствовало бы, то не будетъ крещенія, какъ говоритъ досточтимый отецъ Августинъ: „отними воду, — нѣтъ крещенія, отними слово, — нѣтъ крещенія, но присоединяется слово къ веществу (ad elementum) и бываетъ таинство“. А ты, негодный Пекторалъ, еще негоднѣе въ истолкованіи и искаженіи мысли возлежавшаго у груди Іисуса. Ты сказалъ: *и сіи три суть въ одномъ*, т. е. въ тѣлѣ Христовомъ, чего возлюбленный ученикъ Христовъ и не думалъ и не писалъ, но соотвѣтственно высшему пониманію о крещеніи у него: *и сіи три суть едино*. Но это еще не важно и почти не имѣетъ никакого сравненія съ слѣдующею хулою, по которой вы усиливаетесь утверждать, что во время страданія и распятія Господня, когда изъ ребра Его истекли кровь и вода, святый и животворящій духъ остался въ Его обоженной плоти. Если бы это было вѣрно, то Онъ не умеръ, а если не умеръ, то и не воскресъ, а если не воскресъ,—напрасна наша вѣра, напрасна и проповѣдь наша. И какъ говоритъ апостолъ: *когда я боролся со звѣрями въ Ефесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ?* (1 Кор. XV. 32). Для чего мы, въ самомъ дѣлѣ терпимъ такъ много? Станемъ ѣсть, станемъ пить, станемъ даже жить какъ безсловесныя животныя, такъ какъ завтра мы умремъ, какъ умираютъ они. Если только въ этой жизни терпимъ мы чающіе во Христѣ, то мы несчастнѣе всѣхъ людей, но пусть это далеко будетъ отъ всего человѣческаго рода! Тотъ самый превосходный евангелистъ, который въ своемъ присутствіи видѣлъ то самое событіе, говоритъ, что Христосъ на крестѣ сдѣлался бездыханнымъ *и преклонивъ главу, предалъ духъ* (Іоан. XIX. 30). По этой причинѣ и въ символѣ читается „умерша и погребенна“ (mortuum et sepultum). Въ противномъ случаѣ не должно было бы и погребать того, кто не умеръ. Замолчи, собака, прикуси нечестивецъ, свой собачій языкъ, такъ какъ *Христосъ подлинно умеръ за грѣхи наши* (Римл. IV. 25) *и воскресъ для оправданія нашего, первенецъ изъ умершихъ* (1 Кор. XV. 20). Затѣмъ Гумбертъ опровергаетъ положеніе Никиты Стиѳата, что изъ боку Спасителя истекли теплая вода и кровь. „Если Христосъ, пишетъ Гумбертъ, былъ пронзенъ копьемъ тогда,

когда прошелъ уже девятый часъ и было уже поздно, то та кровь естественно не была теплою во всемъ, давно уже мертвомъ и холодномъ тѣлѣ. Если же она согрѣлась какимъ нибудь образомъ, то почему евангеліе умолчало о такомъ чудѣ и о такой тайнѣ? Вотъ почему мы желаемъ, чтобы вы, посвященные въ новое таинство, сказали намъ: кровь только, или только вода, или вмѣстѣ и то и другое были теплыми? Если только кровь, то зачѣмъ вы согрѣваете воду; если только вода, зачѣмъ вы согрѣваете отъ нея кровь Христову; если вмѣстѣ и то и другое, то почему же вы и того и другаго не согрѣваете вмѣстѣ? Но кто могъ видѣть, кто могъ осязать, чтобы отличить, что изъ этихъ двухъ было теплымъ и что холоднымъ? Кромѣ того, если та вода была теплой, то почему не дѣлается теплою и вода крещенія, если такая вода особенно могла бы знаменовать крещеніе, какъ теплая кровь—искупленіе".

Относительно объясненія Никитою Стиеатомъ выраженій ап. Павла: *малая закваска кваситъ все тѣсто* (1 Кор. V. 6) и *станемъ праздновать не съ старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины* (1 Кор V, 8), Гумбертъ замѣчаетъ, что Никита, желая восхвалить свой квасный хлѣбъ выше мѣры, чрезвычайно порицаетъ его, говоря: *малъ квасъ все смѣшеніе тлитъ* (corrumpit) и, наконецъ, приготовляется хлѣбъ, а не опрѣснокъ". „Напротивъ того, говоритъ Гумбертъ, когда ты изъяснилъ мысль блаженнаго Павла, относительно которой мы не хотимъ, чтобы она изъяснялась намъ еретиками послѣ столь многихъ православныхъ отцевъ, ты, хотя не желая этого, похвалилъ опрѣснокъ, сказавъ: „такъ какъ вы крещены, т. е. опрѣсноки и чистые. Итакъ, если по твоему крещенные суть опрѣсноки, то что же такое не крещенные, какъ не квасники, т. е. люди испорченные (corrumpti) [1])".

Авторъ отрывка полемическаго сочиненія противъ грековъ недоумѣваетъ какимъ образомъ, по словамъ грековъ, закваска можетъ животворить тѣло Христово, а хлѣбъ безквасный дѣлаетъ тѣло

[1]) Humberti Responsio,—cap. III. V VI. VII. IX

Христово мертвымъ, бездушнымъ? „Неужели двѣ души имѣетъ Христосъ: одну душу человѣка, другую—хлѣба“? спрашиваетъ онъ. „Неужели какъ хлѣбъ измѣняется въ плоть Христа, такъ и душа хлѣба превращается въ душу Христа? Или Христосъ свою душу оставляетъ, а принимаетъ душу хлѣба? Неужели если не будетъ души хлѣба, то тѣло Христа не будетъ одушевленнымъ? Почему вы не обращаете вниманія на то, что то, что Господь далъ Своимъ ученикамъ и преломилъ, Онъ назвалъ тѣломъ Своимъ, которое ученики приняли и ѣли? Развѣ душею называется тѣло? Не преломляется-ли оно? Не съѣдается-ли? Какое евангеліе научило васъ этому? Кто изъ апостоловъ училъ объ этомъ животвореніи тѣла Христова закваскою?“ [1]).

Анзельмъ Кентерберійскій признаетъ, что какъ опрѣснокъ, такъ и квасный хлѣбъ вовсе не различаются существенно, подобно тому, какъ нѣкоторые думаютъ, какъ человѣкъ новый до грѣха и состарѣвшійся въ закваскѣ грѣховной. Однако, Анзельмъ находитъ, что гораздо лучше совершать таинство на опрѣснокахъ, чѣмъ на квасномъ хлѣбѣ сколько потому, что такъ бываетъ гораздо пристойнѣе и тщательнѣе, столько же и потому, что такъ совершилъ Христосъ. Напротивъ, еп. Валераннъ въ своемъ письмѣ къ Анзельму прямо выражалъ, что совершающіе евхаристію на квасномъ хлѣбѣ не ходятъ въ обновленіи жизни со Христомъ. „Подражателямъ Христа, писалъ онъ, *должно праздновать не съ старою закваскою, но съ опрѣсноками чистоты и истины* (1 Кор. V). Закваска, хотя и малая, тлитъ все тѣсто, а тѣло Христово нетлѣнно“... [2]).

Анзельмъ еп. Гавельбергскій въ диспутѣ съ Никитою Никомидійскимъ указывалъ Никитѣ, что однимъ изъ основаній употребленія въ римской церкви опрѣсноковъ можетъ служить то, что квасное запрещается для жертвоприношенія въ ветхомъ законѣ (Лев. II. 11; VII. 11; Числ. VI, 13 и 14; Лев. VI. 14 и 15; Исх. XXIII. 18; Исх. XXIX. 2. Лев. XXIV. 5). Когда же

---

[1]) Fragmentum,—Will. p. 257.

[2]) Anselmus Waleranno cap. I et II, Waleranni epistola cap II.

Никита сослался на мѣсто въ книгѣ же Левитъ о приношеніи квaснаго хлѣба (Лев. XXIII. 15—18), то Анзельмъ объяснилъ это мѣсто такъ, что въ немъ говорится не о приношеніи жертвы Господу, но о приношеніи священнику хлѣбовъ первыхъ плодовъ изъ заквашенной пшеничной муки, которые священникъ не приносилъ въ жертву Господу съ обрядами жертвоприношенія, а только въ благодарность возносилъ предъ Господомъ и бралъ себѣ. Затѣмъ, Анзельмъ, какъ и другіе латинскіе полемисты, указываетъ, что во всемъ свящ. Писаніи квасное нигдѣ нельзя найти принятымъ въ хорошемъ обозначеніи, какъ принимается безквасное, и приводитъ изъ свящ. Писанія невыгодныя выраженія о закваскѣ (Лук. XII. 1; Матѳ. XVI. 6; Марк. VIII. 5; 1 Кор. V. 7 и 8). Наконецъ, основываясь на естественныхъ свойствахъ того и другаго рода хлѣба, Анзельмъ говоритъ, что опрѣсноки гораздо удобнѣе для тщательнаго совершенія таинства, чѣмъ квасный хлѣбъ. „Квасный хлѣбъ“, говоритъ онъ, „при преломленіи и раздѣленіи весьма легко раздробляется на весьма многія крошки и не такъ тщательно, если только не совсѣмъ безъ тщанія, можетъ сохраняться. Но такъ какъ малѣйшая, такъ сказать, частичка крошки есть истинное и цѣлостное тѣло Господне, то если произойдетъ какое нибудь малое нерадѣніе относительно этого, то допустившій его подпадаетъ тяжкому проклятію Господа, какъ написано: *проклятъ человѣкъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ* (Іерем. XLVIII. 10). Напротивъ, наше безквасное, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ избрано Богомъ Отцемъ, принято и освящено Богомъ Сыномъ, твердо, чисто, непорочно, неповрежденно, не пещеристо, не вздуто, не мягко, не раздробляется легко на весьма малыя крошки, но во всякомъ случаѣ удобно и для освященія и для преломленія и раздѣленія со всякою осторожностію“ [1]). Въ заключеніе восхваленія опрѣсноковъ, авторъ, какъ и кардиналъ Гумбертъ, указываетъ на способъ приготовленія у латинянъ опрѣсноковъ для жертвоприношенія.

Остается прослѣдить развитіе доказательствъ, извлеченныхъ изъ исторіи ересей.

[1]) Anselmi Havelbergensis; liber tertius cap. XVII и XVIII.

Левъ Ахридскій въ первыхъ же строкахъ своего перваго письма въ практикѣ латинской церкви видитъ іудейство. „Великая любовь Божія и искреннее расположеніе,“ пишетъ онъ Іоанну Траніискому, побудили меня писать къ твоей святынѣ, а чрезъ тебя ко всѣмъ епископамъ франковъ и къ самому достопочтеннѣйшему папѣ и напомнить объ опрѣснокахъ и субботахъ, что сохраняя по Моисееву предписанію и безцѣльно, вы становитесь общниками іудеевъ“. Весь духъ и характеръ перваго письма Льва Ахридскаго показываетъ, что употребленіе латинянами опрѣсноковъ онъ считаетъ іудействованіемъ. Во второмъ своемъ письмѣ, показывая неприложимость для христіанъ соблюденія ветхаго закона; авторъ говоритъ: „всѣ божественные и богоносные отцы, согласно съ ученіемъ и преданіемъ св. апостоловъ, предали, чтобы мы въ божественныхъ тайнахъ приносили съ молитвами хлѣбъ и вино, а не опрѣсноки и не все то, что заповѣдалъ ветхій завѣтъ, такъ какъ все это божественнымъ евангеліемъ оставлено, прекращено и уничтожено. Мы обязаны ничего не дѣлать изъ этого, чтобы не праздновать съ іудеями, армянами, яковитами и другими еретиками“. Въ третьемъ своемъ письмѣ, посвященномъ исключительно разсужденію объ отмѣнѣ ветхаго закона, Левъ Ахридскій, выходя изъ того принципа, что „вѣрующій, дѣлая и нѣчто малое изъ предписаній закона, оскверняетъ и нарушаетъ чрезъ это всю вѣру во Христа и становится болѣе іудеемъ, чѣмъ истиннымъ вѣрующимъ“,— еще съ большею силою и большею настойчивостію обвиняетъ латинянъ въ іудействѣ.

Патріархъ Михаилъ Керуларій въ своемъ первомъ письмѣ къ Петру Антіохійскому также весьма категорично заявляетъ, что латиняне, совершая таинство на опрѣснокахъ, іудействуютъ и это обвиненіе латинянъ ставитъ первымъ въ длинномъ перечнѣ латинскихъ заблужденій.

Никита Стиѳатъ также признаетъ за латинянами іудейство и говоритъ, что кто вкушаетъ опрѣсноки, ходитъ во тмѣ закона. Приведши II-е правило шестаго вселенскаго собора, запрещающее ѣсть опрѣсноки, даваемые іудеями, Никита замѣчаетъ: „кто изготовляетъ и вкушаетъ опрѣснокъ, хотя и не принялъ бы его отъ

іудеевъ, но былъ бы въ этомъ подражателемъ имъ,—считается іудеемъ и находится внѣ закона, какъ если бы кто самъ обрѣзалъ самаго себя или былъ обрѣзанъ іудеями,—все равно подобенъ въ знаніи тѣмъ и, преступая постановленія апостоловъ и святыхъ отецъ, дѣлаетъ тщетнымъ все". Кромѣ того, заключая ad absurdum, Никита Стиѳатъ находитъ у латинянъ теопасхитство. Сказавъ о томъ, что три составныя части опрѣсноковъ вода, мука и огонь не могутъ быть приняты за образъ плоти Господней, такъ какъ не заключаютъ въ себѣ никакого сходства съ плотію, Никита продолжаетъ: „если же вы принимаете за безтѣлесную природу св. Троицы, то заблуждаетесь, впадая въ ересь теопасхитовъ, которые говорятъ, что Слово было сострадавшимъ плоти и что божество поддерживало въ страданіи плоть. Но не вмѣстѣ воплотилась Троица, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, какъ это усматривается въ тѣхъ трехъ: водѣ, мукѣ и огнѣ и какъ во образъ этого самаго вы приготовляете опрѣснокъ и приносите жертву, но одинъ изъ Троицы Сынъ и Слово Божіе воплотился изъ чистой плоти св. Дѣвы, сдѣлался человѣкомъ и, совершивши все, относящееся до Его назначенія, былъ распятъ на крестѣ плотію при нестраданіи Его божества" [1]).

Патріархъ Петръ Антіохійскій также ставитъ на видъ, что „быть причастникомъ опрѣсноковъ, значитъ быть причастникомъ древней жертвы, а не жертвы новаго завѣта". Дѣлая такимъ образомъ ясный намекъ на іудействованіе латинянъ, Петръ Антіохійскій указываетъ еще, что „тѣ, которые причащаются опрѣсноками, подвергаются опасности незамѣтно впасть въ ересь Аполлинарія". „Аполлинарій", пишетъ Петръ, „осмѣлился утверждать, что Слово и Сынъ Божій принялъ отъ св. Дѣвы одно только бездушное и неразумное тѣло, говоря, что вмѣсто души и ума служило божество. Такъ точно и тѣ, которые употребляютъ на литургіи опрѣсноки, приносятъ плоть мертвую, а не живую. Закваска для тѣста бываетъ вмѣсто души, а соль вмѣсто ума, а если ихъ не имѣетъ опрѣснокъ, то какъ же онъ не будетъ бездушнымъ, мертвымъ и смертоноснымъ по самой своей сущ-

[1]) Nicetae libellus,—cap. II, X, IV.

совершеніи таинства евхаристіи на опрѣснокахъ выражается укло-ности? Поистинѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ совершенный Богъ и совершенный человѣкъ въ двухъ естествахъ, но не ипостасяхъ. Онъ принялъ отъ Приснодѣвы тѣло, одаренное душою и умомъ, и по праву таинство новаго завѣта преподалъ посредствомъ совершен-наго хлѣба, который, благословивъ, преломилъ и сказалъ: *пріи-мите, ядите*—хлѣбъ, который есть хлѣбъ небесный, жизненный и жизнь дающій вкушающимъ его, какъ возвѣстилъ Христосъ: *ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ во мнѣ, и Я въ немъ* [1]).

Аполлинаріанство латинянъ въ послѣдующихъ полемическихъ трудахъ по большей части уже констатируется какъ фактъ вполнѣ извѣстный. Хартофилаксъ Никита Никейскій, разсказывая откуда латинская церковь приняла обычай употребленія въ евхаристіи опрѣсноковъ, говоритъ, что прежде во всемъ мірѣ одни только аполлинаристы и аріане приносили опрѣсноки, между тѣмъ какъ всѣ на востокѣ, западѣ, сѣверѣ и югѣ совершали приношеніе на квасномъ хлѣбѣ до дней римскаго папы Ливерія. По смерти же послѣдняго, римскимъ папою былъ избранъ Феликсъ, который прельстился ересью Арія, началъ считать тѣло Господне бездуш-нымъ и приказалъ, чтобы божественное приношеніе тѣла было изъ опрѣсноковъ...

Леонтій митрополитъ Преславы, подобно Льву Ахридскому, настойчиво обвиняетъ латинянъ въ іудействованіи, какъ уже это видно изъ его сопоставленія новаго завѣта съ ветхимъ и общаго направленія его посланія. Но кромѣ этого въ практикѣ совершенія таинства на опрѣснокахъ онъ видитъ еще несторіанство. „Ядущій опрѣсноки, говоритъ онъ въ заключеніе своего разсужденія объ опрѣснокахъ, не исповѣдуетъ Христа Богомъ и человѣкомъ, и не признаетъ плоть Его обоженной; но подобно безумному Несторію признаетъ Творца всего только простымъ человѣкомъ, и горе ему какъ и безумнымъ іудеямъ“.

Греческіе полемисты, жившіе и писавшіе въ Россіи, также вполнѣ раздѣляли тѣ взгляды первыхъ византійскихъ полемистовъ, что въ

[1]) Petri Antioch. epist. ad Dominicum, cap. VIII et XXII.

неніе къ ересямъ. Такъ митрополитъ Георгій повторяетъ положеніе Михаила Керуларія о іудействованіи латинянъ и говоритъ: „иже опрѣснокы служать и ядять, иже есть жидовскы“. Митрополитъ Іоаннъ II говоритъ, что употребленіе опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи „явѣ есть жидовьскаго служенья вѣры“ и кромѣ того „отъ многы ереси начатокъ и корень пріятъ... Опрѣсноцы отъ жидовъ творятся, въ споминанье еже отъ Египта свобоженья ихъ и бѣжанья. Мы же сѣмя хрестьяньское есмы, нижѐ работахомъ египтянину царю мучителю; но и таковыхъ жидовьскихъ блюденій суботы, глаголю, и опрѣсноки и обрѣзанья пріобидѣти (презирать) намъ повелѣно есть; и иже сохраняетъ едино отъ сихъ, якоже рече божественный Павелъ апостолъ, то долженъ есть весь законъ жидовскъ исполнити“. Далѣе, принимая во вниманіе извѣстное возраженіе латинянъ, что опрѣсноки могутъ служить особеннымъ выраженіемъ неизреченной чистоты плоти Христовой, чуждой всякой примѣси нечистоты, митрополитъ Іоаннъ находитъ и въ немъ проявленіе еретическаго пониманія, хотя нѣсколько и измѣняетъ его смыслъ. „Если вы говорите“, пишетъ онъ, „что нужно употреблять опрѣсноки вслѣдствіе того, что божество несмѣшанно съ веществомъ и чисто; то вы забывшись впадаете въ ересь древнихъ еретиковъ— Валента и Манеса, также—Аполлинарія Лаодикійскаго, Павла сирина Самосатскаго, Евтихія, Діоскора, Севира, также моноѳелитовъ, появившихся при шестомъ вселенскомъ соборѣ: Сергія, Павла, Пирра и сущихъ съ ними. Во всѣхъ ихъ (ересяхъ) одинаково дѣйствовалъ діаволъ, и началомъ ихъ служитъ одна ересь—отрицаніе совершеннаго вочеловѣченія и ипостаснаго единства единаго Спаса Христа истиннаго Бога нашего“. Митрополитъ Никифоръ, въ самомъ началѣ подробнаго своего опроверженія обычая употребленія опрѣсноковъ латинянами, говоритъ: „о оплатцѣхъ вѣдая буди, яко оплатцѣ вѣтхыа жидовскыя жертвы суть, а не евангелія Христова законъ“. Приносящіе и вкушающіе опрѣсноки „съ жиды суть и на трапезѣ жидовстѣй ядять, а не на Христовѣ“. „Да вѣдаютъ же таковіи“, говоритъ онъ въ заключеніе своей полемики противъ опрѣсноковъ, „иже оплатки ядущіи, яко пси мруть, а не живу ядуще плоть; и въ ересь впадають проклятаго Аполлинарія: онъ

бо безумно и бездушно тѣло прія Господь рече; и еже бездушніи оплатки въ тѣла мѣсто Господня пріимають, подобни суть Аполлинарію; тако бо есть: не имѣетъ бо ни души, ни ума; ни кваса бо ни соли не имѣетъ, яже суть въ хлѣбѣ, яко душа. И умъ не хулить соли, ни творять малы безумніи, молвить бо къ апостоламъ Господь: вы есте соль мірови, аще соль обуяетъ, чимъ осолится". И апостолъ Павелъ глаголетъ: „да будетъ слово ваше солію осолено", которую соль слово пріемлетъ не плотное суще, но облечесе глаголетъ: да будетъ слово ваше имѣя и умъ, а не буди безълѣпа, яко и о безлѣпичнемъ слово воздати ны есть, да аще не премѣнятся таковіи, и съ Поллинаріемъ причтени будуть".

Евстратій Никейскій въ употребленіи въ евхаристіи опрѣсноковъ, также находитъ уклоненіе къ различнымъ ересямъ. Празднованіе опрѣсноковъ, пишетъ онъ во второмъ своемъ сочиненіи противъ опрѣсноковъ, не только еще возводитъ къ законной сѣни и поэтому было приличнымъ іудейской пасхѣ, но приносящій опрѣсноки уподобляется еще теопасхитамъ армянамъ, которые имѣютъ смѣшанную изъ многихъ ересь и между другими нелѣпостями, которыхъ они держатся, совершаютъ священнодѣйствіе на опрѣснокахъ. Кромѣ того, приносящій опрѣсноки обнаруживаетъ еще то, что онъ уклоняется къ ереси Аполлинарія или Арія, учившаго, что Сынъ Божій принялъ бездушную плоть".

Къ числу самыхъ строгихъ обличителей обычая употребленія опрѣсноковъ, которые выставляли этотъ обычай ересью, безъ сомнѣнія принадлежитъ еще Никита Сеидъ. Въ своемъ сочиненіи „λόγος σχεδιασθεὶς", посвященномъ главнымъ образомъ опроверженію ученія латинянъ объ исхожденіи св. Духа,—касаясь употребленія опрѣсноковъ, Никита Сеидъ пишетъ: „въ новомъ завѣтѣ приносятся хлѣбы предложенія и не безквасные и несоленые, но совершенные и всесовершенные, закваскою и солью знаменующіе изъ насъ и для насъ принятую разумную и одушевленную плоть Богочеловѣка, такъ какъ Господь принялъ плоть не бездушную и неразумную, какъ пустословили суемысленные Арій и Аполлинарій".. Во второмъ своемъ сочиненіи, посвященномъ исключительно вопросу объ опрѣснокахъ, авторъ еще въ самомъ началѣ его приглашаетъ

латинянъ удалиться отъ чуждаго преданія вандаловъ и, переставъ сопраздновать въ опрѣснокахъ съ іудеями, возвратиться къ служенію преданному Христомъ и отцами церкви, которое всѣ предки латинянъ совершали на квасномъ хлѣбѣ. „Удержите“, продолжаетъ Никита, „твердо и крѣпко непоколебимый якорь этой чистой и правой вѣры, чтобы не погрузиться вмѣстѣ съ іудеями въ морѣ іудейскаго зломыслія, чтобы не потонуть въ безднѣ зловѣрія армянскаго, чтобы не быть изобличенными, какъ безумнымъ, чтобы не быть осужденными, какъ невѣрнымъ“. Затѣмъ, Никита Сеидъ повторяетъ положеніе Петра Антіохійскаго, что быть причастникомъ опрѣсноковъ, значитъ быть причастникомъ древней жертвы, а не жертвы новаго завѣта“. Кромѣ того, заимствовавъ изъ трактата Никиты Стиѳата все разсужденіе о томъ, что въ хлѣбѣ или тѣлѣ Христовомъ выражаются три жизненныя и животворныя силы: *духъ, вода и кровь*, Никита Сеидъ дѣлаетъ послѣ него такое торжественное обращеніе къ латинянамъ: „итакъ, знайте отцы, братья и чада народа латинскаго и лонгобардскаго, вы, населяющіе Римъ, и вы, населяющіе другіе города, что вкушая опрѣсноки вмѣсто тѣла Христова, вы незамѣтно для себя впадаете въ ересь Аполлинарія. Тотъ говорилъ, что Христосъ воспринялъ отъ св. Дѣвы Маріи одно только тѣло безъ души и безъ ума, т. е. мертвое. Точно также и тѣ, которые вкушаютъ опрѣснокъ во образъ тѣла Христова, вкушаютъ мертвую плоть, а не живую, такъ какъ закваска, какъ прежде было сказано, бываетъ въ тѣстѣ вмѣсто души а соль вмѣсто ума, чего не имѣя опрѣснокъ оказывается мертвымъ и вкушающихъ его дѣлаетъ мертвыми, нечувствительно ввергая ихъ въ ересь и хулу Аполлинарія. Но Господь нашъ, будучи совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, имѣя одушевленное и одаренное разумомъ тѣло, посредствомъ совершеннаго хлѣба предалъ намъ таинство новаго завѣта, благословивъ его и сказавъ: *пріимите, ядите* и проч. Итакъ, о мудрые, вкушая въ таинствѣ своемъ не хлѣбъ, а опрѣснокъ, вы вкушаете мертвую плоть, а не живо́е тѣло Христа, который есть хлѣбъ небесный, живой и дающій жизнь вкушающимъ его, ибо говоритъ Онъ: *Я хлѣбъ живый, сшедшій съ небесъ, ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь*

пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ (Іоан. VI. 51. 56). Мы такъ совершаемъ и такъ вкушаемъ, а вы впадаете въ ересь Аполлинарія, вкушая бездушную, неразумную и совершенно мертвую плоть"...

Николай Меѳонскій въ первомъ своемъ сочиненіи объ опрѣснокахъ, доказывая правильность и законность употребленія въ евхаристіи кваснаго хлѣба распространенностію и повсемѣстностію этого обычая, говоритъ, что только еретики армяне, признающіе во Христѣ одну только природу, одну волю и одно дѣйствованіе, принимаютъ въ евхаристіи опрѣснокъ. „Что же общаго съ ними у римлянъ, спрашиваетъ онъ, если не считать себя вправѣ сказать, что вы (римляне) сообщаетесь съ ними въ ереси?.. Рѣшеніе большинства получаетъ преимущество предъ рѣшеніемъ меньшинства, тѣмъ болѣе, что меньшинство допускаетъ относительно себя подозрѣніе въ еретическомъ зломысліи и не только въ сказанномъ (армянствѣ), но еще и въ Аполлинаріевомъ сумазбродствѣ или безуміи, который сумасбродствовалъ, что Господь воспринялъ отъ Богоматери плоть безъ ума и безъ души, говоря, что вмѣсто ума и души достаточно было божества. Отсюда, принимающіе вмѣсто тѣла Господня опрѣснокъ въ таинствѣ, незамѣтно впадаютъ въ эту ересь, ибо приносятъ въ жертву нѣчто бездушное, мертвое, лишенное той жизненной силы, которую доставляетъ тѣсту закваска, и лишенное соли, которой мы научены придавать значеніе въ хлѣбѣ управляющаго ума, какъ и Господь сказалъ ученикамъ: *вы соль земли* (Матѳ. V. 13). Что касается іудействованія, то авторъ прямо обвиняетъ въ немъ латинянъ: „принимающій опрѣсноки уклоняется къ іудейству, обратно удаляется въ сѣнь законную и въ ветхость писанія, а отсюда лишается благодатной истины и новаго служенія въ духѣ"... Во второмъ своемъ сочиненіи Николай Меѳонскій строго держится своихъ взглядовъ на употребленіе латинянами опрѣсноковъ, взглядовъ, заявленныхъ имъ въ первомъ своемъ сочиненіи. По словамъ автора, употреблять въ евхаристіи опрѣсноки значитъ, праздновать новому израилю, т. е. христіанамъ, вмѣстѣ съ ветхимъ, быть полуіудеемъ, послѣдовать іудействующимъ армянамъ и подвергаться опасности впасть въ ересь Аполлинарія.

Іоаннъ Клавдіопольскій, не произведшій въ своемъ сочиненіи,

какъ это было показано, почти ровно ничего самостоятельнаго, выступаетъ ревностнымъ сторонникомъ Льва Ахридскаго и также въ совершеніи латинянами таинства на опрѣснокахъ видитъ явное іудействованіе. Вообще вопросъ о іудействованіи латинянъ въ полемикѣ тѣсно связывался съ вопросомъ о соотношеніи ветхаго завѣта съ новымъ, а потому мнѣнія и сужденія полемистовъ по этому послѣднему вопросу, конечно, выясняютъ и ихъ отношеніе къ вопросу о іудействованіи латинянъ.

Латинскіе полемисты, отвѣчая на обвиненія грековъ въ ересяхъ, старались оправдаться и съ своей стороны выставляли еретиками самихъ грековъ. „Что касается того, что вы безстыдно клевещете, будто мы сообщаемся съ іудеями въ соблюденіи опрѣсноковъ и субботы“, писалъ кардиналъ Гумбертъ, „то мы думаемъ, что ваша мысль на столько испорчена застарѣлымъ оумасшествіемъ что вы не обращаете вниманія ни на свои дѣла, ни на свои слова“. Затѣмъ, Гумбертъ сравниваетъ то, что говорится въ св. Писаніи объ опрѣснокахъ іудейскихъ съ практикою римской церкви и находитъ, что между іудейскими и латинскими опрѣсноками нѣтъ ничего общаго. Ветхозавѣтную практику онъ старается уяснить изъ снесенія различныхъ мѣстъ св. Пйсанія, въ которыхъ говорится объ опрѣснокахъ. (Онъ приводитъ: изъ XII главы книги Исходъ стихи: 18, 19, 20, 15 и 17, изъ XIII главы стихи 6 и 7 и изъ XXXIV главы той же книги стихъ 18,—потомъ, изъ книги Левитъ XXIII. 5—8, Числъ XXVIII, 16—22 и Второзаконія XVI. 1—4). „Небесный законодатель“, продолжаетъ Гумбертъ, „конечно зналъ, что плотскими іудеями все это должно быть сохраняемо плотскимъ образомъ и что такое плотское сохраненіе совершенно чуждо насъ. Вотъ почему въ каждый изъ тѣхъ семи (пасхальныхъ) дней во всѣхъ концахъ и предѣлахъ нашихъ, въ нашихъ домахъ находится, оказывается и съѣдается квасный хлѣбъ. Мы проводимъ въ опрѣснокахъ эти самые семь дней не иначе, какъ и остальные дни всего года и изъ нашего сонма не погибаетъ душа того изъ иностранцевъ, или изъ туземцевъ, кто въ эти вышеупомянутые семь дней вкушаетъ квасный хлѣбъ. Мы не сохраняемъ съ десятаго дня перваго мѣсяца взятаго изъ стадъ

однолѣтняго агнца мужескаго пола до четырнадцатаго дня и не закалаемъ его вечеромъ, чтобы кровію его обозначить дверные косяки и не съѣдаемъ его мяса ночью, поспѣшно, опоясанные и обутые, держа въ рукахъ посохи. Сверхъ того, въ каждый изъ этихъ семи дней мы не приносимъ всесожженія Господу, такъ чтобы на огнѣ сожигались два теленка, одинъ баранъ, семь однолѣтнихъ, непорочныхъ агнцевъ... Въ чемъ же, слѣдовательно, мы сообщаемся съ іудеями и какимъ образомъ соблюдаемъ праздникъ опрѣсноковъ? Можетъ быть въ томъ мы сообщаемся съ іудеями, что считая праздничными тѣ самые дни (семь дней пасхальной седмицы), мы ничего не работаемъ въ эти дни и это соблюдаемъ съ 14-го дня до 21? Но почему же такимъ же точно образомъ, какъ мы соблюдаемъ, и вы соблюдаете эти дни? Не потому-ли, что одно дано намъ, а другое іудеямъ? Въ самомъ дѣлѣ, у тѣхъ употребленіе опрѣсноковъ установлено въ память выхода ихъ изъ Египта, а у насъ въ память духовнаго исхожденія нашего изъ сего міра, чтобы мы, празднуя эти дни, знали, что самъ Богъ воззвалъ насъ изъ тьмы, чтобы мы совозстали и совоскресли въ чудный свѣтъ Его, сдѣлались небесными и чтобы, подобно шару луны, мы, воспринявъ свѣтъ солнца, т. е разумѣніе ума, отвратились отъ земнаго и обратились къ небесному и, такимъ образомъ, мудрствуя и заботясь о горнемъ, мы ожили бы для Бога и умерли для міра. Итакъ, мы отказываемся соблюдать все вышесказанное плотскимъ образомъ, когда Господь установилъ соблюдать это болѣе духовно, но все-таки соблюдаемъ и всячески желаемъ соблюдать, несомнѣнно вѣруя, что писанія написаны къ нашему наученію, когда блаженный Павелъ такъ свидѣтельствуетъ: *все сіе происходило съ ними какъ образы, а описано въ наставленіе намъ, достигшимъ послѣднихъ вѣковъ* (1 Кор. X. 11) [1]).

Такимъ образомъ, сравнивая практику іудейскую относительно употребленія опрѣсноковъ съ практикою латинской церкви, Гумбертъ находитъ слѣдующіе пункты различія между ними: 1) въ ветхозавѣтной практикѣ все плотское для плотскихъ, а въ латинской

---

[1]) Humberti Dialogus,—cap. IV et V.

все духовное и для духовныхъ; 2) іудеи употребляютъ опрѣсноки разъ въ году въ продолженіе семи дней сряду, а латиняне употребляютъ ихъ въ теченіе всего года; 3) іудеи, употребляя опрѣсноки, не употребляютъ въ это время кваснаго хлѣба, а латиняне не отказываются отъ того и другаго хлѣба въ одно и тоже время; 4) у іудеевъ въ опрѣсночную недѣлю никто не долженъ былъ употреблять кваснаго хлѣба, иначе погибалъ, а у латинянъ никто за это не погибаетъ; 5) латиняне не закалаютъ агнца и не ядятъ его со всѣми формальностями, какъ предписывалось іудеямъ: 6) латиняне не приносятъ жертвъ Богу во время яденія опрѣсноковъ, какъ іудеи; 7) іудеи употребляютъ опрѣсноки въ память исхода изъ Египта, а латиняне въ память избавленія отъ духовной смерти. Такимъ образомъ, Гумбертъ показываетъ, что ни о какомъ заимствованіи латинянами обычая употреблять опрѣсноки отъ іудеевъ не можетъ быть и рѣчи.

Съ своей стороны въ сужденіяхъ грековъ Гумбертъ также старается отыскать и отыскиваетъ ереси. Разсуждая по поводу выраженія въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго, что Христосъ, чтобы не сочли Его противникомъ Богу и обрѣзанъ былъ, и сначала совершилъ пасху законную, а потомъ, по окончаніи ея, и нашу новую, Гумбертъ говоритъ: „что касается того, какъ вы говорите, что Господь Іисусъ, совершивъ древнюю пасху, заповѣдалъ своимъ ученикамъ совершать новую, то кто станетъ отрицать это? Но что до того, какъ вы говорите, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ для того и обрѣзанъ былъ и совершилъ древнюю пасху, чтобы, нарушивъ законъ, не показаться противникомъ Богу, то кто когда-нибудь осмѣлился бы утверждать это, кромѣ явнаго еретика? Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ вы выказываетесь, что превратно думаете вмѣстѣ съ маркіонитами и манихеями, что одинъ Богъ далъ древній законъ, а другой Богъ далъ новый законъ или, сказать прямѣе, желаете ввести Бога злаго и Бога добраго и чтобы тому злому Богу, т. е. Богу тьмы, этотъ добрый Богъ свѣта не оказался противникомъ, то онъ и обрѣзанъ былъ и совершилъ пасху [1])...

---

[1]) Humberti Dialogus,—cap. VIII.

Затѣмъ, возражая противъ того, что Христосъ назвалъ тѣломъ своимъ квасный хлѣбъ, какъ содержащій жизненность, полный духа и теплоты, Гумбертъ въ этомъ находитъ еще ересь. „Кто, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ ученика манихеевъ, — пишетъ онъ, — осмѣлится утверждать, что какой-угодно хлѣбъ самъ по себѣ, помимо таинства, полонъ духа и одушевленъ? Дѣйствительно, манихеи, безумствуя какъ истинно исполненные маніей, безстыдно утверждаютъ, что хлѣбъ и вино, дерево, камень, одежда и все прочее въ этомъ родѣ имѣетъ душу“ [1]). Кромѣ того, въ своемъ Діалогѣ Гумбертъ обвиняетъ грековъ и въ теопасхитствѣ. „Приготовленный опрѣснокъ съ должнымъ призываніемъ всей Троицы становится истиннымъ и и единственнымъ тѣломъ Христовымъ, а не тѣломъ Отца и Сына и Св. Духа, какъ утверждаютъ теопасхиты. Мнѣніе теопасхитовъ, кажется, раздѣляете и вы, говоря, что причащающійся опрѣсноковъ не причащается Отца, Сына и Св. Духа и разумѣя, что причащается ихъ причащающійся квасным хлѣбомъ. Если не желаете быть осужденными съ теопасхитами за такое извращенное мнѣніе, то не вносите въ воспоминаніе Господне какого-нибудь пріобщенія или какой-нибудь общности святой и нестрадавшей Троицы, исключая только освященія или содѣйствія, потому что въ этомъ животворящемъ таинствѣ воспоминается смерть одного только человѣчества Сына Божія... Вся божественная Троица участвуетъ въ освященіи евхаристіи, но одна только смерть Христова возвѣщается въ преломленіи и потребленіи освященнаго хлѣба [2]). Наконецъ, приписывая грекамъ совершенное отверженіе ветхаго завѣта, Гумбертъ обвиняетъ ихъ за это въ северіанствѣ [3]).

Неизвѣстный авторъ отрывка латинскаго полемическаго сочиненія такъ же какъ и Гумбертъ обвиняетъ грековъ въ манихействѣ. „Мы изобличаемъ васъ въ томъ, пишетъ неизвѣстный авторъ, что вы утверждаете будто бы квасный хлѣбъ одушевленъ. Относительно этой мысли съ вами не согласенъ ни ветхій, ни новый завѣтъ и никто изъ физиковъ не измыслилъ такого новаго оду-

[1]) Ibid.,—cap. XII.

[2]) Ibid. cap. XXXI.

[3]) Ibid. cap. XLI; Responsio Humberti cap. IX.

шевленнаго существа, или—лучше—такого новаго чудовища, кромѣ однихъ только манихеевъ. Это нечестивое мнѣніе у еретиковъ манихеевъ святая церковь уже давно осудила". Затѣмъ, недоумѣвая, что это за душа въ тѣлѣ Христовомъ, принимаемомъ въ евхаристіи, авторъ ставитъ это мнѣніе грековъ въ уровень и генетическую связь съ тою мыслію оригенистовъ, что души однихъ могутъ переходить въ тѣла другихъ и что по качеству заслуги душамъ достаются тѣла лучшія или худшія [1]).

Что латиняне, употребляя опрѣсноки, нисколько не іудействуютъ, изъ латинскихъ богослововъ разсматриваемаго времени доказывалъ еще Анзельмъ Кэнтербюрійскій. „Въ законѣ, гдѣ почти все совершалось образно (in figura)",—писалъ Анзельмъ,—„было предписано, чтобы въ пасху вкушать опрѣсночный хлѣбъ (Исх. XII. 15) въ ознаменованіе того, что Христосъ, котораго они ожидали, имѣлъ быть непорочнымъ и чистымъ и мы, которые должны были вкушать тѣло Его, равнымъ образомъ пребывали бы чистыми отъ всякаго лукавства и порока. Теперь же, послѣ того какъ мы перешли отъ древняго образа къ новой истинѣ и вкушаемъ опрѣсночную плоть Христову, намъ не необходимъ тотъ древній образъ въ хлѣбѣ, изъ котораго мы содѣлываемъ самую плоть Христову... Не правда то, что говорятъ греки, будто бы мы іудействуемъ, такъ какъ мы совершаемъ таинство на опрѣснокахъ не для того, чтобы соблюсти ветхій законъ, но чтобы оно совершалось тщательнѣе и чтобы мы подражали Господу, который совершилъ такъ не іудействуя. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы совершаемъ что-нибудь, что совершали іудеи, чтобы соблюсти іудейство, то мы не іудействуемъ, если совершаемъ это не ради іудейства, а по другой причинѣ. Если кто-нибудь во дни пасхи ѣстъ опрѣсночный хлѣбъ или потому, что онъ не имѣетъ другаго, или потому, что такой хлѣбъ болѣе нравится ему, чѣмъ квасный хлѣбъ; или если кто по причинѣ болѣзни бываетъ вынужденнымъ обрѣзать крайнюю плоть, или если кто молотящему волу своему, чтобы онъ не голодалъ, не заграждаетъ устъ, то никто, кромѣ глупаго, не сочтетъ, что со-

[1]) Fragmentum, Will p. 257—258.

вершающій это іудействуетъ. Когда и мы, слѣдовательно, употребляемъ въ таинствѣ прѣсный хлѣбъ не для того, чтобы образомъ опрѣснока обозначить, что такимъ имѣетъ быть Господь Іисусъ, но чтобы, при содѣйствіи божественной силы, освятить этотъ самый хлѣбъ въ тѣло Его, то мы вовсе не соблюдаемъ въ этомъ ветхость закона, но торжествуемъ истину евангелія. Итакъ, если мы отвѣтимъ грекамъ, что мы совершаемъ таинство на опрѣснокахъ не по причинѣ образа, то нисколько нельзя понять, почему греки считаютъ насъ достойными анаѳемы или по крайней мѣрѣ справедливаго порицанія.... Мы даже скажемъ, что мы не іудействуемъ, если удерживаемъ въ опрѣснокѣ и образъ, поелику не обозначаемъ, что Христосъ имѣетъ придти безъ закваски грѣха, какъ іудеи, но какъ христіане показываемъ, что Онъ пришелъ такимъ и изъ этого самаго мы получаемъ наставленіе такими содержать самихъ себя, какова есть наша пасха, которую мы вкушаемъ. Они же (греки) являются въ этомъ отношеніи ни іудеями, ни христіанами, такъ какъ образомъ своей закваски не знаменуютъ ни того, что Богъ имѣетъ придти, какъ іудеи, ни того, что Онъ пришелъ безъ грѣха, какъ христіане, но кажется, что они скорѣе споспѣшествуютъ язычникамъ, которые считаютъ Христа, какъ и другихъ людей, заквашеннымъ грѣхомъ. Если же они говорятъ, что христіане не должны пользоваться образами, потому что древнее, въ которомъ они были необходимыми, прошло (2 Кор. V. 17), то они не признаютъ (чтобы умолчать мнѣ о другомъ), что крещеніе есть образъ нѣкоторой смерти и погребенія вопреки тому, что говоритъ апостолъ: *елицы во Христа Іисуса крестихомся въ смерть Его крестихомся, спогребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть* (Римл. VI. 4 и 4). Если же они (греки) согласятся на то, чтобы мы пользовались образами, но не въ тѣхъ же вещахъ, которыми пользовался для образа ветхій законъ, и что опрѣсночный хлѣбъ нельзя употреблять ни для какого образа потому, что онъ употреблялся для этого въ томъ законѣ, то пусть они не крестятъ въ водѣ, поелику *отцы наши вси крестились въ Моисея въ облацѣ и въ морѣ* (1 Кор. X. 2)... Итакъ, если неукоризненно мы совершаемъ крещеніе въ водѣ образно,

хотя пусть и то ветхое крещеніе, которое было образомъ сего новаго, было въ водѣ, то какой же смыслъ заключается въ мудрствованіи грековъ, чтобы по той причинѣ, что ветхая пасха, прообразовавшая нашу пасху, совершалась на опрѣснокахъ, отрицать, чтобы мы могли совершать на опрѣснокѣ таинство тѣла Христова [1]).

Подводя итоги доводамъ греческихъ и латинскихъ писателей въ пользу своей евхаристійной практики, мы прослѣдимъ ихъ развитіе особо у полемистовъ той и другой группы.

Въ доказательствахъ греческихъ полемистовъ, основанныхъ на примѣрѣ совершенія евхаристіи самимъ Іисусомъ Христомъ, выступаютъ три разнородныя основныя мысли. Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что Христосъ въ одно и тоже время сначала совершилъ законную пасху на опрѣснокахъ, а потомъ свою таинственную пасху на квасномъ хлѣбѣ. Эту мысль въ полемикѣ первый высказалъ Левъ Ахридскій, а подробнѣе развилъ и обосновалъ хартофилаксъ Никита Никейскій. Дальнѣйшаго развитія у византійскихъ полемистовъ она не получила, такъ какъ въ ряду ихъ она не встрѣтила себѣ другихъ послѣдователей.

Другая основная мысль заключается въ томъ, что Христосъ вовсе не совершалъ законной пасхи, а совершилъ только обыкновенную вечерю въ 13 день луны, за день до законной пасхи. Первый высказываетъ въ полемикѣ эту мысль Никита Стиѳатъ, а обосновываетъ доказательствами изъ евангелія антіохійскій патріархъ Петръ. Послѣдній, повторивъ мнѣніе Никиты Стиѳата, что послѣднюю вечерю Господь совершилъ въ 13-й день, говоритъ, что подъ первымъ днемъ опрѣсноковъ у первыхъ трехъ евангелистовъ разумѣется десятый день перваго мѣсяца, который вмѣстѣ съ 11, 12 и 13 днями былъ какбы предпраздствомъ пасхи, не показывая однако—какъ можетъ согласоваться такое его объясненіе съ одной стороны съ тѣмъ положеніемъ, что вечеря была совершена въ 13-й день мѣсяца, а съ другой—съ ясными повѣствованіями евангелія, что Господь вкусилъ вечерю къ вечеру того же самаго дня, когда послалъ учениковъ приготовить домъ для своей вечери

[1]) Anselmus Waleranno, cap. I. III. IV.

и послѣ совершенія ея былъ преданъ на страданіе. Митрополитъ Леонтій въ своемъ посланіи только констатировалъ тѣже самыя положенія, которыя высказали Никита Стиѳатъ и Петръ Антіохійскій, не разъяснивъ и противорѣчія, допущеннаго патріархомъ Петромъ. Напротивъ, въ трактатѣ съ именемъ Никиты Давида Пафлагонскаго мнѣніе Никиты Стиѳата получило для себя уже болѣе прочное обоснованіе и болѣе широкое развитіе, такъ какъ авторъ трактата о пасхѣ, проводя туже самую основную мысль, доказываетъ, что подъ первымъ днемъ опрѣсноковъ должно понимать не десятый, а именно 13-й же день мѣсяца, или первый день сзади дня опрѣсноковъ. Мысль, что Христосъ совсѣмъ не совершалъ законной пасхи, вполнѣ отвѣчала старанію грековъ доказать правильность и законность своей евхаристійной практики примѣромъ совершенія евхаристіи Іисусомъ Христомъ. Вотъ почему эта мысль дѣлается преобладающею въ трудахъ византійскихъ полемистовъ и ее раздѣляютъ, между прочимъ, русскіе митрополиты изъ грековъ Іоаннъ II и Никифоръ, писавшіе въ Россіи. Особенно она укоренилась у греческихъ писателей XII вѣка. Ее развиваютъ Евстратій Никейскій и Николай Меѳонскій, представляя впрочемъ не особенно много вполнѣ оригинальнаго въ своихъ доводахъ, приводимыхъ ими для ея подтвержденія. Большею оригинальностію въ обоснованіи той же самой мысли отличается Никита Сеидъ. Патріархъ Іоаннъ Антіохійскій видимо чувствуетъ всю силу доказательства, что тайная вечеря совершена въ 13-й день, будучи вполнѣ увѣренъ, что если онъ будетъ стоять на этомъ мнѣніи, то латинянамъ не удастся доказать, что Христосъ могъ употреблять опрѣсноки, все равно, какую бы вечерю Онъ не совершалъ обыкновенную или пасхальную. Желаніе доказать, что тайная вечеря была совершена до законной пасхи и на квасномъ хлѣбѣ, было такъ сильно, что, по словамъ Георгія Корцирскаго, греки въ диспутѣ объ этомъ съ латинянами сослались въ подтвержденіе этого на то, что найдена была частица кваснаго хлѣба, который Христосъ раздѣлилъ на вечери ученикамъ, сказавъ: *пріимите, ядите сіе есть тѣло Мое.*

Наконецъ, третья основная мысль, представителемъ которой

явился только одинъ Θеофилактъ Болгарскій, состоитъ въ томъ, что Христосъ дѣйствительно совершилъ законную пасху въ узаконенное для нея время и употреблялъ на ней опрѣсноки, но что это нисколько не представляетъ непремѣнной необходимости совершать евхаристію на опрѣснокахъ и въ настоящее время.

Другое доказательство того, что Самъ Господь совершалъ таинство евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ, заимствуемое изъ названія въ евангеліи евхаристійнаго хлѣба ἄρτος, въ своемъ развитіи не представляетъ особеннаго разнообразія. Будучи высказаннымъ въ первый разъ въ посланіи Льва Ахридскаго, это доказательство было констатировано Никитою Стиѳатомъ и Петромъ Антіохійскимъ, нѣсколько шире развито въ посланіи митрополита Леонтія и принято за несомнѣнное въ посланіяхъ русскихъ митрополитовъ Іоанна II и Никифора. Но подробно это доказательство развивается въ полемическихъ трудахъ: Никиты Сеида, Іоанна Антіохійскаго и Николая Меѳонскаго. Послѣдующіе полемисты Георгій Корцирскій и Никита Никомидійскій только констатируютъ какъ вполнѣ уже извѣстный и доказанный фактъ, что ἄρτος и ἄζυμον различны и что послѣднее нельзя мыслить въ понятіи перваго.

Напротивъ, вопросъ о томъ, какова была практика совершенія таинства евхаристіи во времена апостольскія и въ древней церкви вообще, рѣшался византійскими полемистами слишкомъ разнообразно. Представители строгаго, въ собственномъ смыслѣ полемическаго направленія въ рѣшенія этого вопроса: Левъ Ахридскій, Михаилъ Керуларій, Никита Стиѳатъ, Никита Никейскій, митрополиты русскіе Георгій и Никифоръ, Никита Сеидъ, Іоаннъ Антіохійскій, Іоаннъ Клавдіопольскій и Георгій Корцирскій говорили рѣшительно, что въ древней церкви всегда употреблялся квасный хлѣбъ въ евхаристіи, что апостолы не могли и не хотѣли допустить употребленія прѣснаго хлѣба и что латиняне, употребляя опрѣсноки, допустили въ церковной практикѣ новшество, подражая еретикамъ. Напротивъ Θеофилактъ Болгарскій и Никита Никомидійскій говорили, что во времена апостольскія и послѣ евхаристія безразлично совершалась и на квасномъ хлѣбѣ и на опрѣснокахъ. Наконецъ, были люди, какъ Петръ Антіохійскій и Θеодоръ Куропалатъ, из-

бравшіе средній путь въ рѣшеніи этого вопроса и говорившіе, что апостолы въ римской церкви дѣйствительно могли допустить употребленіе опрѣсноковъ по причинѣ множества жившихъ тогда въ Римѣ іудеевъ.

Доказательства изъ сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ съ самаго начала полемики получили довольно широкое развитіе въ посланіяхъ Льва Ахридскаго. Никита Стиѳатъ и Петръ Антіохійскій обосновываютъ только нѣкоторыя частности этого рода доказательствъ. Въ XI вѣкѣ эти доказательства болѣе не развиваются. Митрополиты: Леонтій, Георгій и Никифоръ только пользуются мыслями трехъ первыхъ полемистовъ. За то въ XII вѣкѣ доказательства необходимости употребленія кваснаго хлѣба изъ сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ получили особенно широкое и самостоятельное развитіе въ трудахъ Евстратія Никейскаго, Никиты Сеида, Іоанна Антіохійскаго, Николая Меѳонскаго и Ѳеодора Куропалата. Георгій Корцирскій, хотя и касается этихъ доказательствъ, но уже не развиваетъ ихъ болѣе. Всѣ разнообразные доводы и выводы греческихъ полемистовъ, занимавшихся развитіемъ доказательствъ, обоснованныхъ на сопоставленіи новаго завѣта съ ветхимъ, одинаково преслѣдуютъ одну и туже цѣль: выставить употребленіе латинянами опрѣсноковъ служеніемъ ветхозавѣтнымъ.

Не меньшее развитіе получили въ полемикѣ доказательства въ пользу употребленія кваснаго хлѣба въ евхаристіи, основанныя на ученіи св. Писанія о томъ и другомъ хлѣбѣ и разсмотрѣніи природы и свойствъ того и другаго хлѣба самаго въ себѣ. Уже въ своемъ первомъ посланіи Левъ Ахридскій призналъ свойства кваснаго хлѣба гораздо совершеннѣйшими свойствъ опрѣснока, намекнулъ на сходство кваснаго хлѣба съ тѣломъ Христовымъ и указалъ въ пользу употребленія въ евхаристіи кваснаго хлѣба мѣста св. Писанія. Во второмъ и третьемъ своихъ посланіяхъ онъ объяснилъ выраженія св. Писанія, въ которыхъ закваска принимается въ худомъ значеніи. Никита Стиѳатъ и Петръ Антіохійскій, между прочимъ, проводятъ уже полную аналогію между квасным хлѣбомъ и тѣломъ Христовымъ. Леонтій митрополитъ Преславы, по обыкновенію держась мыслей первыхъ трехъ полемистовъ, притчѣ о за-

квасѣ давалъ новое толкованіе, различное съ толкованіемъ Льва Ахридскаго, такъ какъ толкованіе послѣдняго было опровергнуто кардиналомъ Гумбертомъ. Мнѣнія первыхъ полемистовъ безъ дальнѣйшаго развитія были констатированы полемистами, писавшими въ Россіи: Ѳеодосіемъ Печерскимъ и митрополитомъ Никифоромъ. Хартофилаксъ Никита Никейскій нѣсколько шире развиваетъ вопросъ о соотношеніи квaснаго хлѣба съ тѣломъ Христовымъ. Дальнѣйшія ступени въ развитіи вопроса—какъ учитъ св. Писаніе о томъ и другомъ хлѣбѣ и что такое тотъ и другой хлѣбъ самъ въ себѣ, представляютъ собою разсужденія по этому вопросу Евстратія Никейскаго, Никиты Сеида, Іоанна Антіохійскаго и Николая Меѳонскаго. Ѳеодоръ Куропалатъ, занимаясь въ своемъ трактатѣ отчасти изслѣдованіемъ того же вопроса, не смотря на всю свою самостоятельность, представляетъ уже весьма мало новаго. Въ результатѣ всѣхъ разсужденій по этому вопросу у византійскихъ полемистовъ оказывается, что всѣ полемисты въ ихъ совокупности хотятъ достигнуть того же самаго, чего хотѣлъ достигнуть и Левъ Ахридскій, т. е. они 1) доказываютъ, что природа и свойства квaснаго хлѣба гораздо совершеннѣе, чѣмъ опрѣснока, 2) проводятъ аналогію между квaснымъ хлѣбомъ и тѣломъ Христовымъ, 3) достоинство употребленія въ евхаристіи квaснаго хлѣба подтверждаютъ выраженіями св. Писанія и, наконецъ, 4) невыгодныя выраженія въ св. Писаніи о закваскѣ объясняютъ въ томъ смыслѣ, что они не относятся къ охужденію квaснаго хлѣба.

Наконецъ, доказательства, извлеченныя изъ исторіи ересей, какъ и доказательства въ пользу квaснаго хлѣба и противъ опрѣсноковъ изъ другихъ источниковъ, начинаются также съ посланій Льва Ахридскаго, находившаго въ латинской практикѣ явное іудействованіе и стороной намекнувшаго на общеніе латинянъ „съ армянами, яковитами и другими еретиками“. Патріархъ Михаилъ Керуларій категорически заявилъ, что латиняне іудействуютъ. Никита Стиѳатъ константируетъ также іудействованіе латинянъ и кромѣ того, заключая ad absurdum, находитъ у нихъ еще теопасхитство. Затѣмъ, патріархъ Петръ Антіохійскій, сдѣлавъ ясный намекъ на іудействованіе латинянъ, сказалъ, что они подвергаются

опасности впасть еще въ ересь Аполлинарія. Аполлинаріанство у латинянъ въ трудахъ послѣдующихъ византійскихъ полемистовъ по большей части уже констатируется, какъ фактъ вполнѣ извѣстный. Хартофилаксъ Никита Никейскій находитъ аполлинаризмъ и аріанство (между ересью Арія и Аполлинарія полемисты не дѣлали строгаго различія). Митрополитъ Леонтій, настойчиво обвиняя латинянъ въ іудействованіи, находитъ еще у нихъ несторіанство. Взгляды византійскихъ полемистовъ повторены были и греками, писавшими въ Россіи: митрополитъ Георгій повторяетъ положеніе Михаила Керуларія объ іудействованіи латинянъ; митрополитъ Іоаннъ II говоритъ, что употребленіе латинянами опрѣсноковъ въ евхаристіи „явѣ есть жидовьскаго служенья вѣры“ и кромѣ того „отъ многы ереси начатокъ и корень пріятъ“...; митрополитъ Никифоръ также замѣчаетъ у латинянъ іудействованіе и аполлинаризмъ. Евстратій Никейскій видитъ у латинянъ: іудейство, армянство и аполлинаризмъ или аріанство. Николай Меѳонскій и Никита Сеидъ усматриваютъ: іудейство, армянство и опасность впасть въ ересь Аполлинарія, а Іоаннъ Клавдіопольскій, какъ и Левъ Ахридскій, находитъ у латинянъ явное іудействованіе.

Въ латинской полемической литературѣ въ основныхъ взглядахъ замѣчается несравненно больше однообразія, чѣмъ у византійскихъ полемистовъ. Доказывая употребленіе въ евхаристіи опрѣсноковъ изъ примѣра Іисуса Христа, всѣ латинскіе полемисты одинаково утверждаютъ, что Христосъ совершилъ свою пасхальную вечерю по еврейскому закону и обычаю и употреблялъ на ней опрѣсноки. Въ первый разъ это положеніе было высказано и отчасти обосновано папою Львомъ IX. Широкое развитіе оно получило въ Діалогѣ кардинала Гумберта и впослѣдствіи всѣми полемистами констатировалось, какъ вполнѣ доказанное.

Что касается доказательства изъ названія хлѣба, употребленнаго Спасителемъ въ евхаристіи,—ἄρτος, то опроверженіемъ мнѣнія грековъ, что подъ словомъ ἄρτος можно разумѣть только квасный хлѣбъ, занимается одинъ только Гумбертъ, доказывая, что и опрѣснокъ также входитъ въ опредѣленіе ἄρτος. Послѣ доказательствъ Гумберта латинскіе полемисты уже не занимались этимъ

вопросомъ и Анзельмъ Кэнтербюрійскій отмѣчаетъ, какъ вполнѣ извѣстное, что опрѣснокъ во все не различается существенно отъ кваснаго хлѣба.

Доказательства употребленія опрѣсноковъ на основаніи древней церковной практики совершенія евхаристіи у латинскихъ полемистовъ отличаются также однообразіемъ. Папа Левъ IX обычай употребленія въ латинской церкви опрѣсноковъ первый возвелъ ко временамъ Спасителя и ап. Петра. Доминикъ Градскій повторилъ, что западная церковь считаетъ этотъ обычай „не только апостольскимъ, но даже Господнимъ преданіемъ“. Кардиналъ Гумбертъ сдѣлалъ опроверженіе доводовъ греческихъ полемистовъ въ пользу нововведенія въ латинской церкви опрѣсноковъ и изъ оборонительнаго положенія по этому вопросу рѣшительно перешолъ въ наступательное. Анзельмъ Гавельбергскій и Анзельмъ Кэнтербюрійскій полагаютъ несомнѣннымъ, что употребленіе опрѣсноковъ въ евхаристіи ведетъ свое начало отъ временъ Іисуса Христа и несомнѣнно существовало въ древней церковной практикѣ.

Законность употребленія опрѣсноковъ и въ новомъ завѣтѣ папа Левъ IX объяснилъ указаніемъ на то, что израильтяне употребляли опрѣсноки въ память исхода ихъ изъ Египта, латиняне—христіане употребляютъ опрѣсноки въ память страданія Господня. Но пространно законность употребленія опрѣсноковъ въ новомъ завѣтѣ доказываетъ одинъ только кардиналъ Гумбертъ, представивъ подробное опроверженіе доводовъ противъ употребленія опрѣсноковъ изъ сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ, выставленныхъ Львомъ Ахридскимъ и Никитою Стиѳатомъ.

Что касается доказательствъ употребленія опрѣсноковъ мѣстами св. Писанія и совершенствомъ опрѣсноковъ самихъ въ себѣ, то они получили у латинскихъ полемистовъ почти такое же широкое развитіе, какъ и у греческихъ. Папа Левъ IX первый указываетъ мѣста св. Писанія въ пользу опрѣсноковъ и противъ закваски. Хотя Доминикъ въ духѣ миролюбія изъяснилъ символическое значеніе употребленія кваснаго хлѣба и употребленія опрѣсноковъ, однако послѣдующими латинскими писателями объясненіе Доминика не было принято во вниманіе. Особенно съ разсматрива-

мой точки зрѣнія горячо защищалъ употребленіе опрѣсноковъ и нападалъ на квасный хлѣбъ кардиналъ Гумбертъ. Неизвѣстный авторъ сохранившагося отрывка сочиненія противъ грековъ держится основныхъ мыслей кардинала Гумберта. Анзельмъ Кэнтербюрійскій, не приводя выраженій св. Писанія противъ кваснаго хлѣба, замѣчаетъ только, что совершать таинство на опрѣснокахъ гораздо пристойнѣе и тщательнѣе, чѣмъ совершать на квасномъ хлѣбѣ, а Анзельмъ Гавельбергскій вмѣстѣ съ этимъ приводитъ и нѣкоторыя выраженія св. Писанія, направляя ихъ противъ употребленія въ евхаристіи кваснаго хлѣба.

Обвиненія латинянъ въ іудействованіи пространно были опровергнуты кардиналомъ Гумбертомъ и Анзельмомъ Кэнтербюрійскимъ. Въ свою очередь, латинскіе полемисты старались выставить еретиками самихъ грековъ. Въ первомъ письмѣ Льва Ахридскаго въ доводахъ, направленныхъ въ пользу употребленія въ евхаристіи кваснаго хлѣба, Гумбертъ находитъ выраженіе маркіонитства, манихейства и теопасхитства. Кромѣ того, приписывая грекамъ совершенное отверженіе ветхаго завѣта, Гумбертъ обвиняетъ ихъ въ севериáнствѣ. Неизвѣстный авторъ, констатируя мнѣніе Гумберта, что въ греческой евхаристійной практикѣ выражается манихейство, находитъ въ ней еще оригенизмъ.

ГЛАВА IV.

Сильное желаніе греческихъ и латинскихъ полемистовъ во что бы то ни стало доказать законность и правильность употребленія въ евхаристіи только извѣстнаго хлѣба уже само по себѣ было вредно для научной стороны возбудившагося между церквами спора и обусловливаетъ собою то малое научное значеніе, какое имѣлъ споръ объ опрѣснокахъ въ разсматриваемую нами эпоху. Научныя задачи спора или совершенно игнорировались, или, по крайней мѣрѣ, оставлялись на заднемъ планѣ. На первомъ планѣ у полемистовъ была главнѣйшая задача: выставить единственно справедливою и всѣми способами восхвалить евхаристійную практику своей

церкви, а противную практику въ сознанномъ пунктѣ различія выставить противозаконною. Всѣ другія задачи сознавались и принимались во вниманіе лишь на столько, насколько прямо, или путемъ софистическихъ и діалектическихъ тонкостей и различеній, онѣ могли быть приложимы для той главнѣйшей задачи, составляющей начальный и конечный пунктъ всѣхъ разсужденій. Понятно, что при такой постановкѣ дѣла, авторы полемическихъ сочиненій могли обходиться почти безъ всякихъ строго научныхъ изысканій и разсуждать, по большей части, a priori. Люди почти безъ всякой научной подготовки къ спору могли написать и писали витіеватый трактатъ въ дѣйствительности не съ цѣлію разъясненія истины путемъ научнаго изслѣдованія спорнаго предмета, а только въ обличеніе своихъ противниковъ и восхваленіе обычая своей церкви. Справедливость такого положенія всего лучше уясняется обзоромъ доводовъ полемистовъ.

Обращаясь къ примѣру совершенія таинства евхаристіи Іисусомъ Христомъ, полемисты рѣшаютъ вопросъ о днѣ послѣдней пасхальной вечери Спасителя съ учениками и образѣ ея совершенія. Этотъ вопросъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій занималъ умы многихъ богослововъ и литература по этому вопросу такъ обширна, что могла бы составить собою цѣлую библіотеку. Еще недавно онъ послужилъ предметомъ горячей полемики, поднятой о. архимандритомъ Виталіемъ Гречулевичемъ по поводу ученой статьи профессора Д. А. Хвольсона на тему: „Послѣдняя пасхальная вечеря Іисуса Христа и день Его смерти“ [1]). Основаніемъ для возникновенія этого вопроса и вмѣстѣ его содержаніемъ служило и служитъ то обстоятельство, что о днѣ послѣдней вечери Іисуса Христа евангелисты говорятъ не одинаково. Всѣ четыре евангелія одинаково показываютъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ совершилъ свою предсмертную вечерю и былъ взятъ въ четвергъ вечеромъ, что въ пятницу Его распяли и вечеромъ положили во гробъ, въ субботу Онъ лежалъ во гробѣ, а въ воскресенье воскресъ изъ мертвыхъ. Но относительно числа мѣсяца, въ которомъ была

[1]) См. «Христ. Чт.» 1875 г. Сентябрь-Октябрь,—стр. 430—488.

совершена Спасителемъ тайная вечеря, въ извѣстіяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ, повидимому, встрѣчается неразрѣшимое противорѣчіе съ евангеліемъ Іоанна. По первымъ Іисусъ Христосъ совершалъ пасхальную вечерю по еврейскому обычаю, именно 14-го нисана, а былъ распятъ и умеръ на слѣдующій день, т. е. 15-го числа того же мѣсяца, въ первый день еврейскаго пасхальнаго праздника, а по евангелію Іоанна первое случилось 13-го вечеромъ, а послѣднее 14-го, наканунѣ перваго дня еврейскаго пасхальнаго праздника, такъ что во время страданія Господня іудеи только еще готовились къ совершенію пасхи. Для примиренія сказаній евангелистовъ были употребляемы различные болѣе или менѣе остроумные способы, а отрицательно—критическая богословская школа до сихъ поръ констатируетъ на этомъ пунктѣ неразрѣшимое противорѣчіе и пользуется этимъ обстоятельствомъ, какъ орудіемъ и доказательствомъ противъ подлинности четвертаго евангелія. Между прочимъ, всѣ попытки такъ или иначе рѣшить этотъ вопросъ съ указаніемъ твердыхъ и строгихъ научныхъ основаній для такого, а не другаго его рѣшенія должны быть признаны неудачными. Но тѣмъ не менѣе въ пріемахъ рѣшенія этого вопроса богословами различныхъ эпохъ нельзя не замѣтить громадной разницы.

Для разрѣшенія вопроса о томъ, въ какой день и на какомъ хлѣбѣ Христосъ совершилъ свою послѣднюю вечерю и въ какой день Онъ былъ распятъ, у авторовъ полемическихъ трактатовъ XI—XII в. не было ни желанія, ни сознанія нужды воспользоваться еврейской литературой, или заниматься разъясненіемъ еврейской исторіи или археологіи. Мало того, авторами полемическихъ трактатовъ была забыта, или въ виду болѣе неуклоннаго, твердаго и рѣзкаго обличенія своихъ противниковъ намѣренно игнорировалась и святоотеческая письменность, изъ которой прямо могъ бы вытекать тотъ выводъ, что еще въ древній періодъ христіанской церкви пастыри ея сомнѣвались въ томъ, совершалъ-ли Христосъ въ послѣдній годъ своей жизни еврейскую пасхальную вечерю, или нѣтъ, высказывая по этому вопросу только свои частныя, довольно разнообразныя мнѣнія и соображенія. Въ спорахъ съ

четыренадесятниками писатели восточной церкви (Аполлинарій іерапольскій, Климентъ александрійскій, Ипполитъ римскій), основываясь на евангеліи Іоанна, высказывали соображеніе, что Христосъ не совершалъ пасхи іудейской въ годъ своей смерти. Напротивъ, со временъ Оригена болѣе общимъ у восточныхъ писателей становится мнѣніе, что Господь и въ послѣдній годъ своей жизни совершилъ законную пасху, какъ совершалъ ее и прежде. Спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ перваго вселенскаго собора, утвердившаго для всѣхъ церквей одновременное празднованіе пасхи, въ толкованіи св. Іоанна Златоуста на евангеліе повторяется и утверждается, что Христосъ совершалъ іудейскую пасху на послѣдней вечери своей съ учениками [1]). Отсюда можно видѣть, что о томъ, въ какой день мѣсяца и на какомъ хлѣбѣ Христосъ совершалъ свою послѣднюю вечерю, никакого общаго церковнаго преданія, никакого твердаго церковнаго убѣжденія никогда не существовало. Очевидно, что у грековъ XI—XII в. въ разсужденіяхъ о днѣ и образѣ совершенія тайной вечери преобладало только желаніе доказать, что Христосъ не совершалъ законной пасхи и поэтому они твердо основываются на евангеліи Іоанна. Напротивъ, латиняне, стараясь доказать, что Христосъ совершалъ законную пасху, съ одинаковою увѣренностію держались преимущественно сказаній трехъ первыхъ евангелистовъ. Греки старались приспособить сказанія трехъ первыхъ евангелистовъ къ сказанію ев. Іоанна и часто говорили, что если было бы и дѣйствительное противорѣчіе у евангелистовъ,—одному Іоанну надлежало бы все таки повѣрить болѣе, чѣмъ троимъ первымъ евангелистамъ, а латиняне старались приспособить сказаніе Іоанна къ сказаніямъ трехъ первыхъ евангелистовъ, оставаясь однако въ сужденіи объ относительной достовѣрности сказаній евангелистовъ болѣе сдержанными и осторожными, чѣмъ греки А такъ какъ дѣйствительное соглашеніе евангельскихъ сказаній, при тѣхъ экзегетическихъ пріемахъ, которыми располагали по-

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ статью *А. В. Горскаго* въ прибавленіи къ Твор. св. Отецъ (часть 12, Москва 1853 г. стр. 446—491) подъ заглавіемъ: «Совершилъ-ли Господь Іисусъ Христосъ пасху іудейскую на послѣдней вечери своей съ учениками»?

лемисты той и другой стороны, ни тѣмъ ни другимъ не удавалось, то всѣ усилія тѣхъ и другихъ въ концѣ концовъ вели лишь къ констатированію разности въ сказаніяхъ евангелистовъ о днѣ пасхальной вечери и образѣ ея совершенія, а не устраненію ея. А пока она оставалась во всей силѣ, до тѣхъ поръ, естественно нельзя было дѣлать отсюда никакихъ выводовъ въ пользу той или другой евхаристійной практики.

Доказательства изъ разбора этимологическаго значенія слова ἄρτος, употребленнаго въ евангеліи при изложеніи факта учрежденія Спасителемъ таинства евхаристіи, оказываются слишкомъ однообразными, натянутыми и утрированными и слѣдовательно для дѣла тоже совершенно безполезными. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему могли служить всѣ филологическія тонкости въ разъясненіи слова ἄρτος въ виду того неоспоримаго факта, что въ св. Писаніи слово это безразлично употребляется какъ въ примѣненіи къ квасному, такъ и прѣсному хлѣбу? Не сводятся ли онѣ къ праздному препровожденію времени?

Что касается доказательствъ изъ практики совершенія таинства евхаристіи во времена апостольскія и въ древней церкви вообще, то отсутствіе твердаго церковнаго преданія о родѣ хлѣба, употреблявшагося тогда для таинства евхаристіи, послужило только къ тому, чтобы спорящія стороны съ равнымъ правомъ могли твердо стоять на своемъ и взаимно не сдаваться ни на какія уступки. Только болѣе просвѣщенные изъ полемистовъ, сознавая, что уже отсутствіе твердаго церковнаго преданія объ этомъ указываетъ на безразличіе въ употребленіи того и другаго рода хлѣба въ таинствѣ евхаристіи, не стѣснялись признавать законность и правильность, какъ обычая употреблять въ евхаристіи квасный хлѣбъ, такъ и обычая употреблять опрѣсночный хлѣбъ.

Разсматривая разсужденія греческихъ и латинскихъ полемистовъ, основанныя на сопоставленіи ветхаго завѣта съ новымъ, должно сказать, что въ результатѣ какъ съ той, такъ и съ другой стороны оказывается сумма натяжекъ, едва ли не превышающая натяжки полемистовъ въ ихъ доказательствахъ изъ другихъ источниковъ. Со стороны грековъ латиняне обвинялись въ крайнемъ пристрастіи

къ ветхому закону, недостойномъ христіанъ, — латиняне въ своей защитѣ выставляли грековъ еретиками, отвергающими ветхій законъ. Но оба заключенія были столь же произвольны, какъ и тѣ посылки, на которыхъ онѣ основывались.

Доказательства изъ ученія св. Писанія о томъ и другомъ хлѣбѣ и разсмотрѣнія природы и свойствъ того и другаго хлѣба самого въ себѣ отличаются странностями, обусловливаемыми странностію самаго желанія полемистовъ искать въ такого рода источникахъ основаній для употребленія въ евхаристіи извѣстнаго хлѣба. Задаваться желаніемъ искать въ св. Писаніи или въ природѣ и свойствахъ извѣстнаго рода хлѣба основаній для употребленія или неупотребленія этого хлѣба въ евхаристіи, подводить тексты: „вы соль земли“, „царство небесное подобно закваскѣ“, или „малая закваска кваситъ все тѣсто“ и „станемъ праздновать съ опрѣсноками чистоты и истины“, не обращая вниманія на дѣйствительный смыслъ и подлинное значеніе этихъ текстовъ, заниматься анализомъ составныхъ частей кваснаго и прѣснаго хлѣба—все это возможно было или для людей съ слишкомъ наивнымъ и непосредственнымъ мышленіемъ, или для такихъ людей, которые намѣренно старались избѣжать здраваго, прямаго и безпристрастнаго взгляда на дѣло.

Наконецъ, въ доказательствахъ полемистовъ той и другой стороны въ пользу своей евхаристійной практики изъ исторіи ересей можно только видѣть всю разницу между людьми, желавшими мира, и людьми, желавшими раздора между церквами. Люди миролюбиваго направленія не допускали и мысли о томъ, чтобы въ употребленіи извѣстнаго рода хлѣба для таинства евхаристіи могла выражаться какая-либо ересь, но люди непросвѣщенные, а равно и желавшіе болѣе раздора, чѣмъ согласія церквей, въ практикѣ совершенія таинства на извѣстномъ хлѣбѣ находили уклоненіе къ разнымъ ересямъ. Къ сожалѣнію, какъ между греческими, такъ и между латинскими богословами мало было людей, которые могли бы посмотрѣть на возникшее между церквами пререканіе безъ предразсудковъ и предзанятыхъ мнѣній вообще. Само собою разумѣется, что, употребляя опрѣсноки, латиняне не выражали этимъ обычаемъ никакого догматическаго заблужденія и, слѣдовательно, въ этомъ

отношеніи не могли быть обвиняемы въ искаженіи христіанской вѣры и іудействованіи, какъ обвиняли ихъ греки. Съ своей стороны и латиняне не могли обвинять грековъ въ какихъ-либо еретическихъ заблужденіяхъ по поводу употребленія послѣдними кваснаго хлѣба въ евхаристіи. И если тѣ и другіе дозволяли себѣ это дѣлать, основываясь на случайныхъ, отдаленныхъ и шаткихъ аналогіяхъ, то этимъ свидѣтельствовали лишь о слабости своего научнаго образованія съ одной стороны и о преизбыткѣ ревности не по разуму съ другой.

Въ силу явнаго преобладанія полемическаго интереса надъ положительнымъ ни въ произведеніяхъ греческихъ, ни въ произведеніяхъ латинскихъ полемистовъ не были разъяснены, какъ слѣдуетъ, ни исторія, ни археологія, ни догматика спорнаго вопроса. Что касается его исторіи, то преимущество исторической правды, не смотря на всѣ натяжки и преувеличенія, все-таки должно признать на сторонѣ грековъ, а не на сторонѣ латинянъ, утверждавшихъ, что съ самаго начала христіанства въ римской церкви завѣщано было апостолами, по примѣру Іисуса Христа, употреблять въ евхаристіи опрѣсноки. Однако и въ греческихъ трактатахъ исторія спорнаго вопроса представляется не совсѣмъ ясно. Вопросъ о томъ, когда въ латинской церкви начали употреблять опрѣсноки, какъ мы видѣли, въ различныхъ греческихъ трактатахъ рѣшается различно и во всѣхъ только приблизительно и по догадкамъ. Археологія спорнаго вопроса еще менѣе была разъяснена. Не говоримъ уже о еврейской археологіи; на счетъ пригодности ея для рѣшенія вопроса о времени, формѣ и смыслѣ совершенной Спасителемъ съ учениками вечери и предчувствія нѣтъ ни у греческихъ, ни у латинскихъ полемистовъ; — спеціально-христіанская археологія временъ апостольскихъ и ближайшихъ къ нимъ оставляется тѣми и другими безъ всякаго правильнаго разъясненія. Правда, въ вопросѣ о практикѣ древней церкви полемисты той и другой стороны нѣсколько сходились и рѣшали этотъ вопросъ въ общей его формѣ правильно, но нужно припомнить, что въ своихъ заключеніяхъ они основывались не на какихъ-либо твердыхъ историческихъ или археологическихъ данныхъ, а выходя изъ общихъ соображеній. Догматика

спорнаго вопроса также осталась не выясненною. Только нѣкоторые болѣе ученые и безпристрастные полемисты въ своихъ сочиненіяхъ находили нужнымъ различать догматическую сторону вопроса отъ обрядовой, а большинство или совсѣмъ этого различія не замѣчало, или представляло себѣ его очень смутно. Этимъ и объясняется, почему греки въ употребленіи латинянами опрѣсноковъ находили жидовство и аполлинаризмъ, латиняне въ употребленіи греками кваснаго хлѣба открыли манихейство и оригенизмъ.

Вслѣдствіе того, что полемистами не сознавались ясно и не выяснялись какъ слѣдуетъ научныя задачи спора, въ результатѣ оказалось, что послѣ столькихъ полемическихъ сочиненій, написанныхъ съ той и другой стороны въ XI и XII вѣкахъ, спорящія стороны почти ни въ чемъ не могли согласиться одна съ другой и вопросъ въ наслѣдство послѣдующихъ вѣковъ переданъ былъ такимъ же спорнымъ, какимъ онъ былъ съ самаго начала. Въ полемическихъ сочиненіяхъ конца XII вѣка мелькаетъ желаніе или начинать споръ опять снова, собравъ разсужденія по вопросу объ опрѣснокахъ „мудрыхъ мужей прежняго времени“, начиная со Льва Ахридскаго, или изслѣдовать предметъ на новыхъ началахъ послѣ новой постановки спорнаго вопроса и разсмотрѣнія его на вселенскихъ соборахъ, или совсѣмъ прекратить всякія разсужденія по спорному вопросу, извиняя и восполняя взаимнымъ уваженіемъ церквей другъ къ другу допускаемыя ими разности въ совершеніи таинства евхаристіи. Послѣднее, впрочемъ, могло быть тогда только красивой фразой, такъ какъ на самомъ дѣлѣ взаимнаго уваженія церквей другъ къ другу давно уже не существовало, а его мѣсто заняла непримиримая вражда. Уже изъ такихъ пріемовъ и результатовъ спора становится очевиднымъ все его малое научное значеніе.

Если же такъ неудовлетворительны были научные пріемы полемистовъ XI и XII вѣковъ, если такъ мало была выяснена сущность спорнаго вопроса, если его исторія, археологія и догматика оставались во все время спора terra incognita для спорщиковъ, если основные вопросы спора,—именно вопросы о томъ, на какомъ хлѣбѣ Спаситель совершалъ таинство евхаристіи, и сдѣлалъ ли употребленіе этого хлѣба Онъ Самъ и апостолы обязательнымъ для совершенія та-

инства на всѣ послѣдующія времена рѣшались проблематически; то позволительно спросить: на чемъ же основывалось то громадное значеніе, которое та и другая сторона придавала этому вопросу?

Отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ фактическихъ отношеніяхъ, установившихся между церквами ко времени возбужденія вопроса объ опрѣснокахъ.

Ко времени дѣятельныхъ сношеній, начавшихся между восточною и западною церквами въ началѣ второй половины XI вѣка, предшествующая исторія ихъ уже вполнѣ выяснила глубокую рознь между ними. Начиная съ полемики о разностяхъ между церквами, поднятой патріархомъ Фотіемъ (861 г.), уже никогда не было искренняго и продолжительнаго общенія между ними. Имена патріарховъ на западѣ, а на востокѣ имена папъ, въ теченіе болѣе полутора вѣка (886—1053)—отъ вторичнаго низложенія патріарха Фотія до столкновенія церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ, уже рѣдко произносились при общественномъ богослуженіи. Сношенія между церквами были весьма рѣдки: на весь этотъ періодъ ихъ приходится не больше шести, да и тѣ имѣли большею частію характеръ формальный. Случалось, что нѣкоторые патріархи считали нужнымъ снова, по примѣру Фотія, публично осуждать латинскія заблужденія. Напримѣръ, патріархъ Сисиній (996—999) и послѣдовавшій за нимъ патріархъ Сергій (999—1019) снова обратились къ окружному посланію Фотія и вновь обнародовали оное ко всеобщему свѣдѣнію. Словомъ, до конца X вѣка во взаимныхъ отношеніяхъ церквей чувствуется охлажденіе, не рѣдко переходившее въ раздраженіе и заключавшее въ себѣ серьозныя опасности для церковнаго мира.

Кромѣ недоразумѣній, разногласій и пререканій чисто—церковныхъ, наслѣдованныхъ отъ временъ Фотія и накоплявшихся съ каждымъ новымъ случаемъ сношеній между церквами [1]), въ теченіе X вѣка окончательно выяснилась еще противоположность политическихъ интересовъ Рима и Византіи. Болгарскій и итальянскій вопросы уже давно были тем-

---

[1]) Подробности см. въ изслѣдованіи Гергенротера Photius Patriarch von Constantinopel, B. III.

ными точками на политическомъ и церковно-религіозномъ горизонтѣ Рима и Византіи, а теперь, мало по малу, они разрослись въ цѣлую тучу и серьезно угрожали взаимному миру. Первый изъ этихъ вопросовъ возникъ изъ факта обращенія Болгаріи въ христіанство. Извѣстно, что болгары приняли христіанство отъ Греціи (863 — 864). Но еще при Фотіѣ въ Болгаріи появились миссіонеры папы Николая 1; они стали доказывать новообращеннымъ, что константинопольская каѳедра должна быть въ подчиненіи у римской, совершали мѵропомазаніе уже надъ мѵропомазанными отъ восточныхъ миссіонеровъ, проповѣдывали исхожденіе Св. Духа и отъ Сына и вводили свои латинскіе обряды вмѣсто восточныхъ. Притязаніями латинскаго духовенства на Болгарію главнымъ образомъ и была вызвана знаменитая энкиклика Фотія (886 г.) Наконецъ, и болгарское правительство довольно долго колебалось въ выборѣ своего церковнаго центра,—то примыкало къ Риму, то къ Византіи. Такое колебаніе Болгаріи между Римомъ и Византіею слишкомъ вредно вліяло на отношенія церквей, поддерживая искуственно взаимныя недоразумѣнія и раздраженіе, давая обильную пищу для соперничества, давно уже обозначившагося въ отношеніяхъ представителей той и другой каѳедры. Другой вопросъ—итальянскій возникъ вслѣдствіе возстановленія западной имперіи Карломъ Великимъ въ 800 г. Греки, продолжавшіе считать себя римлянами, были слишкомъ возмущены какъ самымъ фактомъ, такъ и той ролью, которую игралъ въ немъ папа. Съ чисто-церковной точки зрѣнія этотъ вопросъ былъ важенъ въ томъ отношеніи, что съ возстановленіемъ Западной Римской имперіи открывалась для палъ возможность возстановить свою власть во всѣхъ ея предѣлахъ; а такъ какъ и греческія владѣнія въ Италіи входили нѣкогда въ эти предѣлы, то возстановленіе Западной имперіи въ полномъ ея объемѣ угрожало не только политическимъ, но и церковнымъ интересамъ Византіи. Съ устраненіемъ изъ Италіи власти византійскаго императора должна была прекратиться и власть Константинопольскаго патріарха.

Такимъ образомъ почва для спорнаго вопроса объ опрѣснокахъ была подготовлена предшествовавшими отношеніями церквей и подготовлена крайне неблагопріятнымъ для правильной его поста-

новки и рѣшенія образомъ. Ясное доказательство тому мы находимъ въ самомъ возникновеніи этого вопроса и первоначальной его исторіи.

Возникъ онъ, судя по дошедшимъ то насъ памятникамъ, по видимому ex abrupto безъ видимаго повода и вызова, сряду же принялъ рѣзкую форму и сталъ дебатироваться съ разраженіемъ и запальчивостью, не понятными съ перваго раза. На рѣзкія обвиненія латинской церкви въ разныхъ новшествахъ, заявленныя въ письмѣ Льва Ахридскаго, послѣдовали столь же рѣзкія опроверженія ихъ со стороны папы Льва IX и кардинала Гумберта. Судя по тону тѣхъ и другихъ и особенно по неожиданности и кажущейся безпричинности его при данныхъ условіяхъ, можно подумать, что масса взаимныхъ недоразумѣній, обманутыхъ надеждъ и ожиданій и взаимнаго раздраженія, скоплялась цѣлыми вѣками и скопилась наконецъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что разорвала сдерживавшія ее условныя, и искуственныя плотины и разлилась неудержимымъ потокомъ, разрушая все, созданное вѣками, зданіе взаимныхъ отношеній и унося съ собой и по дорогѣ разбивая его жалкіе обломки.

Да такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Споръ объ опрѣснокахъ былъ въ дѣйствительности лишь послѣднимъ, заключительнымъ моментомъ въ процессѣ раздѣленія церквей, начало которому положено было патріархомъ Фотіемъ въ знаменитомъ спорѣ объ исхожденіи св. Духа. Онъ не былъ причиною обнаруженной церквами при его возбужденіи нетерпимости и непріязни другъ къ другу, а слѣдствіемъ этой нетерпимости и непріязни, накоплявшихся и созрѣвавшихъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій. Не онъ задавалъ тонъ взаимнымъ отношеніямъ споривших, а эти отношенія задавали тонъ ему. Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о спокойствіи, объективности, безпристрастіи въ дебатахъ. Ослѣпленныя взаимной враждой стороны должны были сряду же и надолго потерять самообладаніе. Различіе между спорными вопросами должно было изчезнуть. Вопросъ о не пѣніи аллилуія въ великомъ посту долженъ былъ считаться столь же важнымъ, какъ и вопросъ объ исхожденіи св. Духа. Въ дѣйствительности же слу-

чилось даже нѣчто худшее: послѣдній изъ этихъ вопросовъ былъ даже забытъ при первоначальномъ возбужденіи спора, тогда какъ первый красовался въ числѣ главнѣйшихъ обвинительныхъ пунктовъ. Ту же неразборчивость мы видимъ и въ выборѣ доказательствъ. Да и подбирались онѣ, очевидно, лишь для соблюденія формы и успокоенія совѣсти. Въ подобномъ настроеніи обыкновенно не доказываютъ, а повелѣваютъ и приказываютъ,—что̀ мы и видимъ въ первоначальныхъ памятникахъ полемической литературы по вопросу объ опрѣснокахъ. Левъ Ахридскій требуетъ отъ всей западной церкви исправленія перечисленныхъ имъ новшествъ подъ страхомъ вѣчной погибели за ослушаніе, Левъ IX требуетъ отъ Михаила Керулларія и Льва Ахридскаго отреченія отъ своихъ требованій подъ угрозою той же погибели. Всѣ угрожаютъ и приказываютъ вмѣсто того, чтобы разъяснять и доказывать. Наибольшее раздраженіе и требовательность замѣчаются на сторонѣ грековъ. Латиняне въ большинствѣ случаевъ держатся лишь въ оборонительномъ положеніи. Раздраженіе и требовательность грековъ въ самомъ же началѣ являются на высшей степени возбужденія. Михаилъ Керуларій полагаетъ начало списку латинскихъ заблужденій. Въ этотъ списокъ вносятся всѣ, выяснившіяся дотолѣ разности между церквами безъ всякаго отношенія къ ихъ дѣйствительному значенію, а единственно лишь потому, что онѣ разности. Такимъ образомъ въ ученую полемику вносится совершенно не научный принципъ,—всякая разность eo ipso есть или погрѣшность, или заблужденіе...

Такимъ образомъ въ самомъ же началѣ своего возникновенія вопросъ объ опрѣснокахъ былъ сведенъ на жгучую почву фактическихъ отношеній и оставался на ней въ теченіи всего разсмотрѣннаго нами времени, потому что эти отношенія во время послѣдовавшихъ за тѣмъ сношеній между церквами о возсоединеніи не улучшались, а ухудшались [1]). Личное положеніе, или настроеніе полемиста опредѣляютъ — не только тонъ его трактата, но и ха-

[1]) См. изслѣдованіе *А. Л. Катанскаго*, Исторія попытокъ къ соединенію церквей. Спб. 1868.

рактеръ доводовъ и соображеній *за* и *противъ*. Люди, стоявшіе вдали отъ спора и лично въ немъ не заинтересованные (напр. Петръ Антіохійскій и Доминикъ Градскій), обнаруживаютъ терпимость и сдержанность въ сужденіяхъ, составляющія рѣзкій, поражающій контрастъ съ сужденіями лицъ, стоявшихъ въ центрѣ борьбы и лично заинтересованными въ ея исходѣ (Михаилъ Керулларій и Левъ IX). Туже терпимость и сдержанность обнаруживаютъ лица, посвященныя въ тайны уніональной политики правительства (Никита Никомидійскій), въ противоположность представителямъ народной партіи (къ ней принадлежали всѣ представители строгаго направленія). Для этихъ послѣднихъ строгій тонъ относительно латинянъ дѣлается мало по малу обязательнымъ. Онъ превращается въ своего рода вывѣску церковной и политической благонадежности,—дѣлается доказательствомъ ревности къ православію и вѣрности національнымъ интересамъ.

Замѣчательно сказалось при относительной оцѣнкѣ важности спорныхъ вопросовъ вообще и вопроса объ опрѣснокахъ въ частности вліяніе умственнаго и научнаго ценза полемистовъ. Чѣмъ талантливѣе, развитѣе и образованнѣе былъ полемистъ, тѣмъ меньше придавалъ онъ значенія обращавшимся въ полемикѣ вопросамъ и въ числѣ ихъ вопросу объ опрѣснокахъ (Бл. Ѳеофилактъ Болгарскій, Никита Никомидійскій, Анзельмъ Кэнтербюрійскій, Анзельмъ Гавельбергскій), и напротивъ, чѣмъ ниже стоялъ онъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, тѣмъ больше придавалъ имъ значенія (Никита Стиѳатъ, Іоаннъ Клавдіопольскій).

Все это даетъ намъ право заключить, что не наука, а жизнь придала вопросу объ опрѣснокахъ то важное значеніе и тотъ острый, раздражительный характеръ, который онъ получилъ при самомъ своемъ возникновеніи и который удерживалъ въ разсмотрѣнное нами время. Что же касается результатовъ, добытыхъ путемъ ученой разработки этого вопроса, то они вовсе не оправдываютъ того жара и раздраженія, которыя вносили въ полемику ея участники, такъ какъ не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ научнымъ требованіямъ нашего времени.

Приложенія.

№ 1.

Отъписаніе святѣйшаго патріарха Петра. кдомнину архиепископу венетіискому противу писанію его посланному.

(Рук. сборн. Соф. библ № 1320 л. 527—531).

Честному и равноангельному владыцѣ и духовному брату нашему архиепископу грандескому. еже есть акилия намъ же о Христѣ возлюбленному домнину. Петръ милостию Божіею патріархъ Божіаго града великіа антіохіа. много веселіе и духовную радость. принесоша намъ твоа священнаа словеса преподобне. и Богомъ возлюбленне. и духовный брате. честный владыко возвеселихомбося немало явѣ отъ нихъ познавше юже о Христѣ любовь твою и православную мудрость боговозлюбленіа твоего и понеже пишешими. еже о прѣсномъ слово много имать раздѣленіа. непричастно убо есть преданіемь. отъ нашея святыя соборныа вселеньскыа церкви. О немже паче явѣ напослѣдокъ. споспѣшествующю сповѣмы твоими святыми молитвами укрѣпляеми.

Обаче срамлятися намь сотворилъ еси человѣче Божій веліа исправленіа нашему смирению исписавъ. отъ нихъ же ниедино имамы. и срамляися вѣруи ничтоже друго невѣмь. но токмо яко христіанинъ есмь православенъ. малъ во архиереихь Божіихъ и худѣиши паче всѣхь и рабъ рабомъ Господа нашего Іисуса Христа. Обаче же таковіи да будемь, яковыхже насъ твое писаніе свѣдѣтельствуеть. аще о насъ къ Богу умножиши молитвы своа. есть же написано въ честномь писании боголюбіа твоего. о твоей святѣй церкви. яко верховный апостолъ Петръ составилъ ю есть и

предалъ святому апостолу и евангелисту Марку. отъ него же тоя церкви предстатель. на чинъ и честь патриаршеску возведенъ бысть яко да содержити ю и начальствуеть ученіемь и вримьскихъ соборнѣхъ одесную блаженнаго папы сѣдѣти. и о семь удобь имаши показати отъ ветхихъ дѣяніи. яко отъ святаго апостола Петра. особно имя патриаршескыи твои престолъ наслѣдилъ есть и подобаеть. яко патріархова твоа словеса и писаніа прияти и о вѣрѣ писаніемь тебѣ бесѣдовати. азже малый о пресвященный духовныи брате. неточию яко патріархово. но яко равна аггеломь и велика архиерея божіа. писание твое честию подобною пріахъ и целовахъ. понеже бо измлада. и до старости. священными писанми воспитахся. и сіа почитаа присно упражняюся. и о чюдо яко николиже ни домала обрѣтохъ нѣкими написано или слышахъ. точію донынѣ престолника акилинскаго еже есть венетіа патріархъ нарицатися. пять бо патріархъ во всемь мирѣ благодатию божіею. устроено есть быти. первыи вримѣ, вторыи вконстянтинѣ градѣ. третіи во александрии. четвертыи во антіохіи. пяты во іерусалимѣ. но то ни сіи кождо ихь патріархъ нарицается естьже убо сице. римьскіи архиерей папа нарицается. констянтинажъ града. архиепископъ нарицается. александриски же, папа нарицается единъ же токмо антиохіискый нареченъ бысть патриархъ слышати и зватися, іерусалимьскіи такоже патриархъ нарицается и обрѣсти имать се любовь твоа во всѣхъ писаніихъ. явѣ опасно аще поищеши и вонми се еже глаголю ти. тѣло человѣчее. единою главою водимо есть. внемже уди мнози суть и вси пятмы чювьствы устраяются. чювства же суть зрѣниа. обоняніе слухъ вкусъ. осязание. тѣло же паки Христово. еже вѣрныхъ церковь различными языки. яко уды составляема есть. яко пятыми чювьствы предреченными престолы устраяема. и направляема. единою главою носима есть самѣмь глаголю Духомъ. и яко же паче пяти чювьствъ. другое чювьство нѣсть. такоже паче пяти патриархъ другыи патриархъ. не можеть быти никтоже. пятими же сими престолы. имиже яко чювьствомь сущимъ втелеси Христовѣ. вси уди. сирѣчь вся отечествіа языкъ. еже повсѣхъ мѣстехъ епископи суть яко единою главою Христомъ истиннымъ Богомь нашимь устраяеми и боголѣпно водими правою славою и единою вѣрою составляеми. и направляе-

ми отъ нея. а еже посѣданню яко сѣдаеши одесною блаженнаго папы оправдаеши себе и пишеши да патріарха именуемтя. приимемь и се. но слыши о семь како епископи і архиереи отца нарицати слово вѣрно навыче. первеньствующихъ же на всякомь соборѣ начальники и первосѣдалники навыче именовати. посему же слову подобаеть и тебѣ патріарху нарицатися. понеже прьвыи всоборѣ римьстѣмь обретаешися. якоже и внасъ. перьвыи во діаконехъ архидіяконъ нарицается. понеже бо како инако возможно есть намъ шестаго возвести патриарха не сущю шестому чювьству втелеси якожь рѣхомъ. ктомуже и державы многы и велики суть вмирѣ. паче твоея державы, иже митрополиты и архіепископи водими и направляеми суть на благочестіе. воспомяненіе колика и велика есть паче твоеа державы болгарскаа страна. коликоже паче вавyлоніа великая и гомогирь. еже есть хорасонъ. и прочаа восточныа страны. внихже архиепископи нами поставлени суть. и митрополити, имѣюще подъ собою епископи. но ни одинъ отъ нихъ патріархъ нарицается и о семь убо дозде довольно есте. Имать же и о семь писаніе. священьства ти о святѣмь и блаженнѣмь патриарсѣ констянтина града. яко благочестную римьскую церковь похуляеть и поношаеть, и оболгаеть. опрѣснаго ради приношеніа, и сего ради паче отлучаетъ васъ отъ правыа и непорочныа вѣры. еже вмѣсто тѣла господня приемлете обычно. и отъ самого честнаго тѣла владычняго отсѣкаетъ сирѣчь. отъ святыа соборныа церкви еиже правило содержите. со всѣми западными церквьми. яко главѣ тѣло съ всякимъ послушаніемь послѣдують. Пишеши же и о семь яко отъ ветхаго ученіа святыхъ апостолъ туждыхъ творимь. иже отъ приснаго ради преданіа, иже неточію отъ самѣхъ апостолъ, но отъ самаго владыки нашего Христа пріахомь глаголють и не яко не вѣдуще новѣдуще, яко вси иже по восточнѣи странѣ блаженіи отцы, кваснымь хлѣбомь бескверную жертву творити веляху. иже житіемь и словомъ, и поученіемь всю вселенную научивше и яко сію квасную жертву еюже мы творимъ. святую имате якоже и опрѣсную. квасный бо хлѣбъ глаголють. побывшему насъ ради и сокрушенному человѣку. якоже сущю ему и Богу совершену а еже опрѣснаа жертва

чистоту и бестрастіе божіа Слова вочеловѣченіе являеть а вписаніи твоемъ обрѣтохомъ написано к намь глаголюще. отъ нихъ же отвѣщаемъ благоразумно твоеи любви. яко не тако преосвященныи патріархъ констянтина града просто на васъ двизается. и неправославныхъ нарицаеть васъ. и отсѣцаеть святыа и вселеньскіа церкви. якоже писалми еси. но православнѣхь. и единомудренамь имать. о совершенѣмъ богословіи животворящея и единосущныа троица. и о воплощеніи господа нашего Іисуса Христа. сеже отлучаетъ васъ опрѣсное раздѣленіе. о семь убо страждеть и болить. и скорбить и отвращается васъ. како о божественныхъ святыхъ таинъ. по преданію святыа церкви. не единомудръствуете с нами, послѣдовати четыремь патріархомь и совершенымъ хлѣбомь. бескровную жертву творити. якоже исперва самовидцы слуги Слова. святіи апостоли предаша намъ. понеже убо иже опресненому причащается. ветхои жертвѣ причастникь есть. а не новому завѣту. понеже бо не опрѣснокъ пріемь Господь. и благодаривь преломи и дасть. но хлѣбъ совершенъ сирѣчь квасень. яко четыре іевангелисти. единогласно проповѣдаша, и предаша. и павелъ свѣдѣтельствуть глаголя. азъ пріахъ отъ Господа. еже и предахъ вамь яко Господь Іисусъ Христосъ. в нощь внюже преданъ бысть. пріемъ хлѣбъ и благодаривъ преломи, и рече пріимите и ядите. се есть тѣло мое. васъ ради раздробляемо. се творите в мое воспоминаніе и прочая. Ибо опрѣснокъ іюдеомь законно преданъ бысть на воспоминаніе исхода егда изъ Египта избѣгоша. яко да творять жертву опрѣсночную да воспоминають чюдеса. яже сотвори с ними Богъ, и пребудуть в заповѣдехъ его и ктому не забудутъ хлѣбъ. иже освященіемь претворяемь. въ пречистое и святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа на воспоминаніе данъ бысть плотскаго смотрѣніа его. глаголеть бо елицы ясте хлѣбъ сей и чашю сію піете. смерть господню возвѣщаете. дондеже пріидеть. и Павелъ апостолъ глаголеть. чаша благословеніа юже благословляемь. не причащеніе ли крове Христовы тѣло Христово. яко едино тѣло есмы мнози и отъ единаго тѣла причащаемся вси. И разумѣй преосвященный духовный нашъ брате. яко вездѣ хлѣбъ нарицается. тѣло Господа нашего Іисуса Христа. понеже исполнь кваса совер-

шенъ хлѣбъ есть. а не опрѣснокъ, ибо опрѣснокъ. яко мертвъ бездушенъ есть. и несовершенъ до конца. Квасъ же в тѣсто брашно влагаемь и бываеть ему яко душа, и оживленіе. и како не рещи есть. яко не подобно есть лишеніе. и мерьтвое и бездушное вмѣсто живаго. и животворящаго тѣла Господа и спаса нашего Іисуса Христа. приемати вѣрующихъ в онь. явѣ убо есть яко неподобно творите. Тѣмь же убо молю васъ братіе непрельщаитеся тако. нежели великое дѣло се прегрѣшенное содержите. ниже ищете свою волю свершити. и составити. и побѣдитися сему злѣ хощете. и побѣжденомъ вамъ быти. добромъ яко прекословіе предано нѣсть намъ. отъ звавьшаго насъ Христа. аще убо і еще опрѣснoку причащаемся. явѣ убо есть яко подъ сѣнию моѵсіискаго закона есмы еще. и трапезу иудеиску ямы а не Божию. словесную и живую плоть Христову. и намъ насыщьну и единосущну. аще бо вѣруемь яко плоть Христову приемлемъ и причащаемся совершенаго въ божествѣ. и человѣчьствѣ какова обьщина есть. одушевленой и живои плоти Божіи со опрѣснымъ и бездушнымъ. и мертвымъ. ибо опрѣснокъ не хлѣбъ нарицается понеже несовершенъ есть. но исполь есть. и требуеть исполнения кваса. хлѣбъ совершенъ исполнь кваса. сіи есть хлѣбъ совершенъ. и разумѣи раздѣленіе слова аще хощеши. правду познати. и вонми разумно. во опрѣсноцѣ ни едина сила есть животна. мертвъ бо есть. якоже прежде рѣхъ. въ хлѣбе же кваснѣмъ сирѣчь в телеси Христовѣ три животнаа. и животъ дающа. сирѣчь. духъ и вода. и кровь. якоже и то самого Христа. ученикъ іоанъ иже на перси его возлещи сподобися. свидѣтельствуеть о словеси семь. глаголя во откровеніи. духъ. и вода и кровь. три сіе во единомь суть. сирѣчь втелеси Христовѣ. иже во время распятиа Христова явлено бысть. егда кровь и вода отъ пречистыхъ его ребръ истекоша. копиемь прободену бывшю. святыи же духъ пребысть въ божественѣи плоти его. ея же ядуще вѣрніи. въ причащении хлѣба духомъ святымъ. вмѣсто тѣла Господа нашего Іисуса Христа. живемъ внемь. яко живу и обожественую плоть приемлемь. нѣсмь убо ктому подъ закономь моисискимь. да опрѣсную жертву приношаемь. но подъ благодатію есмы и нова тварь о Христѣ. понеже древняа мимоидоша. якоже Павелъ вопиеть, и быша вся

нова. да иже хощеть опрѣснoку причаститися. и почто понѣ, не обрѣзуется, понеже и Христосъ обрѣзаніе приятъ по ветхому преданію, и суботу такожде по ветхому закону почто не сохраняють слыши что Павелъ къ галатомь вопиеть. се азъ Павелъ глаголю вамъ яко аще обрѣзаетеся, ни кую же ползу отъ Христа имате свѣдѣтельствую же паки всякому человѣку обрѣзающемуся. яко достоинъ есть весь законъ хранити. и отлучается убо Христа. иже закономь оправдается. и благодати отпадосте. мы бо духомъ и вѣрою надежду правды приемлемъ. сіа убо Павелъ глаголеть. азъ же мало слово изменивь. реку подобное. аще опрѣсное причащается. Христосъ васъ ничтоже ползуеть. понеже бо на воспоминаніе. егупетьскаго избѣжанія евреомъ предано бысть. а не оспасенои страсти Христовѣ. но и еже аще реку. вѣруй, яко і ако и слезы. плаканіа. приходятми егда воспомяну. яко всѣхъ вь нихже Богу угодно есть. крѣпкому поучается и Христово имя дѣлы тѣми прославляется. и ходите по путехъ далнихъ. тружающеся отъ земля далняа. да реку же отъ края земнаго приходяще во Іерусалимъ. на поклоненіе животворящаго креста, гроба. всемже единомь разделении. и соблазнъ божественымь церквамъ бываете. понеже предстатель единыа церкве римьскыа. блаженный папа не хощеть спрочими патриархи о божественныхъ тайнахъ единомудрьствовати и совокупитися. но единъ той отъ прочихъ отълучается. и свою волю свершити тщится. но даже всяко прекословие ино оставлю. еже о вашемь обличеніи возможно бо имамъ убо христовою помощию. аще бы благоволно хотѣли слышати. яко егда господь сученики своими. вечеря в великии четвертокъ, вечерю. не бѣше бо опрѣснокъ уготовленъ. в великій бо пятокъ вонже четыринадесятыи день лунѣ бѣше. и тогда евреи хотяху пасху ясти. и вонми здѣ всяко прекословіе оставивь. и побѣдити всуе тщатися. мы бо непобѣдити ищемь убо. но правду изообрести и явити и братію пріати онихже разлучени сердцемь. зѣло уязвляемся. Глаголеть убо іоаннъ. іevангелистъ и богословъ. иже на вечери на перси Господа нашего Іисуса Христа. егоже паче кто есть другии отъ ученикъ. паче сего вѣрнѣиши прежде убо рече праздника пасхы. вѣдыи Іисусъ яко прииде часъ его. да приидеть отъ мира сего ко отцю и возлюбль

своихъ сн. еже вмирѣ. до конца убо возлюби а. и вечери бывши. діаволу уже вложившю въ сердце іюде симонову искариоту. яко да предасть его. вѣдыи же Іисусъ. яко вся предасть ему отець вруцѣ. яко отъ него изыде и кнему грядеть. въставъ свечеря. и прочая якоже пишеть. и еже глаголеть возлюбленный ученикъ Христовъ іоаннъ. яко прежде праздника вечери бывши явѣ глаголеть. яко не вчетвертокъ случися пасха быти. но и смотреніе нѣкое божествено бысть якоже бо внощь ту хотяше преданъ быти. предасть учеиикомъ. божественыа жертвы великую тайну и сего ради рече. желаниемь вожделѣхъ сию пасху ясти свами. отъсюдубо явлено есть. яко и еще нѣсть былъ уготованъ. опрѣснокъ тогда якоже рѣхомъ. но хлѣбъ есть квасенъ предложенъ. Христу тогда съученикы его прежде бо праздника пасхи вечеря бысть. внегдаже разломи. дасть ученикомь и рече. приимѣте и ядите се есть тѣло мое. и свидѣтельствуеть паки о семь. възлюбленный твои ученикь. идеже глаголеть ведоша Іисуса отъ Каіафы въ преторъ и ти не внидоша да не осквернятся, но да ядять пасху и паки тожде. въ другой главизнѣ глаголеть. ибо іюдеи яко да не остануть на крестѣ телеса всуботу. понеже пятокъ бѣ. бѣше бо велии день тоа суботы. вопросиша же пилата и прочая же о сихъ. и яко единою глаголеть точию хлѣбъ. но множицею. и нетокмо сей глаголеть сіе. но прочии евангелисти. ибо матфей глаголеть ядующимъ имъ пріимъ Іисусъ, хлѣбъ видители сеи глаголеть хлѣбъ. тако же и марко глаголеть и благодаривъ. разломи и дасть ученикомъ и рече приимѣте и ядите. опрѣснокъ же никои отъ нихъ воспоминаетъ. понеже бо хотяше пострадати Христосъ втои день законныа пасхи. егда хотяше пасхи быти богоубіицамь. вонже агнецъ отъ іюдеи закалаемь бываше. въ день пятка въ нже. $\bar{\text{д}}$і луны бяше влѣто $\bar{\text{єф}}.\bar{\text{лг}}$. кругъ убо бяше солнцю. $\bar{\text{йі}}$ луныже. $\bar{\text{є}}$. сіе сотвори Іисусъ. яко да не преданъ бывъ и не постигнеть таину свою ученикомъ предати. возлегъ на вечери вчетвертокъ. и повечери приемь хлѣбъ преломи и предасть апостоломъ тайну новаго завѣта. внощъ четверткa. вонже и преданъ бысть отъ іуды, іудееомъ. яко же писано есть. Нѣйчто бо и лука глаголеть приемъ хлѣбъ Іисусъ. и благодаривь преломи сеи убо лука свѣдѣтельствуеть яко хлѣбъ

пріялъ есть, Христосъ. а не опрѣснокъ. четвертокъ бо бяше и не бѣше тогда законная пасха. ѓ лунѣ бяше тогда ибо опрѣснокъ въ ѐ. лунѣ. узаконенъ бѣ творитися. тѣмже убо. а. день, перваго мѣсяца луны. пасху нарицаеть законъ. ѐ. же день, первыи. опрѣснокъ убо ту нарицаеть. и вьтои день узаконено бѣ опрѣсноку творитися. якоже и агнецю въ а. заклатися. вонже закланъ бысть агнець божіи. вземляи грѣхи миру. понеже Христосъ распятъ и закланъ бысть. а. луны пятка. а всуботу бѣше праздникъ. опрѣснока когда убо опрѣснокъ ялъ есть. и когда убо апостоломъ. новыи завѣтъ предалъ есть творити. и понеже глаголеть яко отъ святыхъ апостолъ прияхомъ опрѣснокъ творити. егда по воскресении его отъ мертвыхъ глаголеть. видѣтели како дѣлы явѣ, обличаеми есте. Симь убо тако реченымъ. что имать кождо ксимь отъвѣщати. се убо показахомь явѣ яко прежде праздника пасхы вечеря бысть опрѣснокъ же ясти прежде пасхи. не бѣше законно якоже рѣхомъ. приложюже ти къ необѣтну увѣрению. прежде писанному сему. и другую главизну тогоже іеѵангелиста іоанна. якоже и ты самъ исповѣдати имаши. яко тако есть. ибо яже у насъ іеѵангелиа истина суть. такожде и вешеа неизмѣнна суть. и тожде глаголють. сіа убо рекъ Іисусъ. смутися духомъ и свѣдѣтельствова и рече. аминь. аминь. глаголю вамъ. яко единъ отъ васъ предасть мя. възираахуже ученици другъ друга. невѣдяще о комъ глаголеть бѣше же возлюбленъ единъ отъ ученикъ его на лонѣ Іисусовѣ. его же любляаше Іисусъ. помянувь ему симонъ Петръ. вопросити его. кто есть онемже глаголеть. припадже онъ на перси его. глагола ко Іисусу господи кто есть. отвѣща Іисусъ той есть. ему же азъ омочивъ хлѣбъ подамъ. и омочивъ хлѣбъ. дасть іюдѣ симонову. искаріоту. и по хлѣбе тогда вниде вонь сатана. глагола ему Іисусъ. еже твориши. твори вскорѣ. сегоже ни единъ отъ возлежащихъ не увѣдѣ. что рече ему. нѣціи же мнѣху. понеже влагалище держаше іуда яко глаголеть ему Іисусъ. купи яже на потребу имамы впраздникъ. евангелисту убо тако осихъ являющу. како небы слѣпу видѣти; яко прежде законныа пасхи вечеря бысть. посему убо еже рече. яко нѣціи мнѣху глаголеть іюдѣ. купи яже на потребу. имамъ впраздникъ. явѣ показалъ

есть время. внеже вечеря Іисусъ со ученики своими. тѣмже да непомышленіе нѣкое прекословиа будеть тебѣ о времени. внеже вечеря бысть. по прочихь іевангелистѣхь глаголемаа сирѣчь. понеже и матфеи глаголеть. в первыи же опрѣснока. приступиша ко Іисусу, ученици его. глаголюще. господи гдѣ хощеши уготоваемти пасху ясти. лука же глаголеть. прииде день опрѣснока. вонже подобаше жретися пасцѣ. и посла петра, и іоанна рекь шедша уготовайта намъ ясти пасху словесаже сія трехъ іевангелистъ. не имають супротивленіе нѣкое. или раздѣленіе отъ глаголемыхъ. іоанномъ іевангелистомъ, якоже пишеть прежде праздника пасхи. вѣдѣ Іисусъ яко пріиде часъ его. да пріидеть отъ мира сего ко отцю и прочаа Первый убо опрѣснока являють намъ божественаа евангелиа. десятыи день перваго мѣсяца бѣше тогда предъуготованіе нѣкое пасци. съ прочими треми деньми. сирѣчь. спервонадесятимь и второ и третимь надесятимъ днемь. яко вкнизѣ исхода писано есть. рече Господь кмоисію. мѣсяцъ сеи мѣсяцемъ вамъ начало. первый будеть вамъ вмѣсяцехъ лѣту, рци ко всему сонму сыновъ израилевѣхъ, глаголя. вдесятыи день мѣсяца сего. да возьметь всякъ овчя на домъ отечествія овчя на всякь домь. и будеть соблюдено. до четыренадесятаго дне, мѣсяца, сего. якоже и намь есть уготованіе. предпраздньствомь. святымъ страстемь Господа нашего Іисуса Христа. великаа недѣля. тако еврѣомъ. четыре они дни. предьуготованіе нѣкое пасцѣ бяше законно, и узаконено ибо друзии іевангелисти. прежде преставльшеся. не постигоша видѣти евангеліе проповѣданіе іоанна богослова. съи долголѣтенъ бывъ. обрѣте составленіе іевангеліи онѣхъ, и наконець житиа своего. во островѣ патмѣ сущю. богоподвижну бывшю. при доментіанѣ цари. свое евангелие списа. якоже онѣми многаа покровена речена. другаяже и оставлена. сирѣчь яко чюдо о лазари. и время вечери. и другая инаа явѣ исписавъ. и велегласно проповѣдавъ. тѣмже молю васъ останетеся Господа ради осицево явленнѣй истиннѣ прекословити. и. отмѣтатися. и еже творять церковніи прочии кормителе. се вы творите четыремь священнымъ патріархомъ послѣдующе. понеже множайши судъ вѣренъ есть и пріатенъ. единже никтоже пріятенъ есть. блага убо два паче единого писано

есть. идеже бо единомудръствуютъ четыре. и содержать кто да отречется глаголя яко нѣсть Бога посреди ихъ. якоже Христосъ глаголеть идеже суть два или трiе собрани о имени моемь. ту есмь посредѣ ихъ. и сего ради молюся совокупимся вси духовно. и будемь братолюбци. а не самолюбци. понеже бо ни Христосъ самъ во время страсти его. якоже рѣхомъ. нѣсть постиглъ ясти опрѣснокъ. еще отъ людеи не уготовлену сущю яко же рѣхомь. ниже паки апостоли предаша яже не предаша. по вечерибо якоже глаголють iевангелисти. предадите таину новаго завѣта. рѣкше желанiемъ вожделѣхъ сию пасху ясти свами. явѣ убо есть яко тогда прииде часъ страданiа его. сего ради яже опрѣснoку причящаются во аполинариеву ересь впадають не видяще. но оно убо глаголаше яко тѣло убо бездушно. икромѣ ума приялъ есть Сынъ и Слово Божiе. отъ пресвятыа дѣвы. и богородица. глаголя яко доволно есть вмѣсто ума. и душа божество сице же опрѣснокъ принашаеть мертву плоть. а неживу принашаеть. ибо квасъ вмѣсто душа тѣсту бываетъ, и соль вмѣсто ума. сiа же не имущю опрѣснoку. како небездушенъ и мертвъ есть. во истину мертвъ творець всѣмъ иже причащаются ему. ибо господь нашь Iисусъ Христосъ. совершенъ сыи Богъ. и совершенъ человѣкъ сугубь естьствомь а не составомь тѣло одушевлено и умно. отъ приснодѣвыа и богородица приемь. и совершенымъ хлѣбомъ. подобно предасть новаго завѣта таину. и благословивъ и рекъ. приимѣте и ядите. иже есть небесный хлѣбъ животенъ. и животъ даеть ядущимь его. якоже Христосъ завѣща нашь глаголя. ядый плоть мою и пiа кровь мою. во мнѣ пребываетъ и азъ внемь. аще ли же и словесъ сихъ силу не приемлете. и съ прекословиемь супротививистеся глаголюще. яко отъ святыхъ апостолъ. петра и павла опрѣсное преданiе пріахомь. послушаемь осемь ваше братолюбiе. и показати вамъ съ Богомь хощемь. нѣкаа яже апостоли предаша исперва творити. и паки онѣми самѣми напослѣдокь исправлена и претворена на благовѣрiе наше елико. еже о Христѣ вѣру укрепляюще. ибо Божiи церкви благодатию его утвержаеми и простираеми. и суботу убо тогда равно святою снеделею. повелѣно бѣ намъ соблюдати. и ничтоже дѣлати. нынѣ же се убо вѣсть. И петръ же

приходящихъ отъ языкъ к непорочнеи вѣре христианствѣй. преже обрѣзааше ихъ. и тако крещаше и павелъ тимофеа обрѣза. ктомуже и оглашаеміи. сирѣчь нарицаеми и обѣщаеми креститися. тридесятьлѣтніи крещахуся. и другаа нѣкаа законнаа преданія вѣрующе. и соблюдааху. архиереи жены имѣяху. нынѣже отъсихъ ни единожь есть. Божіей святѣй церкви укрѣпляеми. и успѣвающе на совершеньнѣйшаа. и истиннаа да кое странно и дивно чюдо. аще тогда ученици вначалѣ проповѣданіа отъ немощи многихь нисходяще нѣкаа обычнаа имь простиша творити, иже мало по малу отъсѣцающихъ. и премудро изменяюще иривеломша ихъ на евангельское проповѣданіе. прежде поученнѣмъ бывшимь на послушание. удобь приведени быша на истинное. ниже бо есть возможно древо строптиво. павести скорымь наведениемь. и силою руки исправити. якоже нѣкіи отъ нашихъ богословець рече удобь убо имать преломитися. нежели исправится. и сего ради якоже рѣхомь вмало время оставленъ бысть имъ. опрѣснокъ понеже великъ тогда соборъ бѣше евреи вримѣ. якоже книга святыхъ апостолъ дѣяніи сказуеть. потомже егда время бысть рассыпашесе. яко же и при моусіи бысть по устроению божию. остави бо евреомь жертвы творити дондеже имъ явѣ Господа покажеть. такоже егда исправлено бысть. разсыпа жертвы оны напослѣдокь. и доволна ми суть писаніа. кмужю сущю исполнь Духомъ святымъ. и разумомъ духовнымъ даи бо рече премудру вину и премудріи будеть. и прежде времени сего вначалѣ архиереиства моего составлено се писаніе послахъ ко блаженному папѣ римскому. послахъ убо нѣкимь грядущимъ на поклоненіе во іерусалимь кмагистру благоплеменитому. и дущѣ сущю во италіи аргиру. яко да послеть сіе. ко блаженьному папѣ. оттолѣже двѣ лѣте мимоидоша. и невозмогохъ увѣдѣти. и се убо паки преписавь оно послахъ къ Богомь возлюблению твоему да любве ради моеа. и паче же Бога ради. егоже ради. и о немже писано есть. О Христѣ бо молиттися. глаголеть божественый апостолъ. да послаши сіе къ многочестному блаженствію. святаго папы. и испросиши отписаніе и послеши кнамь. ащели же писаніе сіе прочетъ священствие твое. и отпустиші е к нему

благоугодно есть дѣло Богу и человѣкомъ. егда како призрѣвшю молитвами святыхъ и верховныхъ апостолъ. прииметь яже испйсахъ. и совокупитися съ любящими святыню его. честными братіами и отцы. и обещно вси купно всѣхь миротворцю. и истинному Богу нашему. благодареніе и жертву купно принесемъ единомудрьствующе и едино приношеніе. освящающе и приносяще. и яко отъ насъ лобзаи священныи и преподобныи соборъ церкве твоея. цѣловаеть же и нашъ соборъ святымъ цѣлованіемъ святыню твою. призывающе со многою святыхъ твоихъ молитвъ и радуися здравіемь и веселіемь о Господи всегда и о насъ худыхъ восвященныхъ си молитвахъ воспоминаи.

№ II.

Τοῦ αὐτοῦ ἐπιστολὴ τρίτη περὶ τῶν ἀζύμων [1]).

(Рукоп. сбор. Моск. сунод. биб. за № 208 съ л 375 по 380)

Ἀδελφοὶ μὴ παιδία γίνεσθε ταῖς φρεσὶ παῦλος ὁ θεῖος ἀπόστολος φησὶ. ἀλλὰ τῇ κακίᾳ νηπιάζετε. ταῖς δὲ φρεσὶ τέλειοι γίνεσθε· τέλειος δὲ πῶς ἄν γένοιτό τις χριστιανὸς εἶναι λεγόμενος· καὶ μὴ τελείαν τὴν κατὰ χριστὸν ἔχων πίστιν· ἥτις οὔτε ἐκ τῆς περιτομῆς οὔτε ἐκ τῆς ἀκροβυστίας μετέχειν ὀφείλει· ἐν γὰρ χριστῷ λέγει πάλιν ὁ αὐτὸς ἀπόστολος οὔτε περιτομὴ τί ἰσχύει· οὔτε ἀκροβυστία· ἀλλὰ καινὴ κτίσις καὶ πίστις δι ἀγάπης ἐνεργουμένη.

[1]) Ѣьва, Архіеп. болгарскаго.

Посланіе Петра патріарха Божія града, великые антіохіие. къ латыномъ о опрѣсноцѣхъ слово:

(Рукоп. сбор. Кириллобѣлоз. биб. за № 76/1143 съ л. 195 по 205.)

Братіе, не дѣти бывайте умомъ. павелъ божественный апостолъ рече. но злобою младеньствуйте. умы съвръшены бывайте. съвръшенъ же како убо будетъ христіанинъ быти глаголемъ и съвръшенну въ Христа вѣру не имый. яже ниже отъ обрѣзанія. ниже отъ акровистіе причастна быти должно есть. о хлѣбѣ бо глаголеть тъжде апостоль. ниже обрѣзаніе что възмагаеть. ниже акровистіа. но нова тварь. и вѣра любо-

περὶ τοῦ μὴ (περιτομή) [1]) δὲ ὅλως, ὁ παλαιὸς νόμος λέγεται· ἀκροβυσία δὲ ἡ τῶν ἐξ ἐθνῶν καὶ ἑλλήνων θρησκεία· ἀφ' ὧν οὐδὲν ὅλως ἡ κατὰ Χριστὸν πίστις μετέχει· διὰ τοῦτο πάλιν ὁ αὐτὸς φησὶν ἀπόστολος· ἐν γὰρ Χριστῷ Ἰησοῦ διὰ τοῦ εὐαγγελίου ἐγὼ ὑμᾶς ἐγέννησα· τὸ γὰρ ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ· καὶ τὸ, ἐγὼ ὑμᾶς ἐγέννησα, δείκνυσιν ὅτι ὅλως ὅλου ἀμετόχους τῆς περιτομῆς ἤγουν τοῦ μωσαικοῦ νόμου καὶ τῆς ἀκροβυστίας ἤγουν τῆς ἑλληνικῆς θρησκείας ἡ κατὰ Χριστὸν πίστις ἡμᾶς συνέχουσα, υἱοὺς καὶ κληρονόμους τῆς βασιλείας ἀπεργάζεται· οὐκ ἔστιν οὖν ὑμῖν εἰπεῖν οὐκέτι τοῦ μωσαϊκοῦ νόμου ὅλως μετέχειν. ἀλλ' ὑπεράνω τούτου ὡς τελείους πολιτεύεσθαι. καὶ τὴν κατὰ πνεῦμα τελείαν λατρείαν τῷ θεῷ ἀκίβδηλον καὶ καθαρὰν προσάγειν· καὶ ὅτι οὐκ ἔξεστιν ἡμῖν οὐδὲν οὐ μικρὸν οὐ μέγα τοῦ παλαιοῦ νόμου διατηρεῖν ἢ φυλάττειν οὕτω γνώσεσθε· ὥσπερ γὰρ ὁ ἄνθρωπος διπλοῦς ἐστιν ἀπὸ ψυχῆς καὶ σώματος συνιστάμενος. οὕτως καὶ ἡ γραφὴ ἀπὸ γράμματος καὶ συνοίας συνιστα-μένη· τὸ μὲν γράμμα, οἷον σῶμα. τὸν δὲ πνευματικὸν ἐν τῷ γράμ-

[1]) Περιτομὴ написано на полѣ другою рукою.

вію дѣйствуемаа: обрѣзаніе убо весь ветхый законъ глаголется. акровистія же, яже отъ языкъ иеллинь вѣра. отъ нихъже ничтоже отънудь. яже въ христа причастна есть вѣра. сего ради пакы тъжде рече апостолъ. о христѣ бо іисусѣ евангеліемъ азъ вы родихъ. показуеть яко отънудь по всему, непричастномъ обрѣзаніа. сирѣчь, моусеова закона. и акровистіе. сіирѣчь, еллинскые вѣры. яже въ христа вѣра насъ съдръжащіа. сыны и наслѣдникъ царствіа съдѣловаетъ. нѣсть убо намъ никакоже нѣсть, моусеова закона отънюдъ причастномъ быти. но выше оного яко съвршенномъ жительствовати. и еже по духу съвръшенное служеніе, богови непримѣсно и чисто приносити. и яко нѣсть намъ ничтоже ни мало ни много. ветхаго закона съблюдати, или хранити. се же увѣдите: якоже бо человѣкъ сугубъ есть отъ душе и тѣла състояся. тако и писаніе, отъ писмене и мысли състоимо. писме убо якоже тѣло. духовъныже въ писани умъ, якоже душу имать. и убо писме еже якоже тѣло. недостатствуеть многащи въ себѣ. а еже якоже съмыслъ. нико-

ματι νοῦν, οἷον, ψυχὴν κέκτηται καὶ τὸ μὲν γράμμα ἤγουν τὸ κατὰ σῶμα, ἐλλείπει πολλάκις ἐν αὐτῇ. τὸ δὲ κατὰ διάνοιαν οὐδέποτε· καὶ ἵνα ἐπὶ τῆς προκειμένης ὑποθέσεως τῶν ἀζύμων δοκιμάσωμεν τὸν λόγον, λέγει ἡ γραφὴ ἄμπελον ἐξ αἰγύπτου μετῆρας. καὶ ὅτι ἐξέτεινας τὰ κλήματα αὐτῆς ἀπὸ θαλάσσης ἕως θαλάσσης· καὶ ἀπὸ ποταμῶν ἕως περάτων τῆς οἰκουμένης· τοῦτο ἱςορικῶς μεν, οὐδαμοῦ εὕρομεν γενόμενον· οὐ γὰρ μετήρθη ἄμπελος ἐξ αἰγύπτου αἰσθητή. οὐδὲ ἐν ἑτέρῳ μετηνέχθη καὶ ἐφυτεύθη τόπῳ· πνευματικῶς δὲ καὶ ἀλληγορικῶς καὶ ἔςι καὶ γέγονε καὶ ἡ τοῦ ἰσραηλιτικοῦ λαοῦ πρὸς τὴν γῆν τῆς ἐπαγγελίας διάβασίς ἐςιν. ἐν ᾗ καὶ ἀπὸ θαλάσσης ἕως θαλάσσης τοὺς ἐγγόνους καὶ ἀπογόνους αὐτῶν ὥσπερ κλήματα ὁ θεὸς ἐκτείνας τὸν ἀναμεταξὺ τῶν θαλασσῶν ἅπαντα χῶρον ἐπλήρωσε. καὶ ὅτι ἀπὸ γράμματος οἷον σαρκὸς καὶ ἀπὸ ἐννοίας ἤγουν ψυχῆς ἡ θεῖα γραφὴ συνίςαται, ἐνοήσατε μὲν ἀφ' ὧν εἴπομεν, νοήσατε δὲ καὶ ἀπὸ τῶν ἑξῆς· ὥσπερ γὰρ αἴγυπτός ἐςιν αἰσθητὴ οὕτως καὶ αἴγυπτος νοητὴ. καὶ φαραὼ καὶ φαραὼ. καὶ θάλασσα καὶ θάλασσα· καὶ λαὸς καὶ λαὸς. καὶ ἡ μὲν νοητὴ αἴγυπτος ἐςὶ τροπικῶς ἡ

лиже. да о прѣдлежащей вещи опрѣснокъ, искушу слово. глаголеть писаніе. виноградъ изъ египъта принесе. и яко прострѣть розъры его отъ моря. и отъ рѣкъ до конець вселенныя. се сповѣстнѣ убо никакоже обрѣтается бывше. не бо прѣнесенъ бысть виноградъ изъ египта чювьствены. ниже въ иномъ прѣдложися и насадисе мѣстѣ. духовънѣже и иноказателнѣ. и есть и бысть. и еже израильсткыихъ людіи къ земли обѣтованіа прѣхожденіе есть въ ней же и отъ моря до моря, сыны и вънукы ихъ якоже розъгы богъ простеръ. еже посредь морь всѣхъ мѣсто исплъни. и якоже отъ писменѣ якоже тѣла. и отъ мысли якоже душе. божественное писаніе състоится. разумѣсте убо отъ ихъ же рѣхомъ. разумѣйте же и отъ яже по сихъ. якоже бо египетъ есть чювьственъ. сице и египетъ мысленъ. и фараонъ, и фараонъ, и море, и море. и людие. и людие: И убо мысльный египетъ есть грѣхъ, и иже отъ него студъ. И яко же чювьственый фараонъ, въ чрѣмнѣмъ удавлься мори погыбе, сице и мысльный фараонъ. сіи рѣчь, супостатъ діаволъ, духовныимъ

ἁμαρτία. καὶ ἡ κατ' αὐτὴν αἰσχύνη. καὶ ὥσπερ ὁ αἰσθητὸς φαραὼ ἤγουν ὁ ἀντικείμενος διάβολος. τῇ πνευματικῇ θαλάσσῃ τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐναποπνιγεὶς ἄτονος γέγονε. καὶ ὥσπερ ὁ ἐκείνου λαὸς κατὰ τὴν αὐτὴν ἐρυθρὰν θάλασσαν σὺν ἐκείνῳ ἀπώλοντο, οὕτω καὶ ἐν τῇ θείᾳ τοῦ πνεύματος κολυμβήθρᾳ αἱ πονηραὶ τοῦ ἀντικειμένου δυνάμεις σὺν ἐκείνῳ συντριβεῖσαι ἠσθένησαν· καὶ ὥσπερ τῶν αἰγυπτίων καταποντισθέντων. καὶ μετὰ τοῦ αἰσθητοῦ φαραὼ ἀποπνιγέντων χαίρων ὁ ἰσραὴλ τῇ γῇ τῆς ἐπαγγελίας ἀπεκατέςη. οὕτως τῶν νοητῶν αἰγυπτίων τῶν δαιμονικῶν φημὶ δυνάμεων διὰ τοῦ παναγίϑ πνεύματος ἐναπονεκρωθέντων χαίροντες ἡμεῖς πρὸς τὴν γῆν τῆς νοητῆς ἐπαγγελίας διεβημεν καὶ ὥσπερ ὁ ἰσραὴλ διαβὰς τὴν ἐρυθρὰν ἐτέλεσε τὸ πάσχα θύσας καὶ φαγὼν τὸν ἀμνὸν οὐ καθαρῶς νήπιος γὰρ ἦν καὶ ἀτελὴς αἰχμαλωτιζόμενος ἔτι τοῖς πάθεσι καὶ τοῖς σαρκικοῖς τῶν ἀζύμων καὶ πικρίδων ὑποδείγμασι πρὸς ἀποχὴν τῶν κακῶν παιδευόμενος· οὕτω καὶ ἡμεῖς ἐπὶ τὴν γῆν τῆς ἀπαθείας τῷ θείῳ διαβάντες βαπτίσματι ἐθύσαμεν καὶ ἔτι θύομεν εὐδοκία τοῦ πατρὸς τὸν νοητὸν ἀμνὸν τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριςὸν καὶ τοῦ ἀχράντου

моремъ святаго духа, удавльсѧ не мощенъ бысть. и якоже оны людіе въ томъжде чрьмнѣмъ мори, съ онѣмъ погыбоша. Сице и въ божественнѣй духа святаго купѣли, лукавые супротивника силы, съ онѣмъ съкрушьшеся изнемогоша. и якоже египтѣномъ потопшемъ, и съчювственыимъ фараономъ удавльшіимся. радуяся израиль землю обѣтованную наслѣдова. сице и мыслныимъ египтѣномъ, бѣсовьскыимъ глаголю силамъ. отъ святаго духа умрѣщвленномъ. радующеся мый, къ земли мыслнааго обѣтованія. вышняго глаголю іерусалима, прѣминухомъ. и якоже ізраиль прѣшедъ чрьмное море съвръши пасху, пожеръ и снѣдь агньца. не чистѣ младенець бо бѣ и несъвръшенъ. плѣняемъ еще страстми. и плотьскыими опрѣснокъ и горчиць образы. къ ошаянію злыихъ наказуемъ. тако и мы къ земли бестрастіа божественыимъ прѣшедше крещеніемъ. пождрѣхомъ и еще ждремъ благоволеніемъ отца и духа, мыслнаго агньца господа нашего іисуса христа. и пречистааго тѣлесе его, и честныя крове. въ оставленіе грѣхомъ повсегда причащаемся.

αἵματος. εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν καθεκάςην μεταλαμβάνομεν· ἄνευ πικρίδων καὶ ἀζύμων οὐ μονον διὰ τό τελείως παυθῆναι καὶ ἀργῆσαι τὸν παλαιὸν νόμον, ἀλλὰ καὶ διὰ τὸ χάριν εἶναι τὸ εὐαγγέλιον τὴν ὄντως χάριν· δἰ οὗ ἡμῖν ἅπαν ἐχαρίσθη ὄφλημα καὶ ἁμάρτημα αἰγυπτιακὸν· οὐ δεόμεθα οὖν ὡς τέλειοι θεοῦ χάριτι· ὥσπερ οὐδὲ περιτομῆς σαρκικῆς· πνεύματι γὰρ τέμνονται ἡμῶν τὰ πάθη, οὕτως οὐδὲ ἀζύμων δεόμεθα· ὡς οἱ νηπιώδεις καὶ ἄφρονες ἰουδαῖοι· καὶ οἱ σύμφρονες τούτων ἰταλοί τε καὶ αἰγύπτιοι καὶ ἀρμένιοι. ὅτι πνεύματι φεύγομεν καὶ ἐν τούτοις τὸ δυσῶδες ἅμα καὶ δυσειδὲς τῆς αἰγυπτιακῆς κακίας ἄθεον φύραμα καὶ ζῶμεν κατὰ τὸν τῆς χάριτος τοῦ θείου εὐαγγελίου νόμον· πάντα τὸν παλαιὸν νόμον τοῖς ἔργοις καταργοῦντες κατὰ τὸν εἰπόντα θεῖον ἀπόςολον· ἐγὼ γὰρ διὰ νόμου νόμῳ ἀπέθανον· ἤγουν διὰ τοῦ εὐαγγελικοῦ νόμου τῷ μωσαικῷ τέθνηκα φησὶ νόμῳ· καὶ πῶς τῷ νόμῳ τέθνηκεν οὐ τῷ ἀτονῆσαι καὶ ἀσθενῆσαι· καὶ κάτω αὐτοῦ γενέσθαι ἀλλὰ τῷ περιἰσχύσαι καὶ ὑπεράνῳ αὐτοῦ κατὰ πολὺ φανῆναι· τοῦ γὰρ νόμου λέγοντος τὸ, οὐ μοιχεύσεις, ἡμεῖς καὶ

кромѣ горчиць и опрѣснокъ. не токмо заеже съвръшеннѣ прѣстати, и упразднитися ветхому закону. но заеже и благодать, быти евангеліа. благодать, въ истину благодать. еюже намъ весь отдастъся длъгъ. и съгрѣшеніе египетьское. не требуемъ убо яко съвръшенны божественною благодатію. якоже ниже обрѣзаніа плотскаго, духомъ бо обрѣзуются наша страсти. сице ниже опрѣснокъ требуемъ, яко младичны и безумніи іудеие. и единомудрьници тѣхъ. латыниже. и армѣне, іаковиты. зане духомъ бѣжимъ и въсемъ, зловоннаго вкупѣ и зловиднаго египетскыя злобы, безбожнаго въмѣшеніа. и живемъ по благодатномъ божественнаго евангелія закону. весь ветхый законъ дѣлы отмѣтающе, порекшому божественному апостолу. азъ закономъ закону умрѣхъ. сіирѣчь. евангельскааго ради закона, моусеискому закону умрѣхъ рече. и како закону умрѣтъ. не яко изнемощи и ослабѣти и нижъше оного быти. но яко прѣвъзмощи и выше оного о мнозѣ явитися: закону бо глаголющу, еже не прѣлюбы сътвориши, мы же и желаніа якоже съгрѣшеніа бѣ-

τὴν ἐπιθυμίαν ὡς ἔγκλημα φεύγομεν. κἀκείνου ὀφθαλμὸν ἀντὶ ὀφθαλμοῦ· καὶ χεῖρα ἀντὶ χειρὸς ἐκκόπτεσθαι κελεύοντος, ἡμεῖς καὶ τὴν δεξιὰν ῥέφειν ἐὰν τὴν ἀριστερὰν πληγῶμεν, ἐντετάλμεθα· καὶ ἀγαπᾶν τοὺς ἐχθρούς. καὶ καλῶς ποιεῖν αὐτοῖς καὶ ὑπερεύχεσθαι αὐτῶν ἐκελεύσθημεν· καὶ κατὰ τὸν ἐμὸν Ἰησοῦν Χριστὸν, οὕτω καὶ ἡμεῖς οὐκ ἤλθομεν καταλύσαι τὸν νόμον· ἀλλὰ πληρῶσαι· καὶ ἅμα κατελύσαμεν θεοῦ χάριτι ὡς ἔδει αὐτὸν· μὴ δεχόμενοι τὰ ἀτελῆ αὐτοῦ καὶ νηπιώδη τῶν ἐνταλμάτων ἀθύρματα· καὶ ἐπληρώσαμεν πάλιν κατὰ τὸν Χριστὸν αὐτὸν, φεύγοντες οὐ μόνην τὴν πορνείαν. ἀλλὰ πολλῷ πρότερον καὶ τὴν ἐπιθυμίαν ἐκκόπτοντες. καὶ τὴν περίεργον ἀναστέλλοντες ὄψιν καὶ θεωρίαν. καὶ οὕτω κατὰ σάρκα ζῆν δοκοῦντες, οὐ κατὰ σάρκα στρατευόμεθα· τὰ γὰρ ὅπλα ἡμῶν οὐ σαρκικὰ ὥς φησιν αὐτὸς ὁ θεῖος ἀπόστολος· ἀλλὰ δυνατὰ τῷ θεῷ πρὸς καθαίρεσιν ὀχυρωμάτων· ἤγουν τῶν δαιμονικῶν καθ' ἡμῶν ἐξ ἐνθυμήσεων καὶ πονηρῶν ἔργων παντοίων πειρασμῶν· οἷσπερ ἐκεῖνος ὥσπερ ὀχυρώμασι χρώμενος, φυγὰς τῇ κατὰ Χριστὸν γίνεται πίστει· κατὰ δύο δὲ τοὺς τρόπους φαίνεται καὶ τὰ τοῦ νόμου διαιжимъ. и оному око за око и зубъ за зубъ, изымати повелѣвающу. мыиже и десную ланиту обращати аще въ лѣвую ударимся, повелѣни быхомъ. и любити врагы. и добро творити имъ. и о нихъ молитися: и якоже мой іисусъ, сице и мый. не пріидохомъ разорити законъ, но исплънити. и въкупѣ разорихомъ божіею благодатію якоже подобаше того, непріемлюще несъвръшеннаа его. и младенечнаа заповѣданіи играніа. и исполнихомъ паки по христѣ тъ. бѣжаще не тъкмо блуда, но много прьвѣе и желаніе отсѣцающе. и пытливый съглядательный съпрятующе зракъ. и видѣніе, и тако по плоти жити мнящи. не по плоти воиньствуемъ. оружіа бо наша не плотска. якоже речетъ тъжде апостолъ. но сильна богомъ, къ низложенію тврьдѣмъ. сіи рѣчь, бѣсовскыимъ на ны помышленіемъ и лукавымъ дѣломъ. и искушеніемъ всяческымъ. яже онъ якоже тврьди не имый, бѣглець иже по бозѣ вѣры бываеть: Подвѣма же образома видятся и законнаа раздѣляема, сущіимъ подъ закономъ. и по единомъ убо образу. еже опрѣсноци и жьртвы.

ρούμενα τοῖς ὑπὸ νόμον· καὶ καθ' ἕνα μὲν, τρόπον τάτε ἄζυμα καὶ αἱ θυσίαι καὶ ἡ περιτομὴ αὐτοῖς ὡς σαρκικοῖς καὶ ἀναισθήτοις δέδοται· ὡς ἄν τῷ περιτέμνεσθαι τὴν σάρκα καὶ διὰ τῶν ἀζύμων καὶ τῶν πικρίδων, φευγωσι τὸ λεῖον τῆς ἡδονῆς· καὶ τὰς αἰσχρὰς καὶ ῥυπαρὰς πράξεις· καὶ τὸ τῆς αἰγυπτιακῆς ἁμαρτίας ἄθεον φύραμα· τῷ δὲ καὶ ἐν ταῖς θυσίαις ἐκχέειν τὸ αἷμα, εἰς μνήμην ἔρχωνται θεοῦ. καὶ μὴ πάλιν ταῖς ἐπιθυμίαις ἐπὶ τὴν αἴγυπτον στρέφωνται· καὶ πρὸς τὸν ἀᾶρὼν λέγουσι, ποίησον ἡμῖν θεοὺς καὶ προπορεύσονται ἔμπροσθεν ἡμῶν. ἅ καὶ ὡς περιττὰ καὶ σαρκικὰ, ἡ καθ' ἡμᾶς πνευματικὴ λατρεία κατήργησε· δεχθέντα μὲν ὑπὸ τοῦ Χριστοῦ καὶ πραχθέντα, διὰ τὸ μὴ ἀντίθεον αὐτὸν νομισθῆναι· καταργηθέντα δὲ καὶ παυθέντα, διὰ τὸ ἀνωφελὲς αὐτῶν τάχα καὶ περιττὸν· τὰ δὲ ὡς νηπίοις καὶ ἀτελέσι δίδοται· οἱ ὀφθαλμὸν ἀντὶ ὀφθαλμοῦ· καὶ χεῖρα ἀντὶ χειρὸς· καὶ πόδα ἀντὶ ποδὸς· οἷς προσεθὲν, τὸ, ἐάν τις ῥαπίσῃ εἰς τὴν δεξιὰν σιαγόνα στρέψον αὐτῷ καὶ τὴς ἑτέραν· καὶ ἐάν τις σου ἀφελήται τὸν χιτῶνα ἄφες αὐτῷ καὶ τὸ ἱμάτιον· καὶ τὸ, ἐὰν διώκωσιν ὑμᾶς ἀπὸ τῆς πόλεως ταύτης φεύγετε εἰς ἑτέ-

и обрѣзаніе тѣмъ. яко плътскыимъ и нечювственныимъ, дашеся. яко да обрѣзаніемъ плоти. и опрѣснокы, и горьчицами. бѣжетъ гладъкоя сласти. и мръскаа и скверьная дѣяніа. и еже егупетскаго грѣха безбожное въмѣшеніе. и еже и въ жрътвахъ изливаемъ крове, и въ память приходятъ божію, и не пакы желаніемъ въ егупеть обращаются. и къ аарону глаголютъ. сътвори намъ богы, и прѣдьидутъ предъ нами. яже яко излишна и плотьска, наше духовное служеніе упраздни. Пріята убо отъ духа и съдѣанна. да не богопротивенъ възьмнится. упражденна же и прѣставьша, зане полезное ихъ некли. и излишное оваже, яко младенцемъ и несъвершеннымъ дашеся. сіи рѣчь. око за око. и рука за руку. и нога за ногу. и зубъ за зубъ. имъже приложенъно. еже аще кто тя ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую. и аще кто възметъ ризу твою. остави ему и срачицу. и еже аще гонятъ вы отъ града сего, бѣгайте въ другый. якоже душа нѣкаа сіимъ бываетъ. и въ съвръшенную яже по Бозѣ жизнь. съдѣловающіихъ възводитъ. и се есть отъ госпо-

ραν· οἷον ψυχή τις τούτοις γίνεται· καὶ εἰς τὸ τέλειον τῆς κατὰ θεὸν ζωῆς τοὺς ποιοῦντας ἀνάγει καὶ τοῦτο ἐςὶ τὸ ὑπὸ τοῦ Χριςοῦ λεχθὲν· ἐν τοῖς ἱεροῖς εὐαγγελίοις, οὐκ ἦλθον καταλῦσαι τὸν νόμον ἀλλὰ πληρῶσαι· οὗ ἡ πλήρωσις, πάντως κατάλυσίς ἐςιν· ἅτε δὴ παυθέντος τοῦ νηπιώδους νόμου· καὶ τοῦ τελείου ἐνεργοῦντος. καὶ εἰς τὴν κατὰ τὸ πνεῦμα τελείαν ἡλικίαν ἀνάγοντος τὸν κατὰ Χριςὸν ζῆν ἐθέλοντα, ὅτι δὲ ὁ νόμος καταλέλυται καὶ ἤδη τελείως οἴχεται. δῆλον μὲν, ἐξ ἁπάσης ἑτέρας τῆς κατὰ πνεῦμα γραφῆς· δῆλον δε καὶ ἀφ' ὧν ὁ θεῖος ἀπόςολος Παῦλος πρὸς φιλιππησίους περὶ τούτου γράφων, οὕτω λέγει. ἐπειδὴ γὰρ ἦσαν τινὲς πιςεύοντες μὲν εἰς Χριςὸν· ἔτι δὲ περιέποντες ἀφρόνως τὴν περιτομὴν, βλέπετε λέγει τοῦς κύνας βλέπετε τοὺς κακοὺς ἐργάτας βλέπετε τὴν κατατομὴν· ἡμεῖς γὰρ ἐσμὲν ἡ περιτομὴ. οἱ πνεύματι θεοῦ λατρεύοντες καὶ καυχώμενοι ἐν Χριςῷ Ἰησοῦ· καὶ οὐκ ἐν σαρκὶ πεποιθότες. κύνας δὲ αὐτοὺς καὶ κακοὺς ἐργάτας καὶ κατατομὴν ἀποκαλεῖ· διὰ τὸ καταναισχυντεῖν αὐτοὺς τῆς ὀρθῆς καὶ ἀμωμήτου πίςεως· καὶ διασρέφειν επιχειρεῖν τὰ καλῶς δογματισθέντα θεῖα ἐντάλματα

да реченное въ священныихъ евангеліяхъ. еже не пріидохъ разорити закона. но испълнити. егоже испълъненіе, разореніе всѣхъ есть. яко убо прѣставьшу младенчному закону, и съвръшенному дѣйствующу. и въ иже по духу честный възрасть возводящу. иже по христѣ жити хотящаго: а якоже законъ раздрушися, и съвръшеннѣ потрѣбися уже, явлено убо и отъ всякаго иного иже по духу писанія. Явленъно же и отъ ихъже божественный апостолъ павелъ. къ филиписеомъ о семъ пиша, сице глаголеть. понеже бо бѣху нѣціи вѣрующе убо въ христа. еще съблюдающе несьмыслнѣ обрѣзаніе. блюдѣте глаголетъ псии. блюдѣте злыа дѣлателе. блюдѣте съсѣченіе. мы бо есмы обрѣзаніе, иже духомъ служаще. и хвалящеся о христѣ іисусѣ. а не въ плоти надѣющеся: псе же тѣхъ нарицаетъ, и злыа дѣлателе и съсѣкателе. за еже безстудствовати тѣмъ на правую и непорочную вѣру. и развращати начинати яже добрѣ преданнаа о вѣрѣ, божественнаа заповѣданіа: Таже яже о себѣ сповѣдуя, сице рече. аще кто инъ мнитъ надѣятися въ плоти, азъ паче. обрѣзані-

εἶτα τὰ καθ' ἑαυτὸν διεξιὼν οὕτως πῶς φησὶ· εἴτις δοκεῖ ἄλλως πεποιθέναι ἐν σαρκὶ· ἐγὼ μᾶλλον περιτομὴ ὀκταήμερος ἐκ γένους ἰσραὴλ· φυλῆς βενιαμὶν ἑβραῖος ἐξ ἑβραίων. κατὰ νόμον φαρισαῖος· κατὰ ζῆλον διώκτης τῆς ἐκκλησίας. κατὰ δικαιοσύνην τὴν ἐν νόμῳ γενόμενος ἄμεμπτος· διατί δὲ ταῦτα λέγει. ὅτι εἰ διὰ τὸ περιτέμνεσθαι τὴν σάρκα· τοῦτο γὰρ ἐςι τὸ πεποιθέναι ἐν σαρκὶ δοκεῖ τις τέλειος εἶναι εἰς τὴν πίςιν· ἐγὼ μᾶλλον τῶν ἄλλων ὤφειλον ἐν τούτοις καυχᾶσθαι· ἅτε δὴ ἐν τῇ περιτομῇ γεννηθεὶς. καὶ τὰ τοῦ νόμου πάντα τετελεκὼς· ἀλλ' ἅτινα ἦν μοι κέρδη ἐν τῷ νόμῳ, ταῦτα ἥγημαι διὰ τὸν Χριςὸν ζημίαν εἶναι διὰ τὸ περιέχον τῆς γνώσεως Χριςοῦ Ἰησοῦ τοῦ κυρίου μου. δι' ὃν τὰ πάντα ἐζημιώθην καὶ ἡγοῦμαι σκύβαλα. ἵνα Χριςὸν κερδήσω καὶ εὑρεθῶ μὴ ἔχων δικαιοσύνην τὴν ἐκ νόμου ἀλλὰ τὴν διὰ πίςεως Χριςοῦ· ὁρᾶτε πῶς ἐνταῦθα δι' ὧν λέγει τὸν νόμον κατέβαλε. καὶ ὅλον ἑαυτῷ τῇ κατὰ Χριςὸν προσήνεγκε πίςει, καὶ τὰ μὲν κατ' αὐτὸν οὕτως· ἐν δὲ τῇ πρὸς ῥωμαίους ἐπιςολῇ πρὸς οὕς καὶ γράφων ἦν οὕτω πως φησὶν· ἡ ἱκανότης ἡμῶν ἐκ τοῦ θεοῦ· ὃς καὶ ἱκάνωσεν

емъ осмодневенъ отъ рода ізраилева. колѣна веніаминова. евреинъ отъ еврей. по закону фарисей. по ревенію гоня церковь. по правдѣ яже въ законѣ непороченъ. почтоже же сія глаголеть. яко аще за еже обрѣзавати плоть. мнится кто съвръшенъ быти въ вѣрѣ. азъ паче иныхъ дълженъ бѣхъ въ сихъ хвалитися, яко въ обрѣзани рождься, и обрѣзався. и законнаа вся съвършивъ: но яже ми бѣху въ законѣ пріобрѣтеніа рече. сіа вмѣнихъ за христа тъщета быти, за прѣимущее разума христа іисуса господа нашего. егоже ради вся отътщетихся, и въмѣняю умети да христа приобрящу. и обрящуся не имый правды яже отъ закона. но яже вѣрою іисусъ христовою: зриши ли како здѣ имиже глаголеть, законъ разори. и всего себѣ яже въ христа принесъ вѣрѣ. и яже убо о немъ сице. въ посланіи же яже къ римляномъ. къ нимъ же и пиша сице рече; яко отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть прѣдъ богомъ. яко бо кромѣ закона правда божіа явися вѣрою іисусъ христовою. въ всѣхъ и на всѣхъ вѣрующіихъ. и пакы. съпогрѣбохом-

ἡμᾶς διακόνους καινῆς διαθήκης οὐ γράμματος ἀλλὰ πνεύματος· τὸ γὰρ γράμμα ἀποκτέινει τὸ δὲ πνεῦμα ζωοποιεῖ. εἰ δε ἡ διακονία τοῦ θανάτου ἐν γράμμασιν ἐντετυπωμένη ἐν λιθίνοις· ἐγεννήθη ἐν δόξῃ. περὶ τοῦ μωσαϊκοῦ νόμου τοῦτο λέγων· θανάτου νόμον αὐτὸν καλῶν διὰ τὸ χωρὶς οἰκτιρμῶν ἐπὶ δυσὶν ἢ τρισὶ μάρτυσιν ἀποθνήσκειν παραβαίνων αὐτὸν, πῶς οὐχὶ μᾶλλον ἡ διακονία τοῦ πνεύματος ἔσαι ἐν δόξῃ· καὶ ὅτι κάλυμμα ἐπὶ τὸ πρόσωπον ἐπετίθετο τοῦ μωσέως· πρὸς τὸ μὴ ἀτενίσαι τοὺς υἱοὺς ἰσραὴλ· εἰς τὸ τέλος τοῦ καταργουμένου. καὶ ὅτι ἄχρι τῆς σήμερον τὸ αὐτὸ κάλυμμα ἐπὶ τῇ ἀναγνώσει τῆς παλαιᾶς διαθήκης μενεῖ. μὴ ἀνακαλυπτόμενον, ὅτι ὁ νόμος ἐν Χριςῷ καταργεῖται· καὶ πάλιν ὥςε εἴτις ἐν Χριςῷ καινὴ κτίσις· τὰ ἀρχαῖα παρῆλθεν· ἰδοὺ γέγονε τὰ πάντα καινὰ· ἵνα οἱ ζῶντες μηκέτι ἑαυτοῖς ζῶσιν· ἀλλὰ τῷ ὑπὲρ αὐτῶν ἀποθανόντι καὶ ἐγερθέντι· ἀλλὰ καὶ ἐν τῇ πρὸς γαλάτας ἐπιςολῇ καὶ περὶ τῆς ἀποβολῆς τοῦ νόμου καὶ τῆς τελείας καταλύσεως αὐτοῦ σαφῶς διέξεισι. πάλιν τὴν ἐπιςολὴν περὶ τούτου ἐνςησάμενος· ἐπειδὴ γὰρ ἦσαν κἀντούτῳ τινὲς πιςεύσαντες μὲν,

ся убо крещеніемъ. да въ новости жизни ходимъ. и аще умрѣхомъ съ христомъ. вѣруемъ яко и живы будемъ съ нимъ. и въеже быти намъ иному изъ мертвыхъ въскресшому, да плодоносимъ богови: и пакы: нынѣ же упразднихомся отъ закона, въ немъже съдръжахомся. якоже работати намъ въ новости духа. а не ветхости писмене: и въ второмъ еже къ кореневомъ послани, сице рече: доволъство наше отъ бога. иже удовли насъ служити нову завѣту. не писмены, но духу, писме бо убиваетъ. духъ же животворить. аще же служеніе смерти въ писмени, въображенно въ каменныхъ, бысть въ славѣ: о моусеовѣ законѣ се рече. смерть законъ самый глаголя. а еже безпощадѣніа придвою или тріехъ свѣдѣтелихъ умирати. иже тъи прѣступающому: како не паче служеніе духа будетъ въ славѣ. и яко покрывало на лици полагаше моусеовѣ. къ еже не взирати сыномъ ізраилевомъ, въ конецъ упраждняемаго. и яко даже до днесь тожде покрывало, въ чьтени ветхаго завѣта пребываеть, не открываася. яко о христѣ упразднится: и пакы:

εἰς Χριστὸν· τιμῶντες δὲ τὴν περιτομὴν· καὶ τοὺς γαλάτας πείθοντες τέμνεσθαι, καὶ τὰς παρατηρήσεις τοῦ νόμου καὶ τὰς νουμηνίας φυλάττειν, θαυμάζω φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ ἀπόστολος· ὅτι οὕτως ταχέως μετατίθεσθε ἀπὸ τοῦ καλέσαντος ὑμᾶς ἐν χάριτι Χριστοῦ εἰς ἕτερον εὐαγγέλιον ὃ οὐκ ἔστιν ἄλλο εἰ μήτινες εἰσὶν οἱ θέλοντες μεταστρέψαι τὸ εὐαγγέλιον τοῦ Χριστοῦ· ἀλλὰ καὶ ἐὰν ἴσως φησὶν ὡς ἄνθρωποι διαστραφέντες θελήσωμέν τι ἕτερον εἰπεῖν μετὰ ταῦτα· καὶ ἡμεῖς ἢ ἄγγελος ἐξ οὐρανοῦ εὐαγγελίσηται παρ' ὃ εὐηγγελισάμεθα ὑμῖν, ἀνάθεμα ἔστω· καὶ ὡς προείρηκα πάλιν λέγω· εἴτις εὐαγγελίζεται ὑμῖν παρ' ὃ παρελάβετε, ἀνάθεμα ἔστω· ὅτι τὸ εὐαγγέλιον τὸ εὐαγγελισθὲν ὑπ' ἐμοῦ, οὐκ ἔστι κατὰ ἄνθρωπον· εἰδότες ὅτι οὐ δικαιοῦται ἄνθρωπος ἐξ ἔργων νόμου· ἐὰν μὴ διὰ πίστεως Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ ἡμεῖς εἰς Χριστὸν ἐπιστεύσαμεν, ἵνα δικαιωθῶμεν ἐκ πίστεως Χριστοῦ· καὶ οὐκ ἐξ ἔργων νόμου πᾶσα σάρξ. ἐγὼ γὰρ διὰ νόμου νόμῳ ἀπέθανον ἵνα ἐν θεῷ ζήσω· ζῶ δὲ οὐκέτι ἐγώ· ζῇ δὲ ἐν ἐμοὶ Χριστός· ὃ δὲ νῦν ζῶ ἐν σαρκὶ ἐν πίστει ζῶ τῇ τοῦ θεοῦ τοῦ ἀγαπήσαντός με. καὶ παραδόντος ἑαυτὸν ὑπὲρ ἐμοῦ. εἶτα ὦ ἀνόητοί

Тѣмъ же аще каа о христѣ нова тварь. древняя прѣидоша. се быша вся новаа. да живущеи, не ктому себѣ живутъ. но иже о ныхъ умершому и въставшому: но и въ посланіе же къ галатомъ. о отложени закона, и съвръшеннаго разореніа его, явьственѣ сповѣдуетъ. посланіе о семъ съставль. понеже убо бѣху и отъ сихъ нѣціи вѣровавше въ христа. почитающе же обрѣзаніе. и галати повинующе обрѣзоватися. и назираніа законнаа, и новомѣсечіа хранити: чюждуся рече къ нимъ. яко скоро сице прѣлагаетеся отъ звавшаго васъ благодѣтію христовою. въ иное евангеліе, еже нѣсть ино. аще не нѣціи суть хотящеи прѣвратити евангеліе христово. но и аще не кии рече яко человѣцы прѣвратившесь, въсхощемъ что рещи по сихъ. и аще и мы, или аггелъ съ небесе благовѣститъ, паче еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ. и якоже прѣдрекохъ. и пакы глаголю. аще кто благовѣститъ вамъ паче еже пріасте, анаѳема да будетъ, яко благовѣстіе благовѣщенное отъ мене нѣсть по человѣку. видѣвше же яко не оправъдуется человѣкъ отъ дѣлъ

φησι γαλάται τίς ὑμᾶς ἐβάσκανε τῇ ἀληθείᾳ μὴ πείθεσθαι, ἐξ ἔργων νόμου τὸ πνεῦμα ἐλάβετε, ἢ ἐξ ἀκοῆς πίςεως; ἦσαν γὰρ βαπτισθέντες καὶ σημεία πεποιηκότες· οὕτως ἀνόητοι ἐςὲ φησὶν ἐναρξάμενοι πνεύματι· νῦν σαρκὶ ἐπιτελεῖσθε· ὅσοι γὰρ ἐξ ἔργων νόμου εἰσὶν, ὑπὸ κατάραν εἰσὶ· διατί ὑπὸ κατάραν; ὅτι γέγραπται ἐν τῷ νόμῳ· επικατάρατος ὃς οὐκ ἐμμένει ἐν τῷ νόμῳ τοῦ ποιῆσαι πάντα τὰ γεγραμμένα ἐν αὐτῷ· ὅτι δὲ ἐν νόμῳ οὐδεὶς δικαιοῦται παρὰ τῷ θεῷ, δῆλον ὅτι δίκαιος ἐκ πίςεως ζήσεται. ὁ δὲ νόμος οὐκ ἐκ πίςεως ἀλλ' ὁ ποιήσας αὐτὰ ἄνθρωπος ζήσεται ἐν αὐτοῖς. Χριςὸς ἡμᾶς ἐξηγόρασεν ἐκ τῆς κατάρας τοῦ νόμου· γενόμενος ὑπὲρ ἡμῶν ἐν τῷ ςαυρῷ κατάρα· ἵνα εἰς τὰ ἔθνη ἡ εὐλογία τοῦ ἀβραὰμ γένηται. ποῖα αὕτη; ἡ λέγουσα ὅτι ἐνευλογηθήσονται ἐν σοὶ πᾶσαι αἱ φυλαὶ τῆς γῆς. ὁ γὰρ νόμος παιδαγωγός ἡμῶν γέγονεν εἰς Χριςὸν. ἵνα ἐκ πίςεως δικαιωθῶμεν· ἐλθούσης δὲ τῆς πίςεως οὐκέτι ὑπὸ παιδαγωγὸν ἐσμεν. πάντες γὰρ υἱοί τοῦ θεοῦ ἐςὲ διὰ τῆς πίςεως ἐν Χριςῷ Ἰυσοῦ· ὅσοι γὰρ εἰς Χριςὸν ἐβαπτίσθητε, Χριςόν ἐνεδύσασθε. τί ἐςι τὸ, χριςὸν ἐνεδύσασθε; ὅτι ὥσπερ τὸ ἱμάτιον ἐντὸς ἑαυτοῦ ἅπαν κατέ-

закона, аще не вѣрою іvсусъ христовою. и мы въ христа вѣровахомъ. да оправъдимся отъ вѣры христовы, а не отъ дѣлъ закона. зане не оправъдится отъ дѣлъ закона всяка плоть, азъ бо закономъ закону умрѣхъ, да богови живъ буду. живу же не къ тому азъ, живетъ же въ мнѣ христосъ, а еже нынѣ живу въ плоти, вѣрою живу сына бо жіа. възлюблшаго мя, и прѣдавшагося по мнѣ: Таже, о несмыслныи рече галате, кто вы прѣльсти истинѣ не покаратися. отъ дѣлъ ли закона духъ пріасте, или отъ слуха вѣры: бѣху бо крѣщьсеся и знаменіе сътворьте. сице несмыслены есте рече, наченъше духомъ, нынѣ плотію сконъчаваете, елици бо отъ дѣлъ закона суть подъ клятвою суть, подъ что подъ клятвою. зане пишетъ въ законѣ. проклятъ всякъ иже не прѣбудетъ въ законѣ, еже сътворити вся писанная въ немъ. а якоже въ законѣ никтоже оправдуется отъ бога, явѣ яко праведникъ отъ вѣры живъ будетъ. законъ же не отъ вѣры. но сътворивы я человѣкъ, живъ будетъ въ нихъ. христосъ ны искупилъ отъ клятвы закона. бывъ о насъ на крестѣ клятва.

χον τὸ σῶμα περικλείει καὶ συνέχει καλῶς, οὕτως ἡ κατὰ Χριςὸν πίςις ἐν αὐτῇ συνέχουσα οὐκ ἐᾶ τὸν πιςεύοντα τοῦ νόμου μετέχειν καὶ ἐπὶ τὰς παραδόσεις ἐκείνου καὶ τὰς παρατηρήσεις ἐκτρέπεσθαι. εἴγε καλῶς βοῦλοιτο ὁ πιςεύων πιςεύειν· καὶ ἀσφάλειαν ἐπὶ τούτῳ ἐπιφέρει λέγων· οὐκ ἔνι ἰουδαῖος οὐδὲ ἕλλην οὐκ ἔνι δοῦλος οὐδὲ ἐλεύθερος. ὅτε ἦλθε τὸ πλήρωμα τοῦ χρόνου ἐξαπέςειλεν ὁ θεὸς τὸν υἱὸν αὐτοῦ· γενόμενον ἐκ γυναικὸς, γενόμενον ὑπὸ νόμον· ἵνα τοὺς ὑπὸ νόμον ἐξαγοράσῃ· ἵνα τὴν υἱοθεσίαν ἀπολάβωμεν· γίνεσθε οὖν ὡς ἐγώ φησιν· ἤγουν ἄφετε τὴν περιτομὴν. καὶ πιςεύσατε εἰς Χριςὸν· ὅτι κἀγὼ ὡς ὑμεῖς ἤγουν ἐν περιτομῇ, ἀλλὰ κατέλυσα αὐτὴν διὰ Χριςὸν· ζηλοῦσιν ὑμᾶς οὐ καλῶς ἀλλὰ ἐκκλεῖσαι ὑμᾶς θέλουσιν· ἵνα αὐτοὺς ζηλῶτε· καλὸν δὲ τὸ ζηλοῦσθαι ἐν καλῷ πάντοτε· τεκνία μου οὕς πάλιν ὠδίνα ἄχρις οὗ μορφωθῇ Χριςὸς, ἐν ὑμῖν ἤθελον παρεῖναι πρὸς ὑμᾶς ἄρτι καὶ ἀλλάξαι τὴν φωνήν μου· ὅτι ἀποροῦμαι ἐν ὑμῖν. οἱ ὑπὸ νόμον θέλοντες εἶναι τοῦ νόμου οὐκ ἀκούετε· λέγοντος πρὸς τὸν ἀβραάμ· ἔκβαλε τὴν παιδίσκην καὶ τὸν υἱὸν αὐτῆς· οὐ γὰρ μὴ κληρονομήσει ὁ υἱὸς τῆς παιδίσ-

да въ языцѣхъ благословеніе авраамле будете. которое сіе; глаголющее. яко благословятся о тебѣ вся колѣна земльская. законъ бо нѣстунъ намъ бысть въ христа, да отъ вѣры оправдимся. пришедшіи же вѣрѣ, уже не подъ нѣстуномъ есмы. вси бо сынове божіи есте вѣрою о христѣ іисусѣ. елици бо въ христа крститеся. христа облѣкостеся. что есть христа облѣкостеся, якоже бо одежда вънутрь себе вьсе тѣло съдержа объемлеть, и обърѣжитъ добрѣ. тако и яже въ христа вѣра. въ себѣ съдръжащи. не оставляетъ вѣрующаго закону причастна быти. и па прѣданіа оного и назираніа обращатися, аще добрѣ хощеть вѣруяи вѣровати, и непогрѣшнѣ. сего ради и наводитъ глагола, нѣсть іудеинъ, ни еллинъ, нѣсть рабъ. ни свободъ. егда бо пріиде кончина лѣту. посла богъ сына своего бывающа отъ жены, бывающа подъ закономъ. да сущее подъ закономъ. искупитъ да въсыненіе пріимемъ. будѣте убо якоже азъ рече. сіи рѣчь, оставите обрѣзаніе, и вѣруйте въ христа. зане и азъ яковый. сіи рѣчь, въ обрѣзани. но раздрушихъ то за христа. не ревънують васъ

χης μετὰ τοῦ υἱοῦ τῆς ἐλευθέρας. ἡμεῖς δὲ οὐκ ἐσμὲν παιδίσκης τέκνα, ἀλλὰ τῆς ἐλευθέρας. τῇ ἐλευθερίᾳ οὖν ἐν ᾗ ὁ Χριστὸς ἡμᾶς ἠλευθέρωσε, στήκετε· καὶ μὴ πάλιν ζυγῷ δουλείας ἐνέχεσθε· ἴδε ἐγὼ παῦλος λέγω ὑμῖν. ἐὰν περιτέμνησθε, Χριστὸς ὑμᾶς οὐδὲν ὠφελήσει· μαρτύρομαι δὲ πάλιν παντὶ ἀνθρώπῳ περιτεμνομένῳ· ὀφειλέτης ἐστὶν ὅλον τὸν νόμον ποιῆσαι· κατηργήθητε οὖν ἀπὸ τοῦ Χριστοῦ, οἵτινες ἐν νόμῳ δικαιοῦσθε· καὶ τῆς χάριτος ἐξεπέσετε· ἐν γὰρ Χριστῷ Ἰησοῦ οὔτε περιτομή τι ἰσχύει οὔτε ἀκροβυστία· ἀλλὰ πίστις δι' ἀγάπης γινομένη· ἐτρέχετε καλῶς, τίς ὑμᾶς ἐνέκοψε τῇ ἀληθείᾳ μὴ πείθεσθαι· μικρὰ ζύμη ὅλον τὸ φύραμα ζυμοῖ. τί τοῦτο λέγων καὶ ὁ μικρόν τι τοῦ νόμου ποιῶν πιστὸς ὤν, ὅλην τὴν κατὰ Χριστὸν δοκεῖ φύρειν καὶ συγχεῖν πίστιν· καὶ ἰδαῖος μᾶλλον, ἀλλ' οὐ πιστὸς ἀληθής ἐστιν· ἐγὼ δὲ εἰ περιτομὴν κηρύσσω φησὶν ἀδελφοί, τί ἔτι διώκομαι; ἄρα κατήργησε τὸ σκάνδαλον τοῦ πιστοῦ ὄφελον καὶ ἀποκόψονται οἱ ἀναστατοῦντες ὑμᾶς. ἤγουν ἐάν τὴν περιτομὴν φησιν οὕτως ἀσπάζωνται· καὶ τὰ γεννητικὰ μόρια ὅσον ἐπὶ τούτῳ ἐκκόψειεν. ἴδετε πηλίκοις ὑμῖν γράμμασιν ἔγραψα τῇ ἐμῇ χειρὶ·

не добрѣ. но раслабити васъ хотятъ да имъ ревнуете. добро же еже ревновати въ доброе всегда. чадца моа ихъже пакы порожду, донъдеже въобразится христосъ въ васъ. хотѣхъ пріити къ вамъ нынѣ. и измѣнити гласъ мой, яко недоумѣваю о васъ. иже подъ закономъ хотящеи быти. закона ли не слышите глаголюща къ аврааму. иждени рабу и сына ея. не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинъ, съ сыномъ свободъныя. мыже нѣсмы рабынина чяда, но свободныа: рабынина чяда, иже подъ закономъ сущеи суть. свободою убо еюже христосъ насъ свободи. стоите, и не паки игомь работы съдръжими будете. се азъ павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзуетеся, христосъ васъ ничтоже пользуетъ. свѣдѣтельствую же пакы всякому человѣку обрѣзующемуся. яко дължникъ есть весь законъ сътворити. упразднистеся убо отъ христа иже закономъ оправъдаетеся. и благодати отпадосте. о христѣ бо іисусѣ. ни обрѣзаніе что можеть, ни акровистіа. но вѣра любовію дѣйствуема. Течасте добрѣ кто вы възрази истинѣ не покарятися. маль къвасъ все въмѣшеніе ква-

ὅσοι θέλουσιν εὐπροσωπῆσαι ἐν σαρκὶ· οὗτοι ἀναγκάζουσιν ὑμᾶς περιτέμνεσθαι· ἵνα ἐν τῇ ὑμετέρᾳ σαρκὶ καυχήσωνται. ἀντὶ τοῖς ἰδιωτικοῖς καὶ ἀδροῖς γράμμασι τὸ ἐθέλειν μὲν, διὰ τούτων πιϛώσασθαι· ὡς οὔτε ἄζυμα οὔτε τὴν περιτομήν οὔτε τὸν νόμον δέχομαι· ἐμοὶ δὲ μὴ γένοιτο καυχᾶσθαι εἰ μὴ ἐν τῷ ϛαυρῷ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριϛοῦ, δι οὗ ἐμοὶ κόσμος ἐϛαύρωται· κἀγὼ τῷ κόσμῳ· ἐν γὰρ Χριϛῷ Ἰησοῦ οὔτε περιτομὴ τί ἰσχύει οὔτε ἀκροβυσία· ἀλλὰ καινὴ κτίσις καὶ ὅσοι τῷ κανόνι τούτῳ ϛοιχήσουσιν εἰρήνη ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἔλεος. τοῦ λοιποῦ κόπους μοι μηδεὶς παρεχέτω· ἐγὼ γὰρ τὰ ϛίγματα τοῦ κυρίου Ἰησοῦ ἐν τῳ σώματί μου βαϛάζω τὸ ἀξιόπιϛον διὰ τῶν ϛιγμάτων καὶ τὸ ὑπερέχον αἰνιττόμενος. ἵνα δὲ καὶ ἀπὸ τῆς βίβλου τῶν πράξεων δῆλον ἡμῖν γένηται ὅτι καὶ χωρὶς περιτομῆς καὶ ἀζύμων καὶ τῆς τοῦ νόμου παρατηρήσεως πάντα τὰ ἔθνη προσεδέξατο διὰ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος ὁ τῶν ὅλων θεὸς, δῆλον ἀπὸ τῆς κατενεχθείσης ὀθόνης ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἔμπροσθεν τοῦ πέτρου τοῦ ἀποϛόλου ἐν τῷ ὑπερώῳ, ὅτε πρόσπεινος ἐγένετο περὶ ὥραν ἕκτην καὶ ἤθελε φαγεῖν ὡς φησὶ λουκᾶς ὁ θεῖος εὐαγγελιϛὴς ἐν ταῖς πράξεσι καὶ ὑπέсить: что се глаголя. яко иже и малое что закона творя, вѣренъ сый. всю юже въ христа мнится смѣшати и смущати вѣру. и іудеинъ паче. а не вѣренъ истиненъ есть. азъ же аще обрѣзаніе проповѣдую рече братіе. что еще гонимь есмь. убо упразднися съблазнъ креста. ей, да и отрѣжутся разьвѣщающей васъ: сіи рѣчь. аще обрѣзаніе рече лобызають, и родные уды елико отъ сего да отрѣжутъ. Видѣте колицѣми писменъми писахъ вамъ, моею рукою. елици хотятъ благоличитися въ плоти. сіи понуждають вы обрѣзоватися, да въ вашей плоти похвалятся: Въмѣсто еже грубіими и дебелими писменъми. еже хотѣти ми сими увѣрити. яко ниже опрѣснокы. ниже обрѣзаніе. ниже законъ пріемлю. мнѣ же да небудеть. тъкмо о крестѣ господа нашего іисуса христа хвалитися. имъже мнѣ миръ распятся, и азъ мирови. о христѣ бо іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни акровистіа. но нова тварь и елици правилѣ семь приложатся, миръ на нихъ и милость. прочее труды да никтоже даетьми. азъ бо азъвы господа іисуса на тѣлѣ моемъ ношу: достовѣрное

δειξεν αὐτῷ ὁ θεὸς ἐκ τοῦ οὐρανοῦ τὴν σαγήνην· ἐν ᾗ ὑπῆρχε πάντα τὰ τετράποδα τῆς γῆς καὶ τὰ θηρία καὶ τὰ ἑρπετὰ καὶ τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ· καὶ ἐγένετο φωνὴ πρὸς αὐτὸν· ἀναςὰς πέτρε θῦσον καὶ φάγε· ὁ δὲ πέτρος εἶπεν· οὐδαμῶς κύριε· οὐδέποτε ἔφαγον πᾶν κοινὸν ἢ ἀκάθαρτον. καὶ φωνὴ πάλιν ἐκ δευτέρου πρὸς αὐτὸν· ἃ ὁ θεὸς ἐκάθηρε, σὺ μὴ κοίνου· τοῦ τοδὲ ἐγένετο ἐπί τρὶς καὶ πάλιν ἀνελήφθη τὸ σκεῦος εἰς τὸν οὐρανὸν· καὶ ἐπεὶ μετεςείλατο αὐτόν ὁ κορνήλιος ὑπέρ οὗ καὶ τὸ μυςήριον τῆς ὀδόνης γέγονεν· ἐλθὼν πρὸς αὐτὸν ἐμοί φησιν ὁ θεὸς ἔδειξε μηδένα κοινὸν ἢ ἀκάθαρτον λέγειν ἄνθρωπον· διὸ ἀναντιῤῥήτως ἦλθε μεταπεμφθεὶς [1]). ἐπ' ἀληθείας καταλαμβάνομαι ὅτι ἐν παντὶ ἔθνει ὁ φοβούμενος τὸν θεὸν καὶ ἐργαζόμενος δικαιοσύνην, δεκτὸς αὐτῷ ἐςὶ· καὶ τοῦτον πάντες οἱ προφῆται μαρτυροῦσιν ἄφεσιν ἁμαρτιῶν λαβεῖν διὰ τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ πάντα τὸν πιςεύοντα εἰς αὐτὸν. καὶ ἔτι λαλοῦντος τοῦ πέτρου τὰ ῥήματα ταῦτα, ἐπέπεσε τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον, ἐπὶ πάντας τοὺς ἀκούοντας ἀκροβύςους τὸν λόγον καὶ ἐξέςησαν οἱ ἐκ περιτομῆς πιςοὶ ὅσοι συνῆλθον τῷ πέτρῳ.

[1]) Напечатанные разрядкой слова написаны на полѣ другой рукой.

язвами изъявляя, и прѣимущее истины. да и отъ книгы дѣянія явленъно будеть вамъ. яко и кромѣ обрѣзаніа, и опрѣснокъ, и законнаго назиранія. вся языки пріатъ и спасаеть крещеніемъ, иже всѣхъ богъ. и явленно отъ снесенные плащанице съ небесе. прѣдъ апостола петра на горници, егда приалченъ бысть о часѣ шестомъ. и хотѣаша ясти, яко же рѣче лука божественный евангелистъ въ дѣяніихъ. и показа ему богъ съ небесе мрѣжу, въ ней же бѣху все звѣри и гады. и пътица небесныя. и помалѣ, яже богъ очисти, тый не оскверьняй. Таже пришедъ къ корнилію. мнѣ рече показа богъ, ни единого скврьна или нечиста глаголати человѣка. тѣмъ же и безъ сумнѣнія пріидохъ призванъ. въ истину разумѣю, яко въ всякомъ языцѣ бояйся бога, и творяй правду, пріать имъ есть. и се вьси пророци свѣдѣтельствують. оставленіе грѣхомъ пріати именемъ его, всякому вѣрующому въ нь. и еще глаголющу петру глаголы сіе. нападе духъ святый на все слышащее необрѣзанные слово, и ужасошася иже отъ обрѣзанія вѣрніи. елици пріидоша съ пет-

ὅτι καὶ ἐπὶ τὰ ἔθνη ἡ δωρεὰ τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐκκέχυται. ἤκουον γὰρ αὐτῶν λαλούντων γλώσσαις καὶ μεγαλυνόντων τὸν θεόν· καὶ ἀποκριθεὶς ὁ πέτρος εἶπε· μήτι τὸ ὕδωρ κωλῦσαι δύναταί τις τοῦ βαπτισθῆναι τούτους οἵτινες τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἔλαβον καθὼς καὶ ἡμεῖς· προσέταξεν αὐτοὺς βαπτισθῆναι ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ κυρίου Ἰησοῦ. ἤκουσαν δὲ καὶ οἱ ἀπόςολοι καὶ οἱ ἀδελφοὶ κατὰ τὴν Ἰουδαίαν, ὅτι καὶ τὰ ἔθνη ἐδέξαντο τὸν λόγον τοῦ θεοῦ· καὶ ὅτι ἀνέβη πρὸς αὐτοὺς πέτρος εἰς ἱεροσόλυμα· διεκρίνοντο οἱ ἐκ περιτομῆς λέγοντες πρὸς αὐτὸν· ὅτι πρὸς ἄνδρας ἀκροβυσίαν ἔχοντας εἰσῆλθον καὶ συνέφαγον αὐτοῖς· ἀρξάμενος δὲ πέτρος καὶ ἐκθέμενος τὰ κατὰ τὴν σαγήνην καὶ τὰ καθεξῆς ἅπαντα τὰ γεγονότα καὶ ὡς διδάσκοντος αὐτοῦ τὸν λαὸν καὶ ἐξηγουμένου τὸν λόγον, ἐξέπεσεν ἐπ' αὐτοὺς τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ὥσπερ ἐφ' ἡμᾶς ἐν ἀρχῇ· καὶ ὅτι ἐμνήσθη ἐν τούτῳ, τοῦ ῥήματος τοῦ κυρίου λέγοντος· ὅτι ἰωάννης μὲν, ἐβάπτισεν ὕδατι· ὑμεῖς δὲ βαπτισθήσεσθε ἐν πνεύματι ἁγίῳ· εἰ οὖν τὴν ἴσην δωρεὰν ἔδωκεν αὐτοῖς ὁ θεὸς πιςεύσασιν ἐπὶ τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριςὸν· ἐγὼ τίς ἤμην δυνατὸς φησι κωλῦσαι

ромъ. яко и на языки даръ духа изліяся святаго. Таже рече петръ. еда воду можеть кто възбранити еже не креститися имъ, иже духъ святый пріаша якоже и мый. и повелѣ имъ крéститися въ имя господа іисуса христа. слышаще же апостолы и братіа иже въ іудеи. яко и языци пріаша слово божіе. и егда взыде къ нимъ петрь отъ іерусалима. расужъдаху се иже отъ обрѣзаніа, сіи рѣчь освѣняхуся. глаголюще къ нему. яко къ мужемъ неимущіимъ обрѣзаніа вниде, и яде съ ними. наченъ же петръ, и исповѣдавъ яже о плащаници, вся бывшая. и яко учащу тому люди. и сказующу слово. нападе на ня духъ святый, яко же и на насъ въ начялѣ. и глаголаху языки величіа божіа. и славляху бога. и яко помянухъ въ семъ господа глаголюща. яко іоань убо крести водою. вы же креститися имате духомъ святыимъ аще убо равенъ даръ дасть имъ богъ вѣровавшіимъ въ господа нашего іисуса христа. азъ кто бѣхъ силенъ рече възбранити бога. слышавше же иже отъ обрѣзаніа сіа. умлькоша. и прославиша бога глаголюще. убо

τὸν θεὸν· ἀκούσαντες δὲ οἱ ἐκ περιτομῆς ταῦτα, ἡσύχασαν καὶ ἐδόξασαν τὸν θεὸν λέγοντες ἄρα γε ἐν τοῖς ἔθνεσιν ὁ θεὸς τὴν μετάνοιαν ἔδωκεν εἰς ζωήν· ὁρᾶτε ὡς χωρὶς περιτομῆς ἀζύμων καὶ σαββάτων· καὶ νουμηνίας· καὶ τῆς λοιπῆς νομικῆς παρατηρήσεως, ὁ θεὸς τὰ ἔθνη προσεδέξατο· κατὰ τὸ προφητικὸν ἐκεῖνον· τέθεικά σε εἰς φῶς ἐθνῶν· τοῦ εἶναι σε εἰς σωτηρίαν ἕως ἐσχάτου τῆς γῆς· καὶ παλιν διὰ τοῦ ἀβραὰμ φησὶν· ἐργον ἐγὼ ἐργάζομαι ἐν ταῖς ἡμέραις ὑμῶν ᾧ οὐ μὴ πιςεύσηται ἐάν τις ἐκδιηγῆται ὑμῖν, ὅτι ἀπὸ πάντων ὧν οὐκ ἠδυνήθητε ἐν τῷ νόμῳ μωσέως δικαιωθῆναι· ἐν τούτῳ φησὶν ὁ λουκᾶς· ὁ πιςεύων δικαιοῦται· καὶ μετ᾽ ὀλίγα· ἐπεὶ πάλιν φιλονείκως ἔχοντες οἱ ἐκ περιτομῆς πιςεύσαντες, ἔλεγον πρὸς τοὺς ἀδελφοὺς, ὅτι ἐὰν μὴ περιτέμνησθε τῷ ἔθει μωσέως, οὐ δύνασθε σωθῆναι. καθὼς καὶ περὶ τούτου φησὶν ὁ λουκᾶς· ἀναςὰς Πέτρος εἶπε πρὸς αὐτοὺς. ἄνδρες ἀδελφοὶ ὑμεῖς ἐπίςασθε ὅτι ὁ θεὸς ἐν ὑμῖν ἐξελέξατο διὰ τοῦ ςόματός μου ἀκοῦσαι τὸν λόγον τοῦ εὐαγγελίου τὰ ἔθνη καὶ πιςεῦσαι· καὶ ἐν τῷ διδάσκειν με αὐτοὺς ὁ καρδιογνώςης θεὸς ἐμαρτύρησε· δοὺς αὐ-

и въ языцѣхъ богъ покаанiе дасть въ животъ: Зрите ли яко кромѣ обрѣзанiа, и опрѣснокъ, и суботъ, и новомѣсячiа. и прочiихъ назираниi, богъ языки прiатъ, по пророческому оному. положихъ тя въ свѣтъ языкомъ. еже быти ти въ спасенiе до послѣдняя земля. и пакы пророкомъ рече. дѣло азъ съдѣлваю въ дни ваше. ему же не имате вѣровати, аще кто сповѣдуетъ вамъ. отъ всѣхъ отъ нихъ же не могосте рече петръ, въ законѣ моусеовѣ оправъдитися, о семь всякъ вѣруяй оправъдуется: и помалѣ пакы понеже любоперънѣ имуще иже отъ обрѣзанiа вѣровавшей, глаголаху къ братiямъ. яко аще не обрѣзуетеся обычаемъ моусеовѣмъ, не можете спастися. яко же о семь лука рече. въставъ петръ рече къ нимъ. мужи братiе. вьи вѣсте яко богъ въ насъ изъбра, усты моими услышати слово благовѣстiа языкомъ, и вѣровати. и вънегда учити ми ихъ. срьдовѣдець богъ свѣдѣтельствова, давъ имъ духъ святый кромѣ обрѣзанiа. и опрѣснокъ. якоже и намъ. и ничтоже расуди посредѣ насъ же и тѣхъ. вѣрою единою очистивъ сердца ихъ.

τοῖς πνεῦμα τὸ ἅγιον χωρὶς περιτομῆς καὶ ἀζύμων· καθὼς καὶ ἐν ἡμῖν· καὶ οὐδὲν διεκρίναμεν ἀναμεταξὺ ἡμῶν τε καὶ αὐτῶν· τῇ πίσει μόνῃ καθαρίσας τὰς καρδίας αὐτῶν. νῦν οὖν τί πειράζετε τὸν θεὸν ἐπιθεῖναι ζυγὸν ἐπὶ τὸν τράχηλον τῶν μαθητῶν· ὃν οὔτε οἱ πατέρες ἡμῶν οὔτε ἡμεῖς ἰσχύσαμεν βασάσαι· ἀλλὰ διὰ τῆς χάριτος τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ πιστεύομεν σωθῆναι ὁ πατὴρ ἡμῶν φησὶν ἀβραὰμ οὐκ ἐκ περιτομῆς ἀλλ' ἐκ πίστεως σέσωσαι· καὶ ἡμεῖς κατ' ἐκεῖνον πίστει καὶ οὐ νόμῳ σωζόμεθα· ἐπίστευσε γὰρ φησιν ἀβραὰμ τῷ θεῷ καὶ ἐλογίσθη αὐτῷ εἰς δικαιοσύνην. ὅρα δὲ πῶς ῥῆμα αὐτῶν ἅπτεται καὶ λέγει τί πειράζετε τὸν θεὸν· ἐπιθεῖναι ζυγὸν ἐπὶ τὸν τράχηλον τῶν μαθητῶν· ζυγὸν καὶ ἄχθος καὶ βάρος καλῶν τὸν νόμον· καὶ ὅτι ὑμεῖς φησὶν οἱ τούτῳ ἐμμένοντες τυφλώττετε· καὶ τῇ τοῦ νόμου σκιᾷ ἀργῶς παρακαθήμενοι. καὶ παρατηρήσεσιν αὐτοῦ τῆς εὐθείας ἐκτρεπόμενοι· ἐπὶ ὄρη καὶ βάραθρα πλανᾶσθε καὶ κρημνοὺς ἀπωλείας. ἀλλ' οὐχ' οὗτοι οἱ τῷ χριστῷ προσελθόντες καὶ ἀπαρατηρήτως βαπτισθέντες καὶ σωθέντες δι' αὐτοῦ ὅτε καὶ ὁ ἀδελφόθεος ἰάκωβος. ἄνδρες ἀδελφοὶ

нынѣ убо что искушаете бога, възложити яремь на выю ученикомъ. его же ни отци наши ни мый, възмогохомъ понести. но благодатію господа нашего іисуса христа вѣруемъ спастися: отець нашь рече авраамъ не отъ обрѣзанія, но отъ вѣры спасеся. и мый и по оному вѣрою а не закономъ спасаемся. Вѣрова бо рече авраамъ богови, и въмѣнися ему въ правъду: Зри како кротко тѣхъ касается. глаголя, что искушаете бога, възложити яремь на выю ученикомъ. яремь и тяжесть и брѣмя, нарицаа законъ. и яко вый рече иже въ семь пребывающей, слѣпотуете. и закона сѣни въсуе присѣдяще. и назираніемъ его съправаго съвращьшеся. по горахъ и пропастехъ заблуждаете, и стрьмнынахъ пагубы. но не сіи, иже не назирателънѣ христови приступльше, и крещьшеся имъ: Но и братъ божій іаковь. послушайте мене рече мужи братіе. сумеонъ сповѣда, яко богъ посѣти прѣжде, пріати отъ языкъ люди о имени своемъ, и сему съгласуютъ словеса пророчьскаа. тѣмъже азъ суждю, не стужати иже отъ языкъ обращающіимься къ богу. но заповѣдати

ἀκούσατε μου εἶπε· συμεὼν ἐξηγήσατο καθὼς ἐπεσκέψατο ὁ θεὸς λαβεῖν ἐξ ἐθνῶν λαὸν ἐπὶ τῷ ὀνόματι αὐτοῦ· καὶ τοῦτο συμφωνοῦσιν οἱ λόγοι τῶν προφητῶν· διὸ κρίνω κἀγὼ μὴ παρενοχλεῖν τοῖς ἀπὸ τῶν ἐθνῶν ἐπιστρέφουσιν ἐπὶ τὸν θεὸν· ἀλλ᾽ ἐπιστεῖλαι αὐτοῖς ἀπέχεσθε ἀπὸ τῶν ἀλισγημάτων τῶν εἰδώλων· καὶ τοῦ πνικτοῦ καὶ τοῦ αἵματος· τότε ἔδοξε τοῖς ἀποστόλοις καὶ πρεσβυτέροις σὺν ὅλῃ τῇ ἐκκλησίᾳ ἐκλέξαι ἄνδρας ἐξ αὐτῶν καὶ πέμψαι εἰς ἀντιόχειαν σὺν παύλῳ καὶ βαρνάβα· ἰούδαν τὸν καλούμενον βαρσαβᾶν καὶ σίλαν προφῆτας καὶ αὐτοὺς ὑπάρχοντας· καὶ ἄνδρας ἡγουμένους ἐν τοῖς ἀδελφοῖς. γράψαντες διὰ χειρὸς αὐτῶν τάδε· οἱ ἀπόστολοι καὶ οἱ πρεσβύτεροι καὶ οἱ ἀδελφοὶ πάντες τοῖς κατὰ τὴν ἀντιόχειαν καὶ συρίαν· καὶ κιλικίαν ἐξ ἐθνῶν ἀδελφοῖς χαίρειν· ἐπειδὴ ἠκούσαμεν ὅτι τινὲς τῶν ἐκ περιτομῆς ἐξελθόντες ἐτάραξαν ὑμᾶς λόγοις ἀνασκευάζοντες τὰς ψυχὰς ὑμῶν· λέγοντας δεῖν ὑμᾶς περιτέμνεσθαι καὶ τηρεῖν τὸν νόμον. ἔδοξεν ἡμῖν γενομένοις ὁμοθυμαδὸν ἐκλεξαμένοις ἄνδρας πνευματικοὺς καὶ χάριτος πλήρεις ἐκπέμψαι πρὸς ὑμᾶς σὺν τοῖς ἀγαπητοῖς ἡμῶν βαρνάβα καὶ παύλῳ καὶ ἀνθρώπους παримъ, огрѣбатися отъ требъ идольскыихъ. и блуда, и удавленины, и крове. тогда изволися апостоломъ и старцемъ. съ всею церковію. изъбравъше муже отъ нихъ послати въ антиохію съ павломъ и варнавою. іуду нарицаемаго варъсаву, и силу. написавъше рукою своею сия. апостолы и старъци, и братія вся. сущіимъ въ антиохіи, и суріи. и киликіи, отъ языкъ братіи радоватися: понеже слышахомъ яко нѣціи иже отъ обрѣзаніа пришедше. смутише васъ. словесы разъвращающе душа ваша. глаголюще, подобаетъ вамъ обрѣзоватися и блюсти законъ. изволися намъ бывъшіимъ въкупѣ, избравше муже послати къ вамъ, исплънъ духа и благодати. съ възлюбленъными нашима, варънавою и павломъ. възвѣщающіихъ и тѣхъ словомъ тажъде. изволибося святому духу и намъ. ничтоже множае възлагати вамъ тяготу. развѣ нуждныхъ сіихъ. огрѣбатися отъ идоложертвеныхъ. и крове. и удавленины. и блуда. отъ нихъже съблюдающе себе, добрѣ съдѣете. Здравьствуйте: Сущи же въ антіохіи иже отъ языкъ вѣровавшей, пріемше писаніе, и прочьше, възрадоваша-

ραδεδωκότας τὰς ψυχὰς αὐτῶν ὑπὲρ τοῦ ὀνόματος τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ· οὓς ἀπεστάλκαμεν πρὸς ὑμᾶς ἀπαγγέλλοντας καὶ αὐτοὺς διὰ λόγον τὰ αὐτά· ἔδοξε γὰρ τῷ ἁγίῳ πνεύματι καὶ ἡμῖν μηδὲν πλέον ἐπιτίθεσθαι ὑμῖν βάρος πλὴν τῶν ἐπάναγκες τούτων ἀπέχεσθαι εἰδωλοθύτων· καὶ αἵματος· καὶ πνικτοῦ. καὶ πορνείας· ἐξ ὧν διατηροῦντες ἑαυτούς εὖ πράξετε· ἔρρωσθε. οἱ δὲ κατὰ ἀντιόχειαν ἐξ ἐθνῶν πιστεύσαντες δεξάμενοι τὴν γραφὴν καὶ παῦλος καὶ σίλας καὶ ἰούδας· διὰ λόγου πολλοῦ παρεκάλεσαν τοὺς ἀδελφοὺς· καὶ τῇ κατὰ Χριστὸν ἐπεστήριξαν πίστει· τί οὖν ἀναγινώσκων ταῦτα καὶ ἐπιγινώσκων ἃ ἀναγινώσκεις ἀπαιτήσεις τοὺς ἐξ ἐθνῶν βαπτιζομένους περιτομὴν· ἢ ἄζυμα ἢ σάββατα· ἢ νουμηνίας ἢ παρατηρήσεις νομικὰς φυλάττειν· οἷς ἐμμένοντες, μεματαίωνται· νήπιοι· ἀντὶ ἀνδρῶν καὶ ἀτελεῖς ὄντες ἀεί καὶ γενόμενοι· ἡμεῖς δὲ δόξαν ἀναπέμφομεν τῷ τῶν ὅλων θεῷ τῷ διὰ σπλάγχνα ἐλέους αὐτοῦ τοὺς δύο λαοὺς εἰς ἓν διὰ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος συναγόντι τόν τε ἐξ ἐθνῶν καὶ τῶν ἰουδαίων· ἀφ' ὧν καὶ μία ποίμνη γενόμενοι ἕνα καὶ ποιμένα ἔσχον τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν· τὸν

ся. варнава же и павелъ, и сила и іуда. словомъ многомъ утѣшающе братію, въ христовѣ утвръдише вѣрѣ: кто убо прочитае сіа, и разумѣваа яже чьтеть. истяжетъ иже отъ языкъ крещаемыихъ, обрѣзаніе, или опрѣснокы, или суботы. или новомѣсечіа или назираніа законна хранити. въ нихъ же пребывающей, осуетишася, младенци въмѣсто мужъ, и не съвръшенъны присно. и сущеи бывающе: мыи же славу въспошлимъ всѣхъ богови иже милосердіа ради милости своя, двое люди въ едино, святыимъ крещеніемъ съвъкуплъшому. іудейскыя, и иже отъ языкъ. отъ нихъ же и едино стадо бывъше. единаго и пастыря стежавъше, самаго господа нашего іисуса христа. иже кромѣ закона. и иже въ немъ сѣневъныихъ назираніа, спасти насъ собою. и иже въ нь божественою вѣрою, благоизволивъшому, еюже намъ царство небесное въ наслѣдіе даровасе. и яже въ томъ вѣнъчающаа. и присно прѣбывающаа она благаа, богатъ-наже и божественаа съблюдошась и хранима суть. въ славу безначальнаго отца, и събезъначальнаго сына, и святаго и жи-

χωρὶς νόμου καὶ τῶν ἐν αὐτῷ σκιωδῶν παρατηρήσεων σῶσαι ἡμᾶς δι' ἑαυτοῦ καὶ τῆς ἐν αὐτῷ θείας πίστεως εὐδοκήσαντα· δι' ἧς ἡμῖν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἀποκεκλήρωται· καὶ τὰ ἐν αὐτῇ μόνιμα καὶ αἰώνια ἐκεῖθεν ἀγαθὰ ἄφθονα καὶ θεῖα τεταμίευται· εἰς δόξαν τοῦ ἀνάρχου πατρὸς· καὶ τοῦ μονογενοῦς αὐτοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος τῆς μιᾶς θεότητος καὶ ἐξουσίας καὶ δυνάμεως· ᾗ πρέπει πᾶσα δόξα τιμὴ καὶ προσκύνησις· νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων ἀμήν.

вотворящаго духа. нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь:

№ III.

Никиты пресвитера и инока, обители студитьскые. нарицаемаго съѳиѳата, посланіе кримляномъ о опрѣснокy, и постѣ суботнѣмъ, и брацѣхъ священническыихъ.

(Тамъ же съ Л. 205-го по 215).

Добро яже къ искренему любы, о всѣхъ языкъ прѣмудрѣйши римляне, и благороднѣйшіи. отъ еже бо имати къ искренѣнему любы, и смѣреніе къ имущему тъи изъобилуетъ. сіи же изъобилующи. творитъ причастника ей вся трьпѣти. вся прѣстрадовати. яко же рече апостоль. и невъзносится на ближняго своего. или възиматися нань. ниже своя тъкмо искати. или рьвеніе имѣти къ нему, и распрю, и тяжбу. вся бо сіа любовь отгонятъ, и смѣреніе. и творятъ человѣка не ходити по бозѣ, но по человѣкоугодію. ему же и павелъ ругается глаголя, идѣже суть въ васъ распря и рьвеніа. и свары. не плотьсъци ли есте. и по человѣку ходите: тѣмъ же молю вашу любовь, смѣритися божіа ради заповѣди. и услышати отъ насъ смѣренныихъ и худыхъ. въ прошенѣномъ бывшемъ мно-

гащи отъ различныихъ римлянъ, приходящіихъ здѣ о опрѣснoку что глаголемъ любовію христовою къ нимъ: иже опрѣснокъ еще причащающеися, подъ сѣнію закона суть, и трапезу іудейску ядутъ, а не словесную и живую божію. и намъ вѣровавшіимъ человѣкомъ насущественну и единосуществену, якоже испрьва просити насущьственны научени быхомъ хлѣбъ. что бо есть насущьственны, развѣ яко намъ вькупосущьственъ. инъже нѣсть ни единъ же вькупосущьственъ хлѣбъ, развѣ тѣло христово. яко вькупосуществену бывьшу намъ по плоти того человѣчества. да аще одушевленно есть существо нашего вмѣшеніа, еже слово въспріатъ. убо не насущественны намъ хлѣбъ ясте, опрѣснокъ причащающеся. опрѣснокъ бо, явѣ есть яко есть безъдушенъ. Яко же и самое вещей естество, явьственѣйшей учитъ прѣдвъложьшіибося малый квасець въ вмѣшеніе брашъна. и смѣси все съ нимъ. и едино въсе тѣсто устроивъсе. силою нѣкоею животною съгрѣваеть тои. и движимо якоже живо съдѣловаетъ. еже въ безквасиѣмъ тѣстѣ фарисеисцѣмъ не бысть, ниже убо коли будетъ. его же и бѣжати намъ слово повелѣваеть: божественнаго быхомъ обещници естества, его же и причащаемся на всякъ день. общеніе имуще съ христомъ. яко же рече петрь врьховный апостоломъ благодать вамъ и миръ да умножится въ познаніе божіе. и іисуса господа нашего. и помалѣ. да и сіихъ ради будете божественнаго обьщници естества. неубо естество божествено кто речеть когда, господь сый помыслу, бесквасное и мертвое тѣсто іудейское. еже въ жертву вьи богови приносите и еже якоже въмѣстообразно живьиие плоти господня ясте. какоже и общеніе възимате съ Христомъ, ядуще законъные сѣны, а не новаго завѣта: аще бо и сеи речете, но не сице имать рече бо възлюбленыи Христовъ ученикъ. аще речемъ яко общеніе имамы съ пимъ, и въ тмѣ ходимъ, лжемъ и не творимъ истины. аще ли же вь свѣтѣ ходимъ. яко тъи есть въ свѣтѣ приобщеніе имамы другъ съ другомъ. и кровь Іисуса Христа сына его оцѣстить ны отъ всякаго грѣха: иже убо опрѣснокы ядый, въ тмѣ закона ходить. како общеніе възиматъ съ Христомъ, и съ сущіими въ свѣтѣ новаго его завѣта. и благодати. иже убо ядутъ тѣло Христово. и піють кровь его пречистую. и тако имутъ съ другъ другомъ и съ Христомъ, объ-

щеніе. очищаемый якоже прѣдречеся отъ всякаго грѣха. опрѣснокъ же, не хлѣбъ есть. не бо съвръшенъ. ниже самосъвръшенъ. но недостаточень и исполу есть, трѣбующе исплъненіе къвасца: Смотрите же, яко убо въ опрѣсноцѣхъ. ни едина каа есть животнаа сила. мертво бо есть. въ хлѣбѣ же сіи рѣчь. тѣлесы Христовѣ три животъна и животъ подающа, иже того достойнѣ ядущіимъ. духъ, вода, и кровь. якоже и самъ тъи напрьсникъ Христовъ Іоаннъ. съсвѣдѣтельствуеть ми слову. три суть свѣдѣтельствующеи рече. духъ, и вода. и кровь. и три въ единомъ суть. сіи рѣчь тѣлѣ Христовѣ. еже и въ время Христова распятіа явѣ бысть. внегда вода и кровь отъ прѣчистаго ребра его истече копіемь прободъшуся ему, живыи же и святый духъ прѣбысть въ обоженной плоти его. юже ядуще мыи въ хлѣбѣ, прѣлагаемѣмъ въ тѣло Христово. живемъ въ немъ. яко живу и обоженъну плоть ядуще. такожде и кровь живу и топлотну его піюще, съ истекъшею водою отъ нетлѣннаго ребра его. очищаемъся отъ всякаго грѣха. и горящаго исплъняемся духа. топла бо сущи якоже зрите, якоже отъ ребра господня пиема. понеже отъ плоти живые. духомъ, и топлые христовы. топлотъна кровь намъ и вода истече. еже въ ядущіихъ опрѣснокы. не имать мѣста быти да аще мертво мѣсто ясте о прѣмудріи. якоже слово указа чесо ради хвалитесе глаголюще. яко, неякоже вы и солію и квасъцемъ и водою, брашъно мѣсимъ. и тако творимъ възношеніе тѣста нашего. но водою тъкмо и брашномъ и огнемъ, опрѣснокъ съвръшаемъ. и треми сіими чисту творимъ жръртву нашу: Въпрашаю убо васъ. три сіе, воду и брашно и огнь, въ что пріемлете. и чесому въ мѣстообразна сіа быти мните. плоти ли господней; но не рече възлюбленныи христомъ іоанъ. три суть свѣдѣтельствующей. вода брашно и огнь. но что; духъ вода и кровь. и три въ единомъ суть, явѣ яко тѣлѣ христовѣ якоже речеся. еже мыи ядуще, съединяемся иже насъ ради въплощомуся богови. сътѣлесны бывающе ему и кость отъ костей его якоже есть писанъно. аще ли же въ несъзданъное и бестѣлесное естество святыя троице сіа пріемлете, съгрѣшаете въ богострастникъ впадающе ересь, иже глаголють, съпострадати плоти слова, итого божеству. небо

въкупѣ троица въплотися. отець и сынъ и духъ. да зрятся въ тои сіа трии. вода якоже глаголете, и брашно и огнь. и яко въмѣстообразно тои творите опрѣсноки въ жрътву приносите. но единъ святыа троице сынъ и слово божіе. въплощься отъ чистыихъ святыя дѣвы кровей въчльвѣчися. и вся яже смотреніа съвръшивъ своего. распятся плотію. не пострадавшу его божеству. плотію убо распенъся, прѣдасть намъ ясти хлѣбъ плоть свою. иже духомъ живу святыимъ. сице рекъ пріимѣте ядите се есть тѣло мое. еже о васъ ломимое въ оставленіе грѣхомъ. что убо обще вамъ иже о Христѣ братіамъ нашимъ, и закону упражъненъному Христомъ. яко еще опрѣсночное тѣсто ясте: нова тварь есмы о Христѣ. древняя мимоидоша, павла слышите глаголюща, сеи быша вся новая аще ли же сіе ясти судите, почто и необрѣзуетеся. Христосъ бо обрѣзася. почто и не очищаетеся по закону, павлу и сеи съдѣявшу. и инаа вся такожде не сблюдаете ветьхаа. елика и сущіи въ законѣ творятъ. ихъ же ради имя божіе въ языцѣхъ хулится, якоже есть писанъно: не добра похвала ваша. да и азъ апостоловая провѣщаю къ вамъ. не вѣсте ли рече. яко малъ квасъ въсе въмѣшеніе къвасить. не о хлѣбѣхъ слово. но что сіа хотя апостолъ пишетъ ко коринѳомъ. не якоже выи мните, о еже праздновати тѣмъ опрѣснокы, никакоже. но понеже оны. ово убо прѣзираху иже мащеху поемшаго. овоже и въ ветхыхъ обычаихъ лъжеименнаго разума ихъ хваляхуся. хотя ихъ павелъ възразити. и отъ ветхыя прѣложити злобы. якоже образомъ сімъ, къвасомъ глаголю и въмѣшеніемъ показа имъ. яко едино зло яко мало прѣзираемо. великъ въ общее тѣло церковное, врѣдъ стваряеть. Тѣмъ же и наводя рече, и не плакасте, да изъмется отъ среды вашее. иже дѣло сіе съдѣлавы. можеть бо рече злоба сіа. въ вся ваша грады раздатися. якоже малъ къвасець, все въмѣшеніе къваситъ. сице всѣхъ обяти и разъмѣсити. и едино тѣсто. сій рѣчь грѣхъ съдѣяти въ всѣхъ великъ. очистите убо ветьхіи къвасъ рече грѣха, да будете ново въмѣшеніе. якоже есте крестивъшесе бесквасны. сіи рѣчь. чисти умертвившесе миру. и похотѣмъ плотскымъ. ибо пасха наша се есть. яко убо о еже быти намъ свободномъ отъ грѣха и смерти, пождренъ бысть Христосъ. тѣмъ

же рече празднуимъ, не въ квасѣ ветъсѣ грѣха. ни къвасѣ злобы и лукавьства. но въ безъквасіи чистоты и истины. сіи рѣчь, чиста житіа и вѣры. съ нею же яко бога вѣрующе истинна. истинны поклонницы сему бываемъ. сице бо и великыи григоріе богословъ. глаголъ издасть съи. и сице есть о прѣмудріи, съмысль апостольскаго реченіа а не якоже вый тъи пріемлете. о опрѣсноцѣхъ праздника. и причащеніа. аще бо бы о опрѣсноцѣхъ и тѣхъ празднованы, къ ренъѳѣномъ павелъ посылалъ, не би убо предаваа съ единынадесятіими. и въсю правилы узакаконяя церковь Христову благочестивую. въ ѳ. мь правилѣ съ запрѣщеніемъ заповѣдалъ и всѣхъ утвърждалъ таковаа отъ іудей не пріемати: аще бо кый рече епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ. или съвесма отъ съсловія притъча. постить съ іудеи или празднуетъ съ ними. или пріемлетъ отъ нихъ праздника ихъ чрѣжденіа сіи рѣчь, опрѣснокы. или что таковое, да изъвръжется. аще ли людинъ, да отлучится. аще ли глаголете, не пріемати сіе отъ іудеи. но творити въ домохъ. что отъ сего. любо аще отъ онѣхъ пріемлете. любо аще въ домохъ творите. опрѣсноци суть. и отъ сего паче тяжчайшеи пріимете томленіе. яко оставльше яже повелѣны бысте творити отъ христа, и апостолъ его. творите якоже подъ закономъ работы суще. яже творятъ іудеие, въ тмѣ и сѣни сѣдящей. не покаряющеся сице глаголющу павлу. братіе, кождо въ ньже званъ бысть чинъ. въ томъ и да прѣбываетъ. не бо обрящется. отнюдь въ божественномъ писаніи, яко опрѣснокъ речеся отъ Христа, или отъ апостоловъ его. вънегда таино учимы бываху отъ него, еже новаго завѣта таинству. павелъ бо убо къ коринѳомъ пиша рече. судите вый еже глаголю. чаша благословленія яже благословляемъ. не общеніе ли крове Христовы есть. хлѣбъ иже ломимъ. не общеніе ли тѣла Христова есть. яко единъ хлѣбъ едино тѣло мнозіи есмы. вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся. И пакы. азъ бо пріахъ отъ господа еже и прѣдахъ вамъ. яко господь іисусъ въ нощъ въ нюже предаваше, пріемъ хлѣбъ рече, а не опрѣснокъ. и благодаривъ прѣломи и рече. пріимѣте й ядите се есть тѣло мое, еже за вы ломимое, се творите въ мое въспоминаніе. и не единою рече хлѣбъ, но множицею и не съи тъкмо, но

и вси евангелисти матѳей убо. ядущіимъ же имъ рече, пріемъ іисусъ хлѣбъ благодаривъ прѣломи. и даяше ученикомъ. и рече, пріимѣте и ядите се есть тѣло мое. тажде же и маръко. подобнѣ же и лука. пріемъ хлѣбъ и благодаривъ прѣломи. и убо и іоанъ. омочь хлѣбъ рече, Господь явѣ яко. дастъ іудѣ симонову іскаріоту. и по хлѣбѣ тогда вьниде въ нь сатана. Сей вси хлѣбъ глаголють. и никаоже опрѣснокъ отъ нихъ въспоминается нигдѣже. понѣже бо пострадати подобаше Христу въ тъи самый день законныіе пасхы. въ нь же и агньць отъ іудей ждрѣшеся. и хотѣше быти пасха отъ богоубійць. въ день пятка случашеся быти, а҃і, луны, въ прьвый мѣсець. пятотисущьному и пятисътъному. и а҃д, тому лѣту настоящу. кругъ же бѣ. и҃і, солнца, є҃, тиже луны. да не прѣданъ бывъ не доспѣеть свою пасху ученикомъ прѣдати. възлегъ на вечери въ четверътокъ вечеръ, и по вечери пріемъ хлѣбъ. и прѣломль прѣдасть апостоломъ таиньство новаго завѣта. въ нощи четверътка. въ ню же прѣдася іудою, яко же есть писанъно. и не убо бѣху еще опрѣсноци въ четверътокъ онъ. г҃і. ти сущіи лунѣ. зане не еще быти отъятіе квасѣна хлѣба, опрѣсноци бо въ є҃і ти луны, пріематися узаконенъно бѣи. а въ, а҃і, ти агнець токъмо ждрѣтися. тѣмъже. а҃і, ти убо прьваго мѣсяца луны. пасъху именуеть законъ. є҃і. ти же прьвый опрѣснокъ. въ суботу нарицаеть. да аще. въ г҃і ти луны. господь таиньство прѣдастъ въ а҃і, ти же агнець ждрѣшеся. въ нъже пождрѣтся. агнець божій, въземляй грѣхы мира. еже есть пятокъ. въ суботу же бѣ опрѣснокъ праздникъ, когда опрѣснокы яде. когда жи ли сіе апостоломъ предалъ есть Господь, яко глаголете, опрѣснокы отъ апостолъ пріахомъ творити. еда по въскресени его отъ мертвыхъ; не видѣти ли яко явьственѣ отъ вещей обличаетеся, а яко не бѣху тогда опрѣсноци, егда тайну Христосъ ученикомъ прѣдастъ. укажу вамъ и отъ моусейскаго законоположеніа. рече бо, Сіи праздници господни, и сіи святіи. ихъ же призовете тѣхъ въ врѣмя ихъ. въ прьвый мѣсяць. въ а҃і ти мѣсяца сего. праздникъ пасхы Господеви. и є҃і, ти мѣсяца сего, праздникъ опрѣснокъ Господеви. седъмь днiй опрѣснокы ясте: сеи отъ моусеова законоположеніа навыкосте. яко не бѣху тогда опрѣсноци егда вечера

бысть, таиньство ученикомъ прѣдастьса. егда бо прьвый опрѣснокъ творяху іудеие, є̄і ти бѣ якоже сказася. еже есть субота, отъ сего и великъ день нарицашеся. тогда Господь подъ землею бѣи погребенъ. да убо всуе супротивитеся истинѣ братіе: аще бо би вѣдѣли прѣданъно быти отъ апостолъ, ясти опрѣснокы. супротивилъся би убо крѣпъце шестому събору, священьныи вашь папа агаѳонъ. и божественый и священный григоріе акраганъдинъ, и иный мѣсто наплъняющеи папыно. иже бысть при констянтинѣ внуцѣ иракліевѣ. вънегда божественніи сіи отци на опрѣснокы законъ изложиша. ни отъ единого бывати вѣрьна. да приложу же слову и сіихъ уставъ. рѣша бо въ а̄і, мь своемъ правилѣ сице: никтоже отъ иже въ священъныческомъ съпричтенъныихъ чину, или людинъ. иже отъ іудеи опрѣснокы да ясть. или сіимъ да присваяется. или въ недузѣхъ да призываетъ. или врачьбу отъ ныхъ да пріемлетъ. или въ бани съ сими отънудъ да мыется. аще ли кто сеи съдѣяти начънеть. аще убо причетникъ есть, да извръжется. аще ли людинъ, да отлучится: да иже убо опрѣснокы творяху и ядый. аще и не пріемлеть сіихъ отъ іудеи. но подражатель опѣмъ въ семъ бывъ. іудеомудренъ есть и законопрѣступникъ. правила и дѣяніа апостолъ и отецъ преступаа, и отмѣтаа. якоже слово указа. но убо о опрѣсноцѣхъ вамъ възбраненъно, отъ всего божественнаго писаніа, указахомъ довольнѣ: Принеси же укажю вамъ и о постѣ суботънемъ, законопрѣступное. ръцѣте намъ отъкуду постити суботу пріасте. еда отъ апостолъ, не буди тои. апостоломъ бо врьховънници, въ пятой убо книзѣ вѣщаніихъ ихъ, иже отъ клименъта римьскааго епископа написанъныхъ въ немъ же о свѣдѣтелствѣ написася. въ ѳ̄і й главизнѣ ихъ рѣша: Срѣду бо и пятокъ повелѣ намъ постити Господь. ову убо засъвѣщаніа іудейскаа. овь же страсти ради. ту же великую суботу постити прѣдасть. не яко подобаетъ суботу постити, яко покоище силы сущу. но яко ону тъкмо подобаетъ постити. въ нюже съдѣтель подъ землею бѣи: къ конъцу же къниги, сице рече паки. въсяку убо суботу кромѣ единоя. и всяку недѣлю. съвършающе съборы веселитеся. веселитибося подобаеть въ сихъ, а не плакати: въ книзѣ же тѣхъ жде завѣщаніи, въ к̄д, й главизнѣ тако рече: Суботу же и не-

дѣлю празднуйте. яко ова убо съдѣтелъства есть въспоминаніе. ова же въскресенїа. една же субота тъкмо вами съхраняема да есть, въ всемъ лѣтѣ. господня погребенїя. юже постити подобаетъ, а не праздновати. въелико съдѣтель подъ землею есть. крѣпчайшїи есть ея и множайшїи плачь, отъя же съдѣтельства радости: Но убо сіа тайно климентомъ папою завѣщавъше, не досего съставиша. но вѣдяще божественнымъ духомъ, не мало прѣступленіе быти, еже постити въ суботу. и запрещеніемъ зѣлънымъ завязують о семь церковь. рѣша бо $\overline{\text{зд}}$. мь числимѣ, священъныхъ правилъ ихъ: аще кый причетникъ обрящется недѣлъный день постя. или суботу, развѣ единое тъкмо даизъвръжется, аще ли людинъ, да отлучится: Сему послѣдующей иже въ $\overline{\text{s}}$ съборѣ отцы, съгласно сице узаконополагають, предстательствующу събору, агаѳону папѣ римъскому, сушу ту и григорію акраганьскому епископу: Понеже увѣдѣхомъ въ римѣ градѣ. въ съятую великую поста, четыредесятницу. тоя суботы постити, прѣзъ прѣдалъное церковное послѣдованіе. изволися святому събору. якоже дръжатися въ римьской церкви не поколѣблемѣ. правило апостольское глаголющее: аще кый причетникъ обрящется, недѣлъный день постя. или суботу, развѣ единое тъкмо. да изъвръжется. аще ли людинъ, да отлучится: Симъ сице съгласно апостоломъ правило изложившїимъ и научивъшїимъ вѣрьныхъ церковь съ папою римьскымъ агаѳономъ. вы откуду инуду и отъ кого, постити суботу пріасте: но и еже възношеніе съвръшенныя литургіе творити, въ святыя дни поста, развѣ суботы и недѣля. откуду сеи възаконисте. и отъ котораго пріясте учителя, отъ апостолъ ли, никакоже. апостоли бо правило о семь изложиша, сице рекше. аще кый пресвитеръ, или дїаконъ. или чьтъць, или пѣвець. святую четыредесятницу не постить. или среду и пятокъ да изъвръжется, аще ли людинъ, да отлучится. развѣ аще немощію тѣлесною възбраняемь будеть: Съвръшаемѣ убо съвершенънѣ литургіи въ, $\overline{\text{г}}$ часъ дне. въ ньже и узаконоположися възноситися жъртва. како постъ до, $\overline{\text{ѳ}}$ го часъ храните. раздрѣшающе тъи врѣменемъ литургіе, никако же. да аще се ненемощъно, анаѳемѣ подпадаете: Гагрьскаго бо събора отци, въ $\overline{\text{ѳ}}$ мь правилѣ, тако рѣша: Аще кто отъ постящїихъся, кромѣ тѣлесные

нужде грѣдится, и прѣданъные пости въ обѣщину. и хранимыихъ церковію раздрѣшаеть, утвръждающу въ немъ съвръшенъну помыслу. анаѳема да будетъ: Лаодикійскаго же собора отци. въ $\overline{\text{г}}$і, мь правилѣ сице рѣша: яко не подобаеть въ четыредесятницу мученикомъ тръжества съвършати. но святымъ мученикомъ поменъ творити. въ суботахъ и недѣляхъ: и въ $\overline{\text{м}}$и-мь правилѣ паки рѣша тіи: Яко не подобаетъ, четыредесятницу хлѣбъ приносити. развѣ въ суботу и въ недѣлю тъкмо. Но и въ шестомъ и въселенскомъ съборѣ отци. такожде въ $\overline{\text{в}}$-мь правилѣ узаконополагаютъ, съ священнымъ агаѳономъ папою римьскымъ. глаголюще сице. Въ сіихъ святые четыредесятницы постныхъ днехъ. освѣнь суботе и недѣле, и святаго благовѣщеніа дне. да бываеть прѣждесвященныхъ священъная литургіа: тако убо прѣемъше мыи. въ суботу служъбу творимъ и въ недѣлю тогда. въ $\overline{\text{г}}$ дне часъ вънъже и духъ святый съниде на апостолы. и приносяще въ тѣхъ освящаемь дары. отъ нихъже довольнае всей храняще седъмици. въ другые дни седмице. въ $\overline{\text{ѳ}}$ часъ врѣмене. скончавше все пѣснословіе. вѣдосвръшени вечеръня. творимъ священници съ діаконы входъ. кадильницу тъкмо носяще. и по прочтени пареміи, въображенъные молитвы отъ великаго василіа сътворъше, и дары прѣнесъше отъ прѣдложеніа. и помолъшеся надъ ними. еще же и преданъную намъ отъ господа рекше. възвышаемъ прѣжде священный хлѣбъ, и глаголемъ. прѣждеосвященная святая святымъ. и съединъше причащаемся. хлѣба и чаше таинъ христовѣхъ. и тако благодаривъше отпущаемъ събраніе. и обѣщее трапезы зеліами и сочиви. и топлые воды. причащаемъся хотящеи. суть же иже и съ единѣмъ даромъ благословеніа. еже есть наѳора всю прѣтрьпѣваютъ седъмицу. вы же възносяще съвръшенъну на всякъ день въ четыредесятницу литургію. длъжную въ $\overline{\text{г}}$ часъ дне възноситися. лежащаа прѣступаете правила церковна, и отъ сего клятвѣ святыихъ отець подпадаете яко же речеся: Ктоже есть прѣдавый вамъ. и еже възбраняти и растерьзати бракъ священническъ. кто отъ учитель церковныхъ, сіе вамъ прѣдасть безьмѣстіе. аще бо не оженивъся поставлень будеть. таже къ браку устремляется потомъ. по закону възбраненіе. аще ли прѣжде оженився есть, поставлей священникъ. въ чистѣ житіи и цѣломудрьнѣ. и того

бракъ раздрѣшающе, законопрѣступници есте: отъ апостольскихъ завѣщани, и священныхъ ихъ укажу правилъ. въ $\bar{s}$і, той бо книзѣ. кълиментомъ папою римьскымъ написанѣныхъ. въ $\bar{s}$і. тои главꙋзнѣ. апостоли сіа рѣша епископа, или пресвитера, или діакона. глаголемъ единобрачъномъ поставлятися. любо аще живе суть имъ супружънице. любо аще ни. не лѣть же есть тѣмъ по поставлени безъбрачнымъ сущіимъ, на бракы приходити. или събрачизшіимся инымп съчетаватись. но довлѣтися аще имуще пріидоша на поставленіе: въ $\bar{\epsilon}$, томъже правилѣ освященныхъ правилъ ихъ сице рѣша: епископь. или пресвитерь. или діаконъ. свою жену да не изгоняеть. виною благоговѣинъства. аще же ижденеть, да отлучится: Въ $\bar{м}$ томъ же правилѣ: да будутъ явленъна рече, особъная епископова иманіа. и не узърокомъ церковныихъ иманіи. расточатся епископоваа. есть егда жену и чада имущу. и сродникы, и прочаа: Аще быубо възбраненъно было, еже священникомъ съ законными жити женами. не би убо сице върховници апостоломъ, изложили: аще ли глаголеши жену глаголати апостоломъ церковь. тогда убо би слово твое явилося вѣръно, егда бы въ священныхъ правилѣхъ своихъ, иже отъ насъ предъреченъныихъ, не велѣли. не изгнати епископомъ и священникомъ, узрокомъ благоговѣиньства своя жены. и не растакатисе епископову иманію, узрокомъ церковныихъ вещіи. женъ ради и чадъ ихъ аще будутъ: что же и о святомъ вселенскомъ. s-мь съборѣ речеши. не папу ли вашего священнаго агаѳона, яко же многащи рѣхомъ. прьвосѣдателя имѣаше. иже въ $\bar{р}$о. отець простирашесь. како несупротивъ отвѣща тогда божественный агаѳонъ, святому сему събору. заповѣды изълагающу о законопреступленіихъ, ихъ же нынѣ дръжите. И съ нимъ священный григоріе акраганьскый епископь. аще бо бы отъ апостолъ имали сіа прѣданіа. не бы стрьпѣлъ папа буде вашь, сіа правила на васъ изложитися. но понеже тужда вѣдаше прѣданіа. и странъна апостольскаго ученіа. сего ради вкупѣ съ всѣми отци. священнаго s-го събора. якоже о опрѣсноцѣхъ и постѣ суботнѣмъ и священные жъртвы великые. четыредесятнице. тако и о брацѣхъ священникъ узаконоположи сице рекъ: Понеже въ римской церкви, въчину правила прѣдатисе увѣдѣхомъ. хотящіихъ діаконъ. или пресвитеръ

сподоблятися хиротоніи. обѣщаватися, яко не къ тому съ своими съчетаются женами. мый древнему послѣдующе правилу, апостольскаго опасенїа и чина. яже священныхъ мужіи по закону съчетаніа, и отнынѣ тврьда быти хощемъ. никакоже тѣмъ къ женамъ съвкупленїа раздрѣшающе. или улишающе ихъ еже къ другъ другу, въ врѣмя прикладъное причастїа. тѣмъже аще кто обрящется достоинъ, къ поставленію подъдіакона, или пресвитера, никакоже да възбраняется въ сицевый степень възводитися. съ женою живый законъною. ниже убо въ врѣма поставленїа, да истязается обѣщатися яко отъступить законънаго къ своей женѣ съвокупленїа: и по малѣ: аще убо кто дрзнеть прѣзъ апостольская правила подвизаемь. котораго отъ священныихъ. пресвитеръ глаголемъ, или діаконъ, или поддіаконъ. улишати еже къ законъной женѣ съвкупленїа же и объщенїа, да изъвръжется. тако же и аще кый пресвитеръ, или діаконъ. узрокомъ благоговѣинъства, свою жену иженетъ. да отлучится. прѣбывая же, да изъвръжется. Откуду убо вамъ и отъ котораго. лютаа сія недугованїа найдоша. мужіе римъци премудрѣйшіи. и иныхъ языкъ всѣхъ благороднѣйшіи. непщую яко нѣціи отъ іудей вѣровавъшеи прі апостолѣхъ, мышелоимъци и сребролюбци обрѣтъшеся. и хотяще многые отъ вѣрныхъ отрыгънути отъ благовѣстїа. и убо вѣры проповѣдь прирастлиша. заеже проповѣдати тѣмъ въкупѣ и христіаньство. сущіихъ о симонѣ и димасѣ. николиже и клеовѣ глаголемъ: И върховніи же апостоломъ. въ шестой книзѣ завѣщаніи. въ главизнѣ. $\overline{\text{sl}}$. той изъявленнѣе рѣша: Вѣмы бо рече. яко о симонѣ и клеовѣ, съчинивъше книгу именемъ христовѣмъ, и ученикъ его. обносять въ прѣльщеніе ваше, и иже христовы рабы: И въ ветъхомъ же нѣціи, съписаше кънигы утаенъныи. моѵсеа. и еноха. адама. исаіе же. и давида. и иліе, и трехъ патрїархъ. тлетворъніи и истинѣ въражедебны: но и павла господня апостола. сіа якоже мню проувѣдъвъша. тако въ васъ произыти отъ таковыихъ, словомъ объявляюща вамъ, филиппісіомь писати: Блюдѣте псии. блюдѣте злыа дѣлателе. блюдѣте съсѣченіе: И тимоѳеови пакы. въ послѣдънихъ врѣменехъ рече. отступятъ нѣціи отъ вѣры. вънемлюще духовомъ льсти и ученіемь бѣсовъскымъ. въ лицемѣріи льжесловъцъ. и съжеженънымъ своею съвѣстію. възбраняю-

щіимъ женитвы. ошаятися брашенъ. и прочаа: и титу: обличаи тѣхъ рече нагло. да здравьствують въ вѣрѣ. не внемлюще іудейскыма снемъ. и заповѣдемъ человѣчьскыимъ, отвращающіихъ си истины: да убо извѣстнѣ испытайте о семь възлюбленнїи. еда како отъ таковыихъ реченная и обличенная, ядовитая недугованіа. Глаголю же опрѣснокы, суботъный пость. бракъ священъническый. и яже въ постѣхъ приношеніа. пріасте и навыкъше нынѣ безмѣстіе ихъ отъ богодьхъновеннаго писаніа. хранитесе таковаа творити, церкви суще божіа. и въсей въселеннѣй присносветуще очи. да съединьшеся съ вами нашими братіами. иже реченъныихъ ради раздрасте тѣло христвово сущіихъ. откровенъномъ лицемъ славу господню съзрьцаемъ. въсъгласнѣ единомыслїи православныя вѣры. и тъжде образъ прѣобразуемїи. отъ славы единое и тоежде. въ славу вѣчную. якоже отъ господа духа. яко тъй есть глава тѣлесе церкве нашее. и въ немъ вси мы исъчланенъны бывземъ: Сіа римляномъ вамъ: аще убо повинуемъ васъ человѣкы суще, ими же рѣхомъ. и съ ними же вамъ вѣдящіимъ. добро духу повиноватися, и послѣдовательнѣ слову възъдвизающу. благо же о вещи: аще ли же ни, дадите намъ свѣдѣтельства отъ божественыихъ писаніи, съставляющіихъ васъ. о нихъ же воленъравьствующе якоже на прѣстолѣ чювьствъ почиваете. И мый вѣдяще повиноватися не крьчьмъному словесы духа, молъчаніе къ вамъ лобызаемъ. о христѣ іисусѣ господѣ нашемъ. ему же слава и дръжава. съ отцемь и святымъ духомъ. нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. аминь:

№ IV.

Михаила аръхіепископа коньстянътина града. елика латини прѣзъ прѣданіе творятъ церковно. ихъже ради имамы ихъ не приобьщнѣхъ.

(Тамъ же, л. 216—217).

1. Глаголють, духъ святыи не отъ отца исходитіи единого. но и отъ сына. тѣмъже и святыимъ изъображеніемъ сице изъглашають, и въ духа святаго, иже отъ отца и сына исходящаго: 2. Въ еже единъ святъ единъ господь въ славу бога

отца, духомъ святымъ съизглашають: 3. Іудейскы ядутъ опрѣснокы. и вмѣсто съвръшенънаго хлѣба, тѣло Господа нашего Іисуса Христа ждруть опрѣснокомъ: 4. Въ врѣмя божественнаго причащеніа. единому отъ служащіихъ причащающуся опрѣснокомъ. иже тогда того цѣлующеи, непъщують причястивъшеся: 5. Съблюдають суботы іудейскы постящеся: 6. Ядуть удавленину. и поганая нѣкаа: 7. Покладують въ въторникъ прьвыя недѣля поста, не прѣдочищающесь сироястною недѣлею: 8. Ядутъ иноци ихъ тукъ свины. рекъше мазъ. и кожу всяку досязающую до мяса. и вънегда епископы будуть таковы иноци, отнюдъ мясо ядутъ. и вънегда недугуютъ: 9. Свящєнъници стрижуть браду, и оставляють своя жены. аще ли ни, не пріемлютъ отъ нихъ людьсъціи причащатися: 10. Епископы прьстьни носяще на руку своею, якоже васнъ жены поемлюще церкви. обрученіе носити глаголють: 11. На брань исходять не расудънѣ равъно людскымъ свящєнъници. и убивають и убиваются. и крьвъми скврьнитися не отлагають: 12. Волящіихъ дъвѣма сестра съчетатися два брата, невъзъбраняють: 13. Въ въсю великую четыредесятницу на въсякъ день съвръшену литургію творятъ: 14. Аллилуіа кромѣ пасъхы не поють. яко тогда тъкмо васнъ грядущу господеви: 15. Апостольское реченіе глаголющее. малъ къвасъ въсе въмѣшеніе квасить. прирастлѣвающе прѣписують. малъ къвасъ пишущу, въсе въмѣшеніе тлитъ. 16. Святые великые отце наше и учителе. великаго василіа. богослова григоріа. іоана златоустаго. и прочее. ниже съчисляють съ святыми. ниже пріемлють ученіе ихъ: 17. Глаголють же се и въ едино крещати погруженіе. и водою тъкмо а не и масломъ. пририцающіихъ имя отца и сына и святаго духа. и солію крещаемымъ наплъняюще уста. имъже ниже святыихъ имена полагають. но ина нѣкаа странъна и чюдъноа: 18. Мощи святыхъ не лобызають. ниже святые и честные иконы: 19. Пречистую святую Богородицу. не Богородицу. но святую марію именують, убо. якоже несторіане и іаковите: 20. Честный крестъ съ петими прьсти назнаменують на челѣ съ великымъ же печатлѣютъ. якоже моноѳелите. иже едину волю на христѣ глаголющей: 21. Литургіе три, и множайшее и еликіе волять. въ единъ и тъжде день. въ томьжде единомъ творятъ жърът-

вениць: 22. Вънутрь олътаря. въсякаго хотящаго пріемлють въходити, и причащатися, многащи же и женамъ въ немъ сѣдѣти и ясти: 23. Оставъленіе грѣхомъ съгрѣшивъшому подають. плюнувъше въ лѣвую свою руку. и десною илюновеніе съмутивъше. помазують исповѣдающагося. и тако раздрѣшеніе ему дають: 24. Постятся и въ господскые праздникы: 25. Руцѣ умеръшааго іудейскы низъ бедъру простирають, и связують. а не крестовиднѣ о прьсехъ сіе въобразують. но и чювьствителънице ихъ нозри и уши, воскомъ залѣпляютъ: 26. Начало, четыредесятнице, срѣду творятъ прьвые недѣле. яко не прѣити рекъше число, четыредесяти дни. ихъ же Господь пости. якоже би извѣстніи подражателіе и въ иныихъ тому были. и не въкусивъше, четыредесятедневъное проходили поприще якоже Господь: 27. Святую великую недѣлю святыихъ спасеныихъ страстей, съкверънятъ. ядуще рыбы въсегда. и въ тіие самые три дни, срѣду и пятокъ и суботу. въ великый же четверътокъ, яйца и млѣко ядутъ. и въ въсяку недѣлю святые четыредесятнице младенце свое млѣкопитіемъ и сырояденіемъ сквернять.

№ V.

Петра патріарха великы антіохіе посланіе о сихъ и о иныихъ писаніи. къ михаилу конъстанътиня града патріарху.

(Тамъ же л. 217—225).

Елика лукавънова врагъ о святѣмъ твоемь. и юже ухытрише волю ненавидящеи те, въздвигъше главу посрѣдѣ церкве твоея. доволънѣ насъ твоя священъная паучиша писаніа боговидънѣйшіи святый владыко. и чюдо велико обятъ насъ о семь, уразумѣти не могущіихъ. откуду подвигся, или что хотя италь аръгирь, въ толико безпутіе уклонися и священныхъ начинаеть не священь буде. что бо речеся обьще пъсу и баны. да онъ въ людскыихъ въчинень, яже священъныкьи испытуеть. исписаніа таковаа, якоже сказалъ еси льжъна умышляетъ и дѣеть. отъ нихъ же ни единъ множай студъ, съдѣянію обличивъшуся хотѣяше пострадати. и папѣжи те раздрѣшъшу. но благодть богови емлющому прѣмудріе въ коварьствѣ

ихъ. и не намнозѣ льсти таитися попустивъшу: обьемашесь въ священъныхъ писменехъ святыня твоея. прослутіе нѣкои въ твоя огласитися уши. яко папу въ священъныихъ възношу поменъныцѣхъ. тожде творящіимъ инымъ святѣйшіимъ патріархомъ. и яко не подобаше толико невѣдѣніемъ дѣти. и паче прѣжде иныхъ мене вѣдяща. яко отъ святаго шестаго вселенъскаго събора и досели, да твое въспріиму глаголи. еже въ священъныхъ поменъныцѣхъ, възъношеніе отсѣчеся папино. заеже тогда папѣ вигилію не пріити на соборъ, ниже прокляти яже ѳеодоритомъ на правую вѣру, и ві. те главизънь святаго кѵрила, писанъныихъ. и оттоли донынѣ отсѣщися отъ нашее святѣйшее церкве папѣ: Сіа убо твоему объемлющу честному писанію. студа исплънихъся, не вѣмъ что рещи вѣруи. и множае о тебѣ. и паче аще по подобію еже къ намъ писаніа твоего, варилъ еси таковая и къ дѣругіимъ писати, блаженънѣйшіимъ патріаръхомъ. яко прѣжде испытаніа, и съвръшенънааго увѣдѣніа. не бывъшее яко бывъшее отъ слуха суетна прѣдставилъ еси. Како бо и хотѣхъ азъ самъ възносити папу, твоей святѣйшей невъзносящей его церкви. въспитатель сый тое и ревнитель, аще и кто инъ. дѣломь и словомъ тое старѣйшинъства почитаа, и величае присно. а яже о вигиліи прѣдсказашесь. истинѣ не сице имущей. и колико присвѣдѣтельствуетъ не вънятіе, благоговѣйному кънигохранителю твоему аще бо и о риторствѣ художень мужь, яко же слышимъ. но юнъ сыи не еще искусь пріатъ доволенъ церковныихъ, вѣру же не имать рече іоанъ лѣствичникъ. вино абіе отъ точила затворяемо. и сего ради дължъно есть сему. въ толикъ възведену великъ степенъ. испытателънѣ а не мимоходнѣ прочитати писаніа. сущъство бо нашего прьвосвященства есть, богопрѣданъная словеса, сіи рѣчь, божественыихъ писаніи истинъное художьство, яко же великыи изрече дионисіе. Вигиліе бо на пятомъ бѣи съборѣ. на немъ же яже о оригенѣ, евагріи же и дидимѣ и иныхъ, петра и севира и зоиры. но и писани ѳеодоритовѣ, подъвизахуся. а не на шестомъ отъ съборѣ. растояніе же посрѣдѣ дъвою събору ρκ҃ѳ. лѣтъ. сему же случися въмалѣ възношеніа отсѣщися. заеже гнѣвомъ подъвигнутися ему тогда. къ святѣйшему патріарху минѣ. и изъвръженіемъ сего низложити. донъдѣже паки другъ къ другу, архіереие съмиръшеся

простишася: на святомъ же шестомъ съборѣ. священный бѣи папа агаѳонъ, мужъ честенъ. и въ божественыихъ прѣмудрь. и прочъти дѣятельнаа. 8-го събора. еже обычаи есть въ недѣлю по въздвиженіи честнаго креста прочитатись. обрѣщеши бо прѣдреченънаго агаѳона. благославънѣ отъ святаго сего събора. свѣтло проповѣдуемаа. къ симъ же и азъ свѣдѣтель не ложенъ. и иный съ мною отъ изъбранъныихъ церковныхъ мнозіи. яко при блаженномъ патріарсѣ кърь іоанѣ. папа римьскый іоань и тъи именуемъ. въ священънъыхъ поменьницѣхъ възношашеся. и въ конъстанътини же градѣ прѣжде лѣтъ ѯ҃є. въшедъ обрѣтохъ. при блаженънѣмъ патріарсѣ кърь сергіи. реченънаго папу въ божественнѣй тайнънѣ. и службѣ. съ другыими патріаръсіи възъносима. какоже послѣди того отсѣчеся възношеніе. и кое ради вины. не вѣдѣ. но о сіихъ убо сице имамъ. и множае ничтоже те хощу о папинѣ възношеніи присъдѣяти: елице же тобою изъчтошеся римьсъціи недостатъци, прочтохомъ. и овы убо отъ сихъ свидятъци неподобны, и отбѣгателънъыи. овы же исъцѣлитися могуще. овы же прѣзрѣнію достойны. что бо и къ намъ еже стрьгати аръхіереомъ брады. и прьстень носити имь, въ образъ якоже писалъ еси святые божіе церкве уневѣщеніа. и мыи бо вѣнець на главѣ творимъ, въ часть всяко връховънаго апостоломъ Петра на немъже святая божіа церквы създася. еже бо въ досажденіе злочестивый святого изобрѣтоше. се мы и благочествующе. въ славу его и честь творимъ. Римляне убо стрьжуть брады. мы же на врѣху постриженіе ухыщряемъ. злато носимъ же и мыи на рукъвице. и на бедрьнице. и петрахыле възглагающе, злато съ-троенъны: и еже поганаа ясти имъ. и инокомъ ихъ тукъ свины. обрѣщеши и сія испытавъ, и отъ нашіихъ нѣкыихъ бывающаа. Виѳиняне бо и ѳрачьсъціи, и лидьсъціи. чавъке и галове, и грьлице и сушъне ежева ядуть. ихъ же потребу отци неразньствену оставише. ни едина бо тварь божіа отвръженъна, съблагодареніемъ пріемлема. и прѣпираеть мя съсудъ иже съ небесе снесыися плащанице. въ немъ же бѣху вся четвѣрѣногаа земле. и звѣріе, и гады плѣжущей. и пътице небесныа. и петрь отъ бога слышавъ. въставь петре заколи и яжь. и рекъ. никакоже о Господи. яко николиже въсяко скверъно или нечисто. не вьниде въ уста моя. и паки слы-

шавъ. яже богъ очисти, тыи не скверъни: Врѣме же прочее, и яже великаго василіа рещи, якоже въ зеліахъ врѣдъное отъ прикладнаго разлучаемь. сице и въ мясохъ отъ потрѣбънаго врѣдъное разъсуждаемъ. понеже и зеліе есть, и коніе. яко же мясо есть игипъсово. но обаче, ниже смрътоносное быліе снѣсть кто умъ имыи. ниже пса коснется, не великои нужди понуждающей. да убо ядый, не безаконова: и въ сочива и зеліа, тукъ свины вълагати. се отъ святыхъ отець разсудисе и простисе. и паче въ нихъ же доброе масло не обрѣтается. и слыши что рече въ посническый своихъ великый василіе: Брашенъ же разньство никакоже длъженъ епископъ възысковати постникъ. и притваряніемь васнь въздѣръжаніа, изъмѣняти снѣды, се бо раздрушеніе обьщаго благочиніа есть. и съблазномъ виновъно и еже о горе наслѣдникъ бываетъ. иже въ сонъмѣ постникъ таковые віины смущеніа подае. но и аще изъвареніе сіе сланинъное, еже отъ святыхъ сужденъное. въмѣсто иное которые забѣлы. въ брашъна въглагати съсмѣшенъно прочіимь снѣдемь воды, или зелію будущу. не узрокомъ васнь тьщеславънаго хотя врѣдіа, якоже мяса отмѣтаяся, да възыскуеть отъ снѣдей честнѣйшаа и ближайшаа. но сокомъ малаго коматица крухъ несуменънѣ омакаа, да пріемлеть съ въсякыимъ благодареніемъ. малое бо оно усѣченіе, въ толико множьство воды. и сочивънаго аще прилучится брашъна въложенъно. не пище есть укоризъна, но опаснѣйше постникъ и окаанънѣйше въистину въздръжаніе. подобаетъ убо таковыихъ не облюдатись иже преподобьствіа постнику. небо іудеистъвующе ошаемъся таковыхъ. но пище насыщеніа бѣжаще: И сіи убо глаголи великаго василіа. Святыи же пахоміе, съвиніе вътого святѣй обитѣли отъ крупицъ и останокъ крьмляше. и закалаемымъ тѣмъ, иные убо учрѣждаше мясы странъные пріемле. утробами же и краевы ногъ и главы. изнемагающіихъ старець отъ инокъ питѣаше. каковаже снѣдъ сладка честнѣйшіи владыко, рыло свине и уши и краеве ногъ. но и леща и бобъ съ тукомъ свинымъ варень, присно не имущу се благу маслу. да что и духовъно въ твою благодать мало пролію се. многыми якоже вѣсть Господь, печали стрѣлами на всякъ устрѣляемъ день. брашно убо твориль быхъ въсегда: зложе и злыхъ зълѣе еже въ святомь изъбражени приложеніе. еже,

и въ духа святаго Господа животворящаго, иже отъ отца и сына исходящаго. аще бо яже у насъ евангелія тажъде и у римлянехъ. откуду оны множае насъ почътенъны бывъше. таково супостатъно приложеніе сътворише. еже отъ іоана святому евангелію паче яснѣйше насъ о святомъ духу учащу. въ нихъже и объемлетъ. Аще любите мя, заповѣди мою съблюдѣте. и азъ умолю отца о васъ, и иного утѣшителя дастъ вамъ, да прѣбываетъ съвами въ вѣкы. духъ истины. егоже миръ не можетъ пріати яко не видитъ его: ниже знаетъ его. вый же знаете его. яко въ васъ пребываетъ и въ васъ будетъ: И пакы: утѣшитель же духъ святый, его же послетъ отецъ въ имя мое. онъ вы научитъ въсему. и въспомянетъ вамъ въся яже рѣхъ вамъ: и пакы. егдаже пріидетъ утѣшитель егоже послю вамъ отъ отца. духъ истины иже отъ отца исходитъ. онъ свидѣтельствуетъ о мнѣ. Таже: еще многаа имамъ глаголати вамъ. но неможетъ носити нынѣ: егда же пріидетъ онъ духъ истины. наставитъ васъ на въсяку истину. не бо глаголати имать о себе. но елика аще слышитъ глаголати имать. онъ мя прославитъ яко отъ моего пріиметъ, и възвѣститъ вамъ вся елика имать отецъ моя суть. сего ради рѣхъ, яко отъ моего пріиметъ и възвѣститъ вамъ: и еванъгелисту сицѣ яснѣ възвѣщающу. кто православьствуе и дерзънетъ. или възможетъ приложеніе, или отъятіе сътворити. О ихъже бо божественное писаніе узакони. не подобаетъ посуждати но паче послѣдовати. но яко же является. погубили суть римляне прѣписаніа иже въ никеи прьваго събора, яко римляны на мнозѣ уанъдалъскому языку обладавъшу отъ нихъже некли и навыкаша аріанъствующіимъ онѣмъ, въ едино погруженіе. аще сеи истинъно якоже сказалъ еси. крещеніе съврѣшати. намъ бо довлѣетъ въ съвръшенъное благочьстіа познаніе же и изъвѣщеніе. прѣмудрое и спасеное божественныя благодати изъображеніе. о отци бо и сынѣ и святѣмъ духѣ научаваетъ съвръшенъное. и Господне въчеловѣченіе, иже вѣрою пріемлющіимъ прѣдставляетъ. прилагающіихъ же что или отъемлющіихъ отъ него, проклятію прѣдаемъ: Аще бо кто рече апостолъ благовѣститъ вамъ, паче еже приасте, анаѳема да будетъ: Но ниже другое приложеніе пріемлемѣ, еже въ единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ славу Бога отца духомъ святымъ, сътвориша. аще и мощно сіа намъ, благо-

честивнѣ разумѣвающіимь, ничимъ же православію повръѣждатися: Видить бо ся се равномощно и еже отъ насъ съвръшаемому. вънегда божественному хлѣбу въздвизаему. и людемь въпіющіимь. единъ святъ единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ славу бога отца. отсуду и отонуду архиціаконь и вторьствуей, прьвый и вторый. вземлюще потирь глаголютъ. исплъни владыко. самы же честь священіи вълагающе. възглашаемь. исплъненіе духа святаго. добро бо еже доброхотнѣ зрящимъ намъ. и паче идѣже Богъ или вѣра нѣсть бѣдствуемое. маяти присно къ миръному же и братолюбному. братіа бо наша и сіи. аще и отъ неразуміа, или невыченіа приключается имь многащи. изъпадати отъ прикладънаго. своему послѣдующемь хотѣнію. а не толико опасеніе изысковати вървърсціихь языцѣхъ. еже мы и въ словесехъ живущеи истяжемся. велико бо аще понѣ извѣснѣ отъ нихъ живоначалъная троица проповѣдуется. и плотьскаго смотреніа по нашей славѣ, исповѣдуется таиньство: ей убо ниже сеи пріемлемь, аще и се истинъно яко непріемлютъ священници законъные имуще жены. святые служьбы приносити: и поклады въкупѣ въпрьвую недѣлю якоже писалъ еси святыихъ постъ, мяса и сыра творити: А еже о опрѣсноцѣхъ исканіе. уже якоже вѣсть святыня твоя прочетъші еже отъ насъ пущенънаго прѣписаніе посланіа. къ архіерею бенетьчъкому, добрѣ,истязася отъ насъ. и яко не по церковъному послѣдованію бываемо, отвръжеся и разори. развѣ аще правилъныимъ сіимь реченіемь утвърждаются, глаголюще. изволися всѣмъ, древъніимъ обычаемь дръжатисе. древъніимь быти и въ нихъ и тіи рекуть опрѣснокъ прѣданіемь. и удавленъна яже симъ ясти. и дъва брата дьвѣма сестрама плотьскы приплѣтатися. не по повелѣнію мню и разуму папыну, или иныхъ архіерей съгрѣшается. отъ дрьзости же иже сіа творити волящіихъ. бываеть, яковаже и въ нашей грьчъской дръжавѣ. многаа неподобнаа и беззаконънаа, намъ невѣдящіимь обыкоша бывати. о еже бо огрѣбатися удавленины. кънига апостольскыихъ дѣяніи изъявляетъ. ими же іаковъ брать божіи видится глаголя. разумна отъ вѣкъ суть богови вся дѣла его. тѣмъже азъ сужду не стужати иже отъ языкъ обращающіимъся къ богу. но заповѣдати имь огрѣбатися отъ трѣбъ идольскыихъ, и блуда и удавленины, и крове: и

не вѣрую николиже, не и папѣ и прочимъ архіереомь вѣдѣніе имѣти, таковаго съписаніа и завѣщаніа. иніихъ святыихъ писаніи извѣстенъ разумъ имущіимь. да что и сицевое съгрѣшаемо прѣзирають, и пріемлють: обрящеши же и въ цариграду и изъвенъ. свиню кровь ядущіихъ. и свѣдѣтельствуютъ иже на трьгохъ крьчемь, прѣдлагаа дебела чрѣва. пльна суща свине крови: И виждь честнѣйшіи владыко. како многаа и сущіимь въ насъ съгрѣшающіимь, прѣзираемъ не брегуще прилежънѣйше же изыскуемь, и многа испытуемь туждаа: реку же и се, но да непрогнѣваешися. въ благочьстивой обитѣли студитьской, опоясуются діакони. вещь творяще. церковному прѣданію не послѣдователъну. и зри како многаа потъщавъся и трудивь, таковый невъзъможе малословенъ отъсѣщи обычай. да аще иже подъ нами сущіимь одолѣти не можемъ. како прѣвъзятіи онь и высоковийны языкъ, отъ своихъ обычай оттръгнути възможемъ: Любезъно би убо было яко же речеся, аще божество отъ нихъ исправлялося бы. и по слову истины единомудрьнѣ намъ, пѣснословилося и славило: да убо о приложеніе же въ святомъ изображены. и еже не причещатися имь священіи, отъ рукы жену имущаго священъника. добрѣ и боголюбезънѣ святыня твоя противится. ниже да прѣстанеть коли о семь супротивяся, и прѣпираа. и отъ иныхъ и святыихъ писаніи. и вышеписанъныхъ евангельскыхъ проповѣданіи. дондеже тѣхъ пріимеши съглаголющіихъся истинѣ. и равъно намъ о божественномъ еже отъ отца исъхождени духа, славящіихъ. Ина же прѣнебрѣгома мнятъмися быти. истинѣ слову ничтоже отъ нихъ поврѣждаему. Отъ нихъже некли и множайшаа суть лжъна. не бо наручънѣ дължны есмы суетънымъ обълганіемь. ниже нашимь пакы омышленіемь вѣровати. и стоящаа и добрѣ имущаа прѣдъвизати, и отсуду и зѣло нуждно владыко святѣйшіи. папѣ поставляему, вся сіа твоему священнолѣпъному съвръшенію, честнымъ писаніемь къ нему стягнутисе, въ въсемь съпоспѣшьствующу ти Господеви. и юже въ сіе благодать твоей подающу святости. некли бо яже глаголеть апостолъ. намъ въ смѣрени събирающіимь разньственая мудрствующіихъ. дасть имъ богъ покаяніе къ позънанію истины. и прѣстануть отъ многаго своего любоперънаго противленія, и злаго. плѣненъны бывъше имъ въ того хотѣніе. еда же и папа отвѣщаетъ,

не быти истинъная, яже о римлянехъ проносимаа, или и многаащи отъ нѣкыихъ дѣемаа. не по онаго воли и разуму бывати сіа: кто же и сіе благопріятно непъщуеть. яко римляне честніимь и святымъ не покланяются иконамь. ниже почитаютъ святыхъ честъныя мощи. и сіа лежащіимь у нихъ честныимь мощемъ. святыихъ и въръховъныхъ апостолъ, петра и павла. ими же множае хвалящеся являются и велемудрьнѣ въземлются. неже въсѣми иныи мирьскыми ловѣданъми. и исправленъми. ихъже исполънь всяко съписаніе и тъвореніе: папѣ же римъскому адріану, седъмому начальствовавъшу събору съ иныими святѣйшіими патріаръси. и въведенъное новогласіе, христіанооглагольникъ еретикъ, анаѳемѣ прѣдавъшу. како непочитатися отъ римлянъ святымъ и честнымь иконамъ. дастъ кто. и паче многыимь отъ рима въ конъстанътинь градъ прѣнесъшіимся святыимь иконамъ. много изърядное и извѣстное имущіимь. ихъже суть образы, прьвообразнаго подобія: идѣже и зъдѣ прѣходящее римъ фъруге. въ наше всечестные въходящихъ церкви, и всяку почесть и покланяніе, святыимь иконамь въздающіихъ: И молюся и мілься дѣю. и мыслънѣ твоимъ святымъ прикасаюся ногамъ. да отъ зѣлънаго опасеніа, боговидное послабивши блаженъство твое, сыидеть вещемь. боязнь бо есть да некогда сшити раздраное хотя. горъшу диру сътворитъ. и падшее се исправити тъщася, вящше падеіе съдѣлаеть. Съмотри же. ибо есть явленъно отсуду, рекъше отъ дълъгаго сего растояніа и разлученіа. и еже отъ нашее святые цекве, великому сему и прьвому апостольскому прѣстолу отъсѣденіа. слуисе всей въ житіи злобѣ умножитисе. и въсему миру имати злѣ и како царствіа вся земъле смущена суть. и въсуду рыданіе и горе много. и глады и пагубы чясти, въ въсякой странѣ и градѣ. и ни малы никакоже въ всѣхъ. успѣвають нашаа воиньств. Тѣмъже азъ даже о семь мою волю явълю. аще убо въ святаа изъображеніа приложени исправилися бы. ничтоже быхъ ино и въыскалъ. неразньственно оставль съ иными. и еже о опрѣсноку исаніе. аще бо бы о духу исправились. и въ ина бы удобнѣ исправиись откровеніемъ божіа духа: а донъдѣже не причастни духа суь. и въ иныхъ не увѣдъвъше ни разумѣвъше въ тмѣ ходять. аѣ и явъственѣ показахъ, ими же къ епископу бенетьчъскому

послахъ, прѣжде пасъхы быти вечеры. въ нейже спасъ и Господь нашь Іисусъ Христосъ божественныя служъбы ученикомъ прѣдастъ таиньство. въ неже врѣмене бѣзаконъно ясти опрѣснокы. еже и твое блаженьство съпоспѣваю пріати. да не въсе възыскавъше, въсе погубимъ: доволъна сіа нашу прѣдставити волю, о нихъже сказалъ еси. и твою къ милости подвигнути святую душу. аще и паче устрьмляется слово, къ инымъ множайшіимь видѣніемь. и таинънѣйшіимь вещемъ, сказания же и наученіа: Прочтохъ же и тъ къ мину писаніи, ихъ же къ умрѣшому блаженьному папѣ послалъ еси: и оногова пакы въписаніа. аще не отъ аръгира якоже сказалъ еси, сіа наздашеся и прѣтвориша. и многаго ти по бозѣ блажихъ смѣренномудръіа и обънижениа. обаче привчинитися симь подобаше, понеже о съединени и въкрупомыслїи въчинишась, и раступленію виновъная. да симъ просветѣвающіимся, съвръшенъна възмнѣлася бы писаніа: разслаша же сеи яже къ священънымъ, и богоноснымъ братиямь и съслужебникомъ нашимъ. александрьскому и іерусалимьскому. посланъная священная письмена святыня твоея не побѣдуютъже яже отъ бънетьчъскаго моя въписаніа, сказати ми се отъ онаго, письмена отъ него послатисе къ твоему блаженьству. якоже и се въписаніемь прѣдлежаше. и сего ради тне ми свидится, жалена мужа, ничтоже сицевое писавьша. послахъ и тъ къ мину еже къ мнѣ посланнаго въписаніа, блаженнаго папы. римъскыми назначенанъна письменъми. не бо могохъ обрѣсти юго могуща извѣснѣ въ грьчьскы сие приложити глась. и сего рди, иже то принесъшаго фъруга, искусъна суща писаньемь римьскімь, повинухъ сие преписати. твое же есть прочее извѣстнѣ прѣскаати се и увѣдѣти се множае отъ него. Яже и къ намъ реченъны ппа. наше съставительное пріемь писаніе въписанъ да будутъ убо сия доздѣ. Богъ же съмиреніа. добро бо яже писаніа отдати мему окончаніе слова писанію, благовѣстивы мирь ближънымъ и далъымъ сущиимъ подъ закономъ, и сущіимъ извень закона, иже любъве сець и сіа бо прѣжде иныхъ радуется зовемь. да узаконаположить и имеьми братолюбное, утѣшая да утѣшитъ твою священънную душу. и повиеть смѣренънѣйше и сходителънѣйше снитти вещемъ. и паче и инъдже нѣсть богъ прѣнебрѣгомое. яко тому слава въ вѣкы вѣкомъ амнь.

№ VI.

Никиты философа пафлагона, яко въ, ѓ. ти день луны, прѣдъ единѣмъ днемъ законъныя пасхы. Господня высть вечеря а не агньца тогда съ ученикы яде Христосъ.

(Тамъ же л. 170—179).

Ищется о вечери Господни отъ многыихъ юже съ обѣманадесяте ученикома прѣдъ единѣмъ спасеныя страсти днемъ, вечеря Христосъ. о ней же къ нимъ тъи рече. желаніемъ възжделѣхъ сію пасху ясти свами, прѣжде даже пострадати ми. и агньца ли тогда съ ученикы явилъ есть Христосъ; или сеи убо никакоже. таже бѣи самаа пасъха истинъная. въ ней же таиньство еже о насъ своея жъртвы, прѣдасть ученикомъ, рекъ. сеи есть тѣло мое. еже за вы ломимое въ оставленіе грѣхомъ. и сеи есть кровь моа за вы проливаема: нѣціи же обья въкупѣ тогда быти рѣша. прьвѣе убо законъную пасху съвръшивъшу Христовы. не бо пріидохъ разорити законъ рече, но испълънити, таже сію истипъную абіе, и тайнъную присъвъкупивъшу. ей же образъ бѣи она. Но яко убо ниже въ онъ день законъная высть пасха. ниже агньца тогда съ ученикы ядѣ Христосъ. но тъкмо истинъну же и тайнъну прѣдалъ есть тѣмъ, елико по силѣ слово показати покусится. не убо есть нуждно глаголати. Еже въ испълѣніе закона заклати и ясти овъче съ ученикы Христу. въ лѣтѣхъ бо всѣхъ сущіихъ прѣжде евангельскыя проповѣди. донъдѣже пріити на крещеніе іоаново, законъ испълънилъ есть. тогъда бо якоже глаголеть матѳей, къ іоану Христосъ рече. остави нынѣ сице бо лѣпо намъ есть испълънити въсяку правъду: И пакы: отъ днеи же іоана крестителя даже доселѣ царство небесное нудится, и нуждници въсхыщають е. въси бо пророци и законь до іоана прорекоша. и аще хощете пріати, съ есть илія хотяй пріити. имѣяй уши слышати да.слышитъ: Въ луцѣ же, законъ и пророцы до іоана. Отътоли царство божіе благовѣствуется и въсякъ въ ня нудится: Испълнивъшуся убо дотоли закону, духовъное жительство прочее пріятъ. и не къ тому нуждиаа бѣху законъиаа назираніа, иже въ Христа вѣровавъшіимь съблю-

дати. развѣ аще гдѣ обычаю сънисхождаху прѣбывающе съ многыими, а не яко законъ сей храняще. тѣмъ же и ученици въ суботу въстрѣзающе класы сътираху, разаряюще суботу. еже и Христосъ яви за еже рещи. Глаголю же вамъ яко святилища болъши есть здѣ. тъи бо бѣ яко богъ иже и святилище освящаа. а отъ еже разаряти суботу ученикомъ его, явѣ есть яко ина назиранія законъная тихо нѣкако и помалу раздрушаху. да множество іудейское не смущають. вѣдѣху бо владыку Христа самаго разоръша суботу. и раслабленъному повелѣвъша его же исцѣли въ суботу, въстани възъмы одръ свой и ходи. и инымъ же сицевыимъ быти прикладно. тѣмъ же и евангелистъ іоанъ рече. сего убо ради паче искаху его іудеие убити, яко не тъкмо разоряше суботы, но и отца своего глаголаше бога. равенъ ся творя богови. тѣмъ же ниже старъческая храняху ученици прѣданіа. отъ нихъ же бѣи, и еже не лѣтъ быти рукама не умьвенѣма ясти хлѣбъ. разори и глаголющіи законъ, око за око. и зубъ за зубъ, и повелѣвающіи книгу расъпутну дати. прѣлюбодѣйства съгрѣшеніемь иже сеи творящаго осудивъ. и никакоже является съблюденіа ради, законъное назираніе сътворъ. ниже тъй. ниже сего ученици. прикладъно же бѣ и не съблюдающемь съ многыми живущіимъ, и обычаю сънисходити тѣмъ якоже уже рѣхъ. аще ли гдѣ и въ праздникы онѣхъ въ іерусалимъ пріити евангеліа глаголють. ничто же иже въ тѣхъ съвъръшаемыихъ, сътворити рѣша его. ниже въ тои всяко пріити дѣемыихъ время. но минувъшіимъ днемь, ученіа ради народа. аще ли же очистивъшомуся прокаженъному, показати священънику повелѣваеть себе. и законъный принести даръ. но не еще же отъ ученикъ бывшіихъ Господу Христу. неклиже и священъникомъ показати чюдо хотя и въ разумъ иже въ нъ вѣрующіихъ приводя. яко тъй есть иже моусеомъ сіа законополагаа. И инако же. глаголющіихъ яко законъную яде тогда пасъху, за исплъненіе закона. въсупротивъное словѡ прѣвратится. аще бо четверътокъ дне седьмице былъ есть, въ нъ же господня бысть вечеря. третинадесяте же лунънаго мѣсяца, яко же скажется. законопрѣступленіе всяко бываемое бѣ. понеже убо въ четверьтинадесяти къ вечеру овъче закалаху. въ нощи же ядѣху. и отъ самаго же того моусеова зако-

ноположеніа явленъно сътворю сице имущу: овъне съвръшенъно мужско назимо будеть вамъ. отъ агньць и отъ козлищь пріимете. и будетъ вами съблюденъно до. ѧі. таго мѣсяца сего. и заколютъ то все множьство сыновъ израилевь, къ вечеру. и пріимуть отъ крове, и помажуть на обою подобою и на празѣхъ. въ домохъ въ нихъже аще снѣдятъ тои въ нихъ. и снѣдятъ мяса сія печена огнемъ. и опрѣснокы на горъчицахъ снѣдятъ. не снѣсте отъ нихъ сурово, ниже варено въ водѣ, но печена огнемь. главу съ ногами и утробами. не оставите отъ него въ утрѣй, и кости не съкрушите отъ него, оставиша яже от него въ утрѣй огънемь съжежете. сице снѣсте тои. чрѣсла ваша прѣпоясанъна. и сапози ваши на ногахъ вашихъ. и жезлы ваши въ рукахъ вашіихъ. и снѣсте сіа съ тщаніемь, пасха есть Господня: Отъ сихъ ниедино на Господней бысть вечери. и прѣжде же всѣхъ не бѣ пасхы день. но иже прѣжде тоя и сеи отъ многыхъ явленъно. въ нощи бо по вечери прѣдасть его іуда аръхіереомъ. въ утрѣи же ѧі. ти луны, пятокъ же седъмице, отъ каіафи рече іоань, отводятъ его въ судилъницу. тіи же не вънидоша въ судилъницу да не осквръняться, но да ядять пасъху. и матѳей, по еже на горѣ ученіи сице рече. и бысть егда съвърши Іисусъ вся словеса сіа, рече ученикомъ своимъ: Вѣсте яко по двою дню пасъха бываеть. и сынъ человѣчь предастьсѧ на пропятіе. тогда събрашася архіереие и книжници и старци людсціи, на дъворъ каіафинь. и съвѣщаша, да іисуса льстію емъше убіютъ. глаголаху же не въ праздъникъ, да не мльва будетъ въ людехъ: И маръко такожде. бѣ же пасъха и опрѣснеци по двою дню. и искаху архіереие и книжници, како его льстію емъше убиють. глаголаху же не въ праздникъ, да не мльва будетъ людскаа: приискрьня же и лука рече. приближашеся праздникъ опрѣснокъ, глаголемый пасъха. и искаху архіереие и книжници, како быша убили его. бояху бо ся людіи. Съгласно убо дръгыимъ и лука. не пріити празднику, но приближитися рече. аще убо поздѣ въ четвъръткъ прѣданъ бысть. млъви кромѣ. явленъно есть яко не бѣ пасхы день. самое бо се съхраниша еже не въ пасху яти его. Инако же безъмѣстно бѣ и не мощно, въ врѣмя снѣденіа овъчате яти его. и упражднятися отъ того убійствѣ навѣтѣхъ въ нощь ону въсю. оставлшемъ праздникъ. отъ сіихъ убо

всѣхъ явленъно бысть, яко въ четверътокъ седъмице. не бѣ праздникъ пасъхы. но преждѣ оное. г҃і, ти, явѣ яко въ оно бо врѣмя. ниже ино кое законное соблюданіе на вечери бывъшее является отнюдъ: Бесловесно же есть отъ нѣкыихъ реченъное. яко, а҃і. ти убо бѣ тайныя вечере день, прельстишажеся іудеие тогда единѣмъ днемъ. въ ѕ҃і, ти пасху сътворъше. ниже бо отрочату утаится луна, а҃і. ти день имущи, и самѣма зрима очима. егда испълънъ свѣтъна сущи, управъ отступить прямо солнцу. егда супротивъ лица его будеть. якоже оному заходящу, тои всиявати. колъми паче и языку всему, всемъ зѣло исъпытливу. и аръхиереомъ. и законоучитель множьству. яко убо не прѣльстишеся, и апостолъ свѣдѣтельствова рекъ, пасха наша заны пожренъ бысть христосъ. и самъ же Господь, сице рѣчію ученикомъ, рече. Вѣсте яко по дъвою дню пасъха бываеть, и сынъ человѣчь прѣдастся на пропятіе. Бѣше же тогда прѣжде вечере день. иже есть. в҃і. ти. убо мѣсеца, седъмице же срѣда, по дъвою убо рече дню в҃і ти и г҃і. ти вонъже бысть вечера. вонъже прѣданъ бысть въ нощи. въ утрѣшніи же, а҃і. ти распятся. изъвѣстнѣ убо рече, на пропятіе. По вечери бо нощію, аръхіереомъ прѣданъ бысть. заутра же пилату отъ нихъ на пропятіе. сей евангелисть свѣдѣтельствуеть сповѣсть, съглашающи Господнему пророченію. матѳеи убо сице глаголя. тогда отпусти имъ вараву. іисуса же бивъ прѣдасть на пропятіе: И іоанъ, по судѣ иже отъ фарисеи, и иже отъ пилата. тогда убо рече прѣдасть его имъ да расъпнуть и: И лука: пилать же посуди быти прошенію ихъ: и пакы: Іисуса прѣдасть воли ихъ, сіи рѣчь, распяти: И маръко: Отпусти имъ вараву и прѣдасть Іисуса бивъ да пропнуть: убити бо его испрьва наумленъно бѣ имъ, распяти же, не у еще. по судѣ же въпръсивъшу пилату іудее, что сътворю Іисуса глаголемаго христа. ониже наважъденіемь архіерейскымъ възъпиша. пропъни пропъни: Тогда убо съмертный образъ сужденъ бысть. Всѣхъ убо ради сіихъ. изъвѣстіе Господня пророченіа показася. яко по дъвою дню пасъха бываетъ. и сынъ человѣчь прѣдастся на пропятіе: не бо просто рече прѣдастся. да не по г҃і. томъ нощь ону помыслить кто. Егда ятъ бысть отъ іудей, и прѣданъ архіереомъ. не бо бѣ еще тогда наумленъно ими распятие. яко же выше рѣхъ. въ, а҃і. ти

же на пропятіе прѣдастьсь. его же Господь пасъху именова, и павелъ. Тѣмъ же не прѣльстишась іудеие о дни. ниже волею якоже друзіи рѣша, господня ради смерти въ утрѣшніи прѣложиша праздникъ. не бо бы мощно было въсему языку, по всей въселеннѣй сущу, единого ради человѣка смерти сеи случитися. проповѣдуетъ бо ся пасхы день повсюду. прѣдъ врѣменемъ мнозѣмъ. якоже и донынѣ. да аще убо пасха. д҃і. ти бѣ. въ нъже овъче снѣдашеся. како хотѣаше Господь. въ. г҃і. ти іудейскую ясти пасху. не пращающу врѣмену. тѣмъ же ниже едино отъ иже въ законънѣй пасъцѣ съвръшаемыхъ въ оной бысть вечери: и вси же евангелисти съгласно рѣша. яко на всякъ праздникъ обычай имѣяше и нужъду игемонъ, единого отпущати наруду свежъня, его же хотѣяху. отпущаше же въ самый тьи. д҃і. ти. его же праздникъ пасъхы нарицають евангелисти, и законъ. а не иже прѣжде его. съгласно іоану сице рекъшу. прѣжде же праздника пасъхы. вѣдый Іисусъ яко пріиде ему часъ да прѣйдетъ отъ мира сего къ отцу. възлюбль своа сущаа въ мирѣ, до конца возлюбі а. и вечери бывъши. діаволу же въложившу, въ сердце іудѣ сімонову исхариоту, да его прѣдасть: Съмотри рѣчь. вечери рѣче просто а не пасцѣ. и прочаа елика сповѣдуеть евангелистъ на вечери реченъная же и бывъшаа. и како прѣдателя показа рекъ. онъ есть ему же азъ омочь хлѣбъ подамъ и омочь хлѣбъ дасть іудѣ симоню ісхариоту. и по хлѣбѣ тъгда вниде вънь сатана. глагола убо ему іисусъ. еже твориши сътвори въскорѣ. сеи же никто же разумѣ отъ възлежащіих. къ чесому рече ему. нѣціи бо мнѣху. понеже ковчежець имѣаше іуда. яко глаголетъ ему іисусъ. купи ихъ же трѣбуемь въ праздникъ. или нищіимъ да что дастъ: Вѣдаху убо и евангелисти вси и апостоли. яко праздникъ пасхы не бѣи егда бысть вечеря. понеже како бы мнѣли. яко къ уготовлению праздника пасъхы, потребъная купити Господь повелѣ іудѣ: И инако. варено въ водѣ не ядѣху на пасху. печена же ткомо. сокъ же прѣдлежаше на трапезѣ. въ немъ же хлѣбъ омочи, иже дасть іудѣ. да убо незаконъную пасху яде Христосъ на вечери. но истиньную прѣдаде. Тѣмъ же рече. желаніемь въжделѣхъ сію пасху ясти съ вами, прѣжде даже пострадати ми. Изъвѣстнѣ убо рѣша сеи показателънѣ. сію а не ону образъную и обычъ-

ную. но новую. еи же образъ бѣи она исплъняемаа сею, исплъненіе бо закону Христосъ. се же самое и отсюду показуются; ядущіимъ бо имъ рече матѳеи, пріемь Іисусъ хлѣбъ и благословивъ прѣломи и подавъ ученикомъ своимъ рече. пріимите ядите се есть тѣло мое. и пріемъ чашу благодаривъ. дасть имъ глаголя. піите отъ нея вси, сеи бо есть кровь моя новаго завѣта. яже за многыа изъливаемаа. лука же сице. и пріемь хлѣбъ. и хъвалу въздавъ, прѣломи и дасть имъ глаголя. се есть тѣло мое еже за вы имое и даемое. сеи творите въ мое въспоминаніе. такожде и чашу по вечери глаголя. сіи чаша новый завѣтъ кровію моею, яже за вы проливаемаа: Такожде и маръко: Да аще новаго завѣта есть данъное на вечери ученикомъ. убо о семъ и Господь глаголаше, желаніемъ въжделѣхъ сію пасъху ясти съ вами. прѣжде даже пострадати ми. а не вѣтъхаго явѣ яко назнаменовати же запоручеваю прочитающіимъ яко сему указавъшу се, еже дасться ученикомъ. отъ него таиньства, Владыка Христосъ именова пасъху. елика же онѣхъ възмнѣвъшіихъ прѣльстиша. сіа предъложивъ оставлю. Матѳеи убо сице рече. въ пръвыи же опрѣснокъ. приступиша ученици Іисусу. глаголюще ему, гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасъху. сіа въпршаху въ ѓ. мѣсяца. четвертокъ же седъмице, якоже сказахомъ. егда и вечеря бысть: и лука подобнѣ: пріиде же день отпрѣснокъ въ нъже подобаше жрѣти пасъху: и маръко: и впръвый день опрѣснокъ егда пасъху ждрѣху. глаголаше ему ученици его. гдѣ хощеши шедше уготоваемъ ти да яси пасху: Се бо рече въ самый пръвый опрѣснокъ, бысть вечеря. егда пасху ждрѣху. въкупѣ бо и овъче снѣдашеся, и опрѣснеци съ грѣчицами. но отъ самаго паче сего обличеніе имутъ. ничтоже бо на вечери бысть сицевое. якоже уже рѣхъ. ниже прѣсень хлѣбъ въмѣстообразенъ своего тѣлесе. своимъ ученикомъ дасть Христосъ. бывало бо би и до нынѣ. И аще бы убо пръвый опрѣснокъ онъ былъ, не бы мощьно было квасѣнь хлѣбъ тѣмъ обрѣстися. слово бо имать, яко отъ шестаго часа, ѕ. го дне мѣсеца. трубѣ гласящи. въсякъ хлѣбъ квасѣнь иже тѣмъ остаяше. огнемъ съжигаемъ потребляшесь. да убо не бѣ прьвый опрѣснокъ, въ нъже вечеря бысть. понеже и поеже на горѣ ученіи елеонсъцѣй, въ утрѣш-

ніи въ виѳанію прѣиде. ученикомъ рече Господь. не вѣсте ли яко по дъвою дню пасха бываетъ. и сынъ человѣчь прѣдастся на распятіе. и явьственѣ пасха быти рече день пятъка. иже бѣ. ѧ. ти мѣсяца, въ нъже и распятся. да убо не вѣдше иже прѣжде того въ нъже вечеря бысть, пасху сіи рѣчь, ѳ. ти. мѣсяца. ниже пръвый опрѣснокъ. понеже ниже, ѧ. ти въ нъже овъче снѣдаху іудеие, и опрѣсънокы начинаху, пръвый опрѣснокъ вѣдяше законъ, или именоваше. но, ѕ, ти. како убо хотѣяху евангелисти. ѳ, ти въ нъже вечеря бысть, пръвый быти опрѣснокъ глаголати, сице яко въ тъи прьвѣе ядомымъ опрѣснокомъ. еже убо явьственѣ есть лъжа: Но ниже въ самый тъи пасхы день, уготованіе овъчате бываше. но отъ десятаго дне мѣсяца, и съблюдашеся до, ѧ, го. а еже убо уготоваемъ ти ясти пасъху. ученици о той законнои глаголютъ. яко хотяще въ утрѣшънїи яже къ сему уготовити. Господь же чрѣзъ чаяніа онѣхъ, прежде дне пасхы. свою прѣдаде тайнъную, въ ѳ. ти еже бѣи исплъненіе закона: рече убо евангелистъ, позъдѣ же бывъшу, пріиде съ обѣманадесяте ученикома. и възлежащіимь имь и ядущіимь. рече Господь. но не възлежаще. но стояще. и въображени по закону вси, пасху ядѣху. како ли же назимо. сіи рѣчь, годище исплънивъшее съвръшенное. малыми человѣкы изънуритися мощно бы. ни единому же бо иному възлежати съ ними рѣше евангеліа. ниже бо бѣ прикладно Господу прѣдаему, быти инымъ. развѣ тайно наставлъяти подсолнечную хотящіимъ. да убо не пръвый бѣ опрѣснокъ онъ. ниже законъныа пасхы лежащаа бѣху уготованіа. но единыа вечеря. въ нейже таинъствъ предастся. якоже и іоань рече сице просто. и вечери бывъшіи: тако же и лука. рекъ пріиде же день опрѣснокъ, въ нъже подобно бѣи ждрѣти пасху. и помалѣ. и егда бысть годъ, възлежа: и марко же тажде: занеже аще убо сице речемь рещися, пръвы день опрѣснокъ. яко самый тъи день пасхы являти. и самъ кождо отъ евангелистъ себѣ. и законънымъ писменомъ несъгласенъ явится. якоже выше сказахомъ, но и іоану вси супротивятся. рече бо онъ прежде же праздника пасъхы, вѣдый Іисусъ яко пріиде ему часть да прѣйдетъ отъ мира сего къ отцу, възлюбль своихъ до конъца възлюби ихъ. и вечери бывшіи, и прочая сповѣдуетъ вечеря яже

и прѣдлежаху: да убо прѣжде праздника пасъхы законъныя и опрѣснокъ, вечеря бысть. а не прьвый опрѣснокъ: Вѣдѣти бо прикладъно есть. яко ниже самый тъй пасхы день, прѣвый опрѣснокъ въ законѣ. но убо, а҃і. ти. праздникъ пасхы. є҃і. ти же. праздникъ опрѣснокъ. И убо нощію посрѣдѣ вечеръніихъ овъче снѣдаху. и опрѣснокы начинаху. но како не нарицаетъ. а҃і, ти. праздникъ опрѣснокъ законъ. но праздникъ пасъхы, а иже по немъ, є҃і. праздникъ опрѣснокъ: Въ левитицѣ бо моусіи сице рече. въ прѣвый мѣсяцъ. въ а҃і. ти. день мѣсяца сего посрѣдѣ вечеръныхъ. пасха Господеви. и въ є҃і. день мѣсяца сего. праздникъ опрѣснокъ Господеви: и въ числѣхъ же паки такожде. въ мѣсяци прьвомъ. а҃і, ти день мѣсяца сего пасха Господеви и въ є҃і. день, мѣсяца сего праздникъ другыи опрѣснокъ: како убо отъ евангелистъ кождо. и себѣ и прочіимъ и моусеовѣмъ, не съгласенъ хотѣаше быти. единому сущу святому духу, иже въсѣми глаголавъшу. аще сице прьвый опрѣснокъ слышится, въ нъже ясти опрѣснокы начинаху. иже бѣи, є҃і. ти явьственьно бо есть еже вещей несъгласіе и безъ сумнѣніа: Самое же се доволъно есть въвѣрити насъ паче. яко не бивъ иже сице исповѣдателъныихъ и явленъныхъ супротивъ вѣщати хотѣли. тѣмъ же сице бесловесное, вздвизаетъ къ исканію нашь умъ, что убо будетъ писанъныихъ мысль. добрѣ же и истиною правыи опрѣснокъ слышати се. иже прьвѣе опрѣснокъ. день, сице бо въси съгласять другъ другу. и самъ кождо себѣ. смотри бо сице: Христосъ въ матѳеи рече. вѣсте яко по двою дню пасха бываетъ. дъва же прѣжде пасхы дне. в҃і. ти мѣсецъ есть и. г҃і, ти отъ нихъ же ни единъ же, ниже пасха есть ниже опрѣснокъ день. аще убо въ в҃і, ти се прорече Христосъ. по дъвою дню рече. настоящіи тогда въторынадесяты. въ нъже сіа глаголаше. и иже по немъ. г҃і. ти. аще ли же, а҃і, ти сеи рече, иже по семъ рекъ два дни. мнѣ же прьвое мнится быти, въ в҃і. ти бо въ виѳаніи бѣ у симона прокаженънаго. когда убо сеи прорече Христосъ. некли сумненъно. а еже по двою дню, ни единоже сумнѣніе имать или исканіе. яко. в҃і-ти. глаголетъ. и г҃і-ти. по нихъ же бѣ пасха, иже есть, а҃і-ти. въ а҃і-ти же овъче снѣдаху посредѣ вечеръныихъ. и опрѣснокы начинаху. а ни въ единъ же прѣжде его: И маръко же тажде

матѳею глаголя: Бѣ же пасха и опрѣсноци по двою дню. явленъ есть. в҃і-ти. и г҃і-ти прѣжде опрѣснокъ быти глаголя. како убо паки. г҃і-ти. прьвый опрѣснокъ глаголати хотѣяше. рекъ, и въ прьвый опрѣснокъ день, егда пасху ждрѣху. глаголаху ему ученици его. гдѣ хощеши шедше уготоваемъ да яси пасъху. иже бѣи, г҃і, мѣсеца .и прѣжде убо рече. бѣже пасъха и опрѣсноци по дъвою дню, како би паки прьвый опрѣснокъ тъи быти глаголалъ. исповѣдателъно убо и отъ самаго супротивословіа быти лъжъно. да убо добрѣ рѣхъ. яко пръвый рече опрѣснокъ. съзады ихъ прьвый. яко же аще и вторыйнадесяти. вторый прѣдъ опрѣснокы речеши убо. якоже бо прьваа суботъ, иже по суботѣ прьвый наричается. сице речеши убо и приближающіися съзади суботѣ. подобнѣ убо и прѣдъ опрѣснокы абіе. прьвый опрѣснокъ рѣша евангелисти. сіи рѣчь, иже седъмице шести, прьвый суботы. еже есть прѣжде суботы: Лука же явственнѣйше рече. пріиде же день опрѣснокъ. въ нъже подобаше ждрѣти пасху: Сіи рѣчь, приближись. приближающееся бо надѣемымь, онѣхъ нарицаемь именъми. приближающееся веснѣ время. пріиде глаголемь весна. и о другыихъ врѣменехъ такожде. приближающееся рожденію родити хотящее врѣмя. пріиде глаголемь рожденію врѣмя. не самый тъй всяко рожденіа день, или часъ глаголюще. но иже тому приближающіися. сице и приближающеися пасъцѣ. пріиде праздникъ опрѣснокъ и пасхы, рече, сіи рѣчь. приближися. пріиде жатва. пріиде сажденіе. пріиде точитъба. пріиде врѣмя кораблю. и о всѣхъ сицевыихъ такожде. не всяко самое оно пріити глаголюще врѣмя. но приближающееся чаемому. желаніемъ бо пришествіа искомаго врѣмене. и яко же самого оного пришедша иже тому приближающеся именуемъ: и супротивъное жъ лютымъ приближающееся врѣмя. трепещуще того страшънаго пришествіа яко уже настоящеемь чтеще́ся. и прѣжде даже пріити, пріидоша глаголемь лютаа. пріидоша ратъници пріидоша болѣзни съмертныа. пріиде старость. и что ми многаа сбирати: Самый тъй іоанъ явленънѣ научи рекъ. Вѣдый Іисусъ яко пріиде ему часъ, да пріидетъ отъ мира сего къ отцу: Сеи же глаголаше егда вечера бѣше. умрѣтъ же въ утрѣй, аще сіе глаголеть прѣхожденіе. аще ли же иже на небеса въсходъ пріиде. рече. иже по четыредесятихъ днехъ и множае,

хотящіи быти: да убо еже пріиде рече, вмѣсто еже приближись: Сице и лука въ тъй же день рече, пріиде же день опрѣснокъ. въ нъже подобаше ждрѣти пасху. тѣмъ же убо подобнѣ іоану. еже пріиде вмѣсто приближися рече, сему раздрѣшивъшуся, и прочее явленно. въ нъже подобаше ждрѣти пасъху. не въ реченъный прьвый опрѣснокъ. сіи рѣчь, въ иже пръвѣе опрѣснокъ. но въ тъй самый иже опрѣснокъ. въ нъже агнецъ ждрѣшеся рече отъ шестаго часа въ а̄і-ти день. въсякъ хлѣбъ квасѣнь потрѣбляшеся. всѣмъ убо мнящимся супротивитися, раздрѣшіимся. истиньно явися прочее. не образъную и законъную пасъху, въ тайной вечеры ясти Христовы. яже ветъхаго глаголю завѣта. но свою истинъную, новаго глаголю завѣта. въсе бо объвешъваемо и състарѣвъшееся, близъ потрѣбленіа. новому бо завѣту настоящу. ветъхый праведънѣ отступи. отсюду, и ино намъ сънедоумѣвается. инъдѣ сказанъно доволънѣ. еже вкратцѣ въспомяну нынѣ. яко не нощь моусіи сущому понеи съотдаеть дневи, еже нѣкыимъ възмнѣся. но сущому прѣжде ея. се же и отъ прочтенъныихъ нынѣ летика явленъно. Въ пръвый мѣсяцъ рече. въ а̄і-ти день мѣсеца посрѣдѣ вечерънныихъ, пасха Господеви, аще убо закалати законъ глаголеть къ вечеру въ а̄і, ти овъче. снѣдашежеся посрѣдѣ вечерныхъ. сіи рѣчь, въ полунощи, егда и прьвѣнци егупетьсъціи погыбоша. а̄і, ти же день. и самое се врѣмя пасха Господеви. и праздникъ именуетъ пасхы. всѣмъ мню явленъно, яко. а̄і. ти день сущо и по немъ нощи присъвъкупи. аще бо еже пасъхы праздникъ. нощи приходящаго би былъ дне, въ ней же агньца снѣдаху. всяко убо, є̄і, ти. праздникъ нарицалъся би пасхы по правъдѣ. но ими же раздѣли дъва праздникъ дне. и пасхы убо праздникъ, а̄і, тому даеть. опрѣснокъ же праздникъ, є̄і, му. объявленъно прочее есть. яко нощь въ ней же овъче снѣдаху. а̄і. го дне есть мѣсяца, а не є̄і, го. елика отъ сихъ супротивъна възмнѣшеся быти нѣкымъ. тлъкующе еже и бысть вечеръ. и бысть утро день единъ, раздрѣшихомъ.

№ VII.

Святѣйшаго патріарха антіохійскаго іоана. о опрѣсноцѣхъ слово. къ анъдріанополиту.

(Тамъ же л. 179—195).

Въспомяни моленіа оного о изящьны мужіи и прѣмудрѣйшіи. Еже азъ убо о церковъномъ сътворихъ съединени. царь же божественый, се въвсемъ изящьнымъ. и пръвымъ отъ братіе, съ радостію пріаша. и много отъ благочестиваго нрава се вънесоша тъщаніе. о еже и въ дѣло изыти молимымъ. тебѣ и къ обѣма ми сіа се поспѣшивъшу. понеже убо прикладъно царскому и боголюбивому тъщанію, и богови сътъщи. и топлѣйше въжещи церквамъ съединеніа желаніе, и исканіе: Сего ради и о опрѣснецехъ послѣдовательнѣ възъмнѣхъ. по силѣ рещи моей. объученіа ради и супротивопрѣдложеніа, иже отъ насъ исправляемые истины. и иже сіе почитающіихъ прѣльщенъныя славы. да еще убо съ приставъшіимъ намъ онѣмъ, потъщіимыихъ исканіе подвигнется о нихъ. и иныимъ убо нѣкли аще ли ни. но мнѣ убо потрѣбно слово будеть, свою волю готово имущу произносити: Объиметь о опрѣсноцѣхъ слово якоже обѣщася. и обличити итали, не добрѣ сіихъ пріемлющіихъ. укажетъ же нашу святѣйшую церковь. благочестивѣйшеи и православънѣйшеи, хлѣбомъ квасѣнѣмъ тайное съвръшающи священнодѣйство. егоже ничтоже святѣйшеи. еже бо, паче къ онѣмъ расужденіа намъ виновънѣйше, еже о опрѣснецѣхъ есть сіихъ же пріатію не здраву отъ насъ указавъшу се. ниже въ другыихъ убо несъмирителъны, и не сложъны явятся намъ. аще бо и на многаа прѣзъ правое слово глаголются творити. но ова убо общихъ отець отрицаютъ правила. и доволънѣ сіи я произъносящемъ, научавшися имъ яже подобаеть. ова же некли мала суща и ниже явленьно възбраненьна. или прѣстануть. или простетъсе убо творящіихъ немощи и обычаю. А еже опрѣснокъ, въ самую туи простирается благочестіа. главизъну не исцѣливъшежесе исцѣлитися недугующее церкве не оставитъ: тремъ убо сущіимь, отъ нихъ же супротивящіихся заущати. православныхъ вѣсть церковь. проповѣданънаго писанънаго ученіа. не писанънаго

прѣданіа. и обычаа помысълъ. имъ же отъ иже къторому ихъ подобьства, иныихъ прикладныихъ съслагающе. иже противънаа мудрьствующіихъ. можемъ покаряти: Толикомъ убо сіимъ сущіимъ, или да покажутъ итали [1]), и по единомъ убо не отвръженъно суще опрѣсночъное служеніе. и ниже мыи всячъскы отметнемъ, или аще убо отвъсуду обличимъ погрѣшающіихъ. да прѣстанутъ нѣкогда своего супротивленіа. и готовы пакы къ церквамъ съложеніа будуть. паче же и да плачются, бога длъгомъ сице лѣтомъ оттръгъшесъ злѣ. аще ли же и по обличеніихъ въ непокоръствѣ прѣбудутъ. прѣдъ богомъ убо и изъбранъныими ангелы засвѣдьтелствуемъ. яко о тѣхъ цѣлъбы, и церковномъ пакы единомысліи, не облѣнихомъся, о тѣхъ же божественный рече апостолъ. яко свою правду искуще съставити правъдѣ божіей не повинушася: Ибо убо прьвѣе отъ святаго писаніа главизъны. Глаголю же. божественныхъ евангелистъ сповѣсти, да обличими будутъ, и покаряемый. даже абіе и отъ начатокъ отъявленыихъ *и непръкорѣчныхъ въвъръшиихъ* [2]) указы произыдутъ. паче же и прѣжде сіихъ да рекутъ намъ, что убо тіи хотятъ. по Христовѣ ли подобіи Христа ждрѣти. и якоже своимъ самъ ученикомъ указа, и всей онѣми твары, сси творите глаголя въ мое въспоминаніе; или инако; аще убо въторое. въпросѣмъ пакы. како и откуду прiемъше. и кто иже Христа достовѣрънѣйшіи таковаа повѣлеваеи; Аще ли же прьвое рекутъ, яко ниже благочестиву въторому. Видѣмъ въ евангеліахъ, како и которіими духовънаа трапеза, съвръшашежеся и намъ прѣдаваше. да явятся многымъ убо лѣтомъ. слухомъ слышаще священнъныаа словеса. и не разумѣюще. и прѣдъ очима лежащу зряще истину, и несматряюще абіе бо божественныи евангелисти якоже отъ съложеніа, яко ниже прикладьно иже о толицѣхъ сповѣдающіихъ таинъствахъ, разглашати. хлѣбомъ всяко неизъреченъной съвръшитися жрътвѣ сказаше: но и павелъ, иже евангелію не отъ человѣкъ ни человѣкомъ научивъся, но откровеніемъ Іисусъ Христовѣмъ. и еже о сихъ научение, отъ самаго прѣемъ Господа такова нѣкаа коренъѳѣномъ посылаа сповѣдуеть. азъ бо

---

[1]) На полѣ другой рукой: италіане, еже есть латынѧ. лежьве.

[2]) Написано на полѣ другой рукой.

пріахъ отъ Господа еже и прѣдахъ вамъ. что пріалъ еси о божественый павле. и что прѣдаде паки, яко Господь Іисусъ Христосъ, въ нощи въ ней же прѣдавашеся. пріемъ хлѣбъ и благодаривъ прѣломи и рече, пріимѣте ядите се есть тѣло мое. и прочаа. не не тькмо же, но и самый тъй великы великаго сего священосъвръшительства, тайнонаставникъ и началникъ, къ іудеомъ бесѣдуя. хлѣбъ рече иже азъ дамъ, плоть моя есть. *азъ бо есмь хлѣбъ живый рече сшедый съ небесе, аще кто ясть отъ хлѣба сего, и прочаа*: и не единою но и многащи, хлѣбъ тъй является именуя. зриши ли како съ учителемъ и ученици. хлѣбъ животънаго хлѣба единогласно нарицаютъ тѣло Господне, истинъную пищу нашу и жизнь, откуду убо привътли се любо квасныимъ безкласное: аще ли же рекутъ итали. еже хлѣба именованіемъ, нетькмо квасѣному нарицатись хлѣбу. но и любими тѣми опрѣснокъ, и яко предложенънаа нынѣ, не множае съй неже онъ разумѣти се даютъ. Удобно есть намъ сіихъ обличити. многыимъ съ прѣльстію и неразуміемь недугующихъ. хлѣбъ ли ръци ми нарицаеши опрѣснокъ, иже съи почитаай. Откуду приходя, и отъ чесого тому наименованіе прикладъно быти не пъщуя. Отъ дѣланіа ли; отъ снѣденіа ли. Отъ силы ли не бо мощъно есть ни откуду же хлѣба име опрѣсноку приложити. Откуду бо. аще бо якоже родъ би былъ хлѣбъ. якоже на видѣхъ сіихъ наглаголемъ. иже отъ къваса хлѣбѣ глаголю, іи опрѣсноцѣ. всяко подобаше и присущаа хлѣбу якоже естественнаа свойства, обѣма равъновидима прикладати, елика бо на нь глаголемомъ глаголются. также и на подлежащеемъ въсяко. яко же что глаголю. наглаголется животное не человѣцѣ тькмо. но и коны, и волѣ. и иныхъ тмами видѣхъ, въ наглаголаніе животънаго. сиа бо равъно и животънаго именованіа истѣе причащаются. и иже на животънѣ глаголемыихъ, и уставляющіихъ тои яже суть сущьство. одушевленъное. чювьствителъное кыйждо бо отъ иже подживотнымъ видовъ, яко же рода именованіа. сице и сіихъ всѣхъ по естеству причящается. и животъно бо, и сущъство одушевленъно и чювьствителъно. и есть и глаголется отъ сіихъ коеждо. аще убо

---

[1]) Написано на полѣ красными чернилами но той же рукой.

видъ хлѣбу опрѣснокъ би былъ. имѣлъ би убо по нужди и начрътателѣнаа вся хлѣба. нынѣ же не имать. да убо ниже хлѣбъ есть. хлѣбъ еже и глаголется, иже тѣлесы человѣку на всякъ день въ пищу приноситъ. се же есть разумѣти удобно отъ самаго того имене готовословіа. имена бо прикладѣнаа вещемъ лежащаа, тѣхъ суть естества явителѣна, истѣе ричима убо, и прѣдѣла мѣсто могутъ наплѣняти. тѣмъ же и яко съкращенѣно име нѣціи пріименоваше. якоже супротивъно имя прѣдѣлу пострьто. нѣка же и естество быти възмнѣшася имена. яко же убо сущьство наречеся, еже быти имену являющу. и животно отъ еже живо быти, и чювьствителѣно, отъ еже таковыя причащатися силы. Сице и хлѣбъ. отъ еже възыматись и приносити въ пищу. той бо еже приноситись. отъ причящени пище обыкохомъ глаголати. възимати же отъ еже приноситись. и много отсудъ тезьименъство и прикладство и въ избранѣныихъ елѣлинъскыхъ. омиръ же бо оружьну пищу именуетъ. и упократъ чюдный къ оружію пище, отъ еже възиматисе въсяко. и приносити прикладае. отъ него же и еже хлѣба имя. яко нуждънѣйшу пищъ всѣхъ. сіе изъряднѣ именованіе наслѣдовавъшу. Да въпросятся убо вси языци, елици пище питомые причащаются. каковъ ядять хлѣбъ, не квасень ли; сіи же что; не и тими ли съи; аще убо хлѣбъ его же приносятъ вси человѣци. приносятъ же съ квасцемъ, да убо единъ тькмо есть хлѣбъ квасѣны. аще ли же кто отъ възятіа готовословить. рекъше вознесенія и на горѣняа въздвиженія, хлѣбъ. ниже сице ничимъ же меньше обрящеши, квасѣному единому имя прикладѣно, безквасному же никакоже ни отсюду. квасець бо тьпльнѣ како сущіи и мощенъ зѣло. некли же и отъ топлоты именовася. егда омѣсится съ брашѣномъ, къ своему имьству той прѣтваряеть. въсе же съ солію утренѣной умѣшенѣно. въземлется отъ топлоты и надымается. таже и пещи дань и пекомь, намножае въземлется. въсяко бо тѣло распаляемо. лькъко и горѣносно бываеть по естеству. огънѣной силѣ въ глубину заходящей въмѣшенію. и вънутрьшнюю мокроту въ мѣру исъсушивъшу. хлѣбъ съврѣшается. яко убо ясти, благь же и сладокъ. но и скоро и съсучимъ въкупѣ, и благоизливенъ. хлѣбъ истѣйшіи и глаголемъ и сый, всѣхъ ради. опрѣснокъ же и соли и квасѣцу

не причастенъ. лишенъ убо есть еже на горѣняя възятіа. възъдушное не имый. ниже дьхновенъное ничтоже. ниже животъное. тяжько же нѣчто есть яко же камень и по испечени. и земльно изъвѣстнѣ. и къ пищи никакоже благопотрѣбно: которое убо слово хлѣбъ таковое нарекъ избѣгнетъ притъче, еда не и тый безсолень еси съ опрѣснокомъ: мертвое ли убо ръци ми, живому приуподобленъно твориши. землеванъное, иже съ небесе съшедшому. нареченъный хлѣбъ озлобленіа, хлѣбу живота и веселіа. и сіа иже отъ васъ съдѣловаемый. иже безъ мала и землемѣрънаго явленіа еже слица, неизъявленънѣишіи. осязаемому и по въскрсени много сия съ нечестіемъ объявляють и бесловесіе: Аще снѣсться хлѣбъ безъ соли, рече іовъ и тый въ толикой вечеры яси хлѣбъ безъ соли. Еда бо латинъское се недугованіе издалече чюдъный онъ отрицаше, и прѣсѣцаше, понеже и самаго снебесе съходяща прѣдзрѣша, животънаго хлѣба, и великаго кита емлюща. зъмыя явѣ яко отступъника: Но буди яко тебѣ мнится и отъ съвръшенънаго хлѣбу именоватися. да аще сеи, тіи самы да глаголють латыни. на коемъ паче хлѣбѣ не неизъявляеть имя; ей рече, но законъ хлѣбы опрѣсны вѣсть нарицати. что се. ибо мертвеца мыи человѣка глаголемь, но непросто. но человѣка мертва. яково же что есть и твой опрѣснокъ. и сего ради не хлѣбъ коли особьнѣ наречется. но развѣ хлѣбъ прѣсенъ: аще ли же къ сему супротивъ отвѣщають. яко и паны хлѣбы кѣвасѣны, тъжде именуеть законъ. яко же отъсуду тому являтися, вида хлѣбъ вѣдѣти дъва. иже кѣвасенъ. и иже прѣсенъ. удобънѣ и сіе раздрѣшимъ разньство. Понеже бо есть идѣже поселънымъ обычаемъ, хлѣбъ именова опрѣснокы. овогда убо дары приносити Господеви повелѣваа. Отъ семидаля хлѣбы прѣсны. омѣшени въ елей. овогда же паны на жертву спасеніа, хлѣбы рече принесеть отъ семидаля напоени въ елей. и хлѣбы прѣсны помазанъны елеемъ. и семидалъ омѣшанъ въ елей: зъдѣ прочее наводить, хлѣбы квасѣными принесеть дары своа. нуждно хлѣбы приложивъ кѣвасѣными. да разлучить истые хлѣбы, отъ иже вновѣ посельнымъ обычаемъ реченъныихъ хлѣбъ. яко же аще бы кто о человѣку бесѣдуя двѣю, живомъ же и мертвомъ. и ового убо приречеть жива, ового же мртва: Понеже общии человѣкъ обычаи. хлѣбъ кѣвасѣный вѣсть тъкмо. и идѣже аще въписаны хлѣбъ услы-

шимъ, сей разумѣемъ. прѣснаго же вещь. и паче вашего. ущипъкомъ истѣе съчетавается, и дѣтинымъ кравайцемъ; но убо еще къвасѣны слово въ срѣду да приводить. и въкупѣ оному съретесе, иже отъ писаніа обличенъми да бится зельнѣйшеи. не да побѣдится токмо. но отсуду и да благодѣется. понеже есть нѣкогда. якоже побѣда врѣдъна, тако и побѣжденіе спасено: Глаголы ми убо. когда іудеомъ опрѣсноцѣхъ дасться законъ, отъ египъта всяко исходящіимь, когда же ли мелъхиседекъ священънынкь бѣ бога вышняго; еда убо малѣми прѣжде врѣмянъми. ѹ. нѣгдѣ ли, л҃. тими лѣти. что принесе авраамѹ онъ възъвращающуся отъ сѣча царей. и откуду изнесъ, отъ ихъ же ждрѣше явѣ яко, хлѣбъ и вино. своего бо священьства начало образъное, въ чрѣслѣхъ патріарха духовнѣ прѣдзрѣше. еда убо прѣсны прикладъно оны не пъщевати хлѣбы. ни. не еще бо ниже узаконоположилися бяху опрѣсноци. ниже человѣкы позънавахуся добрѣ. чіи убо ти се мнить мелъхиседекъ образъ; Христовъ всяко. тъй бо есть иже по чину мелъхиседекову, прьвосвященънникъ бывъ вѣкы. о несмысльства. да не глаголю послѣдъняго изумленіа. аще и Христовъ образъ таковаа видя съвыше священнодѣйствующа. не еще разумѣеши не еще постизаеши истину. не еще къ небесному восходиши служенію. но еще и изуплѣжиши съ іудейскыимъ младенчьствомъ. и писмену работаеши вмѣсто духа. и сѣнемь въмѣсто истины. или еда отъкуду инуду тіи опрѣсноци тебѣ, и късему суботъ съблюданіе. и якоже является не разумѣеши. яко сіихъ назиранію вънемле. длъженъ еси и весь исплънити законъ. что убо суботъствующе, не и обрѣзуетеся. что опрѣснокы ядуще, не агньца ждрѣте прьвѣе. таже дніи потомъ седъмь сіе съ горъчицами ясте. Аще ли же есть истинъно, яко же убо и есть, яко священъству иже по закону прѣложивъшуся, по нужъди и закону прѣложитись. и тый не прѣложися къ духовнымъ. отънели же яже до·врѣмене исправленія. сіи рѣчь, христова пришествіа. належащее тяготы законъныя. сіе въ присное врѣмя належати вамъ, самы волею понуждаетеся всяко; но къ сице убо явленъному и несупротиворѣчному указу. ниже противу позрѣти възмогуть латыни: Видѣмъ же на которое другой прибѣгаютъ, якоже утъврьжденіе крѣпъко, своевольные вѣры ихъ. и огражденіе тврѣдостное. тыи же ми и здѣ

вънѣми уму. иже моимъ истезатель и испытатель словесемъ. его же азъ позоръника же и вѣнъчателя, и настоящаго избрахъ войничества. понеже любити убо и насъ. любезънѣ еже ти отъ истины ничтоже. ниже бо ни любили быхомъ, ниже любимыи были. аще не быхомъ такова изъвѣстнѣ вѣдли суща. ниже то еже нашихъ словесъ вѣдѣли быхомъ испытаніе. вънѣми убо. и узриши всяко абіе, полагаемые тьвръдине ихъ страхъ. по писанъному. и грады раздрушаемы. ихъ же гнилому и тощему зъданію дрѣзають: рѣша бо по умышленію дѣяти ничтоже. но съ опасеніемъ извѣстнымъ почитати опрѣснокы. понеже бо прикладъно и Господеви, таковымъ хлѣбомъ тайную вечеру устроити. знамеповати же сеи. отъ еже прьвѣе ядъша пасъху законъную. тако видѣтись хлѣбъ пріемъша и благословляюща. ученикомъ же дающа и научающа, како новую пасху подобаеть съвръшати. вънегда же ясти се законной пасцѣ, потрѣбляти се всякъ квасець отъ домовъ законъ повелѣваше. и никакоже отънудь обрѣтатисе. како убо хлѣбъ квасѣнъ или обрѣтеся въ дому, въ немъ же Христомъ и обѣ пасъцѣ быша. или тъи обрѣтъшиимъся сътвори, законную пасху по воли творити хотя законъной. да убо добрѣ рече и опаснѣ послѣдовати воляще Христовы. опрѣсную почитаемъ жъртву: въистину льстятся не вѣдяще писаніа. да изобильнѣ прѣльсті ихъ обличеніе будетъ. Да поставимъ и хлѣбъ истиненъ разумѣти се мощи. иже не сущи. опрѣснокъ глаголю. и сему бо даему. ничимъже мьньше тіи по писанъному, слѣпы суть мьжаще: Въспять бо паки въпрошеніе тѣмъ обращающе. въпрашаемъ. како убо и откуду обрѣстися тогда тамо опрѣсноку. прикладно бо бѣи отъ двою быти едино по нужъди. или не бѣ еще уготованъ. опрѣснокъ празднику не еще прішедшу. или и уготованъ ядый, не по закону ядѣше всяко. законъ бо повелѣваше. въ прьвомъ мѣсеци. весьнъному начинающу равноденьству. въ $\bar{\text{д}}$і, ти мѣсяца. егда явѣ яко луны кругъ близъ быти пльно свѣтлостенъ. водити прѣхоженіа праздникъ іудеомъ. сію убо словущую пасху. и агньца закалающе ясти къ вечеру. таже потомъ начинающіихъ иже опрѣснокъ празъникъ ясти. и сіа отъ $\bar{\text{є}}$і. ти мѣсяца сего. и даже до, $\bar{\text{к}}$а. го днїи седъмь. и вѣмъ убо нѣкаа и таиньствънѣйшаа словеса, якоже подъ завѣсою сими уста-

вы крыема. мнѣ же о иныихъ нынѣ подвигъ: Случашеся убо въ лѣто оно, въ неже пасха наша за ны хотѣаше ждрѣтисе, Христосъ божіе слово. въ пятокъ днемь, д҃і. быти луны. въ нъже и іудеискаа длъжно бѣше быти пасъха. хотѣяше же Господь въ самый законъныя пасъхы день. волъную о миръскомъ животу смерть претерпѣти. да егда закалается жрътва его ради пріемлемый агньца. тогда и самъ. да якоже въ пятокъ хотя распятися. варяеть се, и ясть законъную пасху въ четвертокъ вечеръ съ ученикы, аще же и яде якоже оны глаголютъ, и убо евангеліе таковое намъ объявляеть ничтоже. Развѣ тъкмо яко повелѣся ученикомъ уготовъленіе пасъхы. яко и самѣмъ къ сему тъщащемъся, празднику приближающуся и къ симъ вечера же и яже на вечери. нъ мыи сеи пращаемь латиномъ. да убо яде по васъ пасху въ четврътокъ якоже рѣхомъ вечеръ. таже вечери бывъшіи, прѣдаеть ученикомъ таинъное священодѣйство. і абіе съ свѣтилъникы вънезаапу емлеться съ воинствомъ, и слугами іудейскыми. отводится къ анънѣ прьвѣе, таже къ каіафѣ, таже утру бывъшу, иже въ пятокъ явѣ яко, отъводятъ его съвезанъна въ судилъницу. водящеи же его не вънидоша. віинаже. да не осквернятся рече, но да ядять пасху. яко же слѣпу еже убо глаголемое. явленъно есть. яко въонь. пятокъ случашеся пасъха іудеомъ. понеже хотѣху водити опрѣснокъ праздникъ. на дни седъмь. да аще сице сіа. откуду въ четверътокъ. какоже и пасху прѣдвари, юже прѣяти хотѣаше послѣды; некли же крѣпятся, не въторое пасъхы быти еже опрѣснокъ възятіе. но агньчее жрътвы съврѣменъно. якоже ядущому пасху, въ купѣ и опрѣснока съ горъчицами причащатись: хощеши ли да дамый сеи тѣмъ, азъ же убо и вси. излишно бо мню и залихо, распрю имѣти о сихъ. ими же и непомогаемомъ ничимъже меньше есть дръжати, аще и сеи дамы. что убо кто виновъно речеть, еже ясти и опрѣснокы тогда Іисусу. еда о еже не възмнѣтисе законъ отмѣтати лежащіи о опрѣсноцѣхъ. да убо подобаше седъмодневъный опрѣснокъ праздникъ съвръшити, таже потомъ распятися: Но разоряшеся прочее законъ, другому уже завѣту въмѣсто въводиму. и чесо ради и свесъма прикоснуся опрѣснокомъ. но буди и сеи, по сихъ глаголомъ, яко съ агньцемъ тѣхъ снѣде. каа убо сихъ яже

въ вечеры потрѣба, хлѣбу сущу кѣвасѣну якоже речеся. почто же ли ветъхаго завѣта опрѣснокомъ, новаго съврѣшаше таиньство. мѣся не смѣснаа. паче же съливаа опрѣснокомъ ходатайствующіимъ. сърастворяемома другъ другу. и сърасмѣшаемома. яко овому убо настоящу. овому же присъвъкупляему. и съвъкупляющу оба. и прошествіе не тѣсъкно отъвръзающу закону кь евангелію яко же разлучъну того быти же и паки почитатисе. пачеже и съпочитатисе, не отъ іудей токмо. но и отъ всеа твари. еже вѣры главизъною. тайною глаголи службою и въсуе являтисе проповѣдующа апостола. древъняя убо прѣити быти же вся новаа. и яко законъные тяжести, до врѣмене исправленіа належаху. и не вѣдѣ кыими закона упражднение прочее възвѣщаеть: не тъкможе. но аще убо по въскресени днемъ вънутрь седъмымъ, таинство прѣдалося бы. имѣли бы нѣкое слово латыни, еже опрѣснокомъ възмнѣти, съврѣшитися тому. зане въсуду потрѣбивъшуся въ сихъ кѣвасъцу. нынѣ же сію прѣдотъемля Господь прѣлесть. предваряеть и свою страсть, и ту іудейскую пасху. и опрѣснокъ причещенія и прѣломленъми хлѣба новѣе прѣдаваеть служеніе. пожерь самъ себѣ тайно. и съмѣсивъ недоумѣтелънымъ словомъ иже отъ него данънымъ въмѣстообразънымъ: и да зрятъ паки. аще лѣпо бѣше хлѣбъ живота и веселіа, озлобленіа хлѣбу себе примѣсити: законъ бо опрѣснокъ въводя іудеомъ, сице заповѣдаеть. яси опрѣснокъ хлѣбъ озлобленіа. яко съ тъщаніемь изыдосте отъ египъта нощію. и віина узаконенія, ея же ради опрѣснокы, да въспомянете рече дне исхода вашего отъ египъта. убо и намъ ли въспоминаніе праздновати подобаетъ исхода израилева отъ египъта. и не седъмь же лѣта дніи по іудеихъ самыихъ. но по вся дни непрѣстанъно. и не единѣхъ на се. но по благодати смѣшающіихъ иже озлобленіа образъ, и съликоствующіихъ въсемиръскому веселію иже озлобленіа свобожденію. истинъному хлѣбу съшедшому отъ отца. Отъ него же сіимъ единѣмъ, еговою плотію повелѣвается намъ питатися. не буди то: но отъвъсуду избиваемы обличенъми. священъную еже глаголется. низъмѣтають агкиру. и еже евангелистъ добрѣ вѣде предлагають глаголи. ими же о дни сповѣдующе видется. въ нъже пасха отъ ученикъ готовляшеся Іисусовѣхъ. овъ бо убо глаголаше. Въ прьвый же день опрѣснокъ,

приступиша ученици Іисусу, глаголюще. гдѣ хощеши уготоваемь ти ясти пасъху овъ же, и въ прьвый день опрѣснокъ, приступиша ученици къ Іисусови тажде въпрошающе. И пакы другый. пріиде же день опрѣснокъ. вънъ же подобаше ждрѣти пасху. и прочаа Понеже бо рече съгласно отъ трехъ рече евангелистъ, въ день опрѣснокъ пасъцѣ Іисусу отъ ученикъ уготовитися. прѣсень убо прѣдложивый се на вечери хлѣбъ. нуждно отъвсюду потрѣбльшу се квасъцу дне ради. се же и прѣжде речеся. сіе же тѣхъ нанесеніе рѣчемъ, и нѣкые отъ нашихъ слышу смущати. яко не зѣло благораздрѣшъное имуще. азъ же явихся убо и въпрѣдваръшиихъ той раздрѣшивъ. идѣже владычьнюю показахъ пасху. опрѣснокъ праздника. и ту самую прѣдварити пасъху законъную. аще ли же нѣкыа колѣблють евангелистъ глаголи. да слышатъ и громова сына, сповѣдающа о сихъ самыхъ. что бо рече. прѣжде же праздника пасхы. вѣдыи іисусъ яко пріиде ему часъ да прѣйдеть отъ мира сего къ отцу, и помалѣ. и вечери бывъшіи, и прочаа. аще убо зареченнаа иными евангелисти, непъщуетъ кто въ самый тъй прьвый опрѣснокъ день, вечера быти. лъжа понужди іоана творить, прѣжде праздника пасъхы глаголюща быти. аще ли же сеи громомъ трѣснутаго. и изумленіа послѣдъняго. истезательно буди добрѣ, и съсложителъно другъ другу. евангелистъ глаголы. и убо мнѣ ниже въ снѣ найде коли, разгласіе въ сихъ помыслити. или отнудъ глаголемыи отъ трехъ евангелистъ прьвый опрѣснокъ, самый непщевати день сущь въ нъже снѣденіа начинаху опрѣснокъ; прьвѣе убо, яко аще би се было. не бы убо ученици толико дрѣмали, яко въ день опрѣснокъ пасху готовити ожидали. варяеть бо сего пасха. аще и равъноврѣменъно дасть се. таже аще въ четвертокъ би былъ опрѣснокъ прьвый. въ нъже и яде пасъху Господь. како въ пятокъ іудеие пасху ясти хотѣаху. вътораго опрѣснокъ сущіи по латинъской славѣ: Некый убо прьвый опрѣснокъ отъ матѣѳеа и маръка. иже прѣжде опрѣснокъ. якоже прѣдустроеніе будуще нѣкое. и уготованіе сущіимъ въ праздникъ. что же отъ лукы, еже пріиде день опрѣснокъ, яко приспѣ и близъ бысть, съгласно прьвымъ глаголя и сіе речени пріатіе. иже евангеліа тълковавъшеи отци полагають. и прѣжде онѣхъ вещи

свѣдѣтельствуютъ. и сіа вся іоань запечатлѣетъ, прѣжде праздника пасъхы вечеры быти учя. сице ниже разъгласіе кое отъ евангелистъ. како бо. аще едина и тажде благодать яже всѣмъ вѣдъхнувши евангельское богоглаголивыя. и латыномъ въ еже іудействовати узрокъ благоличенъ ни единъ же: Инако же, и правилу явьственѣ повелѣвающу. ни единому же опрѣснокомъ причащатись іудейскыимъ. сице бо и не по іудеихъ опрѣснока причащатися, иныимъ же благочестивѣйшіимъ васнъ крѣпятся словомъ. но мы и ниже сеи тѣхъ стрыпимъ. ниже бо аще кто вѣренъ быти глаголя, таже образовалъся. съ православъныими тогда съсуждалъ быхъ. аще и тмами іудейское отрицалъ би подобіе, на другые же которые любо прибѣгалъ отвѣты: доволѣна убо и сіа яко же мъню, въ обличеніе латыньскаго опрѣснецѣхъ суетыщаніа. ибо и прѣжде насъ вѣмъ нѣкые, ненекрѣпъцѣ о тойжде подвизавшіихъся вещи. обаче елико мы и отъ онѣхъ пріемъше узрокы. нѣкая же и отъ себе приложивъше. пространънѣйше же и крѣпъчайшеи, и онѣхъ обличихомъ прѣлесть, и отъ насъ правоправимую указахомъ истину: Да видимъ же прочее чюдное тѣхъ таиньство. иже на великое изобрѣтоша таиньство, изъвіенъны бо иже отъ божественыихъ писаніи, не сопротиворѣчъныими указы. въ помысли нѣкыя приклады и образы, прибѣгаютъ. яже отъ сердца по пророку изрицающе: назнаменателъно бо рече господняго телесе. чистоты же и бестрастіа опрѣсное мѣнити. и сего ради тѣмъ тайное съвършати служеніе. чюждуся аще не и чашу вина не растворена пріемлютъ. а не испълнь растворенія. яко да не лестное тѣмъ и чистое назнаменуетъ сей отсюду. Но азъ убо внегда божественной и страшной приступлю трапезѣ, не ктому прочее изъображеніа зрю, и образы. ниже иными мечъту се иное. но всякого нагу прикровена, самую владыкы моего плоть рукама подъемлю. не бо образы ясти и пити, но того плоть повелѣно ми есть, и кровь честную въ сіа прѣтворяемомъ приносимымъ, оного въсесилънымъ хотѣніемъ. А иже образы искущеи еще и приказы. не вѣмъ. како изъбѣгнутъ еже не и всихъ съ причитаватися іудеомъ. иже образомъ и сѣнемъ служатъ небесныхъ. духовънымъ симъ явѣ яко, и нашимъ. но сіа объ опрѣсноцѣхъ мудръствуютъ, не мудръствующеи правѣ: Таже

якоже въ благодати чести пращають и намъ. еже добрѣ кьвасѣны въ священънодѣйство пріимати. знаменовати бо се тѣмъ еже съвръшенъна въ божествѣ Іисуса и съвръшенъная быти въ человѣчьствѣ. якоже она опрѣснокомъ. еже чиста и не пріемъна грѣха. но убо наша отъ нихъ свѣдѣтелъства и присужденіа, не трѣбуютъ. чюдно же ничтоже аще и здѣ самы себѣ непослѣдователъная страждуть. и ниже се расмотрѣти възъмогоша. яко аще опрѣсное образно чистоты и безъгрѣшіа. по супротивьству, грѣхъ всяко кьвасѣны назначенуеть: Таже како похваляють и кьвасную жрътву, аще грѣховънаго кьвасець изъображеніе. какоже и пріемлютъ насъ не разньствующіихъ посрѣдѣ святаго, и иже по тѣхъ скврънънаго. Но сице лъжа. не истину тъкмо, но и сама себѣ ратуетъ. И пакы же отъ прѣложеніа. злобьствують кьвасець. приводяще нань и свѣдѣтельства васнъ, отъ писаніи священныихъ. ово убо Господнимъ къ ученикомъ заповѣданіемь, оваже апостольскою къ коренъѣѳномъ притъчею. отъ нихъ же, ово убо, блюдѣтеся и вънемлите отъ кьваса фарисейскаа и садукейска. оваже. малъ кьвасъ въсе въмѣшеніе кьваситъ: зрите ли како запрьтъци, и изъвѣтрѣла помыслъ ихъ рожъденіа; како еже даше взяше; и иже пріаша отъ насъ кьвасъ, чрѣпу рече прѣпадъшу злобять пакы, и отъмѣтають. и поюще не стыдятся глаголемое пакы пѣсніе: *притъча есть платонъска, о удобь прьложнііихъ* [1]): Откуду убо приходяще, изъображеніе опрѣсное полагають чистоты. еже іудеомъ озлобленіа образъ, божественное даваше заповѣданіе. еже и прѣдставихомъ варивъше: какоже и яже нынѣ о кьвасу прочътеньнаа, въ облъганіе тѣми пріемлются объявленъно же есть. яко апостольскаа убо притъча, о иже посрѣдѣ чесого есть. являя яко единаго мужа добродѣтели или зълобы, мнозіи причащатися, и исплънятися могуть отъ приуподобленіа. а еже вънемлете отъ кьваса фарисейска и садукейскаа. апостолы убо абіе разумѣша, яко о учени фарисейскомъ речеся Господемь. понеже и самъ тѣмъ отъврьзе приточное слова, не о хлѣбѣхъ глаголати изъявивъ. тіи же евангеліе по вся дни чътуще не уразумѣша: азъ же да послѣдованіа дръжатся, и не упадетъ тѣмъ отъ опасеніа

[1]) На полѣ красными чернилами.

что. научилъ бых убо муже, ниже отъ плода лозънааго сего въ жрътву примѣшати. но оиндѣ нѣгдѣ искати сеи. понеже въ писаніи обрѣтается, и виноградъ содомьскъ. и лоза отъ гомора и гроздь горести. и паки. виноградъ прѣвращьшійся въ горесть. и виноградъ туждь. и елика инаа о винограде не похвалънаа. и сего плодѣ. отъ писаніа есть събрати. было бо би и сеи не недостойно латынъскыа прѣлести и пияньства: Мы же вѣмы яко есть человѣкъ золъ. и не сего ради всякъ человѣкъ золъ. сице есть убо виноградъ дивіи, и гроздъ горести износящи. множайшіи же и пытомыи и благоплодніи. и паки есть къвасець ветьхъ и оцътѣнъ. но другый хлѣботворенъ же, и питателенъ. и многа отъ сицевыихъ и подобънаа подобънѣ свойствіи обоимъ. сего убо ради лукавіи отъ писанія, горъкоплоднымъ прикладаютьсь лозіемъ. о нѣкыхъ же благочестивънѣ живущіихъ рече яко виноградъ бысть възлюбленъному на възорѣ, на мѣстѣ тучнѣ. и самъ же Господь себѣ виноградъ именуеть. ученикы же лозіе: и паки. злоба убо и лукавьство, къвасу прикладается ветъху. ветъхостію являющу всяко не полезъное и потрѣбъное къ хлѣботворію. о царствѣ же небесномъ речеса. яко и самое то царство небесное уподобися къвасу. и сего дѣйству. образомъ еже въ чювьственомъ къвасу, добрѣ зѣло прѣдставляеть: и каа потрѣба о иже въсѣми зънаемыихъ. словеса събирающу дълъгорѣчити. мнѣ убо здѣ и несладость нѣка съприпаде. къ сице худу супротивоположенію подвизающуся. понеже пореченънныихъ лѣтъ есть тѣмъ, ниже хлѣбъ отънюдъ въ жрътву пріемати. понеже есть нѣкый, и хлѣбъ плача отъ писаніа наричасмъ. и тъи же любезный тѣми опрѣснокъ, хлѣбъ озлобленіа именовася: Но убо и на прѣданіе древънее и апостольское възносять. еже опрѣснокомъ свящеиноднѣйство. се бо паче, крѣпятся. да убо въпросѣмь ихъ. апостоли, латыномъ ли бѣху учителіе. или въселенънѣй всей. явѣ яко въселенънѣй. слышаху бо посилаемыи на проповѣдь. шедше научите вся языки. и убо дѣлы повелѣнъное испльниша. Евангельскою мрѣжею въсю объемъше тварь. Кый убо отъ апостолъ сиему тѣхъ не писанънѣ тайно научи служенію. петрь, или павелъ. ими же паче иныихъ хвалятся. или и оба или и мнозіи дърузи. аще ли же хотятъ, и всѣхъ да глаголютъ. да

всѣмъ досадятъ. како убо посланѣны бывше въсе научити языкы. и тѣмъ же крещати крщеніемъ. равъно же всѣмъ вся творити повелѣвати, елика посилааи тѣмъ заповѣда. и инаа убо подобнѣ иже по всей земли человѣкы научаху, таиньство же благаго пріобъщеніа. разълично къ всей въселенънѣй, латыномъ прѣдаваааху: подобааше, аще убо богоугодъно бѣ опрѣснокомъ служеніе. всѣхъ научавати. аще ли же ни. ниже латыни развѣ аще и сіа глаголютъ. яко или еже въсиихъ опасеніа менъше попекъшеся. не разьньственну вещь оставиша. или другыимъ опасенію завидяще, сіе внесоша разньство. но отъ сихъ убо ни едино же всяко, ниже помыслити прикладно: Аще ли рекутъ некли сънисходящемъ тогда тѣмъ апостоломъ яко немощъномъ. таковаа ждрѣти попустити: И убо азъ аще и истинъно би было супротивоположеніе, не быхъ пріалъ еже на время данъное построенію, въ прочая вся миновати лѣта. иже въ мѣру достигшіимъ възрста исплъненіа Христова, упразднити подобаше младенчьскаа. нынѣ же испадаетъ и сіи тѣмъ извѣтъ. емлетъ бо ся въ судъ суще льженъ. прьвѣе убо, яко прикладенъ бѣ латыномъ никако же ни откуду, опрѣснокъ. некли же ниже познавашеся, да простится убо тѣмъ, яко своимъ объдръжащемся. не бо отъ іудейства, но отъ идолослуженіа съ прочіими языки и тіи тогда обращахуся: Но ниже оно пріиму убо. аще кто глаголетъ. вѣровавшіимъ отъ живущіихъ въ римѣ іудеи, простится некли опрѣснокы жрътва тогда, яко же обычънымъ. такоже отъ онѣхъ навыкъшіимъ латыномъ, даже и доселѣ почитати. понеже и въсуду по земли бѣху іудеие тогда. Отъ начала бо родъ расъсѣяся. много же множае и въ палестины, но ни малы никакоже обрѣтаемъ. ниже іудеомъ симъ простить, ниже онѣми отъ нѣкыихъ иноязычъныихъ пріяти же сеи хранити: Аще ли рекутъ тіи. простится убо некли и дъругымъ, упразднитижеся по сихъ. своими крыли яти быша доблественый. да почто не и отъ тѣхъ сеи съдѣяся, аще же и дасть кто на врѣмя прощеніе. но въ непрѣходимои съвоеволъство съблюдаютъ. и не постыдятся къ въсей вкупѣ разглашающе въселенънѣй. единѣмъ же единыи по сему, злочестивымъ послѣдующе армѣномъ: аще же и оно сматряю. и ниже зъдѣ порокъ супротивъ писнеть. яко въ многыихъ убо отъ опасеніа послабыша апостолы, въ на-

чяло проповѣданіа іудеискоӥ немощи. не отъемлюще обычныихъ языку нѣкаа. и чюдъно ничтоже. супротивное бо би паче было чюдно. аще вънезаапу въ съвръшенънѣйшее възводили бы опасеніе, еще младомудрьныа человѣкы, и зѣло не съвръшенныя. обаче строеніа не просто ниже нерасудънѣ творяху. яко быти и строителъное онѣхъ нестройно. но яже отъ чести же и на врѣмя строимая. о множайшемъ полагаху се иже отъ всѣхъ, не тъгда тъкмо. но и присно съблюдатись хотящаго опасеніа. тѣмъ же въ которомъ любо градѣ. пращающе что любо тамошніихъ немощи сущіимъ инъдѣ посылающе завѣщаваху, не вънимати иже сънисхожденіа ради мѣстнаго строимымъ. Но иже убо отъ языкъ вѣрующіимъ. ниже обрѣзаніе. ниже инь ни единь же законънаго назираніа, поглагааху яремь. сущіимъ же отъ обрѣзаніа, есть егда оставляху нѣкаа отъ отечьскыихъ почитати. помалу же покушахуся прѣстрайти на лучъшаа, и съвръшенънѣйшаа: обрѣза тимоѳеа въ листрѣхъ павелъ. но тамошныихъ ради іудеи. отъ римлянъ же и италъ, и иныхъ языкъ. ино обрѣзаніе истезаше, нерукотворенъно: Пращаху иже о петрѣ, сущіимъ въ іерусалимѣ обрѣзаніе. и павлу же и очиститися повелѣша, и яже въ жрътву подати. но пишаху сущіимъ отъ языкъ. яко изъволися духу святому и намъ. ничтоже множае възложити вамъ тяготу, развѣ нуждьныихъ сихъ огрѣбатися идоложрътвеныхъ. и крове, и удавъленины и блуда. аще и еже удавъленины. потрѣбленъно бысть отъ книгы латыньскые: Сіа узаконополагающіимъ. она строящіимъ. о сихъ изъволися всяко духу же святому и тѣмъ. писаніемъ увѣрити яже по мѣстѣхъ на врѣмя устроенъная, и въ разумъ и вѣдѣніе прѣдлежати твари. и зѣло по лѣпотѣ. да не ина инъдѣ научивъшеи устроивъше по сънисъхожденію, много разъньство и кърамолу церквамъ божіа оставятъ. аще убо петръ, или павелъ. іудеомъ тогда снидоша иже въ римѣ. и тѣхъ немощи опрѣснокъ дароваше. прьвѣе убо, почто тѣмъ и обрѣзаніе не простише, да и обрѣзанъныи нынѣ пріидутъ въ стезаніе. приносящей оттуду опрѣснокъ. кто бо не вѣсть іудеомъ обрѣзаніе, честнѣйшия вещь сущи и любезнѣйшіа паче всѣхъ отческыхъ. и сего попущеніе и прощеніе, о множаемъ бы положили зѣло. и отъ опрѣснокъ, и отъ обычъныхъ всѣхъ. яко и своего ихъ

благородіа велико знаменіе: аще ли же и тъкмо попустити опрѣснокъ дали бы убо. не и явленъно ли всѣмъ инѣмъ строеніе творилъ бы. да не яже немощи, въ еже подобитися привлѣчется. и сіа, коринѳѣномъ не безъ попеченія о таиньствѣ пиша павелъ. ибо и будущіихъ разумомъ богатѣаху паче всѣхъ апостолы. и тьмами церквамъ пророкоша ради еже о будущіихъ утвръжъденіа. не убо имать слово, или не и сеи тѣмъ открытисе. или и открывшеся прѣзрѣтисе. глаголю же, недугъ латыньскый. и яко отълучитися отъ въсее хотѣаху подсолнечные, еже о опрѣсноку одръжаніемъ: И кромѣ же пророчества. умъ имый человѣкъ не убо имать вѣровати. еже толико богопрѣмудъріимъ онѣмъ не вѣдѣти не вѣдѣніе. яко умлъчавъшее се еже на врѣмя опрѣснока прощеніе, сіе отродить супротивъленіе: но нѣсть сіе нѣсть. откуду бо. но потваряють апостоле. и облъгутъ проповѣдникы истины: Възбраняеть же ничтоже, и тъи прочее каковь есть сповѣдати латиньскый опрѣснокъ. късему же и възношеніа его образъ. да и отсуду явленъна будетъ съ безуміемь, и прѣлесть сихъ. въ всѣхъ бо по въсей земли церквахъ хлѣбу ломиму. и вѣрънымъ всѣмъ живоносные причащающіимъся пище. по подобію прьвые въсяко, и Господнее вечере. въ латынѣхъ же бываетъ отъ сихъ ни едино. но прьвѣе убо сътваряють опрѣснокъ. по величеству же и дебелости, худымъ приуподобленъ сребрьничьцемъ. паче же мѣрою убо изъвѣстнѣ равень. дебелостію же и зѣло празднѣйши. таже священъникъ пріемлетъ и възнося. ломити убо и раздавати тъи прѣдстоящіимъ ниже хощеть. ниже можеть. како бо сицевое. Съповѣдую же сіа. не слухомъ пріемь. но самовидѣць онѣхъ служьбы бывъ. Видѣхъ бо видѣхъ жрътву не жрътвену. и непричястно причащеніе. възъвышае убо тъи прьвѣе священъникъ. Таже сице имыи сноситъ въ уста и пожърь цѣливаетъ прочіихъ, елици причященіа ради пріидоша. дрехловахъ убо о прѣлести мужіи, егда сіа зрѣхъ азъ. посрѣдѣ же ми и ослабитися наиде. и ко нѣкоторому близъ стоящу ми рѣхъ тогда. отъ сихъ яже у насъ народна притча пріатъ узърокъ. егда бо дъвѣма нѣкыма или тремъ, мало что отъ снѣдъныихъ подамы. изъвѣсти единому повелѣваемъ. и другыихъ цѣливати. можахъ и инаа множайша о сей рещи вещи

о чюдне. но яко же вездѣ, сице и зъдѣ мѣра добро [1]): Тыи же еже отъ прѣмудраго своего съмысла, слову принеси испытаніе. злату рекъше люді искыи камень. и аще убо ничтоже отметънеши отъ писанъныихъ. не менъше се слову въ благоискусіе, неже елика отъ всѣхъ въкупѣ иныихъ, свѣдѣтельства пріятъ. аще ли же не всѣми спасатисе чистомъ и искушенъномъ, явитьтисе искушающу. очисти сіа прѣтваряя е и прѣстраяе на добрѣйшее. не тъкто же но и прилагае и отъемле елика въ лучъше. идѣже что тебѣ и другъ полъзуется. и аще кто прочътеть дъругый съписаніе: Богу же нашему подобаеть, слава, честь, и покланяніе. нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь.

---

[1]) На полѣ красными чернилами: къ адріанополиту се, къ нему же и начятъ.